

**ВЕСТНИК
Томского государственного университета**

2024. № 503. Июнь

• ИСТОРИЯ	• HISTORY
• ФИЛОЛОГИЯ	• PHILOLOGY
• ФИЛОСОФИЯ	• PHILOSOPHY
• СОЦИОЛОГИЯ	• SOCIOLOGY
И ПОЛИТОЛОГИЯ	AND POLITICAL SCIENCE
• ПЕДАГОГИКА	• PEDAGOGICS
• ПРАВО	• LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2024. № 503. June

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глушенко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р
 филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, д-р биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**,
 д-р физ.-мат. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол.
 наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р
 ист. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч.
 сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р
 геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательства
 Томского государственного университета; **Л.М. Прозументов**, д-р
 юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слижов, канд. хим. наук, доц.; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук,
 проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.;
Г.М. Татянин, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р
 юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук,
 проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р
 пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р физ.-мат. наук, проф.

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor
 (Vice Chairman); **N. Glushchenko**, PhD in History, Associate
 Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and
 Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy,
 Professor; **D. Vorobyov**, Dr. of Biology, Associate Professor;
S. Vorobyov, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**,
 Dr. of Physics and Mathematics; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering,
 Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**,
 Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yerшов**, Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics
 and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy,
 Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor;
O. Petrin, Head of TSU Press; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor;
Z. Sakharova, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**,
 PhD in Chemistry, Associate Professor; **S. Sushchenko**, Dr. of
 Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics,
 Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy,
 Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**,
 Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History,
 Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shragер**, Dr. of
 Physics and Mathematics, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
 д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
 д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
 д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
 д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глушенко,
 канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
 д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
 д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прозументов,
 д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
 канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
 д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
 д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
 д-р пед. наук, профессор

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Vasilii P. Zinoviev,
 Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief
Evgeny V. Borisov,
 Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
 Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
 Doctor of Law, Professor

Executive Editor
Nikita A. Glushchenko,
 PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
 Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
 Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
 Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
 PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
 Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
 Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
 Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Журавлев В.В.** Иконографический извод «Копия иконы Святого Николая на Никольских воротах Кремля, пострадавшей от обстрела во время революции 1917 года»: к истории политических культов в период Гражданской войны 5
- Зиновьев В.П.** Межэтническое разделение труда в Пермской губернии по данным переписи 1897 г. 21
- Клинова М.А.** «Героический, самоотверженный труд горожан!»: эволюция востребованности категорий экстремальности в советской прессе 1946–1956 гг. 27
- Костенко Ю.И., Морозов В.М.** «Соглашения Авраама» и новая реальность в арабо-израильских отношениях 37
- Митюков Н.В., Ким Ю.Л.** Флот Сарапульского леспромхоза по делопроизводственной документации 1928–1938 гг. 53
- Стельмак М.М., Петин Д.И.** «Что, вы хотите, чтобы я подписал себе обвинительный акт». Личность министра финансов белого Омска И.А. Михайлова в оценках его секретаря А.С. Соловейчика 64

ФИЛОЛОГИЯ

- Ганем В.А.** «Китайское путешествие» О.А. Седаковой: коды прочтения 77
- Гоголев Р.А.** Вопросы экологии историко-культурных пространств Нижнего Новгорода в контексте литературного краеведения 88
- Огудов С.А.** Конструирование вымышленного мира в киносценарии Ю.Н. Тынянова и Ю.Г. Оксмана «С.В.Д.» 94
- Симонова Л.А.** Характер дискурсивно-риторической структуры трагедии «Антигона» (1637) Ж. де Ротру 102
- Смолянинов А.В.** Образ Сибири в коллективном поэтическом сборнике «Сибирские мотивы» (1886) 112
- Срмикян В.С.** «Красноярский текст» в «Енисейском альманахе на 1828 год»: к проблеме начала локального культурогенеза 123

ФИЛОСОФИЯ

- Иогансон Е.Н. (Мартин-Иогансон Э.).** Философия техники до и после эмпирического поворота 132
- Петров В.В.** Феномен манипуляции в виртуальном пространстве современной реальности 140
- Царёв Р.Ю.** Постнеклассическая наука и социальное познание 148

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

- Бикерниче А.** Россия в ЮНЕСКО: эволюция деятельности в организации на примере новостной ленты Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО в 2021–2023 гг. 161
- Сергеева О.В.** Вовлекающие и убеждающие ресурсы онлайн-викторин исторической тематики 172
- Шлапек Е.А., Кондратьева С.В.** Развитие и государственная поддержка общественной дипломатии (на примере Фонда Президентских грантов) 181

CONTENTS

HISTORY

- Zhuravlev V.V.** Iconographic version “Copy of the Icon of St. Nicholas on the Nikolsky Gates of the Kremlin, which Suffered from Shelling During the Revolution of 1917”: To the history of political cults in the period of the Civil War 5
- Zinoviev V.P.** Interethnic division of labor in Perm Province according to the Census of 1897 21
- Klinova M.A.** “Heroic, selfless work of the citizens!”: The evolution of the demand for categories of the extreme in the Soviet press of 1946–1956 27
- Kostenko Yu.I., Morozov V.M.** The Abraham Accords and the new reality in Arab-Israeli relations 37
- Mitiukov N.V., Kim Yu.L.** Fleet of the Sarapul Timber Industry Enterprise according to records of 1928–1938 53
- Stelmak M.M., Petin D.I.** “You want me to sign my own indictment.” The personality of Ivan Mikhailov, the Minister of Finance of White Omsk, in the assessments of his secretary Anton Soloveitchik 64

PHILOLOGY

- Ghanem V.A.** Interpreting the codes of *The Chinese Travelogue* by Olga Sedakova 77
- Gogolev R.A.** Issues of the ecology of historical and cultural territories of Nizhny Novgorod in the context of the formation of literary regional studies 88
- Ogudov S.A.** The construction of the imaginary world in the *S.V.D.* screenplay by Yuri Tynyanov and Yulian Oksman 94
- Simonova L.A.** The nature of the discursive-rhetorical structure of the tragedy *Antigone* (1637) by Jean de Rotrou 102
- Smolianinov A.V.** The image of Siberia in the multi-author poetry collection *Siberian Motifs* (1886) 112
- Srmikyan V.S.** The Krasnoyarsk text in *The Yenisey Almanac for 1828*: The problem of the beginning of local cultural genesis 123

PHILOSOPHY

- Martin-Ioganson E.** Philosophy of technology before and after the empirical turn 132
- Petrov V.V.** The manipulation phenomenon in the modern reality’s virtual space 140
- Tsarev R.Yu.** Post-nonclassical science and social cognition 148

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

- Bikerniece A.** Russia in UNESCO: The evolution of Russian policy in the organization using an example of news publications of the Russian Commission for UNESCO Affairs 161
- Sergeyeva O.V.** Engaging and persuasive possibilities of online history quizzes 172
- Shlapenko E.A., Kondrateva S.V.** Government’s role in the development and support of NGO’s diplomacy (case of the Presidential Grants Foundation) 181

ПЕДАГОГИКА

Пешков В.Ф. Параметры оздоровительной силовой нагрузки в процессе многолетних занятий мужчин пожилого возраста	192
Поздеева Е.А. Координационная подготовка студентов-строителей как основа повышения психофизической готовности к профессии	201
Рослякова С.В., Сиврикова Н.В., Соколова Н.А., Черникова Е.Г. Изучение позиции педагогов массовой школы по отношению к инклюзивному образованию	209
Фахрутдинова А.В., Абакумова Н.Н. Многополярный мир и детерминанты организации образования гражданина в школе	221
Prokopyuk, O.V., Solovyeva, O.A., Alipichev, A.Yu., Sergeeva, N.A. (2024) Polycode text as a means of teaching technical vocabulary to engineering students	227

ПРАВО

Аничкин Е.С. Федеральное и региональное законодательное регулирование переходного периода интеграции Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики в состав Российской Федерации	235
Алексеева Т.А., Ахмедшин Р.Л., Ахмедшина Н.В. Тактико-криминалистический анализ речевого символического ряда: психотипологический аспект	245
Мананкова Р.П., Пашкова Г.Г. Лица с семейными обязанностями как субъекты трудового права: закон и доктрина	251
Скоревич А.С. Оптимизация состояния психологических характеристик личности допрашиваемого посредством тактических приемов направленного воздействия	259
Соломин С.К., Соломина Н.Г. Нематериальные блага в правовом механизме компенсации морального вреда	265

PEDAGOGICS

Peshkov V.F. Parameters of health-improving power load in the long-term training of elderly men	192
Pozdeeva E.A. Coordination training of construction students as the basis for increasing psychophysical readiness for the profession	201
Roslyakova S.V., Sivrikova N.V., Sokolova N.A., Chernikova E.G. A study of public school teachers' opinions on inclusive education	209
Fakhrutdinova A.V., Abakumova N.N. The multipolar world and the determinants of organizing a citizen's school education	221
Prokopyuk O.V., Solovyeva O.A., Alipichev A.Yu., Sergeeva N.A. Polycode text as a means of teaching technical vocabulary to engineering students	227

LAW

Anichkin E.S. Federal and regional legislative regulation of the transition period of integration of the Donetsk People's Republic and the Lugansk People's Republic into the Russian Federation	235
Alekseeva T.A., Akhmedshin R.L., Akhmedshina N.V. Tactical and forensic analysis of speech symbols: A psychotypological aspect	245
Manankova R.P., Pashkova G.G. Persons with family responsibilities as subjects of labor law: Law and doctrine	251
Skorevich A.S. Optimization of the state of psychological characteristics of a person interrogated through tactical techniques of targeted influence	259
Solomin, S.K., Solomina, N.G. Intangible goods in the legal mechanism of compensation for moral harm	265

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 94(47)084.3(571)
doi: 10.17223/15617793/503/1

Иконографический извод «Копия иконы Святого Николая на Никольских воротах Кремля, пострадавшей от обстрела во время революции 1917 года»: к истории политических культов в период Гражданской войны

Вадим Викторович Журавлев¹

¹ *Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия* vvzh@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена реконструкции истории политического использования особого иконографического варианта образа Николы Можайского – копий надвратной иконы с Никольской башни Московского Кремля с воспроизведением следов повреждений, нанесенных в ходе боев в октябре-ноябре 1917 г. Иконы с данным сюжетом играли важную роль в идеологическом оформлении колчаковского режима. Сформулирован вывод, что Гражданская война являлась этапом политической истории России, когда православная религиозность широко и сознательно, но неудачно использовалась с целью политической мобилизации.

Ключевые слова: Гражданская война, Святой Николай, Колчак, идеология, православие, чудотворные иконы, политизация религии

Для цитирования: Журавлев В.В. Иконографический извод «Копия иконы Святого Николая на Никольских воротах Кремля, пострадавшей от обстрела во время революции 1917 года»: к истории политических культов в период Гражданской войны // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 503. С. 5–20. doi: 10.17223/15617793/503/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/503/1

Iconographic version “Copy of the Icon of St. Nicholas on the Nikolsky Gates of the Kremlin, which Suffered from Shelling During the Revolution of 1917”: To the history of political cults in the period of the Civil War

Vadim V. Zhuravlev¹

¹ *Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation*, vvzh@mail.ru

Abstract. The aim of this article is to reconstruct the history of the iconographic version of the “Copy of the Icon of St. Nicholas on the Nikolsky Gates of the Kremlin, which Suffered from Shelling During the Revolution of 1917 on 31 October”. This will make it possible to add information on the religious and political-ideological evolution of Russian society during the Civil War. The type of the icon under study reproduced the appearance of the fresco of St. Nicholas from one of the Kremlin towers after its damage during the storming of the citadel by the Red Guards. After the spontaneous destruction of the decorative red cloth hiding the icon on 2 May 1918, which many Orthodox believers perceived as a miracle, this icon acquired the status of an anti-Bolshevik symbol. It is likely that between 22 May and mid-June 1918 at least two surviving copies of the damaged Kremlin fresco were produced in Moscow or in the central region, in one of the icon-painting workshops. The article explains under what circumstances, when and why one of these icons ended up in Perm, at Archbishop Andronik (Nikolsky). The circumstances of the presentation of this icon to Alexander Kolchak as a blessing by the administrator of the Perm Eparchy, Bishop Boris (Shipulin), are detailed. On 15–16 March 1919, during the meetings between Kolchak and Archbishop Sylvester (Olshevsky), two initiatives were launched. First, it was decided to publish a mass of leaflets with an image of the icon and a story about it. Second, it was decided to hold two “religious-patriotic processions” in Omsk on 23 March and 30 March 1919, with the gift from Bishop Boris at the center of these demonstrations. Soon, the *Russkaya Armiya* newspaper published an article “Significant Icon of St. Nicholas the Wonderworker”. Therein, the creators of the newly formed cult outlined a kind of a “legend about the miracle-working icon”. Both processions received a broad media coverage and contributed to the design of the ideology of the Kolchak regime. The political part of the action went beyond the confessional boundaries; representatives of the interventionists—Protestants and Catholics—played an important role there. The article describes and analyses eight images of this iconographic version, some of which are introduced for the first time. The information is added about the iconographers who made some of these icons: A. Y. Vashurov and I. V. Volkov. The history of these icons at the final stage of the Civil War and afterwards in emigration is reconstructed. The conclusion is made that

Orthodox religiosity was widely and deliberately used by the counter-revolutionary authorities for the purposes of political mobilisation. The powerful religious substratum of Russian culture favoured the emergence of new but intrinsically traditional symbols, like this icon. However, the mobilisation potential of the new symbols was limited by the general nature of the ideological system of the anti-Bolshevik movement. Religious symbolism failed to become a truly consolidating political instrument.

Keywords: Civil War, Saint Nicholas, Kolchak, ideology, Orthodoxy, miracle-working icons, politicization of religion

For citation: Zhuravlev, V.V. (2024) Iconographic version “Copy of the Icon of St. Nicholas on the Nikolsky Gates of the Kremlin, which Suffered from Shelling During the Revolution of 1917”: To the history of political cults in the period of the Civil War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 503. pp. 5–20 (In Russian). doi: 10.17223/15617793/503/1

19 февраля 1919 г. в город Пермь прибыл вождь антибольшевистского движения адмирал А.В. Колчак. Посещение этого губернского центра явилось кульминацией длительной, более полумесяца, поездки Верховного Правителя по прифронтовым районам. Приехав в город на литерном поезде, А.В. Колчак с вокзала прежде всего направился в кафедральный Спасо-Преображенский собор, где был встречен незадолго до того назначенным управляющим Пермской епархией епископом Борисом (Шипулиным), в свою очередь лишь накануне добравшимся в город [1. 17 февраля]. В местной газете был опубликован полный текст приветственной речи епископа Бориса, которую архиерей завершил следующими словами: «В знак молитвенного нашего с Вами общения и в молитвенную память о нас позвольте поднести Вам, Ваше Высокопревосходительство, по русскому обычаю, кроме хлеба-соли, Святую икону Великого угодника Божия Николая Чудотворца, Покровителя плавающих и путешествующих. Образ этот, не блещущий богатством украшений, представляет точный снимок с чудотворного лика Чудотворца на Никольских вратах Священного Кремля, который сохранился невредимым в великую Отечественную войну 1812 г., но который не пощадила рука предателей Родины... Да будет образ этот Вашим защитником и покровителем и в Ваших ратных подвигах, и в Ваших делах государственного строительства». Далее репортер сообщил, что «с последними словами епископ благословил Верховного Правителя Св[ято]у иконою» [1. 20 февраля].

Этой своеобразной иконе – копии поврежденного «можайского» образа Св. Николая с одноименной башни Московского Кремля – предстояло стать важнейшим артефактом своего рода *контрреволюционного политического культа* и занять в этом качестве заметное место в формирующейся идеологической системе антибольшевистского движения на востоке страны. Обращения к таким не вполне привычным для традиционной политической истории артефактам, источникам и исследовательскому инструментарию требует еще не написанная история «политических культов» в России эпохи революции и Гражданской войны.

В предшествующей публикации [2] мы реконструировали несколько сюжетов, так или иначе затронутых епископом Борисом в своей речи. Во-первых, была рассмотрена дореволюционная символическая генеалогия кремлевской надвратной фрески Николы «с мечом и градом». Было показано, что древний, восходящий к XVI в. стенописный образ обрел новый статус

после того, как он уцелел в ходе попытки Наполеона разрушить сооружения Кремля. Во-вторых, была описана связанная с памятью о войне 1812 г. практика мемориализации следов противостояния с «варварами-галлами», носителями «духа безбожия и революции». Было установлено, что в XIX в. эта практика подразумевала в некоторых случаях изготовление икон с художественно воспроизведенными повреждениями от ружейного и артиллерийского огня. Наконец, была исследована история обретения политического символизма данной кремлевской иконой в ходе событий ноября 1917 – мая 1918 гг. В ходе событий Октябрьской революции в Москве кремлевским сооружениям, в том числе Никольской башне, был нанесен заметный урон. Однако эксклюзивное значение надвратная икона Никольской башни получила после «майского чуда», когда на следующий день после торжеств на Красной площади 1 мая 1918 г. «раздралась» и спала промокающая под дождем кумачовая драпировка данного образа. Событие возбудило стихийное поклонение данной фреске, быстро поддержанное как антибольшевистской прессой, так и церковной иерархией. Массовый крестный ход на Красной площади в «Николин день» 22 мая 1918 г. выступил как близнец и антагонист проходившей там же торжественно-траурной манифестации в «День Интернационала» 1 мая того же года. Символический конфликт на Красной площади послужил семиотическим прообразом надвигавшейся на страну полномасштабной гражданской войны.

Изучение дальнейшего исторического бытия данной иконы и порожденного ею иконографического извода, позволяющее дополнить историю как религиозной, так и политико-идеологической эволюции российского общества в эпоху Гражданской войны, и является предметом настоящей статьи.

* * *

Стихийные события у Никольской башни 2 мая 1918 г. и вызванный ими беспрецедентный успех уже хорошо организованного крестного хода 22 мая 1918 г. поставили поврежденную икону Св. Николая (рис. 1) в совершенно исключительное положение среди иных московских (в частности, кремлевских) разрушений. Именно тогда повреждения надвратного образа были истолкованы как самостоятельный символ всего ущерба, нанесенного революцией, а освобождение образа от красной завесы – как провозвестие падения революционной власти. Наиболее вероятно, что именно около 22 мая родилась идея создания иконописного образа, в котором, подобно тому, как это ранее делалось на малоярославских иконах, были бы запечатлены

следы обстрела. Позднесоветский атеистический автор Г.Г. Прошин высказывал следующее наблюдение: «Строго говоря, распространялась не икона, а живописное произведение на тему о ее повреждении» [3. С. 182]. Его мысль, хотя и лишь отчасти, верна.

Образ-копия, несомненно, является полноценной иконой, но в то же время, как удачно отмечено, данный образ задумывался, создавался и распространялся как икона именно «на тему о повреждении».

Рис. 1. Фотографии надвратного образа Св. Николая. Московский Кремль. XVI в., с поновлениями XIX в., с повреждениями, нанесенными в ходе боевых действий 1917 г. Фотограф Н.Н. Ушаков. 1918(?)–1919 гг. Коллекция Государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. А.В. Щусева

Более того, ее «распространение» выразалось в изготовлении нескольких иконописных произведений с единой темой, т.е. в формировании *иконографического извода*. Сегодня нам известно о том, что в это время (на протяжении мая и, возможно, одного-двух последующих месяцев 1918 г.) были написаны как минимум две иконы, дошедшие до наших дней, одной из которых предстояло сыграть особую, политическую роль.

Первая икона загадочна по своему происхождению. Известен лишь современный отрезок ее истории. 1 декабря 2017 г. президент Российской Федерации В.В. Путин посетил заседание Архиерейского собора Русской православной церкви и, в частности, преподнес в дар патриарху Кириллу икону Св. Николая обсуждаемого извода в современном киоте, художественно воспроизводящем архитектурные формы Никольской башни. В нашем распоряжении имеются только официальные фотографии с сайтов Кремля [4] и Патриархии [5], где икона видна только в общих чертах, а также несколько более детальных кадров из видеорепортажа «Вестей» (рис. 2).

Другая икона 19 февраля 1919 г. в Перми была поднесена в дар А.В. Колчаку управляющим Пермской епархией епископом Борисом (Шипулиным) [1. 17 февраля]. Долгое время все данные о ней ограничивались неполным набором лаконичных письменных источников, что привело к возникновению эффекта историографического «испорченного телефона» и распространению в исторической литературе целого ряда связанных с ней мифов. Несколько лет назад эта икона (рис. 3), находящаяся в частном собрании, была обнаружена, идентифицирована, прошла проверку на подлинность и была подвергнута детальному искусствоведческому исследованию. Главным идентифицирующим признаком является дарственная надпись на тыльной стороне иконы: «Провидѣніемъ Божиимъ поставленный // спасти и собрать опозоренную и разоренную // Родину прими отъ православного града // первой спасенной области дар сей – // святую икону. // И да поможетъ тебѣ Всевышній // Господь и угодникъ Святой Николай // достигнуть до сердца Россіи – // Священной Москвы. // В день посѣщенія г. Перми 19/6 февраля // 1919 года.».

Рис. 2. Икона извода «Копия иконы Святого Николая на Никольских воротах Кремля, пострадавшей от обстрела во время революции 1917 года октября 31 дня». На поле иконы надписи: «С[вя]тѣй Николай» и «ЧУДОТ». Была подарена президентом Российской Федерации В.В. Путиным патриарху Кириллу 1 декабря 2017 г.

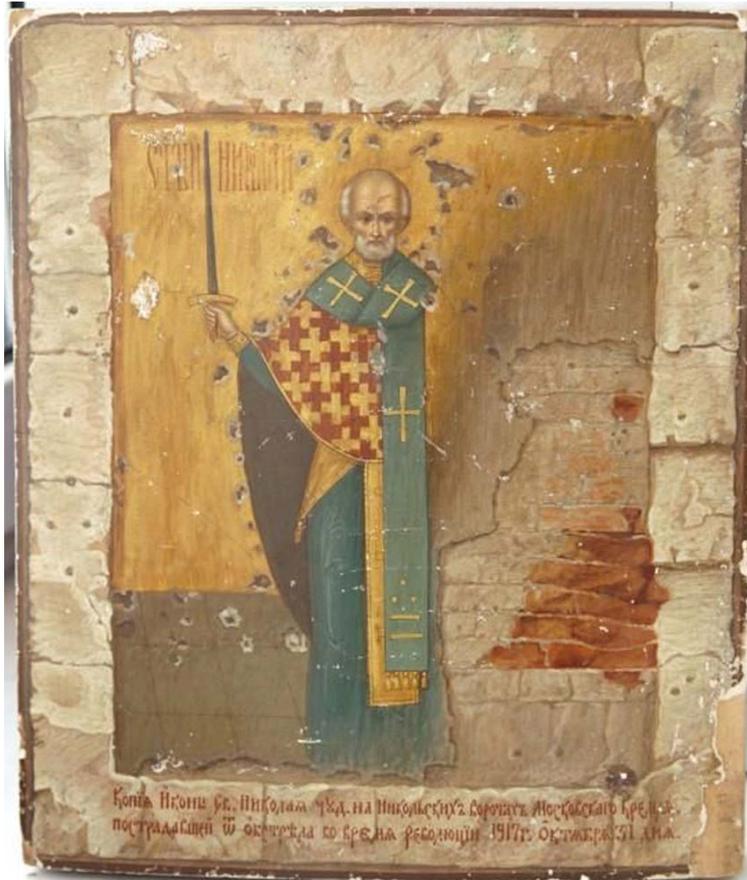

Рис. 3. Икона извода «Копия иконы...». На поле иконы надпись: «С[вя]тый Николай». Была подарена А.В. Колчаку 19 февраля 1919 г. Коллекция А.В. Болдырева

Размер иконы – 31×26,5 см. Состав красок сложный, профессиональный, характерный по ингредиентам для иконописи начала XX в. Манера письма также вполне профессиональная, характерная для эпохи. Внизу на лицевой стороне иконы размещена надпись полууставом в две строки: «Копия Иконы Св. Николаа Чуд. на Никольскихъ воротахъ Московскаго Кремля, // пострадавшей ѿ обстрѣла во время революціи 1917 г[ода] Октября 31 дня.»

По своему колористическому решению, манере письма и надписи на нижнем крае¹ две иконы – «патриаршая» и «колчаковская» – очень близки, хотя и не абсолютно идентичны. Они либо были написаны в одной мастерской практически одновременно, либо одна из них послужила протографом для другой. Сам факт практически одновременного изготовления как минимум двух икон говорит в пользу организованной деятельности, вероятно кого-то из членов Поместного Собора.

По поводу происхождения этой иконы имеется свидетельство. 23 марта 1919 г. в омской официальной военной газете «Русская армия» была опубликована статья некоего автора, писавшего под псевдонимом «Верующий», под названием «Знаменательная икона Св. Николая Чудотворца». В ней о происхождении «колчаковской» иконы сообщалось следующее: «...есть основание предполагать, что (икона. – В.Ж.) принадлежала самому Архиепископу Пермскому Андронику, бывшему епископом Омским, горячему поборнику веры

православной, много потерпевшему за свою стойкость и, по имеющимся сведениям, даже принявшему мученическую кончину от большевиков» [б. 23 марта].

Андроник (Никольский), епископ Пермский с июля 1914 г., принимал участие в работах Поместного собора, был одним из активных и авторитетных его участников. Именно Андроник «после Октябрьской революции 1917 г. обеспечивал выход в свет документов и посланий собора», и вероятно, мог иметь отношение также к изданию брошюры епископа Нестора (Анисимова), посвященной обстрелу Московского Кремля [7]. В декабре 1917 г. Андроник ненадолго посетил свою епархию. Архидией бескомпромиссно отстаивал церковные интересы, вступая в конфронтацию с пермскими советскими властями. После возвращения в Москву, 12 апреля 1918 г. указом патриарха Тихона он был возведен в сан архиепископа. Вслед за этим, вновь возвратившись в Пермь, «Андроник стал готовить духовенство и паству к предстоящему общегородскому крестному ходу, который состоялся в четверг по Пасхе, 9 мая [26 апреля ст. ст.] 1918 г., в день памяти святителя Стефана Пермского. Во главе с Андроником в нем приняли участие несколько тысяч верующих Перми». Во время крестного хода Андроник анафематствовал «посягающих на храм Господень, доколе они не исправятся». 11 мая 1918 г. Андроник писал патриарху Тихону: «Я пока на свободе, но, вероятно, скоро буду арестован». В ночь на 17 июня архидией был взят под арест и 20 июня убит сотрудниками Пермской ЧК [8].

Как видно, «Верующий» сообщал читателям о принадлежности иконы Андронику (Никольскому) лишь предположительно. Возможно, что его авторский замысел заключался лишь в том, чтобы связать икону с более авторитетным архиереем, чем Борис (Шипулин), и тем поднять ее значение. Если обстоятельства и факт кончины архиепископа Пермского оставались на тот момент в области слухов, то история его противостояния с советскими властями Перми была известна достаточно хорошо [9. 16 марта].

Если же предположение автора статьи действительно имело серьезные основания, то, учитывая приведенные биографические вехи (к сожалению, не везде достаточно подробные и четкие), можно заключить, что, во-первых, Андроник мог иметь отношение к изготовлению «колчаковской» иконы. Во-вторых, в таком случае она могла быть изготовлена в каком-то из традиционных центров иконописания (в Москве или в центральном регионе), а затем привезена архиереем или кем-то из его помощников в Пермь. В-третьих, в таком случае она не могла быть создана позднее первой половины июня 1918 г. по н. ст.

На сегодняшний день – это все данные, которые прямо или косвенно говорят о происхождении иконы, подаренной А.В. Колчаку 19 февраля 1919 г.²

* * *

А.В. Колчак вернулся в Омск из своей поездки по прифронтовым районам 26 февраля 1919 г. На следующий день Верховный Правитель принял у себя в резиденции членов Совета министров Российского правительства. Колчак «довольно подробно докладывал о своих впечатлениях от поездки». Описывая этот прием в своем дневнике, председатель Совета министров П.В. Вологодский остановился на такой колоритной детали, как дары, полученные Колчаком. «Министрами были осмотрены те подношения, которые были сделаны Верхов[ному] Правителю за время его путешествия по фронту. Некоторые из этих подношений высокой художественной работы. Напр[имер], образ Николая Чудотворца (копия образа на Никольских воротах в Кремле после революционных дней 1917 г[ода]) из уральских камней, резной работы блюда и т[ому] п[одобное]» [11. С. 149–150].

В заметке «Подношения и адреса Верховному Правителю», опубликованной газетой «Русская армия» на следующий день, говорилось: «Во время поездки <...> Верховному Правителю, адмиралу А.В. Колчак[у], различными группами населения было сделано много подношений. В их числе имеются <...> от Пермского епископа – копия иконы Николая Чудотворца, что на Никольских воротах Московского Кремля, пострадавших от обстрела во время революции в 1917 году 31 октября <...>». «Уральские камни» тоже упоминались, например, «от Уральского горн[ого] управления – коллекция минералов Урала» [6. 28 февраля].

Спустя две недели, 11 марта 1919 г., эта коллекция, временно перенесенная в зал заседаний Совета министров, была предоставлена для осмотра представителями печати. Газета «Сибирская речь» посвятила описанию этого собрания подарков специальную заметку

«Вещи и адреса, поднесен[ные] Верховному Правителю». Журналист писал: «На узких длинных столах, покрытых красным сукном и украшенных живыми цветами были разложены вещи и адреса». Далее перечисляются приветственные адреса, кратко характеризуются декоративные блюда и другие предметы посуды, а также «оружие художественной работы», поднесенные на Урале А.В. Колчаку. Заключительное предложение гласило: «Рядом с оружием была выставлена икона-складень, копия с иконы Николая Чудотворца, пострадавшей при обстреле большевиками Кремлевских ворот» [12. 16(3) марта].

Впоследствии коллекцию вернули в Дом Верховного Правителя. Генерал-лейтенант М.А. Иностранцев вспоминал, что в весной 1919 г. в резиденции адмирала размещалась своего рода выставка этих подарков. «В зале наше внимание обратил на себя стол с полкой, покрытой голубым сукном, на котором были расположены золотые, серебряные и резные деревянные блюда, поднесенные Верховному Правителю различными, посещенными им, городами, или же депутациями» [13. Л. 55]. Однако об иконе он не упоминал.

«Колчаковская» икона не несет на себе никаких следов украшений «уральскими камнями», более того, напомним, что епископ Борис, вручая икону адмиралу, охарактеризовал ее как выглядящую скромно, ничем не украшенную. Однако, согласно свидетельству «Сибирской речи», икона была одета в ковчег-складень, возможно украшенный «уральскими камнями», если, конечно, сам П.В. Вологодский не спутал впечатление от иконы с впечатлениями от других подарков.

Очевидно, какое большое политико-идеологическое значение придавали адмирал и его окружение всему, что было связано с февральским турне. Нарративы этой поездки востребовались для воздействия на самые различные аудитории: военную, образованную городскую, зарубежную. Дар епископа Бориса также казался более чем уместным.

Как сообщалось в прессе, 15 марта Верховный Правитель посетил председателя Временного Высшего церковного управления Сибири, архиепископа Омского Сильвестра (Ольшевского), а на следующий день Сильвестр «отдал визит», ответно посетив Верховного Правителя в его резиденции [12. 18(5) марта]. Колчак не мог не показать архиепископу икону Св. Николая и, судя по позднему письму Сильвестра, обратился к нему с просьбой собрать для него сведения, касающиеся московского прообраза подаренной ему иконы.

Видимо, именно в ходе этих встреч возникла идея издания массовым тиражом «народного листка» – листовки с изображением иконы и рассказом о ней, а также была выдвинута и обсуждена инициатива о проведении в Омске особого мероприятия – «религиозно-патриотического крестного хода» (или, точнее, двух связанных крестных ходов с недельной паузой между ними) с постановкой в центр «сценария» этого молебствия иконы-дара епископа Бориса.

19 марта 1919 г. архиепископ провел с представителями омских приходов совещание, на котором «все с полной готовностью единодушно высказались за

крестный ход». Был выработан примерный сценарий или, по выражению Сильвестра, «порядок дела».

21 марта 1919 г. по н. ст. Сильвестр представил выработанный документ на согласование А.В. Колчаку: «Если бы Вы, по Вашим соображениям, нашли нужным изменить что-нибудь в выработанном порядке, покорнейше прошу сообщить мне, и я немедленно сделаю соответствующие распоряжения нашим церковным работникам».

Далее архиерей возвращался к ранее поставленным А.В. Колчаком вопросам: «Относительно описания знаменательной иконы Святителя Николая наведены мною всякие справки, и такового не имеется в Омске. В начале 1918 г. в Москве Священным Собором издано было иллюстрированное описание произведенных большевиками разрушений Кремля и поруганных святых – там имеется описание и Вашей святой иконы». Впрочем, ни одного экземпляра брошюры Нестора в Омске также не обнаружилось. По мнению Сильвестра, «для народного листочка можно было бы ограничиться имеющимися краткими сведениями» [14].

Через два дня «Русская армия» опубликовала уже упоминавшуюся статью «Верующего», изложившего модернизированным языком своего рода версию «сказания» о чудотворной иконе [15] так, как оно виделось создателям оформляемого культа.

Текст статьи может быть разделен на семь тематических блоков. (1) Сперва автор ведет речь о Москве и Московском Кремле, объединяя в своем рассказе церковные и светские святые (русскому православному человеку всегда были дороги «кремлевские стены, охраняющие драгоценные, вековые реликвии, религиозные и исторические»), перечисляет минувшие угрозы, упоминая поляков и французов. (2) Далее он переходит к рассказу о взятии Кремля большевиками в 1917 г., концентрируя внимание на иконе Св. Николая на Никольской башне; приводит описание иконы, одновременно поврежденной и невредимой. (3) Затем автор приводит свою версию легенды о «чуде с полотнищем». (4) Истолковывает меч в руке святителя, проводит параллели с эпизодом жития Св. Николая, когда святитель ударил богохульника Ария. «Хочется верить, что святитель Николай <...> подъял свою грозную десницу на врагов церкви-большевиков». (5) Описывает потребность помолиться у московских святых. «И вот оказывается, что у Верховного Правителя адмирала А.В. Колчак[а], глубоко верующего человека, имеется художественно исполненный список с этой иконы Святителя в том именно виде, в каком она теперь в Москве». (6) Финальная часть текста представляет собой «предписание поклонения» и описание формы этого поклонения: «Икону эту Верховный Правитель разрешает взять в Успенский собор для поклонения на неделю. Вознесут ее с крестным ходом, который пойдет сегодня в воскресенье 10/23 марта в 12 часов дня от Никольского собора, куда соберутся крестные ходы из всех приходских церквей и отнесут в Успенский собор. (7) Заключался текст молитвенным возгласием: «Да услышит Великий Чудотворец Святитель Мир Ликийских Св. Николай горячие молитвы верующих людей и да поможет он избавить Русь

Святую от насевших на нее полчищ врагов церкви и родины!».

Крестный ход состоялся 23 марта 1919 г., в воскресенье третьей недели Великого Поста. Газета «Русская армия» посвятила этому событию подробнейший репортаж.

В нем событие именовалось «грандиозный крестный ход», и указывалось, что в нем участвовали прихожане всех церквей Омска. У дома Верховного Правителя ход остановился, и избранное духовенство и представители общин прошли в зал, где был отслужен специальный молебен перед «колчаковской» иконой. «После молебна икона Св. Николая Чудотворца была изнесена Владыкой Сильвестром из дома и двора за ограду».

А.В. Колчак вышел из резиденции и присоединился к ходу. Репортер подчеркивал его участие как простого, «обычного» верующего: «Верховный Правитель вышел из дому в простой солдатской шинели и идет в толпе с крестным ходом». Однако после присоединения Колчака характер публичного действия резко изменился. К ходу организованным порядком присоединились военнослужащие, пешие и конные казаки, затем появились оркестры (что, мягко говоря, совсем не типично для православного крестного хода), по ходу движения процессии вдоль улиц были выстроены шпалеры войск. Затем, и на это журналист обращает внимание, присоединяются иностранцы (очевидно, не православные), сначала как наблюдатели, затем как полноценные участники действия: «На горе фотографы, большей частью иностранные офицеры с кодаками снимают процессию <...> У самого собора представители союзных держав и наше высшее начальство».

Репортер закончил рассказ сообщением о главной святыне: «Служат молебен и по окончании его, обносят икону по рядам войск и вносят в собор, где и возлагают посреди храма на аналой для поклонения <...> Икона останется для поклонения на всю неделю. В субботу будет отслужена всенощная с молебном, после которого икона будет с крестным ходом обнесена вокруг города и возвращена в дом Верховного Правителя» [6. 25 марта].

Прежде всего, не может не обращать на себя внимание двойственный, церковно-политический характер события. Политическая часть действия даже выходила за конфессиональные рамки. Кроме этого, в православной традиции третьи воскресенье Поста и вся следующая за ним неделя именуются «крестопоклонными», богослужения и девициональные практики сконцентрированы вокруг символа Креста. Однако, в данном случае, акценты были очень существенно смещены. Идеологический дизайн крестного хода в Омске был решен как своего рода «продолжение» уральской поездки Верховного Правителя.

Через неделю, 30 марта, в четвертое воскресенье Великого поста, состоялся второй, не меньший по масштабам крестный ход, продолжавшийся более семи часов.

3 (16) апреля статью о втором крестном ходе в свою очередь опубликовала газета «Сибирская речь». Обозреватель с первой строчки указывает на экстраординарность события и его синтетическую природу:

«В воскресенье 17 (30) марта в нашем городе состоялся редкий религиозно-патриотический крестный ход» (словосочетание «религиозно-патриотический» подчеркнуто тем, что оно вынесено и в заголовок статьи). Во главе крестного хода на этот раз шли архиепископ Сильвестр и епископ Борис (Шипулин), специально прибывший в Омск. «Крестный ход последовательно проходит мимо всех приходских церквей, с остановкой у каждой из них, а именно у Крестовоздвиженской, Братской, Ильинской, Михайловской, Петропавловской, Казанской Кладбищенской, Знаменской, Никольского Казачьего Собора. У всех церквей совершается краткое молитвословие, настоятель местного храма произносит слово <...>».

Журналист отдельно выделяет фрагмент из проповеди архиепископа Сильвестра: «Не напрасно совершили большевики поругание святой иконы. Бог прославил ее еще больше – поруганную. Видите – меч в руке Святителя. Он цел и невредим. Под грозным водительством Святителя Николая Чудотворца пойдет Русская армия спасать Русскую Землю». Это – первое зафиксированное в известных нам источниках истолкование богословского значения сохранности правой части иконы на Никольской башне. Характерно, что истолкование это не столько теологическое, сколько военно-политическое.

Несколько иначе развернул ту же тему священник Казачьего Николаевского собора Леонид Покровский: «Указывая на чудесное сохранение иконы, он видит в этом особое предзнаменование. Именно икона Святителя Николая Чудотворца находится у Верховного Правителя в Омске, в Сибири. Он верит, что плененная Москва, ранее собиравшая землю Русскую, передала список со своей святыни, как свое благословение на великое дело. Святитель Николай – покровитель Сибирского войска. Сибирские казаки первые примкнули к чехословакам для освобождения Омска. Они первые пойдут и на освобождение Москвы». О. Леонид строил свою проповедь, отталкиваясь не от события повре-

ждения иконы, а в соответствии с православной традицией, опираясь на факт ее сохранения. Характерно упоминание союзников, чехословаков, католиков и протестантов. Однако главное – это глубоко традиционный, конечно, с поправкой на модернизацию, мотив *translatio sacri*, связанный и с мотивом *translatio imperii*. Не провинциальная Пермь, по словам о. Леониды, передавала святыню Омску, а именно сама Москва, причем Москва в ее имперской функции «собираательницы земель», ныне «плененная», подобно тому как «плененным» в русской патриотической пропаганде периода Первой мировой войны рисовался Константинополь.

«На дворе у крыльца Верховный Правитель встречает икону, – завершает рассказ журналист. – Архиепископ благословляет иконой Верховного Правителя и народ и вносит ее в дом» [12. 3 (16) апреля].

Еще 1 (14) апреля на разворачивание в Омске такого экстраординарного почитания «иконы-копии» отозвались «Пермские епархиальные ведомости», напомнив своим читателям о «пермском» происхождении чтимой иконы и озвучив инициативу изготовления списка иконы для Пермского кафедрального собора: «Хорошо бы было, если бы пермские православные приходы точно такую же копию иконы приобрели бы и для Перми, поставив ее в своем кафедральном соборе для постоянного напоминания о нашем освобождении и для молитв за того, кому мы были обязаны своим освобождением» [16. 1 (14) апреля].

В фондах Государственного музея истории религии хранится образ, изготовленный иконописцем А.Я. Вашуровым (рис. 4). Размер иконы – 26,6×22 см. Внизу на иконе надпись уставом в две строки: «КОПИЯ ИКОНЫ СВѢ НИКОЛАА ЧУДѢ НА НИКОЛЬСКИХЪ ВОРОТАХЪ МОСКОВСКАГО КРЕМЛЯ, ПОСТРА//ДАВШЕЙ ѿ ОБСТРѢЛА ВО ВРЕМА РЕВОЛЮЦІИ 1917 ГОДА ОКТАБРЯ 31 Д[НА]». У иконы имелся простой деревянный киот с указанием фамилии иконописца, ныне утраченный [17].

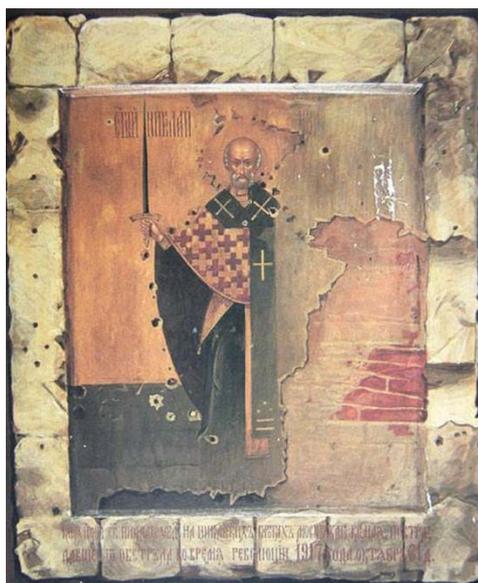

Рис. 4. Икона извода «Копия иконы...». На поле иконы надписи: «С[в]я[т]ый Николай» и «Чуд». Иконописец А.Я. Вашуров. Коллекция Государственного музея истории религии

В Москве в начале XX в. действовали как минимум две иконописные мастерские, принадлежавшие членам клана Вашуровых – широко известная мастерская Алексея Яковлевича Вашурова, возникшая в 1908 г., и организованная несколько позднее, в начале 1910-х гг., мастерская его родственника А.М. Вашурова [18. Л. 3]. А.Я. Вашуров – один из наиболее ярких московских иконописцев эпохи Серебряного века, создатель оригинального иконописного стиля. В 1935 г. он, на тот момент реставратор и сотрудник Центрального антирелигиозного музея в Москве, передал в дар музею свою коллекцию в составе около двух десятков икон «вашуровского письма», в том числе данную икону. В 1946–1947 гг. икона была вместе с другими фондами ликвидируемого Центрального антирелигиозного музея в Москве передана в коллекцию ленинградского Музея истории религии и атеизма [19. С. 27–28].

Согласно документам Пермского научно-промышленного музея и Пермского губернского комитета по охране памятников искусства и старины, А.Я. Вашуров по состоянию на 1920 г. проживал в Перми и состоял на службе в данных организациях [20]. С пермскими местами Вашурова соединяли давние связи (иконы его работы были приобретены несколькими храмами и монастырями региона, а также богатейшими пермскими купцами Каменскими, кроме того, имеется гипотеза о происхождении рода Вашуровых из расположенной в окрестностях Перми деревни Вашуры).

Можно предположить, что Вашуров выехал в Пермь в 1918 г. и естественным образом, являясь единственным крупным мастером, находившимся в регионе, был весной 1919 г. привлечен к исполнению заказа на изготовление для Пермского кафедрального собора копии иконы. В связи со взятием города красными войсками образ остался у иконописца, а по возвращении в Москву в 1921 г. Вашуров забирает его с собой.

Идея снятия копий с «колчаковского» образа реализовывалась и иначе – в форме массового издания листовок с его изображением, которая была инициирована еще в марте 1919 г.

Первая из известных листовок данного содержания отложилась в делах Следственной комиссии Иркутского политцентра [21. Л. 207–208]³ (рис. 5). На листовке гриф: «Печатано с благословения Высокопреосвященного Сильвестра, Архиепископа Омского и Павлодарского, председателя Временного Высшего церковного управления». Икона изображена графически, без полутонов, в один цвет. На лицевой стороне иконы воспроизведен текст дарственной надписи Колчаку от епископа Бориса. На обратной стороне – краткий (10 предложений) текст, излагающий историю иконы, два чуда, причем второе распространено на две даты – 1 и 22 мая. В заключение призыв к почитанию: «Помолитесь русские люди Святителю Угоднику дабы укрепил Господь Верховного Правителя нашего и Рать Православную в тяжелой борьбе их с безбожными насильниками».

Рис. 5. Фрагмент с листовки с изображением иконы извода «Копия иконы...». На поле иконы надпись: «С[в]я[т]ый НИКОЛАЙ». Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-341: Политический центр (Исполнительный орган Временного совета Сибирского народного управления)

Слабые возможности типографий, находившихся на территории, контролируемой российским правительством адмирала А.В. Колчака, приводили к тому, что листовки тиражировались в разных типографиях, с рисунками, выполненными разными художниками.

Идея создания полноценных списков образа, находившегося в резиденции Верховного Правителя, постепенно реализовывалась. 21 мая 1919 г., в канун праздника Николы Вешнего и в годовщину московского крестного хода к Никольской башне Кремля, у А.В. Колчака на приеме побывала делегация представителей Сибирского казачьего войска в составе исполнявшего должность войскового атамана полковника Е.П. Березовского, войскового старшины А.Г. Грызова, чиновника Ходакова [22. 27 (14) мая]. Одним из вопросов, который обсуждался на встрече, было ходатайство войскового руководства о разрешении снять «копии с образа Св. Николая, поднесенного Верховному Правителю епископом Пермским, являющегося списком с обстрелянной большевиками иконы Св. Николая на Никольских воротах Кремля в Москве. Копии эти предназначаются одна для Войскового Никольского Собора, другая для благословения Сибирской казачьей дивизии» [22. Л. 44–44 об.]. Мастером, которому было поручено это дело, являлся преподаватель Омской учительской семинарии и известный омский художник И.В. Волков.

Этот живописец был прежде всего пейзажистом и автором бытового жанра, а его художественная манера явно тяготела к импрессионизму. Однако в юности он

три года (1891–1893) учился в Московской иконописной мастерской, а среди его работ несколько были созданы на православные сюжеты. Кроме того, он состоял членом «Общества художников и любителей изящных искусств Степного края», находившемся в тесных взаимоотношениях с колчаковской администрацией [23. С. 35; 24. С. 95–97].

* * *

В июле 1919 г. в Омске было образовано Гермогеновское религиозно-патриотическое братство, архиепископ Сильвестр писал: «Намечаем ряд мер, организуются Гермогеновское религиозно-патриотическое братство (в честь московского патриарха Гермогена), приступили к делу патриотической нарочитой проповеди в городских церквях, совершено богослужение в американском госпитале, намечается производство сбора белья для армии...» [25. Л. 1–3]. Архиерей поддержал движение «крестоносцев», инициированное пермским профессором Д.В. Болдыревым.

20 августа 1919 г. И.В. Волков получил пропуск в Дом Верховного Правителя для работ по снятию копий [26. Л. 43]. Первая из двух «копий» («предназначавшаяся... для Войскового Никольского Собора») работы Волкова сохранилась и ныне принадлежит к коллекции иконописи Искитимского городского историко-художественного музея [27] (рис. 6). Размер иконы 22×26,5 см, т.е. она несколько меньше «колчаковского» оригинала. На нижнем поле иконы надпись, полностью совпадающая с надписью протографа.

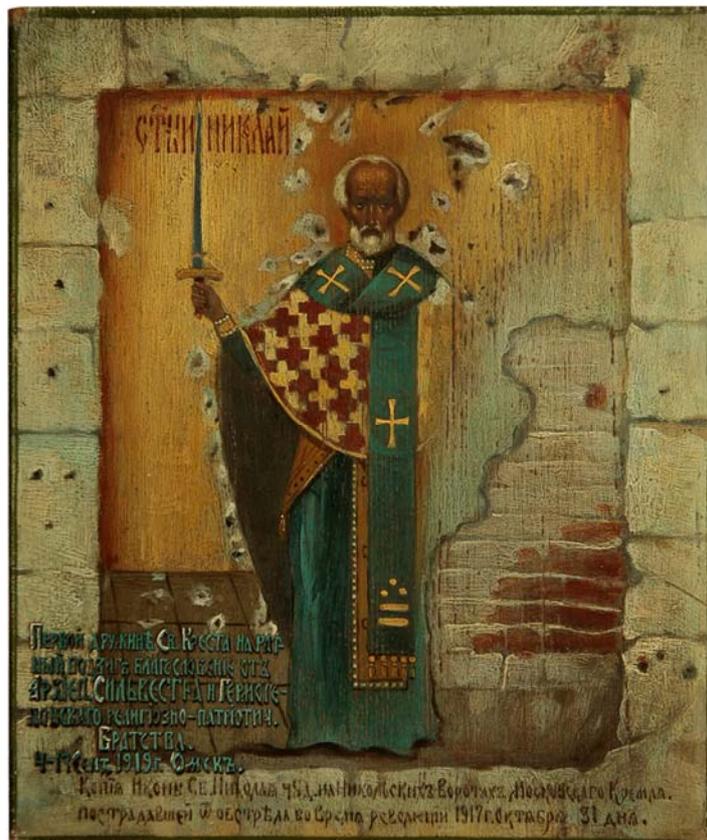

Рис. 6. Икона извода «Копия иконы...». На поле иконы надпись: «С[ВЯ]ТЫЙ НИКОЛАЙ». Иконописец И.В. Волков. Была подарена 1-й дружинѣ Св. Креста 17 сентября 1919 г. Коллекция Искитимского городского историко-художественного музея

Менее чем через две недели, 3 сентября 1919 г., в Омске был объявлен «День покаяния и молитвы» и, в частности, совершен крестный ход к Успенскому собору. Архиепископ Сильвестр отслужил молебен перед отправкой на фронт первой роты добровольцев-крестносцев, лично прикалывал на грудь кресты командирам добровольцев. Он освятил хоругвь дружины «крестосцев». Омский исследователь о. Дмитрий Олихов справедливо заметил, что «в сентябре, когда напряжение на фронте достигло своей высшей точки и всерьез встал вопрос о дальнейшем существовании “белой” власти, был совершен другой крестный ход, носивший уже характер покаяния в грехах. В этот период многими уже осознавалась большая вероятность и даже неизбежность военного поражения, поэтому молебное шествие можно рассматривать не столько как просьбу о даровании победы, сколько как средство укрепления духа и тех, кто планировал уйти с отступающей “белой” армией, и тех, кто намеревался остаться» [28. С. 140]. На следующий день архиепископ Сильвестр вручил «волковскую» икону сформированной из добровольцев 1-й дружине Св. Креста, вскоре отправленной на фронт, о чем свидетельствовала надпись, нанесенная в левом нижнем углу иконы: «Первой дружине Св. Креста на ратный подвиг благословение от архиеп[ископа] Сильвестра и Гермогеновского религиозно-патриотч[еского] Братства. 4–17 сентября 1919 г. Омск».

Вторая «волковская» копия была размещена на знамени 1-й Сибирской казачьей дивизии, которое было вручено воинскому соединению 14 сентября 1919 г. На одной стороне знамени был изображен «снимок [в значении – точная копия]. – В.Ж.] с той иконы Святителя

и Чудотворца Николая, которая помещена на Никольских воротах Московского Кремля и точная копия которой хранится у Верховного Правителя» [13].

1-я дружина Св. Креста приняла участие в боевых действиях на реке Тобол в составе 44-го Кустанайского стрелкового полка 11-й Уральской стрелковой дивизии. Эта дивизия отступала через Омск, а затем южнее Ново-Николаевска. «Искитимская» икона поступила в фонды музея в 1971 г. из расположенного как раз в этих местах села Гусельниково.

«Колчаковская» икона, судя по всему, находилась в литерном поезде «Буки» – поезде Верховного Правителя, в вагоне которого А.В. Колчак был арестован в Нижнеудинске, в числе тех 19 икон, которые были изъяты из его вагона после ареста 7 февраля 1920 г. [29. Л. 4].

Интересна судьба еще одного артефакта – иконы, переданной в 2011 г. епископом Женевским Михаилом (Донсковым) в Фонд Андрея Первозванного (рис. 7). Как сообщал один из администраторов Фонда А.А. Паршинцев, «с его (епископа Михаила. – В.Ж.) слов, копия иконы святителя Николая Чудотворца была обнаружена им в [19]90-е годы на Архиерейском подворье в Канаде, куда ее передала одна из прихожанок РПЦЗ. На обороте этой фотографии была надпись о том, что фотография была найдена в вещах адмирала А.В. Колчака. В настоящее время фотография находится в келье епископа Михаила. Владыка также отметил, что когда он впервые увидел это изображение, то оно показалось ему знакомым, из чего он делает вывод, что фотография была достаточно распространена в кругах русской эмиграции первой волны и, возможно, он когда-то раньше видел такое изображение» [30].

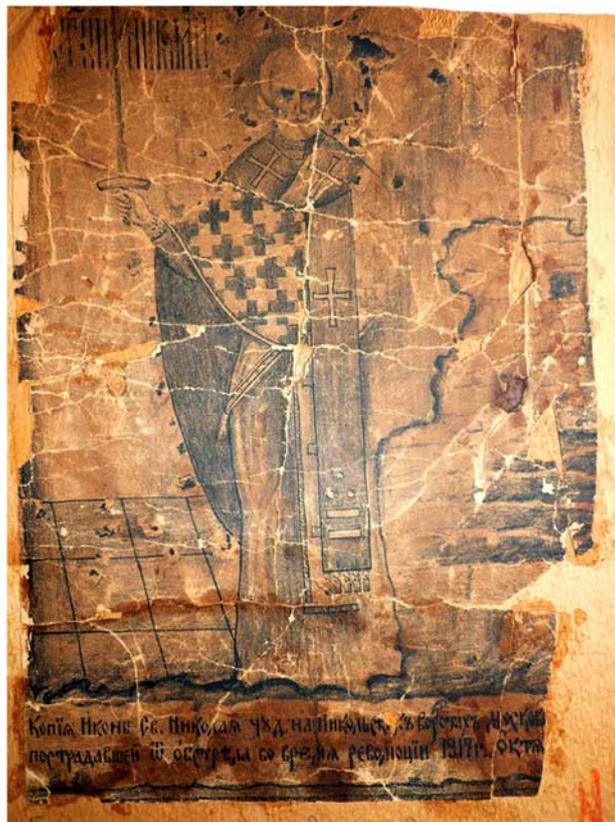

Рис. 7. Икона извода «Копия иконы...». На поле иконы надпись: «С[ВЯ]ТЫЙ НИКОЛАЙ». Фрагмент листовки, наклеенный на картон. Покрытие – лак. Коллекция Фонда апостола Андрея Первозванного

На самом деле в тексте письма присутствует определенная неточность. Вопреки словам епископа Михаила, это не фотография, а именно графический рисунок, воспроизведенный типографским способом, скорее всего вырезанный из листовки издания 1919 года, позднее наклеенный на картон и покрытый сверху слоем лака. Что касается «надписи» о том, что данная «фотография» была «найдена в вещах адмирала А.В. Колчака», эти сведения вызывают сомнения и, вероятно, перед нами вновь своеобразная цепочка искажений: вещи адмирала были изъяты и описаны при аресте и не могли попасть к эмигрантам, скорее

всего, речь идет о тексте, напечатанном на обороте листовки, и упоминавшем факт вручения А.В. Колчаку иконы. Любопытно здесь свидетельство о бытовании таких листовок в качестве икон в среде русской эмиграции Азиатско-Тихоокеанского региона, а затем Америки.

Изображение с листовок как минимум дважды воспроизводилось впоследствии: в 1920 г. при переиздании в Токио брошюры епископа Нестора (Анисимова) [31. С. 37], в 1930 г. в книге светского пропагандиста А. Долотова (со ссылкой «из документов Сибархива») (рис. 8) [32. С. 23].

Рис. 8. Изображение с листовки. На поле иконы надпись: «С[ВЯ]ТЫЙ НИКОЛАЙ». Опубликовано со ссылкой на фонды Сибархива в книге: Долотов А. Церковь и сектанство в Сибири. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1930. С. 23

Уже в мае 1918 г. советскими властями была проведена частичная реставрация надвратной иконы на Никольской башне. В 1930 г. икона была аккуратно скрыта под слоем штукатурки, наложенной на натянутую над поверхностью фрески металлическую сетку. В 2010 г. фреска Никольской башни Московского Кремля была освобождена от слоя штукатурки и отреставрирована (рис. 9). След от скола поверхности, нанесенного при артиллерийском обстреле в 1917 г., был сохранен при реставрации, а изображение колчаковской листовки, переданное епископом Женевским Михаилом – использовано при разработке эскиза реставрируемого образа.

* * *

Период между актом отречения императора Николая II от 2 (15) марта 1917 г. и утверждением договора

об образовании СССР от 30 декабря 1922 г. являлся тяжелейшим кризисом многовековой российской государственности, не только ее организованности, институтов и практик, но также и самого лежавшего в их основе политического мышления и духовного строя. Одновременно это время выступило горнилом, в котором с невиданной мощью и скоростью плавилась и ковались новые конstellации старых идей и образов. Небывалое по своим масштабам идеологическое творчество охватило всю страну: русский центр и национальную периферию, расколотую элиту и социальные низы, по-разному вестернизированные группы и слои, ориентированные на самобытную традицию. Это творчество, инновационное по своей сути, опиралось на средства, «более традиционные, чем обыкновенно думают» [33. С. 152], порождая своеобразные «политические

культы». Именно поэтому Гражданская война становилась для адептов этих культов религиозной войной, в этом отношении подобной многим конфликтам мировой религиозной истории.

В заключение приведем два наблюдения, сделанные с разницей в век и исходя из двух различных исследовательских перспектив.

П.Н. Милуков, рассматривая период революции в макроисторической оптике, писал во введении к своей книге «История второй русской революции»: «Ибо при всем ультрамодерном содержании выставленных в этой революции программ, этикеток и лозунгов действительность русской революции вскрыла ее тесную и неразрывную связь со всем русским прошлым.

Рис. 9. Фотография надвратного образа Св. Николая. Московский Кремль. После реставрации 2010 г. На поле иконы надписи: «С[ВЯ]ТЫЙ НИКОЛАЙ» и «ПРЕСЛАВНЫЙ ГРАДЪ МОЖАЙСКЪ»

Как могучий геологический переворот шутя сбрасывает покров позднейших культурных наслоений и выносит на поверхность давно покрытые ими пласты, напоминающие о седой старине, о давно минувших эпохах истории земли, так русская революция обнаружила перед нами всю нашу историческую структуру, лишь слабо прикрытую поверхностным слоем недавних культурных приобретений» [34. С. 11]. Соглашаясь с этим умозаключением, хочется подчеркнуть, что процесс мобилизации архаических культурных значений был характерен для русского общества в целом – для сторонников революции и ее противников.

Глядя совершенно из другого ракурса, Н.М. Турцова, современный исследователь искусства и духовной жизни Древней Руси, размышляя над историей русского иконописания, приходит к очень глубокому наблюдению: «известно немало примеров, когда новый иконографический вариант, появившись однажды,

исчезает, оставляя лишь упоминание о себе в письменных источниках или единственный образец в изобразительном духовном наследии. Особенно часто такие памятники создаются в моменты активизации творческих процессов, типичных для сложной исторической эпохи. Продолжительность их существования далеко не всегда зависела от качества исполнения и даже явленных ими чудес: в ряде случаев отраженные в иконах проблемы либо теряли свою актуальность, либо особенности их прочтения, образов и символов становились непонятны мыслителям последующего времени. Образцы, которым предуготована короткая жизнь, представляют большой интерес, поскольку нередко именно в них дух времени засвидетельствован особенно ярко и живо» [35. С. 635–657].

Одновременно учитывая оба этих исследовательских ракурса: макроисторический и специально-исторический, отслеживающий традиции и сосредоточен-

ный на инновациях, можно заключить следующее. Рассмотрев историю образов Св. Николая на Никольских воротах в идеологическом развитии антибольшевистского движения 1917–1919 гг., можно сказать, что Гражданская война являлась этапом политической истории России, когда православная религиозность широко и сознательно использовалась контрреволюционными властями в целях политической мобилизации. С одной стороны, мощный религиозный субстрат рос-

сийской культуры приводил к естественному возникновению новых, но традиционных в своей основе символов, подобных иконе Св. Николая с Никольских ворот. Однако мобилизационный потенциал новых символов был ограничен общим характером идеологической системы антибольшевистского движения. Религиозной символике не удалось стать подлинно консолидирующим политическим инструментом. Данная идеологическая стратегия окончилась неудачей.

Примечания

- ¹ Полууставом: «Копия Иконы Св. Николаа Чуд. на Никольских воротах Московскаго Кремля, // пострадавшей ѿ обстрѣла во время революции 1917 г[ода] Октября 31 д[ня].».
- ² Сведения об обстоятельствах изготовления и происхождении «колчаковской» иконы, сообщенные в написанных в 1970–1971 гг. воспоминаниях бывшего адъютанта А.В. Колчака ротмистра В.В. Князева [10], не вызывают доверия и будут проанализированы в специальной публикации.
- ³ Публиковалась. См.: [14].

Список источников

1. Освобождение России (Пермь). 1919.
2. Журавлев В.В. Политическая роль иконы Святого Николая на Никольских воротах Московского Кремля в период революции и Гражданской войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 16–27. doi: 10.17223/19988613/80/2
3. Прошин Г. Черное воинство. 2-е изд. М.: Политиздат, 1988. 352 с.
4. Заседание Архиерейского собора РПЦ. 1 декабря 2017 // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56255/photos> (дата обращения: 01.12.2022).
5. Архиерейский Собор 2017 года. День третий. Встреча участников Собора с Президентом России В.В. Путиным // Русская Православная Церковь: Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <https://foto.patriarchia.ru/news/vstrecha-uchastnikov-arkhiereyskogo-sobora-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi-s-prezidentom-rossiyskoy-federatsii-vladimirom-putinyim/> (дата обращения: 01.12.2022).
6. Русская армия (Омск). 1919.
7. Нестор, еп. Камчатский. Расстрел Московского Кремля (27 октября – 3 ноября 1917 г.). М.: Тип. «Общественная польза», 1917. 24 с.
8. Дамаскин (Орловский), игумен. Андроник // Православная энциклопедия. URL: <https://www.pravenc.ru/text/115382.html> (дата обращения: 01.12.2022).
9. Правительственный вестник (Омск). 1919.
10. Князев В.В. «Жизнь для всех и смерть за всех». Записки личного адъютанта Верховного правителя Адмирала А.В. Колчака ротмистра В.В. Князева. Jordanville : Тип. прп. Иова Почаевского, 1971.
11. Вологодский П.В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.) / сост. Д.Г. Вульфа, Н.С. Ларькова, С.М. Ляндреса. Рязань : Частный издатель П.А. Трибунский, 2006. 619 с.
12. Сибирская речь (Омск). 1919.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5960. Оп. 1. Д. 8а.
14. Цветков В.Ж. Об иконе Свяителя Николая Чудотворца (надвратной иконы Николая Можайского в киоте Никольской башни Московского Кремля) в истории Белого движения в России: К обнаружению на башнях Московского Кремля фресковых надвратных икон // Русская линия: Православное информационное агентство. URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=424617>
15. Нечаева Т.В. Наблюдения над жанровыми особенностями сказаний о чудотворных иконах // Герменевтика древнерусской литературы. 1995. № 8. С. 102–123.
16. Пермские епархиальные ведомости. 1919.
17. Государственный музей истории религии. Инв. № А2965IV.
18. Баранов В.В. Акт комплексной экспертизы № 809. Л. 3. // Личный архив А.В. Болдырева.
19. Терюкова Е.А. Центральный антирелигиозный музей в Москве и изучение народной религиозности в СССР в 1930–1940-х годах // Труды по истории и антропологии религии. 1929–1946. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. С. 18–28.
20. Комашко Н.И. Иконописец Алексей Вашуров // Лекции в Музее имени Андрея Рублева. 1 июня 2020. URL: <https://youtu.be/SBdOBH8N7FE?si=Bd2hbWiBKQnsaiGC> (дата обращения: 01.12.2022).
21. ГАРФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 52/1.
22. ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 133.
23. Девятьярова И.Г. Художники в стане Колчака // Антикварное обозрение. 2010. № 1. С. 32–37.
24. Омский областной музей изобразительных искусств им. И.А. Врубеля. Живопись Омска XX–XXI веков. Каталог. Омск : Типография «Золотой тираж», 2014. 320 с.
25. ГАРФ. Ф. 9431с. Оп.1. Д. 206.
26. ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 133.
27. Искитимский городской историко-художественный музей. Инв. № 96. Учет. карт. ИМ 247.
28. Олихов Д.В. Создание и деятельность Временного высшего церковного управления Сибири (1918–1920 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2014. 229 с.
29. Бондарев А.А. Экспертное заключение № 673/16 / Организация поддержки и развития Государственного исторического музея. Л. 4 // Личный архив А.В. Болдырева.
30. Паршинцев А.А. Письмо о. И. Затолокину. 08.02.2011 // Личный архив о. Игоря Затолокина.
31. Нестор, еп. Камчатский. Расстрел Московского Кремля 27-го октября – 3-го ноября 1917 года (с 48-ю фотографиями). 2-е изд, доп. Токио, 1920. IV+58 с.
32. Долотов А. Церковь и сектанство в Сибири / Сибирский краевой совет Союза воинствующих безбожников. Новосибирск : Сибкрайиздат, 1930. 127, [1] с.: ил., карт., портр.
33. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-Press, 1955 г. М.: Наука, 1990. 224 с.
34. Милоков П.Н. История второй русской революции. Противоречия революции. Т. 1. Вып. 1. София : Российско-Болгарское книгоиздательство, 1921. 248, [2] с.

35. Турцова Н.М. Иконографический вариант «Богородица Вертоград заключенный»: проблема интерпретации // Труды Отдела древнерусской литературы / Российская академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. Т. 56.

References

1. *Osvobozhdenie Rossii* (Perm') (1919).
2. Zhuravlev, V.V. (2022) Political Role of the Icon of Saint Nicholas on the St. Nicholas Gate of the Moscow Kremlin in the Period of Revolution and Civil War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 80. pp. 16–27. (In Russian). doi: 10.17223/19988613/80/2
3. Proshin, G. (1988). *Chernoie voinstvo* [Black army]. 2nd ed. Moscow: Politizdat.
4. President of Russia. (2017) *Session of the Council of Bishops of the Russian Orthodox Church*. December 1, 2017. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56255/photos> (Accessed: 01.12.2022). (In Russian).
5. Russian Orthodox Church. (2017) *Council of Bishops 2017. Day Three. Meeting of the Council participants with the President of Russia V.V. Putin*. [Online] Available from: <https://foto.patriarchia.ru/news/vstrecha-uchastnikov-arkhiereyskogo-sobora-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi-s-prezidentom-rossiyskoy-federatsii-vladimirom-putinyim/> (Accessed: 01.12.2022). (In Russian).
6. *Russkaya armiya* (Omsk). (1919).
7. Nestor, Bishop of Kamchatka. (1917) *Rasstrel Moskovskogo Kremlya (27 oktiabria - 3 noiabria 1917 g.)* [The shooting of the Moscow Kremlin (October 27 – November 3, 1917)]. Moscow: Obshestvennaia pol'za.
8. *Pravoslavnaia entsiklopediya* [Orthodox encyclopedia]. (2022) *Damaskin (Orlovskiy), igumen. Andronik* [Damaskin (Orlovsky), Abbot. Andronicus]. [Online] Available from: <https://www.pravenc.ru/text/115382.html> (Accessed: 01.12.2022).
9. *Pravitel'stvennyy Vestnik* (Omsk). (1919).
10. Knyazev, V.V. (1971) “*Zhizn' dlia vseh i smert' za vseh*”. *Zapiski lichnogo ad'iutanta Verhovnogo pravitel'ia Admirala A.V. Kolchaka rotmistra V.V. Kniazeva* [“Life for all and death for all”. Notes of the personal adjutant of the Supreme Ruler Admiral A.V. Kolchak, Captain V.V. Knyazev]. Jordanville: Tip. prp. Iova Pochaevskogo.
11. Vologodskiy P.V. (2006) *Vo vlasti i v izgnanii: Dnevnik prem'er-ministra antibol'shevistskikh pravitel'stv i emigranta v Kitae (1918–1925 gg.)* [In power and in exile: Diary of the Prime Minister of the anti-Bolshevik governments and emigrant in China (1918–1925)]. Ryazan: Chastnyy izdatel' P.A. Tribunskiy.
12. *Sibirskaya rech'* (Omsk). (1919).
13. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 5960. List 1. File 8a.
14. Tsvetkov, V.Zh. (2022) *About the icon of St. Nicholas the Wonderworker (the gate icon of Nikola Mozhaisky in the ciot of the Nikolskaya Tower of the Moscow Kremlin) in the history of the White Movement in Russia: To the discovery of frescoed gate icons on the towers of the Moscow Kremlin*. [Online] Available from: <https://rusk.ru/st.php?idar=424617> (Accessed: 01.12.2022). (In Russian).
15. Nechaeva, T.V. (1995) *Nablyudeniya nad zhanrovymi osobennostyami skazaniy o chudotvornykh ikonakh* [Observations over genre features of tales about miracle-working icons]. *Germenevtika drevnerusskoy literatury*. 8. pp. 102–123.
16. *Permskie eparkhial'nye ведомosti*. (1919).
17. State Museum of the History of Religion. Inv. No. A2965IV.
18. Baranov, V.V. (n.d.) *Akt kompleksnoy ekspertizy No. 809* [Act of complex examination No. 809]. pp. 3. (Personal Archive of A.V. Boldyrev).
19. Teriukova E.A. (2019) *Tsentrallyy antireligioznyy muzey v Moskve i izuchenie narodnoy religioznosti v SSSR v 1930–1940-kh godakh* [Central Antireligious Museum in Moscow and the Study of Popular Religiosity in the USSR in the 1930s–1940s] In: *Trudy po istorii i antropologii religii. 1929–1946*. [Proceedings on the History and Anthropology of Religion. 1929–1946]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 18–28.
20. Komashko, N.I. (2020). *Ikonopiseys Aleksey Vashurov* [Icon painter Alexei Vashurov]. [Video]. [Online] Available from: <https://youtu.be/SBdOBH8N7FE?si=Bd2hbWiBKQnsaiGC> (Accessed: 01.12.2022)
21. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-341. List 1. File 52/1.
22. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-176. List 4. File 133.
23. Deviat'iarova, I.G. (2010) *Khudozhniki v stane Kolchaka* [Artists in the camp of Kolchak]. *Antikvarnoe obozrenie*. 1. pp. 32–37.
24. Omskiy oblastnoy muzey izobrazitel'nyh iskusstv im. I.A. Vrubelya [Omsk Regional Museum of Fine Arts named after I.A. Vrubel]. (2014) *Zhivopis' Omska XX–XXI vekov. Katalog* [Painting of Omsk 20th–21st centuries. Catalog]. Omsk: Zolotoy tirazh.
25. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9431c. List 1. File 206.
26. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-176. List 4. File 133.
27. Iskitim City Historical and Art Museum. Inv. No. 96. Registration card IM 247.
28. Olihov, D.V. (2014) *Sozdanie i deiatel'nost' Vremennogo vysshego tserkovnogo upravleniya Sibiri (1918–1920 gg.)* [Creation and activities of the Provisional Higher Church Administration of Siberia (1918–1920)]. History Cand. Diss. Omsk.
29. Bondarev, A.A. (n.d.) *Ekspertnoe zaklyuchenie No. 673/16* [Expert opinion No. 673/16] pp. 4 (Personal Archive of A.V. Boldyrev).
30. Parshintsev, A.A. (2011) *Pis'mo o. I. Zatolokinu* [Letter to Father I. Zatolokin]. (Personal Archive of Father Igor Zatolokin).
31. Nestor, Bishop of Kamchatka. (1920) *Rasstrel Moskovskogo Kremlya 27-go oktiabria – 3-go noyabrya 1917 goda (s 48-yu fotografiyami)* [The shooting of the Moscow Kremlin on October 27 – November 3, 1917 (with 48 photos)]. 2nd ed. Tokyo.
32. Dolotov, A. (1930) *Tserkov' i sektantstvo v Sibiri* [Church and Sectarianism in Siberia]. Novosibirsk: Sibkrazizdat.
33. Berdiaev, N.A. (1990) *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [Origins and Meaning of Russian Communism]. Reprint of the YMCA-Press edition, 1955. Moscow: Nauka.
34. Miliukov, P.N. (1921) *Istoriya vtoroy russkoy revolyutsii. Protivorechiya revolyutsii* [History of the Second Russian Revolution. Contradictions of the Revolution]. Vol. 1. Is. 1. Sofia: Rossiysko-Bolgarskoe knigoizdatelstvo.
35. Turtsova, N.M. (2004) *Ikonograficheskiy variant "Bogoroditsa Vertograd zaklyuchenny": problema interpretatsii* [Iconographic variant of “The Virgin Vertograd imprisoned”: the problem of interpretation]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 56. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.

Информация об авторе:

Журавлев В.В. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск). E-mail: vvzh@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.V. Zhuravlev, Cand. Sci. (History), senior research fellow, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: vvzh@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 08.06.2024;
одобрена после рецензирования 28.06.2024; принята к публикации 30.06.2024.*

*The article was submitted 08.6.2024;
approved after reviewing 28.06.2024; accepted for publication 30.06.2024.*

Научная статья
УДК 94(470)
doi: 10.17223/15617793/503/2

Межэтническое разделение труда в Пермской губернии по данным переписи 1897 г.

Василий Павлович Зиновьев¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
mail: vpz@tsu.ru*

Аннотация. Рассматривается межэтническое разделение труда в одной из наиболее индустриальных губерний России – Пермской на основе анализа таблицы № XXII Первой всеобщей переписи населения 1897 г., в которой представлено распределение населения по группам занятий и по народностям на основании родного языка. Доказывается, что межэтническое разделение труда, существенное для регионов Азиатской России, для Пермской губернии было явлением рудиментарным.

Ключевые слова: Пермская губерния, межэтническое разделение труда, хозяйственное освоение, русские, финские народы, турки

Источник финансирования: исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

Для цитирования: Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в Пермской губернии по данным переписи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 503. С. 21–26. doi: 10.17223/15617793/503/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/503/2

Interethnic division of labor in Perm Province according to the Census of 1897

Vasiliy P. Zinoviev¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation* vpz@tsu.ru

Abstract. The aim of this article is to identify the phenomenon of interethnic division of labor in Perm Province. The only way to determine the ethnic composition of the social strata of the population in relation to the whole of Russia is provided by Table No. XXII, Distribution of the Population by Occupation Groups and by Nationalities Based on the Native Language, of the provincial census volumes. The same table makes it possible to determine the level of security for the reproduction of the workforce by field of activity. In Perm Province, the 1897 Census counted a total of 2,994,302 people, including 804,016 employed persons and 2,190,286 persons living at their expense. Thus, the employment of the population in the province as a whole did not provide a simple reproduction of the labor force. One employed person supported himself and an average of 2.7 family members. In cities, there were 0.91 family members per amateur citizen. The cities of the province did not ensure the reproduction of the population. In rural areas, there were 2.96 family members per employed resident. The simple reproduction of the labor force in rural areas of the province was carried out almost on the verge of survival. Only those engaged in agriculture provided an expanded reproduction of the labor force: one fed another four people. Farmers covered the shortage of personnel in other industries. Residents of Perm Province (mainly Russians, Finns, and Turks) were engaged in agriculture – 425,305 people (52.9% of all workers), industry – 158,654 (19.7%), services 62,133 (7.7%), transport 27,642 (3.4%), trade 26,727 (3.3%), forestry 12,378 (1.5%). Among the ethnic features of the division of labor, phenomena can be noted that are no longer associated with traditional occupations, but with the industrial and cultural development of the region. Zyryans were mainly engaged not in agriculture, but in forestry and in industry (1,768 and 505 people, respectively, out of 3,170 employed persons of this ethnic group registered by the census in the province). Poles were employed in military service (312 people), in industry (155 people), in management (141 people), in transport (122 people), with a total of 1,218 employed representatives of the ethnic group in the province. Germans were employed in industry (153 people), in culture and education (92 people), with a total of 519 employed persons. Jews mainly concentrated in crafts (357 people), trade (204 people), with a total of 760 employed people of this nationality in the province. Finns and Turks acquired almost the same employment structure as Russians. However, they were poorly integrated into the urban community. The Great Russian population performed the main connecting economic, cultural and managerial functions, preserving traditional agriculture as the leading occupation. Poles, Germans, and Jews, making up small proportions of the entire population of the province, concentrated in cities and played an important role in commercial and industrial life, in the management and the cultural sphere of the region.

Keywords: Perm Province, inter-ethnic division of labor, economic development, Russians, Tatars, Finnish peoples, Turks

Financial support: This study was supported by the Tomsk State University Development Programme (Priority-2030).

For citation: Zinoviev, V.P. (2024) Interethnic division of labor in Perm Province according to the Census of 1897. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 503. pp. 21–26. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/503/2

Настоящая статья продолжает анализ межэтнического разделения труда в Сибири и на Урале в конце XIX в. Начат он Е.В. Карих [1, 2]. Она доказала факт существования межэтнического разделения труда в Сибири. Статистический анализ переписи 1897 г. проведен ею по Тобольской, Томской губерниям, Омскому уезду Акмолинской области, т.е. по той территории, которая относится сейчас к Западной Сибири, по Якутской области [3].

Проведенный мной анализ материалов переписи населения Российской империи 1897 г. по Енисейской губернии подтвердил вывод Е.В. Карих, сделанный на материалах Западной Сибири, о делении населения на скотоводов-тюрков на юге губерний, пришлых, в основном русских, земледельцев в средней их полосе и охотников и рыболовов эвенков и ненцев в таежной и арктической зонах [4]. Материалы переписи 1897 г. по Иркутской губернии показали, что буряты Прибайкалья были уже больше земледельцами, чем скотоводами [5]. Оценка характера межэтнического разделения труда в Забайкальской области по данным Первой всероссийской переписи населения 1897 г. наоборот показала, что восточные буряты сохранили скотоводство как основной вид деятельности. Тунгусы (орочены) все более переходили к земледелию [6]. Следовательно, разрушение традиционных систем жизнеобеспечения у коренных

народов Сибири в разных районах края шло в направлении перехода к земледелию как к более эффективному способу получения средств существования, но разными темпами. Цель настоящей статьи – выявить наличие феномена межэтнического разделения труда в индустриальной Пермской губернии.

Сведения таблицы № XXII «Распределение населения по группам занятий и по народностям на основании родного языка» по Пермской губернии в обобщенном виде представлены в табл. № 1 настоящей статьи. Необходимо дать к ней пояснения.

В таблице выделены наиболее крупные по численности народы – русские (великороссы, малороссы и белорусы), финские народы – вотяки (удмурты), вогулы (манси), черемисы (марийцы), пермяки (коми-пермяки), зыряне (коми-зыряне), тюркские народы – татары, башкиры, тебтяри, мещеряки (мишари), а также немцы, евреи, поляки.

Данные в табл. 1 сгруппированы по той же форме, что и по областям и губерниям Сибири, для того чтобы получить сравнимый материал по всей территории Северной Азии и Урала. Рубрики таблицы XXII «Род занятий населения» из переписи в табл. № 1 были укрупнены по той же методике, что и по другим регионам, поскольку для анализа межэтнического разделения труда не требуется столь подробного определения рода занятий населения.

Таблица 1

Распределение населения Пермской губернии по родному языку и видам занятий по данным переписи 1897 г.

№	Род занятий населения	Население губернии		Великороссы		Малороссы		Белорусы	
		Самодельное	Иждивенцы	Самодельное	Иждивенцы	Самодельное	Иждивенцы	Самодельное	Иждивенцы
1–3	Управление	7 907	14 807	7 571	14 448	18	24	11	4
4	Военнослужащие	2 992	415	2 476	394	36	0	2	0
5–8	Служители культа	5 365	7 007	6 173	7 581	3	0	2	0
9–12	Образование, наука, культура, медицина	6 565	6 049	6 103	5 667	13	3	2	0
13	Прислуга	62 133	40 992	59 735	39 405	24	17	11	2
14–15	Рантье	28 468	8 300	26 901	8 106	16	1	2	0
16	Арестанты	1 630	0	1 360	0	10	0	0	0
17–18	Земледелие и пчеловодство	425 305	1 682 719	375 975	1 475 156	95	391	23	34
19	Животноводство	502	544	471	492	0	0	0	0
20	Лесные промыслы	12 378	24 857	9 933	24 099	2	3	0	0
21	Рыболовство, охота	883	1 702	791	1 471	0	0	0	0
22–40	Промышленность	178 654	303 857	172 730	246 415	180	204	19	125
41–45	Транспорт и связь	27 642	48 254	26 263	46 960	50	261	11	11
46–62	Торговля	26 727	25 787	24 382	42 646	24	40	3	4
63	Неопределенные занятия	9 409	3 163	8 732	2 973	11	1	1	0
64	Проституция	585	51	579	51	0	0	0	0
65	Занятия не указаны	5 871	1 144	5 541	1 101	1	0	0	0
Итого		804 016	2 190 286	735 716	1 969 611	483	1 545	86	180

Продолжение табл. 1

№	Поляки		Немцы		Евреи		Тептяри		Мещераки (мишари)		Татары		Башкиры	
	Самодельное	Иждивенцы	Самодельное	Иждивенцы	Самодельное	Иждивенцы	Самодельное	Иждивенцы	Самодельное	Иждивенцы	Самодельное	Иждивенцы	Самодельное	Иждивенцы
1-3	141	153	24	35	4	3	0	0	2	0	15	7	32	31
4	312	11	10	1	48	0	0	0	1	0	64	4	10	0
5-8	4	0	1	1	2	7	2	0	7	7	44	107	81	247
9-12	105	68	92	67	38	37	0	0	7	8	58	60	41	83
13	122	61	63	49	24	14	25	22	85	154	952	563	435	456
14-15	114	48	60	31	34	24	15	0	75	0	279	26	609	27
16	6	0	3	0	2	0	0	0	0	0	114	0	60	0
17-18	33	24	11	12	15	12	993	4145	3624	16 723	9 014	26 406	16 253	63 737
19	2	3	0	0	0	0	1	2	3	8	5	3	9	10
20	2	5	2	4	0	0	10	0	15	22	426	175	126	174
21	0	0	1	2	0	0	0	0	3	3	16	2	26	46
22-40	155	145	153	245	357	592	26	24	92	161	2 888	1 149	954	988
41-45	122	170	30	39	9	13	0	0	7	20	587	243	111	115
46-62	70	59	53	38	204	294	3	6	17	59	1 562	1 670	162	280
63	16	4	9	1	13	3	6	11	15	7	142	59	131	34
64	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3	0	0	0
65	13	3	7	1	10	0	1	0	8	3	44	5	105	22
Итого	1 218	762	519	428	760	1 001	1 080	4 215	3 961	17 202	16 213	30 798	19 145	66 250

Окончание табл. 1

№	Все тюрки		Вотяки (удмурты)		Воголы (манси)		Пермяки (коми-пермяки)		Черемисы (марийцы)		Зыряне (коми-зыряне)		Все финские народы	
	Самодельное	Иждивенцы	Самодельное	Иждивенцы	Самодельное	Иждивенцы	Самодельное	Иждивенцы	Самодельное	Иждивенцы	Самодельное	Иждивенцы	Самодельное	Иждивенцы
1-3	49	38	4	3	2	0	59	51	3	1	9	12	77	67
4	75	4	6	3	0	0	6	0	5	0	0	0	17	3
5-8	139	360	0	0	0	0	3	0	4	1	31	1	40	2
9-12	106	151	6	2	0	0	32	14	7	3	12	0	57	19
13	1 512	1 198	8	4	19	22	270	41	52	31	247	129	606	230
14-15	983	54	14	2	7	3	231	17	37	3	38	1	330	32
16	175	0	6	0	0	0	49	0	4	0	6	0	66	0
17-18	29 947	111 040	1 140	5 202	350	1 446	14 446	76 418	2 827	12 522	391	399	19 168	96 005
19	20	23	1	0	0	0	5	12	1	3	0	0	7	15
20	578	371	20	1	34	96	30	3	7	0	1768	274	1 861	375
21	45	49	0	0	31	121	0	0	0	0	15	57	46	178
22-40	3 969	2325	49	11	33	40	320	90	92	27	505	266	1 032	447
41-45	769	379	6	0	186	390	144	0	7	2	22	16	368	411
46-62	1 764	2 016	10	0	12	42	164	46	3	4	63	18	255	112
63	294	111	7	2	3	1	206	35	17	4	72	14	305	56
64	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
65	161	30	3	0	0	0	91	2	19	1	4	0	117	3
Итого	40 288	118 205	1 278	5 237	676	2 162	14 912	76 229	3 085	12 602	3 170	1 304	23 197	98 080

Источник подсчета: [7. С. 176-189]

Анализ данных табл. № 1 показывает, что в Пермской губернии перепись 1897 г. учла всего 2 994 302 чел., в том числе 804 016 самодельных лиц и 2 190 286 лиц, живущих за счет их средств. Таким образом занятия населения в губернии в целом не обеспечивали простое воспроизводство рабочей силы. Один занятый содержал себя и в среднем 2,7 члена семьи. Причину этого отыскать просто. Нужно сравнить воспроизводство сельского и городского населения. В

городах губернии жило 179 329 чел., в том числе самодельного – 94 875 и членов семей 85 454. На одного самодельного горожанина приходилось 0,91 члена семьи. Города губернии не обеспечивали воспроизводства населения. В сельской местности насчитывалось 28 814 959 чел., в том числе самодельного – 710 127 чел., членов семей – 2 104 832 чел. На одного самодельного жителя сел и деревень приходилось 2,96 члена семей. Простое воспроизводство рабочей силы в

сельской местности губернии осуществлялось практически на грани выживания.

Из самодеятельного населения только занятые земледелием обеспечивали расширенное воспроизводство рабочей силы: 425 305 самодеятельных земледельцев обеспечивали себя и 1 682 719 членов семей (иждивенцев) или другими словами – один кормил еще 4 чел. Для простого воспроизводства достаточно 3 чел. Земледельцы покрывали дефицит кадров в других отраслях производства и в сельской местности и в городах.

Жители Пермской губернии, судя по данным табл. 1, занимались преимущественно земледелием – 425 305 чел. (52,9% всех работников), промышленностью – 158 654 (19,7%), услугами – 62 133 (7,7%), транспортом – 27 642 (3,4%), торговлей – 26 727 (3,3%), лесными промыслами (заготовка леса, угля, смолы, дегтя, луба) – 12 378 (1,5%). В управлении регионом были заняты 7 907 чел. или около 1% всех работников, в учреждениях культуры, образования, науки, медицинского обслуживания – 6 565 чел. или 0,82%, в исправлении религиозных культов – 5 365 чел. или 0,66%, в вооруженных силах – 2 992 чел. или 0,37% всех занятых. Кроме того, учтены как лица неопределенных занятий 9 409 чел. (1,2%), не указали род занятий 6 871 чел. или 0,85% всех занятых. Отдельно зафиксированы 28 468 чел., живущих за счет Казны и частных лиц (3,5%), и 1 630 чел., находящихся под арестом (0,2%). Животноводство (883 чел. или 0,11% занятых), рыболовство и охота (502 чел. или 0,06%), которые в Сибири были одним из традиционных занятий коренного населения, составившие основу межэтнического разделения труда, в Пермской губернии ни один из народов не назвал основным видом деятельности (табл. 1).

Из этнических особенностей разделения труда можно отметить явления, связанные уже не с традиционными занятиями, а с индустриальным и культурным развитием региона. Зыряне были заняты преимуще-

ственно лесными промыслами (1 768 чел.) и в промышленности (505 чел.) из 3 170 самодеятельных лиц этого этноса, зарегистрированных переписью в губернии. Поляки были заняты преимущественно на военной службе (312 чел.), в промышленности (155 чел.), в управлении (141 чел.), на транспорте (122 чел.) из 1 218 самодеятельных представителей этноса в губернии. Немцы были заняты в промышленности (153 чел.), в сфере культуры и образования (92 чел.) из 519 самодеятельных лиц, евреи в основном сосредоточились в ремесле (357 чел.), торговле (204 чел.) из 760 самодеятельных лиц этой национальности в губернии (табл. 1).

Особенность профессиональной занятости отразилась и на размещении этносов в губернии. Поляки (на 66,5%), немцы (на 66,2%), евреи (на 84,6%) жили преимущественно в городах. Русские – на 6,2%, хотя и составляли большую часть населения городов (169 820 чел. из 179 339), тюркские народы – на 3%, занимая второе место после русских в общей численности горожан – 5 256 чел., финские народы – на 0,7%.

Сословный статус представителей основных этносов Пермской губернии фиксирует таблица XXIV «Распределение населения по родному языку, сословиям и состояниям» [7. С. 270–271]. На основании данных таблицы XXIV были выделены сведения о распределении наиболее крупных народов губернии по сословиям (табл. 2). Анализ сведений таблицы показывает, что сословная идентичность зависела от этнической принадлежности только у манси (вогулов), числившихся инородцами, к инородцам относились также небольшая часть татар, башкир и мещеряков. Как правило, в Сибири инородцы не спешили переходить в другие сословия, так как экономически это было невыгодно. Ничего обидного этот термин тогда не означал [8]. Русские, финны и тюрки преимущественно числились крестьянами, хотя составляли и большую часть представителей других сословий, поляки и немцы – дворянами и мещанами, евреи – мещанами и купцами.

Таблица 2

Распределение населения Пермской губернии по сословиям и по родному языку по данным переписи 1897 г. (душ обоего пола)

Народы	Сословия						
	Дворяне	Лица духовного звания	Почетные граждане	Купцы	Мещане	Крестьяне	Войсковые казаки
Все народы, в том числе:	17 482	12 293	4 415	5 118	97 241	2 849 166	221
Русские	16 039	12 264	4 327	4 835	93 214	2 572 433	211
Поляки	1 045	3	11	11	419	457	0
Немцы	252	6	59	32	256	109	1
Евреи	10	1	6	94	1 564	68	0
Финские народы	6	9	2	2	276	119 468	0
Тюркские народы	72	10	4	129	1 171	156 354	9
Прочие народы	6	0	0	4	6	23	0

Окончание табл. 2

Народы	Сословия				
	Инородцы	Лица, не входящие в названные сословия	Иностранцы	Прочие	Итого
Все народы, в т.ч.:	3 494	2 586	593	1 693	2 994 302
Русские	0	2 526	158	1 614	2 707 621
Поляки	0	13	13	7	1 980
Немцы	0	2	210	21	947

Народы	Сословия				
	Инородцы	Лица, не входящие в названные сословия	Иностранцы	Прочие	Итого
Евреи	0	13	0	5	1 761
Финские народы	2 482*	11	1	5	122 262
Тюркские народы	969**	11	4	20	158 793
Прочие народы	3	7	2	17	69

Источник: [7. С. 270–271].

*Вогулы (манси)

**699 татар, 170 башкир, 24 мешеряка (мишари).

Деление населения в переписи произведено по основным занятиям. Однако население губернии, кроме основных занятий, занималось сотнями различных отхожих побочных промыслов. Таблица XXIII «Распределение населения, занимающегося сельским или кочевым хозяйством, рыболовством и охотой по побочным промысловым занятиям» дает представление о масштабах отхожих и побочных промыслов сельского населения (табл. 3). Данные о промысловых занятиях сгруппированы по отраслям производства и родам деятельности для удобства анализа.

В губернии 2,1 млн чел. занимались аграрным производством, из них 10,5% обращались к подсобным промыслам. Преимущественно они были связаны с ку-

старными промыслами и горнозаводским производством, предполагавшим масштабные подготовительные работы, связанные с заготовкой леса, угля, непрерывным обновлением деревянного оборудования, перемещением громоздкого материала – руды, флюсов, угля, дров, бревен и т.д. Данные табл. 3 изумляют также весьма скромными показателями развития скотоводства как побочного промысла. Охотой и рыболовством в губернии как основным делом занимались в основном русские, побочные промыслы в этих отраслях по масштабам занятости в 5,7 раза превосходили число постоянных работников (табл. 1, 3). Для местных тюркских и финских народов занятия охотой и рыболовством не были значимыми.

Таблица 3

Распределение сельского населения Пермской губернии по побочным промыслам по данным переписи 1897 г.

Побочные промыслы	Самодельных	Членов семей	Итого
Общее число занятых в сельском хозяйстве	426 690	1 684 965	2 111 655
В том числе занимающихся побочными промыслами	121 555	99 438	220 993
Из них: земледелием и садоводством	2 647	2125	4 772
Пчеловодством	3 463	300	3 763
Скотоводством	321	53	374
Лесными промыслами и лесоводством	17 580	8 308	25 888
Рыболовством	2 125	560	2 685
Промысловой охотой	1 778	588	2 366
Горными промыслами	6 870	4 622	11 492
Обрабатывающей промышленностью	40 592	63 672	10 4264
Строительством	59 695	3 048	62 743
Фабричными работами	220	92	312
Транспортом	27 173	11 115	38 288
Торговлей и услугами	7 668	2 667	10 335
Нищенством	510	418	928
Черной и поденной работой	2 798	1 900	4 698

Составлено по: [7. С. 250–268].

Таким образом, к концу XIX в. межэтническое разделение труда как наследие традиционных занятий населения в Пермской губернии было практически изжито. Финское и тюркское население приобрело почти ту же структуру занятости, как и русское. Однако оно слабо интегрировалось в городское сообщество. Великорусское население выполняло основные

связующие хозяйственные, культурные и управленческие функции, сохраняя традиционное земледелие как ведущее занятие. Поляки, немцы, евреи, составляя малые доли от всего населения губернии, сосредоточились в городах и играли важную роль в торгово-промышленной жизни, в управлении и культурной сфере региона.

Список источников

1. Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. Томск : Изд-во Том. ун-та. Томск, 2004. 232 с.
2. Карих Е.В. Экономические связи эвенков и русских на севере Иркутской губернии во второй четверти XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 320. С. 113–114.
3. Карих Е.В. Этническая структура населения Якутской области в конце XIX века // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 296. С. 92–95.

4. Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в Енисейской губернии по данным переписи 1897 г // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 137–141. doi: 10.17223/19988613/76/16
5. Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в Иркутской губернии по данным переписи 1897 г. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2022. Т. 40. С. 40–48. doi: 10.26516/2222- 9124.2022.40.40
6. Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в Забайкальской области по данным переписи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 149–154. doi: 10.17223/19988613/78/19
7. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел / под ред. Н.А. Тройницкого. Т. XXXI. Пермская губерния. СПб. : Типография СПб. акц. общ. печ. и писчебум дѣла въ Россіи «Слово», 1904. 301 с.
8. Панченко А.Б., Стафеев О.Н. Инородческий вопрос в дискурсах Российской империи: между потребностями государства и представителями общества // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 164–174. doi: 10.17223/15617793/436/20

References

1. Karikh, E.V. (2004) *Mezhetnicheskie otnosheniya v Zapadnoy Sibiri v protsesse ee khozyaystvennogo osvoeniya* [Interethnic relations in Western Siberia in the process of its economic development]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Karikh, E.V. (2009) Economic ties between the Evenks and the Russians in the north of Irkutsk Province in the second quarter of the 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 320. pp. 113–114. (In Russian).
3. Karikh, E.V. (2007) Ethnic structure of the population of the Yakutsk region at the end of the 19th century *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 296. pp. 92–95. (In Russian).
4. Zinov'ev, V.P. (2022) Interethnic Division of Labor in the Yenisei Province According to the Census of 1897. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 76. pp. 137–141. (In Russian). doi: 10.17223/19988613/76/16
5. Zinov'ev, V.P. (2022) Interethnic Division of Labor in the Irkutsk Province According to the Census of 1897. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 40. pp. 40–48. (In Russian). doi: 10.26516/2222- 9124.2022.40.40
6. Zinov'ev, V.P. (2022) Interethnic Division of Labor in the Trans-Baikal Region According to the Census of 1897. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 149–154. (In Russian). doi: 10.17223/19988613/78/19
7. Troynitskiy, N.A. (ed.) (1904) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii, 1897 g.* [The First General Population Census of the Russian Empire, 1897]. Vol. XXXI. St. Petersburg: Tipografiya SPb. akts. obshch. печ. i pishebumb dѣla v" Rossii «Slovo».
8. Panchenko, A.B. & Stafeyev, O.N. (2018) Inorodtsy's Question in the Discourse of the Russian Empire: Between Government Needs and Society Images. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 436. pp. 164–174. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/436/20

Информация об авторе:

Зиновьев В.П. – д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vpz@tsu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.P. Zinoviev, Dr. Sci. (History), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vpz@tsu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.01.2024;
одобрена после рецензирования 07.02.2024; принята к публикации 30.06.2024.*

*The article was submitted 28.01.2024;
approved after reviewing 07.02.2024; accepted for publication 30.06.2024.*

Научная статья
УДК 93/94.331:070.11“1946/1956”
doi: 10.17223/15617793/503/3

«Героический, самоотверженный труд горожан!»: эволюция востребованности категорий экстремальности в советской прессе 1946–1956 гг.

Марина Александровна Клинова¹

¹ Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия
klinowa.m@yandex.ru

Аннотация. Предпринят качественный и количественный анализ категорий экстремальности – лексем, описывающих состояния максимального физического, психологического напряжения человека, употребляемых в сюжетах советской прессы 1946–1956 гг., посвященных трудовой деятельности горожан. Максимальное количество обращений к экстремальным категориям, стимулирующим население на самоотверженный труд, фиксировалось на страницах прессы в 1946–1948 гг., постепенно снижаясь в первой половине 1950-х гг. и достигая минимальных значений в 1956 г. Выявленная трансформация пропагандистской риторики СМИ коррелировала с результатами послевоенного восстановления страны, динамикой модернизационных процессов, изменением политической конъюнктуры.

Ключевые слова: пресса, пропаганда, труд, городское население, РСФСР

Для цитирования: Клинова М.А. «Героический, самоотверженный труд горожан!»: эволюция востребованности категорий экстремальности в советской прессе 1946–1956 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 503. С. 27–36. doi: 10.17223/15617793/503/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/503/3

“Heroic, selfless work of the citizens!”: The evolution of the demand for categories of the extreme in the Soviet press of 1946–1956

Marina A. Klinova¹

¹ Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russian Federation
klinowa.m@yandex.ru

Abstract. The article undertakes a qualitative and quantitative analysis of the categories of the extreme – words describing the state of the maximum physical and psychological stress of a person used in the plots of the Soviet press of 1946–1956 devoted to citizens’ work. The source base of the research is materials of the Soviet press at various levels (central, regional, city, factory): the *Smena* magazine; central newspapers *Pravda* and *Trud*; regional newspapers *Ural'skiy Rabochiy*, *Velikolukskaya Pravda*, *Vostochno-Sibirskaya Pravda*, *Sovetskaya Sibir*, and *Krasnyy Sever*; city newspapers *Tagil'skiy Rabochiy* and *Pod Znamenem Lenina*; the factory newspaper *Magnitogorskiy Metall*. When analyzing the textual content of Soviet press materials, the content analysis method (frequency sampling) was used. The total number of the processed newspaper materials amounted to 2,640 issues and 66 issues of the *Smena* magazine. The lexical units used in describing the labor achievements of the townspeople, which have connotations of maximum exertion, overcoming, and feat, were combined into the groups “labor as overcoming” and “labor as feat”. A large number of references to the lexical forms of these groups were observed in the central newspapers *Pravda* and *Trud*. Chronologically, in all the analyzed publications, the largest number of references to the words of the groups “labor as overcoming” and “labor as feat” was noted in 1946–1948, gradually decreasing in the first half of the 1950s and reaching minimum values in 1956. The concept “difficult” was accompanied by pronounced positive connotations in the printed discourse of the period. The positivity of this concept was determined by the need for difficulties (and their selfless overcoming) as elements of the image of a heroic Soviet person, constructed in the information space of the period. The concept “easy” was revealed through rather negative characteristics. The opposition of the categories “difficult” and “easy” was reinforced by their synchronization with the main antithesis of the Soviet discourse: “socialism–capitalism”. In the 1950s, in the domestic print media, a significant decrease in the level of dynamism, emotionality, and extremity in the description of citizens’ labor practices is recorded. The texts devoted to work acquire a more informative character. The revealed transformation of the propaganda rhetoric of the media correlated with the results of the post-war reconstruction of the country, the dynamics of modernization processes, and changes in the political situation.

Keywords: press, propaganda, labor, urban population, RSFSR

For citation: Klinova, M.A. (2024) "Heroic, selfless work of the citizens!": The evolution of the demand for categories of the extreme in the Soviet press of 1946–1956. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 503. pp. 27–36. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/503/3

Введение

Актуальным направлением современных научных разработок является изучение советской прессы, представляющей собой, с одной стороны, «зеркало», отражающее современные ему реалии, с другой стороны, выступающее в качестве инструмента формирования мировоззренческой и языковой картины мира, образов «героев» и «врагов», поведенческих стереотипов советского населения.

Проблеме теоретического осмысления влияния СМИ на формирование общественного мнения посвящены исследования Е.М. Буряк, М.Н. Володиной и др. [1, 2]. На основе анализа материалов советской прессы авторы обращаются к изучению образов различных исторических объектов, презентуемых посредством текстовых и визуальных сюжетов. Реконструируются образы политических лидеров [3, 4], хозяйственных руководителей [5], популярных общественных деятелей [6], внешних врагов [7, 8], государств [9, 10] и т.д. Немаловажную роль в формировании образов событий и явлений играл язык, вошедший в себя массу идеологем, отражающих специфику политического и социального конструирования, произошедшего в СССР [11–14]. Лексемы и языковые конструкции, используемые в прессе на эксплицитном и имплицитном уровнях, могли выступать в качестве организационных и мобилизационных инструментов, отличаясь неравноценной количественной востребованностью в рамках советского периода. Изучение специфики и эволюции отдельных лексем, презентуемых на страницах советской периодической печати, реализуется сегодня как в филологических разработках, так и в исторических и социологических исследованиях [15–20]. Авторы достаточно часто обращаются к методу контент-анализа для выявления качественных и количественных характеристик лексических единиц, фиксируемых в советской прессе. В то же время на сегодняшний день фактически отсутствуют исследования, посвященные проблематике востребованности категорий экстремальности в публикациях послевоенной советской прессы, посвященных трудовой деятельностью населения, что свидетельствует об актуальности обращения к данной теме.

В данной работе предпринят качественный и количественный анализ категорий экстремальности – лексем, описывающих состояния максимального физического, психологического напряжения человека, употребляемых в сюжетах советских печатных СМИ 1946–1956 гг., посвященных трудовой деятельности горожан. Выявлена динамика количественной востребованности данных лексических единиц на страницах прессы, ее обусловленность социально-экономическими реалиями периода, задачами мобилизационной стратегии государства.

Источники и методы исследования

Источниковую основу исследования составляют материалы советской прессы различного уровня (центрального, областного, городского, заводского): журнал «Смена», центральные газеты: «Правда», «Труд»; областные газеты: «Уральский рабочий» (г. Свердловск), «Великолукская правда» (г. Великие Луки), «Восточно-Сибирская правда» (г. Иркутск), «Советская Сибирь» (г. Новосибирск), «Красный Север» (г. Вологда); городские газеты: «Тагильский рабочий» (г. Нижний Тагил, Свердловская обл.), «Под знаменем Ленина» (г. Первоуральск, Свердловская обл.); заводская газета «Магнитогорский металл» (Магнитогорский металлургический комбинат им. И.В. Сталина, г. Магнитогорск, Челябинская обл.).

При анализе текстового содержания материалов советской прессы использовались качественные и количественные методы. Приоритетным количественным методом обработки материала являлся контент-анализ, позволяющий выявить частотность употребления лексических категорий экстремума в сюжетах, касающихся проблематики труда горожан. Для обработки материалов газет была использована частотная выборка – два номера в месяц (за первое и пятнадцатое число каждого месяца). Общее количество обработанных материалов газет составило 2 640 выпусков. Применительно к журналу «Смена» в выборку был включен каждый четвертый номер издания (ежегодный объем выборки составил шесть номеров в год). Общий объем обработанных выпусков «Смены» составил 66 номеров. Количественный анализ дополнялся качественным анализом текстов, что позволило учесть содержательный контекст употребления тех или иных идеологем и категорий. Тематически выборка ограничивалась сюжетами СМИ, в которых была отражена проблематика трудовой деятельности городского населения РСФСР.

Лексемы группы «труд–преодоление» в отечественной прессе

Послевоенные годы стали временем апогея мобилизационной системы [21–24]. Одной из главных экономических задач послевоенного периода являлась организация масштабного трудового подъема населения, направленного на восстановление инфраструктуры и достижение необходимых объемов промышленного производства. В рамках мобилизационной экономики периодическая печать являлась важным инструментом, направленным на формирования системы стереотипов и образов «правильных» моделей трудовых стратегий населения, а также используемым для мотивации и стимулирования трудовой активности граждан посредством эксплицитной и имплицитной пропагандистской риторики. В контексте трудовой мобилизации граждан немаловажную роль играли лексические

категории экстремальности, укоренившиеся в отечественном информационном пространстве в довоенный и военный период и используемые при характеристике различных сфер повседневности.

Военная лексика и терминология использовались при описании трудовых практик населения: *боевая задача пятилетки, производственное наступление, вернуть работу широким фронтом, завоеванные позиции, командиры производства, выиграть трудовую битву, победа на фронте созидательного труда, бойцы* (угольного, металлургического и др.) *фронта* и т.п. В качестве примеров «боевых» милитаризованных аналогий в сюжетах трудовой тематики можно привести следующие цитаты: «Наша славная молодежь идет в первых рядах с коммунистами завода под боевым лозунгом: выполним послевоенную пятилетку в четыре года!» [25. С. 1], «Сделаем наш транспорт боееспособным к работе в зимних условиях» [26. С. 1], «Наш народ знает, что победа в труде, как и победа в бою не приходит сама, не дается в руки без напряжения и борьбы» [27. С. 1] и т.п.

Также в публикациях СМИ, посвященных описанию трудовых достижений горожан, использовались лексемы, коннотирующие к практикам максимального напряжения сил, преодоления. Это такие лексемы, как *борьба, самоотверженный (труд), не жалея сил* (усилий, жизни), *не покладая рук, без сна и отдыха, преодолевая себя, с максимальным напряжением, преодолеваемая трудности, на грани возможного* и т.п. Для проведения качественно-количественного анализа данные лексические формы были объединены в группу «труд-преодоление».

Лексема *борьба*, употребляемая в качестве синонима трудовой активности граждан, характеризовалась повышенной востребованностью в сюжетах прессы 1946–1956 гг. В качестве примеров можно привести следующие цитаты: «Наш труд – это борьба за... будущее наших детей, за мир для всего человечества!» [28. С. 6]; «Борьба за укрепление трудовой дисциплины» [29. С. 2]; «Борьба за безопасные методы труда – это одновременно борьба за железную трудовую дисциплину, за правильную организацию труда» [30. С. 1]. Использование данной лексемы усиливало конструируемый образ интенсивности и экстремальности трудовой деятельности граждан вне зависимости от ее фактического содержания. Трудовая борьба разворачивалась на заводах, в кабинетах и на строительных площадках. Фактически *борьба* являлась нормализованным термином, определяющим любые формы деятельности советского человека, направленные на достижение трудовых результатов.

Процесс трудовой деятельности характеризовался самоотверженным преодолением трудностей, выходящим за пределы обыденности, а подчас и за границы человеческих возможностей. Фактически физическое и моральное напряжение являлось атрибутивной характеристикой труда советского человека. Лексемы, коннотирующие к преодолению трудовых трудностей, были представлены в текстах передовиц и информационных статей: «Преодолевая серьезные трудности, не

жалая своих сил, советские люди реализуют предначертания своего вождя» [31. С. 2]; «Самоотверженность и советский патриотизм трудящиеся Москвы демонстрируют в мирном труде» [32. С. 1]; «Прошедший год оставил нам примеры самоотверженной борьбы за выполнение планов первого года сталинской пятилетки» [33. С. 1]; «Машинисты паровозов... показали примеры самоотверженного труда» [34. С. 3]; «Требуется огромное напряжение сил, громадные материальные и денежные затраты, чтобы восстановить и развить производственную базу промышленности» [35. С. 1]; «Высоким напряжением сил создаются нормы новой пятилетки» [36. С. 4] и др. Образ напряженного труда, реализуемого на грани человеческих сил и возможностей, конструировался в текстах трудовых обязательств, выступлений горожан на митингах: «Приложу все усилия к тому, чтобы стахановской работой вложить частицу своего труда в дело укрепления могущества... Родины» [37. С. 1]; «Я отдам все силы и знания... чтобы дать как можно больше высококачественных труб» [38. С. 2]; «Отдать все силы для блага любимой Родины – таким желанием охвачены молодые рабочие котельно-ремонтного цеха» [39. С. 1].

Примеры волевого преодоления трудностей иллюстрировали трудовую повседневность трудящихся самых различных профессий. Геолога: «Путь его труден и утомителен. Он отказывает себе в еде, чтобы не тратить времени на хождение в населенные пункты» [40. С. 3]; мастера по ремонту поездов: «Тяжелым домкратом Аня... поднимает вагон и устраняет повреждения. Потоки липкого пота, перемешанного с мазутом, крупными каплями сползали на синюю промасленную блузку. Но девушка не замечает этого. Мысль о том, чтобы не задержать поезд гвоздем засела в ее мозгу» [41. С. 2] и др. На страницах советской прессы послевоенных лет преодоление трудностей презентовалось в романтической и героизированной тональности, как возможность свершения поступка, востребованного Родиной, который оправдан «великой целью», а значит, должен быть совершен любой ценой: «Пусть трудно... но эти трудности роста таковы, что их преодоление несет приближение великой заветной цели... на нее не пожалеешь не только труда, но и самой жизни!» [42. С. 2].

Абсолютизация масштабов трудовой самоотверженности находит свое воплощение в лексической форме – *жизнь, отданная труду*. Эта метафора являлась типичной для некрологов политических деятелей советского периода [43, 44]. В качестве примера можно привести текст некролога министра угольной промышленности восточных районов СССР В.В. Вахрушева: «Он горел на работе, отдавая всего себя великому делу партии Ленина – Сталина. Этому делу он посвятил всю свою жизнь без остатка. Смерть застигла его на боевом посту» [45. С. 3]. Использование значения данной риторической, являлось примером феномена «языковой ритуализации», когда определенное содержание некролога могло быть выражено только определенным образом [46. Р. 2]. Его использование было направлено на утверждение нормализованности общественного статуса покойного,

«правильности» пройденного им трудового жизненного пути, закончившегося «правильной» смертью [43. С. 109].

Презентация в текстах советских СМИ трудовой самоотверженности как повседневной нормы жизнедеятельности практик граждан дала основание живущему в эмиграции Г.П. Федотову прийти к следующим выводам о специфике советского человека: «Он готов заморить себя работой, и его высшее честолюбие – отдать свою жизнь за коллектив: партию или родину» [47. С. 165].

Нужно отметить, что при характеристике трудового напряжения важную роль играл источник импульса, его вызывающего. В русле «правильной» трудовой стратегии, презентуемой в советских СМИ, этим источником являлся сам трудящийся, стремящийся максимально реализовать свой профессиональный потенциал на благо Родины. Означенная практика трудового напряжения противопоставлялась деятельности трудящихся в капиталистических странах, где стимулом изматывающего рабочего трудового напряжения выступает стремление хозяина-

капиталиста к получению прибыли. В качестве примера можно привести цитату из статьи «Два мира – два образа жизни», опубликованную на страницах «Правды» в 1952 г., где помещены рассуждения о труде английского шахтера Гарри Уотсона: «...до чего тяжел труд шахтера в капиталистических условиях. Он тяжел не только потому, что во имя прибыли, наживы капиталистические хозяева не применяют машин, но и потому, что из рабочего выжимают все силы. Уотсон говорит с горечью о тех, кто погоняет рабочих. – Они подгоняют нас, заставляют работать с большим напряжением. Все это напоминает картины времен рабства. Один бьет в барабан, другой подгоняет рабов кнутом» [48. С. 2]. В целом конструируемый на страницах советской прессы образ трудового напряжения приобретает отличные черты применительно к описанию социалистической и капиталистической реальности. В первом случае воссоздается образ трудящегося-колосса, преодолевающего силы природы и расширяющего границы человеческих возможностей, во втором – образ раба, лишённого сил в угоду алчным стремлениям капиталиста.

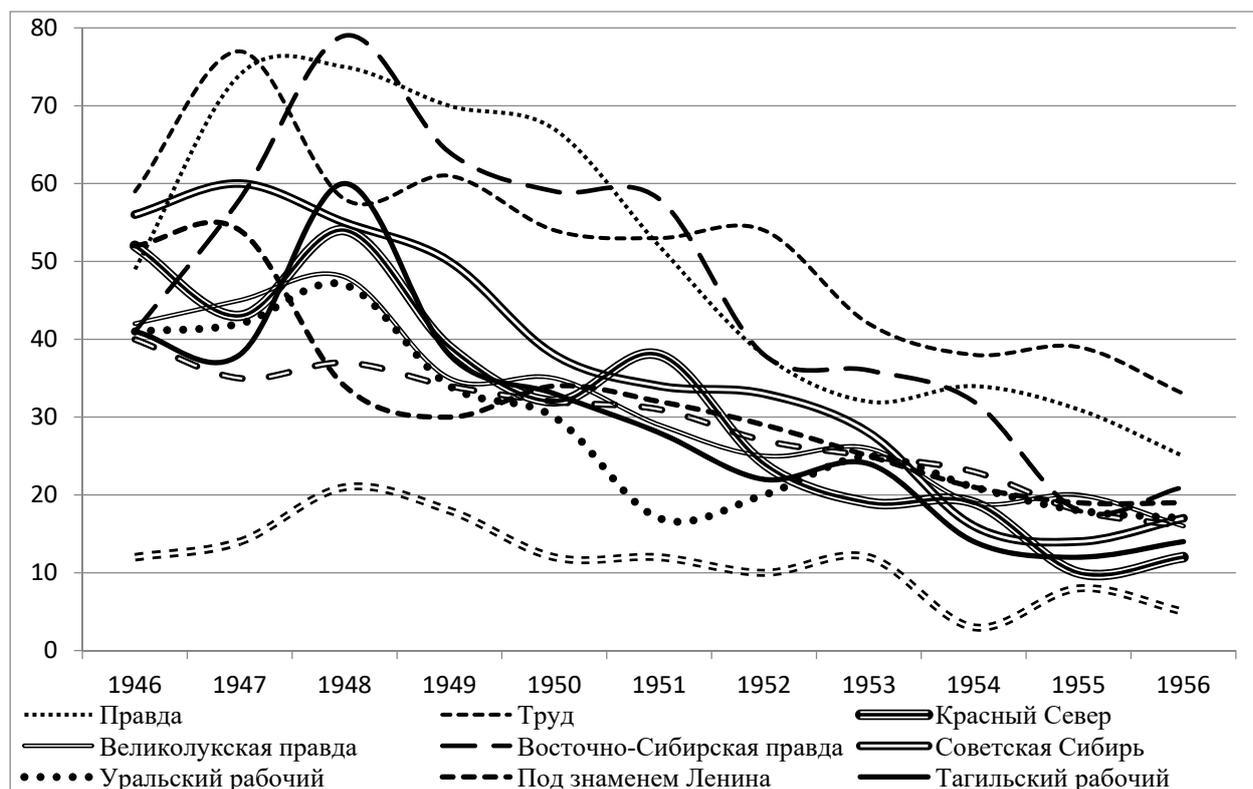

Рис. 1. Количественное распределение лексем группы «труд–преодоление» на страницах советской прессы 1946–1956 гг. (по данным контент-анализа, ед. в год)

Результаты предпринятого контент-анализа позволяют прийти к выводу, что наибольшее число обращений к лексическим формам данной группы наблюдалось на страницах центральных газет «Правда» и «Труд» (см. рис. 1). Общее число лексем в них за период 1946–1956 гг. равнялось 547 и 568 единицам соответственно (в среднем двум упоминаниям в каждом выпуске газеты). Высоким уровнем востребованности отличались лексемы данной группы в областной газете «Восточно-

Сибирская правда» (504 упоминания). В остальных областных, городских и заводских газетах востребованность лексем группы «труд–преодоление» была несколько ниже: в газете «Красный Север» – 342 упоминания, «Советская Сибирь» – 401, «Уральский рабочий» – 312, «Великолукская правда» – 340, «Тагильский рабочий» – 324, «Под знаменем Ленина» – 349, «Магнитогорский металл» – 318 (что равняется в среднем одному упоминанию в каждом выпуске газеты). Еще

меньшее количество лексем данной группы фиксировалось на страницах журнала «Смена» – 127 (одно упоминание в двух выпусках в среднем).

В хронологическом разрезе во всех анализируемых печатных изданиях наибольшее количество обращений к лексемам группы «труд–преодоление» отмечалось в 1946–1948 гг., постепенно снижаясь в первой половине 1950-х гг. и достигая минимальных значений в 1956 г.

Востребованность лексем группы «труд–подвиг» в отечественной прессе

На страницах советской прессы послевоенного десятилетия наибольший накал напряжения «правильного» труда, приносящего Родине значительные результаты, определялся понятиями *подвиг*, *героизм*: «Новыми трудовыми подвигами встретим день выборов в Верховный Совет СССР!» [49. С. 1]; «Первый послевоенный год войдет в историю как год... героического труда» [50. С. 1]; «Герои трудового фронта отдают свои силы, знания, свой талант делу укрепления... государства» [51. С. 1]; «Поставленные партией и правительством задачи восстановления и подъема народного хозяйства воодушевили наш народ на новые героические усилия и трудовые подвиги» [52. С. 2]; «Став на стахановскую вахту в честь выборов, коллектив отметил день 12 марта новыми трудовыми подвигами» [53. С. 1] и т.д. Употребление понятий *подвиг* и *героизм* на страницах газетной печати, как правило, фиксировалось в текстах передовиц, аналитических очерках, сообщениях о

проведении социалистических соревнований и выполнении планов. Данные лексемы фактически не встречались в опубликованных в прессе интервью с работниками предприятий и текстах социалистических обязательств горожан. Важно отметить, что как *подвиги* определялись не только единичные трудовые рекорды стахановцев и передовиков, но и деятельность практики граждан, связанные с риском для жизни. Рутинность и будничность труда не уменьшала масштабов трудового подвига. Понятия *подвиг* и *героизм* проецировались на результаты деятельности всех трудящихся: «И самое прекрасное в героизме советских людей состоит в том, что этот героизм является всенародным. Он оказался в возможностях каждого человека и стал славой миллионов тружеников нашей страны» [54. С. 3]; «Героизм – этот орлиный взлет человеческого духа – становится массовым явлением в социалистическом обществе» [55. С. 1]. Важно отметить, что героизация трудовой деятельности и ее презентация в эпическом ключе, как труд на века, для будущих поколений, фиксируется и в учебных изданиях, например, в отечественных букварях 1940–1950-х гг. [56. С. 163]).

В периодической печати послевоенного периода трудовой героизм советских граждан сакрализировался и мифологизировался, презентуясь в качестве отличительной черты исключительно социалистического социума, где труд превратился «из зазорного и тяжелого бремени, каким он считался раньше, в дело чести, в дело славы, в дело доблести и геройства. Ничего подобного нет, и не может быть в капиталистических странах» [57. С. 29].

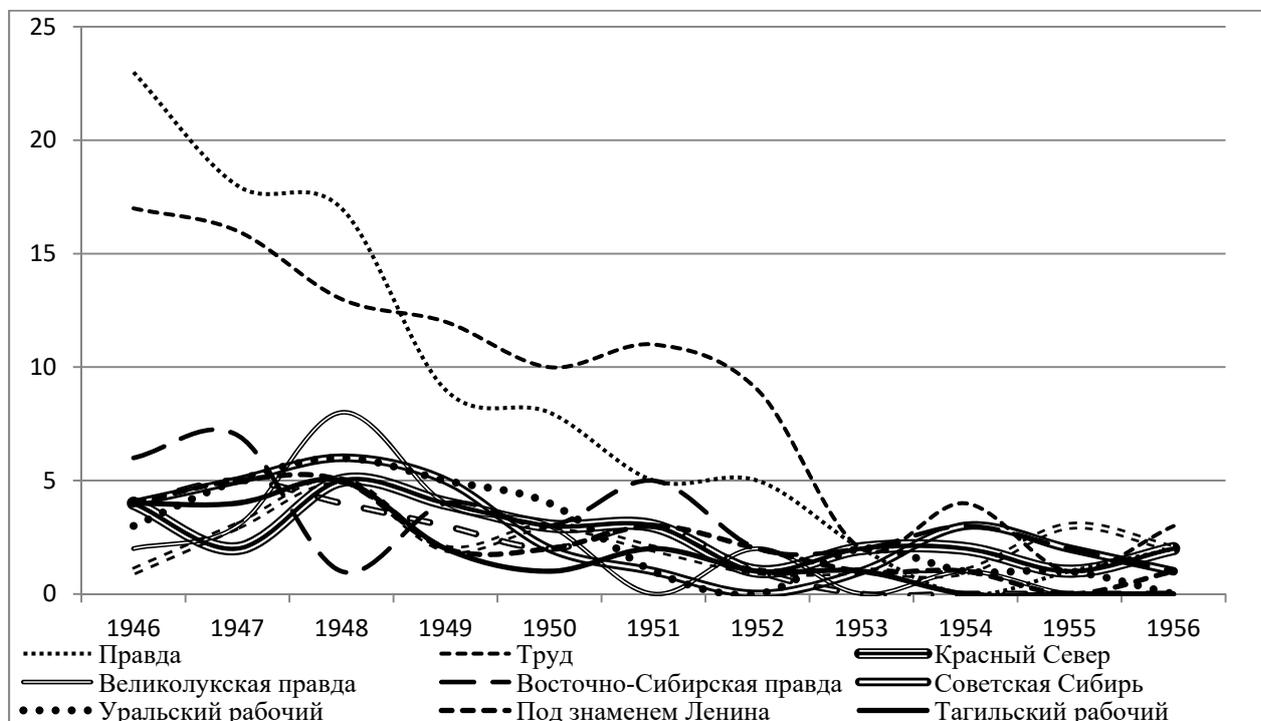

Рис. 2. Количественное распределение лексем группы «труд–подвиг» на страницах советской прессы 1946–1956 гг. (по данным контент-анализа, ед. в год)

Для проведения количественного анализа востребованности означенных категорий экстремума на страницах советской прессы 1946–1956 гг. понятия *подвиг* и *героизм* (а также производные от них лексические формы) были объединены в одну группу – «труд–подвиг». В количественном плане большее число обращений к лексическим формам данной группы фиксировалось на страницах центральных газет «Правда» и «Труд» – 98 и 90 упоминаний соответственно (суммарно за период 1946–1956 гг. в рамках выборки). Это соответствует примерно одному упоминанию лексемы в каждом третьем выпуске издания (см. рис. 2). В областных, городских и заводских газетах, а также журнале «Смена» этот показатель варьировался по изданиям от 20 до 30 упоминаний (за период 1946–1956 гг. в рамках выборки).

В хронологическом разрезе наибольшее число обращений к категориям данной группы на страницах СМИ наблюдалось в годы четвертой пятилетки, а максимальная востребованность фиксировалась в период 1946–1948 гг.

Антитеза «трудный – легкий» в сюжетах трудовой тематики

Ярко выраженными положительными коннотациями в печатном дискурсе периода сопровождалось и само понятие *трудный*: «Трудный, но славный был год 1946!» [58. С. 1]; «В пафосе созидательного труда советские люди развернули наступление на послевоенные трудности» [59. С. 1]. Качественный анализ текстов печатных СМИ 1946–1956 гг. позволяет прийти к выводу, что чем труднее и напряженнее была трудовая деятельность, тем она виделась более приемлемой, предпочтительной и «правильной» для советского человека: «Пусть трудно, говорят наши люди, но эти трудности роста таковы, что их преодоление несет с собой приближение великой заветной цели» [42. С. 2]; «Мы знаем, что задача восстановления города не легкая, много будет трудностей, она потребует огромного напряжения усилий, но труд... для нас счастье» [60. С. 1]. Работа на самых «трудных участках», как правило, украшала трудовые биографии передовиков и стахановцев, способствуя формированию черт характера, важных для советского человека: «умению бороться с трудностями, любви к труду» [61. С. 2]. Позитивность коннотаций понятия «трудный» определялась необходимостью наличия трудностей (и их самоотверженного преодоления) как элементов образа героического советского человека, конструируемого в информационном пространстве периода: «Героический советский народ не боится трудностей» [62. С. 1].

В свою очередь, понятие *легкий* раскрывалось скорее через негативные характеристики. На страницах журнала «Смена» 1947 г. негативный смысл данного понятия высвечивается в процессе обсуждения на комсомольском собрании трудовой деятельности коллектива: «– Они там у себя легкую жизнь устроили. Всегда паровозы задерживают... Вагоны с углем по двое суток простаивают» [63. С. 12]. В статье

«Правды», посвященной совещанию работников московской промышленности, в своем выступлении один из участников отмечает: «Отдельные руководители предприятий... хотя для себя легкой жизни и всеми правдами и неправдами стараются выговорить плановую себестоимость повыше, а плановую прибыль – пониже» [64. С. 2]. В рамках сюжетов, посвященных «правильным» практикам трудовой деятельности населения, антонимы *трудный–легкий* четко поляризуются в рамках системы *предпочтительно–неприемлемо*, формируя устойчивые связи: *трудный–предпочтительный, легкий–неприемлемый*.

Антагонистичность категорий *трудный–легкий* усиливается путем их синхронизации с магистральной антитезой советского дискурса: *социализм–капитализм*. В результате политически не ангажированная пара антонимов приобретала идеологическую окраску, наделяясь соответствующими полярными политизированными смыслами, коннотациями и оценочными характеристиками. Так, например, в одном из выпусков «Правды» автор очерка, рассуждая о строительстве доходных каналов в капиталистических странах, резюмирует: «Каналы эти давно построены... Это было сравнительно легкое и простое дело» [65. С. 2]. Наиболее полно сущность мировоззрения советского человека и его отличие от образа мыслей иностранца раскрыты в статье Б. Горбатова, опубликованной на страницах «Правды»: «Это только русский человек поймет, – иностранцу этого понять не дано. Это только советский человек почувствует. Никто у нас не хочет “хаты с краю”, задач легких и жертв малых. Всякое направление, на котором работает или дерется советский человек, он делает для себя самым главным и отдаст ему всю свою душу, всю без остатка» [66. С. 3].

Редуцирование экстремальных категорий в прессе 1950-х гг.

В 1950-е гг. на страницах отечественных печатных СМИ фиксируется значительное снижение уровня динамики, эмоциональности и экстремальности в описании трудовых практик граждан. Газеты продолжают сообщать о перевыполнении трудящимися планов и норм, но тексты, посвященные трудовой тематике, приобретают в большей степени информационный характер, утрачивая динамику, стилистическую выразительность, создаваемую конструируемыми образами массового трудового подъема, всенародного самоотверженного труда на благо Родины и акцентированной героики трудовых подвигов. В качестве примера можно привести цитаты из газеты «Правда»: «Успешно закончил первое полугодие коллектив автозавода имени Молотова. Программа перевыполнена по всем показателям» [67. С. 1]; «Коллектив ленинградского завода “Электрик” успешно осваивает производство новых совершенных конструкций сварочных машин и агрегатов» [68. С. 1]. Газета «Магнитогорский металл» отмечала: «Сталеплавыльщики первого мартеновского цеха... рассчитались с годовым планом и перевыполнили обязательства, принятые на 1953 год» [69. С. 1]; «Заступив на трудовую вахту в

честь выборов в Верховный Совет СССР, сортопрокатчики стана “300” № 1... успешно выполняют принятые обязательства» [70. С. 1]; «Свою преданность советскому государству, партии они доказали своей энергичной плодотворной деятельностью» [71. С. 1].

Трудовые практики, фиксируемые в текстах, характеризуются «успешностью» и «энергичностью», но не «самоотверженными подвигами», как в текстах прессы второй половины 1940-х гг. На страницах центральных, областных, городских и заводских газет 1950-х гг. востребованность лексем «труд–преодоление» и «труд–подвиг» достигает минимальных значений в рамках выделенного периода (см. рис. 1, 2). Лексема «самоотверженный» значительно реже употребляется в качестве характеристики трудовых свершений граждан, чаще фигурируя в контексте фраз о самоотверженной борьбе за «дело коммунизма», об «освобождении от капиталистического рабства», «за счастливую жизнь» и т.п. Лексема «подвиг» чаще звучала в сюжетах, посвященных военным свершениям советских граждан на фронте, а эпитет «напряженный» фигурировал при характеристике международного положения. В результате произошедшего редуцирования экстремальных категорий в сюжетах, посвященных трудовой повседневности, экономические и производственные задачи развития страны и предприятий не наполнялись смыслом «кровных интересов» граждан, не презентовались в качестве магистральных жизнедеятельностных стратегий, требующих максимального напряжения сил и свершения подвигов. Это свидетельствует о снижении интенсивности трудовой мобилизационной риторики СМИ, произошедшей в 1950-е гг.

Заключение

Е.В. Сальникова в работе «Советская культура в движении» замечает, что в советском дискурсе различные формы экстремальности презентовались в качестве нормального и даже положительного явления, обозначая проекцию марксизма, в котором борьба являлась движущей силой социального прогресса [72. С. 64–69]. Предпринятый анализ материалов отечественной печатной периодики 1946–1956 гг. позволяет согласиться с данным утверждением. Практики напряженного и самоотверженного труда, кульминирующего в трудовых подвигах, определялись в советских

газетах и журналах исключительно через положительные характеристики. Самоотверженное преодоление трудностей, возникающих в том числе и в процессе трудовой деятельности, являлось частью биографий героев, презентуемых в качестве эталонов для подражания в советских СМИ и художественной литературе. В то же время в рамках советского дискурса практики напряженного преодоления обстоятельств (стихий, времени, физических возможностей человека) являлись не единичными и уникальными, а тяготели к нормализованным регулярным действиям, типичным и желательным для советского человека, независимо от того, в какой профессиональной плоскости он реализует себя.

Организация трудового подъема, необходимого для послевоенного восстановления экономики страны, требовала от советских граждан максимального напряжения сил. Категории экстремальности, наполнявшие советское информационное пространство первых послевоенных лет, имплицитно выполняли означенную мобилизационную функцию, стимулируя трудовые достижения и подвиги граждан. На страницах советской прессы максимальная количественная выраженность экстремальных лексических категорий в трудовых сюжетах фиксировалась во второй половине 1940-х гг., постепенно снижаясь в 1950-е гг.

Выявленная динамика интенсивности риторики трудовой мобилизации населения РСФСР 1946–1956 гг., транслируемой в печатных СМИ различного уровня, в целом соответствовала векторности социально-экономического курса страны. Максимальное количество обращений к экстремальным категориям, стимулирующим население на самоотверженное трудовое подвижничество, выражающееся в максимальной интенсификации труда, звучало на страницах СМИ в трудные для граждан первые послевоенные годы. Успехи в решении задач послевоенного восстановления, достигнутые при помощи напряжения сил всего общества, способствовали эволюции мобилизационной системы и изменению интенсивности риторики трудовой мобилизации на страницах прессы. Фиксируемая трансформация пропагандистской риторики СМИ коррелировала как с результатами послевоенного восстановления страны и динамикой модернизационных процессов, так и с запросом советского общества на повышение уровня и качества жизни, а также с произошедшим в 1950-е гг. изменением политической конъюнктуры.

Список источников

1. Буряк Е.М. Пресса конца 1950-х – начала 1960-х гг. как канал формирования общественного сознания в СССР // Проблемы истории, философии, культуры. 2016. № 3 (53). С. 269–277.
2. Володина М.Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М. : Академический Проект, 2003. С. 10–32.
3. Орех Е. А. Образ советского вождя: визуальные послания первой половины XX века (на материалах центральных и местных газет) // Властные структуры и группы доминирования. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2012. С. 473–493.
4. Липатова Н.В. Власть в печатном эквиваленте: образ советского лидера на страницах прессы. Ульяновск : Изд-во УГУ, 2014. 232 с.
5. Клинова М.А., Трофимов А.В. Конструирование негативного имиджа «хозяйственника» на страницах журнала «Крокодил» в 1953–1964 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24, № 3. С. 78–82.
6. Хомякова А.С., Лоница С.Л. Образ Юрия Алексеевича Гагарина в прессе СССР // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2011. Т. 2, № 7. С. 123–124.
7. Колесникова А.Г. «Образ врага» в советской пропаганде периода «холодной войны»: от события к образу // Приволжский научный вестник. 2011. № 3 (3). С. 30–35.

8. Белоконова А.С. Конструирование образа внешнего врага: исследование советских СМИ и официальных документов начала «холодной войны» (1946–1953 гг.) : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М. : Изд-во РГГУ, 2004. 24 с.
9. Саенко А.В. Образ Польши в советской прессе в период «перестройки»: опыт контент-анализа по материалам «Калининградской правды» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2017. Т. 3, № 4 (12). С. 90–96.
10. Каменская Е.В. Города Китая 1950-х гг. на страницах советской печати (по материалам журнала «Огонек») // Россия–Китай : история и культура. Казань : Фэн, 2019. С. 204–211.
11. Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь : ЗУУНЦ, 2005. 144 с.
12. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб. : Фолио-Пресс. 1998. 700 с.
13. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Лингвистическая советология. Екатеринбург : УрГПУ, 2009. 291 с.
14. Малышева Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 32–40.
15. Смоляк О.А. Трудовой этос эпохи позднего социализма (по материалам провинциальной печати) // Формирование гуманитарной среды и внеучебная работа в вузе, техникуме, школе. Пермь : ПГТУ, 2006. Т. II. С. 115–118.
16. Барсукова В.В. Об изменениях тоталитарного дискурса в советскую эпоху // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 2 (8). С. 65–69.
17. Клинова М.А., Трофимов А.В. Модели трудовой мобилизации молодежи (по материалам журнала «Смена» 1946–1953 гг.) // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 55–62.
18. Клинова М.А. Модели имплицитной риторики трудовой мобилизации населения: реконструкция на базе контент-анализа материалов прессы 1946–1956 гг. // Документальное наследие и историческая наука. Екатеринбург : Изд-во УрФУ, 2020. С. 204–212.
19. Чернова О.Е. Концепт «труд» как объект идеологизации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург : УрГУ. 2004. 20 с.
20. Шкайдерова Т.В. Советская идеологическая языковая картина мира: субъекты, время, пространство : на материале заголовков газеты «Правда» 30–40-х гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск : ОмГУ. 2007. 22 с.
21. Артемов Е. Т. Научно-техническая политика в советской модели позднейиндустриальной модернизации. М. : РОССПЭН, 2006. 256 с.
22. Баканов С.А. Мобилизационная модель развития советского общества : проблемы теории и историографии // Вестник ЧелГУ. 2013. № 18 (309). 87–92.
23. Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века : сб. материалов II Всерос. науч. конфер. Челябинск : Энциклопедия, 2012. 662 с.
24. Седов В.В. Мобилизационная экономика: советская модель. Челябинск : ЧелГУ. 2003. 177 с.
25. Восьмая заводская комсомольская конференция // Магнитогорский металл. 1948. 12 июня.
26. По-хозяйски подготовим транспорт к зиме // Магнитогорский металл. 1948. 15 июля.
27. К дальнейшим успехам советской Родины! // Труд. 1947. 1 января.
28. Наш труд – это борьба за мир // Смена. 1950. № 9.
29. Коршунов И. Укрепилась трудовая дисциплина // Правда. 1948. 24 ноября.
30. Возглавить большое государственное дело // Магнитогорский металл. 1946. 5 марта.
31. Товарищу Сталину И.В. // Правда. 1947. 2 апреля.
32. Московскому городскому Совету депутатов трудящихся // Правда. 1947. 7 сентября.
33. 1947 // Восточно-Сибирская правда. 1947. 1 января.
34. Косаткин С. Самоотверженный труд // Под знаменем Ленина. 1946. 7 февраля.
35. Вперед, к новым успехам советской Родины! // Правда. 1946. 8 ноября.
36. Миньков М. Разбег // Уральский рабочий. 1947. 1 мая.
37. Пирожков В. Увеличу скорость резания // Восточно-Сибирская правда. 1950. 15 марта.
38. За досрочное выполнение пятилетнего плана // Под знаменем Ленина. 1947. 15 ноября.
39. Хитрун Л. Успехи молодых бригад // Магнитогорский металл. 1946. 11 января.
40. Моисеева К. Тайна рождения руды // Смена. 1949. № 1.
41. Аня Быкова // Красный Север. 1946. 1 мая.
42. Весна // Смена. 1948. № 9.
43. Малышева С.Ю. «Хорошая смерть» в некрологическом дискурсе первых советских десятилетий // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 103–111.
44. Юровский В. Структура и стиль советского политического некролога 30-х – 80-х годов // Der Tod in der Propaganda: (Sowjetunion und Volksrepublik Polen). Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt/M; New York; Oxford; Wien : Peter Lang, 2000. P. 127–190.
45. Выдающийся организатор социалистического хозяйства // Правда. 1947. 15 января.
46. Schwendimann Ueli. Der Tod als Ode an das System. Textsortenmutationen als Bestandteil verbaler Propaganda – am Beispiel von Texten über den Tod // Der Tod in der Propaganda: (Sowjetunion und Volksrepublik Polen). Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt/M; New York; Oxford; Wien : Peter Lang, 2000. P. 1–12.
47. Антошин А.В. Политический режим в Советском Союзе в середине 1940-х – начале 1950-х годов в оценках российских эмигрантов // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 24. С. 159–170.
48. Два мира – два образа жизни // Правда. 1952. 11 декабря.
49. Новыми трудовыми подвигами встретим день выборов в Верховный Совет СССР! // Восточно-Сибирская правда. 1950. 15 января.
50. Год героического труда // Под знаменем Ленина. 1947. 1 января.
51. Чувство нового // Труд. 1947. 11 мая.
52. Тридцатилетие Великой Октябрьской Социалистической революции // Магнитогорский металл. 1947. 7 ноября.
53. С высокой производительностью // Восточно-Сибирская правда. 1950. 15 марта.
54. Березко Г. Общее дело // Правда. 1948. 5 апреля.
55. Под знаменем Ленина, под водительством Сталина – к новым успехам Советской Родины // Правда. 1948. 1 мая.
56. Клинова М.А. «Что такое хорошо и что такое плохо»: эволюция нормативных поведенческих моделей младших школьников на страницах букварей середины 1940-х – 1960-х гг. // Новейшая история России. 2017. № 2. С. 162–175.
57. Ковалевский А. Советское общество – авангард современного человечества // Вопросы истории. 1949. № 10. С. 17–36.
58. Славный год // Смена. 1947. № 1.
59. Созидательный труд // Труд. 1946. 11 ноября.
60. 1946 год // Великолукская правда. 1946. 1 января.
61. Игошев Г., Шатыло П. Молодой руководитель // Под знаменем Ленина. 1951. 1 мая.
62. Канун великого праздника // Труд. 1947. 30 апреля.
63. Мусатов А. Щербаковцы // Смена 1947. № 17.
64. Совещание работников московской промышленности // Правда. 1948. 15 сентября.
65. Павленко П. Героический путь // Правда. 1951. 1 января.
66. Горбатов Б. Знамя победы // Правда. 1948. 9 мая.
67. Новые обязательства автомобилестроителей // Правда. 1953. 20 июля.

68. Электросварочные машины // Правда. 1953. 15 октября.
69. Полнее используем резервы для увеличения выплавки стали // Магнитогорский металл. 1954. 13 января.
70. Писарев И. В честь выборов в Верховный Совет СССР // Магнитогорский металл. 1954. 24 января.
71. Встреча избирателей с кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР Б.П. Бешевым // Магнитогорский металл. 1954. 10 марта.
72. Сальникова Е.В. Советская культура в движении: от середины 1930-х к середине 1980-х гг. Визуальные образы, герои, сюжеты. М. : ЛКИ, 2010. 480 с.

References

1. Buryak, E.M. (2016) *Pressa kontsa 1950-kh – nachala 1960-kh gg. kak kanal formirovaniya obshchestvennogo soznaniya v SSSR // Problemy istorii, filosofii, kul'tury. No. 3 (53). pp. 269–277.*
2. Volodina, M.N. (2003) *Yazyk SMI – osnovnoe sredstvo vozdeystviya na massovoe soznanie // Yazyk SMI kak ob'ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya. M.: Akademicheskii Proekt, pp. 10–32.*
3. Orekh, E.A. (2012) *Obraz sovetskogo vozhdya: vizual'nye poslaniya pervoy poloviny XX veka (na materialakh tsentral'nykh i mestnykh gazet) // Vlastnye struktury i gruppy dominirovaniya. St. Petersburg: Izd-vo SPGU, pp. 473–493.*
4. Lipatova, N.V. (2014) *Vlast' v pechatnom ekvivalente: obraz sovetskogo lidera na stranitsakh pressy. Ulyanovsk: Izd-vo UGU, 232 s.*
5. Klinova, M.A. & Trofimov, A.V. (2017) *Konstruirovaniye negativnogo imidzha «khozyaystvennika» na stranitsakh zhurnala «Krokodil» v 1953–1964 gg. // Gumanitarnye nauki v Sibiri. T. 24, No. 3. pp. 78–82.*
6. Khomyakova, A.S. & Lonina, S.L. (2011) *Obraz Yuriya Alekseevicha Gagarina v presse SSSR // Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavtiki. T. 2, No. 7. pp. 123–124.*
7. Kolesnikova, A.G. (2011) *«Obraz vraga» v sovetskoy propagande perioda «kholodnoy voyny»: ot sobytiya k obrazu // Privolzhskiy nauchnyy vestnik. No. 3 (3). pp. 30–35.*
8. Belokoneva, A.S. (2004) *Konstruirovaniye obraza vneshnego vraga: issledovanie sovetskikh SMI i ofitsial'nykh dokumentov nachala «kholodnoy voyny» (1946–1953 gg.): avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk. M.: Izd-vo RGGU, 24 s.*
9. Saenko, A.V. (2017) *Obraz Pol'shi v sovetskoy presse v period «perestroyki»: opyt kontent-analiza po materialam «Kaliningradskoy pravdy» // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye nauki. T. 3, No. 4 (12). pp. 90–96.*
10. Kamenskaya, E.V. (2019) *Goroda Kitaya 1950-kh gg. na stranitsakh sovetskoy pechati (po materialam zhurnala «Ogonek») // Rossiya–Kitay: istoriya i kul'tura. Kazan': Fen, pp. 204–211.*
11. Kupina, N.A. (2005) *Totalitarnyy yazyk: slovar' i rechevye reaktzii. Ekaterinburg; Perm': ZUUNTs, 144 s.*
12. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (1998) *Tolkovyy slovar' yazyka Sovdeprii. St. Petersburg: Folio-Press. 700 s.*
13. Budaev, E.V. & Chudinov, A.P. (2009) *Lingvisticheskaya sovetskaya lingvistika. Ekaterinburg: UrGPU, 291 s.*
14. Malysheva, E.G. (2009) *Ideologema kak lingvokognitivnyy fenomen: opredeleniye i klassifikatsiya // Politicheskaya lingvistika. No. 4 (30). pp. 32–40.*
15. Smolyak, O.A. (2006) *Trudovoy etos epokhi pozdnego sotsializma (po materialam provintsial'noy pechati) // Formirovaniye gumanitarnoy sredy i vnechebnaya rabota v vuze, tekhnikum, shkole. Perm': PGU, T. II. pp. 115–118.*
16. Barsukova, V.V. (2010) *Ob izmeneniyakh totalitarnogo diskursa v sovetskuyu epokhu // Vestnik Permskogo universiteta. Vyp. 2 (8). pp. 65–69.*
17. Klinova, M.A. & Trofimov, A.V. (2018) *Modeli trudovoy mobilizatsii molodezhi (po materialam zhurnala «Smena» 1946–1953 gg.) // Ural'skiy istoricheskiy vestnik. No. 4 (61). pp. 55–62.*
18. Klinova, M.A. (2020) *Modeli implitsitnoy ritoriki trudovoy mobilizatsii naseleniya: rekonstruktsiya na baze kontent-analiza materialov pressy 1946–1956 gg. // Dokumental'noe nasledie i istoricheskaya nauka. Ekaterinburg: Izd-vo UrFU, pp. 204–212.*
19. Chernova, O.E. (2004) *Kontsept «trud» kak ob'ekt ideologizatsii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg: UrGU. 20 s.*
20. Shkayderova, T.V. (2007) *Sovetskaya ideologicheskaya yazykovaya kartina mira: sub'ekty, vremya, prostranstvo: na materiale zagolovkov gazety «Pravda» 30–40-kh gg.: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Omsk: OmGU. 22 s.*
21. Artemov, E.T. (2006) *Nauchno-tekhnicheskaya politika v sovetskoy modeli pozdneindustrial'noy modernizatsii. M.: ROSSPEN, 256 s.*
22. Bakanov, S.A. (2013) *Mobilizatsionnaya model' razvitiya sovetskogo obshchestva: problemy teorii i istoriografii // Vestnik ChelGU. No. 18 (309). 87–92.*
23. *Mobilizatsionnaya model' ekonomiki: istoricheskiy opyt Rossii KhKh veka: sb. materialov II Vseros. nauch. konfer. Chelyabinsk: Entsiklopediya, 2012. 662 s.*
24. Sedov, V.V. (2003) *Mobilizatsionnaya ekonomika: sovetskaya model'. Chelyabinsk: ChelGU. 177 s.*
25. *Vos'maya zavodskaya komсомол'skaya konferentsiya // Magnitogorskiy metall. 1948. 12 iyunya.*
26. *Po-khozyayski podgotovim transport k zime // Magnitogorskiy metall. 1948. 15 iyulya.*
27. *K dal'neyshim uspekham sovetskoy Rodiny! // Trud. 1947. 1 yanvarya.*
28. *Nash trud – eto bor'ba za mir // Smena. 1950. No. 9.*
29. *Korshunov, I. (1948) Ukrepiyas' trudovaya distsiplina // Pravda. 24 noyabrya.*
30. *Vozglavit' bol'shoe gosudarstvennoe delo // Magnitogorskiy metall. 1946. 5 marta.*
31. *Tovarishchu Stalinu I.V. // Pravda. 1947. 2 aprelya.*
32. *Moskovskomu gorodskomu Sovetu deputatov trudyashchikhsya // Pravda. 1947. 7 sentyabrya.*
33. *1947 // Vostochno-Sibirskaya pravda. 1947. 1 yanvarya.*
34. *Kosatkin, S. (1946) Samooverzhennyi trud // Pod znamenem Lenina. 7 fevralya.*
35. *Vpered, k novym uspekham sovetskoy Rodiny! // Pravda. 1946. 8 noyabrya.*
36. *Min'kov, M. (1947) Razbeg // Ural'skiy rabochiy. 1 maya.*
37. *Pirozhkov, V. (1950) Uvelichu skorost' rezaniya // Vostochno-Sibirskaya pravda. 15 marta.*
38. *Za dosrochnoe vypolneniye pyatiletnego plana // Pod znamenem Lenina. 1947. 15 noyabrya.*
39. *Khitrin, L. (1946) Uspekhi molodykh brigad // Magnitogorskiy metall. 11 yanvarya.*
40. *Moiseeva, K. (1949) Tayna rozhdeniya rudy // Smena. No. 1.*
41. *Anya Bykova // Krasnyy Sever. 1946. 1 maya.*
42. *Vesna // Smena. 1948. No. 9.*
43. *Malysheva, S.Yu. (2017) «Khoroshaya smert'» v nekrologicheskom diskurse pervykh sovetskikh desyatiletii // Epokha sotsialisticheskoy rekonstruktsii: idei, mify i programmy sotsial'nykh preobrazovaniy. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, pp. 103–111.*
44. *Yurovskiy, V. (2000) Struktura i stil' sovetskogo politicheskogo nekrologa 30-kh – 80-kh godov // Der Tod in der Propaganda: (Sowjetunion und Volksrepublik Polen). Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt/M; New York; Oxford; Wien: Peter Lang, R. 127–190.*
45. *Vydayushchiysya organizator sotsialisticheskogo khozyaystva // Pravda. 1947. 15 yanvarya.*
46. *Schwendimann, U. (2000) Der Tod als Ode an das System. Textsortenmutationen als Bestandteil verbaler Propaganda – am Beispiel von Texten über den Tod // Der Tod in der Propaganda: (Sowjetunion und Volksrepublik Polen). Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt/M; New York; Oxford; Wien: Peter Lang, R. 1–12.*

47. Antoshin, A.V. (2008) Politicheskiy rezhim v Sovetskom Soyuze v seredine 1940-kh – nachale 1950-kh godov v otsenkakh rossiyskikh emigrantov // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. No. 24. pp. 159–170.
48. Dva mira – dva obraza zhizni // Pravda. 1952. 11 dekabrya.
49. Novymi trudovymi podvigami vstretil den' vyborov v Verkhovnyy Sovet SSSR! // Vostochno-Sibirskaya pravda. 1950. 15 yanvarya.
50. God geroicheskogo truda // Pod znamenem Lenina. 1947. 1 yanvarya.
51. Chuvstvo novogo // Trud. 1947. 11 maya.
52. Tridtsatiletie Velikoy Oktyabr'skoy Sotsialisticheskoy revolyutsii // Magnitogorskiy metall. 1947. 7 noyabrya.
53. S vysokoy proizvoditel'nost'yu // Vostochno-Sibirskaya pravda. 1950. 15 marta.
54. Berezko, G. (1948) Obshchee delo // Pravda. 5 aprelya.
55. Pod znamenem Lenina, pod voditel'stvom Stalina – k novym uspekham Sovetskoj Rodiny // Pravda. 1948. 1 maya.
56. Klinova, M.A. (2017) «Chto takoe khorosho i chto takoe plokho»: evolyutsiya normativnykh povedencheskikh modeley mladshikh shkol'nikov na stranitsakh bukvaray serediny 1940-kh – 1960-kh gg. // Noveyshaya istoriya Rossii. No. 2. pp. 162–175.
57. Kovalevskiy, A. (1949) Sovetskoe obshchestvo – avangard sovremennogo chelovechestva // Voprosy istorii. No. 10. pp. 17–36.
58. Slavnyy god // Smena. 1947. No. 1.
59. Sozidatel'nyy trud // Trud. 1946. 11 noyabrya.
60. 1946 god // Velikolukskaya pravda. 1946. 1 yanvarya.
61. Igoshev, G. & Shatylo, P. (1951) Molodoy rukovoditel' // Pod znamenem Lenina. 1 maya.
62. Kanun velikogo prazdnika // Trud. 1947. 30 aprelya.
63. Musatov, A. (1947) Shcherbakovtsy // Smena No. 17.
64. Soveshchanie rabotnikov moskovskoy promyshlennosti // Pravda. 1948. 15 sentyabrya.
65. Pavlenko, P. (1951) Geroicheskiy put' // Pravda. 1 yanvarya.
66. Gorbatov, B. (1948) Znamya pobedy // Pravda. 9 maya.
67. Novye obyazatel'stva avtomobilstroiteley // Pravda. 1953. 20 iyulya.
68. Elektrosvarochnye mashiny // Pravda. 1953. 15 oktyabrya.
69. Polnee ispol'zuem rezervy dlya uvelicheniya vyplavki stali // Magnitogorskiy metall. 1954. 13 yanvarya.
70. Pisarev, I. (1954) V chest' vyborov v Verkhovnyy Sovet SSSR // Magnitogorskiy metall. 24 yanvarya.
71. Vstrecha izbirateley s kandidatom v deputaty Verkhovnogo Soveta SSSR B.P. Beshchevym // Magnitogorskiy metall. 1954. 10 marta.
72. Sal'nikova, E.V. (2010) Sovetskaya kul'tura v dvizhenii: ot serediny 1930-kh k seredine 1980-kh gg. Vizual'nye obrazy, geroi, syuzhety. M.: LKI, 480 s.

Информация об авторе:

Клинова М.А. – д-р. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Россия). E-mail: klinowa.m@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.A. Klinova, Dr. Sci. (History), leading research fellow, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: klinowa.m@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.12.2023;
одобрена после рецензирования 19.01.2024; принята к публикации 30.06.2024.*

*The article was submitted 14.12.2023;
approved after reviewing 19.01.2024; accepted for publication 30.06.2024.*

Научная статья
УДК 341.24(569.4/536.2)
doi: 10.17223/15617793/503/4

«Соглашения Авраама» и новая реальность в арабо-израильских отношениях

Юрий Ильич Костенко¹, Владимир Михайлович Морозов^{2*}

^{1, 2} Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия

¹ kostenkomgimo@mail.ru

² morozov@inno.mgimo.ru

Аннотация. Комплексно проанализирована обстановка и политические факторы в ближневосточном регионе накануне подписания «Соглашений Авраама», а также изучены изменения, произошедшие в арабо-мусульманском мире спустя год после того, как четыре страны (ОАЭ, Бахрейн, Судан, Марокко) подписали в 2020 г. соглашения о нормализации отношений с Израилем. Отмечено политическое и экономическое значение для Израиля «Соглашений Авраама» с учетом его стремления расширить «круг мира» и привлечь новые мусульманские государства к сотрудничеству. Особое внимание уделяется анализу перспектив «Соглашений Авраама».

Ключевые слова: внешняя политика Израиля, «Соглашения Авраама», отношения Израиля с ОАЭ, отношения Израиля с Бахрейном, отношения Израиля с Суданом, отношения Израиля с Марокко, Израиль и Саудовская Аравия

Для цитирования: Костенко Ю.И., Морозов В.М. «Соглашения Авраама» и новая реальность в арабо-израильских отношениях // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 503. С. 37–52. doi: 10.17223/15617793/503/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/503/4

The Abraham Accords and the new reality in Arab-Israeli relations

Yuri I. Kostenko¹, Vladimir M. Morozov²

^{1, 2} MGIMO University, Moscow, Russian Federation

¹ kostenkomgimo@mail.ru

² morozov@inno.mgimo.ru

Abstract. The relevance of this study is due to the significance of the transformations taking place in the Middle East and the influence of regional trends on the system of international relations. The emergence of new common threats to the security of Israel and the moderate Arab states of the Persian Gulf and North Africa forces us to look for joint means of protection, which work for their rapprochement. At the same time, opportunities are opening up for broad mutually beneficial economic cooperation between Israel and the Arab states of the region, and the extension of this cooperation to other Muslim states. The study aims to consider the political and economic significance of the Abraham Accords for the signatory states, the prospects for Arab-Israeli cooperation, and to fix possible negative consequences in case of non-fulfillment of the agreements. The studied “new peripheral strategy” has a fundamental difference from its predecessor, which is that Israel maintains open diplomatic relations with most of the states of the “new periphery”; partners in the “new periphery” openly express interest in this cooperation. Compared to the previous strategy, economic ties within the “new periphery” are becoming more important. For the Arab-Muslim world and Israel, 2020 was a landmark year: four countries (the UAE, Bahrain, Sudan, Morocco) signed agreements with Israel on normalization of relations (the Abraham Accords). This is a great achievement in the regional peace process and, perhaps, the beginning of the accession of other Arab and Muslim states to the normalization process with Israel. The motives of these Arab states to sign agreements on normalization of relations with Israel are different. Some states share the Israeli vision of existential threats, while others are attracted by political and economic benefits and the opportunity to improve their image. It is important to note that, according to experts, the main impetus for rapprochement between Israel and the Arab states was the fact of the US withdrawal from the region. And the uncertainty that arose regarding the presence and participation of the United States in the affairs of the region, especially after the withdrawal from Afghanistan, may, on the one hand, reduce the chances of other Arab states joining normalization with Israel. On the other hand, the likelihood of joining the agreements may increase if the Arab states see a strategic advantage in relations with Israel in the absence of a strong American “umbrella”.

* Автор для переписки / Corresponding author

Keywords: foreign policy of Israel, Abraham Accords, Israel's relations with the UAE, Israel's relations with Bahrain, Israel's relations with Sudan, Israel's relations with Morocco, Israel and Saudi Arabia

For citation: Kostenko, Yu.I. & Morozov, V.M. (2024) The Abraham Accords and the new reality in Arab-Israeli relations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 503. pp. 37–52. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/503/4

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена значимостью трансформаций, происходящих на Ближнем Востоке, и влиянием региональных трендов на систему международных отношений. Появление новых угроз со стороны Ирана и исламского радикализма, обших для безопасности Израиля и умеренных арабских государств Персидского залива и Северной Африки, заставляет их искать совместные средства защиты и работает на сближение. Прагматизм берет верх над сложившимися и поддерживавшимися в течение многих лет политическими стереотипами в арабо-мусульманском мире, выражавшимися в непризнании и бойкоте Израиля.

При этом открываются возможности широкого взаимовыгодного экономического сотрудничества между Израилем и арабскими государствами региона, распространения этого сотрудничества на другие мусульманские государства.

Цель настоящего исследования состоит в рассмотрении политической и экономической значимости «Соглашений Авраама» для подписавших их государств, перспектив арабо-израильского сотрудничества, фиксации возможных негативных последствий в случае невыполнения соглашений.

Материалы и методы

Учитывая, что с момента подписания «Соглашений Авраама» (2020 г.) прошло очень мало времени, материалы по данной теме представлены в основном публикациями и статьями на иврите и английском языке. Преобладают статьи израильских исследователей международных отношений и внешней политики.

Очень интересная аналитическая статья написана израильскими исследователями Й. Гужански и У. Декель [1]. Следует отметить работы Й. Гужански по региональной политике Израиля, написанные им самим или в соавторстве с другими исследователями [2–5]. Они дают понимание сути происходящих на Ближнем Востоке трансформаций, стратегии Израиля в противостоянии новым вызовам и угрозам национальной безопасности.

Весьма полезной оказалась статья Д. Бройтмана [6].

Анализ почти двухлетнему периоду, прошедшему после подписания соглашений между Израилем, ОАЭ и Бахрейном, дан в статье Л. Курцер-Элленбоген из американского Института мира. Она отмечает, что соглашения о нормализации отношений Израиля с ОАЭ и Бахрейном принесли плоды в нескольких областях [7].

Израильское издание «Калкалист» комментирует статью в «The Wall Street Journal», акцентируя внимание на неофициальных контактах между Израилем и Саудовской Аравией, делает определенный прогноз на

будущее. Отмечается, что впервые Саудовская Аравия инвестирует деньги в экономику Израиля через фонд Дж. Кушнера [8].

Вся имеющаяся научная литература касается периода, предшествовавшего подписанию соглашений. Чрезвычайно интересной для анализа израильской региональной политики в историческом аспекте и понимания направленности ее векторов представляется книга Й. Альфера [9].

Подробнейшее описание состояния отношений Израиля с Марокко до присоединения к «Соглашениям Авраама» дано в книге С. Сегева [10]. Книга помогает понять готовность Марокко пойти на нормализацию отношений с Израилем.

Авторы данного исследования использовали в своей работе историко-системный и историко-аналитический методы, метод контент-анализа, метод SWOT-анализа.

Историко-системный и историко-аналитический методы были использованы для изучения фактов, выявления тенденций в деятельности исследуемых акторов, понимания причин и характеристик существующего положения. Книги Й. Альфера и С. Сегева позволили авторам настоящего исследования проследить в исторической ретроспективе связи между Израилем, арабскими государствами Персидского залива и Марокко. Эти работы дают понимание современной региональной политики Израиля и ее связи с предшествующей политикой, проводившейся в рамках «периферийной стратегии».

Следуя методу контент-анализа, авторы детально изучили содержание большого количества газетных и журнальных публикаций. Это позволило зафиксировать появление новых тенденций в межгосударственных отношениях в регионе, их развитие во времени. Важными при этом оказались аналитические публикации Института исследования проблем национальной безопасности и Института по борьбе с терроризмом Герцлийского междисциплинарного центра [11, 12].

Обозначенные цели исследования сделали обоснованным применение метода SWOT-анализа, суть которого заключается в последовательной характеристике сильных и слабых сторон, возможностей и негативных последствий. Данный метод позволил также сделать определенный прогноз на будущее.

Обсуждение

Упомянутая выше работа Й. Альфера позволила авторам настоящего исследования не только проследить формирование региональной политики Израиля в предшествующий период, связь с нынешней политикой, но и определить ее особенности, увеличение значения экономической компоненты, векторы направленности.

Становление и развитие израильско-марокканских отношений подробно изложено в работе С. Сегева. Автор начинает работу с характеристики состояния еврейских общин Марокко накануне образования Израиля, описывает начавшуюся в 1956 г. деятельность израильских спецслужб по организации вывоза евреев из Марокко [10. С. 51–66], отмечает посреднические усилия Марокко, приведшие к подписанию мирного договора между Израилем и Египтом, личный вклад короля Марокко Хасана II, скончавшегося в июле 1999 г., в развитие отношений с Израилем. Данная работа представляет несомненный интерес для исследователей, так как дает определенное понимание мотивов установления дипломатических отношений между Марокко и Израилем в 1995 г.

Как известно, находясь после образования государства во враждебном арабском окружении, Израиль предпринимал экстраординарные меры для обеспечения своей безопасности. Были выработаны четыре взаимосвязанные доктрины, одна из которых касалась региональной политики и называлась «периферийная стратегия». Израиль проводил ее в 1956–1983 гг. Суть стратегии заключалась в поиске союзников среди неарабских мусульманских, неарабских и немусульманских государств на Ближнем Востоке, а также среди неарабских меньшинств в арабских странах региона и налаживании сотрудничества с ними [9. С. 17]. Стратегия доказала свою эффективность, она считается одной из самых успешных внешнеполитических стратегий Израиля.

Главной угрозой для безопасности Израиля в настоящее время военно-политическое руководство страны считает исламский радикализм. В израильском истеблишменте заговорили о необходимости возврата к «периферийной стратегии», адаптировав ее под складывающуюся реальность. Исходя из этого Израиль пытается сегодня строить отношения с государствами, опасаясь усиления влияния радикального ислама, экспансионистских заявлений иранского руководства. Необходима «новая периферия» вокруг враждебного исламского кольца, которая послужит сдерживающим фактором.

В первые десятилетия существования Израиля отбор кандидатов для сотрудничества велся по этноконфессиональному признаку. На современном этапе критерии отбора кандидатов в потенциальные партнеры Израиля являются иными. Отбор идет по идеологическому признаку. По этому признаку Израиль делит арабо-мусульманский мир, выделяя в нем умеренных националистов. К ним он относит Египет, Иорданию, Саудовскую Аравию, ОАЭ, Бахрейн, Палестинскую администрацию [9. С. 141].

В марте 2014 г. на герцлийском форуме в Израиле обсуждался вопрос необходимости обновления стратегии национальной безопасности. Участники сошлись во мнении, что Израиль должен ускорить создание тайных и официальных союзов в трех регионах: в восточном Средиземноморье с Грецией и Кипром; в зоне Персидского залива с Саудовской Аравией и частью эмиратов; в Северной Африке с Эфиопией, Кенией, Южным Суданом, Угандой [12].

Принципиальное отличие «новой периферийной стратегии» от ее предшественницы заключается в том, что с большей частью государств «новой периферии» Израиль поддерживает открытые дипломатические отношения. Чрезвычайно важным для Израиля является факт того, что партнеры по «новой периферии» не скрывают сотрудничества с ним, открыто выражают заинтересованность в этом сотрудничестве. По сравнению с предыдущей стратегией экономические связи в рамках «новой периферии» приобретают большую важность.

Результаты

Для арабо-мусульманского мира и Израиля 2020 г. стал знаковым. В этом году четыре страны – ОАЭ, Бахрейн, Судан и Марокко подписали с Израилем соглашения о нормализации отношений, известные как «Соглашения Авраама». Четыре соглашения являются большим достижением в региональном мирном процессе и, возможно, началом присоединения других арабских и мусульманских государств к процессу нормализации отношений с Израилем.

Не умаляя усилий Израиля, направленных на сближение с умеренными арабскими государствами, можно с уверенностью отметить, что подписание соглашений о нормализации отношений состоялось во многом благодаря активности в этом вопросе бывшего президента США Д. Трампа и его ближайшего окружения.

Находясь в самом центре арабо-мусульманского мира, во враждебном окружении, подвергаясь угрозам сначала со стороны арабского национализма, затем – со стороны радикального ислама, Израиль постоянно искал партнера среди мусульманских государств, сотрудничество с которым он мог представить миру в качестве модели мирного сосуществования еврейского государства с мусульманским.

В последние годы Израиль прилагал усилия, чтобы сблизиться с суннитскими арабскими государствами Персидского залива, разделяющими его видение экзистенциальных угроз, выйти на экономическое сотрудничество с ними, заблокировать импульсы, идущие от радикального ислама. Скрытые от посторонних глаз контакты велись в основном в разведывательной и военной областях.

Усиление влияния Ирана в регионе, его экспансионистские планы, превращение в непосредственного участника палестино-израильского противостояния, ядерная программа, заключение ядерной сделки между Ираном и несколькими державами, деятельность ИГИЛ¹ и других негосударственных акторов, угрожающая стабильности государств региона, послужили почвой для сближения арабских государств Персидского залива с Израилем. Израиль очень хочет использовать эти опасения для создания широкой антииранской коалиции.

Израиль и ОАЭ

Во втором десятилетии XXI в. ситуация на Ближнем Востоке стремительно менялась. На ее изменение

вливали различные факторы, и один из главных – фактор Ирана.

В течение нескольких лет наблюдалось постепенное сближение Израиля с ОАЭ. Уместно отметить, что между Израилем и ОАЭ никогда не было военных конфликтов. В период 2003–2019 гг. израильские делегации и министры посещали Дубай и Абу-Даби. Часть из них прибывала для участия в международных форумах. В 2013–2018 гг. израильские спортсмены участвовали в международных соревнованиях, проводившихся в ОАЭ. В некоторых случаях им не разрешалось выступать под национальным флагом.

В конце ноября 2015 г. в столице ОАЭ Абу-Даби открылось официальное представительство Израиля при Международном агентстве по возобновляемым источникам энергии (IRENA). Интересно отметить в этой связи, что в свое время в ходе обсуждения в ООН вопроса о размещении штаб-квартиры IRENA Израиль поддержал кандидатуру ОАЭ, а не Германии.

Открытие представительства стало результатом интенсивных контактов между Израилем и властями ОАЭ, а само решение было принято в ходе визита в ОАЭ генерального директора МИД Израиля Д. Гольда [13]. Это событие было воспринято в Израиле как прорыв в отношениях с арабскими государствами Персидского залива. Значительные усилия для сближения с ОАЭ приложил А. Либерман, занимавший в 2009–2012 гг. и 2013–2015 гг. пост министра иностранных дел Израиля.

В последнее время в СМИ неоднократно появлялись сообщения о совместных учениях военно-воздушных сил нескольких стран с участием Израиля и ОАЭ. Например, в марте 2017 г. газета «Гаарец» сообщила о совместных учениях ВВС Израиля, ОАЭ, США и Италии на территории Греции. Цель учений была определена как «укрепление комплекса отношений между государствами» и «поддержание совместной боеготовности» [14]. В 2016 г. израильские летчики участвовали в проводившихся в США совместных учениях ВВС, в которых принимали участие также летчики из Пакистана, ОАЭ и Испании.

В ноябре 2021 г. состоялись первые совместные учения ВМФ Израиля, США, ОАЭ и Бахрейна в Красном море. Целью учений названо «укрепление региональной безопасности на море в свете иранской угрозы» [15].

В марте 2020 г. ОАЭ вместе с Саудовской Аравией и Египтом пытались исключить из итогового документа сессии Парламентской ассамблеи ЛАГ пункт, направленный против нормализации отношений с Израилем. Инициатором внесения пункта, запрещающего нормализацию, был председатель парламента Кувейта.

13 августа 2020 г. правительства Израиля и ОАЭ заявили о том, что две страны договорились подписать договор о нормализации отношений. Это был еще один шаг в наблюдающемся постепенном сближении сторон. Следуя намеченной цели, 29 августа 2020 г. наследный принц Абу-Даби отменил закон 1972 г. об экономическом бойкоте Израиля и связанных с ним

санкциях. Глава ОАЭ подписал также ряд указов, позволяющих компаниям и индивидуальным предпринимателям в ОАЭ заключать торговые и финансовые сделки с израильскими компаниями. Израиль получил право ввозить в ОАЭ любые товары, а также торговать на территории ОАЭ.

15 сентября 2020 г. в Белом доме министр иностранных дел ОАЭ, премьер-министр Израиля и президент США подписали договор о нормализации отношений между Израилем и ОАЭ. Одновременно был подписан договор о нормализации дипломатических и экономических отношений между Государством Израиль и Королевством Бахрейн.

Подписание договора между Израилем и ОАЭ приветствовали Египет, Бахрейн, Оман, Мавритания, Судан, Филиппины, Чад. Малайзия заявила, что подписание договора является суверенным правом ОАЭ. Саудовская Аравия не сделала никаких заявлений, не поддержала и не осудила его.

С конца 2020 г. между Израилем и ОАЭ существуют дипломатические отношения. 29 июня 2021 г. в Абу-Даби официально открылось посольство Израиля. На следующий день в Дубае начало работу консульство Израиля. 14 июля 2021 г. в Тель-Авиве состоялось официальное открытие посольства ОАЭ.

В последовавшие после подписания договора о нормализации отношений с ОАЭ месяцы стороны заключили множество соглашений о сотрудничестве в экономике, сельском хозяйстве, сфере безопасности, в области научных исследований, здравоохранении, туризме. В сентябре 2020 г. крупнейшие израильские банки подписали соглашение с банковскими структурами ОАЭ о сотрудничестве в сфере финансовых технологий и инвестиций.

20 октября 2020 г. в Абу-Даби было подписано соглашение об экспорте нефти из ОАЭ в Израиль, которая будет поставляться танкерами в порт Эйлат. На подписании соглашения присутствовало много высокопоставленных чиновников из США, включая министра финансов.

Договор о нормализации отношений с ОАЭ может превратить Израиль в важного игрока на нефтяном рынке, так как через его территорию будет осуществляться транзит нефти с Востока на Запад и с Запада на Восток. В ходе подготовки договора о нормализации Израиль и ОАЭ достигли договоренности об использовании нефтепровода Эйлат–Ашкелон для дальнейшей транспортировки нефти из ОАЭ в Европу и Америку, минуя Суэцкий канал. Нефтепровод был построен в 1969 г. и символизировал растущее экономическое сотрудничество между Израилем и Ираном в рамках «периферийной стратегии». Иранские танкеры доставляли нефть в израильский порт Эйлат на Красном море. Затем нефть перекачивалась в Ашкелон, находящийся на побережье Средиземного моря, и загружалась в танкеры для отправки в Европу и Америку [16. Р. 36–37]. Использование этого нефтепровода существенным образом удешевит транспортировку нефти, ведь за проход танкеров по Суэцкому каналу взима-

ются большие суммы. Супертанкеры не могут проходить по каналу из-за риска сесть на мель. Сегодня поставщики нефти вынуждены арендовать два танкера вместо одного супертанкера для перемещения нефти по Суэцкому каналу и платить за каждого из них от 300 до 400 тыс. долл.

Израильская госкомпания «Трубопроводная компания Европа–Азия» (ЕАРС), образованная в 2017 г., бывшая «Трубопроводная компания Эйлат–Ашкелон», и совместное арабо-израильское предприятия «MED-RED Land Bridge Ltd.» (MRLB) подписали меморандум, носящий обязывающий характер, о задействовании сухопутного моста перемещения нефти между Красным и Средиземным морями [17]. Подписание меморандума делает возможным транспортировку нефти и нефтепродуктов из ОАЭ и других государств Залива через Израиль потребителям на Западе. Эксперты считают, что это может принести в казну Израиля сотни миллионов шекелей в год.

Вынашиваемый политическим руководством Израиля план проложить нефтепровод из Саудовской Аравии до Эйлата представляется осуществимым после подписания договора о нормализации отношений с ОАЭ. В приложении к договору упоминается сотрудничество в сфере энергоносителей. «Стороны будут способствовать и развивать сотрудничество по проектам в сфере энергоносителей, включая региональные системы их перемещения для укрепления энергетической безопасности» [18].

Речь идет о плане компании ЕАРС подключиться к арабской инфраструктуре перемещения нефти и нефтепродуктов в ее конечном пункте на территории Саудовской Аравии. В Израиле считают, что можно соединить нефтяной терминал компании ЕАРС в Эйлате с саудовской системой нефтепроводов, проложенной сегодня до НПЗ в Янбу на Красном море в 700 км. от Эйлата. Подключиться к ней можно, проложив трубопровод по суше или доставляя нефть в Эйлат танкерами.

Соединение саудовской нефтяной инфраструктуры с Эйлатом позволит сократить время доставки нефти и нефтепродуктов из Саудовской Аравии и региона Персидского залива потребителям на Западе, сэкономит значительные средства, которые выплачиваются за проход судов по Суэцкому каналу, и откроет перед Израилем Саудовскую Аравию и государства Персидского залива в качестве поставщиков нефти и нефтепродуктов.

Нефтедобывающие страны Персидского залива также выиграют от реализации данного проекта. Прокладка нефтепровода по суше уменьшит использование водного пути экспорта нефти на Запад, который является более долгим и опасным из-за рисков подвергнуться атакам со стороны Ирана в Ормузском проливе или сомалийских пиратов у входа в Красное море. Руководство Израиля хотело бы с помощью ОАЭ реализовать данный проект. В случае успеха Израиль будет зарабатывать на транзите нефти. Кроме того, Израиль, Саудовская Аравия и ОАЭ будут связаны общими экономическими интересами. Генеральный директор компании ЕАРС И. Леви в статье, опубликованной в журнале «Platts», оценил потенциал данного проекта в 12–

17% объема нефти и нефтепродуктов, перевозимых сегодня по Суэцкому каналу [18].

Основная часть экспорта нефти из региона Персидского залива направляется сегодня на Восток таким потребителям, как Индия и Китай. Но западное направление, в Европу и Северную Америку, остается существенным.

Однако у данного проекта есть немало критиков в самом Израиле. Они утверждают, что вред и опасности для Израиля от его реализации намного превышают выгоду. Возможные ракетные атаки Ирана или ХАМАС по объектам нефтяной инфраструктуры в Израиле могут не только вывести ее из строя, но и причинить непоправимый вред окружающей среде. Аварии на нефтяных терминалах в Эйлате и Ашкелоне могут привести к загрязнению воды и морского побережья в Красном и Средиземном морях, нарушить работу опреснительных станций, тем самым представляя угрозу гражданскому населению Израиля. Кроме того, в результате реализации проекта могут пострадать отношения Израиля с Египтом. С другой стороны, представители ОАЭ уже предупредили израильскую сторону, что отношения пострадают, если сделка будет отменена [19].

Можно перекачивать нефть в обратном направлении – из Ашкелона в Эйлат, с дальнейшей загрузкой в танкеры и поставкой нефти потребителям на Дальнем Востоке. Данный проект получил название «Med Red Med».

«Трубопроводная компания Европа–Азия» владеет 4 нитками трубопроводов, нефтяными терминалами в портах Эйлата и Ашкелона и резервуарами для хранения нефти, нефтепродуктов и газа. В последнее время были расширены возможности хранения нефтепродуктов, приняты меры для увеличения объемов хранения сырой нефти в нефтехранилищах в Ашкелоне и Эйлате. Падение мировых цен на нефть принесло компании доходы. Производители нефти и компании, торгующие ею, пожелали хранить большие запасы нефти в нефтехранилищах компании, ожидая повышения цен. Сегодня компания ЕАРС входит в десятку крупнейших в мире компаний по хранению нефти.

Деятельность ЕАРС направлена также на то, чтобы увеличить поставки нефти из портов на Черном и Средиземном морях клиентам в Азии. Расширение деятельности происходит на фоне поиска альтернативных поставок сырой нефти и изменения мировых тенденций ее перемещения из-за возрастающего спроса на нее в восточном полушарии, в основном в Индии и Китае.

К этому следует добавить, что в 2019 г. ЕАРС подписала с частной египетской компанией East Mediterranean Gas (EMG) договор, который позволит ей отбирать часть природного газа из израильского трубопровода в Египет.

4 мая 2021 г. компания ЕАРС объявила о начале поставок нефти из ОАЭ в свой терминал в Эйлате для последующей перекачки по нефтепроводу в Ашкелон и транспортировки в Европу и страны Средиземноморского бассейна.

Основной нефтепровод Эйлат–Ашкелон имеет длину 254 км. На нефтепроводе установлены три компрессорные станции, подающие сырую нефть от Красного моря к побережью Средиземного моря. Пропускная способность нефтепровода 30 млн т сырой нефти в год. Две другие компрессорные станции позволяют подавать сырую нефть в обратном направлении, от Средиземного моря в Эйлат. Пропускная способность этого трубопровода также 30 млн т в год. Подача нефти в обратном направлении служит для облегчения поставок нефти из России, региона Кавказа и республик Центральной Азии на рынки Юго-Восточной Азии.

В 2003 г. Израиль и Россия заключили соглашение о поставках российской нефти на азиатские рынки. Нефть доставляется танкерами из Новороссийска в Ашкелон, затем по нефтепроводу перекачивается в нефтехранилища в Эйлате и вновь грузится на танкеры для экспорта в Азию [20]. Фактически нефть движется в направлении, противоположном предусмотренному изначально. Этот маршрут из Европы в Азию короче, чем путь вокруг Африки, и дешевле, чем через Суэцкий канал.

20 октября 2020 г. стало знаменательной датой в истории отношений между Израилем и ОАЭ. В этот день впервые в истории Израиль посетила делегация официальных лиц ОАЭ. Это был первый визит делегации подобного ранга из какой-либо страны Персидского залива. Возглавлял ее государственный министр в Министерстве финансов ОАЭ. На церемонии, состоявшейся в аэропорту им. Бен-Гуриона, были подписаны договоры об авиационном сообщении, о защите инвестиций, о безвизовом режиме между двумя странами. В этот же день США, Израиль и ОАЭ объявили о создании «фонда Авраама» в размере 3 млрд долл. для регионального экономического сотрудничества. Средства в фонд будут привлечены из частного сектора, а его штаб-квартира будет располагаться в Иерусалиме [21].

В марте 2021 г. тогдашний премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху заявил, что ОАЭ инвестируют в израильскую экономику 10 млрд долл. из средств суверенного инвестиционного фонда Абу-Даби.

Значимость для Израиля отношений с ОАЭ лежит в политической и экономической плоскостях. Еще до подписания соглашения о нормализации отношений между двумя странами, имеющими общее стратегическое видение по некоторым вопросам, осуществлялось сотрудничество в военной и политической областях. Обе они опасаются стремлений Ирана и Турции к расширению влияния в регионе. По сравнению с тремя остальными странами нормализация отношений с ОАЭ осуществляется более быстрым темпом и приносит плоды, в основном в экономической области. Для полноты картины следует напомнить, что еще до подписания мирного соглашения с Израилем, ОАЭ заключили соглашения о сотрудничестве с Ираном [22].

Соглашения о нормализации привели к значительному росту взаимной торговли между ОАЭ и Израилем. Есть все условия для установления более «теплого мира» по сравнению с отношениями между Израилем, с одной стороны, и Египтом и Иорданией – с другой.

Меморандумы о взаимопонимании подписаны в таких областях, как культура, наука, продовольственная безопасность, использование водных ресурсов, медицина. Вместе с тем по бюрократическим причинам задерживается межправительственное сотрудничество. Речь идет об инвестиционном фонде, о создании которого было объявлено в марте 2021 г.

ОАЭ проявили интерес к инвестициям в сферы, касающиеся национальной безопасности Израиля. Израильская компания Delek Drilling продала свою долю, составляющую 22%, в газовом месторождении «Тамар» компании Mubdala Petroleum из Абу-Даби за миллиард долларов. Компания Mubdala Petroleum принадлежит правительству Абу-Даби и занимается поисками и добычей нефти и газа по всему миру.

Компания «Израильские верфи» соперничает с компанией DP World из Дубая, являющейся одной из ведущих в мире в области морских перевозок, за порт Хайфы в рамках его приватизации.

Израильская компания «Авиационная промышленность» подписала соглашение с авиакомпанией Etihad о строительстве в Абу-Даби предприятия по переоборудованию пассажирских самолетов в транспортные.

«Авиационная промышленность» объявила о сотрудничестве с эмиратской компанией EDGE в сфере разработки современной системы борьбы с дронами и беспилотными летательными аппаратами.

В 2021 г., подводя итоги прошедшего после подписания соглашений года, израильские исследователи Й. Гужански и У. Декель отмечали, что «Соглашения Авраама» являются значительным политическим успехом Израиля. Но, несмотря на это, потенциал соглашения для улучшения стратегического положения Израиля и противостояния вызовам и угрозам использован не полностью [1].

Общая для государств, подписавших «Соглашения Авраама», иранская угроза была и остается основным побудительным мотивом заключения соглашений. Однако значение этого мотива снижается из-за изменения политики США на Ближнем Востоке после перехода власти от Д. Трампа к Дж. Байдену, снижения готовности США экономически и в военном плане поддерживать государства, подписавшие соглашения. Пока еще иранская угроза и необходимость противодействия иранскому влиянию в регионе остаются основными мотивами создания оси сотрудничества государств на Ближнем Востоке.

Авторы статьи сделали вывод о том, что, учитывая сокращение американского военного присутствия на Ближнем Востоке, Израиль должен заполнить недостающие элементы в сфере безопасности и способствовать реализации соглашений о сотрудничестве, чтобы продемонстрировать «плоды мира». Для этого ему необходимо устранить бюрократические препоны, сдерживающие реализацию соглашений, привлечь иностранный капитал, стимулировать инвестиции в инфраструктурные проекты, реализация которых будет способствовать успеху соглашений о нормализации отношений.

Авторы отмечали, что нормализация отношений с ОАЭ идет быстрее по сравнению с другими участниками и уже принесла экономические выгоды сторонам. По мнению авторов исследования, ОАЭ рассматривают себя маяком прогресса и инноваций в арабском мире, и связи с Израилем призваны служить этой цели. Есть все условия для установления «теплого мира» между двумя странами.

Благодаря «Соглашениям Авраама» товарооборот Израиля с ОАЭ, Бахрейном и Марокко возрос в 2021 г. на 441% по сравнению с 2020 г. и составил 3,87 млрд шекелей. Наибольший рост наблюдался в торговле с ОАЭ. За год, прошедший с момента подписания соглашения, она выросла на 483% и достигла 3,7 млрд шекелей, из которых 2,48 млрд шекелей – импорт из ОАЭ, 1,23 млрд шекелей – израильский экспорт в ОАЭ [6].

Из приведенных данных видно, что объем торговли с Бахрейном и Марокко в 2021 г. был незначительным.

По мнению Й. Гужански и У. Декель, спустя год, после подписания «Соглашений Авраама», основными факторами, влияющими на темпы нормализации и глубину сотрудничества между государствами, подписавшими соглашения, а также на потенциальных кандидатов на подписание подобных соглашений в будущем, являлись: политика США, иранская угроза, палестинская проблема, настроение арабской «улицы».

Администрация Д. Трампа была «локомотивом» подписанных соглашений. Одним из основных побудительных мотивов решения некоторых арабских стран пойти на нормализацию отношений с Израилем было желание сблизиться с США, получить определенные преференции в обмен на нормализацию. Новая администрация Дж. Байдена не предложила никакого «пряника» арабским государствам в обмен на нормализацию отношений с Израилем. Более того, она заморозила деятельность «фонда Авраама», созданного с целью способствовать экономическому сотрудничеству между Израилем и арабскими странами, подписавшими соглашения [1].

Руководители государств Персидского залива опасаются влияния Ирана на шиитскую часть населения своих стран. Иранская угроза в их глазах возрастает в свете намерения нынешней американской администрации вернуться к ядерной сделке с Ираном. Иран, со своей стороны, побаивается усиления оперативного и разведывательного присутствия Израиля вблизи своих границ. Интерес Ирана состоит в том, чтобы вбить клин в отношения между Израилем, ОАЭ, Бахрейном и Саудовской Аравией.

Палестинская проблема не сходит с повестки дня, необходимо учитывать позиции арабских стран по этой проблеме. Палестинцы недовольны тем, что их интересы не были учтены при подписании соглашений. Палестинская администрация отказалась участвовать в региональных проектах в сфере энергетики. Она отклонила предложения ОАЭ по оказанию помощи.

Одна из характерных черт современной действительности в арабском мире – возрастание влияния «улицы» на принятие решений. Руководители арабских государств вынуждены учитывать настроения

своих граждан, которые под воздействием многолетней антиизраильской пропаганды зачастую противятся нормализации отношений с Израилем.

Подводя итоги почти двухлетнему периоду после подписания «Соглашений Авраама», заключенных при посредничестве США, Л. Курцер-Элленбоген из американского Института мира отмечает, что соглашения о нормализации отношений Израиля с ОАЭ и Бахрейном принесли плоды в нескольких областях [7]. Это особенно касается отношений между Израилем и ОАЭ. 31 мая 2022 г. две страны подписали историческое соглашение о свободной торговле.

Л. Курцер-Элленбоген подчеркивает, что подписанию соглашения о свободной торговле не помешали вспышки насилия и напряженности, произошедшие накануне в Иерусалиме. Из этого она делает вывод, что связи между Израилем и ОАЭ не будут зависеть от состояния палестино-израильских отношений, вспыхивающих иногда конфликтов. По ее мнению, «Соглашения Авраама» устойчивы и связаны только с национальными интересами государств. Хотя она признает, что тень палестино-израильского конфликта все еще витает над новыми региональными союзами.

Израиль и Бахрейн

Среди государств Аравийского полуострова самое лучшее отношение к евреям в Бахрейне. Еврейская община Бахрейна насчитывает в настоящее время несколько десятков человек. У нее есть синагога и еврейское кладбище.

В истории отношений Бахрейна с Израилем было присоединение к арабскому бойкоту Израиля, запрет израильтянам посещать страну, но были и тайные контакты, в основном в сфере безопасности. Начиная с 1990-х гг. наметилось определенное потепление отношений. С начала нынешнего века отношения стали открытыми. В 2005 г. в обмен на соглашение о свободной торговле с США Бахрейн отменил прямой бойкот израильских товаров.

Королевский дом Бахрейна и сам король Х. Аль Халифа известны своим толерантным отношением к евреям, которые никогда не чувствовали себя дискриминируемыми. Представитель еврейской общины И.Д. Нону в течение двух каденций заседал в верхней палате парламента Бахрейна. Его родственница Х. Нону в 2008–2013 гг. была послом Бахрейна в США.

В 2013 г. Бахрейн стал первой арабской страной, объявившей «Хизбаллу» террористической организацией. В сентябре 2017 г. король Бахрейна осудил арабский бойкот Израиля и заявил, что его подданные имеют право посещать Израиль. В марте 2019 г. Бахрейн впервые воздержался при голосовании в Совете ООН по правам человека по антиизраильской резолюции. Следует отметить, что Бахрейн является союзником США, на его территории дислоцирована база Пятого флота США.

Власть в Бахрейне находится в руках суннитов, а большинство населения являются шиитами. Власти Бахрейна видят в Иране экзистенциальную угрозу. Они обвиняют его в серии террористических актов,

произшедших на территории королевства в последние годы, стремлении подорвать внутреннюю стабильность.

Нормализация отношений между Израилем и ОАЭ подтолкнула Бахрейн пересмотреть свои отношения с Израилем. Израильский журналист Б. Равид утверждает, что через несколько часов после того, как президент США Д. Трамп объявил 11 сентября 2020 г. о нормализации отношений между ОАЭ и Израилем и грядущем подписании договора, высокопоставленный представитель Королевства Бахрейн позвонил советникам Д. Трампа и сказал: «Мы следующие в очереди» [23].

Несмотря на то, что островное государство Бахрейн является независимым [от Саудовской Аравии его отделяет мост], его внешняя политика в значительной мере определяется Саудовской Аравией. Поэтому нормализация отношений с Израилем не могла произойти без её одобрения или согласия. Возможно, что Саудовская Аравия прощупывала почву для сближения с Израилем.

Подписанию договора с Израилем предшествовали многочисленные переговоры с высокопоставленными американскими делегациями и госсекретарем США.

15 сентября 2020 г., одновременно с подписанием израильско-эмиратского договора, в Вашингтоне был подписан договор о нормализации отношений между Израилем и Бахрейном – «Декларация о мире, сотрудничестве и конструктивных и дружественных дипломатических отношениях». Договор подписали глава МИД Бахрейна и премьер-министр Израиля. 18 октября 2020 г. в Манаме Израиль и Бахрейн подписали «совместное коммюнике об установлении дипломатических и мирных отношений».

После подписания договора о нормализации отношения между двумя странами постепенно расширяются. В ноябре 2020 г. состоялся первый официальный визит министра иностранных дел Бахрейна в Израиль. Он прибыл во главе делегации представителей МИД и других министерств королевства.

С конца 2020 г. между Израилем и Бахрейном существуют дипломатические отношения. В Манаме открылось посольство Израиля. В конце марта 2021 г. Бахрейн назначил своего посла в Израиле.

В августе 2021 г. Израиль посетил заместитель министра иностранных дел Бахрейна, отвечающий за связи с Израилем. 30 сентября 2021 г. министр иностранных дел Израиля Я. Лапид посетил Бахрейн. Это был первый официальный визит израильского министра в королевство. В ходе визита Я. Лапид открыл посольство Израиля в Бахрейне. В этот же день национальная авиакомпания Бахрейна «Gulf Air» начала осуществлять прямые рейсы в Израиль.

Израиль и Бахрейн начали открыто сотрудничать в военной области. В ноябре 2021 г., как уже отмечалось, Бахрейн вместе с ОАЭ, Израилем и США участвовал в первых совместных учениях ВМФ в Красном море. Цель учений состояла в укреплении региональной безопасности на море в свете иранской угрозы.

Экономика Бахрейна по своим размерам и показателям значительно уступает экономике ОАЭ, и, как

следствие, потенциал экономического сотрудничества Израиля с Бахрейном гораздо меньше, чем с ОАЭ.

Израиль и Судан

Отношения Израиля с Суданом на современном этапе остаются сложными. Долгое время Судан занимал антиизраильскую позицию. Именно в Хартуме в 1967 г. на встрече лидеров восьми стран – членов ЛАГ был озвучен принцип «трех нет»: нет миру с Израилем, нет признанию Израиля, нет переговорам с Израилем. В 1990-е гг. в Судане располагалась одна из основных баз «Аль-Каиды», в Хартуме проживал ее лидер У. бен Ладен. Правительство США возложило на Судан ответственность за взрывы посольств США в Африке в 1998 г.

Судан сыграл важную роль в ходе американо-израильско-суданской операции «Моисей» (1984–1985 гг.) по переправке евреев Эфиопии (фалаша) в Израиль. Фалаша шли пешком из Эфиопии в лагерь беженцев на территории Судана. Оттуда их доставляли самолетами сначала в Бельгию, а затем в Израиль. В рамках операции в Израиль было доставлено 6 364 человека.

В 2016 г. Израиль обратился к США и правительствам некоторых других стран с призывом улучшить отношения с Суданом и подбодрить его после того, как Судан разорвал дипломатические отношения с Ираном. Разрыв соответствовал интересам Израиля и отдалял Судан от ХАМАС. После разрыва отношений с Ираном появилась возможность, что Судан согласится улучшить отношения с Израилем.

В феврале 2020 г. тогдашний премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху встретился в Уганде с председателем Суверенного совета Судана А.Ф. аль-Бурханом. В ходе встречи они договорились развивать отношения между странами. Когда о встрече, факт проведения которой скрывался от членов правительства Судана, стало известно, это вызвало волну протеста в Судане.

Важнейшую роль в нормализации отношений Израиля с Суданом сыграли Соединенные Штаты. 23 октября 2020 г. состоялась телефонная беседа лидеров Израиля, Судана и США, по итогам которой было объявлено о достижении соглашения по нормализации отношений между Суданом и Израилем.

6 января 2021 г. в Хартуме Судан и США подписала договор, согласно которому Судан присоединяется к «Соглашениям Авраама» и заключает мирный договор с Израилем. После подписания договора о нормализации отношений и выплате компенсаций семьям погибших США удалили Судан из списка стран – спонсоров терроризма.

В январе 2021 г. израильская делегация во главе с министром разведки Э. Коэном посетила Хартум, встречалась с главой Суверенного совета генералом А.Ф. аль-Бурханом, другими высокопоставленными военными. Был подписан меморандум о взаимопонимании в вопросах, связанных с безопасностью. В апреле 2021 г. правительство Судана проголосовало за отмену закона от 1958 г., запрещающего связи с Израилем. Однако по сей день не состоялся обмен послами.

Настоящей нормализации отношений между двумя странами пока не наступило. В сентябре 2021 г. глава МИД Судана заявила, что нормализация отношений с Израилем не стоит на повестке дня. К этому времени Судан не подписал с Израилем соглашение о нормализации, хотя определенную пользу Израилю контакты с руководством Судана уже принесли. В сентябре 2021 г. Судан объявил о национализации имущества ХАМАС в стране в соответствии с принятым решением выдворить эту террористическую организацию со своей территории.

Попытка переворота, произошедшая в Судане в сентябре 2021 г., и вспышка новой волны протестов против переходного правительства наглядно демонстрируют хрупкость нынешней суданской власти и ставят под вопрос процесс нормализации между Суданом и Израилем.

Израиль и Марокко

Дипломатические отношения между Марокко и Израилем были установлены в 1995 г. после подписания соглашений «Осло». В последующие годы между двумя странами осуществлялись открытые торговые связи. Однако в 2000 г., с началом «второй интифады», известной как «интифада Аль-Акса», и связанных с ней событий, дипломатические отношения были прекращены по инициативе марокканской стороны. Открытые торговые связи между двумя странами значительно сократились, но не прекратились полностью. Израильские товары поступали в Марокко также через третьи страны без указания страны-производителя.

Новый этап отношений между Марокко и Израилем начался в 2020 г. Марокко стало четвертой страной, после ОАЭ, Бахрейна и Судана, присоединившейся к «Соглашениям Авраама». 22 декабря 2020 г. было подписано совместное заявление Марокко, Израиля и США о нормализации отношений.

В подписанном между Израилем и Марокко соглашении не упоминаются посольства и послы. В нем говорится о намерении «открыть заново представительства в Рабате и Тель-Авиве», начать прямое авиасообщение, способствовать сотрудничеству в различных областях, включая торговлю, инвестиции, сельское хозяйство и высокие технологии.

В январе 2021 г. в Марокко открылось дипломатическое представительство Израиля, а спустя две недели в Израиле начало функционировать дипломатическое представительство Марокко.

Летом 2021 г. Марокко посещали министр иностранных дел Израиля Я. Лапид и генеральный директор МИД Израиля А. Ушпиз. В ходе визита Я. Лапида стороны опубликовали заявление о намерениях повысить отношения до уровня послов и открыть посольства в течение двух месяцев. И действительно, в октябре 2021 г. Израиль повысил уровень своего представительства в Рабате до посольства. Визит А. Ушпиза заложил основу соглашения о сотрудничестве в сфере компьютерной безопасности и защиты данных, который был подписан несколько недель спустя.

Между двумя странами наблюдается сотрудничество в военной области. В июне 2021 г. спецподразделения Марокко впервые открыто участвовали в международных военных учениях, проводившихся в Израиле, вместе с подразделениями США, Греции, Италии, Иордании, Англии и Франции. В ноябре 2021 г. израильские СМИ, со ссылкой на иностранные источники, сообщили, что Израиль продал Марокко партию беспилотников-камикадзе «Нагор» [24]. Отмечалось, что помимо Марокко подобное оружие Израиль поставил только в Индию и Азербайджан.

В июле 2021 г. две израильские авиакомпании «Эль Аль» и «Израэйр» совершили прямые авиарейсы в Марракеш. «Израэйр» планирует совершать 2–3 рейса в неделю, а «Эль Аль» – 5 рейсов в неделю в Марракеш и Касабланку. В середине октября 2021 г. новое правительство Марокко сообщило о своем намерении одобрить соглашения, подписанные в ходе визита Я. Лапида, о сотрудничестве в области культуры, спорта, авиасообщения. Возросла, хотя и незначительно, торговля между двумя государствами. В настоящее время численность еврейской общины Марокко насчитывает около 4 тыс. человек.

Эксперты считают, что нормализация отношений между Марокко и Израилем является звеном цепи, в которую умеренные суннитские арабские страны объединяются против растущего влияния Ирана в регионе и его экспансионистских намерений.

Саудовская Аравия в планах Израиля

Наибольший интерес для Израиля среди государств Аравийского полуострова, несомненно, представляла и представляет Саудовская Аравия из-за той роли, которую она играет в исламском мире. Между Израилем и Саудовской Аравией нет дипломатических отношений. Саудовская Аравия, как и остальные арабские государства, не признала образование Израиля. Во время войны 1948–1949 гг. она активно помогала арабским странам, вторгшимся в Израиль, и отправила воинский контингент в количестве 3 тыс. человек для участия в военных действиях.

В ходе Шестидневной войны 1967 г. Саудовская Аравия вновь посылала подкрепление коалиции арабских государств, а Израиль захватил в Красном море несколько островов, принадлежащих Саудовской Аравии. Спустя десять лет острова были возвращены ей.

Во время войны Судного дня 1973 г. Саудовская Аравия направила в Сирию воинский контингент, который не успел принять участие в боевых действиях. Помимо этого, она направила значительное количество военной техники и солдат в Иорданию, которым также не довелось сражаться в боях против Израиля. После окончания войны саудовские десантники остались на несколько лет в Сирии. В начале 1976 г. вылетевший из Дамаска самолет С-130 с ротой саудовских десантников, направлявшихся в отпуск, из-за ошибки пилота оказался в воздушном пространстве Израиля в районе Рош ха-Никра. Израильцы перехватили самолет и вынудили его совершить посадку на военной

авиабазе в Лоде недалеко от Тель-Авива. После выяснения всех обстоятельств самолету вместе с десантниками было разрешено вылететь в Саудовскую Аравию [25]. Интересно отметить в этой связи, что спустя несколько лет, когда израильский ракетный катер «Гааш» («Гейзер») сел на мель у побережья Саудовской Аравии из-за ошибки в навигации, саудовцы беспрепятственно позволили израильтянам высадить на берег большое спасательное подразделение и снять катер с мели.

В 1981 г. наследный принц Саудовской Аравии Фахд выступил с инициативой решения арабо-израильского конфликта, названной «план Фахда». Шесть из восьми пунктов плана касались урегулирования палестино-израильского конфликта. Тем самым Саудовская Аравия продемонстрировала, что основным преткновением в нормализации отношений с Израилем является нерешенная палестинская проблема.

В 2002 г. наследный принц Абдалла озвучил «Арабскую мирную инициативу» по решению палестино-израильского конфликта. Основными пунктами инициативы были отход Израиля к границам 1967 г. и согласие на образование независимого палестинского государства со столицей в Восточном Иерусалиме. Взамен обещалось признание Израиля всеми арабскими государствами. Израиль отверг инициативу.

В конце первого десятилетия XXI в. было много сообщений о тайном сотрудничестве между Израилем и Саудовской Аравией с целью ликвидации ядерной программы Ирана. После событий «арабской весны» Израиль называл Саудовскую Аравию «островом стабильности». Эти факты указывали на определенное сближение между ними на фоне иранской угрозы.

В 2015 г. стали появляться сообщения о потеплении отношений между двумя странами на основе общности интересов, появившейся после подписания ядерной сделки между державами и Ираном. Общность интересов заключалась в негативной реакции на сделку, недовольстве действиями США, не предпринявших атаку по Ирану и не остановивших его ядерную программу. В 2016 г. на конференции по безопасности в Мюнхене министр обороны Израиля М. Яалон и принц Т. ибн Фейсал, бывший ранее начальником разведки Саудовской Аравии, обменялись рукопожатием.

В июле 2016 г. отставной саудовский генерал А. аль-Ашки посетил Израиль во главе делегации бизнесменов и представителей академических кругов. В то время он возглавлял Ближневосточный центр стратегических и юридических исследований Саудовской Аравии.

В августе 2016 г. в саудовских СМИ были опубликованы статьи, осуждающие антисемитизм и призывающие к установлению отношений с Израилем [26]. В ноябре 2017 г. в арабской прессе появились сообщения, что Израиль и Саудовская Аравия идут по пути примирения.

Наиболее значимым для двусторонних отношений стало заявление наследного принца и министра обороны Саудовской Аравии М. бен Салмана о том, что он признает право Израиля на существование [27].

В сентябре 2018 г. СМИ сообщали, что Израиль продал Саудовской Аравии комплексы ПВО «Железный купол» для защиты от ракетных обстрелов со стороны йеменских хуситов. Позднее сообщение было опровергнуто Министерством обороны Израиля.

31 августа 2020 г. Саудовская Аравия впервые разрешила самолету израильской авиакомпании «Эль Аль» пролететь в воздушном пространстве страны по пути в Абу-Даби в рамках нормализации отношений между ОАЭ и Израилем. Через два дня, 2 сентября, саудовские власти заявили, что дают разрешение на использование своего воздушного пространства самолетам, следующим по маршруту между ОАЭ и Израилем. Спустя неделю Дж. Кушнер – советник президента США Д. Трампа – сообщил, что Саудовская Аравия дала разрешение на пролет всех рейсов израильских авиакомпаний над своей территорией в восточном направлении, а не только рейсов в ОАЭ.

22 ноября 2020 г. в Саудовскую Аравию прибыли с визитом госсекретарь США М. Помпео, премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху и глава Моссад Й. Коэн. Состоялась встреча с наследным принцем М. бен Салманом. Утечка информации о ней вызвала неудовольствие саудовцев.

Неофициальные контакты между Саудовской Аравией и Израилем продолжают укрепляться. Об этом свидетельствует публикация в *The Wall Street Journal*, на которую ссылается израильский источник [8]. Согласно публикации, правительство Саудовской Аравии вложит миллионы долларов в высокотехнологичные компании в Израиле. Подчеркивается, что впервые Саудовская Аравия открыто вкладывает средства в экономику Израиля. Деньги будут вложены через частный инвестиционный фонд *Affinity Partners*, принадлежащий Дж. Кушнеру, зятю бывшего президента США Д. Трампа. Используя личные связи, включая тесные связи с наследным принцем Саудовской Аравии М. бен Салманом, появившиеся у него за время пребывания на посту советника президента, Дж. Кушнер сумел привлечь в свой фонд 3 млрд долл., из которых 2 млрд долл. поступили из государственного инвестиционного фонда Саудовской Аравии, во главе которого стоит М. бен Салман.

Дж. Кушнер, считающийся одним из основных лиц в подготовке «Соглашений Авраама», отметил в этой связи, что необходимо поддерживать те исторические изменения в регионе, которые были начаты раньше.

В этом же ключе можно рассматривать недавнее заявление госсекретаря США А. Блинкена, который назвал Саудовскую Аравию «важнейшим партнером в расширении “Соглашений Авраама”» [28].

Начав войну против хуситов, пользующихся поддержкой Ирана, Саудовская Аравия надеялась победоносно завершить ее в течение нескольких недель, но застряла в Йемене на несколько лет. Война, которая велась в рамках антииранской стратегии, нанесла значительный ущерб экономике Саудовской Аравии. От ракетных обстрелов хуситов пострадали объекты нефтяной промышленности и города страны. Американский конгресс стал требовать от Саудовской Аравии прекратить войну, в которой погибло свыше ста тысяч человек.

К этому добавился отход ОАЭ от дальнейшей поддержки Саудовской Аравии в войне в Йемене. Ситуацию усугубил отказ тогдашнего президента США Д. Трампа прийти на помощь Саудовской Аравии и выступить против Ирана после атаки по нефтяным объектам страны.

В последнее время в СМИ появились сообщения о планах руководства Саудовской Аравии возобновить отношения с Ираном, которые были разорваны в 2016 г. Согласно этим сообщениям, тайные контакты между двумя странами начались в апреле 2021 г.

Сообщалось, что уже прошли три раунда переговоров, последний из которых состоялся в сентябре, после избрания И. Раиси президентом Ирана. В ходе избирательной кампании И. Раиси заявлял, что нормализация отношений с соседними государствами, особенно с Саудовской Аравией, является его приоритетом во внешней политике.

По словам представителя МИД Ирана С. Хатибзаде, «переговоры между двумя государствами продолжаются. Они обсуждают двусторонние отношения, отношения со странами региона, в основном, со странами Залива, а также войну в Йемене» [22]. Он отметил, что Иран и Саудовская Аравия уже подписали несколько соглашений.

В то же время, выступая на 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2020 г., король Саудовской Аравии Салман заявлял о том, что «полумеры и попытки примирения не помогут устранить угрозу, которую представляет иранский режим для мира и безопасности» [29]. Спустя год, в сентябре 2021 г., на 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, король Салман сказал, что Саудовская Аравия будет и дальше противостоять распространению идеологии экстремизма.

Противоречивые сообщения о действиях Саудовской Аравии во внешнеполитическом пространстве могут отражать разные подходы в королевской семье к складывающейся ситуации в регионе, разногласия между королем Салманом и его сыном – наследным принцем М. бен Салманом.

После избрания Дж. Байдена президентом США Саудовская Аравия стала пересматривать свою региональную политику. На фоне полного разрыва контактов между Дж. Байденом и наследным принцем М. бен Салманом, последовавшим после убийства саудовского журналиста Дж. Хашогджи, попыток Дж. Байдена воспрепятствовать поставкам в Саудовскую Аравию американского оружия, которое использовалось затем в войне с хуситами, намерения возобновить переговоры с Ираном по ядерной программе, король Салман принял решение нормализовать отношения с Ираном. Возможно, что в создавшихся условиях, когда Саудовская Аравия не чувствует за спиной поддержку влиятельного игрока, когда США уходят из региона, она предпочла примириться с опасным соседом.

По сведениям некоторых дипломатических источников, две страны близки к соглашению о нормализации отношений и открытию посольств [22]. Если такое соглашение будет достигнуто, оно может положить конец формированию широкой антииранской коалиции, на которую делал ставку Израиль. Создание коалиции

вселяло в Израиле надежду на установление отношений с Саудовской Аравией. Арабские страны, особенно Саудовская Аравия, желавшие укрепить свои позиции в Вашингтоне посредством присоединения к совместной борьбе с Ираном, могли в период Д. Трампа опереться на израильское лоббирование, хотя и с небольшим успехом. Сейчас выясняется, что борьба с Ираном это уже не такой ходовой товар. Примеру саудовцев могут последовать другие арабские государства.

В случае нормализации отношений с Ираном, Саудовской Аравии понадобится регулировать с ним вопрос рынков сбыта нефти. Если Иран вернется на нефтяной рынок, он может забрать у Саудовской Аравии часть ее крупных клиентов, понизить цены на нефть и тем самым нанести ущерб основному источнику доходов королевства. Возможно, опасения саудовцев в этом вопросе преувеличены, так как большую часть добываемой в Иране нефти готов закупать Китай в соответствии с соглашением о стратегическом сотрудничестве, которое две страны подписали в марте 2021 г. [30].

Интерес Ирана к нормализации отношений с Саудовской Аравией состоит в том, что она даст некую легитимацию особому статусу Ирана в Сирии, Ливане, Йемене и Ираке и откроет перед ним арабский Ближний Восток.

Заключение

Мотивы четырех арабских государств – ОАЭ, Бахрейна, Судана и Марокко – подписать соглашения о нормализации отношений с Израилем являются разными. Одни из этих государств разделяют израильское видение экзистенциальных угроз, других привлекают политические и экономические выгоды и возможность улучшить свой имидж.

В основе решения двух государств Персидского залива подписать «Соглашения Авраама» лежали соображения национальной безопасности. Общим для них является иранская угроза. Еще один важный мотив арабских государств Персидского залива – пойти на открытую нормализацию отношений с Израилем – связан с их отношениями с США и тем, что они получали взамен на нормализацию от администрации Д. Трампа, которая всеми силами стремилась изменить ситуацию на Ближнем Востоке. В январе 2020 г. американская администрация представила план («Сделку века») по ближневосточному урегулированию, включающий взаимное признание Палестины и Израиля. А незадолго до этого, в июне 2019 г., на семинаре в Бахрейне представители США расхваливали экономическую выгоду, которую арабские государства Залива могут получить от улучшения отношений с Израилем [19].

Соглашаясь на нормализацию отношений с Израилем, ОАЭ очень хотели таким путем укрепить связи с США, набрать очки в глазах американской администрации, улучшить свой имидж и позиционировать себя влиятельным региональным игроком. ОАЭ хотели получить новейшее американское оружие.

Соглашение с Израилем подавалось в ОАЭ как дипломатическая победа, направленная на благо палестинцев, как плата за сдерживание намерений Израиля распространить свой суверенитет на Западный берег реки Иордан. Утверждалось, что нормализация способствует решению палестинской проблемы на основе принципа двух государств и стабильности на Ближнем Востоке. В социальных сетях большинство граждан ОАЭ выражали поддержку соглашению. Критика в его адрес звучала в социальных сетях Кувейта, Омана и Катара.

Интерес Бахрейна состоял прежде всего в том, чтобы укрепить связи с США, повысить свою обороноспособность ввиду иранской угрозы, а также улучшить функционирование экономики, благодаря связям с Израилем.

Шаг, который предпринял король Бахрейна, был во многом более смелым, нежели действия ОАЭ. Власть в стране находится в руках суннитского меньшинства. А подавляющая часть населения Бахрейна – шииты, подверженные влиянию со стороны Ирана. Реакция среди населения острова на подписание соглашения о нормализации отношений с Израилем была в основном негативной.

Для Судана нормализация отношений с Израилем была платой за решение Вашингтона вычеркнуть страну из списка стран – спонсоров терроризма и пакет помощи в 1 млрд долл. от Всемирного банка [19]. В настоящее время в Судане функционирует переходное правительство во главе с Суверенным советом, в который входят представители военных и гражданского населения. Члены Совета разошлись во мнениях относительно соглашения с Израилем. Председатель Суверенного совета А.Ф. аль-Бурхан и его заместитель поддерживали нормализацию, в то время как глава гражданского правительства Судана А. Хамдук заявил, что вопрос о нормализации отношений должен быть вынесен на всенародное обсуждение.

Для Марокко нормализация отношений с Израилем, которую Рабат называет «возобновлением мирных и дружеских дипломатических отношений в полном объеме», была платой за решение Вашингтона официально признать суверенитет Марокко над Западной Сахарой. До этого США поддерживали переговоры между Марокко и «Фронтом Полисарио» под эгидой ООН [19]. Идея гарантировать американское признание суверенитета Марокко над Западной Сахарой в обмен на возобновление связей с Израилем дискутировалась уже несколько лет, но, тем не менее, заявление стало неожиданностью. В первые месяцы после подписания соглашения марокканцы воздерживались от использования термина «нормализация», опасаясь того, что администрация Дж. Байдена пойдет на попятную в вопросе марокканского суверенитета над Западной Сахарой.

Спустя год с момента подписания соглашений можно сделать некоторые выводы. Во-первых, «Соглашения Авраама» опровергают утверждение, что мир между Израилем и арабскими странами возможен только при условии решения палестино-израильского конфликта.

Эскалация военных действий между Израилем и ХАМАС в мае 2021 г., произошедшая уже после подписания соглашений о нормализации, стала испытанием соглашений на прочность. ОАЭ, Бахрейн, Судан и Марокко критиковали Израиль. Им было необходимо выразить солидарность с палестинцами после критики, которой они подверглись со стороны палестинцев за подписание соглашений.

Вместе с тем при освещении военных действий в их информационном пространстве ответственность за эскалацию возлагалась на обе стороны: Израиль и ХАМАС. Наряду с выражением симпатии к палестинцам отмечался ущерб, наносимый гражданскому населению Израиля. Колумнисты в арабских СМИ, многократно пересказывающие позиции своих режимов, обвиняли ХАМАС в эскалации военных действий, что привело к жертвам среди населения Газы, и даже выражали симпатии гражданам Израиля, вынужденным находиться в бомбоубежищах во время ракетных атак [19].

Многие арабские страны, включая тех, которые подписали соглашения, не хотели отдавать ХАМАС победу в последнем противостоянии с Израилем из-за того, что ХАМАС сотрудничает с Ираном и солидарен с «Братьями-мусульманами». Некоторые из них даже надеялись, что ХАМАС выйдет из конфронтации ослабленным. В самый разгар военных действий министр иностранных дел ОАЭ выступил с заявлением об углублении процесса нормализации с Израилем. Критика в адрес Израиля не переросла в отзыв послов или отмену соглашений.

В целом позиция стран Персидского залива по палестинской проблеме с течением времени претерпела изменения. В последние годы с их стороны в адрес палестинцев стала звучать критика. Они возлагали на палестинцев ответственность за отсутствие прогресса в мирном процессе, отсутствие гибкости в переговорах с Израилем.

Во-вторых, подписанные соглашения отражают улучшение стратегического положения Израиля на Ближнем Востоке. Его считают сильным и влиятельным игроком, который доказал, что способен противостоять различным вызовам и угрозам своей безопасности.

Заметна разность в реализации соглашений с каждой из четырех стран. Самым прочным представляется соглашение с ОАЭ, в то время как соглашение с Суданом еще не привело к существенным изменениям двусторонних отношений. Бывший глава Совета национальной безопасности Израиля М. Бен-Шаббат отмечал, что предстоит еще много сделать, чтобы продвинуться в отношениях с Суданом. Американская администрация усилила давление на Судан в вопросе нормализации отношений с Израилем.

Суданцы были разочарованы медленным темпом процесса оказания экономической помощи, которую они ожидали получить от США взамен на подписание соглашения с Израилем. Тем не менее в конце июня 2021 г. Международный валютный фонд и Ассоциация международного развития Всемирного банка подтвердили право Судана на облегчение долгового бремени и сокращение международного долга страны на 90% в

течение трех лет. Это должно облегчить процедуру получения помощи Суданом.

У «Соглашений Авраама» большой потенциал, особенно в экономической области, но не только в ней. Соглашения с государствами Залива позволяют развивать и расширять экономическую деятельность, которая раньше велась тайно или через посредников. Соглашения могут значительно увеличить размер сотрудничества в таких областях, как НИОКР, здравоохранение, борьба с изменениями климата, защита окружающей среды, рациональное использование водных ресурсов, передовые методы ведения сельского хозяйства. При этом следует отметить значительную разницу между числом подписанных меморандумов о взаимопонимании и фактически заключенными сделками, включая оборонную сферу.

«Соглашения Авраама» могут послужить Израилю воротами к сотрудничеству с другими арабскими государствами, с которыми у Израиля пока еще нет отношений, а также путем к расширению экономических связей с государствами Азии. Они значительно сокращают, а следовательно, и удешевляют, авиамаршруты в Юго-Восточную Азию. Соглашение с Марокко предоставляет Израилю возможность не только инвестировать в экономику королевства и реализовывать проекты на его территории, но и налаживать экономические связи с государствами Западной Африки и странами южнее Сахары. В двух этих регионах Марокко значительно укрепило свое присутствие в течение последних 20 лет.

Судан остро нуждается в инвестициях в экономику, особенно в сельское хозяйство. Это открывает перед Израилем широкие возможности для сотрудничества и инвестиций в данной области.

Арабские партнеры по «Соглашениям Авраама» ожидают, что нормализация отношений с Израилем принесет им плоды в сфере экономики. Эти настроения особенно усилились на фоне кризиса, вызванного пандемией коронавируса. Израиль должен приложить максимум усилий, чтобы эти ожидания сбылись и ощущались самими арабами. Это будет самым наглядным подтверждением преимуществ мира с ним.

Помимо необходимости углублять существующие отношения, интерес Израиля состоит также в том, чтобы использовать подписанные соглашения для расширения «круга мира» вокруг себя, т.е. для привлечения других арабских государств к сотрудничеству. Такое развитие событий возможно, если они посчитают, что сближение с Израилем поможет им укрепить отношения с США, улучшить свой имидж на международной арене и получить экономическую и политическую выгоду. В таком случае они могут постепенно смягчать свои позиции относительно нормализации отношений с Израилем.

Одним из самых важных государств в этом контексте выступает Саудовская Аравия. Королевство реагирует на внутренние и внешние изменения. Не исключено, что в саудовском руководстве есть разногласия по данному вопросу. Считается, что король Салман не хочет расширять связи с Израилем, а его сын – наследный принц М. бен Салман заинтересован в этом. Вме-

сте с тем наблюдается постепенное изменение отношения к Израилю. Некоторые признаки свидетельствуют о том, что компромисс возможен. Представляется, что королевство готовит почву для соглашения. Возможно, Саудовская Аравия хочет увидеть, насколько устойчивыми окажутся подписанные соглашения и присоединятся ли к ним другие арабские или мусульманские государства. На позицию Саудовской Аравии может повлиять согласие США на продажу королевству новейших видов вооружений и внутренние подвижки.

Саудовская Аравия уже достаточно отделилась от своей традиционной позиции, чтобы открыто поддерживать «Соглашения Авраама». Политика негласной поддержки выразилась в даче разрешения израильским авиакомпаниям использовать воздушное пространство королевства, в относительно позитивном освещении и интерпретации событий в государственных СМИ, в высказываниях высокопоставленных лиц. Министр иностранных дел Саудовской Аравии заявлял, что нормализация отношений между государствами несет пользу королевству и всему региону. При этом он не преминул упомянуть приверженность королевства необходимости решения палестинской проблемы на основе арабской мирной инициативы.

Что касается палестино-израильского конфликта, можно заключить, что при наличии соответствующего стимула или давления некоторые из государств Залива могут предпринять шаги, выходящие за рамки общепалестинского консенсуса. Другой вывод состоит в том, что, если у Израиля возникнут разногласия на палестинском треке с «квartetом нормализации», другие государства не будут спешить нормализовать отношения, они будут ждать прояснения ситуации.

На брифинге для журналистов 13 октября 2021 г., накануне трехсторонней встречи между госсекретарем США Э. Блинкеном, министром иностранных дел Израиля Я. Лapidом и министром иностранных дел ОАЭ А. бин Заидом, представители американских властей заявили, что «Соглашения Авраама» не подменяют решение палестино-израильского конфликта [31].

Самую большую цену за подписание соглашений о нормализации заплатили США в виде тех или иных экономических и политических стимулов, предоставленных подписантам. Другие арабские государства, изучающие возможность установления связей с Израилем, осознают, что новая американская администрация не заинтересована в стимулировании процессов на Ближнем Востоке посредством сделок. В таком случае нормализация с Израилем может рассматриваться ими как способ укрепления связей с США.

Как ни странно, может показаться, но главным импульсом, по мнению экспертов, к сближению между Израилем и арабскими государствами послужил факт, что Америка уходит из региона. Неопределенность относительно присутствия и участия США в делах региона, особенно после ухода из Афганистана, может, с одной стороны, уменьшить шансы на присоединение других арабских государств к нормализации отношений с Израилем.

29. Король Саудовской Аравии: власти Ирана не понимают полумер // Новости ООН. 23.09.2020. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/09/1386502> (дата обращения: 23.04.2022).
30. שנה 25-איראן וסין חתמו על הסכם שיתוף פעולה אסטרטגי ל [Iran and China signed a strategic cooperation agreement for 25 years] // Гаарец. 27.03.2021. (на иврите). URL: <https://www.haaretz.co.il/news/world/middle-east/premium-1.9660172> (дата обращения: 23.04.2022).
31. פלסטיני-בכירים אמריקאים: הסכמי אברהם הם לא תהליך לפתרון הסכסוך הישראלי [Высокопоставленные американские представители: «Соглашения Авраама» не являются альтернативой решению палестино-израильского конфликта] // Гаарец. 13.10.2021. (на иврите). URL: <https://www.haaretz.co.il/news/politics/1.10289650> (дата обращения: 23.04.2022).

References

- Guzansky, Y. & Dekel, U. (2021) המכון למחקרי ביטחון לאומי [A Year since the Abraham Accords: Pick up the Pace of Normalization]. The Institute for National Security Studies. 15.08.2021. (In Hebrew). [Online]. Available from: <https://www.inss.org.il/publication/abraham-accords-one-year/> (Accessed: 23.06.2022)
- Guzansky, Y. & Lindenstrauss, G. (2012) תחיית קונספט הפריפריה במדיניות החוץ הישראלית [Revival of the Periphery Concept in Israel's Foreign Policy?]. The Institute for National Security Studies. Strategic Assessment. 15(2). (In Hebrew).
- Michael, K. & Guzansky, Y. (2016) המרחב הערבי בנתיב הכישלון המדינתי [The Arab World on the Road to State Failure]. The Institute for National Security Studies. Tel-Aviv. (In Hebrew).
- Guzansky, Y. & Kulick, A. (2010) כישלון מדינתי והשלכותיו על הסביבה האסטרטגית של ישראל [State failure and its ramifications for Israel's strategic environment]. The Institute for National Security Studies. Strategic Assessment. 13(2). (In Hebrew).
- Guzansky, Y. (2014) Israel's Periphery Doctrine 2.0: The Mediterranean Plus. Mediterranean Politics, 19 (1), pp. 99–116.
- Broitman, D. (2022) בדיקה הסחר עם איחוד האמירויות: 483% בעקבות הסכמי אברהם: זינוק של [Results of "Abraham Accords: 483% increase in trade with UAE]. Calcalist. 24.01.2022. (In Hebrew). [Online]. Available from: https://www.calcalist.co.il/local_news/article/sjl3gzntt (Accessed: 23.06.2022).
- Kurtzer-Ellenbogen, L. (2022) Historic UAE-Israel Trade Deal Proves Abraham Accords' Resilience. United States Institute of Peace. 02.06.2022. [Online]. Available from: <https://www.usip.org/publications/2022/06/historic-uae-israel-trade-deal-proves-abraham-accords-resilience> (Accessed: 23.06.2022).
- ישראל תשקיע מיליוני דולרים בישראל [For the first time openly and with assistance of Jared Kushner: "Saudi Arabia is to invest millions in Israel"]. Calcalist. 07.05.2022. (In Hebrew). [Online]. Available from: <https://www.calcalist.co.il/calcalistech/article/by8nv11e15> (Accessed 23.06.2022).
- Alpher, Y. (2015) מדינה בודדה. החיפוש החשאי של ישראל אחר בעלות ברית באזור [Lonely State. Israel's secret search for Middle East allies]. Tel-Aviv: Matar. (In Hebrew)
- Segev, S. (2008) הקשר המרוקני. המגעים החשאיים בין ישראל למרוקו [The Moroccan connection. Secret ties between Israel and Morocco]. Tel-Aviv: Matar. (In Hebrew).
- Reichmann, U. (2010) Speech at the opening of the tenth conference of the Institute for Combating Terrorism of the Herzliya Interdisciplinary Center. 14.09.2010. [Online]. Available from: <http://news.israelinfo.ru/tribune/> (Accessed: 23.06.2022).
- Mints, A. & Shai, Sh. (2014) פורום הרצליה לגיבוש תפיסת הביטחון, נייר מדיניות [Herzliya forum on working out defense concept and policy suggestions]. March 2014. (In Hebrew). [Online]. Available from: <http://www.herzliyaconference.org/?CategoryID=610> (Accessed: 23.06.2022).
- Breakthrough. Israel opens official diplomatic mission in Abu Dhabi. Walla Hadashot. 27.11.2015. (In Hebrew). [Online]. Available from: <https://news.walla.co.il/item/2910621> (Accessed: 23.04.2022).
- Kohen, G. (2017) חיל האוויר הישראלי התחיל תרגיל משותף ביוון עם איחוד האמירויות, ארה"ב ואיטליה [Israeli Air force begins joint exercise in Greece with UAE, US and Italy]. Haaretz. 27.03.2017. (In Hebrew). [Online]. Available from: <https://www.haaretz.co.il/news/politics/premium-1.3954533> (Accessed: 23.04.2022).
- Kobovic, Y. (2021) ישראל עורכת תרגיל משותף עם בחריין, איחוד האמירויות וארה"ב בים האדום [Israel holds joint exercise with Bahrain, UAE and US in Red Sea]. Haaretz. 11.11.2021. (In Hebrew). [Online]. Available from: <https://www.haaretz.co.il/news/politics/1.10375980> (Accessed: 23.04.2022)
- Bialer, U. (2007) Fuel Bridge across the Middle East: Israel, Iran and the Eilat-Ashkelon Oil Pipeline. Israel Studies, 12 (3), pp. 29–67.
- Barkat, A. (2020) מסדרון נפט חדש יחבר את איחוד האמירויות וסעודיה עד לאירופה דרך אילת [New oil corridor will connect UAE and Saudi Arabia with Europe via Eilat]. Globes. 20.10.2020. (In Hebrew). [Online]. Available from: <https://www.globes.co.il/news/article.aspx?did=1001346306> (Accessed: 23.04.2022).
- Barkat, A. (2020) יוזמת הנפט הישראלית נחשפת: הצינור שיחבר בין ערב הסעודית לאירופה [Israel's oil initiative is coming to light: oil pipeline that is to connect Saudi Arabia with Europe]. Globes. 16.09.2020. (In Hebrew). [Online]. Available from: <https://www.globes.co.il/news/article.aspx?did=1001343016> (Accessed: 23.04.2022).
- Guzansky, Y. & Feurer, S. (2021) הסכמי אברהם: הישגים, אתגרים והמלצות לממשלה [The Abraham Accords at One Year: Achievements, Challenges, and Recommendations for Israel]. The Institute for National Security Studies. 18.10.2021. (In Hebrew). [Online]. Available from: <https://www.TheInstituteForNationalSecurityStudies.org.il/he/publication/abraham-accords-one-year-insights> (Accessed: 23.04.2022).
- Henderson, S. (2003) Russian Oil to Transit Israel: The Trans-Israel Pipeline is Reborn. The Washington Institute for Near East Policy. 17.11.2003. [Online]. Available from: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/russian-oil-transit-israel-trans-israel-pipeline-reborn> (Accessed: 23.04.2022).
- Kahane, A. (2020) השקעה של שלושה מיליארד דולר: ארה"ב, ישראל והאמירויות הכריזו על קרן לשת"פ כלכלי במזרח [3-billion-dollar investement: US, Israel and UAE announced establishment of joint fund of economic cooperation in the Middle East]. Israel Hayom. 20.10.2020. (In Hebrew). [Online]. Available from: <https://www.israelhayom.co.il/interactive/amp/article/811761> (Accessed: 23.04.2022).
- Barel, Z. (2021) ההתקרבות בין איראן לסעודיה מפרקת את הקואליציה האנטי-איראנית [Rapprochement between Iran and Saudi Arabia breaks up anti-Iranian coalition]. Haaretz. 13.10.2021. (In Hebrew). [Online]. Available from: <https://www.haaretz.co.il/news/politics/premium-1.10289039> (Accessed: 23.04.2022).
- Ravid, B. (2020) 29 ימים של מגעים מרתוניים: מאוורי הקלעים של הסכמי אברהם [29 days of marathon negotiations: behind the curtain of agreement with Bahrain]. Walla Hadashot. 11.09.2020. (In Hebrew). [Online]. Available from: <https://news.walla.co.il/item/3386220> (Accessed: 23.04.2022).
- Levinson, H. (2021) מיליון דולר ממרוקו. דיווחים: נמכרו מל"טים מתאבדים 22 התעשייה האווירית קיבלה [IAI receives 22 million dollars from Morocco: loitering munitions were sold]. Haaretz. 30.11.2021. (In Hebrew). [Online]. Available from: <https://www.haaretz.co.il/news/politics/premium.HIGHLIGHT-1.10425486> (Accessed: 23.04.2022).
- Ramot, E. (2014) כוחות סעודים בשמי ראש הנקרה [Saudi soldiers above Rosh ha-Nikra]. Herald of the Centre of Israel's intelligence legacy, 68, p. 37. (In Hebrew). [Online]. Available from: https://www.intelligence.org.il/userfiles/banners/mabat_malam_68.pdf (Accessed: 23.04.2022).
- MEMRI. 12.08.2016. [Articles in Saudi press: enough with antisemitism, we have to learn from successes of Jews]. MEMRI. 12.08.2016. [Online]. Available from: <http://www.memri.org/cgi-webaxy/item?4221> (Accessed: 23.04.2022).
- Dagoni, R. (2018) הנסיך הסעודי עושה היסטוריה: מכיר בזכות הקיום של ישראל [Saudi Prince makes history: recognizes Israel's right to exist]. Globes. 03.04.2018. (In Hebrew). [Online]. Available from: <https://www.globes.co.il/news/article.aspx?did=1001230290> (Accessed: 23.04.2022).

27. Magid, J. (2022) Blinken: Saudi Arabia is a 'critical partner' in expanding Abraham Accords. The Times of Israel. [Online]. Available from: <https://www.timesofisrael.com/blinken-saudi-arabia-is-a-critical-partner-in-expanding-abraham-accords/> (Accessed: 23.06.2022)
28. Novosti OON. (2020) Korol Saudovskoy Aravii: vlasti Irana ne primimayut polimer [King of Saudi Arabia: Iran doesn't understand half-measures]. [Online]. Available from: <https://news.un.org/ru/story/2020/09/1386502> (Accessed: 23.04.2022)
29. -ל- אסטרטגי ל- שיתוף פעולה אסטרטגי ל- שנה25 איראן וסין חתמו על הסכם שיתוף פעולה אסטרטגי ל- [Iran and China signed 25-year strategic cooperation agreement]. Haaretz. 27.03.2021. (In Hebrew). [Online]. Available from: <https://www.haaretz.co.il/news/world/middle-east/premium-1.9660172> (Accessed: 23.04.2022).
30. בכירים אמריקאים: הסכמי אברהם הם לא תחליף לפתרון הסכסוך הישראלי-פלסטיני [American officials: The Abraham Accords aren't alternative to solving Israeli-Palestinian conflict]. Haaretz. 13.10.2021. (In Hebrew). [Online]. Available from: <https://www.haaretz.co.il/news/politics/1.10289650> (Accessed: 23.04.2022).

Информация об авторах:

Костенко Ю.И. – канд. ист. наук, доцент кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России (Москва, Россия). E-mail: kostenkomgimo@mail.ru. РИНЦ AuthorID: 624656. Scopus AuthorID: 57224404836

Морозов В.М. – канд. ист. наук, проректор по кадровой политике, доцент кафедры дипломатии Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России (Москва, Россия). E-mail: morozov@inno.mgimo.ru. РИНЦ AuthorID: 690373. Scopus AuthorID: 57224404836

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Yu.I. Kostenko, Cand. Sci. (History), associate professor, MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: kostenkomgimo@mail.ru. Scopus AuthorID: 57224404836

V.M. Morozov, Cand. Sci. (History), Vice-Rector for Human Resources, associate professor, MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: morozov@inno.mgimo.ru. Scopus AuthorID: 57224404836

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 30.06.2023;
одобрена после рецензирования 19.01.2024; принята к публикации 30.06.2024.*

*The article was submitted 30.06.2023;
approved after reviewing 19.01.2024; accepted for publication 30.06.2024.*

Научная статья
УДК 94(47).084.6
doi: 10.17223/15617793/503/5

Флот Сарапульского леспромхоза по делопроизводственной документации 1928–1938 гг.

Николай Витальевич Митюков¹, Юрий Леонидович Ким²

¹ Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, Ижевск, Россия

² Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

¹ Nico02@mail.ru

² lgkim@yandex.ru

Аннотация. На основе документов региональных архивов и фондов организаций, сотрудничавших с леспромхозами, реконструирована история развития одного из крупных предприятий лесной промышленности Удмуртии – Сарапульского леспромхоза. Авторы приходят к выводу, что весь период существования Сарапульского леспромхоза активно занимался сплавом леса, что отразилось в наличии и эксплуатации многочисленного по меркам Удмуртии флота. Весь рассматриваемый период его численность неуклонно увеличивалась. **Ключевые слова:** Удмуртия, 1930-е гг., лесное хозяйство, Сарапульский леспромхоз, сплав леса, навигация, речной транспорт

Для цитирования: Митюков Н.В., Ким Ю.Л. Флот Сарапульского леспромхоза по делопроизводственной документации 1928–1938 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 503. С. 53–63. doi: 10.17223/15617793/503/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/503/5

Fleet of the Sarapul Timber Industry Enterprise according to records of 1928–1938

Nikolay V. Mitiukov¹, Yuriy L. Kim²

¹ Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russian Federation

² Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation

¹ Nico02@mail.ru

² lgkim@yandex.ru

Abstract. The USSR timber industry played a significant role in ensuring victory in the Great Patriotic War. The industry's origin and formation in the 1920s–1930s. was very difficult, as evidenced by the numerous restructurizations and reforms of the industry during this period, with which the Party and the Government tried to correct the shortcomings discovered in the work of the industry. Researchers studying the issues of the pre-war timber industry note a lack of a source base, and, therefore, a possible solution is seen in attracting documents from regional archives and funds of organizations that collaborated with timber industry enterprises. The object of study of this work is the fleet of one of the large timber industry enterprises in Udmurtia – the Sarapul Timber Industry Enterprise (STIE). Unlike in other timber industry enterprises, rafting of timber along the Kama River played a significant role in STIE's work. Since similar functions were performed by the Kamlesosplav trust, both enterprises quite freely exchanged ship personnel. In the first half of the 1930s, STIE was part of Kamlesosplav. Thus, an interesting research problem arises: is it possible, on the basis of the funds of STIE itself and the organizations that collaborated with it, to reconstruct the composition and dynamics of changes in the fleet in the 1930s? As the example of STIE shows, in each period of its history, the value of certain types of office documentation varied significantly, due to the fact that the document flow and office work in 1928–1938 were still just taking shape. They were finally formed only after the Great Patriotic War. However, for the period of the late 1920s, the most valuable document that allows reconstructing the biographies of the ships of the economy is the salary slips. For the mid-1930s inventory sheets come first, providing not only information about the state of the fleet, but also the technical characteristics of individual ships. Technical and financial reports of the enterprise are also of great importance. In general, these sources make it possible, with a fairly high degree of probability, to reconstruct the composition and evolution of STIE's fleet for the specified period. As the reconstruction showed, from the moment of its formation in 1929 until its liquidation in 1938, STIE was actively involved in timber rafting, which was reflected in the presence and operation of its own fleet, which was quite large by the standards of Udmurtia. Throughout the period under review, the size of the fleet increased steadily. This can be explained by the fact that in the 1930s Sarapul was a fairly large industrial center, the operation of which required firewood as the main energy source. And since there were no large forests in the vicinity of Sarapul, firewood had to be transported along the Kama for 80–100 km, and therefore the fleet acquired strategic importance. This would later be confirmed by the experience of the Great Patriotic War. Despite the shortage of self-propelled watercrafts during the Battle of Stalingrad,

the Navy was replenished by mobilizing ships in other regions, after which they were delivered to the Volga. During the war, the fleets of the Sarapul enterprises did not undergo mobilization, but even increased in number.

Keywords: Udmurtia, 1930s, forestry, Sarapul Timber Industry Enterprise, timber rafting, navigation, river transport

For citation: Mitiukov, N.V. & Kim, Yu.L. (2024) Fleet of the Sarapul Timber Industry Enterprise according to records of 1928–1938. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 503. pp. 53–63. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/503/5

Введение

В потоке исторической литературы истории лесных хозяйств уделяется сравнительно мало внимания, несмотря на то, что лесная промышленность сыграла важную роль в индустриализации СССР. Главная причина этого заключается в ограниченности источниковой базы, прежде всего, в центральных архивах. Частично преодолеть этот кризис можно, привлекая потенциал муниципальных архивов [1]. Но, как показывает практика, «отчетливо выявлялась серьезная проблема отсутствия в архивных фондах важных материалов по отдельным предприятиям и промышленным объединениям» [2]. Поэтому очевидно, что для реконструкции истории отдельных лесных хозяйств следует проводить комплексный анализ, привлекая фонды предприятий и организаций, так или иначе сотрудничавших с рассматриваемым хозяйством. Подобный подход, например, использовался при реконструкции истории лесной промышленности Мордовии [3] или даже отдельного леспромпхоза [4]. Но, следует отметить, что работы данной проблематики пока очень редки, и среди них отсутствует Сарапульский леспромпхоз, ставший объектом исследования данной работы.

Справедливости ради следует отметить, что в литературе Сарапульский леспромпхоз все-таки упоминается, прежде всего, в контексте привлечения трудовых резервов, очевидно, как наиболее неоднозначного события того времени. Хозяйство имело постоянный штат, а также работников, привлекаемых на основе различных повинностей из близлежащих колхозов. Именно в таком контексте говорится о Сарапульском леспромпхозе, например, в работе А.Ш. Кабирова и И.И. Ханипова [5]. А во время и после войны там также активно использовался труд пленных [6]. Нелишне упомянуть и работы родоведческого характера, из которых выясняется, что в Сарапульском леспромпхозе работал родственник автора [7]. Чем-то близки к ним и биографические сборники, например, о ветеранах войны, некоторые из которых так или иначе связали свою карьеру с Сарапульским леспромпхозом [8].

Но вот что касается истории водного транспорта лесных хозяйств, данный вопрос в литературе пока не поднимался. Ранее авторами рассмотрен ряд лесных хозяйств Удмуртии, имевших свой флот. Среди них эпизодически упоминался и Сарапульский леспромпхоз, например, в контексте передачи флота из этого хозяйства или как пример реконструкции состава флота по статотчету [9–11]. Поэтому задачи данной работы видятся, во-первых, в обобщении опыта авторов в проблематике реконструкции истории флота лесного хозяйства на примере Сарапульского леспромпхоза, а во-вторых, в выводах относительно перспективности

использования некоторых видов документации того времени. Дело в том, что формы отчетов хозяйств, подчиненных Наркомлеспрому, по-видимому, более-менее установились лишь после Великой Отечественной войны. Отчетные формы в значительной мере предопределяли структуру делопроизводственной документации и, как следствие, имеющийся сейчас состав архивных дел в фондах. А в рассматриваемый период 1930-х гг. отчетные формы могли меняться раз в несколько лет. А принимая во внимание, что состав имеющейся документации Сарапульского леспромпхоза диктовался общими по стране ведомственными нормативными документами, появляется возможность оценить перспективность имеющихся источников в деле и для других лесных хозяйств региона и страны, что может облегчить проведение реконструкции истории водного транспорта.

Хронологические рамки исследования определились 1928–1938 гг. В соответствии с постановлением Совнаркома 23 августа 1929 г. Сарапульский лесной отдел преобразовали в Сарапульский леспромпхоз. А чуть ранее, 24 июля 1929 г., его передали в ведение гос-объединения «Волгокаспийлес». Однако для понимания того, насколько полно флот лесного отдела вошел в леспромпхоз, имело смысл несколько расширить нижнюю границу, хотя бы до 1928 г., чтобы захватить не только фонды, касающиеся ликвидации лесного отдела, но и его производственную документацию. 23 октября 1935 г. леспромпхоз включили в состав треста «Удмуртлес». В связи с этим в его архивном фонде возникла лакуна, связанная с периодом нахождения хозяйства в структурах треста «Уралзападлес» в 1930–1935 гг. В этой связи интересно было узнать, насколько документация других хозяйств или структур Сарапульского района может заполнить этот пробел. 31 июля 1937 г. леспромпхоз преобразовали в Сарапульский мехлесопункт, а 14 августа 1938 г. его разукрупнили, преобразовав в три самостоятельных мехлесопункта: Дулесовский, Ершовский, Мазунинский. Флот хозяйства целиком перешел первому. Этой датой объясняется верхняя хронологическая граница, тем более что авторы уже рассматривали флот Дулесовского леспромпхоза [9].

Источниковой базой работы послужили фонды самого Сарапульского леспромпхоза (СГА. Ф. Р-231) [12], а также треста «Удмуртлес», в состав которого он вошел в 1935 г. (ЦГА УР. Ф. Р-311) [13].

Определенный интерес представляла также документация Сарапульского лесозаготовительного отдела, из состава которого в 1929 г. выделили леспромпхоз (СГА. Ф. Р-201) [14]. А поскольку в документации имеется лакуна в период с 1930 по 1935 г., когда леспромпхоз находился в составе «Уралзападлеса», были рассмотрены фонды других хозяйств

этого периода, с которым работал леспромхоз, наиболее полезным из которых оказались фонды Сарапульской районной рабоче-крестьянской инспекции (ЦГА УР. Ф. Р-504) [15] и Сарапульской районной инспектуры ЦСУ (СГА. Ф. Р-202) [16].

Реконструкция флота Сарапульского леспромхоза

Сарапульский леспромхоз был выделен из Лесозаготовительного отдела Сарапульского исполкома. В «Отчете о ходе сплава и водных перевозок древесины в навигацию 1927 г.» Лесозаг отмечал, что он имеет в своем распоряжении «*мотор 12 сил и баркас на 200 тонн*» [14. Оп. 1. Д. 10. Л. 8]. «Мотор» – по терминологии того времени мотокатер. Наименования судов не указаны. «*Снижение стоимости судового сплава обусловлено тем, что в 26/27 году судовый сплав проводился большей частью в судах Госпароходства, в 27/28 – собственным такелажем лесозага и собственным буксиром*» [14. Оп. 1. Д. 10. Л. 30 об]. В итоге в эту навигацию предприятие произвело сплав дров в баржах своими судами на сумму 5 379 руб. 60 коп. [14. Оп. 1. Д. 39. Л. 29]. В отчетной документации того времени использовалось понятие «операционный год», начинавшийся 1 октября. Таким образом, можно сделать вывод, что оба судна появились в хозяйстве в конце 1927 г.: в октябре–ноябре, т.е. после завершения операционного года, но до окончания навигации.

В 1929 г. был образован Сарапульский леспромхоз в составе государственного объединения «Волго-Каспий-Лес». В этом же году, скорее всего, кто-то из руководства леспромхоза, просматривая бланк плана на 1929–1933 гг. (операционные) в разделе «Капиталовложения сплава», где было необходимо указать количество судов парового и непарового флота, написал красным карандашом резолюцию «Дать соображения» [12. Оп. 1. Д. 1. Л. 96 об]. Очевидно, что к началу 1929/30 операционного года (т.е. к октябрю 1929 г.) у организации флота не было и требовалось что-то предпринять, чтобы обеспечить сплав. Это подтверждают и «Контрольные цифры расходов леспромхоза» на ближайшую пятилетку. Относительно капиталовложений во флот в таблице стоит ремарка: «*Суммы по сплаву будут находиться в распоряжении Правления, каковых назначено на 1929/30 г. – 2041 тыс. руб., а на 5-летку – 6 035 тыс. руб.*» [12. Оп. 1. Д. 1. Л. 102]. Под правлением в данном случае имеется в виду правление всего гособъединения, поскольку в таблице имеются разделы «Уральская область» (в которой отдельная строка посвящена Сарапульскому леспромхозу), «Нижегородск[ий] край» и «Северн[ая] обл[асть]». Из чего можно сделать вывод, что на момент образования леспромхоза, не только в нем, но и во всем объединении флот как таковой отсутствовал, и на зиму 1929/30 гг. предполагалось очень существенное увеличение флота (более трети суммы, планировавшейся на пятилетку). А поскольку Сарапульский леспромхоз выделили из лесного отдела, получается, что весь имевшийся там флот остался в каком-то хозяйстве, подчиненном Сарапульскому исполкому.

В 1929 г. в Сарапульском лесозаге работает ликвидационная комиссия, итогом которой стал Протокол совещания Обллесотдела с представителями правления «ВолгоКаспийЛес» от 19 сентября 1929 г. В соответствии с ним было принято постановление о передаче активов и пассивов Лесозаготовительного отдела «ВолгоКаспийЛесу» [14. Оп. 1. Д. 59. Л. 27]. Специально в документе не говорится, но, по всей вероятности, имевшийся к тому времени «мотор» и баркас должны были как-то оказаться в составе Сарапульского леспромхоза, переданные по акту или на правах аренды.

Указанное предположение подтверждается документацией по личному составу предприятия. Так, в «Списке рабочих и служащих Лесозага и складов» в 1928/29 г. (дата в документе отсутствует, но, по видимому, в навигации 1929 г.) среди них числится матрос на якорнице М.С. Костылев. На «Пионере»: машинист Н.Д. Березнюк, матрос С.М. Логинов, рулевой В.Д. Рожин. На неназванном баркасе: водолив В.К. Вычин и матрос М.Ф. Вострецов [12. Оп. 3. Д. 16. Л. 6]. Таким образом, становится известно наименование «мотора», а также то, что в 1929 г. в Лесозаге появилась якорница.

В документации по личному составу (прежде всего в зарплатных ведомостях) Сарапульского леспромхоза в 1928/29 г. нет никого, чью должность можно было бы прямо или косвенно связать с плавсоставом. Что вполне подтверждается указанными выше документами («Пионер», якорница и баркас еще пока в составе Лесозага). А вот в 1929/30 операционном году в структуре леспромхоза появляется Сплавной отдел. Что характерно, никого из числившихся в плавсоставе Лесозага там нет. Кроме заведующего отделом, бухгалтера и прочих административных работников, ряд должностей прямо указывает на плавсостав: это капитан Г.Н. Сайегин (оклад 200 руб.), механик М.Г. Мышкин (145 руб.), старший лоцман З.И. Чекалкин (180 руб.), два моториста (115 и 90 руб.), два ученика моториста (30 и 35 руб.) и матрос (45 руб.) [12. Оп. 3. Д. 67. Л. 245 об]. Подобная штатная структура укладывается на наличие как минимум одного полноценного катера (с капитаном и механиком в штате), а также, вероятно, на пару разбездных судов, или на одно, которое работает в две смены. Из более поздней документации известно, что с 1929 г. в Сарапульском леспромхозе появляется катер «Комсомолка», и, таким образом, штатная структура Сплавного отдела вполне допускает эксплуатацию ее и «Пионера». А вот несамостоятельных плавсредств в хозяйстве, похоже, нет (остались в хозяйстве, подчиненном Сарапульскому исполкому?).

Кроме Сплавного отдела в структуре леспромхоза в этот период имеется также несколько лесоучастков. В одном из них, Воткинском лесоучастке, в 1929 г. получали зарплату члены команды неназванного парохода. В апреле-мае 1930 г. он впервые назван как «Октябрь» [12. Оп. 3. Д. 87. Л. 114]. А с июня 1930 г. платежная ведомость озаглавлена как «*Платежная ведомость на выдачу зарплаты служащим пароходов “Азин”, “Октябрь” и баржи*» [12. Оп. 3. Д. 90. Л. 5]. Все эти суда хорошо известны по работе в Воткинском

мехлесопункте в 1930-е гг. Все они находились на Воткинском пруду. Поэтому, очевидно, что поскольку в 1929 г. Сарапульский леспромхоз принял лесные цеха Ижевского и Воткинского заводов, вместе с ними передавался и флот. Но если «Октябрь» и баржа уже находились на Воткинском пруду, то пароход «Иж» Ижевского завода зимой 1929/30 г. перевезли в Воткинск, где после сборки как «Азин» он вошел в состав Воткинского лесоуцастка.

Что интересно, в этом же году из зарплатных ведомостей пропадает Сплавной отдел, зато с 25 августа по 7 сентября 1930 г. имеется «Платежная ведомость на выдачу зарплаты служащим катера “Комсомолка” Воткинского учлеспромхоза». В ней числится всего один человек – капитан А.Ф. Милачев [12. Оп. 3. Д. 92. Л. 106]. Относительно «Пионера» или какого-либо другого разъездного судна – источник умалчивает. Что касается баркаса, то в мае 1930 г. была уплачена зарплата за пробивку баркаса № 2, причем двум разным бригадам [12. Оп. 3. Д. 71. Л. 8, 75]. В данном случае очевидно, что речь идет о подготовке к навигации 1930 г., когда баркасу пробиваются разошедшие за зиму пазы, что также может указывать на аренду судна (на нем нет постоянной команды).

Главный недостаток существования Сарапульского леспромхоза заключался в его чрезвычайной монополизации. Фактически он объединил все лесные хозяйства Удмуртии (в том числе лесные цеха Ижевского и Воткинского заводов). С одной стороны, это имело положительные стороны, поскольку пароход «Азин», практически не нужный на Ижевском пруду, отправился на Воткинский завод. Но, с другой стороны, подобная чрезмерная монополизация привела к топливному кризису 1931 г., когда, например, в начале года из-за полного отсутствия дров в Воткинске пришлось закрыть школы. В связи с этим в 1931 г. произошло разделение Сарапульского леспромхоза на несколько более мелких хозяйств. В частности, из него выделили самостоятельный Воткинский мехлесопункт (с пароходами «Азин», «Октябрь» и баржей). В этот же период полностью пропадают упоминания о разъездном катере. И, например, за август 1931 г. единственное судно Сарапульского леспромхоза, команда которого получает зарплату, – это катер «Комсомолка». Самая большая сумма (113 руб.), вероятно, у капитана (И.В. Козлов), у двоих она примерно одинаковая (77 и 76 руб. – Климовских и Беляев), возможно, это мотористы, и у одного 20 руб. (Сырнева), вероятно, матроса [12. Оп. 3. Д. 197. Л. 51].

В факте передачи «Комсомолки» от Воткинского учлеспромхоза Сарапульскому леспромхозу нет ничего странного, поскольку она вполне могла работать в районе деревни Костоваты, где осуществлялся молельный сплав. Поэтому с ликвидацией Сплавного участка судно вполне могли подчинить Воткинску, как единственному подразделению, обладавшему флотом. Но поскольку судно работало на Каме, в новообразованный Воткинский мехлесопункт его не передали.

Информация о Сарапульском леспромхозе периода 1931–1935 гг. в указанных выше фондах отсутствует,

возможно, она как-то отразилась в фондах «Камлесосплава» и «Уралзападлеса». В этой связи приобретают большую важность фонды Сарапульской контрольной комиссии как инстанции, проверявшей текущее состояние дел на предприятиях вверенной ей территории. Наибольший интерес представляют два документа 1932 и 1934 гг.

В 1932 г. Сарапульский леспромхоз обратился в Сарапульскую контрольную комиссию: «*Сарапульский леспромхоз просит обратить самое серьезное внимание на безобразное отношение завода “Красный Металлист” по ремонту заказов моторного флота при Сарапульском ЛПХ-зе. Нами по согласованности с ними установлены твердые сроки по изготовлению заказов, но они уже истекли. По баркасу “Комсомолка” срок был обусловлен к 15 марта и по изготовлению деталей нового баркаса № 27 обуславливался к 1-му апреля. Несмотря на вышеуказанные сроки по выполнению заказа, сдвига в работе нет и выполнено всего лишь на 60%. <...> по календарному плану с таким расчетом, чтобы баркас “Комсомолка” № 1 был в полной готовности к 15-му апреля и баркас № 27 к 1-му мая*» [15. Оп. 1. Д. 84. Л. 100].

Весной 1934 г. в Сарапульскую контрольную комиссию поступила бумага, в которой описывалось состояние Сарапульской сплавной конторы, к этому времени уже подчиненной тресту «Камлесосплав». К сожалению, ни автор, ни причины составления бумаги в деле не указаны, но она дает чрезвычайно важные сведения о работе и состоянии флота хозяйства. Там в частности говорилось: «*1. 16/V с пристани Панькова (против Галево) вышел плот без народа (сорвался с якоря) остановился среди плеса Ольховка, когда послали бригаду, его там не оказалось, [он снова сорвался и уже] остановился около Паздер. <...> 2. Такой же случай – с Паньково также ушел плот, посланный бригадой из Сайгатки. Плот остановился около Яромаски <...> Предназначался для Лесозавода. 24/V с якоря сорвало. Поставили 24/V к Лесозаводу. Не ушел [сорванный с якоря] случайно, благодаря тому, что [его] заметили с катера “Бенц № 35” <...>. 12. Использование флота. За железом загнали в Галево шитик и он стоит без дела в Галево. Стоимость ежедневной эксплуат[ации] 150 руб. и 26/V дается распоряжение о сплаве <(?) нечетко, чернила расплылись> его обратно в Сарапул порожняком. Катер “Потемкин” 2½ года строится и до сих пор не выпущен. Стоит против конторы. “Комсомолка” большую часть [времени] используется в раз’ездах, тогда как по ценам Госпароходства ее эксплуат[ационная] стоимость 25 руб. в час, а себестоимость около 20 руб. 13. Шитик № 24 поставлен на обсушку для ремонта. Зимой не отремонтировали. 14. Бенц отправлен в Осу 29/IV и около Паздер затонул (вероятно из-за пьянства) и после под’ема (затрат около 30350 руб. <сумма не четко, чернила расплылись>, виновники выявлены) отправили в Сарапул 3/V и в ремонте был до 22/V» [15. Оп. 1. Д. 112. Л. 203].*

Из документов однозначно следует, что Сарапульский леспромхоз занимался судостроением. Поскольку к весне 1934 г. катер «Потемкин» находится в постройке в течение 2,5 лет, получается, что работы по

нему начались в начале 1932 г. И, таким образом, он вполне может быть катером № 27. С другой стороны, в леспромхозе работал катер № 2 1934 года постройки, в связи с чем это может быть именно он. Другой – катер № 35 1933 года постройки, что также вполне согласуется с приведенными документами. Правда, из них явствует, что в 1934 г. на нем стоял двигатель «Бенц», в то время как в 1935 г. и далее – обычный СТЗ-30. Но, поскольку 29 апреля 1934 г. он затонул и поднят лишь как минимум 3 мая, после поступления воды двигатель мог прийти в негодность и его заменили, что вполне согласуется с эксплуатационной практикой. Кроме того, с 1929 г. в леспромхозе числится катер № 1. Из приведенных документов получается, что это бывшая «Комсомолка». История с перенумерацией вполне объяснима. До 1933 г. в леспромхозе, по-видимому, используются собственные имена, но в этот год приходит распоряжение «Камлесосплава» об унификации системы номеров на вверенных ему катерах, чтобы избежать повтора. Так что номера получили «Комсомолка» (№ 1) и «Потемкин» (№ 27). А вот приобретенный на следующий год новый катер № 35 собственного названия уже не имел. Возможно, из-за долгой постройки № 27, войдя в состав флота хозяйства, и стал № 2.

Судя по проводимым работам, к 1935 г. в списке ответственности Сарapulьского леспромхоза находились лесопереработка, обеспечение района дровами, заготовка древесины для местных целей и для дальнейшего сплава, а также транзит плотов и лесоматериалов на Нижнюю Волгу. И, таким образом, он к этому времени был единственным лесным хозяйством района. Ввиду важности вопроса транзита, тот остался в ведении «Камлесосплава» (впоследствии был образован Сарapulьский рейд этого треста), а все остальные функции отдавались леспромхозу, который вместе с флотом выделялся в самостоятельное хозяйство с передачей тресту «Удмуртлес». В 1935 г. состоялась передача Сарapulьского леспромхоза от треста «Уралзападлес» в «Удмуртлес». По-видимому, весь 1935 г. хозяйства согласовывали взаимные долги – средства, выделенные по планам предыдущих годов.

Отчет треста «Удмуртлес» Наркомлеса СССР по основной деятельности за 1935 г. в форме «Оборудование лесозаготовок и сплава» сообщает о том, что в

тресте имеются два парохода, на начало и конец отчетного года [13. Оп. 1. Д. 444. Л. 26]. В данном случае это все те же пароходы «Азин» и «Октябрь» Воткинского мехлесопункта. На это указывает суммарная мощность судов в 76 л.с. (28 и 48 л.с.). Однако в графе «Моторные суда» на начало года значится три судна (168 л.с.), на конец – пять (228 л.с.) [13. Оп. 1. Д. 444. Л. 26]. Судя по всему, на начало года все моторные суда треста состояли в Сарapulьском леспромхозе (совпадает количество и мощность): это катер № 1 80 л.с., катера № 2 и № 35 по 44 л.с. Таким образом, дополнительно появились два катера 60 л.с. (по 30 л.с.). Поскольку в 1936 г. в документации «Удмуртлеса» впервые отразились два катера по 12 л.с., скорее всего, именно они и имеются в виду. Мощности катеров № 2 и № 35 в отчете показаны не 44 л.с., а 30 л.с., возможно, по аналогичной причине были пересмотрены мощности двух принятых на баланс катеров с 30 л.с. до 12 л.с. Причины изменения мощности вполне могли быть чисто организационные, например, до того указывалась индикаторная мощность, а потом – эффективная мощность на валу.

В отчете самого леспромхоза в форме «Оборудование лесозаготовок и сплава» на начало и конец года в хозяйстве числится по три моторных судна, в документе в скобках от руки приписано «катера», суммарной мощностью 168 л.с. [13. Оп. 1. Д. 459. Л. 81 об]. Основные характеристики судов приведены в инвентарной ведомости (табл. 1).

Регистрационное свидетельство имелось у катеров № 35 и № 2. Судовое свидетельство имелось у всех трех катеров, но при этом по № 1 имеется дата «4/IV 35», вероятно, означающая срок окончания его действия. Скорость всех катеров указана в 5 км/ч, а процент годности по всем судам, включая шитик и «Орлянку», – 50 [13. Оп. 1. Д. 459. Л. 277]. Стоимость, указанная в ведомости, не совпадает с суммами, указанными в форме № 16, расшифровывающей статьи баланса. Так, балансовая стоимость трех катеров указана 73 752 руб. 54 коп., а шитика – 5 000 руб. [13. Оп. 1. Д. 459. Л. 243]. Видно, что составители баланса ошиблись, указав в суммарной стоимости трех катеров еще и шитик № 30.

Таблица 1
Характеристики судов Сарapulьского леспромхоза по инвентарной ведомости 1935 г. [13. Оп. 1. Д. 459. Л. 277]

Судно	Л, м	В, м	Н, м	О, м	М	Д	Н, л.с.	Т	Гр, кг	С, руб.
Катер № 1	15,45	2,4	1,09	1,20/1,25	Ж	В	80	Б, К	1 850	15 810,00
Катер № 35	12,00	1,9	1,40	0,80/0,90	Ж	В	44	Б, К	1 000	32 978,00
Катер № 2	12,00	1,9	1,40	0,80/0,90	Ж	В	44	Б, К	1 000	13 879,60
Шитик № 30	20,00	4,7	1,40	0,60/1,20	Д	–	–	–	60 т.	11 084,94
«Орлянка»	13,00	4,0	1,20	0,50/1,00	?	–	–	–	9 т.	5 000,00

Л – длина корпуса, В – ширина корпуса, Н – высота борта, О – осадка (без груза / с грузом), М – материал корпуса (Ж – железо, Д – дерево), Д – движитель (В – винтовой), Н – эффективная мощность, Т – топливо (Б – бензин, К – керосин), Г – год постройки, Гр – грузоподъемность (на буксире), С – стоимость.

В начале 1936 г. леспромхоз отчитался перед Нархозучетом о наличии у него собственного флота. На 13 января у него имелись буксирные моторные катера № 1 (80 л.с.), № 2 (30 л.с.), № 35 (30 л.с.) и несамоходная баржа – шитик № 30 (60 т.) [16. Оп. 1. Д. 64.

Л. 8 об]. Тем не менее в сводную форму Нархозучета относительно леспромхоза вошли следующие сведения: три катера 140 л.с., прочие транспортные средства – два, грузоподъемность 75 т. [16. Оп. 1. Д. 64. Л. 36].

Таким образом, информацию скорректировали, добавив еще одно самоходное судно в 15 т. Интересна также форма переписи Сарапульского освода. Среди прочих катеров числятся катера, работавшие на переправе: деревянный катер «Осводец» (10 × 2 м) с нефтяным двигателем «Возрождение» 12 л.с., железный катер «Привет» (8,6 × 1,9 м) с нефтяным двигателем «Болиндер» 10 л.с. Еще у одного железного катера названия нет – он назван по типу двигателя «Возрождение» (8,4 × 1,9 м) [16. Оп. 1. Д. 64. Л. 9]. Производство двигателей «Возрождение» было налажено в городе Маркштадт (АССР немцев Поволжья). Масса двигателя составляла 850 кг., мощность 12 л.с. [17. С. 311]. Учитывая преемственность названий у Сарапульских судов, можно предположить, что неназванный катер вполне мог быть «Пионером» бывшего лесного отдела. Тем более что в 1938 г. появился новый катер «Пионер».

В 1936 г., судя по отчету «Удмуртлеса», на увеличение уставного фонда пошло 35 557 руб. 59 коп. – стоимость якорницы с инвентарем (номер не указан, вероятно, имеется в виду № 12), переданной от Чусовского завода управления «Уралзападлес» Сарапульскому леспромхозу. Еще одна якорница № 13 с инвентарем, переданная леспромхозу от Пермской такелажной конторы, стоила 34 004 руб. 57 коп. (Основание – отношение № 179 от 7.8.1936 г. Пермской сплавной конторы и авизо Сарапульского ЛПХ от 13.08.1936 г.) [13. Оп. 1. Д. 495. Л. 11].

Судя по форме № 11 «Калькуляция работы самоходного флота» за 1936 г., на начало года в тресте по плану должно иметься пять самоходных судов с суммарной мощностью 216 л.с. По факту имелось шесть в 236 л.с. (разница между фактической и плановой мощностью составляет 20 л.с.). На конец года при той же самой плановой цифре по факту в тресте было семь судов в 248 л.с. [13. Оп. 1. Д. 495. Л. 192]. Форма «Оборудование лесозаготовок и сплава» вносит серьезное уточнение к указанным цифрам. На начало года числилось два парохода (76 л.с.) и пять моторных судов (278 л.с.). На конец года – те же пароходы и шесть моторных судов в 185 л.с. (так в документе) [13. Оп. 1. Д. 495. Л. 248].

Наконец, в Докладе о хозяйственной деятельности треста «Удмуртлес» за 1936 г. говорится: «В июле месяце разукрупнены леспромхозы Сарапульский и Можгинский, из первого выделено как самостоятельное предприятие непосредственно подчиненное л[есо]тресту – Сарапульская лесоперевалочная база...» [13. Оп. 1. Д. 495. Л. 407]. «В 1936 году в системе треста “Удмуртлес” имелось собственных паромотокатеров 7 штук, общей мощностью 240 НР. Указанная паромототяга закреплена за леспромхозами: 1. Сарапульский ЛПХ р. Кама 4 единицы мощностью 153 НР. 2. Воткинский леспромхоз, пруд 2 единицы, мощностью 76 НР. 3. Глазовская Сплавконтрора р. Чепца 1 единица, мощн[остью] 12 НР. <...> Две мотолодки с деревянными корпусами оборудованы двигателями системы “Коммунист” мощностью 12 НР выпуска 1934 года, а как известно, последние в условиях рейдовых буксировочных работ почти непригодны и

могут быть использованы только как вспомогательные суда. <...> При передаче Сарапульского ЛПХ нам Уралзаплесом, в числе ценностей был передан катер № 1, оборудованный двигателем “Хольт” 80 НР, настолько изношенный, что Уралзаплесом он был исключен из числа судов, пригодных к дальнейшей эксплуатации. <...> [В 1937 г.] Главк спустил средства только на приобретение одного маломощного мотокатера, пригодного для раз’ездов, а не для буксировочных работ» [13. Оп. 1. Д. 495. Л. 424].

Очевидно, в 1936 г. были пересмотрены имеющиеся мощности катеров в сторону уменьшения. Поскольку массовая замена двигателей как-то должна была отразиться в документации, вероятнее всего, речь идет лишь об изменении правил учета, например, ранее учитывалась индикаторная, а с этого времени стала эффективная. Поэтому на начало года в формах учтено два воткинских парохода (76 л.с.), три сарапульских (80, 44 и 44 л.с., всего 168 л.с.), а кроме того, в конце 1935 – начале 1936 г. получены два катера по 12 л.с. в Сарапул и Глазов. В отчете о работе в 1936 г. Глазовский леспромхоз упоминает, что у него числится одна моторная лодка неуказанной мощности балансовой стоимостью 13 000 руб. [13. Оп. 1. Д. 502. Л. 293 об – 294]. А вот в отчете следующего года Глазовская сплавная контора, преобразованная из леспромхоза, уже имела на балансе «Лодку-катер с мотором 12 л.с.», приобретенную в 1935 г., степень износа 60%, балансовая стоимость 13 000 руб., а также «Лодку моторную с мотором» (мощности нет), приобретенную в 1936 г., степень износа 40%, балансовая стоимость 2 593 руб. 68 коп. [13. Оп. 1. Д. 533. Л. 145 об – 146]. Судя по стоимости, это обычная лодка, каких в Сарапуле имелось с десяток. Поэтому она вряд ли была учтена в списке мотолодки треста как приобретенная в этом году. К тому же мощность ее не указана, возможно потому, что в статистику она не входит.

Таким образом, всего семь судов. 278 – 168 = 110 л.с., или два судна по 55 л.с., что намного больше имевшихся в реальности двух по 12 л.с. Можно предположить, что вполне могли планироваться к приобретению одни суда, а по факту получены другие. На конец года в указанные 185 л.с. вошли все те же три сарапульских катера (80, 30 и 30 л.с., всего 140 л.с.), два новых нефтяных катера по 12 л.с. (24 л.с.). На неизвестный катер, таким образом, приходится 21 л.с. Скорее всего, именно о нем говорится в документе как о маломощном катере, на который «Главк спустил средства». Возможно, с учетом округления, это тоже судно с мотором в 12 л.с. Как явствует из дальнейшей документации, оно так и не было получено.

Судя по форме № 6 «Отчет капиталовложений», в этом году баланс треста за счет самоходного флота при плановой смете 19,2 тыс. руб. фактически увеличился на 20 тыс. [13. Оп. 1. Д. 495. Л. 544 об]. Возможно, речь может идти о том, что кроме катера к нему приобрели также такелаж. Судя по форме 14 «Таблица о назначении капитальных вложений...», раздел водного транспорта пополнился за счет приобретения новых транспортных средств на сумму 26 тыс. руб. [13. Оп. 1. Д. 497. Л. 44].

В отчете леспромхоза за этот год говорилось: «Мотофлот ЛПХ'а характеризуется уже значительной изношенностью и если пока работает, то с большими простоями и часть катеров еще в 1935 году Уралзападлесом были назначены на консервацию, например, катер № 1» [13. Оп. 1. Д. 507. Л. 33]. В форме № 11 «Технико-экономические показатели» леспромхоз указал, что в начале года по плану от имел три катера в 140 л.с., по факту же имелось четыре в 160 л.с. На конец года при той же численности по плану фактически имелось пять катеров в 172 л.с. В то же время при плановом пробеге за год 46 404 сило-часов фактически транспорт хозяйства отработал 98 427 сило-часов [13. Оп. 1. Д. 507. Л. 142]. К трем имеющимся катерам добавляются один полученный в 12 л.с. (тут получается 20 л.с.) и один, по-видимому, отмененный, мощность которого также указана как 12 л.с., на который Главк выделил средства.

Капитальные вложения на паромотофлот в этот год составили 12 000 руб. [13. Оп. 1. Д. 507. Л. 234]. В инвентарной ведомости по состоянию на 1 октября 1936 г. в Сарапульском леспромхозе по счету № 0106-1 проходили:

катер № 1 балансовой стоимостью 15 810 руб., мощностью 80 л.с. (керосин);
 катер № 2, 13 879 руб. 60 коп., 30 л.с. (керосин);
 катер № 35, 32 978 руб., 30 л.с. (керосин);
 катер «Ким», 13 000 руб., 12 л.с. (нефть);
 шитик № 30, 11 084 руб. 94 коп.;
 шитик «Орлянка», 5 000 руб.;
 якорница № 12, 32 864 руб. 29 коп. (износ 75%);
 якорница № 13, 32 433 руб. 79 коп. [13. Оп. 1. Д. 507. Л. 377]. Судя по стоимости, сарапульский и глазовский катера если не однотипны, то близки по конструкции.

«Мотофлот, необходимый для нужд сплава был своевременно отремонтирован в составе катеров № 1 – 60 индикаторных сил, № 2 – 30 [и.л.с.] и катера № 35 мощн[остью] 30 [и.л.с.]. Для перевозки такелажа по пристаням имел вполне пригодный шитик с краном № 30 водоизмещением 40 тонн и шаланда «Орлянка» в 10 тонн. Кроме того, Трестом предоставлена с августа м[еся]ца мотолодка с нефтяным двигателем в 12 HP, для перевозки транзитного такелажа [а также] с низовьев Волги получены в распоряжение ЛПХ'а 2 баржи-якорницы с кранами водоизм[ещением] по 700 тонн каждая» [13. Оп. 1. Д. 507. Л. 32].

Сводный отчет о работе треста «Удмуртлес» за 1937 г. в форме № 7 «Калькуляция мехтранспорта» в разделе «Мотофлот» показывал два парохода: «колес[ный] на древесном топ[ливе]» и «винтов[ой] на жидк[ом] топ[ливе]» – «Азин» и «Октябрь» Воткинского леспромхоза, а также четыре мотокатера [13. Оп. 1.

Д. 529. Л. 82]. Сарапульский леспромхоз в этом году был реорганизован в Сарапульский мехлесопункт. И в форме явно имеются в виду четыре катера этого хозяйства. Ранее упомянутый катер Глазовской сплавной конторы в ее отчете за 1938 г. фигурирует как «лодка моторная 12 HP», год приобретения 1935, балансовая стоимость 2 000 руб. [13. Оп. 1. Д. 560. Л. 132].

Несмотря на сводный отчет, в отчете Сарапульского мехлесопункта этого года в форме 6 «Техническая вооруженность лесозаготовок и сплава» в хозяйстве на начало и конец года указано по пять катеров суммарной мощностью 172 л.с. [13. Оп. 1. Д. 532. Л. 129 об]. Аналогичная форма Воткинской лесоперевалочной базы на начало и конец года показывает пароход «Азин» (48 л.с.), пароход «Октябрь» (24 л.с.) и неназванный моторный катер (30 л.с.) [13. Оп. 1. Д. 532. Л. 137]. Интересно, что сводная форма 6 для всего треста на начало и конец года показывает суммарные показатели этих двух хозяйств: два парохода и пять катеров на начало и конец года, а также одно моторное судно на начало года (на конец оно отсутствует) [13. Оп. 1. Д. 532. Л. 148 об]. Это подтверждает предположение о неучете ранее показываемом катере в Глазовской сплавной конторе. Кроме того, видно, что неназванный катер передавался в Воткинск лишь временно. Тем не менее судно попало в инвентарную опись хозяйства. Воткинская лесобазы за 1937 г. в счете № 108 показывает у себя кроме пароходов «Азин» и «Октябрь» «Катер винтовой с тракторным мотором СТЗ Костромского завода мощн[остью] 30 лош[адиных] сил». Год приобретения 1937, степень износа 5%, балансовая стоимость 36 323 руб. [13. Оп. 1. Д. 535. Л. 356]. Степень износа говорит, что судно новое, скорее всего, полученное прямо с завода. Это явно катер «Комсомолец», полученный в 1938 г. Сарапульской лесобазой от Воткинского мехлесопункта.

Сарапульский мехлесопункт в форме № 7 «Калькуляция мехтранспорта» в разделе «Мотофлот» сообщает о наличии в 1937 г. двух катеров с двигателем СТЗ, одного «Хольт» и одного «Возрождение» [13. Оп. 1. Д. 544. Л. 70]. Это подтверждает наличие всех ранее указанных судов.

В инвентаризационной ведомости суда хозяйства фигурируют два раза: в первый раз, когда описывается имеющееся на борту имущество, а затем в сводной таблице среди имеющихся транспортных средств. В первом случае имеется катер № 4, на борту которого присутствуют чайники, кастрюли, ведра и прочее имущество [13. Оп. 1. Д. 544. Л. 415], отсутствующий среди транспортных средств. Характеристики остальных судов приведены в табл. 2. При ее сравнении с табл. 1 видим, что пропал катер № 1.

Таблица 2

Характеристики судов Сарапульского леспромхоза по инвентарной ведомости 1937 г. [13. Оп. 1. Д. 544. Л. 520-521]

Судно	L, м	B, м	H, м	Г	М	Д	N, л.с.	T	И, %	C, руб.
Катер № 2	9,25	2,44	1,25	?	Д	В	30	К	87	13 879,60
Катер № 3	8,00	2,20	1,20	1935	Д	В	12	Н	50	13 000,00
Катер № 35	12,00	1,90	1,40	1933	Ж	В	30	К	15	32 978,00
«Орлянка»	13,00	4,00	1,20	1933	Д	–	15 т.	–	87	5 000,00
Шитик № 30	20,00	4,70	1,80	1933	Д	–	30 т.	–	87	11 087,94

В дополнение к экспликации табл. 1: Г – год приобретения, N – грузоподъемность (для самоходных судов), И – степень износа.

Можно предположить, что катер № 4 – это бывший катер № 1, выведенный из эксплуатации. Поскольку двигатели СТЗ были установлены на катерах № 2 и № 35, а «Возрождение» на № 3, выходит, что «Хольт» должен быть установлен на № 4. Аналогичный двигатель имел бывший катер № 1. Таким образом, вряд ли это новое судно со снятым с производства двигателем. Опечатка в документе также исключается, поскольку № 4 в инвентарной описи указан несколько раз. Причем один раз составитель документа ошибся и указал № 35. Этот номер аккуратно подтерт чем-то острым (бритвой?) и поверх него написана цифра «4». Данные табл. 1 и 2 не совпадают относительно характеристик катера № 2. Причем ошибка явно допущена в табл. 1, поскольку там данные катера № 2 дублируют таковые катера № 35. Но при этом балансовые стоимости катера № 2 в обоих документах одинаковы, что исключает замену судна за этот период.

В отчете треста за 1938 г. в форме № 28 «Отчет о работе водного транспорта» указано два парохода («Азин» и «Октябрь»), а также катера на жидком топливе. Причем по последним списочное наличие по отчету дается 5, по плану 4. Число работающих единиц по отчету и по плану – 4 [13. Оп. 1. Д. 557. Л. 174]. Здесь явно имелись в виду катера № 2, № 3, № 35 и «Комсомолец» (возможно, для него и был заготовлен

№ 1, который судно так и не получило), а в числе неработающих указан № 4 (бывший № 1). Это предположение доказывается аналогичными формами всех хозяйств треста. Так, форма Воткинского мехлесопункта указывает два парохода (28 и 48 л.с.) [13. Оп. 1. Д. 561. Л. 95], Дулесовского мехлесопункта – два катера с двигателем СТЗ, один с «Холтом» и один с «Возрождением» [13. Оп. 1. Д. 569. Л. 112], Сарапульского лесобазы – один катер (35 л.с.) [13. Оп. 1. Д. 576. Л. 97]. Характеристики судов по инвентарной ведомости Дулесовского мехлесопункта сведены в табл. 3. Здесь указаны год приобретения катера № 2 (в табл. 2 года нет), а также характеристики катера № 1, который идет после всех по списку, очевидно, для подчеркивания, что он списывается. Если по остальным катерам мощность дается цифрами, то тут запись следующая: «Катер № 1 моторный, тридцат[ь] лошадиных сил. Машина “Хольт” лигроиновая. 1 винтовой... Год постройки 1929. При машине дежурный бакен-цистерна емкость[ю] 1200 кгр» [13. Оп. 1. Д. 569. Л. 268–269]. Из записи можно сделать вывод, что судно с 1934 г. используется как наливное (это год списания в тресте Уралзападлес). А штатный двигатель «Хольт», скорее всего, используется как привод насоса. В этом случае становится понятным указание катера после несамоходных судов.

Таблица 3

Характеристики судов Дулесовского мехлесопункта по инвентарной ведомости 1938 г. [13. Оп. 1. Д. 569. Л. 267–269]

Судно	L, м	B, м	H, м	Г	М	Д	N, л.с.	T	И, %	C, руб.
Катер № 2	9,25	2,44	1,25	1934	Д	В	30	К	80	13 879,60
Катер № 3	8,00	2,20	1,20	1935	Д	В	12	Н	80	13 000,00
Катер № 35	12,00	1,90	1,40	1933	Ж	В	30	К	70	32 978,00
Шитик № 30	20,00	4,70	1,80	1933	Д	–	30 т.	–	80	11 084,94
«Орлянка»	13,00	4,00	1,20	1933	Д	–	15 т.	–	75	5 000,00
Катер № 1	15,45	2,40	1,09	1934	–	В	30	Л	75	15 810,00

В дополнение к экспликации табл. 1 и 2: Л – лигроин.

Решением балансовой комиссии треста «Удмуртлес» от 19.06.1938 г., по отчету Сарапульского мехлесопункта за 1937 г., «в целях приближения к производству руководства предприятием, считать необходимым перенести резиденцию мехлесопункта из Сарапула в Дулесово не позднее 1-го сентября с.г.» [13. Оп. 1. Д. 529. Л. 297]. В связи с этим Сарапульский мехлесопункт прекратил свое существование и появился Дулесовский мехлесопункт.

Реконструкция биографий судов Сарапульского леспромхоза

Катер «Комсомолка» (железо, 15,45 × 2,40 × 1,09 × 1,20/1,25 м., двигатель «Хольт», 80 л.с., лигроин) 1929 г.п. Приобретен Сарапульским леспромхозом из нового судостроения, с 1930 г. работал в составе Воткинского учлесхоза, с 1931 г. в Сарапульском леспромхозе.

Вероятно, с 1934 г. – стоечный, возможно, что использовался как наливное судно-склад, в документах упоминается как **Катер № 1**. С 1937 г. – **Катер № 4**. В 1938 г. передан в Дулесовский леспромхоз [9] как **Ка-**

тер № 1, в том же году – в Сарапульское агентство треста «Камлесосплав» [10]. Дальнейшая судьба неизвестна, скорее всего, вскоре после этого списан.

Катер «Потемкин» (железо, 9,25 × 2,44 × 1,25 × ? м, СТЗ-30, 30 л.с., керосин) 1934 г.п. Заложен Сарапульским леспромхозом в начале 1932 г. В этом же году, вероятно, **Катер № 27** треста «Камлесосплав». Строился 2,5 года, вошел в строй Сарапульского леспромхоза как **Катер № 2**. В 1938 г. передан в Дулесовский леспромхоз, в том же году – в Сарапульское агентство треста «Камлесосплав» (далее [10]).

Катер № 35 (железо, 12,00 × 1,90 × 1,40 × 0,80/0,90 м., «Бенц», 30 л.с.(?), бензин (?)) 1933 г.п. Приобретен трестом «Камлесосплав». С 1933 г. в составе Сарапульского леспромхоза. Затонул 29.04.1934 г. в результате халатности команды на рейсе Сарапул–Оса, около деревни Поздеры. Поднят 03.05.1934 г. и отправлен на ремонт в Сарапул. Ремонтировался до 22.05.1934 г., вероятно, в ходе ремонта двигатель заменен на СТЗ-30 (30 л.с., керосин). В 1938 г. передан в Дулесовский леспромхоз, где работал во время и после войны (далее [9]).

Катер «Ким» (железо, 8,00 × 2,20 × 1,20 × ? м., «Возрождение», 12 л.с., мазут) 1935 г.п. В 1936 г. вошел в состав Сарапульского леспромхоза как **Катер № 3**. В 1938 г. передан в Дулесовский леспромхоз, в том же году – в Сарапульское агентство треста «Камлесосплав» (далее [10]).

Катер «Пионер» (железо, «Возрождение» (?), 12 л.с., мазут (?)). Приобретен Сарапульским лесозаготовительным отделом в конце 1927 г., вероятно, из нового судостроения. В 1929 г. передан Сарапульскому леспромхозу, возможно, на правах аренды. С 1931 г., скорей всего, в составе Сарапульского горкомхоза, работал на переправе. Списан после 1936 г.

Шитик № 30 (дерево, 20,0 × 4,7 × 1,8 × 0,6/1,2 м., 30 брт., 60 грт.) 1933 г.п. Построен по заказу треста «Камлесосплав». С 1933 г. в составе Сарапульского леспромхоза. В 1938 г. передан в Дулесовский леспромхоз (далее [9]).

Шитик «Орлянка» (дерево, 13,0 × 4,0 × 1,2 × 0,5/1,0 м, 15 брт., 9 грт.) 1933 г.п. Возможно, построен как **Шитик № 24** треста «Камлесосплав». С 1933 г. в составе Сарапульского леспромхоза как «Орлянка». В 1938 г. передан в Дулесовский леспромхоз (далее [9]).

Якорница № 12 (700 т.). Ранняя история неизвестна, приобретена в 1936 г. Сарапульским леспромхозом у Чусовского завода управления «Уралзападлес». Списана в 1937 г., дальнейшая судьба неизвестна.

Якорница № 13 (700 т.). Ранняя история неизвестна, приобретена в августе 1936 г. Сарапульским леспромхозом у Пермской такелажной конторы. Списана в 1937 г., дальнейшая судьба неизвестна.

Баркас № 2 (дерево, 200 т.). Приобретен Сарапульским лесозаготовительным отделом в конце 1927 г., вероятно, построен в Сарапуле. По всей видимости, с 1929 г. в аренде у Сарапульского леспромхоза. В 1931 г. у Сарапульского горкомхоза, вскоре после этого списан.

Перспективность некоторых источников в вопросе реконструкции эволюции флота хозяйства на примере Сарапульского леспромхоза

Как и в большинстве архивных фондов промышленных предприятий, делопроизводственную документацию Сарапульского леспромхоза можно разделить на две части: документацию по основной деятельности и по личному составу. Как показал анализ фондов, приказы в обоих случаях (приказы по личному составу и приказы по основной деятельности) обладают весьма ограниченной ценностью. Причины этого следует искать в том, что водный транспорт Сарапульского леспромхоза никогда не имел решающего значения в работе предприятия – штат водников в лучшем случае составлял лишь долю процента от общего числа работников предприятия. В связи с этим упоминания в приказах, так или иначе связанные с водным транспортом, за весь рассматриваемый период единичны и не имеют особой ценности. Возможно, это связано с тем,

что традиции в ведении приказов в то время еще не сформировались.

Но что касается ведомостей о начислении зарплаты или аналогичных им документов, также входящих в документацию по личному составу, наоборот, этот материал имеет ценность. В общем объеме архивов ведомости, связанные с водным транспортом, составляют лишь доли процента. Но затраченная трудоемкость их нахождения того стоит: нередко это единственный документ, где было упомянуто название имевшихся судов. А для 1920-х гг. и начала 1930-х гг., в силу сложившегося на то время документооборота, документация по основной деятельности практически не несет информации о наименовании судов.

Блок документации по основной деятельности можно условно разделить на отчетную и плановую. Причем при планировании обычно использовались данные отчетов предыдущего года, поэтому получается определенное дублирование. В плановой документации наиболее ценно наличие штатного расписания, что вполне коррелируется с отчетной (там обычно приводятся лишь сводные цифры по кадрам). К сожалению, промфинпланы Сарапульского леспромхоза обладают ограниченной ценностью, поскольку штатное расписание там обычно перекликается с зарплатными ведомостями, но в отличие от них не называет конкретные суда, а дает список должностей плавсостава в подбор, очевидно, предполагая возможность замещения на конкретных судах. Это обстоятельство делает данный источник не очень ценным объектом анализа, и его применение целесообразно только в случаях, если отсутствуют зарплатные ведомости с указанием судов.

Отчетная документация, как правило, включает в себя отчет выполнения по производству и бухгалтерские отчеты. Именно такой структуре подчинены и имеющиеся в форме дела – это или информация о производстве, или финансовые документы.

Несколько особняком от них стоят инвентаризационные ведомости. По опыту Сарапульского леспромхоза 1935–1938 гг. можно заключить, что хозяйство проходило инвентаризацию каждый год. В вопросе реконструкции флота предприятия они имеют огромное значение, поскольку сообщают не только сведения о наименовании судов, но и их технические характеристики, а также информацию, необходимую бухгалтерам (степень износа, балансовую стоимость и т.д.).

В производственной документации наибольшую ценность имеют два документа. Во-первых, это отчет директора, в котором обычно присутствует раздел, анализирующий работу водного транспорта (с указанием трудностей в работе и т.п.), и, во-вторых, отчет по имеющемуся установленному оборудованию. К сожалению, формы по оборудованию к середине 1930-х гг., по-видимому, еще не установились, и они несколько меняются от отчета к отчету. Вероятно, окончательно они сформировались лишь в конце Великой Отечественной войны.

В бухгалтерских отчетах большое значение имеет расшифровка баланса, а именно стоимость

оборудования, пошедшего на его увеличение или на уменьшение. По-видимому, в 1930-х гг. эта форма также находилась в стадии формирования. Но необходимость подобных сведений из-за их важности понималась уже тогда. Поэтому в отчетах 1920-х гг. и начала 1930-х гг. эта информация отсутствует (ее заменяют безликие интегральные цифры без детализации, имеющие весьма ограниченную ценность), в то время как для отчетов середины 1930-х гг. ее приходится искать среди дебиторов и кредиторов предприятия, где особо она не выделяется.

Выводы

С момента образования в 1929 г. до ликвидации в 1938 г. Сарапульский леспромхоз активно занимался сплавом леса, что отразилось в наличии и эксплуатации довольно многочисленного по меркам Удмуртии собственного флота. Весь рассматриваемый период численность флота неуклонно увеличивалась. Это можно объяснить тем, что в 1930-е гг. Сарапул был достаточно крупным промышленным центром, для работы предприятий которого требовались дрова в качестве основного энергоносителя. А поскольку в округе крупные леса отсутствовали, дрова приходилось возить по Каме за 80–100 км, в связи с чем флот приобретал стратегическое значение.

Это в последствие подтвердится опытом Великой Отечественной войны. Несмотря на дефицит самоходных плавсредств во время Сталинградской битвы, пополнение ВМФ происходило за счет мобилизации судов в других акваториях, после чего их доставляли на Волгу. А флоты хозяйств Сарапула в годы войны не только не подверглись мобилизации, но и численно увеличились.

Как показывает пример Сарапульского леспромхоза, в каждый период ценность отдельных видов делопроизводственной документации существенно различается, так как документооборот и делопроизводство в период 1928–1938 гг. еще только складываются. Окончательно они сформировались лишь после Великой Отечественной войны. Тем не менее для периода конца 1920-х гг. самым ценным документом, позволяющим произвести реконструкцию биографий судов хозяйства, являются зарплатные ведомости. Для середины 1930-х гг. на первое место выходят инвентаризационные ведомости, дающие не только информацию о состоянии флота, но и технические характеристики отдельных судов. Также приобретают большое значение технические и финансовые отчеты хозяйства. В целом указанные источники позволяют с достаточно высокой степенью вероятности восстановить состав и эволюцию флота хозяйства за указанный период.

Список источников

1. Зыкин И.В. Информационный потенциал муниципальных архивов для изучения истории лесопромышленного комплекса Северного Завуралья в 1930-х гг. // Диалог культур и цивилизаций : материалы XIV Всерос. с междунар. участием науч. конфер. (Тобольск, 1–2 марта 2013 г.). Тобольск : ТГСПА, 2013. С. 127–130.
2. Воейков Е.В. История лесной промышленности Поволжья предвоенных пятилеток в материалах архивных фондов: проблема исчезнувших документов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2022. Т. 4, № 1. С. 32–38.
3. Денискин Е.И. Лесное хозяйство Мордовии в 1930-е гг. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2010. Т. 13, № 1. С. 88–91.
4. Волкова Е.А., Кудряшов В.В. История становления и развития Атубского ЛПХ // Труды Братского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. Т. 1. С. 42–45.
5. Кабилова А.Ш., Ханипова И.И. Трудовые мобилизации в Татарской АССР в 1930–1940-е годы // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2019. № 1 (62). С. 30–43.
6. Кириллов В.М. Особенности немецкого спецпоселения на Урале (1946–1950-е) // Образование, жизнь и судьба немецких поселений в России : материалы 15-й Междунар. науч. конфер., посвящ. 250-летию г. Маркса и 20-летию Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (Маркс, 5–9 августа 2015 г.). Нижний Тагил : РусДойч Медиа, 2016. С. 274–291.
7. Колчина Л.П. Род Колчиных в Прикамье // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2018. № 1 (4). С. 99–107.
8. Имена из солдатских медальонов. Справочно-мемориальное издание. Т. 8. Казань : Отечество, 2018. 336 с.
9. Митюков Н.В. Дулесовский леспромхоз во время Второй мировой войны в приказах по личному составу // Военный сборник. 2021. № 9 (2). С. 100–104.
10. Митюков Н.В., Ким Ю.Л. Сарапульский рейд треста «Камлесослав» в годы Великой Отечественной войны // Военный сборник. 2023. № 11 (1). С. 43–49.
11. Митюков Н.В., Ким Ю.Л. Реконструкция речных флотов хозяйств региона на основе формы 26-вод статистических отчетов на примере Удмуртской АССР 1947–1956 гг. // Русский архив. 2023. № 11 (1). С. 28–41.
12. Объединенный архивный фонд: Сарапульский леспромхоз Комбината «Удмуртлес» и его предшественники // Управление по делам архивов Администрации города Сарапула (СГА). Ф. Р-231.
13. Государственный всеобъединенный лесопромышленный трест «Удмуртлес» Народного комиссариата лесной промышленности РСФСР // Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. Р-311.
14. Лесозаготовительный подотдел лесного отдела Сарапульского окружного земельного управления // СГА. Ф. Р-201.
15. Сарапульская районная рабоче-крестьянская инспекция – районная РКИ // ЦГА УР. Ф. Р-504.
16. Сарапульская государственная районная инспектура Центрального статистического управления // СГА. Ф. Р-202.
17. Лобач-Жученко Б.М. Школа теплоходного механика и судового моториста. М. ; Л. : Гострансиздат, 1932. 500 с.

References

1. Zykin, I.V. (2013) Informatsionnyy potentsial munitsipal'nykh arkhivov dlya izucheniya istorii lesopromyshlennogo kompleksa Severnogo Zaural'ya v 1930-kh gg. // Dialog kul'tur i tsivilizatsiy: materialy XIV Vseros. s mezhdunar. uchastiem nauch. konfer. (Tobol'sk, 1–2 marta 2013 g.). Tobol'sk: TGSPA, pp. 127–130.
2. Voeykov, E.V. (2022) Istoriya lesnoy promyshlennosti Povolzh'ya predvoennykh pyatiletok v materialakh arkhivnykh fondov: problema ischeznuvshikh dokumentov // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Istoricheskie nauki. T. 4, No. 1. pp. 32–38.
3. Deniskin, E.I. (2010) Lesnoe khozyaystvo Mordovii v 1930-e gg. // Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya. T. 13, No. 1. pp. 88–91.

4. Volkova, E.A. & Kudryashov, V.V. (2015) Istoriya stanovleniya i razvitiya Atubskogo LPKh // Trudy Bratskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. T. 1. pp. 42–45.
5. Kabirova, A.Sh. & Khanipova, I.I. (2019) Trudovye mobilizatsii v Tatarskoy ASSR v 1930–1940-e gody // Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina. No. 1 (62). pp. 30–43.
6. Kirillov, V.M. (2016) Osobennosti nemetskogo spetsposeleniya na Urale (1946–1950-e) // Obrazovanie, zhizn' i sud'ba nemetskikh poseleniy v Rossii: materialy 15-y Mezhdunar. nauch. konfer., posvyashch. 250-letiyu g. Marksa i 20-letiyu Mezhdunarodnoy assotsiatsii issledovateley istorii i kul'tury rossiyskikh nemtsev (Marks, 5–9 avgusta 2015 g.). Nizhniy Tagil: RusDoych Media, pp. 274–291.
7. Kolchina, L.P. (2018) Rod Kolchinykh v Prikam'ye // Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh'ya. No. 1 (4). pp. 99–107.
8. Imena iz soldatskikh medal'onov. Spravochno-memorial'noe izdanie. T. 8. Kazan': Otechestvo, 2018. 336 s.
9. Mityukov, N.V. (2021) Dulesovskiy lespromkhoz vo vremya Vtoroy mirovoy voyny v prikazakh po lichnomu sostavu // Voenny sbornik. No. 9 (2). pp. 100–104.
10. Mityukov, N.V. & Kim, Yu.L. (2023) Sarapul'skiy reydtrest "Kamlesoplav" v gody Velikoy Otechestvennoy voyny // Voenny sbornik. No. 11 (1). pp. 43–49.
11. Mityukov, N.V. & Kim, Yu.L. (2023) Rekonstruktsiya rechykh flotov khozyaystv regiona na osnove formy 26-vod statisticheskikh otchetov na primere Udmurtskoy ASSR 1947–1956 gg. // Russkiy arkhiv. No. 11 (1). pp. 28–41.
12. Ob"edinennyy arkhivnyy fond: Sarapul'skiy lespromkhoz Kombinata "Udmurtles" i ego predshestvenniki // Upravlenie po delam arkhivov Administratsii goroda Sarapula (SGA). F. R-231.
13. Gosudarstvennyy vsesoyuznyy lesopromyshlennyy trest "Udmurtles" Narodnogo komissariata lesnoy promyshlennosti RSFSR // Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Udmurtskoy Respubliki (TsGA UR). F. R-311.
14. Lesozagotovitel'nyy podotdel lesnogo otdela Sarapul'skogo okruzhnogo zemel'nogo upravleniya // SGA. F. R-201.
15. Sarapul'skaya rayonnaya raboche-krest'yanskaya inspektsiya – rayonnaya RKI // TsGA UR. F. R-504.
16. Sarapul'skaya gosudarstvennaya rayonnaya inspektura Tsentral'nogo statisticheskogo upravleniya // SGA. F. R-202.
17. Lobach-Zhuchenko, B.M. (1932) Shkola teplokhodnogo mekhanika i sudovogo motorista. M. ; L.: Gostransizdat, 500 s.

Информация об авторах:

Митюков Н.В. – д-р техн. наук, ведущий научный сотрудник Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук (Ижевск, Россия). E-mail: Nico02@mail.ru

Ким Ю.Л. – соискатель Удмуртского государственного университета (Ижевск, Россия). E-mail: lgkim@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.V. Mityukov, Dr. Sci. (Engineering), leading research fellow, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: Nico02@mail.ru

Yu.L. Kim, external student, Udmurt State University (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: lgkim@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.10.2023;
одобрена после рецензирования 21.05.2024; принята к публикации 30.06.2024.*

*The article was submitted 24.10.2023;
approved after reviewing 21.05.2024; accepted for publication 30.06.2024.*

Научная статья
УДК 929+93/94+930.2
doi: 10.17223/15617793/503/6

**«Что, вы хотите, чтобы я подписал себе обвинительный акт».
Личность министра финансов белого Омска И.А. Михайлова
в оценках его секретаря А.С. Соловейчика**

Максим Максимович Стельмак¹, Дмитрий Игоревич Петин²

¹ *Исторический архив Омской области, Омск, Россия, stelmakmm@mail.ru*

² *Омский государственный технический университет, Омск, Россия, dimario86@rambler.ru*

Аннотация. На основе комплекса неопубликованных источников – материалов дознания белой контрразведки в отношении А.С. Соловейчика, выявленных авторами статьи в фондах Государственного архива Российской Федерации, выделены и проанализированы особенности деятельности министра финансов И.А. Михайлова и общественной атмосферы в Омске на рубеже 1918–1919 гг. Описана картина политической жизни столицы антибольшевистской Сибири накануне и после военного переворота, приведшего к власти А.В. Колчака, через призму влияния на эти процессы главы Минфина.

Ключевые слова: историческая антропология, эго-документы, Партия народной свободы, Гражданская война, антибольшевизм, белое движение, А.В. Колчак, контрразведка, Омск

Для цитирования: Стельмак М.М., Петин Д.И. «Что, вы хотите, чтобы я подписал себе обвинительный акт». Личность министра финансов белого Омска И.А. Михайлова в оценках его секретаря А.С. Соловейчика // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 503. С. 64–76. doi: 10.17223/15617793/503/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/503/6

**“You want me to sign my own indictment.”
The personality of Ivan Mikhailov, the Minister of Finance of White Omsk,
in the assessments of his secretary Anton Soloveitchik**

Maksim M. Stelmak¹, Dmitriy I. Petin²

¹ *Historical Archive of Omsk Oblast, Omsk, Russian Federation, stelmakmm@mail.ru*

² *Omsk State Technical University, Omsk, Russian Federation, dimario86@rambler.ru*

Abstract. The study analyzes a scandalous episode from the history of anti-Bolshevik Omsk, which took place at the turn of 1919 and is associated with political intrigues, in which a number of government, military and public figures of White Siberia were involved. Among the main defendants in the incident are Minister of Finance Ivan Mikhailov and his secretary Anton Soloveitchik. The considered plot, connected with Soloveitchik’s arrest by white counterintelligence and his deportation from Omsk, is analyzed through the prism of the original source base. The base includes fairly informative and previously unpublished fragments of Soloveitchik’s diary and testimony (stored in the funds of the State Archive of the Russian Federation, identified by the authors of the article and characterized in this study), and published ego-documents of figures of the White Movement who became direct or indirect witnesses of that history. The subject the authors chose has not been presented in historiography. In this regard, the aim of the study is to characterize the political activities of Mikhailov at the end of 1918 in Omsk on the basis of the specified documentary complex combined with the developments of historiography, which is a direct reflection of the atmosphere in the highest circles of power in anti-Bolshevik Siberia. The theoretical basis of the study was the combination of the anthropological approach and historical-biographical, historical-genetic and comparative-historical methods that determined its narrative genre. This methodological set allowed, taking into account the personal and psychological characteristics of Mikhailov, Soloveitchik, and a number of other individuals, interpreting their political behavior during the formation of the right-wing conservative White statehood in the east of Russia, as well as making new assessments of the participation of a number of anti-Bolshevik figures in these processes. The significant role of specific reactionary leaders and government functionaries of various orders is emphasized, as well as the rather significant importance of the power bloc and intrigue at the top of the Siberian anti-Bolshevik movement. The research is addressed to a wide range of readers, including specialists in historical anthropology, political and social history, the Civil War in eastern Russia, and Siberian local history.

Keywords: historical anthropology, ego-documents, People’s Freedom Party, Civil War, anti-Bolshevism, White Movement, Alexander Kolchak, counterintelligence, Omsk

For citation: Stelmak, M.M. & Petin, D.I. (2024) "You want me to sign my own indictment." The personality of Ivan Mikhailov, the Minister of Finance of White Omsk, in the assessments of his secretary Anton Soloveitchik. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 503. pp. 64–76. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/503/6

В минувшие 30 лет в российской историографии сохраняется значительный интерес к событиям Гражданской войны на востоке России, в частности, специалисты уделяют пристальное внимание феномену белой Сибири. В то же время вследствие антропологического поворота в исторической науке одной из тенденций развития темы стало обращение ученых к освещению тех событий через вдумчивое осмысление биографий их участников либо связанных с ними эго-источников (и иной оригинальной источниковой базы). Закономерно, что существенный акцент при этом делается на антибольшевистском Омске – городе, олицетворявшем тогда альтернативное политическое развитие страны по отношению к ключевым большевистским административным центрам (Петрограду и Москве) (см., напр.: [1–10]).

Одной из наиболее известных, ярких и крайне неоднозначных фигур «третьей столицы» был Иван Адрианович Михайлов (1891–1946) – министр финансов всех «омских» правительств в 1918–1919 гг. На данный момент издан ряд научных работ, посвященных отдельным этапам его жизни [11–16]. Но для полноценного понимания личности этого «серого кардинала» белого Омска весьма ценны материалы дознания белой контрразведки в отношении его личного секретаря А.С. Соловейчика (использовались историками отрывочно [17. С. 70, 117–118]). Этот деятель был неплохо знаком с положением дел в кулуарах омской власти.

Предваряя анализ содержания показаний, обратимся к обзору биографии давшего их лица. Антон Сергеевич Соловейчик родился 28 сентября (ст. ст.) 1889 г. По непроверенной версии, его отец был из крещенных польских евреев. Но метрическое свидетельство, составленное на основании актов записи о рождении Антона Сергеевича и его крещении в Воскресенской церкви города Самары, о его родителях, указывает, что отцом ребенка был Сергей Михайлович Соловейчик, мещанин города Россиены (ныне Рясейный, Литва) Ковенской губернии, мать – Анна Антоновна Соловейчик, оба православные. Восприемниками при крещении указаны отставной капитан 2-го ранга Андрей Антонович Горенко, дворянка Наталья Петровна Перфильева, старший инженер-механик Черноморского флота Иван Андреевич Горенко и жена коллежского секретаря Надежда Васильевна Сидельникова [18. Л. 20]. Любопытна генеалогическая деталь: судя по всему, девичья фамилия его матери – Горенко. Упомянутый в записи Андрей Антонович Горенко – отец Анны Ахматовой. Мать А.С. Соловейчика была сестрой А.А. Горенко (тетей поэтессы).

В 1906 г. Антон Сергеевич вступил в Конституционно-демократическую партию (Партию народной свободы, кадетская партия). Завершил обучение в Самарском реальном училище, сдал экзамен по латинскому языку за курс мужской гимназии [18. Л. 16]. Осенью 1910 г. он был принят на юридический факультет

Санкт-Петербургского Императорского университета. В конце года вступил в брак с дочерью личного почетного гражданина Надеждой Павловной Савельевой. Но в феврале 1911 г. по распоряжению министра просвещения Л.А. Кассо исключен ввиду высылки в Олонецкую губернию. Уже в июне 1911 г. бывшему студенту разрешили переезд в Самару. В мае 1912 г. в связи с новым рассмотрением, преследование прекратили, сняв все ограничения, связанные с проживанием. Поэтому в декабре 1913 г. Соловейчик (обретавшийся в столице по адресу Васильевский остров, 2-я Линия, д. 35, кв. 27) обратился в Министерство народного просвещения с прошением о разрешении продолжения учебы в Санкт-Петербургском Императорском университете. Им были представлены свидетельства о благонадежности от Самарского губернатора, Санкт-Петербургского градоначальника, отзыв Департамента полиции о снятии всех административных ограничений и неимении препятствий к обратному приему в университет, отзывы ординарного профессора, тайного советника И.И. Кауфмана и приват-доцента А.И. Буковецкого о научных занятиях. Правда, в прошении Соловейчик указывал, что пытался продолжать обучение еще осенью 1912 г., но с 29 ноября 1912 г по 29 ноября 1913 г. отбывал воинскую повинность в крепости Севастополь в 4-й батарее 13-й артиллерийской бригады. Командир батареи подполковник А.Ф. Качурин также выдал свидетельство о политической благонадежности своего подчиненного. Далее Соловейчик указал, что последние 3 года занимался по курсу юридического факультета, прося разрешения сдать экзамен за полный курс экстерном при невозможности зачислить его студентом какого-либо университета [18. Л. 8, 11–11 об.]. В ответе Министерства от 31 марта 1914 г. говорилось, что Соловейчик подлежит обратному приему в университет после представления свидетельства о политической благонадежности [18. Л. 2]. Но сведения о его дальнейшем обучении не выявлены. Допускаем, что этому помешала Первая мировая война.

Известно, что на 16 октября 1916 г. младший фейерверкер на правах вольноопределяющегося 3-го Финляндского стрелкового артиллерийского дивизиона Соловейчик находился в госпитале по причине болезни [19. Л. 595]. По его заявлению, позднее он дважды избирался от кадетов гласным в Самарскую городскую думу и примерно в середине 1918 г. являлся председателем Самарского городского комитета данной партии. Также Антон Сергеевич подчеркивал, что никогда не входил в Совет рабочих и солдатских депутатов. Какое-то время являлся лишь военным депутатом, в Совет был выбран солдатами части, где служил, но через 3 недели удален, поскольку был «неподходящий с политической точки зрения того времени, когда широко стало известным моя принадлежность к Партии народной свободы» [20. Л. 4].

Логичен вопрос: почему ни в 1913 г., ни позднее в условиях острого дефицита командных кадров армии Соловейчик (имевший весьма высокий образовательный ценз и опыт действительной военной службы) так и не был произведен в офицеры. Если этому «мешали» его еврейские корни, то соответствующий запрет был снят в марте 1917 г. и буквально в течение месяца последовали первые производства и направления военнослужащих-евреев в военные училища и школы прапорщиков. Вероятно, именно в этот период Антон Сергеевич вернулся к штатской жизни, занимаясь политической деятельностью. Вышла его брошюра с изложением аграрных воззрений кадетов. В ней он высказал идею о вреде быстрой передачи земли, апеллируя к тому, что почти все помещики (пере-)заложили свои владения, «в долгу, как в шелку», откуда следовал вывод, что и земли у них, по сути, нет. Если взять уже не принадлежащую им землю, то они не смогут вернуть долги банкам. В связи с этим критиковалась партия эсеров [21. С. 3, 5].

С занятием Самары антибольшевистскими силами в июне 1918 г. он активнее включается в политику. При его участии издаются листовки, призывающие вступать в Народную армию. Его статьи публиковались в кадетской газете «Волжский день», он являлся секретарем Самарского губернского комитета партии кадетов. О его деятельности упоминается в записках А.Г. Елшина (присяжного поверенного, одного из создателей отделения кадетской партии в Самаре). Когда в начале июля 1918 г. в Самаре происходили перевыборы председателя местного комитета кадетской партии (действующим был Елшин), по его словам, он давно чувствовал интригу сторонников кадета А.К. Клафтона. По мнению Елшина, в тот момент не могло идти речи об активной политике из-за различных противоположенных течений внутри комитета партии, его несогласованности. Об этом он даже сказал вслух, на что Соловейчик воскликнул: «Какую характеристику дает комитету председатель». В тот же день Елшин поднял вопрос о ненужности полемики с меньшевиками, которую начал Соловейчик своей статьей в «Волжском дне», поскольку сейчас не время для разединения. В конце июля 1918 г., описывая свою беседу с коллегой и однопартийцем П.П. Подбельским, Елшин указал, что последний был сильно обескуражен интригами Соловейчика, «устроившего собрание своих знакомых и там составившего городской комитет партии, где он занял пост председателя» [22. С. 361, 363]. Но в итоге председателем городского комитета избрали на легальном собрании Подбельского.

Новый этап биографии Соловейчика до его ареста контрразведкой в белом Омске описан в дневнике кадрового офицера артиллерии, участника Первой мировой и Гражданской войн полковника И.С. Ильина. Впервые об Антоне Сергеевиче он упоминает в записи от 8 августа 1918 г., когда посетил редакцию газеты «Волжский день», беседовал в ней с кадетами, где и встретил Соловейчика. По его мнению, он очень неплохо писал под псевдонимом «Военный». Упоминал и о его службе вольноопределяющимся в артиллерии. По мнению Ильина, чин прапорщика Соловейчик не

получил из-за того, что, якобы, был евреем: «Вид у него довольно оригинальный – напоминает бродячего цыгана. Высокий, смуглый, с лицом, немного изъеденной оспой, с черными, жгучими глазами и страстными красными губами. У него отец еврей, а мать на самом деле цыганка» [23. С. 293]. О внешности Соловейчика мы можем судить по его фотоснимку начала 1910-х гг. (сохранилось в личном студенческом деле, рис. 1). Изображение утонченного импозантного молодого человека не вполне соотносится с оценочными суждениями Ильина об этнической принадлежности Антона Сергеевича. Здесь можно высказать разные доводы. Согласимся, что на его внешнем виде могли отразиться время, пребывание в ссылке и на военной службе. О родословной матери Соловейчика упоминалось выше; корни отца тоже под вопросом. Стоит учесть, что, судя по всему, позже Ильин по неким причинам редактировал свой дневник [24. С. 135]. К И.А. Михайлову Ильин со временем стал относиться отрицательно, перенеся подобные взгляды и на Соловейчика. Интересно параллель: критикуя Г.К. Гинса (имевшего смешанные русско-английские и греко-болгарские корни), назвал его выходцем «из бессарабских полуевреев» [23. С. 358]. Соратники от него не отставали. Деятель Национального центра А.С. Белоруссов-Белецкий в одном из писем в июне 1919 г. подверг критике управляющего «омским» МИДом И.И. Сукина, как «проряду» и «ловкого полуеврейчика» [25. С. 225]. В целом антисемитизм имел место в белой Сибири и среди военных, и среди гражданских чинов (см. подр.: [3, 26]). На наш взгляд, говоря о происхождении Соловейчика, Ильин отнесся к нему или в какой-то степени предвзято, или попросту ошибся.

В середине сентября 1918 г. с семьей Ильина из Самары в одном вагоне ехал и Соловейчик. Уже в конце сентября в Омске он нередко находился, так или иначе, рядом с Ильиными. Тогда же с супругой полковника – Екатериной Дмитриевной Воейковой-Ильиной – Соловейчик часто ходил по Омску в поисках квартиры. 17 октября 1918 г. Михайлов просил Ильина рекомендовать ему надежного секретаря. Эту просьбу он передал жене, и они посоветовали Соловейчика, который быстро получил назначение. В записи от 9 ноября 1918 г. Ильин отмечал, что Михайлов ищет с его семьей близких отношений, часто присылает к ним Соловейчика или своего адъютанта [23. С. 343]. Уже на следующий день после военного переворота в ночь на 18 ноября 1918 г., приведшего к власти А.В. Колчака, Ильин встретил в здании Ставки Верховного Главнокомандующего Соловейчика. Последний поздравил его с переворотом, подчеркнув, что недавнее воззвание Колчака Верховный правитель поручил написать Михайлову, а тот ему – Соловейчику! При этом Ильин отмечал, что несколькими минутами до этого штабс-капитан А.А. Буров заявил ему то же самое: Колчак поручил воззвание Михайлову, а тот – Бурову. Те же самые сведения и в тот же день Ильину сообщил генерал Андогский, по словам которого Колчак лично поручил ему (минуя Михайлова) написать это воззвание. Об этом в Ильин едко заметил: «Одним словом, теперь все участвовали, все писали, все арестовывали: некоторые

врут так искренне, что и сами будут через месяца два вполне убеждены, что они и участвовали, и писали и прочие» [23. С. 348]. Любопытно, что в записках белоэмигрант Ильин лишь раз упомянул Соловейчика, правда, «забыв» о своей роли в назначении его на должность секретаря министра: «Соловейчик, бывший

сотрудник “Волжского дня”, каким-то образом стал неофициальным секретарем Михайлова. Он почти ежедневно появлялся в ставке и, т.к. у него никого кроме меня там знакомых не было, постоянно ловил меня, расспрашивая про англичан, про то, что “думает” Розанов и т.д.» [27. С. 203].

Рис. 1. Фото А.С. Соловейчика (начало 1910-х гг.) [18. Л. 29]

Отметим, что после переворота Соловейчик еще активнее включился в политику. Он выступил свидетелем на стороне подсудимых – офицеров В.И. Волкова, А.В. Катанаева, И.Н. Красильникова, свергнувших Директорию [28. С. 69]. От своего начальника он получил следующую справку: «Податель – мой секретарь по политическим делам. Прошу доверять. Министр финансов Иван Адрианович Михайлов» [20. Л. 2]. Соловейчик с 11 ноября 1918 г. получил пост чиновника особых поручений IV класса при министре финансов [29. С. 1]. После назначения он получил ряд писем с поздравлениями. Его знакомые писали, что прочитали о его новой должности в газетах. Кроме поздравлений и слов о новой возможности послужить стране, писавшие иногда просили и содействия в решении своих вопросов. Например, в устройстве знакомого в Минфин. Из тех писем выделялось послание от Якова Леонидовича Белоблоцкого, председателя комитета кадетской партии в Новониколаевске, организатора газеты «Русская речь», в 1919 г. возглавлявшего отделение Русского общества печатного дела (Русского бюро печати) в Новониколаевске, а в 1921–1922 гг. – руководителя издательского отдела Союза русских журналистов Дальнего Востока и редактора влиятельной газеты «Русский край» / «Земский край» во Владивостоке [30]. Он сообщал, что прочел в газете

о его назначении. А далее вспомнил, что тот же Соловейчик выступал на суде над участниками переворота и упоминал тогда Самару. В связи с этим Белоблоцкий решил, «что в Омске находится тот Антон Сергеевич, с которым я провел много хороших часов, в хорошее время, о котором у меня осталось самое лучшее воспоминание и с которым война разлучила (говоря высоким слогом) меня» [31. Л. 1].

В записи от 25 декабря 1918 г. Ильин сообщал об аресте контрразведкой Соловейчика, у которого прошел обыск. В тот же день по этому поводу состоялось заседание комитета кадетской партии, где было решено отправить депутацию из четырех человек, чтобы узнать, в чем дело. Из записи от 27 декабря следовало, что история еще больше усложняется. Выяснилось, что Михайлов передал Соловейчику некие секретные документы и бумаги, которые и нашли у последнего при обыске. Михайлов ездил к Колчаку, сумел себя обелить и получил все бумаги обратно. Противники министра радовались, что тот попался, но Михайлов выпутался и делал вид, что ни при чем. Далее Ильин писал, что его супруга почему-то приняла горячее участие в деле Соловейчика. Просила похлопотать за него перед начштаба ставки Верховного главнокомандующего Д.А. Лебедевым, который ответил Ильину, чтобы он лучше не вмешивался в это дело.

К супруге приходили другие кадеты, советуя быть осторожней [23. С. 354]. 7 января 1919 г. Ильин высказывает волнение, на что были веские причины. Супруга созналась, что она на время зачем-то дала Соловейчику свои итальянские дневники. Ильин признавался, в этом не было бы чего-то особенного, но Соловейчик стал подзреваться в связях с большевиками: «Очень меня это расстроило. А главное, я не могу понять, как можно было вообще иметь что-нибудь общее с этим типом, особенно культурной образованной женщине! Вот тебе и высокая политика!» [23. С. 357]. По его наблюдениям, Соловейчик «посещал собрания, стал сотрудником Ивана Михайлова и, видимо, очень угождал ему, особенно в его темных делах, пописывал в газетах и всюду проникал. Он знал все хитросплетения омской политики» [23. С. 357].

19 января 1919 г. о Соловейчике вышел материал в иркутской газете «Наше дело». В нем сообщалось, что он арестован в Омске чехословацкой контрразведкой в связи с восстанием в Омске в ночь на 22 декабря 1918 г. против российского правительства. Отмечалось, что Соловейчик – член Самарского губернского комитета партии кадетов, известен своими показаниями о деятельности партии эсеров и Директории и якобы причастен к деятельности контрразведки большевиков в Самаре еще до занятия города чехами [32. С. 4].

Чуть ранее, 9 января 1919 г., Ильин записал, что вокруг Соловейчика возник целый клубок интриг. В тот же день Воейкова-Ильина посетила Колчака. Адмирал принял ее и успокоил. Но она вынужденно ушла с должности заведующей иностранным отделом бюро печати, поскольку теперь ей было неудобно там оставаться. Сам Ильин продолжал быть крайне тревожен: «Иначе говоря, она себя скомпрометировала, подвела меня и совершенно не отдавала отчета в том, что делала и как поступала и как это может отразиться на мне и на моем положении. Весьма возможно, что ничего предосудительного и не было, но какое все-таки должно было создаться впечатление у всех этих контрразведок и прочих господ, когда у этого типа нашли дневники про путешествие по Италии жены штаб-офицера для поручений при наштаверхе, состоящего при самом адмирале, находящегося при английской миссии и т.д.! Даже затесалась какая-то записка, написанная моей женой». В тот же день он узнал, что Соловейчика вышлют из Омска, поскольку отдавать его под суд слишком опасно для некоторых лиц, ибо на суде может всплыть много неприятных подробностей и таких неожиданностей, что дело лучше не начинать. Из контрразведки ему прислали список вопросов, один из которых гласил: «Не интересовался ли делами ставки Соловейчик?». Ильин дал ответ: «Да, интересовался, но я никаких исчерпывающих ответов не давал» [23. С. 357, 359].

21 января 1919 г. Ильин узнал, что его от Ставки командируют в Семиречье. Об этом ему сообщил военный министр Н.А. Степанов, указав и причину – дело Соловейчика, в котором замешана жена полковника. В отношении самого Ильина военное ведомство ничего не имело против. Ильин даже обратился за по-

мощью к В.О. Каппелю. Несмотря на его заступничество, Степанов остался непреклонен (что не удивляет: в белом Омске генерал зарекомендовал себя твердым и при этом конфликтным функционером [33]). Ильин 5 февраля 1919 г. писал, что с делом Соловейчика все очень смутно: его «довольно таинственно выслали». По словам офицера, Антона Сергеевича обвинили в провокаторстве и «кажется, даже в шпионаже». Не указывая источника информации, Ильин заявлял об одновременной службе Соловейчика министру Михайлову, большевикам и контрразведке Зайчека. Отметим, что чех на русской службе полковник И.И. Зайчек на начало 1919 г. являлся начальником контрразведки Сибирской армии [34. С. 80]. Для Ильина оставалось неясно, зачем, для чего, для кого Михайлов давал своему секретарю секретные документы на руки на «несколько часов». Если бы Соловейчика все-таки отдали под суд, пришлось привлекать и главу Минфина. Но Михайлов вышел сухим из воды, а заодно убедил кого надо, чтобы Соловейчика выслали. Далее Ильин писал (или сделал поздние вставки), что Соловейчик ему никогда не нравился. Его жена лишь приютила Антона Сергеевича в вагоне и довезла до Омска.

После этого Иосиф Сергеевич пытался переложить ответственность на свою супругу: «Чем он интересовался, что узнавал, я, грешный человек, никогда не обращал на это внимание. Ко мне он и не обращался никогда и только докладывал о моем приходе, когда я приходил к Михайлову. Иной раз заходил в ставку и слонялся в коридоре – всегда говорил, что зашел по поручению минфина... Все это не так важно. Важно не то, что Соловейчик оказался мерзавцем – Соловейчиков много, - а вот больно, что была неосторожна собственная жена, которая, прежде всего, подводила меня, тем более зная, какие я занимаю места, какое у меня положение, при каких лицах я состою» [23. С. 362–363]. Надо отметить, что частое посещение Ставки секретарем министра подтверждают иные источники. В письме Михайлова коменданту Ставки говорилось: «Ввиду необходимости частых посещений ставки состоящим при мне чиновником особых поручений А.С. Соловейчиком, прошу выдать ему билет для свободного входа» [35. Л. 1]. 20 января 1919 г. Соловейчик отправил Михайлову прошение: «Ввиду предстоящего моего отъезда из города Омска прошу уволить меня с занимаемой мною должности и удовлетворить меня содержанием с 1 января по день увольнения» [35. Л. 2].

После высылки Соловейчик оказался на белом Юге. В июле 1919 г. в Ростове-на-Дону под его авторством вышла брошюра «Борьба за возрождение России на востоке (Поволжье, Урал и Сибирь в 1918 году)», где был представлен взгляд правой, консервативно-авторитарной части антибольшевистского движения на события 1918 г. Резкой критике Антон Сергеевич подверг эсеров, Комуч, Народную армию. В ней же он дал очень высокую оценку Михайлову – человеку, который еще недавно его серьезно подставил. В его интерпретации Иван Андрианович сыграл исключительную роль, являясь вождем национального общественного

объединения, вдохновителем и фактическим руководителем Временного Сибирского правительства. В его заслугу он ставит борьбу с большевиками и эсерами, являвшимися сторонниками В.М. Чернова. Как писал Соловейчик, благодаря Михайлову и военным «омское» правительство не превратилось во второй Комуч [36. С. 22–24.]. О дальнейшей судьбе Соловейчика нет точных данных. Есть версия, что с поражением войск А.И. Деникина он уехал в Тифлис, где был убит.

Далее проанализируем показания Соловейчика контрразведке в январе 1919 г. В Государственном архиве Российской Федерации, в фонде председателя Временного главного управления РОКК в Сибири М.Л. Киндякова, хранится часть машинописи допроса с машинописными копиями из дневника Соловейчика. Также в фонде П.В. Вологодского, председателя Совета министров Российского правительства А.В. Колчака, хранятся выписки из показаний Соловейчика с характеристикой Михайлова. Разберем их в данном порядке.

На допросе 31 декабря 1918 г. Соловейчик начал давать показания с того, как 18 ноября, в день переворота, вернул Михайлову полученную за 2 дня до того копию некоего рапорта, где сообщалось, что В.М. Чернов (вероятно, осенью 1918 г.) в поезде в районе Челябинска энергично заступался за солдата, который вел пропаганду против офицеров. Затем Михайлов приказал отправить этот рапорт капитану Симонову [20. Л. 1]. На наш взгляд здесь речь идет о капитане А.Л. Симонове, слушателе ускоренных курсов Военной академии, участнике военного переворота. Ему среди прочих задач было поручено выработать меры к обезвреживанию члена Директории Е.Ф. Роговского [37. С. 281]. На наш взгляд, Михайлов планировал использовать случай в поезде в качестве компромата против Чернова и Директории. Далее Соловейчик сообщал, что Михайлов остался доволен переворотом. Но на вопрос одного из директоров департамента Министерства финансов, как следует поступить с его основными участниками - Волковым, Катанасевым и Красильниковым, Михайлов ответил: «за посягательство на верховную власть, конечно, только смертная казнь» [20. Л. 1]. Министр поручил Соловейчику отправиться на заседание суда и доложить обо всех результатах. В кулуарах суда он встретил адвоката, одного из лидеров омских кадетов В.А. Жардецкого. Он сообщил, что как защитник собирался вызвать Соловейчика в качестве свидетеля. Лично Соловейчик ожидал, что военным вынесут обвинительный приговор, а затем помилуют, беря во внимание патриотические цели заговора. Но они были оправданы. Формальный суд над переворотчиками превратился в их триумфальное оправдание [38. С. 522]. Но даже Михайлов оказался очень удивлен оправдательному приговору [20. Л. 1]. Критически оценивал суд и еще один участник переворота – В.Н. Пепеляев, впоследствии глава МВД в «омском» правительстве: «Жардецкий произнес несуразную речь. Соловейчик выступил в роли какого-то эксперта политической обстановки. Вообще с судом перемудрили. Было бы лучше, если бы его не было совсем» [39. С. 62].

О цели получения Михайловым возможных документов Соловейчик ответил, что это он делал, чтобы быть в курсе государственно-политической жизни страны. Передача документов из Ставки шла так. По приказу Михайлова Соловейчик в Ставке получал бумаги для министра непосредственно от начальника разведотдела капитана А.Л. Симонова. Причем какое-то время он брал и возвращал бумаги, даже не расписываясь. Часть документов для министра под расписку получал от канцелярии Совета министров. Иногда по приказу Михайлова с них снимались 2–3 копии. Некоторые копии Соловейчик хранил по приказу начальника. Один раз Михайловым была препровождена доверительная телеграмма генерала П.П. Иванова-Ринова генералу В.Г. Болдыреву. После переворота Соловейчик в беседе с министром подчеркивал важность этого события, поскольку установилась не монархическая, но единоличная власть. Ему был очень интересен рассказ Михайлова об этих событиях, его роли. Он даже готов был напечатать все на машинке. На что Михайлов ответил: «Что, вы хотите, чтобы я подписал себе обвинительный акт» [20. Л. 1 об.].

Во время одной из встреч Михайлов беседовал с Соловейчиком о М. Жанене. Он прибыл во Владивосток 16 ноября 1918 г. [40. С. 10]. Отметим, что изначально предполагалось командование Жаненом всеми войсками в Сибири: и союзными, и русскими. В итоге Колчак остался Верховным главнокомандующим российскими войсками, а Жанен назначался главнокомандующим союзными войсками [41. С. 94-95]. По словам Михайлова, командование Жаненом русскими войсками не приемлемо для омских властей, но отказывать ему опасно, поскольку есть обеспокоенность, что союзники могут отказать в помощи [20. Л. 2]. В связи с этим назначено заседание Совета министров, на которое намеренно Михайлов не пришел. Свое решение он объяснил так: «хоть посмотреть, как министры будут решать столь важный вопрос без меня и в состоянии ли будут решить» [20. Л. 2]. Заседание не пришло к какому-либо результату и объявило себя частным совещанием министров. Соловейчик предложил министру безболезненное решение вопроса: Жанена сделать руководителем всей оперативной части фронта, а тыла – русского верховного главнокомандующего. На следующий день по предложению Михайлова был внесен проект: сделать Жанена руководителем оперативной части русских и союзных войск на правах помощника А.В. Колчака. Но, по мнению Г. К. Гинса, Жанен сам не настаивал о его назначении командующим всеми войсками [42. С. 275].

В ставке Михайлов пребывал почти ежедневно, приходил около 2–3-х часов дня, в кабинете генерал-квартирмейстера А.Д. Сыромятникова находился от 40 минут до часу. Из дипломатов к Михайлову приходил только представитель Франции Э. Реньо, они беседовали в кабинете 1,5–2 часа. О посещении министром других дипломатов Соловейчик не знал. Но Михайлов был хорошо знаком с генералом А.И. Андогским, который не раз заходил к министру, ведя разговоры примерно по полчаса, вместе они сидели

и в ложе театра [20. Л. 2]. Как-то Михайлов сказал секретарю, что Андогского назначат начальником Генштаба. Впрочем, к Сыромятникову министр также относился хорошо, но однажды заметил, что это карьерист, как и все офицеры Генштаба [20. Л. 2 об.]. Соловейчик вспомнил и о том, когда стал свидетелем, как Сыромятников сообщил, что Колчак не принял его отставки. Когда Соловейчик сообщил об этом министру, то Михайлов обрадованно сказал: именно об этом он раньше и говорил с адмиралом (вероятно, советуя не принимать отставки).

Секретарь сообщал, что министр, по слухам, хорошо знаком с хозяйкой закрытого аристократического салона М.А. Гришиной-Алмазовой – знаковой общественно-политической фигуры белого Омска [43]. Он сам не раз видел их в коммерческом собрании. До Соловейчика доходили слухи, что она оказывает на Михайлова большое влияние. Подобное он сразу отрицал: «На Михайлова, обладающего большой волей, Гришина не может влиять» [20. Л. 2 об.]. Кроме этого, министр был знаком и с фактическим руководителем сибирской кооперации, представителем Совета кооперативных съездов А.В. Сазоновым. Хорошо отзывался о Лебедеве. В последнее время министр часто посылал Соловейчика к Лебедеву по вопросу вывода войск из здания бывшей табачной фабрики Г.Я. Серебрякова. Когда в назначенный срок солдат так и не вывели, Михайлов вновь отправил Соловейчика к Лебедеву, приказав передать, что если к 3-м часам фабрика не будет освобождена, министр пойдет к Колчаку и подаст в отставку. Вдобавок Михайлов отметил, что медлительность Лебедева всегда тормозит дело [20. Л. 2 об.]. При этом по приказу министра Соловейчик должен был наговорить генералу «страшных вещей». Эту часть приказа секретарь не стал выполнять [20. Л. 7]. Раздражение Михайлова объяснимо. Для печатания денег Министерство финансов предполагало разместить на фабрике Экспедиции заготовления государственных бумаг, что произошло в январе 1919 г. [44. С. 186].

Соловейчик детально описал конфронтацию Михайлова с Ивановым-Риновым. С самого начала службы у министра Антон Сергеевич обратил внимание на ненормальные отношения с генералом. Секретарь министра в этом убедился после пересылки своим шефом телеграммы Иванова-Ринова генералу Болдыреву и по ряду фраз Михайлова. Министр сопроводил телеграмму запиской с выражением возмущения неприличными выходками против высших должностных лиц. Иванов-Ринов был шокирован, но не знал, что утечку информации организовал Михайлов. Генерал требовал выяснить, кто передал телеграмму, называя это «актом государственной измены» [45. С. 60]. В связи с этим у Михайлова были все причины опасаться действий Иванова-Ринова. Также важно отметить, в декабре 1918 г. в Омске ходили слухи о консервативно настроенной группе правых офицеров-монархистов, задумавших свергнуть Колчака и передать власть Иванову-Ринову. Вологодский в своем дневнике отмечал, что якобы на 19 декабря на казачьем празднике (День образования Сибирского казачьего войска) оркестр заиграет «Боже, царя храни», а невставших расстреляют на месте. Все это затеяла группировка

во главе с Ивановым-Риновым [46. С. 122]. Судя по показаниям Соловейчика (дату казачьего праздника он называет по старому стилю – 6 декабря), Михайлов серьезно относился к подобным слухам. Министр не раз говорил: «что делается вокруг Иванова-Ринова, надо быть внимательным» [20. Л. 3]. За 2 недели до казачьего праздника министр постоянно и отрывочно высказывал опасения насчет генерала. Особенно волновали его возможные крепкие связи Иванова-Ринова с Японией. Михайловым выражались опасения насчет существующей власти, поскольку у нее нет достаточно надежной опоры. Михайлов даже боялся, что японцы перехитрят Иванова-Ринова. Впрочем, накануне мнимого переворота Михайлов сохранял уверенность, сказав Соловейчику о своем возможном аресте: «Нас могут арестовать, но из этого все равно ничего не выйдет» [20. Л. 3, 5]. Любопытно, что вскоре секретарь услышал размышления Сыромятникова о возможном перевороте (по его мнению, его не будет), но один из неназванных присутствовавших предупредил, что британские солдаты готовы будут защитить власть Колчака от любых поползновений [20. Л. 3 об.]. Далее Соловейчик признавался, что не видел Михайлова с вечера 5/18 по середину дня 6/19 декабря 1918 г. и не мог до него дозвониться. Через два дня министр поручил Соловейчику передать речь Иванов-Ринова в газету. Возможно, это была речь, произнесенная генералом на казачьем празднике. По свидетельству Вологодского, в конце мероприятия подвыпивший Иванов-Ринов произнес речь, назвав того, кто против Колчака, изменником родины [46. С. 122]. Михайлов требовал напечатать речь в газете «Слово» или в «Заре». Когда Соловейчик возразил, что у него связи только в кадетской «Сибирской речи», министр разрешил сослаться на его имя для размещения в «Заре». Но в тот же день Михайлов потребовал у секретаря вернуть речь [20. Л. 3 об.].

3 января 1919 г. Соловейчик был допрошен еще раз. На вопрос, почему в его дневнике он упоминал капитана А.А. Бурова (еще одного участника переворота [38. С. 280]), Соловейчик пояснил: однажды Буров спросил его, знает ли он Михайлова. Следующие слова секретарь пересказал следующим образом: «кто, по моему мнению, выше и кто более нужен России: Миллюков или министр финансов Михайлов? Я на такое неожиданное сопоставление этих имен только развел руками и, конечно, не мог ответить» [20. Л. 4]. При этом Буров в Ставке здоровался с министром и разговаривал с ним. Бурова министр считал своим, поскольку взаимодействовал с ним с лета 1918 г. Далее был задан вопрос, как именно он стал работать на Михайлова. По приезду из Самары в Омск Соловейчик получил ряд предложений о поступлении на службу, но всем отказал, поскольку хотел, чтобы его работа была связана с прежней политической деятельностью. Жардецкий даже предлагал Соловейчику ехать во Владивосток для организации отдела телеграфного агентства. Но он не хотел быть далеко от «центра политической жизни». Когда выяснилась возможность поступить на службу секретарем к Михайлову, Соловейчик с радостью принял данное предложение. В его глазах он являлся «центральной фигурой борьбы за восстановление

Великой России» [20. Л. 4 об.]. А устроиться помогла не Воейкова-Ильина, а Жардецкий.

4 января 1919 г. на допросе Воейкову-Ильину Соловейчик назвал своей знакомой, обозначенной в дневнике как «Ирен», «к которой я отношусь с чувством любви и глубокого уважения». Далее он давал объяснения, почему в дневнике на нескольких страницах упоминается 1 млн в британской валюте. С его слов, с Воейковой-Ильиной он обсуждал препятствия на пути совместной жизни, прежде всего, материальные затруднения.

А при инфляции, чтобы уехать и жить в хороших условиях, необходима эта сумма, которая упоминалась как предположение. Воейкову-Ильину Антон Сергеевич знал с июля 1918 г. В Омске она познакомилась с Колчаком и Михайловым (с последним ее брат учился в университете). Далее Соловейчик сообщал, что Михайлов очень хорошо знаком с Филашевым, поскольку очень часто у него бывал. Вероятно, речь идет о Н.А. Филашеве, председателе Омского коалиционного комитета в 1917 г., члене бюро блока общественных организаций и Союза возрождения России, требовавшего в октябре 1918 г. назначить Михайлова во главе МВД [46. С. 109, 556]. Также министр был хорошо знаком с управляющим делами военно-промышленного комитета, кадетом Н.С. Лопухиным [20. Л. 5].

Свержение Директории некоторые круги связывали с именем Михайлова. При этом накануне переворота вдруг пронеслись слухи, что он собирается уехать, из-за чего ряд деятелей называли его «алиби-стом». Далее Соловейчик вновь возвратился к опасениям министра насчет Иванова-Ринова. Однажды, на заявление секретаря, что известен день отъезда генерала, министр ответил: «это еще ничего не значит и что спокойным можно быть только тогда, когда он уедет за Байкал» [20. Л. 5 об.]. Что касается общения Соловейчика с Михайловым, то, по мнению секретаря, министр относился к нему с доверием, но был с ним мало откровенен. Хотя Соловейчик считал, что иначе быть не могло, поскольку знакомство с Иваном Андриановичем было кратковременным. За время службы у него было не более двух подробных бесед. Остальные разговоры носили отрывочный характер. Дома у Михайлова он был лишь раз, иногда видел его в коммерческом клубе и театре [20. Л. 6]. 5 января 1919 г. на допросе Соловейчик вновь упомянул Воейкову-Ильину, заявив, что из полученных в Ставке бумаг показывал ей только страницы из дневника члена Директории В.М. Зензинова. Отметим, что Г.К. Гинс упоминал, как после переворота часть документов Директории ходила по рукам в качестве обвинительного материала. Среди них был и дневник Зензинова, вероятно, изъятый в ночь на 18 ноября 1918 г. во время обысков на квартирах членов Директории [42. С. 174; 47. С. 183]. Сложно судить, почему именно эти страницы (если это правда) Соловейчик показал Воейковой-Ильиной, возможно, из-за известных ей деталей переворота. С.П. Мельгунов указывает, что она присутствовала вместе с некоторыми представителями союзников в качестве переводчицы на совещании, где обсуждали свержение Директории [48. С. 440].

Далее в деле приведены выписки из дневника Соловейчика (но в основном без дат), заинтересовавшие контрразведку. Соловейчик записал характеристику адмирала, высказанную неназванным участником встречи представителей общественных групп с Колчаком: «не знаю, может быть, Колчак прекрасный адмирал, может быть, честный и решительный человек, как про него говорят, но ни государственного ума, ни политического понимания или образования, ни общешироких горизонтов у него нет, безусловно. И я думаю, далеко не я один ушел с этого совещания глубоко неудовлетворенным.

Внешнее впечатление тоже очень слабое. Небольшого роста, сутуловатый, лицом бритый, с глухим, но очень приятным голосом, постоянно повторяющий и поминутно говорящим, так сказать, и он произвел на меня более чем невыгодное впечатление, которое никак не согласуется с тем портретом, который представляется всей России по его роли в 1917 году» [20. Л. 8].

Ряд обстоятельств назначения Соловейчика секретарем также даны в выдержках. За день до этого Воейкова-Ильина была в гостях у него, после чего он проводил ее домой. Следующим утром он поехал к Михайлову и «через час был уже политическим секретарем у министра финансов» [20. Л. 9]. Причем желание получить эту должность было не столько Соловейчика, сколько Воейковой-Ильиной, но он и сам был весьма доволен. Ей же он и сообщил первым эту новость. Далее из дневника следовало, что Соловейчик сразу погрузился в работу, даже умудряясь устраивать своих знакомых. Примерно в начале декабря 1918 г. он сообщил о скором приезде И.Н. Хроновского, бывшего до 1917 г. в Самаре управляющим казенной палатой: «...которого едва удалось протащить в товарищи министра финансов, хотя он терпеть не может и я сам о нем не слишком высокого мнения, зная его, как теоретика и невыносимого болтуна, но со своей энергией отстаивал его кандидатуру, ибо все-таки это будет лучше чем то, что есть» [20. Л. 10]. О министре финансов вскоре он зафиксировал свое мнение: «...трехнедельное сотрудничество с Михайловым позволяет мне сказать о нем следующее. Умный, решительный, идущий прямо к цели, там препятствия и, кажется, не особенно церемонясь в средствах: быстро ориентируется, умеет остановиться (так в тексте, вероятно, правильно «оставаться»). – Прим. авт.) в центре событий, умеет привлекать к себе сердца людей, но не блещущий способностью выбирать и хорошо, глубоко оценивать своих сотрудников» [20. Л. 10].

В деле имелись и показания ряда лиц о Соловейчике. 11 января 1919 г. адъютант и переводчик при французской военной миссии, прапорщик Н.Л. Стембо указал, что в беседе с ним Соловейчик все время говорил, что не будет ничего показывать контрразведке, поскольку находится во враждебном лагере. Если бы он находился в Ставке, было бы гораздо лучше. Найденный дневник является ценной находкой для военного контроля, в особенности его последние страницы. Также Соловейчик сообщал, что боится показать всю правду, поскольку тогда в случае освобождения его убьет агент Михайлова.

Вместе с этим министр рассказал своему секретарю, что в Омске образовалась сильная военная партия, наподобие масонской, во главе с Ивановым-Риновым. В связи с этим так необходим отъезд генерала. По словам Стембо, «Соловейчик упоминал, что секретарем Верховного правителя является ставленник Соловейчика» [20. Л. 12].

6 января 1919 г. Екатерина Дмитриевна Воейкова-Ильина на допросе отмечала, что познакомилась с Соловейчиком летом 1918 г. в Самаре. В Омске с ним встречалась очень часто, как и с иными самарцами. Из французской миссии, где она работала секретарем, ей Соловейчику передавались радиотелеграммы, предназначенные для печати. От секретаря министра ей поступали тезисы докладов. О перевороте, который мог якобы произойти 6/19 декабря 1918 г. она слышала от Соловейчика, от С.Н. Розанова, от ряда знакомых, фамилий которых не помнит. Разного рода документы, найденные у Соловейчика, взяты им по приказу Михайлова. Также, по мнению Воейковой-Ильиной, Соловейчик был преданным человеком и исполнял волю своего патрона. Далее она сообщала, что может утвердительно сказать, что некий Гликман был назначен редактором неназванной газеты в Ишиме по рекомендации Соловейчика [20. Л. 15 об.].

13 января 1919 г. Соловейчик дал показания, хранящиеся в фонде П.В. Вологодского. Михайлов вскоре после поступления на службу нового секретаря ознакомил его с политической обстановкой. Кроме этого, он рассказал о группах, с которыми он имеет связи и проводит свою политику. Помимо них Иван Адрианович указал на омский блок и группу Генштаба, «хоть и малочисленную, но очень сплоченную и влиятельную», возглавляемую А.И. Андогским и А.Д. Сыромятниковым. Из отдельных лиц министр называл полковника В.И. Волкова (осенью 1918 г. комендант Омска). По его словам, Волков являлся фактическим хозяином положения в городе, ведь у него в руках была вся реальная сила. Хотя в моральном отношении министр оценивал коменданта отрицательно. В отношении Совета министров он заявил, что в нем находится одна группа, в центре которой находится он сам. Кроме Михайлова в нее входили товарищ министра просвещения Г.К. Гинс, министр земледелия Н.И. Петров, министр продовольствия Н.С. Зефилов, министр снабжения И.И. Серебренников. Группа фактически руководила всей политикой. Михайлов обычно называл ее «моя группа» [49. Л. 1–1 об.]. Не пройдет и десяти лет, как ряд представителей высшей власти белого Омска, живя в эмиграции в Харбине, войдут в «омскую группу» – неформальное объединение, где одна из ведущих ролей будет отведена Ивану Адриановичу [13].

Михайлов являлся вдохновителем омского блока общественно-политических организаций, который черпал от него сведения. Обычно его посещали представитель правой части блока Н.С. Лопухин и левой – Н.А. Филашев. Их министр не только информировал, но и инструктировал. Поведение блока всегда соответствовало взглядам Михайлова, поскольку он был послушным орудием в руках министра. Правда, после

«установления диктатуры» группа заколебалась и существовала угроза распада блока. Он долгое время не собирался. Но представителей кооперации из блока Михайлов все же смог заставить действовать так, как ему хотелось. Идеальных кооператоров он убедил.

А «дельцам», не стесняясь, прямо заявил, что как у министра кооперация у него в руках, и если он захочет, то немедленно возвратит все долги, закрыв кооперации кредиты.

Далее Соловейчик вновь упоминал про конфликт с Ивановым-Риновым. На газеты «Сибирская речь» и «Заря» Михайлов оказывал влияние, вследствие постоянного общения с Жардецким и Филашевым. После начала работы Жардецкого в «Сибирской речи» стали появляться статьи, намекающие на необходимость назначить Михайлова главой МВД [49. Л. 2].

О Колчаке Михайлов всегда высказывался благоприятно. Хотя опасался, что адмирал может стать настоящим диктатором и пойдет против линии, проводимой министром финансов и его группой. Он стремился, чтобы вокруг Верховного правителя были «свои люди», проводившие взгляды Михайлова. Поэтому министр поддерживал кандидатуру Андогского. Пытался провести своего человека директором канцелярии Верховного правителя. Сначала виделся В.Н. Пепеляев (счел его неподходящим), затем Г.К. Гинс. Когда же на это место назначили А.А. Мартыанова, Михайлов выражал недовольство, говорил, что «адмирал назначил своего» [48. Л. 2 об.]. В целом протезе в учреждения своих людей было для Михайлова вполне обычным. Министр энергично проводил проект создания Совета Верховного правителя, без которого Колчак не мог (если не формально, то психологически) решать единолично наиболее важные вопросы политики. Об этом Совете неодобрительно высказался один из министров «кажется Л.И. Шумиловский»: «...только что утвердили единоличную власть и сейчас же стремитесь замкнуть ее в коллегия» [49. Л. 2 об.].

Таким образом, показания Соловейчика добавляют новые данные не только о личности Михайлове, но и о коллизиях большой политики в белом Омске. Соловейчик, судя по его биографии, являлся человеком, вовлеченным в общественно-политическую жизнь; он оказался с началом революционных событий на правом, консервативном фланге антибольшевистского движения. Его поведение в Самаре летом 1918 г. показывает, что уже в тот период для достижения поставленных целей он был склонен к политическим интригам. Поэтому оказался ценным сотрудником для министра финансов в Омске как из-за идеологических взглядов, так и по причине тяги к авантюрам. Кроме этого, Антон Сергеевич, подобно своему шефу, сам периодически использовал личные связи для устройства на службу своих знакомых. В его показаниях Михайлов предстает важным политическим деятелем, активно участвующим в военном перевороте в ночь на 18 ноября 1918 г. К тому же министр поддерживал тесные связи с рядом высокопоставленных военных чинов. К ним не относился Иванов-Ринов, в чьем лице министр и иные его современники видели крайне серьезную угрозу.

Для решения поставленных задач Михайлов использовал свое положение, но не всегда в соответствии с законными основаниями. В целом история Соловейчика подтверждает высказывания мемуаристов о весьма заметной роли Михайлова в «омской» власти, выполнении им функций своего рода «серого кардинала». Для получения ценной информации и для сохранения своего положения он не постеснялся отправить в ставку (по сути, подставить) Соловейчика – не просто своего секретаря, а вместе с тем единомышленника.

Приведенные факты подтверждают мнение канадского историка Н. Перейры о том, что в белом Омске «сплетни и интриги были в порядке вещей и вовлекали всех, начиная от мелкого дворника вплоть до высокопоставленного правительственного министра...» (цит. по: [50. С. 40]). Вряд ли Соловейчик мог работать на большевиков. Столь веские и не всегда обоснованные обвинения нередко звучали в антибольшевистской столице. Так, генерал П.А. Белов считал лиц, связанных с Военной академией, бездельниками, предателями, постоянно грозил расстрелом «ученых большевиков». Он учинял судебные дознания (например, в отношении упомянутого выше Симонова). Слушатели академии тоже писали на Белова доносы, обвиняя в принадлежности к тайной пангерманской организации [51. С. 196].

Что касается поведения А.С. Соловейчика, то на следствии он сообщал о роли министра финансов в сложившейся иерархической пирамиде власти, при этом не осуждая его и всерьез опасаясь за свою жизнь. Но в силу ряда причин (вероятно, по идеологическим мотивам), будучи на белом Юге, он, «забыв обиду», представил своего экс-патрона в довольно выгодном свете.

Согласимся, что специфика сохранности источников не позволяет судить в полной мере о главных персонажах повествования, но при этом проделанный анализ вносит значительное количество колоритных дополнений об этих деятелях, чьи биографии заслуживают отдельного академического осмысления в монографическом формате. Тем не менее изученные документы, рассматриваемые в контексте других свидетельств прошлого и наработок историографии, дают основание говорить о весьма противоречивой общественно-политической обстановке в белом Омске, значительной роли отдельных реакционных лидеров и государственных функционеров разного порядка, а также весомом значении силового блока и интриганства в верхушке сибирского антибольшевистского движения.

Список источников

1. Ларьков Н.С. Сибирский белый генерал. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. 312 с.
2. Пученков А.С., Сушко А.В., Петин Д.И. «Всем говорите, что мое путешествие очень опасное...»: письма генерала А.Н. Гришина-Алмазова его супруге (осень 1918 г.) // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 4. С.1058–1073. doi: 10.21638/11701/spbu24.2018.419
3. Сушко А.В., Стельмак М.М. Докладная записка иркутского чиновника С.А. Шиманского с предложением высылки евреев из России Верховному правителю адмиралу А.В. Колчаку (декабрь 1918 г.) // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 1. С. 47–55. doi: 10.25206/2542-0488-2022-7-1-47-55
4. Сушко А.В., Безродный К.Э. В.А. Жардецкий и сибирское областничество // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 1. С. 30–36. doi: 10.25206/2542-0488-2021-6-1-30-36
5. Сушко А.В. Жизнь, служение и подвиг священника Василия Феофановича Инфантьева. Омск : Амфора, 2021. 240 с.
6. Звягин С.П. В.Н. Пепеляев: судьба либерала из Сибири в начале XX века Томск : Томский политехнический ун-т, 2012. 342 с.
7. Шеремеев Е.Е. Самарский «Сфинкс» при правительстве Колчака: А.К. Клафтон (1871–1920 гг.) – биография на фоне эпохи. Самара : Изд-во Самарского научного центра РАН, 2011. 337 с.
8. Шереметьева Д.Л. Воспоминания генерал-майора П.Ф. Рябикова «У адмирала А.В. Колчака. Часть I. В Омске с мая по ноябрь 1919 г.» как исторический источник // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие : материалы V междунар. науч.-практ. конф. (18–19 окт. 2023 г., Омск, Россия). Омск : ОмГТУ, 2023. С. 406–412.
9. Бакшт Д.А. «Бездеятельный жандарм»: к биографии В.Н. Руссиянова (в дополнение к докладу С.П. Звягина) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 25–33. doi: 10.17223/15617793/406/4
10. Вебер М.И. Начальник контрразведки Западной армии Колчака Н.Ф. Новицкий: штрихи к биографии // Коммуникативная культура : история и современность : материалы XI междунар. науч.-практ. конф. в рамках III Междунар. науч. форума «Наследие» : в 2 ч. Новосибирск, 2021. Ч. 2. С. 70–81.
11. Ходяков М.В. Иван Адрианович Михайлов: студенческие годы будущего министра финансов в правительстве А.В. Колчака // Клио. 2013. № 10. С. 92–95.
12. Кротова М.В. Иван Адрианович Михайлов в эмиграции в Харбине // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 2. С. 64–70. doi: 10.25206/2542-0488-2019-4-2-64-71
13. Кротова М.В. «Омская группа» в эмиграции в Маньчжурии // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 2. С. 26–33. doi: 10.25206/2542-0488-2022-7-2-26-33
14. Петин Д.И. Политика, деньги и... любовь // Бюджетный учет. 2020. № 3. С. 72–77.
15. Стельмак М.М., Петин Д.И. «Он насытил свое честолюбие при Колчаке»: министр финансов И.А. Михайлов в оценках современников // Исторический вестник. 2022. Т. 42. С. 36–61. doi: 10.35549/HR.2022.2022.42.001
16. Кротова М.В. Двойные агенты среди эмиграции в Маньчжурии в 1930-е гг.: к вопросу о личности И.А. Михайлова // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. (19–20 окт. 2022 г., Омск). Омск : ОмГТУ, 2022. С. 112–119.
17. Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М. : Мысль, 1983. 294 с.
18. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 3. Д. 57421.
19. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. Картоотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Ящик 3188–С.
20. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р–6088. Оп. 1. Д. 14.
21. Соловейчик А.С. Простое слово о земле. Самара : Типография Л.М. Азеринского, 1917. 8 с.
22. Фролова К.В., Черкасова М.В. Самара в июле 1918 года (Записки А.Г. Елшина) // XX век и Россия : общество, реформы, революции. 2017. № 5. С. 358–364.
23. Ильин И.С. Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. М. : Книжница; Русский путь, 2016. 480 с.

24. Кротова М.В. Анализ дневников И.С. Ильина как источника по истории Гражданской войны // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие : материалы III Всерос. науч.-практ. конфер., посвящ. 100-летию восст. совет. власти в Сибири (Омск, 13–14 нояб. 2019 г.). Омск : ОмГТУ, 2019 С. 131–136.
25. Хандорин В.Г. Идеино-политическая эволюция либерализма в Сибири в период революции и Гражданской войны. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 368 с.
26. Сушко А.В., Стельмак М.М. «...Еврейство Сибири и Урала с тревогой ждет ответа»: докладная записка М. А. Новомейского Российскому правительству А.В. Колчака (май 1919 г.) // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 2. С. 555–567. doi: 10.21638/11701/spbu24.2021.216
27. Ильин И.С. Омск. Директория. Колчак // Новый журнал. 1963. Кн. 72. С. 198–217.
28. Шишкин В.И. Колчаковский государственный переворот в освещении российских мемуаристов // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 56. С. 66–78. doi: 10.17223/19988613/56/8
29. Правительственный вестник (Омск). 1918. 23 нояб.
30. Посадсков А.Л. Я.Л. Белоблоцкий – организатор белогвардейской печати на востоке России (1919–1922) // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 1. С. 88–99. doi: 10.15372/hss20230110
31. ГАРФ. Ф. Р–9431. Оп. 7. Д. 20.
32. По Сибири // Наше дело (Иркутск). 1919. 19 янв.
33. Симонов Д.Г. Военный министр Российского правительства генерал-лейтенант Н.А. Степанов // Исторический курьер. 2018. № 1. С. 32–39. doi: 10.31518/2618-9100-2018-1-3.
34. Кирмель Н.С., Хандорин В.Г. Карающий меч адмирала Колчака. М. : Вече, 2015. 320 с.
35. ГАРФ. Ф. Р–197. Оп. 1. Д. 87.
36. Соловейчик А.С. Борьба за возрождение России на востоке (Поволжье, Урал и Сибирь в 1918 году). Ростов н/Д, 1919. 68 с.
37. Ганин А.В. «Академическая группировка»: участие в подготовке и реализации омского переворота 18 ноября 1918 года // Личность, общество и власть в истории России : сб. науч. ст., посвящ. 70-летию д-ра ист. наук, проф. В.И. Шишкина. Новосибирск, 2018. С. 272–294.
38. Шубин А.В. 1918 год. Революция, кровью омытая. М. : Академический проект, 2019. 598 с.
39. Дневник В.Н. Пепеляева // Окрест Колчака : документы и материалы. М. : Аграф, 2007. С. 43–108.
40. Гагкуев Р.Г. «Адмирал становится для нас опасным подопечным». Оценка французским генералом М. Жаненом ситуации на белом Восточном фронте в декабре 1918 г. // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2022, Т. 7, № 2. С. 10–17. doi: 10.25206/2542-0488-2022-7-2-10-17
41. Хандорин В.Г. Адмирал Колчак: правда и мифы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. 278 с.
42. Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. М. : Айрис-Пресс, 2008. 672 с.
43. Сушко А.В., Петин Д.И. Мария Гришина-Алмазова: биография, внутренний мир и политическая деятельность в белом Омске // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2023. Т. 10, № 4. С. 16–23. doi: 10.24147/2312-1300.2023.10(4).16-23
44. Петин Д.И. Омский фабрикант Георгий Яковлевич Серебряков в условиях Гражданской войны // Историко-экономические исследования. 2020. Т. 21, № 2. С. 177–199. doi: 10.17150/2308-2588.2020.21(2).177-199
45. Шишкин В.И. 1918 г.: от Директории к военной диктатуре // Вопросы истории. 2008. № 10. С. 42–62.
46. Вологодский П.В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925). Рязань, 2006. 619 с.
47. Зензинов В.М. Из жизни революционера. М. : Изд-во Гос. публ. ист. б-ки России, 2018. 187 с.
48. Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. В 2 кн. Кн. 1 (ч. I, II). М. : Айрис-пресс, 2004. 576 с.
49. ГАРФ. Ф. Р-193. Оп. 1. Д. 38.
50. Лосунов А.М. «Белый» Омск // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2009. № 15. С. 34–42.
51. Лосунов А.М. «Дело» генерала А.И. Андогского // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 1999. № 7. С. 193–200.

References

1. Lar'kov, N.S. (2017) *Sibirskiy belyy general*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 312 s.
2. Puchenkov, A.S., Sushko, A.V. & Petin, D.I. (2018) “Vsem govorite, chto moe puteshestvie ochen' opasnoe...”: pis'ma generala A.N. Grishina-Almazova ego supruge (osen' 1918 g.) // *Noveyshaya istoriya Rossii*. T. 8, No. 4. S.1058–1073. doi: 10.21638/11701/spbu24.2018.419
3. Sushko, A.V. & Stel'mak, M.M. (2022) *Dokladnaya zapiska irkutskogo chinovnika S.A. Shimanskogo s predlozheniem vyseleniya evreev iz Rossii Verkhovnomu pravitel'yu admiralu A.V. Kolchaku (dekabr' 1918 g.)* // *Omskiy nauchnyy vestnik*. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. T. 7, No. 1. pp. 47–55. doi: 10.25206/2542-0488-2022-7-1-47-55
4. Sushko, A.V. & Bezrodnyy, K.E. (2021) *V.A. Zhardetskiy i sibirskoe oblastничество* // *Omskiy nauchnyy vestnik*. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. T. 6, No. 1. pp. 30–36. doi: 10.25206/2542-0488-2021-6-1-30-36
5. Sushko, A.V. (2021) *Zhizn', sluzhenie i podvig svyashchennika Vasiliya Feofanovicha Infant'eva*. Omsk: Amfora, 240 s.
6. Zvyagin, S.P. (2012) *V.N. Pepelyaev: sud'ba liberala iz Sibiri v nachale KhKh veka* Tomsk: Tomskiy politekhnicheskii un-t, 342 s.
7. Sheremeev, E.E. (2011) *Samarskiy “Sfinks” pri pravitel'stve Kolchaka: A.K. Klaston (1871–1920 gg.) – biografiya na fone epokhi*. Samara: Izd-vo Samarskogo nauchnogo tsentra RAN, 337 s.
8. Sheremet'eva, D.L. (2023) *Vospominaniya general-mayora P.F. Ryabikova “U admirala A.V. Kolchaka. Chast' I. V Omske s maya po noyabr' 1919 g.” kak istoricheskii istochnik* // *Grazhdanskaya vojna na vostoке Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noe nasledie: materialy V mezhdunar. nauch.-prakt. konfer. (18–19 okt. 2023 g., Omsk, Rossiya)*. Omsk: OmGTU, pp. 406–412.
9. Baksht, D.A. (2016) “Bezdeyatel'nyy zhandarm”: k biografii V.N. Russyanova (v dopolnenie k dokladu S.P. Zvyagina) // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. No. 406. pp. 25–33. doi: 10.17223/15617793/406/4
10. Veber, M.I. (2021) *Nachal'nik kontrazvedki Zapadnoy armii Kolchaka N.F. Novitskiy: shtrikhi k biografii* // *Kommunikativnaya kul'tura: istoriya i sovremennost'*: materialy XI mezhdunar. nauch.-prakt. konfer. v ramkakh III Mezhdunar. nauch. foruma “Nasledie”: v 2 ch. Novosibirsk, Ch. 2. pp. 70–81.
11. Khodyakov, M.V. (2013) *Ivan Adrianovich Mikhaylov: studencheskie gody budushchego ministra finansov v pravitel'stve A.V. Kolchaka* // *Klio*. No. 10. S. 92–95.
12. Krotova, M.V. (2019) *Ivan Adrianovich Mikhaylov v emigratsii v Kharbine* // *Omskiy nauchnyy vestnik*. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. T. 4, No. 2. pp. 64–70. doi: 10.25206/2542-0488-2019-4-2-64-71
13. Krotova, M.V. (2022) “Omskaya gruppa” v emigratsii v Man'chzhurii // *Omskiy nauchnyy vestnik*. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. T. 7, No. 2. pp. 26–33. doi: 10.25206/2542-0488-2022-7-2-26-33
14. Petin, D.I. (2020) *Politika, den'gi i... lyubov'* // *Byudzhetnyy uchët*. No. 3. pp. 72–77.
15. Stel'mak, M.M. & Petin, D.I. (2022) “On nasytil svoe chestolyubie pri Kolchake”: ministr finansov I.A. Mikhaylov v otsenakh sovremennikov // *Istoricheskii vestnik*. T. 42. S. 36–61. doi: 10.35549/HR.2022.2022.42.001

16. Krotova, M.V. (2022) Dvoynye agenty sredi emigratsii v Man'chzhurii v 1930-e gg.: k voprosu o lichnosti I.A. Mikhaylova // Deyatel'nost' otechestvennykh spetssluzhb v epokhu sotsial'nykh kataklizmov: materialy II Vseros. nauch.-prakt. konfer. (19–20 okt. 2022 g., Omsk). Omsk: OmGTU, pp. 112–119.
17. Ioffe, G.Z. (1983) Kolchakovskaya avantюра i ee krakh. M.: Mysl', 294 s.
18. Tsentral'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb). F. 14. Op. 3. D. 57421.
19. Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv. F. Kartoteka byuro ucheta poter' v Pervoy mirovoy voyne (ofitserov i soldat). Yashchik 3188–S.
20. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF). F. R–6088. Op. 1. D. 14.
21. Soloveychik, A.S. (1917) Prosto slovo o zemle. Samara: Tipografiya L.M. Azerinskogo, 8 s.
22. Frolova, K.V. & Cherkasova, M.V. (2017) Samara v iyule 1918 goda (Zapiski A.G. Elshina) // KhKh vek i Rossiya: obshchestvo, reformy, revolyutsii. No. 5. pp. 358–364.
23. Il'in, I.S. (2016) Skitaniya russkogo ofitsera: Dnevnik Iosifa Il'ina. 1914–1920. M.: Knizhnitsa; Russkiy put', 480 s.
24. Krotova, M.V. (2019) Analiz dnevnikov I.S. Il'ina kak istochnika po istorii Grazhdanskoy voyny // Grazhdanskaya voyna na vostoке Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noe nasledie: materialy III Vseros. nauch.-prakt. konfer., posvyashch. 100-letiyu vosst. sovet. vlasti v Sibiri (Omsk, 13–14 noyab. 2019 g.). Omsk: OmGTU, S. 131–136
25. Khandorin, V.G. (2010) Ideyno-politicheskaya evolyutsiya liberalizma v Sibiri v period revolyutsii i Grazhdanskoy voyny. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 368 s.
26. Sushko, A.V. & Stel'mak, M.M. (2021) "...Evreystvo Sibiri i Urala s trevogoy zhdet otveta": dokladnaya zapiska M. A. Novomeyskogo Rossiyskomu pravitel'stvu A.V. Kolchaka (may 1919 g.) // Noveyshaya istoriya Rossii. T. 11, No. 2. pp. 555–567. doi: 10.21638/11701/spbu24.2021.216
27. Il'in, I.S. (1963) Omsk. Direktoriya. Kolchak // Novyy zhurnal. Kn. 72. S. 198–217.
28. Shishkin V.I. Kolchakovskiy gosudarstvennyy perevorot v osvveshenii rossiyskikh memuaristov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History. 2018. No. 56. S. 66–78. doi: 10.17223/19988613/56/8
29. Pravitel'stvennyy vestnik (Omsk). 1918. 23 noyab.
30. Posadskov, A.L. (2023) Ya.L. Beloblotskiy – organizator belogvardeyskoy pechati na vostoке Rossii (1919–1922) // Gumanitarnye nauki v Sibiri. T. 30, No. 1. S. 88–99. doi: 10.15372/hss20230110
31. GARF. F. R–9431. Op. 7. D. 20.
32. Po Sibiri // Nashe delo (Irkutsk). 1919. 19 yanv.
33. Simonov, D.G. (2018) Voennyi ministr Rossiyskogo pravitel'stva general-leytenant N.A. Stepanov // Istoricheskiy kur'er. No. 1. pp. 32–39. doi: 10.31518/2618-9100-2018-1-3.
34. Kirmel', N.S. & Khandorin, V.G. (2015) Karayushchiy mech admirala Kolchaka. M.: Veche, 320 s.
35. GARF. F. R–197. Op. 1. D. 87.
36. Soloveychik, A.S. (1919) Bor'ba za vrozozhdenie Rossii na vostoке (Povolzh'e, Ural i Sibir' v 1918 godu). Rostov n/D, 68 s.
37. Ganin, A.V. (2018) "Akademicheskaya gruppirovka": uchastie v podgotovke i realizatsii omskogo perevorota 18 noyabrya 1918 goda // Lichnost', obshchestvo i vlast' v istorii Rossii: sb. nauch. st., posvyashch. 70-letiyu d-ra ist. nauk, prof. V.I. Shishkina. Novosibirsk, S. 272–294.
38. Shubin, A.V. (2019) 1918 god. Revolyutsiya, krov'yu omytaya. M.: Akademicheskii projekt, 598 s.
39. Dnevnik, V.N. (2007) Pepelyaeva // Okrest Kolchaka: dokumenty i materialy. M.: Agraf, S. 43–108.
40. Gagkuev, R.G. (2022) "Admiral stanovitsya dlya nas opasnym podopechnym". Otsenka frantsuzskim generalom M. Zhanenom situatsii na belom Vostochnom fronte v dekabre 1918 g. // Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. T. 7, No. 2. pp. 10–17. doi: 10.25206/2542-0488-2022-7-2-10-17
41. Khandorin, V.G. (2007) Admiral Kolchak: pravda i mify. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 278 s.
42. Gins, G.K. (2008) Sibir', soyuzniki i Kolchak. Povоротnyy moment russkoy istorii. 1918–1920. M.: Ayris-Press, 672 s.
43. Cushko, A.V. & Petin, D.I. (2023) Mariya Grishina-Almazova: biografiya, vnutrenniy mir i politicheskaya deyatel'nost' v belom Omske // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki. T. 10, No. 4. pp. 16–23. doi: 10.24147/2312-1300.2023.10(4).16-23
44. Petin, D.I. (2020) Omskiy fabrikant Georgiy Yakovlevich Serebryakov v usloviyakh Grazhdanskoy voyny // Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya. T. 21, No. 2. pp. 177–199. doi: 10.17150/2308-2588.2020.21(2).177-199
45. Shishkin, V.I. (2008) 1918 g.: ot Direktorii k voennoy diktature // Voprosy istorii. No. 10. pp. 42–62.
46. Vologodskiy, P.V. (2006) Vo vlasti i v izgnanii: Dnevnik prem'er-ministra antibol'shevistskikh pravitel'stv i emigranta v Kitae (1918–1925). Ryazan', 619 s.
47. Zenzinov, V.M. (2018) Iz zhizni revolyutsionera. M.: Izd-vo Gos. publ. ist. b-ki Rossii, 187 s.
48. Mel'gunov, S.P. (2004) Tragediya admirala Kolchaka. V 2 kn. Kn. 1 (ch. I, II). M.: Ayris-press, 576 s.
49. GARF. F. R-193. Op. 1. D. 38.
50. Losunov, A.M. (2009) "Belyy" Omsk // Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya. No. 15. S. 34–42.
51. Losunov, A.M. (1999) "Delo" generala A.I. Andogskogo // Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya. No. 7. S. 193–200.

Информация об авторах:

Стельмак М.М. – канд. ист. наук, ведущий архивист Центра изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области (Омск, Россия). E-mail: stelmakmm@mail.ru

Петин Д.И. – канд. ист. наук, доцент кафедры истории, философии и социальных коммуникаций Омского государственного технического университета (Омск, Россия). E-mail: dimario86@rambler.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.M. Stelmak, Cand. Sci. (History), leading archivist, Historical Archive of Omsk Oblast (Omsk, Russian Federation). E-mail: stelmakmm@mail.ru

D.I. Petin, Cand. Sci. (History), associate professor, Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: di-mario86@rambler.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.01.2024;
одобрена после рецензирования 21.01.2024; принята к публикации 30.06.2024.*

*The article was submitted 11.01.2024;
approved after reviewing 21.01.2024; accepted for publication 30.06.2024.*

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/15617793/503/7

«Китайское путешествие» О.А. Седаковой: коды прочтения

Валерия Алексеевна Ганем¹

¹ Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
valeria.ganem@yandex.ru

Аннотация. «Китайское путешествие» О.А. Седаковой рассматривается относительно разных семантических систем, определивших структурные особенности и проблематику цикла. В качестве исходных кодов к прочтению текста выделяются «китайский» код и код «травелога», затем – производные от них коды древнекитайской философии и живописи и «дантовский» код, анализируются ранее не оговоренные контексты и литературные источники произведения.

Ключевые слова: О.А. Седакова, «Китайское путешествие», «китайский текст», травелог, даосизм, древнекитайская живопись, Данте, «Божественная комедия»

Для цитирования: Ганем В.А. «Китайское путешествие» О.А. Седаковой: коды прочтения // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 503. С. 77–87. doi: 10.17223/15617793/503/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/503/7

Interpreting the codes of *The Chinese Travelogue* by Olga Sedakova

Valeriya A. Ghanem¹

¹ Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation
valeria.ganem@yandex.ru

Abstract. The article examines *The Chinese Travelogue* by Olga Sedakova according to the different cultural and belletristic “languages” that defined the structure and the meaning of the poetic cycle. Applying the methods of the structural, intertextual and contextual analysis, I revealed several codes that are realized in different parts of this literary work in varying degrees of intensiveness: the basic “Chinese” and “Travelogue” codes, as well as the code of the Antient Chinese philosophy and art and “Dante’s” code which derived from them. The detailed analysis demonstrates that Sedakova’s imaginary land of China is organized in accordance with the aesthetic principles of the Ancient Chinese visual art, which in its turn reflects ideas of the Taoism philosophy that Sedakova names as one of the significant sources of her text. Her poetic imitation of antient Chinese landscapes that figuratively represent the sacred Absolute allows Sedakova to touch on the theme of the physical and spiritual worlds’ co-presence, as well as the theme of the creative process as a way of transgression between them. Despite the fact that the code of the Antient Chinese art seems to be the main one to decipher the text because the imitation of Chinese landscapes determines the structure of most of the poems, there is one more important code that also has an impact on the cycle’s structure and meaning. It is “Dante’s” code. The journey of Sedakova’s lyrical heroine reminds the journey of the main hero of *The Divine Comedy* written by Dante Alighieri. The imagined landscape like on the Old Chinese scroll paintings contains the features of Dante’s Purgatory and Heaven, as well. Furthermore, these two worlds that belong to different semantic and spiritual systems do not contradict each other, but merge. The compilation of different cultural contexts or belletristic “languages” within one literary work is Sedakova’s artistic reflection on the other idea which is significant to her: that everything is connected because it all appears from one source, which is the sacred Absolute. The codes that I revealed help to clarify the “interplay” of numerous meanings which refer to the topics and ideas that Sedakova brings up in her philological and philosophical essays. In an effort to speak on these topics not only through non-figurative, discursive language but also through the language of poetry, Sedakova uses a variety of artistic techniques: the imitation of the Ancient Chinese art which tries to capture the invisible Absolute, implicit reliance on the afterlife journey of Dante’s hero, the combination of images that despite of belonging to different semantic systems resonate with each other.

Keywords: Olga Sedakova, *The Chinese Travelogue*, Chinese text, travelogue, Taoism, Ancient Chinese painting, Dante, *The Divine Comedy*

For citation: Ghanem, V.A. (2024) Interpreting the codes of *The Chinese Travelogue* by Olga Sedakova. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 503. pp. 77–87. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/503/7

«Китайское путешествие» Ольги Седаковой, написанное в 1986 г., не раз становилось предметом исследовательского внимания. Цикл рассматривался как в контексте древнекитайской культуры [1], так и характерной для русской литературы традиции создания образа «условного Китая» [2]. При этом так называемый китайский подход был не единственным путем к пониманию цикла, о чем свидетельствует анализ его интертекстов с указанием не только китайских, но и русских литературных источников [3], исследование цикла относительно православной апофатической традиции [4], а также как своеобразного диалога между христианством и даосизмом (и шире – между западной и восточной культурой) [5, 6].

Разнообразие интерпретаций обусловлено принципиальной для Седаковой установкой на включенность поэтического текста в широкий культурный контекст и неоднозначность его смыслового итога [7. С. 234].

Определенную роль в формировании такой установки сыграла атмосфера, внутри которой Седакова развивалась как автор. Описывая 1970–1980-е гг., поэтесса, общавшаяся с представителями не только творческой, но и академической среды – преимущественно людьми, в разной степени связанными с неофициальной культурной жизнью [8. С. 324, 607], отмечает упование культурой, ее сложностью и новыми духовными возможностями [8. С. 324–326].

В не меньшей степени, чем «смысловой простор» [9], который вобрала в себя поэзия О.А. Седаковой, на творчество поэтессы оказала влияние характерная для ее окружения форма бытования культурного знания, заключавшаяся в поиске связей между явлениями разного культурного порядка и выявлении стоящих за этими связями универсалий. Седакова неоднократно упоминает о стремлении – ее собственном и близких ей по образу мыслей людей – уметь «видеть мир в связях, неожиданных, не лежащих на поверхности» [8. С. 613], что было обусловлено не в последнюю очередь потребностью поколения «семидесятников», к которому относит себя поэтесса, в преодолении культурной «изоляции», соединении того, что было разорвано [8. С. 325].

Особую роль в этом процессе поиска связей Седакова отводит ученым-гуманитариям [8. С. 325–326; 10. С. 263], в частности Ю.М. Лотману. Прямые и не прямые отсылки в интервью и эссе Седаковой к исследовательской работе последнего указывают на глубину проникновения в сознание поэтессы его идей, в том числе идеи пересечения внутри художественного произведения множества семантических систем [11. С. 35, 38, 107], преломившейся в творчестве Седаковой и определившей непростую смысловую архитектуру ее стихотворных произведений («В структуралистском дискурсе как в дантовском загробее, все рядом <...> В одном столбце таблицы окажется и китайский философ, и славянское суеверие, и какая-нибудь строка Нервала <...> И эта возможность собирания в одну книгу, под одной рубрикой того, что дантовскими словами “разлистано по всей вселенной”, сообщало по-настоящему поэтическое вдохновение» [10. С. 264]).

Это обусловило предпринятую в статье попытку рассмотреть цикл «Китайское путешествие» не относительно какой-то одной семантической системы, а с точки зрения соотношения в нем разных кодов, проанализировав структурные особенности произведения, ряд его интертекстов (в том числе еще не оговоренных исследователями цикла) и продуцируемых ими культурных контекстов, находящихся друг с другом в определенной корреляции.

Исходные коды к прочтению поэтического цикла мы обозначали как **«китайский» код** и **код «травелога»**¹. Сигналом к тому, чтобы дешифровать текст с помощью этих двух кодов, служит само заглавие произведения, оба смысловых компонента которого, вызывая отклик в культурной памяти читателя и порождая поле культурных переключек, задают определенную систему координат для дальнейшей интерпретации цикла. В то время как Китай, заявленный автором как пространство, в котором разворачивается лирический сюжет, позволяет рассматривать стихи цикла относительно так называемого китайского текста², путешествие, составляющее суть этого сюжета, может отсылать читателей к разнообразным литературным «странствиям» (также, несмотря на обозначенную в заглавии связь обоих компонентов, усиленную отсылкой к стихотворению Н.С. Гумилева «Путешествие в Китай», оба могут рассматриваться и как независимые структуры, генерируя поле значимых для поэтического сообщения Седаковой контекстов, о чем свидетельствуют, к примеру, статьи М. Келли [4] и Н.Г. Медведевой [2]).

Следующий после заглавия структурный элемент, влияющий на восприятие текста, это эпиграф: «Если притупить его пронизательность, освободить его от хаотичности, умерить его блеск, уподобить его пылинке, то оно будет казаться ясно существующим. Лао-цзы» [14. С. 278]. Эпиграф отсылает к древнекитайскому трактату «Дао дэ цзин», откуда взята цитата [15. С. 20], и к истории легендарного мудреца Лао-цзы, считающегося его создателем, что допускает дешифровку текста с помощью **кода древнекитайской философии** (о чем можно судить, к примеру, по исследованию Н. Черныш [1]). Уточняя горизонт ожиданий и сообщая, что речь пойдет не просто о Китае, а о древнем Китае и его духовных практиках, эпиграф также переключает внимание на код травелога, указывая на комплекс мотивов, связанных с уже заявленной в названии цикла темой странствий (правда, на этот раз странствий духовных). В первую очередь это мотив преодоления пути как формы духовных поисков – он привносится образом Лао-цзы, который, согласно легенде, отправился «на запад в дальнейшее путешествие, занявшее <...> большую часть его жизни» [16. С. 57]³, и, по одной из версий предания, стал учителем самого Будды, по другой – вернулся и разочаровался в своем прежнем учении. Далее, это мотив благочестивой жизни как дороги, ведущей человека на небеса, поскольку один из смыслов категории Дао – это «путь к небу: то есть <...> правильное, благое и бескорыстное поведение, такой способ нравственной жизни» [16. С. 59]. Наконец, это мотив трансгрессии в запредельное: второе значение Дао – «это

высшая реальность, неопишная и трансцендентная» [16. С. 59], и суть учения «Дао дэ цзин» – в соприкосновении внутренней жизни человека с этим «духовным образом вселенной» [16. С. 66]. Несмотря на то, что все три мотива в той или иной степени реализуются в стихотворениях цикла, последний с самого начала намечен автором как магистральный – это проявляется в выборе цитаты, речь в которой идет о Дао именно во втором значении⁴.

Как следствие, при соотношении с заявленными в заглавии модулями прочтения эпиграф становится ключом к толкованию цикла как лирического сообщения, во-первых, о путешествии по метафизическому миру древнего Китая, т.е. о путешествии не материальном, а духовном, а во-вторых, о странствии, «[устремленном] в некую мифическую запредельность» [4. С. 130].

На значимую роль «Дао дэ цзин» в понимании семантики цикла указывает не только эпиграф, но и структурные переключки между текстами. Так, А. Шмитт отмечает влияние композиционного оформления «Дао дэ цзин» на организацию стихотворений в «Китайском путешествии»: в том и другом тексте стихи (главы) «пронумерованы и не имеют названий», при этом в «Китайском путешествии» «их ровно 18, что является инверсией 81-го стихотворения в книге Лао-цзы» [6. С. 96]. На наш взгляд, зеркальный, а не тождественный «Дао дэ цзин» подход к членению стихов у Седаковой семантически нагружен и свидетельствует о том, что и на содержательном уровне «Китайское путешествие» не идентично трактату, не является его поэтическим переложением, а находится с ним в диалогических отношениях.

В этом диалоге смежной для обоих текстов является вынесенная в эпиграф фундаментальная для философии Дао [16. С. 59–60, 67] и мировоззренчески близкая Седаковой идея осознания вечного присутствия иного, духовного, мира миру физическому [17. С. 287, 295], определившая одну из основных структурных особенностей цикла – уподобление большей части стихотворений древнекитайским пейзажным зарисовкам, поскольку те являются образным осмыслением философии даосизма и живописным воплощением Дао [18. С. 26]. Сходство стихотворений Седаковой и древнекитайских рисунков отмечалось некоторыми исследователями цикла [1. С. 266; 4. С. 135; 19. С. 271], но оговаривалось ими вскользь. Ввиду недостаточной разработанности вопроса, связанного с ролью живописи старого Китая в цикле Седаковой, мы считаем необходимым остановиться на этом чуть подробнее.

В стихах обращают на себя внимание повторяющиеся образы гор, водной глади, деревьев (как правило, ив, иногда сосен), которые являются основными элементами древнекитайского пейзажа [18. С. 249, 252–253], а также образы лодок, бабочек, мотыльков и других объектов, часто изображаемых мастерами старого Китая [18. С. 40, 89]. Однако заимствованием отдельных образов автор не ограничивается, обращаясь в своих пейзажных «зарисовках» к распространенным мотивам древнекитайской живописи – в стихах Седа-

ковой ветви деревьев соприкасаются с водной гладью [14. С. 279–280, 283, 290, 296], вершины гор заслонены облаками [14. С. 282], одинокая лодка пересекает водный простор либо подплывает к берегу [14. С. 279, 283, 285], аист выходит из-за кустов на фоне восходящего солнца, перифраза которого – «шар золотой» – коррелирует с традиционным изображением солнца в виде круга [14. С. 287], и т.д.⁵ Ввиду частого использования этих мотивов в работах разных древнекитайских художников трудно утверждать, что то или иное стихотворение цикла является экфрасисом какой-то определенной картины, но обращение к пейзажному искусству древнего Китая свидетельствует о том, что оно было знакомо Седаковой, а судя по тому, что в своих стихах помимо использования традиционных картинных образов и их комбинаций она имитирует различные живописные техники передачи этих образов и их пространственного соотношения друг с другом, обозначая с помощью этого ряд смысловых доминант цикла, указывает на то, что оно стало для нее важным источником вдохновения.

То, что созвучие стихотворных «набросков» Седаковой древнекитайским пейзажам не было случайным, подтверждают следующие замечания поэтессы: «... [я] не очень верила переводам китайской поэзии. Читала их, но все-таки понимала, что это, должно быть, сильно измененные вещи. Но у нас есть классика китайская – живопись, рисунок. Вот это на меня действовало сильнее всего» [20]; «...я очень люблю китайскую живопись. Мой китайский цикл – попытка аналогового прозрачного рисунка. Я не предпринимала для этого никаких исследований. Просто я люблю китайские вещи» [8. С. 143].

Несмотря на то что в качестве источника вдохновения Седакова называет непосредственно живопись, утверждая, что каких-либо специальных изысканий для этого не проводила, тем не менее сам характер рецепции древнекитайского визуального искусства в ее цикле, обозначенный М. Келли как «метаэстетический» [4. С. 135], свидетельствует о том, что художественное восприятие Седаковой старинных пейзажей было все же опосредованным – если не конкретными прочитанными работами по этой теме, то представлениями о культуре старого Китая, сложившимися ко времени создания цикла⁶ в интеллектуальных кругах, к которым принадлежала поэтесса. О том, какими были эти представления, можно судить по «китайским» импровизациям других неподцензурных поэтов, писавших под влиянием китайских классических романов, поэзии, фольклора, каллиграфии, театра теней [19. С. 269], и по той литературе о древнем Китае, которая появляется в 1970–1980-е гг. Это и лекции о древнекитайской философии А.М. Пятигорского [16], имя которого Седакова упоминает в своих интервью [8. С. 324, 607], и разнообразные научные труды⁷, среди которых отдельного внимания в контексте интересующего нас аспекта заслуживают работы об искусстве старого Китая Е.В. Завадской⁸, оставившие, судя по воспоминаниям ее современников [23]⁹, заметный след в общем понимании классической китайской живописи. В этих работах исследователь касается характерных особенностей и техник древнекитайского

пейзажного искусства, а также подчеркивает его метафизическую природу, сближающую его с иконописью. Достаточных оснований утверждать, что Седакова читала эти работы, у нас нет, но значимость вклада Завадской в уточнение древнекитайской картины мира, циркуляция ее идей в московской интеллигентской среде 1970–1980 гг. [23], наконец, наличие общего с Седаковой круга знакомых [23] позволяют предположить, что труды по эстетике древнекитайской живописи Завадской могли быть в том или ином виде знакомы поэтессе, сыграв для нее роль косвенного источника знаний. Это объясняет ряд особенностей литературной «реплики» Седаковой, чья имитация древнекитайских пейзажей не только отличается точностью и системностью, но и обнаруживает под собой философскую и религиозную подоплеку.

Поскольку отсылки к древнекитайской живописи (ее техникам, образам, пространственному соотношению этих образов, философии, и т.д.) встречаются почти во всех стихах цикла и несут смыслообразующую функцию, справедливым кажется выделение в отдельный код **кода древнекитайской живописи**, обращение к которому позволяет дешифровать большую часть поэтического послания Ольги Седаковой.

Среди очевидных параллелей между стихотворениями цикла и древнекитайскими пейзажами – подход к изображению в них природы. И в том и в другом случае она одушевлена. При этом особенности ее персонализации у Седаковой отсылают к традиционным приемам очеловечивания природы древнекитайскими мастерами. Так, в отдельных элементах пейзажа считаются черты лица либо части тела человека: «...там на горе, у которой в коленях последняя хижина <...> лба которой не видывали из-за туч» [14. С. 282], «...бегом бежит сердце <...> в широкие глаза храмов» [14. С. 281], «Крыши, поднятые по краям, как удивленные брови» [14. С. 286]. То же характерно и для древнекитайской живописи (см., к примеру, заметки художника Го Си: «Для вод горы – это лицо <...> беседки, павильоны – это глаза с бровями» [18. С. 250]). Кроме того, у Седаковой природным явлениям приписываются действия, присущие людям («пруд говорит» [14. С. 280], «улыбалась чудесная вода» [14. С. 296]), что также созвучно с манерой описания природы древнекитайскими мастерами (из трактата Ван Гая: «...маленькие камни возле воды подобны стайке детей, охвативших расставленными руками гору – маму» [18. С. 385] и т.п.).

Однако главное, что сближает пейзажи Седаковой с древнекитайскими, это то, что олицетворенная в них природа обожествляется. Пейзажная живопись старого Китая представляла собой изображение постижения высшей реальности – Дао [18. С. 91]. То же встречаем и у Седаковой. Например, в третьем стихотворении цикла, расширяя круг метафорических подобий, посредством которых описываются причудливые переплетения ветвей, она называет их «шапкой-невидимкой, одеждой божества, одеждой для глаз», подчеркивая тем самым сакральную сущность деревьев, что усиливается в том же стихотворении за счет прямого и скрытого сравнения последних с пагодами и храмами

(«деревья мои старые – пагоды...»), «бегом бежит сердце <...> по стволу, по холмам и оврагам веток в длинные, в широкие глаза храмов» [14. С. 281]). На трансцендентную сущность природы в стихах Седаковой указывают и другие детали. Так, в седьмом стихотворении автор, называя небо сапфиром, пишет: «...пока лодка летит, солнце светит и в сапфире играет небесная радость» [14. С. 285]. Кажущаяся семантическая избыточность (букв.: в небе небесная радость) может свидетельствовать о том, что определение «небесная» используется здесь не в прямом, но в переносном, а именно в религиозном значении (на это указывает и само словосочетание «небесная радость», устойчивое для христианского дискурса). Также, подобно древнекитайским мастерам [18. С. 251, 253], Седакова наделяет священной сутью не только небо и деревья, но и камни, горы, воду. К примеру, в одиннадцатом стихотворении ее лирическая героиня уверяет: «...в тысяче лиц я узнаю, кто ее видел, на кого поглядела из каменных вещей, как и из стеклянных, нежная глубина и глубокая нежность» [14. С. 289]. Подразумевая под «каменными вещами», очевидно, горы и каменные берега, упомянутые в 1-м и 4-м стихотворениях цикла, а под «стеклянными» – воду (судя по тому, что в финальном стихотворении та названа «живым стеклом» [14. С. 296]), Седакова указывает на некую единую для них первооснову, проглядывающую сквозь них и охарактеризованную ею как «нежная глубина» и «глубокая нежность», что отсылает в первую очередь к Дао, поскольку, согласно трактату «Дао дэ цзин», ему присущи такие свойства [15. С. 17, 20, 92].

Помимо очеловечивания природы, еще одним способом воплощения Дао на рисунках древнекитайских мастеров являлся кунбай – пустотно-белое пространство, вторгающееся в главное изображение и символизирующее незримое сакральное начало [18. С. 89]. Седакова, часто направляющая внимание «по ту сторону земного бытия» [24. С. 304], имитирует и эту технику. Не перегружая свои пейзажи деталями, она также обращается к приему синекдохи, позволяющей подобно живописному контуру наметить изображение частично, в результате чего целое остается за пределами видимого (например, «крыши, поднятые по краям как удивленные брови...» вместо пагод), либо описывает объекты на грани исчезновения (так, в первом стихотворении движимые ветром ветви деревьев «смывают» свое отражение в воде, в четвертом – вершина горы растворяется в облаках). Это придает поэтическим зарисовкам Седаковой характерную для древнекитайских пейзажей прозрачность, благодаря чему недоступное зрению, неопишное начало, «просвечивая» сквозь изображение, становится выраженным.

К. Мегрелишвили отмечает, что одной из магистральных тем для Седаковой является соприсутствие видимого-ощутимого и иного мира. По словам исследователя, будучи лейтмотивной в творчестве поэтессы, эта тема нашла выражение в материи ее стиха, определив ряд сквозных образов и приемов [17. С. 287]. В этом отношении имитация в «Китайском путешествии» древних пейзажей, являющихся образным осмыслением даосизма [18. С. 26] с его идеей синтеза

материального и потустороннего миров, представляет собой, как нам кажется, один из способов реализации этой темы.

С древнекитайскими пейзажами стихи Седаковой сближает, кроме пантеистического описания окружающего мира, способ изображения человека как части природы. В живописи это достигалось расположением людей и природных объектов обращенными друг к другу, в частности, как будто прислушивающимися друг к другу (из заметок о написании пейзажа Ван Гая: «Играющий на лютне, кажется, прислушивается к луне, луна же, сияя в тишине, словно прислушивается к лютне» [18. С. 385]), либо созерцающими друг друга (так же у Ван Гая: «Например, человек будто созерцает горы, а горы должны казаться наклонившимися и наблюдающими за человеком» [18. С. 385]). То же встречаем и у Седаковой: небо, горы, вода нередко представлены наблюдающими за миром людей или находящимися в диалоге с ними («небо глазами другого сапфира глядит», «пруд говорит», горное эхо отвечает на звуки флейты [14. С. 285, 280, 291] и др.). Еще одним приемом древнекитайских мастеров для передачи ощущения единства человека и природы был отказ от детализации при рисовании людей [18. С. 385], благодаря чему те как будто сливались с пейзажем. Нечто подобное видим и в стихах Седаковой. При описании персонажей цикла, как правило, используются метонимические переносы, благодаря чему возникает ощущение безлюдности и в то же время активной одушевленности описываемого пространства («флейте отвечает флейта», «лодка летит», «медленно плывет джонка» [14. С. 291, 285, 279] и т.п.). Те же метонимические переносы создают впечатление субъектно-объектной нерасчлененности, ввиду чего трудно различить, идет ли речь о том, что лирическая героиня наблюдает, или о том, что она проживает сама (например, видит ли она плывущую по воде джонку или находится непосредственно в ней). Наравне с этим в большинстве стихов цикла, где за отсутствием метонимических переносов такая дилемма не возникает, лирический субъект также не вполне конкретизирован [3. С. 188]. Кроме шестого стихотворения, содержащего однозначные грамматические указания на форму субъекта («Только увижу путника в одежде светлой белой, <...> шла бы я за ним плача: сколько он идет, и я бы шла, шагала» [14. С. 284]), во всех остальных стихах мы сталкиваемся с «тщательно выдержанной неопределенностью» лирического сознания [3. С. 188]. Это достигается использованием пассивных и безличных синтаксических конструкций («террасы, с которых вечно видно все» [14. С. 286] и др.), переключением с лирического «я» на «ты» («Может, ты перстень духа...» [14. С. 290] и др.) или множественное «мы» («Не довольно ли мы бродили...» [14. С. 281] и др.), обращением к приему синекдохи («...бегом бежит сердце с совершенно пустой котомкой по стволу...» [14. С. 281] и др.). Выходя за пределы своего лирического «я», героиня Седаковой словно растворяется в созерцаемом ею пейзаже, соприкасаясь таким образом со сферой «иного». Диффузность лирического сознания относительно объекта наблюдения как признак его трансгрессии соотносится

со свойственным древнекитайским художникам представлением о том, что состояние истинного мастера характеризуется забвением всего, кроме объекта сосредоточения, в момент творчества, тождественного по своей сути религиозному действию [18. С. 38, 91].

Перенос на стихотворную почву техник, характерных для древнекитайских пейзажей, и идей, стоящих за ними, позволяет Седаковой выразить в своих стихах присущую им и концептуально близкую ей мысль о трансформирующей силе творчества – незначительный относительно всепорождающего Абсолюта человек в момент творчества оказывается способен «бесконечность заключить в пространстве одного листа бумаги и [своим] сердцем того же размера заставить забить ключом поток вод» [18. С. 68] или, цитируя дискурсивную прозу Седаковой, «занять в человеческой реальности внечеловеческую позицию» [25. С. 100] и «выразить невыразимое» [25. С. 136], став медиумом сверхличной силы [25. С. 349].

Мотив незначительности человека воплощается в цикле путем имитации поэтессой характерного для древнекитайских пейзажей пространственного соотношения мира людей и макромира – их нарочитой разномасштабности [18. С. 90] (например, в 4-м и 8 стихотворениях люди, постройки изображаются миниатюрными на фоне величественных гор). Это же достигается посредством воспроизведения в некоторых стихах традиционного для древнекитайских картин принципа рассеянной перспективы [18. С. 91] (в первом стихотворении цикла взгляд лирической героини скользит сначала по воде, затем по небу, после снова перемещается к воде, по которой движется джонка, и в конце приковывается к ивам – благодаря движущемуся ракурсу возникает ощущение грандиозности объекта наблюдения и, соответственно, ничтожности наблюдателя). В то же время в десятом стихотворении цикла открывается другая, прямо противоположная грань сущности человека, проявляющаяся в процессе творчества: «*Велик* рисовальщик, не знающий долга кроме долга играющей кисти:/ и кисть его проникает в сердце гор,/ проникает в счастье листьев,/ одним ударом, одной кротостью,/ восхищеньем, смущеньем одним/ *он проникает в само бессмертье – и бессмертье играет с ним*» (здесь и далее в цитатах курсив мой. – В.Г.) [14. С. 288]. Эти строки указывают на знакомство поэтессы не только с китайскими пейзажами, но и со стоящей за ними философией, согласно которой «человек, ничтожный сам по себе, приобретает какую-то ценность <...> *по мере проникновения в великую тайну природы*» [18. С. 91]. Согласно мудрецу Чжуан-цзы, чьи взгляды нашли отражение в теории и практиках древнекитайских мастеров, предпосылкой к этому проникновению в тайну было вверение себя «движению природы», растворение в ней: «художник не создает, а вторит природе подобно эху, поэтому его мастерство – безыскусно, оно словно *игра* или танец, это искусство отличает произвольная незавершенность» [18. С. 38]. По сути, в десятом стихотворении поэтесса, отмечавшая, что ей близок «стиль самозабвенности, <...> гениальной небрежности, спонтанности, которой добивались старые китайские рисовальщики» [8. С. 75], иллюстрирует этот процесс.

Парадоксальная сущность человека становится темой и проблематизируется в 20-м стихотворении, на котором следует остановиться отдельно, поскольку в нем код древнекитайской живописи, на наш взгляд, выбранный автором относительно всего цикла в качестве камертона, в некоторой степени «приглушается» другими контекстами.

Стихотворение окольцовано четверостишьем «Может, ты перстень духа, // камень голубой воды, // голос, говорящий глухо // про ступенчатые сады» [14. С. 290]. Определение «перстень духа» отсылает к образу из последней строфы стихотворения Бориса Пастернака «В больнице»: «Кончаясь в больничной постели, / Я чувствую рук твоих жар. / Ты держишь меня, как изделие, / И прячешь, как перстень, в футляр» [26. С. 103]. На то, что пастернаковский герой, осознающий себя в последнюю минуту своей жизни, на пороге исчезновения «изделием», «перстнем», который Бог «прячет... в футляр», послужил прообразом метафоры «перстень духа» из стихотворения Седаковой, указывает неоднократно обращение поэтессы к этой цитате в связи с ее размышлениями о христианстве Пастернака, его творчестве, и шире – о том, что сама Седакова называет «поэтическим богословием» [25. С. 139; 27. С. 335; 28]. Эти размышления позволяют понять смысл метафоры – в ее основе лежит близкое самой Седаковой представление Пастернака о человеке как о «произведении», «“подарке” и “изделии” Творца» [28].

Следующее за «перстнем духа» определение «камень голубой воды» вновь переносит читателей к образной системе даосизма. На это указывает то, что в грамматически подобной конструкции «перстень (чей?) духа», «камень (чей?) голубой воды» – место духа отведено воде, являющейся в философии даосизма [15. С. 24], а следом и в древнекитайском искусстве олицетворением Дао как высшей добродетели.

Несмотря на принадлежность к различным и даже далеким друг от друга контекстам, оба определения семантически равнозначны друг другу. Уподобление Дао воде в древнекитайской философии связано с мягкой животворящей силой последней: «Вода – это самое мягкое и слабое существо в мире, но в преодолении твердого и крепкого она непобедима...» [15. С. 94]. В этом отношении метафора «камень голубой воды» у Седаковой, любящей, по ее собственному признанию, «заглядывать в китайских мудрецов» [8. С. 59] и, вероятно, знакомой с тем, что в древнем Китае «совершенным человеком почитался тот, кто подчинялся потоку жизни» [18. С. 54], является своего рода развитием этого образа. Позволяя себя «преодолевать», камень становится в конечном счете «изделием» воды (Дао), как и уподобленный ему человек – «произведением» Творца (ср. с цитатой из Пастернака: «О, как хорошо не сочинять романов и не писать стихов, а самому становиться произведением в руках этого смертельно сладкого чувства» [29. С. 632]). Комбинация образов, отсылающих к разным, как уже было отмечено, семантическим (и, более того, духовным) системам, не кажется случайной – она указывает на «таинственную переключку... сквозь времена, страны» [25. С. 138],

обусловленную для поэтессы наличием некоего абсолютного, общего для всех людей начала. Вслед за Пастернаком (и другими поэтами, а также некоторыми богословами [25. С. 133; 27. С. 335]) Седакова считает, что наиболее явно это «месторождение» души ощущается в процессе творчества [25. С. 139], когда человек «обретает возможность некоей опытной встречи с Абсолютным, которое бесконечно превосходит его» [25. С. 133]: в момент вдохновения человек выходит за границы своего личного опыта к своему «другому я», которое сама Седакова определяет как «общий человек в человеке, само вещество человечности в человеке, в его сердце» [25. С. 138], и присоединяется к «голосу человеческой общности» [25. С. 132]. Это в некоторой степени проясняет следующее за «перстнем духа» и «камнем голубой воды» третье определение, характеризующее человека: «Может, ты перстень духа, камень голубой воды, *голос, говорящий глухо/ про ступенчатые сады*», которое так же, как и предыдущие два, указывает на «глубоко скрытый в человеке образ – образ Бога» [4. С. 124].

Однако в 12-м стихотворении показана и другая сторона человека – его незначительность относительно Абсолюта. Идея незначительности подчеркнута противопоставлена мысли о божественной сущности человека посредством союза «но». Этой идее отведено положение ядра, центра, но семантического перевеса в ее пользу не происходит ввиду последующего повторения первой строфы (а следовательно, возвращения к противоположному суждению) в финале стихотворения. Этот композиционный ход не кажется случайным. Благодаря ему оба представления о природе человека воспринимаются как структурно равноценные, что указывает на драматично переживаемую автором амбивалентность человеческой сущности¹⁰. В этой части стихотворения Седакова, как и в случае с обрамляющим стихотворением четверостишьем, соединяет в одной плоскости образы из разных семантических систем. Поэтесса усиливает характерный для древнекитайской живописи мотив ничтожности человека по сравнению с окружающим его миром, в результате чего растворенность человека в пейзаже сводится к небытию, по крайней мере, в привычной форме: «О, человек простой – как соль в воде морской: не речь, не лицо, не слово, только соль, и йод, и прибой» [14. С. 290]. За сравнением человека с «[солью] в воде морской» следует отрицание присущих ему признаков («не речь, не лицо, не слово»), взамен которых перечисляются явления, утверждающие иную – судя по общему для этих явлений свойству, эфемерную – природу человека («только соль, и йод, и прибой»). Кроме того, идея ничтожности человека находит воплощение в образе плачущей крылатой колесницы, отсылающей к истории Фаэтона: «...но что же с плачем мчится/ крылатая колесница,/ ветер, песок, побережье/ океан пустой, и нельзя проститься, негде проститься с тобой» [14. С. 290]. О том, что эти строки напоминают о трагической судьбе Фаэтона, свидетельствуют явные содержательные и смысловые параллели – обычный юноша Фаэтон, узнав, что он является сыном бога солнца Гелиоса, на один день взял колесницу отца с

крылатыми конями, но не справился с управлением, принес в мир хаос и был низвергнут богами в океан.

Аллюзия на историю Фаэтона является, на наш взгляд, металитературной, отсылая не к первоисточнику, а к варианту ее изложения в «Божественной комедии» Данте, в которой неоднократно упоминается именно момент падения Фаэтона с колесницы [30. С. 80, 179, 469] и которая, судя по другим образным и тематическим перекличкам, стала одной из имплицитных опор поэтического цикла Седаковой.

Ранее мы уже отмечали, что один из исходных кодов к прочтению цикла – это «код травелога», который, учитывая вектор прочтения, заданный эпиграфом, позволяет интерпретировать «Китайское путешествие» относительно текстов, посвященных теме духовных странствий. Помимо трактата «Дао дэ цзин», идейно-культурная связь цикла с которым была эксплицирована самой Седаковой, к числу таких текстов можно отнести «Божественную комедию» Данте, которая описывает умозрительное путешествие его лирического героя в потусторонний мир – по Аду, Чистилищу и Раю, что в смысловом отношении согласуется с концепцией «Китайского путешествия», затрагивающего тему перехода по ту сторону видимого. Поэма долгое время была (и остается) объектом осмысления Седаковой (как филолога и как переводчика¹¹), став своего рода парадигматическим импульсом для ее творчества, в связи с чем кажется небезосновательным посмотреть на цикл Седаковой через призму «дантовского кода».

Подобный подход позволяет прояснить смысл не только некоторых образов, но и тех участков текста, семантика которых не раскрывается с помощью других кодов.

К примеру, метоним «сапфир», с помощью которого у Седаковой характеризуется небо [14. С. 284], перекликается с образом земного неба в Чистилище, описанного Данте как «восточный сапфир» [30. С. 162]. То, что это созвучие не является случайным, косвенно подтверждают комментарии поэтессы к ее собственному переводу «Божественной комедии», где она останавливается подробно на интерпретации этого образа из второй кантики: «Сапфир, прозрачный драгоценный камень прекрасного синего цвета, в средневековых лапидариях всегда сопоставляется с небом. Среди чудесных свойств сапфира упоминаются такие: сапфир выводит узников из темниц, разрешает оковы, умиляет Бога, охлаждает внутренний жар, очищает зрение от мути. Все это точно описывает то, что происходит в этот момент с Данте, покинувшего вечную тюрьму преисподней» [32. С. 56]. Сопоставление неба с сапфиром у Данте – знак высвобождения, выздоровления, возвращения к жизни, которые переживает его герой, выбравшись из ада и созерцая земное небо. «Китайское путешествие» лирической героини Седаковой показано не с начала (как и путешествие Данте, странствие которого по загробному миру предшествует другому, остающееся за кадром). Цикл открывается эллиптической конструкцией «и меня удивило, как спокойны воды, как знакомо небо...» [14. С. 280], и информация о том, откуда, как и почему героиня оказалась там, где оказалась, по сути, скрыта. Называя небо

сапфиром вслед за Данте, поэтесса полнее раскрывает состояние своей героини, по-видимому, созвучное для нее состоянию героя «Божественной комедии»: «Мы снова здесь, на земле – но мы здесь по-другому. Жить после отмены гибели – наверное, самый нежный и благодарный род счастья, известный человеку. После избавления от гибели мы не то чтобы понимаем, а кожей чувствуем, что “простая жизнь”, “земная жизнь” или, как ее называет Данте в первой строке “Комедии”, “наша жизнь” <...> чудо и чистый дар <...> первое дело “земной жизни”, “нашей жизни” – видеть небо. И потому что оно прекрасно <...> и потому что оно высоко, а высокая даль всего необходимее» [32. С. 22]. Эти комментарии Седаковой к «Божественной комедии» Данте некоторым образом рифмуются со стихами «китайского» цикла. Небо – это то, что видит героиня в самом начале своего пути [14. С. 280], и то, что она продолжает описывать по ходу путешествия (как и герой Данте), отмечая, что небо и (высота в целом) обладают целительными свойствами [14. С. 285–286]. В то же время, несмотря на признание о том, «сколько раз... к запрещенному порогу подходило сердце» [14. С. 293], героиня дает понять, что радости лицезреть небо, ощущать высоту она обязана своему пребыванию на земле, которой она приносит хвалу [14. С. 296]. На близость состояний героев Данте и Седаковой также указывает и то, как именно описывается их радость от видения неба – и в том и в другом случае эта радость словно переполняет лирическое сознание, распространяясь за его пределы и становясь свойством уже самого неба (у Данте небеса веселятся, восток улыбается [32. С. 23], у Седаковой «в сапфире играет небесная радость» [14. С. 285]).

Созерцание неба в обоих случаях не статично – оно сопряжено с движением, которому, собственно, и задает направление. Так, герой Данте, наблюдая за явлениями, происходящими в небе, постепенно поднимается по горе Чистилища и, встретившись на ее вершине, в Земном Раю со своей возлюбленной Беатриче, отправляется в дальнейшее путешествие уже по райскому небу, представляющему собой перемещение от неба одной планеты к небу другой (от неба Луны к небу Меркурия, и далее – к небу Венеры, Солнца, Марса и т.п.). Так и «Китайское путешествие», переживания лирической героини которого переплетаются с ее наблюдениями за природными объектами, условно связывающими небо и землю, постепенно «переносит нас через пейзажи и картины природы первой половины цикла в космические панорамы второй» [4. С. 139]. Строки из 15-го стихотворения «по белому пути, по холодному звездному облаку, говорят, они ушли и мы уйдем когда-то <...> с планеты на планету перебрывая разлуку» [14. С. 285] отсылают, на наш взгляд, к межпланетному путешествию воссоединившихся в Раю Данте и Беатриче и указывают на то, что «китайское» путешествие лирической героини Седаковой – это умозрительное странствие не только по метафизическому пространству древнего Китая, изображенному на старинных гравюрах, но и ввысь – в горный мир. Это проясняет слова поэтессы в одном из

интервью о том, что ее «Китайское путешествие» – «это как бы путешествие в Рай, в некое эдемское состояние» [8. С. 143].

Следовательно, организованное сообразно эстетическим принципам древнекитайской живописи, пространство «Китая» Седаковой содержит в том числе признаки дантовского загробья – главным образом Чистилища и в некоторой степени Рая. Эти пространства, представляя два разных духовных измерения, не вступают друг с другом в противоречие, а, напротив, сливаются. Так, некоторые образы цикла сконструированы путем синтеза даосской философии и теологии Данте. Например, это образ пруда из 2-го стихотворения. Слова, с которыми пруд обращается к лирической героине – «были бы у меня руки и голос, как бы я любил тебя, как лелеял...» [14. С. 280] – не только отсылают к философии даосизма, согласно которой вода является воплощением Дао, а Дао, в свою очередь, присуще такое свойство, как нежность, но и вызывают ассоциацию с образом «бесконечной милости», которую описывает встретившийся Данте в Чистилище король Манфред, объясняя, почему он, грешник, покаявшись, получил возможность очиститься (на этот образ, теряющийся в переводе М. Лозинского, указывает сама Седакова): «Ужасны были мои грехи; / но у бесконечной милости такие огромные руки, / что она берет (принимает) то, что к ней обращается» [32. С. 11]. Комментируя его, Седакова пишет: «...для итальянского *braccio* по-русски трудно подобрать соответствие. Буквально это рука от кисти до плеча: но “огромные руки” имеют здесь в виду широту объятия, в которые они могут заключить все, *abbracciare* – или же силу и глубину рук, которые могут взять (наподобие того, как берут на руки младенца) все, что к ней (к бесконечной милости) обратится. <...> Вся странность и затрудненность дантовского выражения по-настоящему передает, как немислима для человеческого разума, как ничем не ограничена и невероятно открыта сила этой милости» [32. С. 11]. Слияние в рамках одного образа отсылок к даосской категории нежности, присущей Дао, и к значимой для Данте христианской категории милости, описывающей Бога, указывает на поиск Седаковой точек соприкосновения разных духовных систем. Размышления Седаковой о свойствах божественного у Данте свидетельствуют о том, что созвучие категорий нежности и милости – это не единственное основание для сближения двух сакральных начал. В своих комментариях к переводу «Комедии» она останавливается на таком свойстве, как глубина: «“В его глубине (глубине вечного света) я видел, как углубляется (обретает глубину, становится глубоким), / переплетенное любовью в один том/ то, что рассыпано на листы по вселенной” (PAR. XXXIII, 85–87). Ср. очень удачный перевод этой терцины у М.Л. Лозинского. <...> Правда, из двух смысловых мотивов оригинала здесь сохранен только один. <...> Вторым мотивом, мотивом глубины <...> пришлось пожертвовать» [32. С. 15]. Глубина, как мы уже отмечали ранее, присуща и Дао, что нашло отражение в образах «нежной глубины» и «глубокой нежности» из 11-го стихотворения цикла. Мы не можем утверждать, что эти образы отсылают также и к

«сокровенной глубине» «Вышнего Света» у Данте [30. С. 477–478], но, основываясь на приведенных ранее размышлениях Седаковой о «Божественной комедии», мы можем предположить, что эта «таинственная переключка» «сквозь времена и страны» между даосским и христианским представлениями об Абсолютном не ускользнула от ее внимания, обусловив тот набор свойств Дао, которые были перенесены поэтессой на образ божественного начала в ее цикле.

Во вступлении мы отмечали, что видение связи между разными культурными явлениями, будучи в определенной степени приметой времени, а точнее, той интеллектуальной среды, которой принадлежала Ольга Седакова, определило ее собственную творческую позицию. В своих размышлениях она неоднократно указывает на эту связь, объясняя ее наличием общего «месторождения» смыслов – «целомудренной бездны», которая, являясь «областью общения», открывается человеку в момент озарения, в том числе озарения творческого [25. С. 138–139]. В качестве подтверждения этой мысли Седакова ссылается на других поэтов, в том или ином виде касавшихся указанной темы. К ним относится и Данте, в чьей поэме мысль о том, что все связано со всем изначально – в глубине вечного света, и что это можно постичь посредством поэтического озарения, находит не только идейное, но и формальное выражение. Ад у Данте представлен как «жестокое море», Чистилище – как «лучшие воды» и Рай – как «высокая соль» [32. С. 47], и по этим водам следует «кораблик гения» Данте, достигая сокровенной глубины, где «любовь как в книгу некую сплела то, что разлито по всей вселенной» [30. С. 477]. Обращаясь к распространенному тропу античной и средневековой литературы – сравнению повествования с плаванием, поэт развивает его, привнося дополнительные смыслы: получается, что по потустороннему миру героя Данте переносит его вдохновение, устремленное к «глуби сокровенной» (ср. с «целомудренной бездной» у Седаковой). Находясь в поиске не только примеров, подтверждающих ее взгляды на природу творчества и шире – культуры, но и языка, поэтических форм, способных эти взгляды передать, Седакова перенимает метафору плавания, заимствуя вместе с ней и дантовский образ «корабля вдохновения» (этот образ появляется в 17-м, предпоследнем стихотворении цикла, посвященного силе творческого озарения, способного проложить связь между «сушей» и «нашей душой», иными словами, физическим и духовным миром).

Подводя итоги рассуждениям о различных художественных «языках», наполняющих поэтический цикл Седаковой игрой многочисленных значений, отметим, что и «китайский» код, и код «травелога», и производные от них коды древнекитайской философии и живописи, и «дантовский» код, далеко не исчерпывая множественную парадигму кодов цикла, обнажают его основные семантические узлы, позволяя прояснить не только отдельные участки текста, отличающиеся особым смысловым напряжением, но и проблематику произведения, коррелирующую с темами, которые волнуют Седакову как мыслителя, –

соприсутствие материального и духовного мира, поэтическое вдохновение как один из способов перехода между ними и в то же время как доказательство наличия «целомудренной бездны», символического пространства, которое, будучи «областью общения», проясняет наличие связей между явлениями разного культурного порядка. В стремлении говорить на эти темы не только посредством необразного, дискурсивного языка, но и языка поэзии, Седакова обращается к разнообразным приемам: имитации техник древне-

китайской живописи, стремившейся запечатлеть незримое Дао, имплицитной опоры на загробное путешествие дантовского героя, соединению в одной художественной плоскости образов, которые, принадлежа к разным семантическим системам, тем не менее переключаются друг с другом, работе с идейно связанными между собой интертекстами. Формально усложняя произведение поэтессы, с одной стороны, с другой – эти приемы оказываются ключами к пониманию его сути.

Примечания

- ¹ Поскольку границы понятия «травелог» довольно подвижны, о чем можно судить и по статьям, посвященным литературе путешествий, и по работам, касающимся цикла О.А. Седаковой, мы вынуждены оговорить то, в каком значении это понятие применяется в статье. Несмотря на то что исследователь «Китайского путешествия» Марта Келли утверждает, что «цикл [Седаковой] совсем не травелог: это воображаемое путешествие» [4. С. 130], противопоставляя таким образом первое и второе понятие, мы считаем оправданным использование этого термина по отношению к исследуемому циклу, отталкиваясь от интерпретации литературоведа О.В. Мамуркиной, специализирующейся на изучении литературы путешествий. В своей статье «Травелог в русской литературной традиции: стратегия текстопорождения» исследователь не оперирует указанными понятиями как взаимоисключающими, убедительно доказывая, что термин «травелог» применим «к обширному корпусу текстов, описывающих реальное или вымышленное перемещение в пространстве» [12. С. 110].
- ² Понятие «китайский текст» используется в статье в значении, предложенном исследователями Б.В. Кондаковым и А.А. Краснояровой [13].
- ³ Поскольку в своих воспоминаниях о той гуманитарной среде, частью которой она была, О.А. Седакова упоминает А.М. Пятигорского [8. С. 324, 607], занимавшегося философской традицией древних цивилизаций, в том числе и Китая, мы сочли целесообразным при анализе роли «Дао дэ цзин» в семантике цикла сослаться на его беседы о даосизме, которые, будучи датированы 1974 г. [16. С. 56], вполне могли задать вектор восприятия этого трактата поэтессой и сформировать комплекс представлений о Дао, нашедший отражение в ее цикле.
- ⁴ Об этом можно судить по содержанию четвертого параграфа «Дао дэ цзин», к которому эта цитата отсылает [15. С. 20].
- ⁵ Описание сюжетов и образцы рисунков можно посмотреть в книге Е.В. Завадской «Эстетические проблемы живописи старого Китая» [18].
- ⁶ В самом раннем издании «Китайского путешествия» (1990) [21] цикл датируется 1980 г. Однако, поскольку в последующем издании (1994) [14], явно согласованном – судя по оформлению – с автором, указан 1986 г., ориентироваться стоит именно на эту дату.
- ⁷ К примеру, изыскания исследователя Вяч.Вс. Иванова, бывшего научным руководителем О.А. Седаковой в университете [22. С. 424–470].
- ⁸ Среди них исследование «Эстетические проблемы живописи старого Китая» [18], на которое мы ссылаемся в данной статье.
- ⁹ 29 мая 2003 г. в Храме Космы и Дамиана в Шубине прошла выставка, приуроченная к вечеру памяти Е.В. Завадской. В экспозиции были представлены репродуцированные материалы книг исследователя, ее воспоминания об отце А. Мене, воспоминания о самой Е.В. Завадской ее современников, посвященная ей живописная серия (автор выставки – А. Киракосов). С материалами выставки можно ознакомиться, перейдя по ссылкам, указанным на сайте, посвященном ей [23].
- ¹⁰ Любопытно, что 12-е стихотворение, в котором сначала утверждается божественная природа человека, затем – его ничтожность, а после – вновь божественная суть, структурно рифмуется со строками «я царь – я раб – я червь – я бог» из стихотворения Г.Р. Державина «Бог».
- ¹¹ Об этом можно судить по количеству статей О.А. Седаковой, посвященных Данте (см., например, цикл статей в ее «Переводах» [31. С. 169–220] и отдельные статьи в других томах собрания сочинений [25. С. 127–140; 26. С. 310–321 и др.]), а также по вышедшему не так давно комментарию О.А. Седаковой к переводу «Божественной комедии» [32]. Последний позволяет увидеть еще больше параллелей между «Китайским путешествием» и поэмой Данте, ускользающих при опоре исключительно на перевод поэмы М. Лозинского, поскольку ряд образов, оставивших след в творческой памяти Седаковой, присутствует в оригинальном издании, с которым, собственно, и работала поэтесса, а не в переводном.

Список источников

1. Черныш Н. Путешествие Ольги Седаковой по «Книге перемен» // Ольга Седакова: стихи, смыслы, прочтения. Сборник научных статей. М.: НЛЮ, 2016. С. 266–286.
2. Медведева Н.Г. Образ Китая в русской поэтической традиции (Н. Гумилёв, О. Седакова, И. Бродский) // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2008. Вып. 1. С. 53–72.
3. Жолковский А.К. «Неужели...?» (Ольга Седакова, «Китайское путешествие»), 13 // Звезда. 2007. № 11. С. 180–190.
4. Келли М. Искусство перемен: адаптация и апофатическая традиция в «Китайском путешествии» Ольги Седаковой // Ольга Седакова: стихи, смыслы, прочтения. Сборник научных статей. М.: НЛЮ, 2016. С. 120–142.
5. Медведева Н.Г. «Тайные стихи» Ольги Седаковой. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2013. 267 с.
6. Шмитт А. Б. Функция концептов ВОСТОК и ЗАПАД в поэзии Ольги Седаковой и Елены Шварц // Критика и семиотика. 2019. № 1. С. 93–107.
7. Седакова О.А. Другая поэзия // НЛЮ. 1997. № 3. С. 233–242.
8. Седакова О. Вещество человечности: Интервью 1990–2018 / сост. Ю. Подлубнова. 2-е изд. М.: Нов. лит. обозрение, 2020. 648 с.
9. Гальперина А., Седакова О. Ольга Седакова: «Не хочу успеха и не боюсь провала» // Правмир. 26.12.2014. URL: <https://www.pravmir.ru/olga-sedakova-ne-xochu-uspeha-i-ne-boyus-provala/>?ysclid=ls0a5r1y4h930596422 (дата обращения: 30.01.2024).

10. Седакова О.А. «Вечные сны, как образчики крови...». О Юрии Михайловиче Лотмане и структурной школе в контексте культуры 70-х гг. // Лотмановский сборник. М. : ИЦ-Гарант, 1995. С. 260–265.
11. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Л. : Просвещение, 1972.
12. Мамуркина О.В. Travelog в русской литературной традиции: стратегия текстопорождения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 9–2 (27). С. 110–113.
13. Кондаков Б.В., Красноярова А.А. Китайский текст и китайский контекст в русской литературе XIX века (к постановке проблемы) // Евразийский гуманитарный журнал. 2017. № 2. С. 123–127.
14. Седакова О. Стихи. М. : Гнозис; CarteBlanche, 1994. 384 с.
15. Дао дэ цзин / пер. и прим. Ян Хин-Шуна. СПб. : Азбука; Азбука-Аттикус, 2020. 144 с.
16. Пятигорский А.М. Свободный философ Пятигорский : в 2 т. / науч. ред. А. Марков. М. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2015. Т. 1. 320 с.
17. Мегрелишвили К. Топография «иной местности» в творчестве Ольги Седаковой // Ольга Седакова: стихи, смыслы, прочтения. Сборник научных статей. М. : НЛО, 2016. С. 287–308.
18. Завадская Е.В. Эстетические проблемы живописи старого Китая. М. : Искусство, 1975. 440 с.
19. Кольмагин Б. Китайские мотивы в поэзии андеграунда // НЛО. 2015. № 5. С. 268–278.
20. Седакова О. «Я учила языки, чтобы читать в оригинале любимых авторов...»: первая беседа с Ольгой Седаковой на радио «Орфей» в программе «Нездешние вечера», эфир от 1 марта 2015 года. URL: <https://orpheusradio.ru/programs/nezdeshnie-vechera/2015-03-01/13371-olga-sedakova-uchila-yazyki-chtoby-chitat-v-originale-lyubimykh-avtorov>
21. Седакова О. Китайское путешествие. Стеллы и надписи. Старые песни. М. : CarteBlanche / Литературное приложение к журналу «Зодиак», 1990. 80 с.
22. Иванов Вяч.Вс. Темы и стили Востока в поэзии Запада // Восточные мотивы. Стихотворения и поэмы. М. : Наука, 1985. С. 424–470.
23. Выставка памяти Евгении Владимировны Завадской. URL: www.damian.ru/Zavadskaja1/zavadskaja.html (дата обращения: 30.01.2024).
24. Паллофф Б. Если это не сад: Ольга Седакова и незавершенная работа творения // Ольга Седакова: стихи, смыслы, прочтения. Сборник научных статей. М. : НЛО, 2016. С. 327–344.
25. Седакова О.А. Poetica. Четыре тома. Т. III: Poetica. М. : Русский Фонд Содействия Образованию и науке, 2010. 584 с.
26. Пастернак Б.Л. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2. М. : Худож. лит., 1989. 703 с.
27. Седакова О.А. Четыре тома. Т. IV: Moralia. М. : Русский Фонд Содействия Образованию и науке, 2010. 864 с.
28. Седакова О.А. «И жизни новизна...». О христианстве Пастернака // По ком звонит колокол: сетевой миссионерско-просветительский журнал. 06.09.2011. URL: <https://www.mgarsky-monastery.org/kolokol/2473> (дата обращения: 30.01.2024).
29. Пастернак Б.Л. Собрание сочинений в пяти томах. М. : Худож. лит., 1990. Т. 3. 734 с.
30. Алигери Д. Божественная комедия / пер. с ит. М. Лозинского. Пермь : Перм. книга, 1994. 479 с.
31. Седакова О.А. Четыре тома. Т. II: Переводы. М. : Русский Фонд Содействия Образованию и науке, 2010. 576 с.
32. Седакова О.А. Перевести Данте. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2020. 128 с.

References

1. Chernysh N. (2016) Puteshestvie Ol'gy Sedakovoy po "Knige Peremen" [Olga Sedakova's Journey through The Book of Changes]. In: Ol'ga Sedakova: stihy, smysly, prochteniya. Sbornik nauchnykh statei [Olga Sedakova: poems, meanings, readings. Collection of scientific articles]. Moscow: NLO. pp. 266–286.
2. Medvedeva N.G. (2008) Obraz Kytaya v russkoy poeticheskoy traditsii (N. Gumilev, O. Sedakova, I. Brodsky) [The image of China in Russian poetic tradition (N. Gumilev, O. Sedakova, J. Brodsky)]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser.: Istoria i philologia. 1. pp. 53–72.
3. Zholkovsky A.K. (2007) "Neuzhely...?" (Ol'ga Sedakova, "Kitayskoye puteshestvie", 13) ["Will we really part...?" (Olga Sedakova, The Chinese Travelogue, 13)"]. Zvezda. 11. pp. 180–190.
4. Kelly M. (2016) Iskusstvo peremen: adaptatziya i apofaticheskaya traditziya v Kitayskom puteshestvie Ol'gi Sedakovoy [The Art of Change: Adaptation and the Apophatic Tradition in Sedakova's Chinese Journey]. In: Ol'ga Sedakova: stihy, smysly, prochteniya. Sbornik nauchnykh statei [Olga Sedakova: poems, meanings, readings. Collection of scientific articles]. Moscow: NLO. pp. 120–142.
5. Medvedeva N.G. (2013) "Tayniye stikhi Ol'gi Sedakovoy" ["Secret poems" by Olga Sedakova]. Izhevsk: Udmurt State university.
6. Schmitt A.B. (2019) Funktziya conceptov VOSTOK i ZAPAD v poezii Ol'gi Sedakovoy i Eleny Schwartz [The function of the concepts EAST and WEST in the poetry of Olga Sedakova and Elena Schwartz]. Kritika i semiotika. 1. pp. 93–107.
7. Sedakova O. A. (1997) Drugaya poezia [The Other Poetry]. NLO. 3. pp. 233–242.
8. Sedakova O. A. (2020) Veshchestvo chelovechnosti: Interv'iu 1990–2018 [The essence of Humanity: Interviews 1990 to 2018]. 2nd edition. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
9. Galperina A., Sedakova O. (2014) Ol'ga Sedakova: "Ne hochu uspeha i ne boyus' provala" [Olga Sedakova: I don't want success and I am not afraid of failure]. Pravmir. 12/ 26/ 2014. [Online] Available from: <https://www.pravmir.ru/olga-sedakova-ne-xochu-uspeha-i-ne-boyus-provala/?ysclid=ls0a5riy4h930596422> (Accessed: 30. 01. 2024).
10. Sedakova O. A. (1995) "Vechniye sny kak obrazchiki krvi...". O Yurii Mikhailoviche Lotmane i strukturnoy shkole v konteste kultury 70-h gg. ["Eternal dreams, as blood samples...": On Yuri Mikhailovich Lotman and the structural school in the context of the culture of the '70s.]. Lotmanovskiy sbornik [Lotman Collection]. Moscow: Iz-Garant.
11. Lotman Y.M. (1972) Analiz poeticheskogo teksta [Analysis of the poetic text]. Leningrad: publishing house "Prosveshchenie".
12. Mамуркина О.В. (2013) Travelog v russkoy literaturnoy traditsii: strategiya textoporozhdeniya [Travelogue in Russian literary tradition: strategy of text production]. Filologicheskiye nauki. Voprosi Teorii i Praktiki. №9–2 (27). pp. 110–113.
13. Kondakov B.V., Krasnoyarova A.A. Kitayskiy tekst i kitayskiy kontekst v russkoy literature XIX veka (k postanovke problemy) [The Chinese text and context in Russian literature if the 19th century: towards the formulation of the problem]. Evraziyskiy gumanitarniy zhurnal. 2017. 2. pp. 123–127.
14. Sedakova O.A. (1994) Stikhi [Poems]. Moscow: Gnosis, Carte Blanche.
15. Dao de tzin [Tao Te Ching]. (2020) Translation and notes by Yang Hing-Shun. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus.
16. Pyatigorskiy A. M. (2015) Svobodniy filosof Pyatigorskiy: v 2-h tomakh [Free philosopher Pyatigorskiy: in 2 volumes]. Moscow: Ivan Limbach Publishing House. Vol.1.
17. Megrelishvili K. (2016) Topographia inoy mestnosti v tvorchestve Ol'gi Sedakovoy [The Topography of the Other World in Olga Sedakova's Poetics]. In: Ol'ga Sedakova: stihy, smysly, prochteniya. Sbornik nauchnykh statei [Olga Sedakova: poems, meanings, readings. Collection of scientific articles]. Moscow: NLO. pp. 287–308.
18. Zavadskaya E.V. (1975). Esteticheskiye problemy zhivopisi starogo Kitaya [Aesthetic problems of painting in Old China]. Moscow: Iskusstvo.
19. Kolymagin B. (2015) Kitayskiye motivy v poezii undergrounda [Chinese motifs in underground poetry]. NLO. 5.
20. Sedakova O.A (2015). "Ya uchila yaziki, chtiby chitat' v originale lubimih avtorov...": pervaya beseda s Ol'goy Sedakovoy na radio "Orfey" v programme "Nezdeshniye vechera" ["I learned languages in order to read my favorite authors in original...": the first conversation with Olga

- Sedakova on radio “Orpheus” in the program “Unearthly Evenings”, 03/ 01/ 2015. [Online] Available from: <https://orpheusradio.ru/programs/nezdeshnie-vechera/2015-03-01/13371-olga-sedakova-uchila-yazyki-chtoby-chitat-v-originale-lyubimyykh-avtorov> (Accessed: 30. 01. 2024).
21. Sedakova O.A. (1990). Kitayskoye puteshestvie. Stelli i nadpisi. Stariye pesni. [The Chinese travelogue. Stellae and Inscriptions. Old Songs]. Moscow: Carte Blanche.
 22. Ivanov Vyach. Vs. (1985) Temy i stili Vostoka v poezii Zapada [Themes and styles of the East in the poetry of the West]. In: Vostochniye motivy. Stikhotvoreniya i poemi [Eastern motives. Poems]. Moscow: Nauka, 1985. pp. 424–470.
 23. Vystavka pamyaty Evgeniyi Vladimirovni Zavadskoy [The Exhibition in memory of Evgenia Vladimirovna Zavadskaya]. [Online] Available from: www.damian.ru/Zavadskaia1/zavadskaia.html (Accessed: 30. 01. 2024).
 24. Paloff B. Esli eto ne sad: Ol'ga Sedakova i nezavershennaya rabota tvoreniya [If This is Not a Garden: Olga Sedakova and the Unfinished Work of Creation]. In: Ol'ga Sedakova: stihi, smysly, prochteniya. Sbornik nauchnykh statei [Olga Sedakova: poems, meanings, readings. Collection of scientific articles]. Moscow: NLO. pp. 327–344.
 25. Sedakova O.A. (2010) Chetyre toma. Tom III. Poetica. [Four volumes. Vol. III. Poetica]. Moscow: Russian Foundation for Assistance to Education and Science.
 26. Pasternak B.L. (1989). Sobraniye sochineniy v pyaty tomakh. T.2 [Collected works in five vols. Vol.2]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
 27. Sedakova O.A. (2010) Chetyre toma. Tom IV. Moralia. [Four volumes. Vol. IV. Moralia]. Moscow: Russian Foundation for Assistance to Education and Science.
 28. Sedakova O.A. (2011). “I zhizni novizna...” O christianstve Pasternaka [“And newness of life...” About Pasternak’s Christianity]. Po kom zvonit kolokol: setevoy missionersko-prosvetitel'skiy zhurnal. 09/ 06/ 2011. [Online] Available from: <https://www.mgarsky-monastery.org/kolokol/2473> (Accessed: 30. 01. 2024).
 29. Pasternak B.L. (1990). Sobraniye sochineniy v pyaty tomakh. T.3 [Collected works in five vols. Vol.3]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
 30. Alighieri D. (1994) Bozhestvennaya komidia [Divine Comedy]. Translated by M. Lozinsky. Perm: Perm Book.
 31. Sedakova O.A. (2010) Chetyre toma. Tom II. Perevody. [Four volumes. Vol. II. Translations]. Moscow: Russian Foundation for Assistance to Education and Science.
 32. Sedakova O.A. (2020) Perevesti Dante [To Translate Dante]. St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House.

Информация об авторе:

Ганем В.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: valeria.ganem@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.A. Ghanem, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: valeria.ganem@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.02.2024;
одобрена после рецензирования 21.02.2024; принята к публикации 30.06.2024.*

*The article was submitted 15.02.2024;
approved after reviewing 21.02.2024; accepted for publication 30.06.2024.*

Научная статья
УДК 130.2+908
doi: 10.17223/15617793/503/8

Вопросы экологии историко-культурных пространств Нижнего Новгорода в контексте литературного краеведения

Роман Александрович Гоголев¹

¹ *Институт мировой литературы Российской академии наук, Москва, Россия, fanariot@yandex.ru*

Аннотация. Исследуется становление нижегородского литературного краеведения и его влияние на экосистему городской культурной среды. Особое внимание уделено вкладу А.Н. Свободова и Литературного музея им. М. Горького в процесс формирования новой, «сакральной», географии города. Деятельность краеведов гармонизировала процесс трансформации городской идентичности от «кармана России» к «русскому Детройту» и отчасти предопределила формат новой агломерации, получившей наименование «город Горький».

Ключевые слова: культурология, литературное краеведение, экология культуры, Нижний Новгород, город Горький, А.М. Горький, А.Н. Свободов, А.И. Елисеев

Для цитирования: Гоголев Р.А. Вопросы экологии историко-культурных пространств Нижнего Новгорода в контексте литературного краеведения // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 503. С. 88–93. doi: 10.17223/15617793/503/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/503/8

Issues of the ecology of historical and cultural territories of Nizhny Novgorod in the context of the formation of literary regional studies

Roman A. Gogolev¹

¹ *Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, fanariot@yandex.ru*

Abstract. The article examines the formation of Nizhny Novgorod literary regionalism and its impact on the ecosystem of the urban cultural environment of the late 19th – early 20th centuries. The author considers that a distinctive feature of the 1920s, when the methodological base of local history was strengthened, is the presence of not only a large number of local history enthusiasts, but also a state order. Particular attention is paid to the contribution of Aleksandr Svobodov and the Gorky Literary Museum in Nizhny Novgorod to the forming of the city’s new sacral toponymy. The work of local historians not only harmonized the transformation of the urban identity from a “pocket of Russia” to a “Russian Detroit”, but also partly predetermined the format of the new agglomeration, which was named Gorky. The repression of the local history movement in the USSR in 1929–1930 halted and in some ways reversed the incorporation of the older generation of intellectuals, who were initially cautious of the new government, into the socialist society they were building. Their spontaneous rapprochement, against the background of a shared interest with the proletariat in the history and culture of the local area, collapsed as the authorities did not plan to tolerate the prospect of the old “specialists” returning to the leading positions in society. Literary local history, which served as a means of harmonizing relationships between different societies, made an attempt to form a new mass urban culture in the 1920s through scientific research and the creation of a system of specialized institutions (libraries, museums, local history associations, and excursion bureaus). This process was supported by the parallel distribution of free multi-stage education, including in the field of art – music and art schools and colleges. With the advent of the first proper Soviet generation of cultural workers, the involvement of “old specialists” in cultural construction was stopped, and many of them were repressed. The inertia of the local history movement turned out to be small: the second half of the 1930s was marked by the destruction of many objects of cultural heritage. The spontaneous destruction of estates in the early years of Soviet power was replaced by a policy of targeted destruction of architectural monuments of ancient Russian (primarily church) art, necropolises, renaming of historical streets and entire settlements. From the late 1920s to the 1950s, literary regionalism survived largely thanks to the personality of Maxim Gorky. Only by referring to the Nizhny Novgorod period of the writer’s biography (1868–1904) researchers gained relative freedom and were not suspected of being disloyal to the existing political regime. Currently, one of the significant resources of literary local history – the urban development of the historical center of the city and Old Kanavino – is on the verge of extinction. This can be prevented by giving Nizhny Novgorod the status of a historical settlement.

Keywords: literary regional studies, ecology of culture, Nizhny Novgorod, Gorky city, Aleksandr Svobodov, Aleksey Eliseev

For citation: Gogolev, R.A. (2024) Issues of the ecology of historical and cultural territories of Nizhny Novgorod in the context of the formation of literary regional studies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 503. pp. 88–93. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/503/8

Экология есть благополучие окружающего пространства, она может быть плохая и благоприятная. Она оценивает среду в комплексе и взаимосвязи частей. Это критерий, по которому определяется мир и место в нем человека, его дом. Экологию можно рассматривать как многоуровневое понятие, которое описывает как взаимодействие человека с окружающей природой, так и последовательность, цельность его мировоззрения. Человек непрерывно созидает вокруг себя культуру, словно улитка раковину. Эта «раковина» предохраняет человека, служа ему надежным убежищем в непрестанно меняющемся мире, в ней накапливается опыт поколений, под ее защитой создаются условия для новаций и экспериментов, а также эффективно транслируется опыт поколений.

Подобно тому как состояние природы во многом зависит от господствующих мировоззренческих установок общества, культурная среда тоже может быть благоприятной или нет, а значит, тоже имеет свою экологию. О необходимости сохранения особого типа восприятия среды обитания как составляющей культурной идентичности писал М. Хайдеггер. У немецкого мыслителя этот тезис тесно связан с концепцией дома бытия. «Вот мой мир – мир, в котором я тружусь, если смотреть на него созерцательным взором гостя и отпускника. Я же, собственно, никогда не рассматриваю этот ландшафт. Я постигаю его в опыте жизни: ежечасно, денно и ночью плавает он в великих волнах времен года. <...> И все это не в особо избранные мгновения сознательного сосредоточения, нарочитого вчувствования, а только тогда, когда свое собственное существование – внутри своего труда, в нем. Только труд разверзает просторы, в какие вступает действительность этих гор. Черета трудов до конца погружена в ландшафт, в его совершающееся пребывание» [1. С. 218].

Таким образом, можно говорить об экологии культуры. Экология культуры – понятие, характеризующее сбалансированность окружающей социальной среды, в которой создается определенное соотношение между космосом и хаосом, новацией и традицией, исторической памятью и творческой спонтанностью. Установление гармонии между культурой, социально-экономической реальностью и природой создает пространство устойчивого развития общества.

Глобальный конфликт между цивилизацией и культурой тоже имеет свое экологическое измерение, его отметили классики европейской науки еще более века назад. Особую остроту он приобретает в городе, где необходимость индустриализации и информатизации, а также высокая социальная мобильность, казалось бы, противостоят традициям и сложившимся историко-культурным пространствам.

На протяжении столетий именно идеология города с его необходимостью оставаться современным и быть открытым будущему оправдывала уничтожение объектов историко-культурного наследия, однако сегодня

вопросы экологии культуры стоят не менее остро, чем вопросы экологии окружающей среды. Если принять во внимание, что и природа, и культура являются домом человека – первая как биологического существа, вторая как духовного и мыслящего, то забота об их экологии – вопрос выживания. В конце концов, ответственное отношение к дому тоже есть вопрос внутренней культуры.

С конца XVIII в. преобладающей формой бытования культуры в российской провинции становится усадьба. В Нижнем Новгороде значительный след в истории оставили как дворянские усадьбы (князей Грузинских, Трубецких, Бестужевых-Рюминых), так и усадьбы купцов-промышленников Зевеке, Рукавишниковых, Бурмистровых. При всей различности дворянской и купеческой усадьбы с точки зрения повседневного уклада они служили, по выражению А. Трубникова, «интеллектуальными теплицами», в которых вырастали поколения творцов культуры. Позднее очагами культуры становились особняки именитых горожан, в которых открывались литературные и музыкальные салоны, происходили яркие и знаменательные события.

С учреждением губернской гимназии и переносом в Нижний Новгород в первой трети XIX в. Макарьевской ярмарки создаются предпосылки к тому, что город становится местом возникновения новых культурных связей и событий. Н.К. Пиксанов назвал это явление культурным гнездом, вкладывая в это понятие не просто механическую совокупность явлений, но их «органическое слияние» между собой, когда создается определенная экосистема культуры. Культурное гнездо в точном смысле должно обладать тремя постоянными признаками: «определенный круг деятелей, постоянная деятельность и выдвигание питомцев». Характеризуя ситуацию возникновения культурных гнезд, Пиксанов отмечает, что отнюдь не всегда это было связано с инициативами властей или распространением гражданских свобод: «У нас не только и не столько политическая независимость, сколько хозяйственная жизнь создавала культурные гнезда или их разоряла. Поэтому открытие железной дороги, новых промыслов или фабрик могло в корне изменить культурную жизнь данной местности. Пароходство по Оке и Волге, всероссийская ярмарка и Сормовские заводы дали в XIX в. мощностное Нижнему и без политической независимости» [2. С. 63, 19]. Вопрос изучения культурных гнезд подразумевает не только знакомство с произведениями авторов, но и с той средой, в которой они возникли.

По справедливому замечанию филолога и педагога А.Н. Свободова (1884–1950), нижегородское культурное гнездо при всем его многоцветном разнообразии в первую очередь гнездо литературное. Именно литературные явления служат ключом к пониманию нижегородских культурных реалий в целом. Изучением этих процессов занимается литературное краеведение. Его

основная интенция состоит в том, чтобы приоткрыть тайну литературного творчества, показать, как работа гения претворяет действительность в художественный образ. Для этого необходимо глубокое знание и понимание реальности, выступающей источником вдохновения и материалом для творчества. Как наставлял Гете, для понимания поэта необходимо отправиться на родину поэта.

У истоков литературного краеведения в Нижнем Новгороде стоял чиновник особых поручений при губернаторе А.П. Мельников (1855–1930) – сын писателя П.И. Мельникова-Печерского, известного знатока русской истории и культуры. Именно он – А.П. Мельников – связал литературную легенду о невидимом граде Китеже из романа отца «В лесах» с реально существующим озером Светлояр близ села Владимирского Семеновского уезда Нижегородской губернии. По экскурсионному маршруту Мельникова из Нижнего к озеру в последние десятилетия XIX в. и вплоть до революции совершали паломничества выдающиеся представители творческой интеллигенции – В.Г. Короленко, К.А. Коровин, М.В. Нестеров, С.Н. Булгаков, С.Н. Дурьлин и многие другие. Благодаря этим поездкам «китежская легенда», пришедшая в литературу из преданий маргинальной группы старообрядцев-бегунов, получила глубокую рецепцию в «большом тексте» русской культуры. Таким образом, именно А.П. Мельников не только помог заглянуть в творческую лабораторию своего отца, но и связал повествование с определенным локусом, обладающим уникальным ландшафтом и легендарной историей¹.

В конце XX в. Светлояр получил статус памятника природы федерального значения, что позволяет поддерживать в неизменном виде сложившуюся культурно-экологическую среду этого места и помогает обеспечивать рецепцию китежской легенды сегодня.

С момента своей организации в 1887 г. значительную поддержку краеведческой работе оказывала Нижегородская губернская ученая архивная комиссия (НГУАК), которая провела не только осязаемую исследовательскую работу, но и сформировала растущий общественный интерес к прошлому края. Среди печатных работ комиссии, которые можно считать вкладом в литературное краеведение, выделяются «Сборник в память П.И. Мельникова (Андрея Печерского)» [5] и словарь писателей-нижегородцев, составленный В.Е. Чехихиным «Люди Нижегородского Поволжья» [6].

После двух революций и Гражданской войны политический и культурный ландшафт существенно изменился. Прежние центры культуры, которые отвечали за формирование и жизнедеятельность культурных гнезд, потеряли свое значение – были национализированы усадьбы, купечество лишилось своих особняков, исчезли частные издательства, отошли в прошлое литературные салоны и их почитатели. Новыми точками консолидации творческой интеллигенции становятся высшие учебные заведения, общественные объединения литераторов в журналистов. Эпоха 1920-х гг. стала временем настоящего расцвета краеведения, которое

носило характер общественного движения, охватившего всю страну. Так, А.В. Луначарский считал краеведение элементом «развития национального самосознания», в котором широкие слои общества непосредственно осваивают страну и ее историю. Видные ученые – филолог С.Ф. Ольденбург, геолог А.Е. Ферсман, лингвист Н.Я. Марр, историк С.Ф. Платонов – активно участвовали в краеведческих мероприятиях и изданиях. Деятельность региональных ячеек координировалась созданным в 1922 г. Центральным бюро краеведения (ЦБК) – общественной организацией, при Академии наук. Движение это не насаждалось сверху, напротив, оно привело к стихийному сближению интеллигентов старшего поколения с советской властью в общей заинтересованности в сохранении культурного наследия. Прикладной задачей этого процесса, более понятной представителям пролетариата, являлся сбор естественно-научных сведений, которые могут быть использованы для создания новых производств и отраслей народного хозяйства. Эта конвергенция представителей разных слоев общества вела к повышению влияния старой интеллигенции на рабочий класс. М. Горький в письме увлеченному движением рабочему проповедует: «...краеведение – дело, значение которого не может быть преувеличено. Мы должны знать нашу землю всю, до последнего атома. <...> земля – наша – не только, как то, на чем мы, люди, живем, но и как то, из чего мы созданы и из чего научились и учимся извлекать, создавать все, что нам необходимо для жизни и для творчества новых форм социального бытия» [7. С. 406]. В этом процессе постижения «земли» происходила конвергенция представителей разных слоев общества, которая приводила к сразу нескольким результатам. С одной стороны, краеведение давало теоретическую базу для спасения объектов культурного наследия прошлых столетий, которым, казалось, еще недавно было полностью отказано в праве на существование. «Краеведческое движение я называю великим потому, – писал географ В.П. Семенов-Тянь-Шанский, – что это было действительно беззаветное общее движение провинциальной интеллигенции спасать от бесчисленных в то время случайностей все многочисленные памятники культуры как в городах, так и в сельских местностях» [8. С. 117]. Перечисленные явления укрепили тенденцию к возникновению особой экосистемы культуры, в которой старое и новое (как в городских ландшафтах, так и в общественных отношениях) будут мирно сосуществовать и сотрудничать, объединенные задачей небывалого пролетарского синтеза.

Нижегородский край не остался в стороне от краеведческого движения. Напротив, пружина внутреннего запроса на глубинное постижение края была взведена до предела растерянностью горожан ввиду того, что город буквально на глазах утрачивал свою прежнюю идентичность. Революция уничтожила купеческое сословие и обрекла на гибель главный драйвер роста экономики города – Нижегородскую ярмарку. Отсутствие интенсивной хозяйственной жизни грозило угасанием Нижнему и как сложившемуся литературному гнезду.

Город нуждался в новой идентичности, новой парадигме развития. В схожей ситуации оказался и Санкт-Петербург, переименованный в 1924 г. в Ленинград: город лишился статуса столицы и исторического названия. Однако утрата этими двумя городами традиционных амплуа заставило обратиться к не менее значимой их роли – культурного и литературного гнезда. Так появляется книга Н.П. Анциферова «Петербург Достоевского» (1923) и «Литературно-культурные экскурсии по Нижнему Новгороду» А.Н. Свободова (1926).

Выпускник Московского университета, филолог А.Н. Свободов начал свою краеведческую деятельность с собирательской работы: при педагогическом факультете Нижегородского университета в 1922 г. был создан Кабинет Местного Края. В нем накапливались документы и личные вещи литераторов, связанных с городом и губернией. В ноябре 1924 г. было учреждено Нижегородское научное общество по изучению местного края (ННОИМК), куда вошли многие заметные фигуры из упраздненной в 1918 г. НГУАК. Возглавил Общество С.И. Архангельский – историк, один из разработчиков «локального метода». По определению ученого, «локальный метод предполагает сам собой, что для изучения собираются факты узкого района. Самый район может определяться людским поселением, бытованием определенной этнографической группы, административным делением, хозяйственными и географическими признаками, обособляющими район из ряда других. Такое выделение фактов узкого района предполагает их детальное исследование, их всесторонний охват исследующей мыслью. Затем уже следует введение новых установленных фактов в общий научный оборот, что обычно приводит, если новых фактов накопилось достаточно, к пересмотру старых схем и построению новых на основе вновь добытого материала» [9. С. 193–194]. При этом выделение «узкого» района предполагается по «обособляющим признакам», т.е. в определенном смысле это исследование уникально для построения общей картины исторического процесса.

Если Архангельский применял локальный метод к исследованию исторического материала, то Свободов использовал его для постижения литературных процессов. В своих экскурсиях он открывал слушателям город именно как литературное гнездо, при этом адреса и памятные места служили отправной точкой для авторского повествования. В нем биографические сведения о писателях чередовались с цитатами из художественных произведений, мемуаров и писем, раскрывались источники вдохновения и события, явившиеся питательной средой для сюжетов и образов. Свободов обращал внимание экскурсантов на то, что локальный метод позволяет лучше и точнее понять особенности литературных персонажей, их характеры и темперамент. В качестве примера он противопоставляет образы нижегородских босяков в рассказах М. Горького персонажам, созданным на основе приморских впечатлений: «Вся эта категория бывших людей – продукт уже волжских городов, главным образом нижегород-

ского Поволжья, они несколько скромнее, не так дерзостны, как ястребиный Челкаш или вольнолюбивая Мальва, несколько им уступают, как уступают волнам и штормам Черного моря волжские бури и волны» [10. Л. 10]². Маршруты составлялись таким образом, что отдельные дома и целые кварталы выступали своего рода порталами для перехода в мир литературного Нижнего и его обитателей – П.И. Мельникова-Печерского, Т.Г. Шевченко, В.И. Даля, Л.Г. Граве, Н.А. Добролюбова, В.Г. Короленко, А.Д. Мысовской, И.М. Руквишниковой, С.Я. Елпатьевского, В.Я. Кокосова, М. Горького... Успех на этом пути мог быть достигнут при сохранении градостроительного облика старого Нижнего как наглядного материала литературного краеведения и краеведения вообще. Именно поэтому даже здания и сооружения, являющиеся примерами типовой застройки, нуждались в сохранении наряду с жемчужинами архитектуры. В совокупности они образовывали живую экосистему культуры. «Основным стержнем всякой экскурсии, кроме маршрута, должны быть зрительные восприятия того или другого явления и предмета, – писал А.Н. Свободов, – а как раз литература, по своей сущности, не может быть объектом для зрительных восприятий. Экскурсировать можно не в самое литературное произведение <...> а в местность и обстановку, которая нашла свое отражение в данном произведении (и то условно), или в местность и обстановку, связанную с личностью писателя: дом, где он жил; природа местности, среди которой он рос; окружающая среда, которая влияла на него; стиль эпохи, который наложил свой отпечаток на его творчество» [11. С. 3].

Создание и запуск таких экскурсий сопряжены были с огромной предварительной исследовательской и собирательской работой. Выяснение адресов, сбор и анализ материала, написание конспекта, наконец, составление и нанесение на карту маршрута – все это требовало колоссального напряжения сил и материальных ресурсов в сравнительно непростых социально-экономических условиях. Между тем прибывающее из сельских районов в город на «стройки социализма» население – вчерашние ремесленники и крестьяне – остро нуждалось хотя бы в некоторой прививке как культуры в целом, так и освоении навыков жизни в большом городе. Эту просветительскую деятельность было необходимо осуществлять без отрыва слушателей от производственных задач. Учитывая эти обстоятельства, следует признать, что краеведы внесли существенный вклад в появление новой генерации горожан.

В 1927 г. А.Н. Свободов как активный участник ННОИМК выступил с инициативой создания в городе Литературного музея им. М. Горького. Ввиду предстоящего 60-летия писателя и развернутой властями компании по возвращении его в СССР инициатива была поддержана, и в мае 1928 г. первый в истории музей М. Горького принял первых посетителей. Изначально экспозиция располагалась в трех комнатах губернской библиотеки, но энтузиазм его создателей очень скоро привел к ошеломляющей для провинциального полуприродительского музея цифре посещаемости. Только за

первые 11 месяцев работы было проведено 87 экскурсий для 2 373 человек, а всего музеем посетили 4 013 человек [12. Л. 5]. Об этом в своих отчетах сообщает Горькому первый директор музея, ученик А.Н. Свободова А.И. Елисеев.

Неудивительно, что советская власть рассматривала учреждения культуры как опорные точки идеологического воспитания и образования. Впервые об этом заявил А.В. Луначарский на музейной конференции в Москве в феврале 1919 г., пояснив, что культурные ценности должны использоваться не только для науки, но и «в первую очередь для народного просвещения и коммунистического воспитания». Нарком просвещения особо подчеркивал, что «музеи существуют не для ученых и не для художников, мягче – не только для ученых и художников, но и для народа» [13. С. 211, 214]. В том же ключе мыслил и молодой руководитель Литературного музея. Резюмируя отчет за первый год работы, А.И. Елисеев, на тот момент выпускник филологического факультета университета, отмечает: «...самой главной задачей является превращение Музея из места, где осматривают экспонаты, в место учебы, и учебы не только организованного (в экскурсии) посетителя, но и посетителя-одиночки» [14. С. 18]. Постепенно музей открывал все новые направления деятельности – консультирование, рецензирование произведений начинающих литераторов, проведение поэтических вечеров и литературно-краеведческих собраний. В орбите этой деятельности оказались литературная группа «Натиск» и нижегородское отделение Российской ассоциации пролетарских писателей, которые проводили свои мероприятия в помещении музея. Фигура директора объединяла молодежь с представителями старшего поколения – А.А. Белозеровым, В.Н. Золотницким, А.П. Мельниковым, А.Н. Свободовым, членами правления музея. Таким образом, институционально музей сыграл свою роль в появлении нового поколения «птенцов» нижегородского литературного гнезда.

В юбилейном для писателя 1928 г. выходит новая книга А.Н. Свободова «По Горьковским местам» [15]. Схему 5 (sic!) маршрутов для экскурсий по местам, связанным с жизнью самого писателя, коллизиями сюжетов произведений и судеб их героев, составил А.И. Елисеев. Помимо очевидного предназначения – путеводителя и методички, книга имела и другие особенности. Если «Литературно-культурные экскурсии...» охватывали лишь исторический центр Нижнего, то маршруты новой книги, соединяя в цепочку горьковские адреса и продвигаясь по следам горьковских персонажей, связали воедино нагорную часть го-

рода с Канавино и Сормово. В некотором смысле Свободов и Елисеев предвосхитили на четыре года включение заречных районов в новую агломерацию города Горький. Другой особенностью книги стало завершение формирования новой «сакральной географии» города, где имя Горького венчало нижегородское литературное гнездо. Если ранее город представлял себя через Кремль, ярмарку, церковные святыни и набережную со смотровой площадкой на откосе, то теперь визионерскими усилиями двух ученых открылся незримый доселе «город литературных традиций». И Горький в нем не просто высочайшая точка их развития, но и творческий псевдоним self-made человека, сумевшего вопреки своему заурядному происхождению стать всемирно известным писателем.

Нижний Новгород перестал существовать 7 октября 1932 г. Город Горький вобрал в себя не только Нижний Новгород, но и Автозавод, Канавино, Сормово. Старый Нижний уступил место «новому Детройту», а понятие «горьковские места» приобрело дополнительное содержание. Появился новый город, который заново создал себя, соединив промышленные и рабочие районы с историческим центром в единое целое. Этому свершению, первые шаги в котором были сделаны нижегородскими литературными краеведами, не помешал и разгром ЦБК, когда многие ученые-гуманитарии оказались за решеткой или в ссылке, а само краеведческое движение было свернуто. Началось уничтожение памятников прошлого с их средой – храмов, монастырей, некрополей, чтобы навсегда разорвать связь с исторической памятью, а любые исследования и публикации о событиях прошлых веков клеймились как попытки реабилитации мешанства, пропаганды поповщины и ностальгии по отжившему прошлому.

Пришло в упадок и литературное краеведение, локальные культурные исследования были остановлены на многие годы, несмотря на эпизодические попытки А.В. Сигорского, А.И. Елисеева и А.Н. Свободова отстаивать метод и следовавших по этому пути ученых.

Сегодня в результате отсутствия последовательной градостроительной политики Нижний Новгород оказался практически на грани полной утраты объектов культурного наследия, в том числе средовой деревянной архитектуры. Литературное краеведение как текст, который складывался на экскурсиях по историческому центру, лишается отправной точки повествования и переживает эпоху трансформации. Остается надежда, что вернувший себе историческое наименование город найдет путь к новой идентичности, в синтезе которой примет участие и нижегородское литературное гнездо.

Примечания

¹ А.П. Мельников, окончивший Московское училище живописи ваяния и зодчества, был не только гидом и бытописателем, но и талантливым художником, оставившим многочисленные графические работы, в которых запечатлел заповедные места нижегородского края. Часть их была отобрана для первой провинциальной художественной выставки, которая состоялась в Нижнем Новгороде в 1886 г. В.Г. Короленко в репортаже о выставке выделил именно работы Мельникова, указав что автор «обращается с любовью и с вопросами к родной и близкой природе <...> он указывает нижегородскому художественному кружку верную дорогу. Это дорога – изучение окружающей природы, работа под ее непосредственными внушениями» [3. С. 61]. Образ Мельникова угадывается в рассказе В.Г. Короленко «Художник Альмов», где автор характеризует стенд художника на выставке как «разбитое зеркало», «материал ненаписанной картины». Данная оценка соответствует и зачаточному

состоянию литературного краеведения, и первым попыткам определить предмет изучения. «Несомненно было <...> присутствие таланта, не лишённого искренности и проникнутого какой-то особенной правдой: в каждом самом мелком наброске чувствовалась именно волжская мель, волжский воздух, волжский лапот, оброненный именно волжским бураком на волжском песке. Среди видов реки и воды попадались и другие мотивы: лесные перекрестки с чуть тронутыми вечерним солнцем верхами сосновых стволов; густые чащи с таинственным молчанием; на перекрестках – раскольничьи иконы со старыми ликами, с боковых дорожек выбегают тройки с седоками, возвращающимися из каких-нибудь лесных скитов», - делится деталями Короленко [4. С. 406].

² Текст доклада был зачитан автором на торжественном заседании Центрального бюро краеведения с участием М. Горького 12 июня 1928 г.

Список источников

1. Хайдеггер М. Творческий ландшафт: почему мы остаемся в провинции? // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет : пер. с нем. М., 1993. С. 218–221.
2. Пиксанов Н.К. Областные культурные гнезда. М.; Л., 1928. 148 с.
3. Храбровицкий А. Короленко – художественный критик // Художник. 1966. № 3. С. 59–61.
4. Короленко В.Г. Художник Алымов. Из рассказов о встречных людях // Собрание сочинений в пяти томах. Л., 1989. Т. 2. С. 380–434.
5. Нижегородская ученая архивная комиссия. Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии : сб. ст., сообщений, описей дел и документов. Т. 9: Сборник в память П.И. Мельникова (Андрея Печерского) / предисл. А. Мельникова. 1910. 660 с.
6. Люди Нижегородского Поволжья. Вып. 1. Краткий словарь писателей-нижегородцев. Н. Новгород, 1915. 50 с.
7. Горький А.М. Полное собрание сочинений. Письма в 24 томах. Т. 17. М., 2014. 870 с.
8. Анциферов Н.П. Из воспоминаний [Предисловие] // Звезда. 1989. № 4. С. 117–165.
9. Архангельский С.<И.> Локальный метод в исторической науке // Краеведение. 1927. № 2. С. 181–194.
10. Свободов А.Н. Краеведные основы в творчестве М. Горького // Архив А.М. Горького Института мировой литературы Российской академии наук (АГ ИМЛИ РАН). РАВ-бп 27-5-1.
11. Свободов А.Н. Литературно-культурные экскурсии по Нижнему Новгороду. Н. Новгород, 1926. 62 с.
12. Елисеев А.И. Письмо А.М. Горькому от 03 апреля 1930 г. // АГ ИМЛИ РАН. КГ-коу 27-22-5.
13. Зак А.Б. Речь А.В. Луначарского на конференции по делам музеев // Археографический ежегодник. 1976. М., 1977. С. 210–216.
14. Нижегородский литературный музей. Н. Новгород, 1930. 22 с.
15. Свободов А.Н. По Горьковским местам Н. Новгорода. Н. Новгород, 1928. 64 с. +1 л.

References

1. Heidegger, M. (1993) *Raboty i razmyshleniya raznykh let* [Works and Reflections of Different Years]. Translated from German. Moscow: Gnozis. pp. 218–221.
2. Pksanov, N.K. (1928) *Oblastnye kul'turnye gnezda* [Regional Cultural Nests]. Moscow; Leningrad: GIZ.
3. Khrabrovitskiy, A.V. (1966) Korolenko – khudozhestvennyy kritik [Korolenko as Art Critic]. *Khudozhnik*. 3. pp. 59–61.
4. Korolenko, V.G. (1989) *Sobranie sochineniy v pyati tomakh* [Collected Works in Five Volumes]. Vol. 2. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. pp. 380–434.
5. Nizhegorodskaya uchenaya arkhivnaya komissiya [Nizhny Novgorod Scientific Archival Commission]. (1910) *Deystviya Nizhegorodskoy gubernskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Actions of the Nizhny Novgorod Provincial Scientific Archival Commission]. Vol. 9. Nizhny Novgorod: [s.n.].
6. Cheshikhin, V.E. (ed.) (1915) *Lyudi Nizhegorodskogo Povolzh'ya* [People of the Nizhny Novgorod Volga Region]. Vol. 1. Nizhny Novgorod: [s.n.].
7. Gor'kiy, A.M. (2014) *Polnoe sobranie sochineniy. Pis'ma v 24 tomakh* [Complete Works and Letters in 24 volumes]. Vol. 17. Moscow: Nauka.
8. Antsiferov, N.P. (1989) *Iz vospominaniy [Predislovie]* [From memoirs [Preface]]. *Zvezda*. 4. pp. 117–165.
9. Arkhangel'skiy, S.<I.> (1927) Lokal'nyy metod v istoricheskoy nauke [Local method in historical science]. *Kraevedenie*. 2. pp. 181–194.
10. A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (AG IMLI RAN). RAV-bp 27-5-1. Svobodov, A.N. *Kraevednye osnovy v tvorchestve M. Gor'kogo* [Local history foundations in the works of Maxim Gorky].
11. Svobodov, A.N. (1926) *Literaturno-kul'turnye ekskursii po Nizhnemu Novgorodu* [Literary and Cultural Excursions around Nizhny Novgorod]. Nizhny Novgorod: Nizhpoligraf.
12. A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (AG IMLI RAN). KG-kou 27-22-5. Eliseev, A.I. *Pis'mo A.M. Gor'komu ot 03 aprelya 1930 g.* [Letter to Alexey M. Gorky of April 3, 1930].
13. Zaks, A.B. (1977) Rech' A.V. Lunacharskogo na konferentsii po delam muzeev [Speech by A. V. Lunacharsky at a conference on museum affairs]. In: Schmidt, S.O. (ed.) *Arkheograficheskiy ezhegodnik. 1976* [Archaeographic Yearbook. 1976]. Moscow: Nauka. pp. 210–216.
14. Anon. (1930) *Nizhegorodskiy literaturnyy muzey* [Nizhny Novgorod Literary Museum]. Nizhny Novgorod: [s.n.].
15. Svobodov, A.N. (1928) *Po Gor'kovskim mestam N. Novgoroda* [Along the Gorky Places of Nizhny Novgorod]. Nizhny Novgorod: Izdanie Torgovogo otdela Gubono.

Информация об авторе:

Гоголев Р.А. – канд. филос. наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: fanariot@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

R.A. Gogolev, Cand. Sci. (Philosophy), senior research fellow, A.M.Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: fanariot@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.10.2023;
одобрена после рецензирования 14.04.2024; принята к публикации 30.06.2024.

The article was submitted 17.10.2023;
approved after reviewing 14.04.2024; accepted for publication 30.06.2024.

Научная статья
УДК 82–2
doi: 10.17223/15617793/503/9

Конструирование вымышленного мира в киносценарии Ю.Н. Тынянова и Ю.Г. Оксмана «С.В.Д.»

Сергей Александрович Огудов¹

¹ Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, s.ogudov@gmail.com

Аннотация. Освещается проблема конструирования вымышленного мира фильма в литературном сценарии Ю.Н. Тынянова и Ю.Г. Оксмана «С.В.Д.». Автор выделяет два противоположно направленных процесса – построение и «расстройство» мира истории, прослеживая их при трансформации литературного сценария в режиссерский. Основное внимание уделено дереализации мира истории посредством графических эквивалентов слова, определяющих событийный ряд сценария.

Ключевые слова: нарратив, мир истории, литературный сценарий, режиссерский сценарий, русский формализм

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01040, <https://rscf.ru/project/23-78-01040/>

Для цитирования: Огудов С.А. Конструирование вымышленного мира в киносценарии Ю.Н. Тынянова и Ю.Г. Оксмана «С.В.Д.» // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 503. С. 94–101. doi: 10.17223/15617793/503/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/503/9

The construction of the imaginary world in the *S.V.D.* screenplay by Yuri Tynyanov and Yulian Oksman

Sergey A. Ogudov¹

¹ Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, s.ogudov@gmail.com

Abstract. The article is focused on the construction of the story world in a screenplay. Based on the works of cognitive narratologist David Herman, I consider the story world as a process and highlight two main vectors of its formation, which can be defined as worlding and unworlding the story world. The most relevant for my research is the second vector – filling the imaginary world with such contradictions that contribute to the departure from coherence and “epistemological claims to a totality” (Christiansen). The study of narration in a screenplay is relative to the problem in consideration. The screenplay text is usually written in several versions (as a rule, literary and shooting scripts are distinguished), which allows exploring the construction of the world dynamically and tracing how the script has changed on its way to the screen. The construction and derealization of the story world are discussed in the article in the context of the *S.V.D.* screenplay by Yuri Tynyanov and Yulian Oksman. Tynyanov’s work has attracted strong interest of literary and film historians in its relation to the play of sign/referent correlations and interest in the graphic form of the word and various kinds of “imaginaries”. The article offers a detailed analysis of the literary script, which is being introduced into academic context for the first time. I compare the literary script with the shooting script by film directors Grigory Kozintsev and Leonid Trauberg, which has not been previously studied, too. In addition, I turn to the production context of screenwriting, which allows us to study the changes in the story world which were dictated by the conditions of filmmaking and the requirements of the administration of film industry. In this regard, I reveal the directors’ ideas of the genre of the future production and the changes that the first version of the screenplay was subjected to. Following Barbara Wurm, I define the vector of the unworlding of the story world as the literalization of film. The abbreviation *S.V.D.*, included by Tynyanov in the title of the script, appears both in the diegesis of the future film as a graphic equivalent of the word and is present at the level of narration. However, the word is not yet personified as an imaginary agent of action, as it will later be done in the script *Lieutenant Kizhe*. The imaginary meanings of the abbreviation *S.V.D.*, referring to the non-existent society of the Decembrists, become the main factor in the derealization of the story world. I consider the *S.V.D.* screenplay as a striking example of the coexistence of multi-vector processes in constructing of an imaginary story world and at the same time as a starting point for subsequent Yuri Tynyanov’s creative search.

Keywords: narrative, story world, literary script, shooting script, Russian Formalism

Financial support: The reported study was funded by the Russian Science Foundation, Project No. 23-78-01040, <https://rscf.ru/en/project/23-78-01040/>

For citation: Ogudov, S.A. (2024) The construction of the imaginary world in the *S.V.D.* screenplay by Yuri Tynyanov and Yulian Oksman. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 503. pp. 94–101. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/503/9

Вымышленный мир, или диегезис, составляет одну из ключевых проблем теории нарратива. В современной нарратологии взаимодействуют теории фикционального мира, теории возможных миров, теории конструирования мира и фикционального погружения. После заката классической нарратологии наиболее последовательный интерес к «миру истории» проявляет когнитивная нарратология. Д. Герман в своей фундаментальной работе «Повествование и науки о разуме» [1] обращается к динамическому аспекту порождения мира, поднимая на новом этапе проблему взаимосвязи сознания и нарратива, к которой уже на ранних этапах нарратологии обращались такие исследователи, как Ф.К. Штанцель [2] и Д. Кон [3]. Согласно конструктивистскому подходу Германа, «текстуальные подсказки» позволяют читателям создать «ментальную конфигурацию мира» в измерениях «где, что, когда, кто, как и почему» [1. Р. X]. В настоящей статье нас будет интересовать два противоположных процесса, выделяемых Германом. Текст может расстраивать повествуемый мир (*unworlding*) и одновременно быть ресурсом для его построения (*worlding*) – отсюда диалектика создания миров и немиров (*unworlds*). Исследователь визуальной культуры С.Л. Кристиансен пишет, что «расстройство» мира предполагает «наполнение воображаемого мира противоречиями и невозможными вещами, которые препятствуют любым попыткам конструирования системы или структуры» [4. Р. 1]. Этот процесс не предполагает отмены повествуемого мира, а скорее его «дереализацию», уход от когерентности – «миры могут быть актуализированы без каких-либо эпистемологических притязаний на тотальность» [4. Р. 14].

Творчество Ю.Н. Тынянова вызывает интерес историков литературы во многом благодаря созданию им многочисленных «конструкций мнимости» в повествуемом мире. Цель настоящей статьи – исследовать возможности производства и «дереализации» воображаемого мира в сценарии Ю.Н. Тынянова «С.В.Д.» – первом тексте, написанном им для кино и ставшим предшественником таких сценариев, как «Шинель», «Поручик Кижэ» и «Обезьяна и колокол». Ключевым принципом, внушающим сомнение в реальности воображаемого мира, у Тынянова становится слово, «колеблющееся» между историей и нарративом. Согласно Ж. Женетту, в аспекте нарративной модальности различаются «повествование о событиях» и «повествование о словах». Первое порождает «иллюзию мимесиса», поскольку невозможно «подражать» словами несловесным событиям, второе, напротив, предельно миметично, поскольку словесный дискурс «подражает» сам себе, воспроизводя высказывания персонажей с той или иной степенью точности [5]. Перечисляя виды повествования о словах, Женетт не принимает во внимание те случаи, когда слово принадлежит одновременно

событиям и дискурсу – является знаком и референтом, к которому знак отсылает.

Слово, «колеблющееся» между историей и нарративом, порождает целый ряд явлений, которые исследователи творчества Тынянова определяли как «палеограммы» (Ю.Г. Цивьян), «конструкции мнимости» (А.Б. Блюмбаум), «антимиметическую фигуративность» (Б. Вурм). Палеограммы в сценарии и фильме «Шинель», согласно Ю.Г. Цивьяну, – результат «драматизации» почерка Башмачкина, отражающий его психическое состояние: надписи, вынесенные в титры, из «придаточной инстанции» становятся объектом «синтагматически равноценным изображению» [6. С. 17]. А.Б. Блюмбаум понимает под «мнимостью» сравнение «живого и мертвого», неустойчивость референции, мотивы «лжи и подмены», наконец, недостоверность исторических документов, по разным причинам интересных Тынянову [7]. В статье Б. Вурм говорится о полемике с реалистическим пониманием героя, на которое «Тынянов отвечал созданием “нулевых” знаков, абстрактных эквивалентов и виртуальных нелюдей» [8. С. 419]. Такие «фигуры-герои приближаются к двуплановой, парадоксальной природе самого письма», выступают как жест «альтернативной фигуры» [8. С. 419].

В перечисленных случаях слово – это не только инструмент рассказа о событиях, но происходящие с ним изменения сами по себе событийны – эти изменения состоят в утрате тождества между звуковой (графической) формой слова и семантикой. Отсюда «мнимости» – неназванные происшествия и в то же время наименования без референтов, такие как призрачный поручик Кижэ или же слово «персона», отсылающее к императору и одновременно к восковой фигуре и лишаящие повествуемый мир когерентности.

Одной из важных особенностей творчества Тынянова становится обращение к медиуму фильма. Именно в кино иллюзия создания вымышленной реальности становится наиболее полной, и в то же время эффекты ее разрушения остро переживаются. Фильм «С.В.Д.», который обычно рассматривался исследователями как яркий пример исторического жанра (к тому же снятый по сценарию специалистов в области истории литературы и декабристского движения), на наш взгляд, был обращен к диалектике создания и разрушения повествуемого мира. Аббревиатура «С.В.Д.» уже в сценарии фильма становится вербальным знаком, лишенным семантики, но приобретающим новые, мнимые значения. Нарратив фильма, отсылающий к истории восстания Черниговского полка, интересен потому, что аббревиатура «С.В.Д.» выступает в качестве «ощутимого слова», постоянно меняющего свои значения. В этом качестве слово становится «вещью, выступающей, как движущая сила ленты» [9. С. 64]. Слово

как графический элемент фильма становится семантическим, а затем и сюжетообразующим началом, хотя переосмысление значений еще не «персонифицирует» слово в качестве персонажа, как будет позже в сценарии «Поручик Кижэ». Обращение к сценарному тексту позволяет проследить, как развивался замысел Тынянова, и в то же время – как этот замысел изменялся при переходе от литературного сценария к режиссерскому.

Конструирование воображаемого мира в литературном сценарии

Говоря о творчестве Тынянова, исследователи до сих пор не принимали во внимание тему мнимости в сценарии «С.В.Д». Конечно, не раз говорилось об историзме сценария, обсуждалась его интерпретация со стороны режиссеров, но в работах не были затронуты принципы построения нарратива, о которых мы говорили выше (см., например: [9–12]). Сопоставление различных версий сценария позволит изучить оба процесса, находящиеся в тесной связи – построение вымышленного мира и его расстройство.

В ЦГАЛИ сохранился литературный сценарий Тынянова и Оксмана, который довольно сильно отличается от режиссерского сценария и от фильма [13]. Поскольку он не был опубликован, приведем подробный пересказ событийного ряда, который может быть полезен историкам кино и всем, кто интересуется творчеством Тынянова. Действие литературного сценария, адресованного сначала не фэкам, а режиссеру Ч. Сабинскому, начинается в Кишинёве осенью 1822 г. В начале первой части майор Вережайский командует обучением полка и бьет солдат во время смотра. Офицер Сухинов заступается за старого солдата. Затем в казарме декабрист Раевский говорит солдатам о необходимости восстания. Его арестовывают. Сухинов, желая освободить Раевского, выходит вместе с солдатами на Тираспольскую дорогу. В это время авантюрист Медокс, несущий службу в том же полку, что и Сухинов, ворует деньги из казны. У заставы Сухинов останавливает возок Медокса. Тот, выдавая себя за декабриста, говорит, что едет в Тульчин, чтобы предупредить Пестеля. В трактире Медокс играет в карты и выигрывает у помещика перстень с инициалами «S.V.D.»

Во второй части сценария действие переносится в Тульчин 1824 г. Здесь происходит спор о сроках восстания между Юшневским и Муравьевым, представляющих умеренное и радикальное крыло декабризма. Муравьев говорит, что поддерживает связь с арестованным Раевским через Сухинова. Генерал Юшневский в гостинной знакомит Сухинова со своей женой. В это время Раевский томится в одиночной камере. Сухинов, переодевшись в мастерового, проникает в крепость и передает ему записку. Медокс, выдающий себя на адъютанта Соковнина, ревизует Тираспольскую крепость и срывает план Сухинова.

В третьей части княгиня Шаховская с внучкой возвращаются с одесских купаний на север. К станционному дому, где ждет Соковнин, подъезжает дормез Шаховской. Мнимый Соковнин предлагает старухе

свой экипаж, а она знакомит его со своей дочерью Верой. Позже в доме Давыдовых Сухинов видится с Юшневским и рассказывает ему о своей неудаче. В этом же доме гостит Медокс. Сухинов, узнав о приставании к Вишневской, ищет Медокса и находит его на скамейке в парке. Медокс снова обманывает его при помощи перстня, говоря, что он участник Союза Великого Дела.

В четвертой части командир Черниговского полка Гебель 28 декабря 1825 г. дает в Васильевке свадебный рождественский бал. Медокс играет с Гебелем в карты, а заговорщики обсуждают восстание. В разгар танцев и игры приходят жандармы и начинают кого-то искать. Сухинов объявляет о немедленном восстании Черниговского полка. О том, что 3 января 1826 г. полк был разгромлен, в сценарии сообщает титр. В последующей сцене показано поле боя, усеянное телами погибших солдат, среди которых оказывается выживший Сухинов. Раненому Сухинову помогает крестьянин, которому он когда-то вытаскивал воз. Жандармы раз облачают подложные бумаги Медокса. Сухинов, переодевшись в мещанина, скрывается в Кишиневе, но жандармы выслеживают и арестовывают его.

В пятой части декабристы попадают на сибирскую каторгу, среди них Муханов и Юшневский. Жены следуют за ними – Юшневская и Шаховская оказываются на постовом дворе сибирского тракта. Мимо этого места ведут пленных черниговцев, в том числе Сухинова. Жены декабристов помогают каторжникам. Шаховская просит Сухинова передать письмо декабристу Муханову. После ссоры с губернатором Юшневскую и Шаховскую все же пропускают в Читку. На каторге охранники обнаруживают подкоп.

Шестая часть открывается встречей либерального читинского городничего и Медокса. Когда Сухинова ведут на каторжные работы, он передает письма Муханову и Юшневскому. К жене читинского городничего приезжает Шаховская – она будет ожидать высочайшего соизволения на брак с государственным преступником Петром Мухановым.

В седьмой части Юшневская отправляется на рудники. Пьяный майор Бурнаков преследует ее, но на помощь приходит Муханов. Сухинов выбивает пистолет из рук майора. Сухинов, Муханов и Юшневский встречаются на руднике. Сухинов произносит речь, направленную против тирании. Ботаник Шиллинг, прислуживающий властям, разоблачает Медокса и шантажирует его. Не зная, с кем имеет дело, Шаховская просит Саковнина съездить в рудник и передать арестантам письмо Раевского. Пользуясь своим перстнем, Медокс подделывает письмо, добавляя к тексту подпись «S.V.D.». В руднике Сухинов призывает к восстанию, рассчитывая на помощь Союза, а в это время Медокс пишет донос императору, в котором сообщает о готовящемся восстании.

В восьмой, заключительной части Сухинов объясняет каторжникам план восстания на руднике с последующим движением к Москве и Санкт-Петербургу. Император приказывает разгромить мятежников. Юшневская между тем подслушивает разговор Медокса,

но ее замечает Шиллинг. Юшневскую запирают в комнате Медокса, а сам он уезжает и доносит коменданту. Во время подготовки восстания конвойные проводят обыск у Суханова. Его и других декабристов арестовывают. Медокс, находясь в комендантской, видит, как ведут организаторов восстания, и выбрасает за окно свое кольцо.

В сценарии Тынянова и Оксмана был эпилог. Сухинов сидит в камере, скованный цепями. В это время происходит пьяное веселье победителей в квартире исправника, в котором принимает участие Медокс. Из наплыва показано: «Николай жмет ему руку, вешает ему на шею орден Владимира» [13. Л. 62]. В окне лицо Раевского «с пустыми неподвижными глазами, смотрящими в упор на Медокса». Сценарий заканчивается сценой бреда и самоубийства Сухинова: «Виселица качается. Превращается в трапецию, рядом веревка гигантских шагов. На гигантских шагах – Сухинов взлетает, ударяется о Медокса, путается в веревках, повисает в воздухе» [13. Л. 63]. В финальных кадрах Сухинов вешается в своей камере.

Конфигурация мира истории осуществляется в сценарии посредством пространственно-временной соотнесенности событий, их логической и хронологической последовательности и включения все новых персонажей в событийный ряд. В целом перед нами вполне конвенциональное приключенческое повествование, которое можно соотнести, например, с повестью Тынянова «Черниговский полк ждет». Тем не менее «сценарность» конструируемого мира делает его не столько статичной системой или структурой, сколько процессуальным явлением. Поскольку литературный сценарий неизбежно будет переписан, авторы превращают его в своего рода «контейнер», потенциально содержащий в себе возможности других сценариев, или, во всяком случае, допускающий отсечение тех или иных сюжетных линий.

Дереализация вымышленного мира в сценарии Тынянова и Оксмана

Как видно из нашего пересказа, в литературном сценарии слово, обладающее мнимой семантикой, фигурирует на протяжении всего повествования. Причем обыгрывается не только семантика, но и его графическая и материальная форма. Потеря тождества знака и смысла служит источником целого ряда событий – ложная интерпретация надписи со стороны персонажей приводит к появлению мнимого союза декабристов, становящегося причиной гибели восставших.

Рассмотрим, как происходит дереализация повествоваемого мира при помощи надписи на перстне Медокса, принадлежащей одновременно событиям и наррации. Во второй части литературного сценария мнимый адъютант Соковнин проводит ревизию Тираспольской крепости. В этом эпизоде присутствует характерный для творчества Тынянова интерес к обыгрыванию подложного документа. Мнимый Соковнин отдает приказ коменданту крепости:

«17. Крупный план. Рука Медокса с перстнем “S.V.D.” ложится на бумагу. / 18. Комната коменданта.

Медокс, наклоняясь над столом, пишет. Комендант, хлопая глазами, стоит на вытяжку. Медокс встает. Вынимает из обшлага рукава бумагу, свирепо смотрит на коменданта, отчего тот пошатывается, и резко сует ему под нос / ПРИГОТОВИТЬ К СДАЧЕ ВСЕ СУММЫ / Комендант в ужасе: / У НАС РЕМОНТЫ, ВАШЕ СИЯТЕЛЬСТВО. / Медокс наступает на коменданта. / НЕ РАССУЖДАТЬ. РЕМОНТЫ СЕЙЧАС НЕСВОЕВРЕМЕННЫ. / Комендант вытягивается» [13. Л. 11].

Приведенный фрагмент напоминает сцену совершения описки из более позднего сценария и рассказа «Поручик Кижэ». В приведенном отрывке перстень с инициалами «С.В.Д.» порождает мнимую идентичность Медокса, пользуясь которой, он отдает приказ коменданту – в результате адъютант крепости отменяет ремонты и объявляет ревизию.

Функционирование надписи в диегезисе хорошо заметно в седьмой части, где надпись работает одновременно как знак и материальный объект. Пользуясь своим перстнем, Медокс подделывает письмо, адресованное Сухинову: «37. Перстень Медокса. Буквы S.V.D. 38. Медокс прокалывает перстнем письмо Раевского <нрзб> быстро, решившись, берет перо и приписывает к письму S.V.D.» [13. Л. 48]. В руднике Сухинов призывает к восстанию. Медокс отдает ему письмо и снова показывает свой перстень как знак принадлежности к мнимому союзу.

В доносе, адресованном императору, Медокс сообщает о готовящемся восстании: «Сие общество злоумышленников под литерами S.V.D. предприняло неистовое злоумышление: взять в Зерентуйском руднике пороха, пушки, денежную казну... По прочим рудникам и заводам освободить государственных преступников, приглашая податные сословия к общему бунту и дальнейшему продвижению к столице Вашего Величества» [13. Л. 51]. Мнимое слово буквально определяет собой развязку киносценария – придание ложного значения становится событием, определяющим развитие действия.

Появление перстня с надписью может связываться сценаристами с теми или иными эффектами кино, тоже влияющими на дереализацию повествоваемого мира. Финальные кадры сценария содержат прием наплыва и аллгорию гибели Сухинова: «46. Из наплыва – гигантские шаги – Медокс цепляется за Сухинова и не дает ему взлететь» [13. Л. 20]. Другой пример относится к восьмой части. Объяснение плана восстания, по замыслу сценаристов, сопровождалось использованием анимированной карты, на которую была нанесена надпись «S.V.D.»: «Ружья сливаются с цепями. У Урала в цепь входят косы и молотки. Сплошной цепью ползут на Москву. На месте Москвы и Петербурга появляются буквы S.V.D.» [13. Л. 54]. Мнимое восстание охватывает всю империю, буква буквально стирает с карты города.

Литературный сценарий не только предлагал режиссерам сконструировать мир истории, но и показать его условность. Это было вполне в духе концепций Ю.Н. Тынянова, согласно которым «плоскостность» и «бесцветность» кино – «на самом деле его конструктивная сущность» [16. С. 328]. Структурирование

экранной реальности при помощи слова, обладающего выраженной графической формой, подтверждало идею о том, что киноизображение представляет собой «смысловой знак» внешнего мира.

О режиссерском подходе к сценарию Тынянова

В ходе дальнейшей работы сценарий подвергся существенным изменениям. Многие из них были продиктованы потребностью сконцентрировать действие и сократить количество локаций и персонажей в будущем фильме (сценарий Тынянова и Оксмана по своей структуре напоминал повесть и требовал существенной переработки для экрана). Режиссеры отмечали: «Материал сам по себе чрезвычайно занимателен даже в сырье /Факты о Медоксе/ и его остается только кинематографически скомпоновать, стиснуть в несколько павильонов, в малый промежуток времени с малым количеством действующих [лиц]: все это даст напряжение сценарию» (Директору кинофабрики «Совкино») [13. Л. 106б]. Некоторые зрелищные сцены, напротив, были ими добавлены – это, конечно, само восстание Черниговского полка, бегство декабристов из заточения через костел и сцена на катке¹.

Другие изменения были продиктованы жанровыми особенностями фильма. Так, ответственный секретарь Художественного совета по делам кино Вереминко писал в отзыве от 24 марта 1926 г. по поводу финала сценария Тынянова: «Жуткий, но невразумительный конец эпилога сушит все события и лица. Отдает неправдоподобием сугубо-мрачный тон изложения и мелодраматический пафос» (в Севзапкино) [13. Л. 100]. Фэксы несколько смягчают этот «тон» и усиливают общий романтический пафос фильма. Среди материалов ЦГАЛИ имеется документ с замечаниями, адресованными, вероятно, уже сценарию Козинцева и Трауберга. Помимо усиления связности событий режиссером рекомендуют внести ряд поправок – любопытно отметить, что Медокс должен был стать менее «всесильным»: «1. Изменить характер Суханова с целью выявить в нем мужественность /он не должен быть неврастеником/, организаторские способности политика; серьезнее мотивировать его доверчивость к Медоксу. 2. Изменить характер Медокса с тем, чтобы Медокс мог быть ближе к светскому обществу, а не входил туда путем шантажа Вишневской. 3. Мотив неудачи восстания Черниговского полка показать более исторически обоснованным, совершенно выбросив мотив – Медокс предает восстание» [13. Л. 103].

Нужно отметить, что фэксы, далекие от идей Тынянова-теоретика, по-своему все же уловили линию расстройств мира в сценарии, обозначив ее словом «провокация»: «Средством борьбы становится провокация, провокация на 100%, т.е. инсценировка несуществующего заговора... Поэтому мы предпочли не привлекать к почти фактической, с некоторыми только изменениями инсценируемой на экране истории необычной провокации Медокса, трафаретных уже для советского кино восстаний с подавлением их; на первое место выдвигается тема провокации, восстание только материал для нее» [13. Л. 106]. Режиссеры подводят к тому,

что их фильм будет не «исторической хроникально-сюжетной драмой», а «романтической мелодрамой на фоне исторических событий». Повествование о словах, порождающее дереализацию мира истории, сохраняется ими и работает на новое жанровое обобщение (в понимании режиссеров оно, вероятно, позволяло усилить «занимательность, динамику, любовную интригу» фильма [13. Л. 106б] и было мотивировано историей о провокации)².

Смена значений надписи в режиссерском сценарии и фильме

Обратимся к тем изменениям, которые были внесены в режиссерский сценарий и фильм³. Действие фильма начинается зимой 1825 г. накануне восстания Черниговского полка. Как сообщают титры, в трактир «близ южного города» занесло «странного постояльца» – Медокса (исходя из первого варианта сценария, можно предположить, что трактир расположен на Тираспольской дороге по пути в Тульчин). Во время карточной игры он выигрывает кольцо с инициалами «С.В.Д» (это инициалы невесты проигравшего, «сувенир от Сонечки, Софьи Владимировны»). Медокс сразу же наделяет аббревиатуру новым смыслом: «Счастье вывозит дураков. Я ж признаю расчет, поэтому мне не в картах, а в любви везет» [14]. В город приезжает жена генерала Вишневского, чтобы забрать у Медокса некогда адресованные ему любовные письма, но ей не удается этого сделать. Поручик Суханов заходит в трактир и пытается задержать Медокса, но тот говорит, что оставил образ жизни «авантюриста и шулера». В качестве доказательства он демонстрирует перстень и говорит, что «С.В.Д» – знак тайной организации «Союз Великого Дела». Суханов верит Медоксу и дает уйти. Вошедший солдат докладывает, что в столице восстание: полки императора Константина сражаются против полков императора Николая. Обыгрывая значение надписи, Медокс восклицает: «Следить, выдавать, добить!»

Именно Медокс предает Вишневского, после чего следует упомянутая выше зрелищная сцена на катке, во время которой генерала арестовывают. Суханов поднимает восстание, и солдаты освобождают Вишневского. Черниговский полк восстает, но терпит поражение. Организаторы оказываются в тюрьме. Медокс пишет письмо жене генерала Вишневского, подписываясь «С.В.Д.», тем самым превращая подпись в подобие собственных инициалов. В трактире во время пьяного веселья Медокс снова обыгрывает значение надписи, говоря, что «торжествует Союз Веселого Дела», тогда как «Союз Великого Дела разбит». Так Суханов и Медокс оказываются в разных, но одинаково мнимых союзах.

Раненый Суханов, чудом выживший после разгрома полка, заходит в трактир, где Медокс и его поделщики празднуют победу. Суханов сообщает, что Черниговский полк разбит и Союз Великого Дела должен прийти на помощь. Над поручиком глумятся, и от неминуемой гибели его спасает Вишневская. Переодетый Медокс (представившийся флигель-адъютантом Соковниным) приезжает

к генералу Вейсмару, принимавшему участие в подавлении восстания. Медокс снова показывает кольцо, говоря, что с его помощью можно вынудить пленников на побег, а затем уничтожить.

Выйдя на арену цирка, Суханов раскрывает себя, чтобы попасть в тюремную камеру, где содержат восставших, и помочь им бежать. Вооруженные арестанты выходят через подземный ход из тюрьмы в костел. Они знают, что там их ждет засада, но подстерегающие солдаты не подозревают, что арестанты вооружены. Солдаты позволяют им уйти, чтобы избежать кровопролития. Гибнет лишь Суханов, в которого стреляет раненый солдат. Герой выходит из костела, добирается до реки и умирает на берегу, простившись с Вишневской.

В режиссерском сценарии по восставшим открывали огонь. Суханов совершал самоубийство, после чего происходил взрыв. Предполагался такой финальный кадр: «Груда обломков. Торчит вверх рука с перстнем “С.В.Д.”» [14]. В литературном сценарии, написанном режиссерами, финал был иным. После самоубийства Суханова Медокс, вырвавшись, бежит из костела. Дорогой он встречает слугу, который собирается убить его. Направив на него пистолет, слуга говорит: «Играй, сволочь! Валет – смерть. Туз – жизнь!» Затем он выхватывает из кармана Медокса карты и протягивает ему: «Медокс дрожащими руками мечет. Направо ложится валет. Медокс закричал. Слуга, поднял пистолет, выстрелил. Медокс упал. Слуга спрятал пистолет, нагнулся к Медоксу, снял с его руки кольцо “С.В.Д.”, надел на свой палец, повернулся и пошел» [15. Л. 42]. В этом случае персонажи как бы обмениваются мнимой идентичностью.

Существовал и альтернативный, «счастливый»? вариант финала фильма «С.В.Д.», снимавшийся для заграничного зрителя, но при повторном выходе фильма на советский экран в 1935 г. добавленный к оригинальной версии. О «счастливом финале» дают представление монтажные листы: Суханов не погибает, он выходит из костела вместе с Вишневской, после чего влюбленные уезжают вместе в цирковом фургоне [16]. В целом же режиссеры сокращают многие сюжетные линии, заданные в сценарии Тынянова, уменьшают количество локаций и действующих лиц, добавляют зрелищные события и кинематографические эффекты.

Слово на экране как литературализация кино

Слово как элемент диалектики было, по всей вероятности, неким отголоском футуризма в кино (например, в

сценариях Маяковского такой способ ухода от когерентности воображаемого мира применялся довольно часто). Конечно, значительную роль в этих поисках занимали и концепции формальной школы [17]. При постановке фильма фэкссы, как было сказано выше, хотели выделить линию провокации, и одним из элементов интриги стало изменение значений надписи на кольце. Тем не менее «повествование о словах» на экране могло и не быть для них случайным, сама возможность такого нарратива могла их заинтересовать. В качестве примера можно вспомнить их интерес к французскому сериалу «Вампиры». Л.З. Трауберг вспоминал: «Одну из героинь “Вампиров” зовут Ирма Вап (IrmaVap). И репортер, который раскрыл шайку, не знал, за что ему зацепиться, где найти ниточку, которая привела бы его к распознаванию этой шайки. И он подходил к театру эстрады, а там гасла и возникала такая надпись: “Сегодня у нас Ирма Вап”. Причем был сделан нехитрый трюк, но тогда он нам казался божественным – буквы вдруг менялись местами. “Ирма Вап” – получалось “Вампир” (IrmaVap – Vampir). И тут репортера пронизывала мысль, что эта Ирма Вап – член шайки вампиров, и он начинал за ней следить, и он их раскрывал» (цит. по: [18. С. 112–213]).

Творческую стратегию Тынянова можно назвать вслед за Б. Вурм «литерализацией»: «...Тынянов, чтобы избежать “литературизации” кино, прибегает к его “литерализации”, то есть делает ставку на фактуру техники записи...» [8. С. 416]. Перераспределение функций между визуальными и словесными знаками приводит к тому, что «сценарий Тынянова подчеркивает наглядность буквы, стирая видимость человека» [8. С. 417], «фигуры-герои приближаются, по существу, к двуплановой, парадоксальной природе самого письма» [8. С. 419]. Несмотря на то что здесь еще нет персонификации слова, сценарий следует рассматривать в качестве отправной точки дальнейших поисков Тынянова, а некоторые его сцены прямо напоминают сцены из «Поручика Кижэ». По-видимому, к решению о создании «человека-буквы» Тынянов позже придет путем переосмысления авантюрного героя (Медокса) в духе своей медиальной программы, сконцентрированной на графических эквивалентах слова.

Процессуальный характер повествуемого мира в сценарии Тынянова определяется возможностями его конструирования и дереализации. Несмотря на трансформацию событийного ряда по мере переписывания литературного сценария и приближения замысла к экранной реализации, оба вектора сохранили свою силу и определили возможности построения кинематографического мира.

Примечания

¹ Сцена на катке видоизменялась. Так, в Заявлении, адресованном директору фабрики «Совкино», указано, что «при составлении рабочего сценария “С.В.Д.” нами была введена в качестве эффектного момента сцена «маскарада». В предоставленном нами сценарии сцена маскарада была вычеркнута по требованию Художественного бюро и Дирекции, как сцена, аналогичная с одной из сцен картины “Поэт и Царь”. Хотя эти сцены и являлись разными по характеру / придворный маскарад в “Поэте и Царе” и провинциальный бал в “С.В.Д.”/, однако, принимая во внимания зрелищную общность обеих сцен, мы согласились на переделку и сцену маскарада заменили сценой катка» (1927 г., февраль) [13. Л. 108]. Авторы фильма требуют, чтобы декорацию, выстроенную специально для фильма “С.В.Д.” не использовали во время съемок фильма “Поэт и царь”».

² Коллегия Наркомпроса в письме, адресованном в «Совкино» 29 июля 27 г., критически оценивает постановку сценария: «...режиссеры картины тщательнейшим образом вытравили все социально-значимое в сценарии, выдвинув на первый план героически-любовные похождения авантюриста Медокса» [13. Л. 114]. Это одно из первых обвинений в адрес фильма за искажения исторической стороны вопросы. Режиссеры в ответ указывают, что замечания, которые были сделаны к сценарию полтора года назад, были исправлены. Они настаивают, что «картина в том виде, в каком она поставлена, идеологически значительно более ценна, чем первый вариант сценария» [13. Л. 115].

³ В РГАЛИ и ЦГАЛИ сохранилось несколько вариантов сценария, подготовленного режиссерами. Они могут стать предметом более подробного сопоставления, чем то, что проведено в настоящей работе. Предположительно, наиболее ранним вариантом является литературный сценарий, написанный режиссерами (Ф. 622. Оп. 1. Д. 23). В РГАЛИ хранятся версии режиссерского сценария, вероятно, более поздние.

Список источников

1. Herman D. *Storytelling and the Sciences of Mind*. Cambridge, London : The MIT Press, 2013. 448 p.
2. Stanzel F.K. *A Theory of Narrative*. Cambridge University Press, 1984. 308 p.
3. Cohn D.C. *Transparent Minds: Narrative Modes for Presenting Consciousness in Fiction*. Princeton University Press, 1978. 344 p.
4. Christiansen S.L. *Unworlding in "Nameless": The Negation of World-Building // Imagining the Impossible: International Journal for the Fantastic in Contemporary Media*. 2023. Vol. 2, Is. 1.
5. Женетт Ж. Повествовательный дискурс // *Фигуры* : в 2 т. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 2. С. 60–282.
6. Цивьян Ю.Г. Палеограммы в фильме «Шинель» // *Тыняновский сборник: Вторые Тыняновские чтения*. Рига : Зинанте, 1986. С. 14–27.
7. Блюмбаум А.Б. Конструкция мнимости: к поэтике «Восковой персоны» Ю. Тынянова. СПб. : Гиперион, 2002. 201 с.
8. Вурм Б. *Figuratio – defiguratio, или как сделан человек-буква. Особенности сценарной работы Ю. Тынянова в свете медиальной теории // Советская власть и медиа*. СПб. : Академический проект, 2006. С. 412–429.
9. Недоброво В.В. ФЭКС: Григорий Козинцев, Леонид Трауберг. М.; Л. : Текинопечат, 1928. 80 с.
10. Сэпман И.В. Тынянов – сценарист // *Из истории «Ленфильма»*. Л. : Искусство, 1973. Вып. 3. С. 51–76.
11. Лотман Ю.М., Цивьян Ю.Г. Фильм «С.В.Д.» (1927): диалог мелодрамы и истории. Опыт диахронического подхода // *Киноведческие записки*. 2013. № 104/105. С. 5–33.
12. Бутовский Я.Л. Андрей Москвин, кинооператор. М. : Эйзенштейн-центр, 2012. 318 с.
13. «С.В.Д.» («Союз великого дела», «Декабрист Сухинов и провокатор Медокс»). Литературный сценарий Ю. Тынянова и Ю. Оксмана, режиссера – Г. Козинцев и Л. Трауберг; протоколы и переписка по исправлению сценария, по подготовке картины для экспорта, монтажные листы // *Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ)*. Ф. Р-257. Оп. 16. Д. 20.
14. Оксман Ю., Тынянов Ю.Н. «СВД» («Союз великого дела»). Режиссерский сценарий [авторы: Г.М. Козинцев, Л.З. Трауберг, <1927>] // *Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ)*. Ф. 631. Оп. 3. Ед. хр. 91.
15. «С.В.Д.» («Союз великого дела», «Декабрист Сухинов и провокатор Медокс»). Литературный сценарий Ю. Тынянова и Ю. Оксмана, режиссеры – Г. Козинцев и Л. Трауберг; протоколы и переписка по исправлению сценария, по подготовке картины для экспорта, монтажные листы // *ЦГАЛИ*. Ф. Р-257. Оп. 16. Д. 20.
16. Монтажный лист к немому кинофильму «С.В.Д.». Производство Ленинградской ордена Ленина киностудии «Ленфильм». 1937 // *Госфильмофонд. Немой фонд*. № 815.
17. Огудов С.А. Сюжет фильма «С.В.Д.» как реализация формального метода // *Критика и семиотика*. 2014. № 2. С. 234–246.
18. Нусинова Н.И. Леонид Трауберг. Памяти учителя // *Киноведческие записки*. 2003. № 63. С. 207–216.

References

1. Herman, D. (2013) *Storytelling and the Sciences of Mind*. Cambridge, London: The MIT Press, 448 p.
2. Stanzel, F.K. (1984) *A Theory of Narrative*. Cambridge University Press, 308 p.
3. Cohn, D.C. (1978) *Transparent Minds: Narrative Modes for Presenting Consciousness in Fiction*. Princeton University Press, 344 p.
4. Christiansen, S.L. (2023) *Unworlding in "Nameless": The Negation of World-Building // Imagining the Impossible: International Journal for the Fantastic in Contemporary Media*. Vol. 2, Is. 1.
5. Zhenett, Zh. (1998) *Povestvovatel'nyy diskurs // Figury: v 2 t. M.: Izd-vo im. Sabashnikovoykh, T. 2. pp. 60–282.*
6. Tsiv'yan, Yu.G. (1986) *Paleogrammy v fil'me "Shinel'" // Tyryanovskiy sbornik: Vtorye Tyryanovskie chteniya*. Riga: Zinante, pp. 14–27.
7. Blyumbaum, A.B. (2002) *Konstruktsiya mnimosti: k poetike "Voskovoy persony"* Yu. Tyryanova. St. Petersburg: Giperion, 201s.
8. Vurm, B. (2006) *Figuratio – defiguratio, ili kak sdelan chelovek-bukva. Osobennosti stsenarnoy raboty Yu. Tyryanova v svete medial'noy teorii // Sovetskaya vlast' i media*. St. Petersburg: Akademicheskii proekt, pp. 412–429.
9. Nedobrovo, V.V. (1928) *FEKS: Grigoriy Kozintsev, Leonid Trauberg. M.; L.: Teakinopechat', 80 s.*
10. Sepman, I.V. (1973) *Tyryanov – stsenarist // Iz istorii "Lenfil'ma"*. L.: Iskusstvo, Vyp. 3. pp. 51–76.
11. Lotman, Yu.M. & Tsiv'yan, Yu.G. (2013) *Fil'm "S.V.D." (1927): dialog melodramy i istorii. Opyt diakhronicheskogo podkhoda // Kinovedcheskie zapiski*. No. 104/105. pp. 5–33.
12. Butovskiy, Ya.L. (2012) *Andrey Moskvina, kinooperator. M.: Eyzenshteyn-tsentr, 318 s.*
13. "S.V.D." ("Soyuz velikogo dela", "Dekabrist Sukhinov i provokator Medoks"). *Literaturnyy stsenariy Yu. Tyryanova i Yu. Oksmana, rezhissera – G. Kozintsev i L. Trauberg; protokoly i perepiska po ispravleniyu stsenariya, po podgotovke kartiny dlya eksporta, montazhnye listy // Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva (TsGALI)*. F. R-257. Opis' 16. Delo 20.
14. Oksman, Yu. & Tyryanov, Yu.N. "SVD" ("Soyuz velikogo dela"). *Rezhisserskiy stsenariy [avtory: G.M. Kozintsev, L.Z. Trauberg, <1927>] // Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva (RGALI)*. F. 631. Op. 3. Ed. khr. 91.
15. "S.V.D." ("Soyuz velikogo dela", "Dekabrist Sukhinov i provokator Medoks"). *Literaturnyy stsenariy Yu. Tyryanova i Yu. Oksmana, rezhissera – G. Kozintsev i L. Trauberg; protokoly i perepiska po ispravleniyu stsenariya, po podgotovke kartiny dlya eksporta, montazhnye listy // TsGALI*. F. R-257. Op. 16. D. 20.
16. *Montazhnyy list k nemomu kinofil'mu "S.V.D."*. *Proizvodstvo Leningradskoy ordena Lenina kinostudii "Lenfil'm"*. 1937 // *Gosfil'mofond. Nemoy fond*. No. 815.
17. Ogodov, S.A. (2014) *Syuzhet fil'ma "S.V.D." kak realizatsiya formal'nogo metoda // Kritika i semiotika*. No. 2. pp. 234–246.
18. Nusinova, N.I. (2003) *Leonid Trauberg. Pamyati uchitelya // Kinovedcheskie zapiski*. No. 63. С. 207–216.

Информация об авторе:

Огудов С.А. – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Центра научного проектирования Управления по научной работе Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия). E-mail: s.ogudov@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.A. Ogudov, Cand. Sci. (Philology), senior research fellow, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: s.ogudov@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 29.11.2023;
одобрена после рецензирования 22.03.2024; принята к публикации 30.06.2024.*

*The article was submitted 29.11.2023;
approved after reviewing 22.03.2024; accepted for publication 30.06.2024.*

Научная статья
УДК 821.133.1.0
doi: 10.17223/15617793/503/10

Характер дискурсивно-риторической структуры трагедии «Антигона» (1637) Ж. де Ротру

Лариса Алексеевна Симонова¹

¹ Библиотека-читальня имени А.С. Пушкина, Москва, Россия, mouette37@yandex.ru

Аннотация. На примере анализа текста «Антигоны» Ротру прослеживается, в какой степени французская классицистическая трагедия 30-х гг. продолжает репродуцировать готовые образцы драматургически освоенного мифологического сюжета и как автор пытается преодолеть жесткий, устойчивый смысловой код мифа за счет активизации актуальных социальных и этических значений. Выделение наряду с мифологическим политического и психологического уровней дискурсивно-риторической системы, определение значения каждого из них в трагедийном конфликте позволяют выявить характер самостоятельности драматического письма Ротру, понять связь его ранних трагедий с поздними («Венцеслав» и «Хосров»), а также усмотреть влияние его творчества на театр Корнея.

Ключевые слова: классицизм, трагедия, миф, трагедийный конфликт, политические смыслы, дискурсивно-риторическая структура

Для цитирования: Симонова Л.А. Характер дискурсивно-риторической структуры трагедии «Антигона» (1637) Ж. де Ротру // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 503. С. 102–111. doi: 10.17223/15617793/503/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/503/10

The nature of the discursive-rhetorical structure of the tragedy *Antigone* (1637) by Jean de Rotrou

Larisa A. Simonova¹

¹ Library named after A.S. Pushkin, Moscow, Russian Federation, mouette37@yandex.ru

Abstract. Jean de Rotrou belongs to the generation of playwrights (Mairet, Tristan L'Hermite, Scudery, Corneille), whose work is associated with the renewal of the tragic genre returning to the French stage in the 1630s, which overcomes its dependence on the models of ancient and humanistic drama, and begins to develop on other poetological grounds (which becomes most obvious if we focus on the principle of functioning of different levels of the dramatic structure of a separate play). The text of *Antigone* (Rotrou's second tragedy after *The Death of Hercules*) helps to discover to what extent the classicist tragedy of the 1630s continues to reproduce ready-made examples of a dramaturgically mastered mythological plot (in this case, the tragedies of Sophocles and Euripides) and how the author tries to overcome the rigid, stable semantic code of the myth (essentially dominant in the text) due to the activation of social and ethical meanings that are relevant and polemically acute. The identification in the discursive-rhetorical system, along with the mythological (the most archaic) level, of political (designed for the modern sound of the play) and psychological (given by tragicomic sentimentality) ones, and the determination of the meaning of each of them in the tragic conflict allows us to identify the nature of the independence of Rotrou's dramatic writing and understand the connection between his early tragedies with later ones – such masterpieces as *Venceslas* and *Cosroes*, and see the influence of his works on Corneille's theater. In *Antigone*, the mythology of the ancestral curse is combined with criticism of tyranny: the arbitrariness of the violence of power destroys it itself. Rotrou transfers into his text the matrix of myth, which constrains and limits his dramatic writing. Rotrou sets out to prove the relevance of myth; however, becoming dependent on it, he confirms the opposite. Absolute trust in the authority of myth inhibits the constructive (in accordance with the semantic vector outlined by historically relevant political issues and interest in the personal, revealed through the love-psychological conflict) development of tragedy. The analysis of the texts of Rotrou's tragedies with their multi-level structure shows that French classicist drama is formed from this unstable diversity, determined by the often disordered collision of the archaic (mythological) and the modern.

Keywords: classicism, tragedy, myth, tragic conflict, political meanings, discursive-rhetorical structure

For citation: Simonova, L.A. (2024) The nature of the discursive-rhetorical structure of the tragedy *Antigone* (1637) by Jean de Rotrou. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 503. pp. 102–111. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/503/10

В трагедийном творчестве Ж. де Ротру, принадлежащего к поколению авторов, с драматургией которых связано возвращение трагедийного жанра на французскую сцену (Ж. Мерэ, Ф. Тристан Лермит, Ж. де Сюдери, П. Корнель)¹, можно выделить два периода: ранний (условно назовем его «докорнелевский»), поскольку в это время драматург пишет в исключительно оригинальной манере, отдельными мотивами предвывая характер конфликта произведений гениального современника²), к которому принадлежат пьесы с ярко прослеживающейся связью с античной и гуманистической драмой, во многом зависящие от мифологической структурно-смысловой модели и с только намечающейся политической проблематикой («Умиравший Геракл» (1634), «Антигона» (1637), «Кризанта» (1639) и «Ифигения» (1640)), – и поздний («послекорнелевский»), к которому относятся трагедии с историческим и религиозным сюжетом, определяющую роль в развитии интриги которых играет политический конфликт («Велизарий» (1643), «Истинный святой Генезий» (1646), «Венцеслав» (1647), «Хорров» (1648)) и которые создаются под влиянием политического театра Корнеля (с «Горация» (1640) до «Родогун» (1644)) и содержат идейную полемику с ним. В актуализации трагедийного жанра Ротру шел своим путем: в отличие, например, от Мерэ, который старался возродить историческую трагедию («Софонисба», «Марк Антоний», «Смерть Мустафы») и Корнеля, который после неуспеха «Медеи» обратился к жанру трагикомедии в «Сиде», Ротру вплоть до начала 1640-х гг. явно тяготеет к трагедиям на мифологический сюжет и в разработке конфликта следуя текстам античных авторов.

В ранних трагедиях Ротру, так же как и в трагедиях этого периода (30-е гг.) Мерэ и Сюдери, можно наблюдать, как происходило обновление этого жанра, точнее говоря, как преодолевалась его зависимость от двух моделей – античной и гуманистической. Ранние трагедии Ротру являются ярким примером того, что сдерживающим фактором этого процесса являлось доверие структурно-смысловой матрицы мифа. В ранних трагедиях Ротру, наряду с ориентацией на античную и гуманистическую жанровые модели, что определяло репродуцирование архаических черт, можно увидеть попытки трансформации дискурсивно-риторической структуры за счет «политизации» текста, т.е. активизации (в том числе на уровне конфликта) актуальных социальных и этических смыслов, что является свидетельством становления индивидуальной манеры драматического письма Ротру, который позднее, не без влияния Корнеля, создаст такие шедевры, как «Венцеслав» и «Хорров». Опыт выделения в драматических текстах Ротру созвучных времени смысловых элементов и рассмотрения их в том числе в качестве формальных признаков трагедии принадлежит Ж. Морелю («Учитываемые нами элементы эксплицитно присутствуют в ткани произведения, и их освещение предполагает, что мы обращаемся к современным поэту реалиям и категориям мысли» [6. Р. 134]). К вопросу о самостоятельности почерка драматургов XVII в., опирающихся на античные тексты, возможно подойти и с точки зрения языковой,

диалогической стилистики (отражающей как законы жанра, так и новое эстетическое мышление времени), что было сделано Л. Мураре-Мезонёв в диссертационном исследовании «Диалог и трагедийный стиль в классицистическую эпоху: Теофиль де Вио, Ротру, Корнель и Расин» (согласно мнению литературоведа, «творческий жест переходит с интриги на письмо», новая интерпретация уже известной истории предполагает оригинальные контекстуальные, диалогического характера «патетические, трагические и лирические акценты» [7. Р. 547]).

Для того чтобы отчетливее понять оригинальность манеры драматического письма Ротру, необходимо изменить ракурс исследования: с проблемы определения и разграничения идейно-эстетических признаков классицизма и барокко (что во многом утратило свою актуальность), а также жанрового подхода (с учетом главным образом типологических характеристик трагедии) необходимо переключить внимание на особенность построения структуры конкретного драматического текста. О продуктивности такого подхода свидетельствуют работы Ж. Форестье [8, 9], осязаемый резонанс, который получили его идеи среди специалистов по литературе XVII в. В полемической статье «Политика и трагедия у Корнеля, или об «узоре»» Ж. Форестье определяет свою исследовательскую стратегию следующим образом: «Мой вопрос был и остается в том, как в XVII веке пишут трагедию. Как описать не трагедию в целом, но технические условия разработки трагедии» [10. Р. 74]. Подобный подход позволяет наблюдать, насколько в создании трагедии нового образца, ориентированного на вкусы современного зрителя и определяемого подвижностью жанровой поэтики (в том числе ситуацией проницаемости границ между трагедией, трагикомедией и пасторалью³), драматический автор первой половины XVII в. самостоятелен и в какой степени еще зависим от традиций, заданных античной и гуманистической драмой.

«Антигона» (1637) – следующий после «Смерти Геракла» шаг Ротру в драматическом освоении древнегреческой мифологии. Здесь отчетливо наблюдается зависимость от литературных источников, «Антигоны» Софокла и «Финикиянок» Еврипида, которые берутся за структурирующую – в композиционном и семантическом отношении – основу трагедийного текста, что серьезно препятствует свободе авторской интерпретации сюжета и характеров, которая довольно беспорядочно, без прочной связи с общим целым проявляется в отдельных монологах. Ротру озабочен прежде всего тем, чтобы как можно полнее (отсюда избыточная насыщенность пьесы) передать историю Фив через историю царского рода (сценическое действие начинается с осады Фив, противостояния Полиника и Этеокла, так что нельзя сказать, что оно выстраивается вокруг Антигоны). Если судить по упоминаниям о грехе Лая (сначала пренебрегшего предсказанием, а затем пытавшегося умертвить своего сына) и Эдипа (убившего отца и вступившего в брак с собственной матерью, от связи с которой у него рождаются дети), а также особо акцентируемому сквозному

мотиву рока, то все происходящее, заканчивая смертью жениха Антигоны Гемона (сына брата Иокасты Креонта), сходится к мифологеме гибели рода, на котором лежит проклятие (все герои – потомки Кадма). Применительно к развитию многособытийного, скрепляющегося посредством «нахлестывания» эпизодов с повторяющимися мотивами действия (этим принципом пьеса Ротру близка гуманистической трагедии) подобная логика вполне оправдана, но она не объясняет ни идейного конфликта, ни характера персонажей, ни взаимодействия между ними.

При более внимательном рассмотрении оказывается, что в «Антигоне» нет идейно-смыслового центра, высказывания персонажей часто не объясняют их поступков, а смысловая разноплановость, иначе говоря, нестыковка монологов, вообще ставит под вопрос единство образов действующих лиц. Смысловой концентрации событий вокруг основного конфликта, иными словами, центрированному построению драматической структуры (как это было в «Смерти Геракла»), которое во многом определяет дискурсивное единство образов персонажей, препятствует стремление Ротру реставрировать мифологический сюжет с возможно большей полнотой – с этой целью он и соединяет в своей трагедии события сразу двух текстов – «Финикиянок» и «Антигоны», начиная действие задолго до героического поступка заглавной героини. При этом каждое звено интриги имеет собственный смысл, т.е. может быть рассмотрено и как отдельно взятое, и в последовательности событий – усилий героев в достижении поставленной цели, каждое из которых роковым образом заканчивается провалом и общим итогом которых становится гибель самого деятеля.

В трагедии представлен целый ряд тем, ни одна из которых не может быть однозначно определена как доминирующая: столкновение человека с судьбой, родовое проклятие, соперничество братьев, борьба за власть, связь человека с семьей, управление государством, закон и тирания, политический интерес и безусловный этический закон, наконец, выбор человека в предстоянии правде и испытание в близости смерти. При этом главные действующие лица трагедии предстают как в их официальной (царской) роли, так и в глубоко личном (сестринская любовь Антигоны к Полинику, нежная и преданная страсть Антигоны и Гемона). Пересечение разных тематических линий, наложение множественных, часто не согласующихся друг с другом, не выстраивающихся в единый идейный вектор смыслов дают основание говорить о *разнородности драматического текста* Ротру. Это значит, что ни развитие интриги, ни характеры действующих лиц, ни активность – в поступках и дискурсе героев в сущности необъяснимы относительно какой-либо ценностно-смысловой системы координат, которых на поверхность оказывается несколько. Итак, в тексте «Антигоны» можно выделить четыре уровня: мифологический, экзистенциальный, политический и психологический. Последние два дальше других от источников и, следовательно, ярче свидетельствуют об авторской манере; они служат задаче «осовре-

нить» античный сюжет, однако не скрывают архаический пласт, которому принадлежит определяющее место в общем построении драматической текстовой структуры.

К **мифологическому** уровню принадлежит тема рода⁴: совсем не случайно действие открывается монологами Иокасты, которая говорит о себе как о матери, выносившей и родившей детей. Тема рода решается в двойном ключе – родового проклятия и семейной связи. Родовое проклятие – как один из смысловых кодов текста – в его событийном и дискурсивном выражении также неоднозначно: с одной стороны, оно позволяет актуализировать мотив рока (в трагедии Ротру «рок» как насильственная случайность, неуправляемость, необъяснимость судьбы связан не только с образом Эдипа (как это было у древнегреческих авторов), но и с образом других членов семьи – Антигоной, Исменой, Полиником, Этеоклом, Креонтом, Гемоном: о беспомощности человека перед лицом фатума, непостижимых мировых законах, управляющих человеческой жизнью и в сущности ей враждебных, слишком часто говорят действующие лица); однако отметим, что неоднократное повторение в дискурсе героев мотива слепой судьбы не сводит сюжет к столкновению человека с роком, здесь рок, скорее, является малофункциональным с точки зрения действия и характеров знаком архаики, акцентирует стилистику античной драмы и вместе с этим, обладая мистическим оттенком (из-за контраста с христианским провидением), усиливает впечатление чуждо-необычного (например, в реплике Антигоны: «Непостоянная царица мира, которая все делает вслепую, без плана и основания, но на которой все и основывается...») [13. Р. 111]⁵). С другой стороны, родовое проклятие имеет прямое значение: все члены семьи расплачиваются за грех Эдипа – отцеубийство и кровосмешение. В построении текстовой структуры драмы Ротру явно следует принципу объяснения, семантического размыкания архаического как непонятного, т.е. знаково-смысловая структура строится таким образом, чтобы быть доступной осмыслению современности; так мотив родового проклятия в сознании зрителей непротиворечиво сближался с христианской идеей первородного греха, а также с христианской же антиномией проклятия/благословения.

Мотив проклятия для Ротру чрезвычайно важен как один из определяющих смысловых механизмов, участвующих в разворачивании действия и дискурса (в своей активности он перекрывает мотив рока). В двух случаях он прямо соотнесен с событиями: Эдип проклинает своих детей, и Иокаста, не добившись успеха в примирении готовых вступить друг с другом в схватку сыновей, в гневе проклинает не внемлющих ей и не считающихся ни с ее авторитетом, ни с узами крови Полиника и Этеокла. В случае Антигоны, Этеокла и Полиника мотив проклятия служит еще и для психологического углубления характеров (подсказанного античным материалом): Полиник и Этеокл говорят о себе, помимо прочего, как о наследниках Эдипа – они вынуждены расплачиваться за его грехи, и их власть имеет опасно неустойчивое основание, они осо-

знают себя заложниками неустроенности, распавшейся целостности – семейной и государственной, утратившими всякое почтительное доверие авторитетам, главным образом из-за скомпрометированности патриархальных принципов отношений. В дискурсе Иокасты и Антигоны «проклятие» семантически преломляется в «греховность» как осознание собственной вины и необходимости смирения, а также готовность на саможертвование (последнее близко христианскому мотиву добровольного мученичества).

В построении текста «Антигоны» заложен принцип смыслового прояснения мифа, отсюда тема рода решается и еще в одном ключе – природного закона единства, и именно связанная с этим законом семантика является направляющей. В открывающих сценическое действие монологах Иокасты развитие получает идея природы, которая связывает неразрывными узами родителей с детьми и детей друг с другом. Однако природное в значении родственной связи также неоднозначно: в нем заложены два взаимоисключающих начала – вражда и примирение (движение к этим двум противоположным полюсам и определяет у Ротру смысловое основание трагизма). Во-первых, природное оборачивается соперничеством братьев – в сущности, не до конца объяснимым, но неотменимым. Если не останавливаться на психоаналитической подоплеке, здесь «природное» есть перевернутое, само себя опровергающее, а потому устрашающее своей «противоестественностью»: Так, определяя Этеокла, Иокаста говорит о нем как о «лишенном человеческих чувств сердце», вступая в вооруженное столкновение с братом, он совершает «бесчеловечный поступок» [13. Р. 81, 84]. Примечательно, что Ротру не придает вражде между братьями политического характера, т.е. не делает ее соперничеством из-за власти (заметим, что драматург принципиально не идет здесь за Еврипидом, у которого война между Полиником и Этеоклом объясняется амбициозностью, властолюбием последнего, он скорее следует за Эсхилом и Софоклом, в трагедиях которых взаимная ненависть братьев не получает достаточно ясного объяснения, что придает ей оттенок мистического, рокового).

Непримиримой вражде братьев акцентно противопоставлен мотив неразрывности родственной связи, отчетливее всего проявленный в позиции Иокасты и Антигоны, поведение которых определяется верностью кровным узам, ответственностью за жизнь членов семьи. Героини глубоко осознают их связь с близкими, трагическую судьбу которых они абсолютно, как в бытии, так и в смерти, разделяют. Все дискурсивные усилия Иокасты направлены на примирение сыновей: она не устает напоминать Этеоклу и Полинику об их родстве, настаивая на авторитете матери – они обязаны ей рождением, и ее волю должны исполнять. Для Иокасты вражда сыновей не имеет оправдания: тот, кто выступает против единокровного брата, нарушает главный закон жизни, а значит, безумен, преступен, заслуживает осуждения. Подобное преступление неизбежно должно привести к гибели: уже в начале сценического действия (вторая сцена первого акта) Иокаста предре-

кает смерть обоих сыновей, которые убьют один другого. Для Иокасты также безусловно и то, что она как мать должна разделить трагическую участь сыновей, что она и делает, лишая себя жизни сразу после их гибели.

Еще более ярко неразрывность родственной связи выражена в образе Антигоны, которая отказывается от супружеского счастья из-за обрушившихся на ее семью бед: забывая о возможной радости в браке с любимым Гемоном, она полностью сосредоточивается на заботе о братьях – выражает свое беспокойство о них, уговаривает Этеокла и Полиника отказаться от борьбы друг с другом, после же их гибели она думает только о том, чтобы исполнить долг сестры, совершив над ними погребальный обряд, и уйти из жизни вслед за близкими, тем самым оставшись до конца причастной общей судьбе их семьи. В трагедии Ротру акценты заметно смещены с верности высшему закону, а следовательно, осознания героиней своей этической правоты в противостоянии насильственно навязываемой ей «неправде» (как это было у во многом копируемого французским драматургом Софокла) на преданность семье – в высказываниях Антигоны преобладает тема нераздельности ее судьбы с судьбой братьев и родителей. Такая позиция Антигоны, настойчиво повторяющей о своей абсолютной преданности родителям и братьям, выводит к главному идейному итогу трагедии, который подразумевает гипотетическое снятие конфликта и даже в определенной мере примирение противоборствующих сторон (Креонт страдает за своих детей и жену, как и Антигона страдает за своих близких) и который (как и в «Смерти Геракла») имеет своим истоком мифологический – по существу архаизирующий текст драмы, как и сам трагический конфликт, – принцип доминирования закона рода. Это отчасти объясняет, почему трагедия Ротру начинается не с погребения Полиника (как у Софокла), а с осады Фив и поединка братьев: вековечный закон родства был нарушен по вине братьев, и в финале он был восстановлен через искупление Антигоны.

Семантика родства получает настолько широкое распространение в тексте трагедии, что начинает превалировать относительно других имеющих мифологические истоки и заимствованных Ротру у античной трагедии экзистенциальных смыслов, с которыми она прочно сплетается (примером чего является главным образом Антигона, в высказываниях которой находят отражение все узлы смыслового напряжения, а также снимаются основные идейные противоречия трагедии: на протяжении всего действия героиня дискурсивно превышает ситуативную конфликтность – она никогда не оценивает происходящее с позиции вражды, политики, социального закона, какой-либо страсти – но только этической устойчивости (имеющей значение не столько долга, сколько призвания) в верности мудрости мирового порядка, постигаемого посредством причастности всеединству, понимаемому и принимаемому в первую очередь через очевидность единства родового).

Второй уровень, который обнаруживается начиная с середины пьесы и который восходит к тексту

античной трагедии («Антигона» Софокла) – **экзистенциальный**. Это то, что привлекает в истории Антигоны драматургов Нового времени: проблема выбора этически значимого поступка, решимость на обреченное на провал противостояние превосходящей силе, ответственность утверждения веры перед лицом смерти, одинокое сопротивление разрушению, имеющее своим основанием глубокое осознание человеческого достоинства. Подобная смысловая модернизация конфликта найдет лишь частичное отражение в тексте «Антигоны» (отчетливее всего предстояние высшему закону и отказ от всего навязываемого обществом, а также сопротивлению насильственному давлению обстоятельств и чужой воле готовностью к уходу в небытие как личностному высвобождению проявлены в одной из реплик героини в ее споре с Креонтом: «Она (смерть. – Л.С.) избавит меня от вашей власти, и мое наказание будет моей свободой» [13. Р. 135]), в целом же она остается недоступна драматическому письму Ротру – экзистенциальный уровень в его трагедии непреодолимо архаизирован). Поступок, как и смерть, на которую он обрекает, имеет, в сущности, не индивидуальное, но опять-таки родовое значение. В трагедии Ротру сообщению об указе Креонта предшествует рассказ о поединке Этеокла и Полиника. Первая реакция Антигоны на весть о смерти ее братьев – последовать за ними. Эта связь с семьей остается определяющей и в последующих монологах Антигоны: в указе Креонта она видит очередное несчастье, обрушившееся на многострадальный род, а также прямое преследование их с Исменой как последних оставшихся в живых из семьи Эдипа, т.е. героиня говорит об истреблении их семьи, себя же заранее видит жертвой, для которой нет выбора и которой закономерно предоставляется случай разделить судьбу близких (Антигона говорит Исмене о том, что их «кровь» не позволяет им поступить недостойно, т.е. они не должны пытаться избежать исполнения долга перед семьей во время преследующих ее несчастий: «...после всех потрясений, посланных нам судьбой, может быть только смерть» [13. Р. 19]).

Политический уровень текста (наряду с психологическим также ориентированный на современное прочтение античного сюжета) позволяет выделить два плана. Один из них – архаизированный – целиком ориентирован на софокловский конфликт, углубление которого в данном случае несколько не изменяет его сущности. Этот план обнаруживает себя в двух заключительных актах трагедии в противостоянии Креонта и Антигоны, в которое оказывается замешан и Гемон (что также можно найти в «Антигоне» Софокла). Опираясь на Софокла, Ротру строит риторическую систему трагедии на слишком неустойчивом смысловом основании, подвижность, неоднозначность которого он принципиально еще отчетливее, чем его предшественник, обнаруживает. Нельзя не признать, что у Ротру, как и у Софокла, Антигона в ее героической стойкости, питаемой верностью долгу как личностной необходимости, верой в правильность своей позиции, соответствующей непреложности высшего закона, оправдана

(что находит сразу несколько подтверждений в событийном действии: введении фигуры прорицателя Тиресия, указывающего на тяжесть совершенного Креонтом преступления, заключающегося в непочтении к мертвым (а значит, неуважении установленных самими богами законов), а также в несправедливом преследовании праведницы; споре-столкновении Креонта с собственным сыном, который при демонстрируемом признании авторитета отца встает на сторону Антигоны, апеллируя при этом к общественному мнению; наконец, наказании Креонта за его произвол и жестокость). Однако оправдание Антигоны неабсолютно, финал не разрешает конфликта.

В трагедиях Софокла нет идейной однозначности, как нет и общего смыслового итога, мир открывается в плюралистичности его освоения как столкновение нескольких принципиально не согласующихся друг с другом истин. Ротру вслед за Софоклом вскрывает неразрешимое противоречие между божественным и социальным законом, которые имеют разную природу, а потому не могут поверяться один другим. Превосходство «божественного» как освященного традицией порядка, аксиологически устойчивого к любым посягательствам, не отменяет, не перекрывает правды общественно-политического интереса. Ротру оставляет этот вопрос открытым, более того, он усиливает проблемное напряжение, вводя в действие двух фиванских граждан – Клеодамаса и Эфиза, которые защищают кардинально разные позиции: первый говорит с точки зрения терпящих бедствия от военного вторжения греков фиванцев, для него Полиник, который несет разорение и смерть собственному народу и который привел на родную землю чужаков, а значит, готов надругаться над их верой и традициями, установить в городе власть чужеземцев, обратив граждан в рабов, – бесспорный враг, не заслуживающий прощения; второй говорит с точки зрения человечности, не допускающей разделения по политическому и любым иным признакам, – отказывать Полинику в погребении, как и всякому другому, бесчеловечно («...он был человеком, к тому же благородным, царевичем и фиванцем» [13. Р. 126]), и первейший долг Креонта как носителя власти – проявить милосердие. Именно во введении этих второстепенных действующих лиц можно наблюдать усилие Ротру оосовременить античный сюжет.

Пример введения внешней оценки спора Креонта и Антигоны можно видеть и у Софокла: в его трагедии функция наблюдателя и судьи передана хору, который занимает двойственную позицию, оправдывая то Креонта, то Антигону. Новое в трагедии Ротру, обращенное непосредственно к современному зрителю, заключается не в диалогизации идейного противоречия, а в заметном ином освоении проблемы власти (что было замечено уже в гуманистической трагедии и далее получит усложнение в трагедии классицистической). Власть рассматривается в двух аспектах: как сословный кодекс поведения и как право распространять свою волю на граждан, которые имеют собственную заинтересованность в правителе и определенные требования к нему. У Ротру спор Клеодамаса и Эфиза

наделен актуальным звучанием: первый ждет от Креонта непримиримости, жесткости по отношению к врагам и их сторонникам (здесь – к Антигоне), второй говорит о том, что репрессивные методы управления служат слабым основанием для власти – жестокость вредит ее престижу, подрывает доверие к ней подданных, которые начинают внутренне не соглашаться с правителем, а затем открыто осуждать его действия («Напротив, суровость в таких обстоятельствах служит плохим основанием для царской власти, едва такая власть устанавливается, как все хотят, чтобы она закончилась...» [13. Р. 130]).

Спор Клеодамаса и Эффита, к которому причастны Креонт и Антигона, выводит к одной из ключевых проблем трагедий Ротру: возможна ли справедливая власть и является ли мнение народа ее опорой. Идея совершенной власти выражена в обращенном к Креонту призыве Эфиза: «Согласуйте справедливость с природой; властвуйте в первую очередь над умами...» [13. Р. 130]. Креонт же, поддерживаемый Клеодамасом, настаивает на невозможности подобного благодушия, видя в этом преступную слабость власти, которая должна строго блюсти установленный социальный закон, укрепляя этой неотступной «правильностью» свой авторитет. Креонт настаивает на том, что он не просто человек, но носитель власти, что подразумевает беспелляционность следования букве закона: «...или меня лишат титула царя, или моя власть отстоит этот закон» [13. Р. 134]. Креонт не принимает никакой критики в адрес его власти, не признает никакого суда над ним граждан, от которых ждет безусловного повиновения. Спор Клеодамаса и Эфиза, отражающий противоречие в позиции Креонта и Антигоны, возвращается к началу сценического действия – к противостоянию Этеокла и Полиника.

Ротру усложняет конфликт между Этеоклом и Полиником, накладывая на мифологическую матрицу политическую семантику. В противоборстве братьев уже обнаруживается тот вопрос, который получит углубление в столкновении Креонта и Антигоны: возможна ли справедливая власть и что составляет основу правления? Как и в случае спора Креонта и Антигоны, в противостоянии Этеокла и Полиника этот вопрос остается открытым. В тексте трагедии присутствует характеристика Этеокла и Полиника как правителей (что заслуживает особого внимания, поскольку в этом Ротру оригинален и проявляющиеся здесь в противовес архаической подкладке мифа смыслы наиболее актуальны для французской драмы XVII в.). Начнем с того, что Ротру далек от осуждения как Этеокла, так и Полиника: их спор неразрешим, поскольку у каждого своя правда, и в этой правде ни один из них не выше другого.

Этеокл определен как царь, правление которого угодно народу, ему чужды амбиции и властолюбие, укрепление доверия подданных он полагает своим долгом, верность которому необходимо доказывать в любых обстоятельствах («Мой трон укрепляется желанием моих подданных... государство меня поддержи-

вает...» [13. Р. 87]), который есть высшая честь и служение и без которого никакие иные смыслы целеполагания для него невозможны. Для Этеокла власть – это и «право», и «служение», и «честь», вторжение же Полиника есть для него посягательство сразу на все это как его неотъемлемую целостность. Образ Этеокла подкрепляется также этическим принципом воинской доблести: он – мужественный воин, дорожащий славой защитника города и видящий в столкновении с греками справедливую оборонительную войну, оправдывающую все жертвы (Этеоклу принадлежит формула военного могущества государства: «Война государств не исключает справедливости...» [13. Р. 88]). Однако при всех положительных характеристиках, которые можно вывести из самовысказываний Этеокла, а также из созвучных им реплик других персонажей (например, Иокасты) имеет место и критика: именно он выступает зачинщиком военного конфликта – он несправедливо поступил со своим братом, лишив его законных прав на трон и изгнав из родного города. Кроме этого, уверенность в своем абсолютном праве на власть притупляет в Этеокле чувство ответственности: он не видит в себе виновника бед, которые терпит его государство, отрицает его личную вину за происходящее.

В этом он невыгодно отличается от Полиника, который глубоко переживает свою вину за гибель славных воинов его армии, именно он предлагает не возобновлять приостановленного гибелью Менекея сражения и разрешить военный конфликт в их с братом поединке. Согласно дискурсу Полиника, он пришел в Фивы отстаивать его право на власть, восстанавливать поправную справедливость. При этом из высказываний героя неясно, как эта власть была бы им осуществляема: в устах Полиника власть есть только этическое основание, соблюдение закрепленных традицией законов, в том числе наследования трона, не более. Исходя из наблюдений за риторическим противостоянием между Полиником и Этеоклом, в которое оказываются втянуты Иокаста и Антигона, становится очевидно, что политический дискурс здесь свернут во многом потому, что подчинен, задавлен архаической семантикой рода. В их взаимной вражде Полиник и Этеокл выступают прежде всего как братья, а не как носители власти или претенденты на нее. «Я вооружаюсь для защиты права, он – для предательства; он стоит за несправедливость, а я – за правду» [13. Р. 100], – утверждает Полиник в разговоре с Антигоной, и в контексте спора героев «право», «предательство», «несправедливость», «правда» прочитываются как личное право, характер внутрисемейных отношений. Подобная акцентировка сугубо личностных связей находит подтверждение в высказываниях, где доминирует мотив рока и родового проклятия, наряду с мотивом рода – его укрепления и ослабления, – покрывающего политические смыслы. Этеокл перед сражением с братом: «Фивы, которыми никто никогда не правил без преступления, сейчас судьба даст тебе законного царя...» [13. Р. 101]. Эта тема роковой вражды развивается и в репликах Полиника, который настаивает на том, что

«природа» как кровное родство утратила свое значение, так что теперь оправдан только личный интерес, защищаемый любим, в том числе насильственным путем: «...у природы нет больше ненарушимых законов, каждый делает закон из своей собственной выгоды» [13. Р. 104]. В поединке героев титулы отброшены – Этеокл и Полиник сражаются друг с другом как брат с братом. Тема родства закрепляется и в монологе Иокасты, для которой враждуют в первую очередь братья, ее сыновья, а не претенденты на царский трон. Таким образом, знаково-смысловая неразвитость, свернутость политического конфликта является одним из главных препятствий его разрешению. Полиник и Этеокл оспаривают друг у друга не власть как таковую, но естественное право, т.е. право по рождению.

И все же следует отметить, что в споре о власти Этеокла и Полиника присутствует такой аспект, который будет углублен в дальнейшем развитии действия в споре Клеодамаса и Эфиза, а также Креонта и Антигоны: достаточным ли основанием для власти является престиж правителя в народе, какими качествами должен обладать царь, чтобы упрочить свое положение. Иокаста говорит о правлении Этеокла как о мягком, ненасильственном, именно эта лояльность подкупает подданных и обеспечивает их поддержку («Любовь его подданных – надежная охрана» [13. Р. 109]), в возможном же правлении Полиника Иокаста и Этеокл предвидят тиранию, т.е. своеволие и жесткость. Эти догадки находят подтверждение в высказываниях самого Полиника, который говорит о том, что не стремится к популярности, не заботится о том, чтобы быть любимым народом («А я меньше любим народом, мне безразлично, будут ли меня бояться или любить» [13. Р. 109]). По убеждению Полиника, власть должна быть абсолютной, ничто не должно ограничивать безусловный авторитет правителя, оглядка на реакцию подданных ослабляет решимость и волю царя, к тому же его благосклонность может послужить причиной неуважения к его решениям, открытого неповиновения («Власть того, кто любим народом, менее абсолютна; эта любовь часто препятствует тому, что он решает» [13. Р. 109]). Согласно репликам Полиника, уступка мнению народа есть признак слабости власти, заслуживающей осуждения зависимости правителя от изменчивых желаний толпы («Слишком податливый народ связывает их (царей. – Л.С.) своей любовью; чтобы быть любимым, нужно править слишком мягко <...> Кто слишком полагается на других, подвергает себя большой опасности» [13. Р. 109]). Такое пунктирное, хотя и краткое, «случайное», довольно беспорядочно прорывающееся сквозь мифологический пласт текста проявление семантики власти свидетельствует об актуальности этой проблемы.

Нерешенность вопроса характера и законности власти в ситуации спора Этеокла и Полиника в определенной мере провоцирует возвращение к нему в споре Креонта с Эфизом и Гемоном. Так, отвечая на упрек Эфиза в жестокости, нетерпимости по отношению к Полинику, Креонт повторяет аргумент са-

мого Полиника: «...быть слишком снисходительным – значит слишком рисковать» [13. Р. 142]. И далее, в разговоре с тем же Эфизом Креонт продолжает утверждать, что непреклонность, суровость, демонстрируемая им по отношению к непокорным, «бунтарям», укрепят его авторитет («Мое правление только начинается, и эта безнаказанность имела бы отрицательные последствия для моей власти...» [13. Р. 152]). Ближе всего к разрешению проблемы качества власти драматическое письмо Ротру подходит в диалоге Креонта и Гемона. Несмотря на то что спор Креонта с Гемоном заимствован Ротру у Софокла, за счет контекста (их диалог продолжает развивать уже обозначенные в сценическом действии вопросы), а также некоторых акцентных смыслов, которые позволяют увидеть действующих лиц в иных ролях и иных отношениях друг с другом, в трагедии французского драматурга он приобретает оригинальное звучание. Если не брать во внимание мифологический уровень (здесь, как и во всем тексте, доминирующий), в котором конфликт раскрывается как семейно-родовой – соперничество двух семей царского рода (Эдипа и Креонта), привязанность и ревность отца и сына, супружеская безусловная близость и скрепленное браком новое родство мужа и жены, – в высказываниях Креонта и Гемона, предстающих в определенных статусных ролях, отчетливо прочитываются политические значения.

Именно в диалоге с Гемоном Креонт выразительнее всего проявляет себя носителем абсолютного авторитета, полновластным правителем, требующим в соответствии с законом главенства беспрекословного повиновения как от фиванских граждан, так и от членов семьи. Вместе с этим здесь за Креонтом окончательно закрепляется роль тирана – устанавливающего свой закон вопреки религиозно-мировоззренческим традициям и не считающегося с общественным мнением. В ситуации спора с Гемоном Креонт забывает о государственном интересе, который заботил его в момент издания репрессивного указа относительно «врагов» Фив, здесь на первый план выступает *личный* интерес царя, обеспокоенного только одним – укреплением своей власти, в том числе и посредством жесткого подавления любого сопротивления, преследования любого иного, чем его собственное, мнения («Какие бы ни были намерения царя, как и самих богов, верные подданные должны уметь на все закрывать глаза и, подчиняя чувства власти короны, какие бы ни были законы, думать, что они хорошие» [13. Р. 143]).

Гемон же выступает здесь не только в роли сына и жениха Антигоны, образно-смысловое построение его монологов, а также социально-исторический контекст французской драмы XVII в. с вполне определенными зрительскими ожиданиями позволяют в данной сцене видеть в Гемоне придворного, ментора, мудрого советника, который наставляет монарха, учит его образцовому правлению (достаточно распространенное для французского театра того времени амплуа⁶). С одной стороны, Гемон демонстрирует абсолютную преданность Креонту как царю (в его репликах заметно рас-

пространена семантика долга, уважения к безусловному авторитету царской короны, волеизъявлению того, кто наделен верховной властью: «Все мои чувства подсказаны мне долгом. Я принадлежу вашему роду и вашей короне и, ни в чем не изменяя их власти, могу жениться, следуя только вашей воле» [13. Р. 142]), с другой же, видя, что заносчивое высокомерие, своеволие Креонта, в которых он презирает как высший закон справедливости, так и суд народа, могут обернуться против царя, ослабить его власть, подорвать политическую устойчивость в государстве, Гемон вступает с ним в спор («...кто желает вам правления и славного, и спокойного... вам, кому я один отваживаюсь говорить без притворства» [13. Р. 144]). Позицию Гемона составляют два принципа: разумного основания, следуя которому, правитель должен уметь руководить своими страстями, не позволить ослепить себя амбициям, принимать взвешенные решения в состоянии эмоционального равновесия; поддержки власти царя гражданами – суждение правдивой заинтересованности (согласие или отрицание) народа есть лучшая проверка справедливости власти, в своем правлении царь должен опираться на волю подданных, его указы не должны противоречить этическим законам, которые служат гарантией благополучия общества, преступления царей влекут за собой всеобщие бедствия (что находит подтверждение в мифе).

Итак, согласно Креонту, властитель полагается исключительно на собственную волю, имея основанием саму себя, власть не нуждается ни в какой иной опоре и всегда находит свое собственное оправдание, следовательно, всякий, кто ей не подчиняется, преступлен; согласно же Гемону, власть должна укреплять, а не подрывать законность как общепринятую норму справедливости (в данном случае, следуя за Софоклом, Ротру делает именно общество гарантом этического, как и политического, закона). Креонт: «Оно (государство. – Л.С.) и его жители – рабы царей». Гемон: «Да, если сами цари – рабы закона» [13. Р. 145]⁷. Диалог заканчивается насилием: Креонт лишает Гемона права голоса, препятствуя всякому вмешательству с его стороны в государственные дела. Спор Креонта и Гемона разрешают дальнейшие события: своеволие Креонта разоблачается устами прорицателя Тиресия, говорящего с позиции высшего авторитета, кроме того (и здесь снова срабатывает мифологический принцип – совершаемое преступление ложится на весь род), Креонт оказывается наказан утратой жены и сына. Таким образом, сквозь все собой заслоняющий мифологический уровень прорываются политические смыслы, которые обеспечивают архаическому сюжету современное звучание. В данном случае зависимость от античных источников сыграла на усложнение проблемы природы абсолютной власти, указана та граница своеволия ее носителя (при абсолютизации религиозно-этических оснований как мере политической справедливости), превышение которой приводит к подрыву ее устойчивости.

Еще один уровень структуры драматического текста «Антигоны» – **психологический**. Как и в «Смерти Геракле», в своей очередной трагедии Ротру

стремится к психологическому усложнению образов главных действующих лиц, что достигается привлечением сентиментальных мотивов, в силу их неоднородности не имеющих органической связи с мифологической матрицей и по своей природе трагикомедийных. В первую очередь это касается заглавной героини: ее забота о совершении погребального обряда над телом Полиника имеет своим основанием не только долг перед родом (как это было у Софокла), но и сестринскую любовь, которая связывала Антигону с братом с раннего детства. В своих репликах Антигона несколько раз возвращается к образу Полиника, их доверительному общению и взаимной заботе, присовокупляя к этим воспоминаниям признание в том, что ее нежная привязанность к брату намного превосходит сестринское чувство и что подобная близость никогда не связывала ее с Этеоклом («Хотя один и тот же долг связывает меня с обоими, я всегда любила одного с большей нежностью» [13. Р. 92]). Беседуя с Полиником, Антигона использует такие выражения, которые никогда не употребляет по отношению к Этеоклу («добрый брат», «скромный царевич»). Эта сентиментальность высказываний Антигоны наиболее ощутима в сближении с контрастирующим с ними жестким, силовым дискурсом Этеокла, Полиника и Креонта. По своей сентиментальной окрашенности – с сетованием, слезами, нежным беспокойством – обращенные к Полинику монологи Антигоны напоминают дискурс влюбленной женщины.

В подобном сентиментальном ключе представлена Ротру любовь Гемона к Антигоне. Если Антигона крайне сдержанна в выражении своих чувств к Гемону (в ситуации преследующих ее семью бед личное счастье, а следовательно и дискурс нежной страсти, представляется Антигоне запретным: «...слепой страх наполняет мою грудь и говорит мне больше о могиле, чем о постели» [13. Р. 90]); к тому же проявление чувств к жениху стало бы повторением ее признаний в любви к брату; наконец, дискурс страсти, который утвердил бы Антигону в роли невесты, мог подорвать единство ее трагической роли – страдающей за родных дочери и сестры), то герой, напротив, красноречив в своей страсти. Любовь к Антигоне скрывает все иные проявления этого героя, в том числе доблесть воина (он сражается за Фивы) и политический статус (приход к власти Креонта ставит его в положение наследника престола). Будучи трагикомедийным героем-любовником, Гемон принципиально дегероичен и аполитичен (исключение составляет его спор с отцом в четвертом акте): в разговорах с Антигоной Гемон утверждает, что ни интересы государства, ни уважение к власти не могут поколебать в нем верности возлюбленной; согласно признаниям героя, его главная забота во время сражения с греками – уберечь дорогого Антигоне Полиника, вместо того чтобы служить Фивам и сражаться с врагом, он отражает направленные на брата невесты смертоносные удары⁸.

Характер этого героя, лишенный брутальности и располагающийся вне главного конфликта, не изменяется и после агрессивных действий Креонта. Гемон Ротру (этого не было у Софокла, за которым французский драматург

следует в развязке трагедии) начинает размышлять об активном сопротивлении воле отца, свержении его с трона, открытом бунте («...подорвем славу, которая его окружает, низвергнем его трон, разрушим его государство» [13. Р. 150]), однако тут же отказывается от идеи прямого противодействия, избирая позицию уступительной защиты – разделить судьбу Антигоны. Трагедийным героем, возвысившимся до Антигоны, Гемон становится только в конце сценического действия, когда, оплакав погибшую невесту и заявив протест преступному насилию, тирании Креонта, закалывается над телом возлюбленной, повторяя при этом высказанную героиней мысль об освобождении в смерти. И все же благодаря sentimentalному тону реплик Гемона, обращенных к мертвой Антигоне, женской красотой и добродетелью которой он любит и которой признается в своей верности, сохраняется единство характера трепетного влюбленного.

Последний монолог Гемона, который он произносит перед самоубийством, можно считать идейным итогом трагедии: тема родового проклятия сближена здесь с темой политической при явном преобладании первой. В монологе Гемона перечисляются те из рода Кадма, кто стал жертвой рока (Кадм, Лай, Эдип), здесь же снова актуализируется предсказание Тиресия, которым открывается драматическое действие и которое спровоцировало гибель сына Креонта Менекея (начало первого акта). В данном случае пророчеству о гибели рода дается иное толкование: преследующие Фивы беды закончатся со смертью последнего из рода, однако этим последним является не Менекей, а Креонт, с его уходом из жизни теряет силу и проклятие. Именно эта мифологема родового проклятия сопрягается с критикой тирании – произвол насилия власти губит ее сама. «Время покажет, что на фиванском троне тирания никогда не останется безнаказанной» [13. Р. 163], – обращаясь к Креонту, восклицает Гемон, тем самым утверждая, что ни один тиран не удержится на троне Фив. Вместе с этим в Гемоне не перестает говорить влюбленный – он со страстью вспоминает о загубленной красоте Антигоны.

Таким образом, можно говорить о том, что на протяжении всего действия Ротру, усложняя драматическое письмо с помощью использования нескольких риторических способов – экзистенциального, политического, сентиментально-психологического, – пытается ослабить, преодолевая его жесткое давление, смысловое доминирование мифа, заложником которого драматург сам себя делает, во многом повторяя (вплоть до заимствования целых сцен) античные источники и самим принципом событийного и дискурсивного разворачивания трагедийного действия реконструируя древний миф. Ротру целиком, в готовом виде переносит в свой текст матрицу мифа, которая сдерживает, ограничивает его драматическое письмо, навязывая вполне определенный в его устойчивой оформленности, в сущности негибкий смысловой код. «Антигону» можно считать попыткой «осовременить» (т.е. придать актуальное звучание, напитав текст современными, главным образом социально-политическими и сентиментально-психологическими значениями) архаический сюжет. Ротру ставит своей задачей доказать актуальность мифа, однако, попадая в зависимость от него, подтверждает обратное.

Разные знаково-смысловые уровни – психологический, политический, экзистенциальный, – присовокупляясь к уровню мифологическому и заметно поглощаясь им, не образуют синтеза, оставляя впечатление искусственного наложения. Абсолютное доверие авторитету мифа тормозит конструктивное – в соответствии со смысловым вектором, намеченным исторически востребованной политической проблематикой, а также интересом к обнаруживаемому через любовно-психологическую конфликтность личному (которое привносится здесь Ротру как автором трагикомедий в сентиментальном ключе), – развитие трагедии. Анализ текстов трагедий Ротру с их разноуровневой структурой показывает, что французская классицистическая драма формируется из этой неустойчивой пестроты, определяемой часто неупорядоченным столкновением архаического (мифологического) и современного.

Примечания

¹ Первая треть XVII в. – время кризиса трагедийного жанра, который активно вытесняется трагикомедией (в 1628 г. на парижской сцене не было сыграно ни одной трагедии). Только в 1634–1635 гг. усилиями Ж. Мерэ («Софонисба»), Ж. де Ротру («Смерть Геракла»), П. Корнеля («Медея»), Ж. де Сюдери («Смерть Цезаря») трагедия возвращается во французский театр.

² О месте Ротру среди современных ему драматических авторов и его роли в развитии трагедии XVII в. подробно говорит Ж.-К. Вюймен в книге «Барочность и сценичность. Театр Жана Ротру» [1]. Касательно же вопроса отношения драматургического творчества Ротру и театра Корнеля существует несколько точек зрения. Одни исследователи указывают на прочную связь Ротру с эстетикой барокко, тем самым настаивая на оригинальности его трагедийного письма и отказываясь видеть в нем предшественника Корнеля, творчество которого в силу доминирующего положения в литературоведении на протяжении почти всего XX в. эволюционистского подхода к объяснению процессов в драматургии принималось за образец воплощения классицистической эстетики и который, таким образом, заслонял своей фигурой иных драматургов его времени (Сюдери, Мерэ, Ротру), пьесы которых рассматривались как предварение воплощенной в его текстах во всей полноте новой идейно-эстетической системы (такой позиции придерживается, например, С. Беррегар [2]). Другие, понимая развитие французской драматургии первой половины XVII в. как единый процесс и не акцентируя разделение на барокко и классицизм (принимая во внимание условность и непродуктивность подобного разграничения), говорят о плодотворности в случае Ротру постановки проблемы предшествования его текстов корнелевским и поэтологическому взаимовлиянию двух представителей театра, что позволяет приблизиться к осмыслению идентичности Ротру как драматического автора (об этом, в частности, опираясь на исследования Р. Гарапона [3] и Ж. Юбера [4], где сближается творчество Ротру и Корнеля, говорит Э. Мортга-Лонге [5]).

³ О жанровом смешении подробно говорит Б. Лува-Молозе в статье «Драматургия трагикомедии и трагедии (1610–1640 годы)» [11].

⁴ На преобладание темы рода в тексте «Антигоны» указывает и Б. Лува-Молозе, причисляя эту пьесу Ротру к трагедиям с «сюжетами, основанными на внутрисемейных конфликтах» [12. Р. 65].

⁵ Здесь и далее текст «Антигоны» Ротру дается в переводе автора.

⁶ Например, Тимаген в «Родогуне» П. Корнеля, Фарнабаз в «Тиранической любви» Ж. де Сюдери, Лодия в «Османе» Ф. Тристана Лермита.

⁷ К. Бие считает, что главная идея Ротру в «Антигоне» заключается в демонстрации того, что «власть, чтобы быть законной, должна объединить в фигуре правителя закон божественный, закон природный и законы человеческие, придавая им иерархическую зависимость одних от других» [14. Р. 82].

⁸ Ж.-И. Виалетон в книге «Драматическая поэзия и проза света. Поведение персонажей в трагедии во Франции XVII века» объясняет это так: во французском театре XVII в. отражаются принципы новой этики («воспитанность», «благопристойность»), драматурги были вынуждены примирять старый трагический универсум, в котором герой обязательно реагировал на обращенные на него угрозы, как и на потрясения судьбы, – и новый социальный мир, который требует того, чтобы герой был приобщен к культуре времени, следовал образцовому поведению (закрепляется «миф о новой вежливости») [15].

Список источников

1. Vuillemin J.-Cl. Baroque et théâtralité. Le théâtre de Jean Rotrou. Tübingen : G. Narr, 1994. 341 p.
2. Berregard S. L'exemple d'auteurs "préclassiques" redécouverts en France à la fin du XIX-e siècle: enjeux esthétiques et idéologiques // Histoire littéraire à l'aube du XXI-e siècle: controverses et consensus. Paris : PUF, 2005. P. 111–125.
3. Garapon R. Rotrou et Corneille // Revue d'Histoire littéraire de la France. 1950. № 3. P. 385–394.
4. Hubert J. Le réelle et l'illusoire dans le théâtre de Corneille et de Rotrou // Revue des Sciences Humaines. 1958. № 4. P. 333–350.
5. Mortgat-Longuet Em. Images de Rotrou dans l'historiographie du théâtre français (1674–1750) // Littératures classiques. 2007. № 2. P. 285–300.
6. Morel J. Rotrou dramaturge de l'ambiguïté. Paris : Klincksieck, 2005. 368 p.
7. Mouraret-Maisonnette L. Interlocution et style tragique à l'âge classique: Théophil de Viau, Rotrou, Corneille et Racine: thèse de doctorat. Grenoble : Université Grenoble Alpes, 2020. 616 p. URL: <https://these.hal.science/tel-03186831>
8. Forestier G. Essai de génétique théâtrale : Corneille à l'œuvre. Genève : Droz, 2004. 392 p.
9. Forestier G. La tragédie française: passions tragiques et règles classiques. Paris : Armand Colin, 2010. 309 p.
10. Forestier G. Politique et tragédie chez Corneille, ou de la «broderie» // Littératures classiques. 1998. № 1. P. 63–74.
11. Louvat-Molozay B. Dramaturgie de la tragi-comédie et de la tragédie (années 1610–1640). 2019. URL: https://www.dpletres.org/pdf/Theatre_tragi-comedie.pdf
12. Louvat-Molozay B. La tragédie de Rotrou au carrefour des genres dramatiques // Littératures classiques. 2007. № 2. P. 61–70.
13. Rotrou J. de. Théâtre complet. T. 2. Paris : Classiques Garnier, 1999. 539 p.
14. Biet Ch. Droit divin, droit naturel et droit humain dans Antigone de Jean Rotrou // Littératures classiques. 1992. № 17. P. 65–83.
15. Vialleton J.-I. Poésie dramatique et prose du monde. Le comportement des personnages dans la tragédie en France au XVII-e siècle. Paris : Champion, 2004. 832 p.

References

1. Vuillemin, J.-Cl. (1994) Baroque et théâtralité. Le théâtre de Jean Rotrou. Tübingen: G. Narr, 341 p.
2. Berregard, S. (2005) L'exemple d'auteurs "préclassiques" redécouverts en France à la fin du XIX-e siècle: enjeux esthétiques et idéologiques // Histoire littéraire à l'aube du XXI-e siècle: controverses et consensus. Paris: PUF, pp. 111–125.
3. Garapon, R. (1950) Rotrou et Corneille // Revue d'Histoire littéraire de la France. No. 3. pp. 385–394.
4. Hubert, J. (1958) Le réelle et l'illusoire dans le théâtre de Corneille et de Rotrou // Revue des Sciences Humaines. No. 4. pp. 333–350.
5. Mortgat-Longuet, Em. (2007) Images de Rotrou dans l'historiographie du théâtre français (1674-1750) // Littératures classiques. No. 2. R. 285–300.
6. Morel, J. (2005) Rotrou dramaturge de l'ambiguïté. Paris: Klincksieck, 368 p.
7. Mouraret-Maisonnette, L. (2020) Interlocution et style tragique à l'âge classique: Théophil de Viau, Rotrou, Corneille et Racine: thèse de doctorat. Grenoble: Université Grenoble Alpes, 616 p. [Online] Available from: <https://these.hal.science/tel-03186831>
8. Forestier, G. (2004) Essai de génétique théâtrale : Corneille à l'œuvre. Genève: Droz, 392 p.
9. Forestier, G. (2010) La tragédie française: passions tragiques et règles classiques. Paris: Armand Colin, 309 p.
10. Forestier, G. (1998) Politique et tragédie chez Corneille, ou de la "broderie" // Littératures classiques. No. 1. pp. 63–74.
11. Louvat-Molozay, B. (2019) Dramaturgie de la tragi-comédie et de la tragédie (années 1610–1640). [Online] Available from: https://www.dpletres.org/pdf/Theatre_tragi-comedie.pdf
12. Louvat-Molozay, B. (2007) La tragédie de Rotrou au carrefour des genres dramatiques // Littératures classiques. No. 2. R. 61–70.
13. de Rotrou, J. (1999) Théâtre complet. T. 2. Paris: Classiques Garnier, 539 p.
14. Biet, Ch. (1992) Droit divin, droit naturel et droit humain dans Antigone de Jean Rotrou // Littératures classiques. No. 17. pp. 65–83.
15. Vialleton, J.-I. (2004) Poésie dramatique et prose du monde. Le comportement des personnages dans la tragédie en France au XVII-e siècle. Paris: Champion, 832 p.

Информация об авторе:

Симонова Л.А. – канд. филол. наук, старший научный сотрудник отдела мемориальной работы Библиотеки-читальни им. А.С. Пушкина (Москва, Россия). E-mail: mouette37@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-7019-0215

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

L.A. Simonova, Cand. Sci. (Philology), senior research fellow, Library named after A.S. Pushkin (Moscow, Russian Federation). E-mail: mouette37@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.01.2024;
одобрена после рецензирования 03.03.2024; принята к публикации 30.06.2024.*

*The article was submitted 11.01.2024;
approved after reviewing 03.03.2024; accepted for publication 30.06.2024.*

Научная статья
УДК 82-822
doi: 10.17223/15617793/503/11

Образ Сибири в коллективном поэтическом сборнике «Сибирские мотивы» (1886)

Артём Витальевич Смольянинов¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, smoart2@gmail.com*

Аннотация. Рассмотрен первый сибирский коллективный поэтический сборник «Сибирские мотивы» (1886) сквозь призму метатекстового подхода. Раскрыта логика взаимодействия составных произведений на уровне читательской рецепции. Выявлены и проанализированы концептуальный и структурный уровни метатекста, связующие темы и мотивы, которые репрезентируют многогранный образ Сибири, сложившийся в национальной и региональной поэзии на момент выхода сборника.

Ключевые слова: коллективный литературный сборник, метатекст, сибирская литература, сибирская поэзия, образ Сибири, И.М. Сибиряков, И.В. Оммулевский

Источник финансирования: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2020-0042

Для цитирования: Смольянинов А.В. Образ Сибири в коллективном поэтическом сборнике «Сибирские мотивы» (1886) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 503. С. 112–122. doi: 10.17223/15617793/503/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/503/11

The image of Siberia in the multi-author poetry collection *Siberian Motifs* (1886)

Artem V. Smolianinov¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, smoart2@gmail.com*

Abstract. The article presents a metatextual analysis of the first Siberian multi-author poetry collection *Sibirskie Motivы* [Siberian Motifs], published in 1886 by philanthropist I.M. Sibiryakov, a representative of a well-known merchant family, which had a significant impact on the development of regional culture. The publication is based on the lyrical cycle of the same name by the Siberian poet I.V. Fedorov-Omulevsky, which he created in 1881–1883 shortly before his death and which reflected the result of his creative reflections on the fate of his native land. The relevance of the article is due to two factors: (1) the interest of modern Siberian studies in imagological studies of the diachronic reception of the multifaceted image of Siberia in the collective and individual author's consciousness and its representation in texts of different types and genres; (2) the need for a comprehensive understanding of how the regional literary process developed in the 19th century, especially in the context of the interrelation of all-Russian and Siberian literature. The novelty lies in the appeal to the previously unexplored material in the literary aspect of the first Siberian multi-author poetry collection. The study aims to clarify the specifics of the representation of the image of Siberia in works of fiction and to introduce new material on the “Siberian text” into scholarly discourse. The research methodology is based on a metatextual approach, in which multi-author literary collections are considered as special textual units – “literary ensembles”. Taking into account the object of research and the typological features of the first poetry collection *Siberian Motifs*, the conceptual field of the current work additionally includes aspects of the theory of lyrical cycles, the problems of books of poetry and components of the geopoetic analysis of the text. It is established that the image of Siberia acquires versatility and ambiguity in *Siberian Motifs* due to the overlap of various poetic interpretations in a chronological perspective, as a result of which historical, ideological, political and social contexts of the formation and perception of the region arise. The idea that the point of view on Siberia is determined by a look at its past (what it was), present (what it has become), and future (what it can become) runs through the entire collection as a backbone, fastening it into an integral metatext. At the same time, the leitmotif of human development, maturation, and flourishing is realized in the bosom of Siberian nature, with which difficult step-by-step relationships are built, coupled with motifs for gaining inner freedom, overcoming life difficulties, and acquiring spiritual renewal. The most significant in the collection turns out to be the generally life-affirming worldview of Siberian authors, characterized by pride in their native land and people, faith in their cultural rise, resistance to past adversities and future challenges.

Keywords: multi-author literary collection, metatext, Siberian literature, Siberian poetry, image of Siberia, I.M. Sibiryakov, I.V. Omulevsky

Financial support: The results were obtained as part of the implementation of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. FSWM-2020-0042.

For citation: Smolianinov, A.V. (2024) The image of Siberia in the multi-author poetry collection *Siberian Motifs* (1886). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 503. pp. 112–122. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/503/11

Введение

В гуманитарных работах последних десятилетий обозначился устойчивый интерес к изучению сибирской региональной идентичности, а также к аутентичным явлениям и процессам, происходившим на территории края. В немалой степени это обусловлено дискусионностью вопроса о самобытности историко-культурного пути Сибири и о том, какую роль она сыграла (и продолжает играть) в общенациональной культуре России, что также совпадает с мировым вниманием к проблеме регионализма и производным от нее.

Одним из основных направлений современного сибиреведения выступает имагологическое исследование диахронической рецепции многогранного образа Сибири в коллективном и в индивидуально-авторском сознании и его репрезентации в текстах разных видов и жанров (см., например: [1–6]). Главная задача, как правило, заключается в выявлении и описании пространственных характеристик, уникальных смыслов, которыми наделяется образ региона в восприятии представителей определенной национальности, культуры, социального слоя, политических и религиозных убеждений¹ и т.д.

Важными факторами действительности, повлиявшими на особенности творческого обобщения образа Сибири в отечественной литературе, стали «географическая отдаленность региона, его специфические природно-климатические условия, дистанцирование сибиряками себя от других сообществ, в первую очередь от жителей Европейской России» [7. С. 212–213]. Данные факторы обусловили возникновение устойчивых мифологем, мотивов, сюжетов, связанных с освоением нового пространства – прежде всего, в колониальном аспекте, в связи с чем фундаментальное значение в восприятии и осмыслении субъектом бытия приобрел концепт «дистанция», существенно влияющий, в свою очередь, на представления о чужой земле, Другом и инаковости². В дальнейшем – со становлением локального литературного процесса XVIII–XIX вв. и некоторым ослаблением экзотизации в репрезентации природы, инородцев и их культуры – образ Сибири обрел ярко выраженную амбивалентность, поскольку относительно взгляда «извне» (из Центральной, или Западной, России) сформировался антитетичный взгляд «изнутри» (из самой Сибири). На смену ситуации «столкновения» с новым, неизведанным пришли ситуации «взаимодействия» и «узнавания». Культурный ландшафт региона начал характеризоваться семантической динамикой, неоднородностью, ориентацией на диалогические отношения. Как отмечает И.А. Айзикова, «он позиционировался и представлялся его обитателям социокоммуникативным пространством трансграничья... Это было пространство постоянных и разнообразных трансферов сибирского/общерусского, своего / чужого» [8. С. 164].

Бинарная оппозиция «свой – чужой», необходимая для идентификации субъектности, выступает одним из основных способов структуризации внешнего мира (в том числе, по аналогии, мира художественного произведения) и наделяния его объектов набором определенных характеристик (включая стереотипные), зависящих от воспринимающего сознания. Дуалистические представления о Сибири (например, «ад – рай», «страна цепей – страна возможностей»), переносящиеся в разных вариациях и на дихотомию «Россия – Сибирь», закреплялись в социуме на уровне ментальных клише. По мнению Е.А. Ерохиной, они выступали своеобразными маркерами «ключевых этапов истории региона, каждый из которых связан с новым качеством интеграции Сибири в социокультурное пространство России» [9. С. 63] – вплоть до осмысления ее как «своей» территории, полноправной части общероссийского ландшафта и даже онтологически универсального места в литературе второй половины XIX и XX вв. (при сохранении параллельности тенденций (де-)мифологизации пространства). С данной точки зрения было бы вполне уместно лаконично отразить трансформацию семантического и коннотативного наполнения образа региона формулой «тезис – антитезис – синтез», каждый из элементов которой выражает определенную позицию в дискурсе о Сибири.

Обозначенная динамика образа региона, основные ракурсы и художественные приемы его конструирования (как частный аспект изучения проблемы сибирской литературы и сибирского текста) были в достаточной степени рассмотрены на материале отдельных произведений русских и сибирских писателей такими учеными, как, например, Н.А. Рогачева [10], В.И. Тюпа [11], А.С. Янушкевич [12], Т.Л. Рыбальченко [13], А.П. Казаркин [14], К.В. Анисимов [15], Е.Ф. Гудкова [16]³. В настоящем же исследовании мы, с целью уточнения специфики репрезентации образа региона в произведениях художественной словесности и введения в научный оборот нового материала по «сибирскому тексту», обратимся к первому коллективному поэтическому сборнику «Сибирские мотивы», который, как почти все сибирские коллективные сборники XIX в., до сих пор не оказывался в литературоведческом фокусе.

Впервые актуальность и перспективы изучения данных изданий и текстов в их составе как индикаторов культурного состояния региона были отмечены Е.А. Макаровой в ее монографии «Литературно-художественные сборники Сибири конца XVIII – первой трети XX в. в аспекте формирования регионального книгоиздания» [19], в которой представлен опыт систематизации и книговедческого и историко-культурного анализа ранее не исследованных материалов сибирских библиотек. Предпосылки и теоретико-методологические основы для изучения коллективных литературных сборников и журналов как особых текстуальных единств – «литературных

ансамблей», метатекстов – были заложены В.С. Киселевым [20], В.В. Баженовой [21] и Ю.В. Казариным [22]. Методология метатекстового анализа была применена нами к *прозаическому* коллективному литературному сборнику «Сибирские рассказы» (1862) – *первому* изданию данного вида, вышедшему из печати непосредственно в регионе [23]. Учитывая объект исследования и типологические особенности *первого поэтического* сборника «Сибирские мотивы»⁴, в концептуальное поле текущей работы дополнительно вошли некоторые аспекты теории лирических циклов (М.Н. Дарвин, В.А. Сапогов, Л.Е. Ляпина), проблематики книг стихов (Н.В. Барковская, У.Ю. Верина, О.В. Мирошникова) и компоненты геопоэтического анализа текста.

Один из важнейших тезисов указанной методологии заключается в том, что специфическим свойством эстетики и поэтики метатекстовых структур, в том числе ансамблевых единств, к коим относятся коллективные сборники, является наличие в них целостного «сверхобраза», а также единого дискурсивного высказывания (или, по У. Эко, эстетического сообщения), которые формируются в сознании читателя при рецепции отдельных текстов сборника и разноуровневых связей между ними (эксплицитных и/или имплицитных). Течение данного процесса обеспечивается совокупностью повторяющихся («сквозных») художественных элементов, соотнесенных с магистральной темой и обуславливающих как актуализацию читательского внимания (путем управления «горизонтом ожиданий»), так и имманентную смысловую динамику метатекста. Другими словами, в коллективных литературных сборниках, содержащих произведения художественной словесности, существует коллективно обусловленное высказывание, объект данного высказывания и средства его выражения, не созданные в процессе сотворчества, но ставшие связанными по причине 1) общей идейно-смысловой направленности и 2) соотнесенности в концепции составителя, модель которой поддается воспроизведению в ходе анализа. Таким образом, информационное, идейное и эстетическое содержание собрания произведений складывается путем суммирования их самостоятельных значений и дальнейшего смыслового наращивания через ретро- и перспективное со- и противопоставление друг с другом, что порождает сферу метатекста, границы и полнота которой обуславливаются результатами культурно-коммуникативного взаимодействия редактора/составителя, авторов и читательской аудитории посредством семиотического кода сборника.

Составитель и концепция сборника

Сборник «Сибирские мотивы» вышел в свет в 1886 г. по инициативе И.М. Сибирякова (1860–1901) – видного представителя состоятельного и влиятельного купеческого рода Сибиряковых, внесших значимый вклад в культурное и экономическое развитие Сибири, а также широко известных своей благотворительной, меценатской деятельностью, которая фактически являлась фамильным кредо. Сам И.М. Сибиряков, родившийся и выросший в Иркутске, а в 1875 г. переехавший

в Санкт-Петербург, активно интересовался делами родного края и, в частности, большое внимание уделял развитию региональной литературы. Как отмечает Т.С. Шорохова, автор его биографии, «жизнь и благотворительная деятельность Иннокентия Михайловича Сибирякова во многом были связаны с книгой: во-первых, миллионер собрал прекрасную библиотеку по истории и географии Сибирского края, в которой были и редкие издания; во-вторых, он щедро жертвовал на основание и комплектование книгами библиотек Сибири; в-третьих, лично выступил в роли книгоиздателя...» [24]. Например, на его средства были изданы «Сибирская библиография» и «Русская историческая библиография» В.И. Межова (обе – в 3 томах), «Сибирь как колония» Н.М. Ядринцева, «Рабочие на сибирских золотых промыслах» В.И. Семевского, собрания сочинений Г.И. Успенского, Ф.М. Решетникова, И.С. Тургенева и др. Сборник «Сибирские мотивы» также был подготовлен и опубликован в рамках благотворительной деятельности Сибирякова. Доход от его продажи шел семье И.В. Федорова-Омулевского, весьма заметного в истории сибирской литературы прозаика и поэта, скончавшегося в 1883 г. в условиях крайней бедности. Его одноименный лирический цикл («Сибирские мотивы», 1881–1883), написанный им незадолго до смерти [25], лег в основу данного издания.

Будучи одновременно и составителем, и издателем сборника, Сибиряков целиком определял его формально-содержательные свойства как литературно-художественного издания. Как известно, составительская деятельность, представляющая творческую работу по подбору, компоновке текстов, и процесс редакционно-издательской подготовки книги предполагают конструктивное воплощение конкретных взаимосвязанных образов – текстуального (произведение) и материального (издание), изначально сформированных в сознании создающего агента. В результате становится возможным говорить о наличии издательско-составительской концепции, творческом видении сборника, которые способны влиять на рецепцию книги и ее содержания.

Реконструировать концепцию «Сибирских мотивов» позволяют паратекстуальные компоненты: 1) тематическое название, которое не только отсылает к лирическому содержанию, но и выступает в качестве первичного метатекстового маркера⁵ (заглавной темы, точки смыслового сосредоточения); 2) предисловие, в котором И.М. Сибиряков формулирует целевое назначение сборника, принципы отбора произведений, а также указывает читательскую аудиторию; 3) оглавление, перечисляющее заголовки входящих в сборник текстов и одновременно показывающее их структурную и семантическую соотнесенность.

Примечательно, что в предисловии составитель приводит личную сентиментально-патриотическую характеристику и региона, и его лирики, в результате чего данный элемент аппарата издания – наряду с его названием – инициирует формирование метатекстового уровня в сознании реципиента, а также определяет эстетический ракурс восприятия образа региона и содержания сборника, посвященного его воплощению:

«Каждому естественно *любить свою родину*, а под влиянием этой любви *воспитывается чувство и ютится поэзия*. Нечего удивляться поэтому, что и среди *сибиряков* таится *привязанность к суровой и не всегда гостеприимной для других, но дорогой и милой им родине*. Для этой *бедной матери* также нашлось у *ее детей* теплое чувство, горячая слеза и песня. На этой *снежной пустыне*, среди *диких скал*, суждено было *вырваться своему поэтическому мотиву*, своей мелодии. Как бы ни были *бедны и скромны* эти песни, но они ценны, как выражение теплых чувств, как *первые проблески любви, первые весенние цветы* на сибирских полях» [26. С. 1].

Целевое назначение и содержательная особенность сборника раскрываются в следующих абзацах предисловия, где поясняется, что в него вошли произведения как сибирских, так и несибирских авторов, «чтобы дать понятие об общем представлении и господствующем тоне поэзии, посвящавшейся Сибири» [26. С. 2]. Данный факт позволяет нам отойти от проблематики понятия «сибирской литературы» и, как было упомянуто во введении, обратиться к «сибирскому тексту», осмысляемому в категории общенациональной литературы [27]. В таком ключе становится неверным оценивать репрезентацию образа региона в издании только с «внешней» или только с «внутренней» позиции: в границах метатекста сборника она, по воле составителя, предстает в антипарадигмальной перспективе; учитываются оба возможных положения субъекта.

Кроме того, утверждая разделение авторского корпуса по принципу автохтонности, составитель между тем называет авторов-несибиряков «нашими выдающимися поэтами» [26. С. 2], отмечая и принимая их поэтические высказывания наравне с другими, тем самым актуализируя влияние национальной поэтической мысли на сибирскую. В результате упраздняется социально-политическая ангажированность, активно проводимая в последней трети XIX в. областниками (при сохранении общего патриотического пафоса), что выводит проблематику и эстетику метатекста рассматриваемого сборника на уровень общерусского поэтического дискурса о Сибири. Локальная поэзия «малой родины», «родного края» в составе сборника, таким образом, переходит в более высокую категорию – поэзию «о крае», позволяя наметить путь к метафизике ландшафта, что также отражается на целевой аудитории сборника, обозначенной И.М. Сибиряковым как «тесный круг земляков и лиц, близких [в широком смысле] этому краю» [26. С. 2]. Такое указание на читателя дополнительно подчеркивает важность общероссийского восприятия содержания сборника о Сибири, который претендует на образную целостность.

Содержание и структура сборника

Целостный лирический образ в ансамблевом, метатекстовом образовании формируется в результате взаимодействия включенных в него произведений. Как отмечает О.В. Мирошникова, «поскольку краеугольный камень поэтики составной метаструктуры – вопрос о принципе соединения микротекстов отдельных

стихотворений в макротекст, представляющий, несмотря на свое монтажное происхождение, художественное единство, одним из основных аспектов анализа лирической книги является изучение системы внутренних связей между текстами» [28. С. 77].

Структурно произведения в составе «Сибирских мотивов» можно дифференцировать двумя способами: 1) на основании разделения текстов по авторским группам и 2) на основании имплицитной внутритематической организации текстов (т.е. принципа, по которому составитель расположил их в издании в определенном порядке).

В первом случае определяются следующие группы текстов (общее число сочинений – 52):

- произведения И.В. Федорова-Омулевского (из его цикла «Сибирские мотивы» и не вошедшие в него) – лирическое ядро сборника (24 стихотворения);
- произведения сибирских авторов (П. Кожевников, Н.М. Ядринцев, С.И. Москвин, А. Эпов, Ф.И. Бальдауф, В.М. Михеев);
- произведения несибирских авторов (С.Г. Фруг, Н.П. Огарев, В.И. Немирович-Данченко, А.К. Толстой, А.С. Пушкин, Н.А. Некрасов, Д.Н. Садовников, А.А. Бестужев-Марлинский, К.Ф. Рылеев, М.П. Розенгейм, С.А. Бердяев);
- сибирские фольклорные произведения (о Ермаке и покорении Сибири).

Здесь отражается определенный историко-литературный диапазон авторов, чьи произведения в составе коллективного сборника связывает сибирская тематика – начиная от народных творцов и ссыльных декабристов и заканчивая современниками И.М. Сибирякова, – а вместе с тем выражаются основные черты сибирского литературного процесса второй половины XIX в. На потенциальный вопрос, почему именно из этих имен был сформирован авторский корпус, сам составитель дает лаконичный и прямой ответ: ограниченность располагаемым материалом. Тем не менее, учитывая историческую дистанцию между отдельными произведениями, можно предположить, что Сибиряков, пусть и при условии ограниченности в выборе текстов, планировал показать весь накопленный в русской литературе опыт поэтического осмысления Сибири, связав ее прошлое, настоящее и будущее в историко-культурном аспекте. Этим же объясняется неизбежная идейно-эстетическая и жанровая неоднородность «Сибирских мотивов», когда в одном издании оказались романтическая и реалистическая поэзия, оды, элегии, баллады, песни и т.д., что также обращает нас к характеристикам литературного процесса Сибири, в частности к вопросу о синхронности/асинхронности его развития с общерусским литературным процессом.

Тематическая классификация стихотворений в «Сибирских мотивах» отражает логику их организации и взаимодействия как элементов метатекста. Именно здесь разворачиваются различные плоскости поэтического изображения Сибири путем группировки произведений в отдельные блоки, внутри которых тексты перекликаются друг с другом на уровне семантической близости заглавий, жанровых подзаголовков,

общих планов и объектов художественного мира, тождественности и сквозных мотивов. Перечень данных тем с их условными названиями и ракурсами отображения Сибири (в каждом выделены наиболее явные, но отнюдь не единственные), а также составляющих ее «малых» образов можно представить следующим образом (в том порядке, в котором они даны в сборнике):

- 1) воображаемая Сибирь (имагинативный ракурс);
- 2) сибирская родина (патриотический ракурс);
- 3) топография Сибири (топографический ракурс);
- 4) население Сибири (антропологический ракурс);
- 5) будущее края (прогностический ракурс).

Наиболее значимая роль в сборнике отводится текстам И.В. Оммулевского, которые присутствуют в каждом из разделов. Более того, именно группами его стихотворений начинается и заканчивается сборник, что ясно указывается на их композиционную, опорную и связывающую функции. Очевидно, это связано не только с социологическим контекстом издания сборника и творческой продуктивностью поэта, выделяющей его среди прочих сибирских авторов, но и с особенностями его лирики, способностью тонко улавливать проблемы и настроения своего времени, что, вероятно, совпадало с мироощущением И.М. Сибирякова. Как писал Е.В. Петухов, реконструируя творческую биографию поэта и осмысливая его наследие, «для человека с такой душевной организацией и с таким запасом любви и веры в ближнего, с таким идеальным подъемом духа, при всех личных невзгодах, мир, конечно, не мог казаться одним только источником зла...» [29. С. 18]. Творчество Оммулевского применительно к сборнику обладало теми чертами, которые позволяли его функционально структурировать и пронести идеолого-эстетическое послание Сибирякова через весь метатекст. Иначе говоря, если составитель исполнял роль дирижера в художественном ансамбле, то Оммулевскому была отведена роль ведущего исполнителя.

Не исключено, что на Сибирякова гипотетически могла оказать влияние и биографическая статья Н.М. Ядринцева «И.В. Федоров-Оммулевский», тоже опубликованная в 1886 г. и транслирующая идею о подлинном «певце родины». Возможно, свою роль сыграла посмертная литературная репутация Оммулевского в обществе как яркого представителя сибирской поэзии, что, впрочем, происходило с подачи тех же областников, конструирующих, по обоснованному мнению И.Ф. Гнусовой, собственный миф о сибирском писателе [30]. Но даже без оглядки на проблему поэтического таланта очевидны искренность чувств и любовь к краю, переживания о его судьбе, которые Оммулевский пытался в меру своих способностей передать в стихотворениях. Е.В. Петухов по этому поводу отмечал: «Оммулевский как лирик не является совершенно бесцветным даже в чисто поэтическом отношении: не обладая ни шириной, ни разнообразием таланта, ни силой изобразительности, он подкупает искренностью, задушевностью, беззаветной верой в свое призвание, в свои возвышенные цели, бодростью мировоззрения и детски наивной верой в будущее» [29. С. 26].

Для концептуального видения составителя «Сибирских мотивов» такие особенности творчества Оммулевского, вероятно, оказались решающими при выборе материала, который, по его замыслу, должен был придать общее идейное наполнение собранию текстов о регионе.

Специфика поэтического изображения Сибири

Открывают «Сибирские мотивы» стихотворения И.В. Оммулевского и С.Г. Фруга, в которых **Сибирь мыслится как далекий, величественный, свободный и чарующий край, страна из грез** (1). Представляющие ее лирические герои физически находятся вне изображаемого пространства, но при этом устремлены к нему на ментальном и эмоционально-чувственном уровне, за счет чего возникает эффект объемного, всеохватывающего взгляда, для которого не существует преград. Дополнительное усиление этого возникает за счет мотива воспоминания, характерного для стихотворений о покинутой родине. Показательным здесь является первое произведение – ода Оммулевского «К Сибири». Приведем фрагмент:

Сибирь родимая! *Повсюду* и всегда
С любовью к тебе я *устремляю взоры* –
Несется песнь моя *туда*,
Где степи ты раскинула и горы
Картиною, чарующей глаза
Любого путника. О, много, много раз,
Воскреснув в памяти, они мне напевали
Отраду бодрому взамен живой печали! [26. С. 3].

Однако уже в рамках развития этой темы отмечается дуалистичность образа Сибири на уровне авторской позиции. Так, в следующем стихотворении Оммулевский пишет: «И то уже не край изгнанья, // А край свободного труда, // Где благоденствия года // Давно изгладили страданья» [26. С. 4]. Но в третьем тексте читаем: «Нет там пустых истуканов, // Вздох изнеженной груди... // Там только люди да цепи, // Цепи да люди!» [26. С. 5]. Данное противоречие разрешается автором далее, через сюжет о принятии прошлого и его преодолении через труд, который ведет к нравственному очищению. В транслируемом лирическим героем следующего стихотворения («Счастливый сон») образе Сибири, рожденном его воображением (онейрический мотив), мы вновь встречаем описание природной красоты сибирских просторов, подобных «первобытному раю», обладающему как суровым величием, так и тайной благодатью, выступающей источником нравственного преобразования. При этом в данном произведении вводится тема сибирского народа, чей коллективный образ также является лирическому герою во сне. Это оказываются свободолюбивые, стойкие, сострадательные люди, сумевшие через единение друг с другом преодолеть невзгоды и сломать «цепи» каторжного прошлого:

...Народ наш – ссылки сын,
Он долго нес изгнания иго злое,
Чтоб не ценить страдание людское,
И дал обет несчастье любить... [26. С. 9].

Утверждение лирическим героем глубокой исторической и духовной связи сибиряков с родным краем, единства их судеб находит выражение и в оде С.Г. Фруга «На открытие сибирского университета в Томске», закрепляющей поэтические высказывания Оммулевского. В его тексте Сибирь сначала предстает в образе «малютки», что «ни гнева матери, и строгой, и разумной, // Ни ласк ее не знала никогда. // Ее батрачкою бесправною считали, // Рожденной для труда, бессильной для борьбы...» [26. С. 6]. Но по прошествии лет, благодаря «славным сынам, восставшим бойцам в защиту родины своей», Сибирь изображается «гордой и разумной женой». Таким образом, возникает семантика образа Сибири как свободного социального и интеллектуального пространства, утопической мечты, пронизанной возвышенным пафосом; провозглашается ценность коллективной созидательной деятельности, облагораживающей облик края и населяющих его людей. Первый раздел сборника в целом выражает надежду на благополучное, светлое будущее, преобразование Сибири и ее народа через ретроспективное осмысление негативного опыта.

В следующем тематическом блоке, представленном патриотической лирикой (2) поэтов-сибиряков, положение объекта и тональность его описания меняются, поскольку лирическое переживание дается от лица самих «сынов» Сибири. Здесь она не столько мыслится, сколько ощущается как необъятное, величественное, архаичное пространство. В частности, лирический герой стихотворения «Родина» Н.М. Ядринцева (псевдоним – Семилуженский) говорит о ней следующим образом:

Я рожден в *земле обширной*,
Где *границ пространств нет*,
Где от моря и до моря
Разостлался *белый свет*.
Я из той *страны привольной*,
Где начала нет рекам,
Где *зелеными морями*
Лес бушует по долам [26. С. 14].

При этом, в духе областнической идеологии, актуализируется колониальная проблематика, связанная с эксплуатацией природных богатств региона, а также мотивом обогащения, преступного отношения людей, пришедших извне, к сокровищам земли. Этому противопоставляется благоговейное чувство лирического героя, которое он испытывает к родине:

Я из той страны, что людям
Дорогой металл дала,
Для царей венцы сковала
И в порфиры облекла.
К той земле сыздавна зависть
В людях жгучая живет,
К почве девственного края
День за днем маня народ [26. С. 16].

Необходимость почтительного отношения к природе, вплоть до ее обожествления, в патриотической лирике подчеркивается характеризующими ее антропоморфическими чертами Матери. Вместе с тем она осмысливается и как сакральное место, благословленное Богом, что видно, например, в стихотворении П. Кожвникова «К Родине»:

И мертвому предстанешь ты опять
В своем любимом мною так уборе:
Весна, – и *веет Божья благодать*
На всем; *с улыбкой девичьей* во взоре,
Наряд *природа* стала обновлять... [26. С. 12].

Как и подобает «славным сынам», лирические герои стихотворений острее других чувствуют материнскую боль, глубоко осознают и переживают проблемы родного края, что может выражаться и в предельно пессимистичном, мрачном мироощущении, которое переносится на образ региона. Наиболее ярко это проявляется в элегии А. Эпова «К Родине», актуализирующей мифологическое представление о Сибири как о лиминальном пространстве [11]. В этом тексте лирическими персонажами выступают ссыльные и каторжане, оказавшиеся на первобытно-суровой, холодной, враждебной земле. В результате прямого сближения социально-политического и онтологического начал пространство Сибири наделяется специфической смертельной семантикой инобытия. Для персонажей, оторванных от собственной родины, дома, прежней жизни, эта чужая земля предстает в образе нежеланной мачехи, которая сулит им погибель, что и передается словами лирического героя-сибиряка:

Их уста призывают проклятья
На тебя, *моя родина-мать*,
Что тебе в *ледяные объятия*
Суждено их, как в *гроб, принимать*.
И ложится свинцовою думою
На тебя эта *ненависть их*,
И глядишь ты, как прежде, угрюмою
Из-под снежных покровов твоих! [26. С. 18].

Семантика и тональность данного раздела сборника обусловлены рефлексией авторов над неоднозначностью национальных представлений о крае, фиксацией ее актуальных проблем и размышлений о будущем, что на уровне лирического мировосприятия свойственно уже такому сознанию, которое не замкнуто на сновидениях, фантазиях и воспоминаниях, а воспринимает окружающую реальность и бытие других субъектов в социокультурном контексте.

Обозначенная предыдущими темами мифологическая антиномия (враждебность и благодать сибирской природы) переводится в реалистическую плоскость в серии топографических стихотворений, своего рода дорожных набросков (3) И.В. Оммулевского: «Барабинская степь», «При разливе Оби», «На берегах Енисея», «Бирюсинский лес» «Между Томском и Иркутском», «Ангарская греза», «Близ границ Монголии». Они дополняются текстами

С.И. Москвина («Байкальская осень») и Д.Н. Садовникова («Алтай»). В этих стихотворениях изображаются отдельные географические места Сибири, конкретизирующие реальные физические черты ее пространственного образа. Авторы передают непосредственно переживаемые впечатления от созерцания локальных пейзажей региона, подчеркивая их пространственную протяженность и вечную, не тронутую человеком красоту, величие природного мира. Например, в стихотворении С.И. Москвина «Байкальская осень» разворачивается следующая картина:

В смутной дали облаками тяжелыми
Гор громоздились хребты,
Хмураясь вершинами темно-свинцовыми,
Дикой полны красоты.
Бурного озера волны сердитые,
Рвьяся титанами в высь,
В пену жемчужную ветром разбитые,
На берег шумно неслись [26. С. 42].

При этом в разделе по-прежнему продолжает звучать тема родины, на фоне которой прямо или метафорически присутствует оппозиция «свои – чужие», репрезентирующая отношения различных лирических персонажей к Сибири (по принципу происхождения и коллизий судьбы) и представленная в разных образных вариациях (в том числе вновь возникают образы матери и мачехи, дополняемые образом юной девушки-красавицы):

<p>«На берегах Енисея» Пришелец чуждый издалека Лишь на одно мгновенье ока Тебя суровою найдет; Но кто речей твоих послушал, Кто у тебя гостил и кушал – Твой образ в сердце унесет. <...> А те страдалцы, чья судьба Тебе вверялась по приказу, Без ласки искренней ни разу Не выходили от тебя! [26. С. 32].</p>	<p>«Ангарская греза» Вон виднеются горы Байкала В чуть заметной дали Ангары... И душе моей живо предстала Ты, избранница юной поры! Мне мерещится смуглый румянец, Смоль густых, непокорных волос, И от солнца блестящий их глянец, Оттененный бутонами роз [26. С. 39].</p>
---	---

Описание красоты Сибири и связи сибиряков с родной землей усиливается за счет добавления анималистических и растительных образов, которые воссоздают мир живой, стихийной природы. Масштабность пейзажа дополняется фактурной локализацией и детализацией, что характерно для краеведческой литературы. В такой перспективе становится возможным поэтическое сопоставление жизни природы и человека, обусловленной единными и гармоничными законами мироздания, как, например, в «Бирюсинском лесе» Оммулевского: «Как все сибиряки, люблю я бор дремучий, // Где бродит наш земляк косматый и могучий – // Медведь; его у нас “хозяйном” зовут...» [26. С. 34]. Но при этом подчерки-

вается сходство и на уровне социальной жизни, гиперболически обозначается отсутствие в ней событийности, малонаселенность обширной территории: «Но знаешь ли, за что люблю я так тайгу? // Она являет мне живое воплощенье // Страны моей родной: в ней то же запустенье, // Такой же в ней хаос, безлюдье, тишина...» [26. С. 35].

Таким образом, фокус лирического сознания в данном разделе переносится с дум о проблемах родины и ее целостного мыслечувственного охвата на конкретные явления, образы природного мира (пейзажи, флора, фауна), проблему связи человека с ними через жизнеподобие – того, что, собственно, и воплощает в себе идею родины как «своей» локализованной части целого бытия.

Самый объемный раздел сборника представлен группой произведений, посвященных людям, живущим в Сибири (4), а именно ссыльным, каторжанам, переселенцам, крестьянам и представителям коренного населения («Переселенцы» С.И. Москвина, «Залетные птицы» и «На дальней родине моей...» И.В. Федорова-Омулевского, «Колодники» А.К. Толстого, «Послание в Сибирь» А.С. Пушкина, «Жена каторжника» Б. Корнуолла (пер. Оммулевского), отрывок из поэмы «Дедушка» Н.А. Некрасова, «Балаган» Н.М. Ядринцева и др.).

Место данных текстов в структуре «Сибирских мотивов» представляется отнюдь не случайным, поскольку именно историко-политический контекст освоения/колонизации сибирского пространства является причиной возникновения первичной мифологемы региона, связанной с семантикой мрака, холода, жестокой природы, смерти, конфликта природы и цивилизации, чуждого пространства. Показателен в этом отношении вошедший в сборник фрагмент поэмы К.Ф. Рылеева «Войнаровский»:

Всегда сурова и дика
Сих стран угрюмая природа;
Ревет сердитая река,
Бушует часто непогода
И часто мрачны облака... [26. С. 96].

Именно здесь происходит столкновение и пересечение особенностей национального и регионального сознания, а также следующих отсюда разных настроений лирических произведений о Сибири, мифологической и демифологической тенденций, экзотизации и деэкзотизации и т.д. Все возможные точки зрения объединяются в этом разделе в единую пространственную панораму, универсум, центром которого оказывается человек во всех его проявлениях, конфликтах и коллизиях. Особое внимание обращает на себя переселенческий сюжет в тексте М.П. Розенгейма «Далекий край», актуализирующий смысловой синтез через иронию, направленную на передачу мысли о том, что куда бы человек, народ ни шел, он везде берет с собой себя. Мировосприятие субъекта онтологизирует образ Сибири как рая, куда двинулась в поисках счастья «русская беда»:

Так край Сибирский Русью стал
И русский люд о нем узнал
Проведал он, что в том краю
Простор и воля, как в раю...
<...>
Пошла вся русская беда.
И все идет она туда...
И вольною волею идет,
И в кандалах туда бредет
Многострадальная она...
Все та же русская беда
Воздвигла села, города... [26. С. 117].

Если вернуться к концепции сборника И.М. Сибирякова и поэтическому замыслу И.В. Оммулевского, представленному в его цикле, можно отметить очевидное стремление обоих к вытеснению мифологического образного и мотивного комплекса с центра поэтики сибирского текста на его периферию. При этом речь не идет о полном отрицании феномена мифологизации края. Скорее это можно рассматривать (что уже было отмечено в первых двух разделах) как идею принятия и преодоления исторического прошлого, создавшего мрачный ореол вокруг региона и во многом определившего его настоящее и будущее. Именно с принятия и преодоления прошлого, по мысли составителя сборника и автора цикла, положенного в его основу, должно начаться преобразование образа Сибири и в национальном сознании, и в поэтической культуре.

Недаром в каждом из текстов данной группы так или иначе присутствует мотив надежды, связанный с верой в душевную силу людей, живущих в Сибири, их стойкость перед испытаниями и, наконец, освобождение от сковывающих цепей. Особенно ярко он проявляется в «Послании в Сибирь» А.С. Пушкина, вошедшем в сборник. При этом идейно-эстетическое наполнение метатекста позволяет видеть в образе темницы вовсе не сам край, а каторгу как таковую, чьи оковы должны пасть в ходе символического освобождения и возвращения декабристов:

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут – и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут [26. С. 62].

Данный раздел в результате приводит нас к мысли о том, что проблема исторического негативного восприятия Сибири – это экстраполяция переживаний и раздумий составителя сборника, его авторов и лирических героев о своем месте в мире, своей судьбе, отношениях с другими, которые оформляются в сибирский хронотоп, смешивая антропологическое и природное измерение. Рождается образ Сибири как матери и мачехи одновременно, пространства испытаний и духовного перерождения (амбивалентного процесса инициации) и т.п.

Завершает сборник группа текстов Оммулевского, которую можно обозначить как **послания будущей Сибири** (5), имея в виду их тематику. Примечательно, что к ним относятся и так называемые послания

(наставления) молодому поколению, в которых автор символически передает свой опыт проживания, созерцания, осмысления родного края, завещая будущее Сибири ее «детям» («Как бы жизнь ни шла сурово...», «Посвящение дочери», «К молодому поколению», «Подрастающим землячкам»).

В посланиях Сибири звучат мотивы, характерные для «итоговых» стихотворений. С одной стороны, автор выражает надежду на благополучие, процветание региона, напрямую обращаясь к нему в стихотворении «На Новый год» с жанровым подзаголовком «сибирский тост», которое оканчивается следующей строфой:

Наполняю бокал мой опять.
Край прекрасный, единственный в мире,
Я хотел бы тебе пожелать –
Чтоб, подобно простору и шири
Наших рек исполинских, развил
Ты всю мощь своих дремлющих сил...
Честь и слава далекой Сибири! [26. С. 141].

С другой стороны, это искреннее обращение-пожелание является и программным, и одновременно завершающим сборник. При этом ясно считывается тесная связь образа будущей Сибири с образом будущей России в сознании лирического героя. Приведем некоторые строфы из последнего стихотворения «Пройдут года – и ты, страна родная...»:

В тот чудный миг, в лучах того рассвета,
Растает тьма, объявляя тебя;
Ты миру дашь могучего поэта,
Ты приютишь любовно у себя
Чужих певцов и тех скитальцев света.
Кому не в мочь на родине борьба...
<...>
Но все равно исполнен обаянья
И для меня грядущий твой удел;
Ведь я с тобой переживал страданья,
Я рос, как ты, под градом вражьих стрел.
Да будет же хоть сладость упования
Наградой мне за горечь темных дел!
Любовь к тебе и веру ту живую
Я унесу в могилу за собой, –
Пускай и там, в ночь вечности глухую,
Они стоят на страже надо мной:
Их талисман подобен поцелую
Любимых уст в час смерти роковой! [26. С. 143–144].

Заключение

Анализ структуры «Сибирских мотивов», специфики организации и взаимодействия включенных в состав сборника текстов в аспекте их тематики и проблематики показал, что в данном метатексте представлен коллективно сформированный образ Сибири, в репрезентации которого эстетической доминантой служит лирика И.В. Федорова-Оммулевского. Произведения в рамках данного сборника сгруппированы по опорным разделам, тематически

связанным с регионом, но отличающимся по предмету изображения, тональности, ракурсу описания, что в итоге позволяет актуализировать сибирский текст рассматриваемого сборника, представленный в разных пространственно-временных характеристиках, жанрах, художественных методах. Именно это разнообразие взглядов на один объект, реализуемое в структуре метатекста, позволяет обнаружить общие детали, образы, мотивы и поэтические высказывания, из которых формируется целостная лирическая панорама. При этом важна и структурная организация сборника, отражающая не только имманентное «движение» лирического сознания по ракурсам восприятия и осмысления Сибири (имагинативный, патриотический, топографический, антропологический, прогностический), но и логику читательской рецепции поэтического метатекста.

Образ Сибири обретает в «Сибирских мотивах» многогранность, неоднозначность, обусловленную наложением различных поэтических интерпретаций в хронологической перспективе, в результате чего возникают исторические, идеологические, политические и социальные контексты формирования и восприятия края. Так, в рамках метатекста сборника Сибирь изображается как регион с суровой природой, как архаическое, смертельное, мифологическое пространство, поражающее, вместе с тем, своей внешней и внутренней красотой, величием и даже сакральностью, сближающими Сибирь с земным раем. При этом она предстает и как нейтральная, независимая от человека территория, не предназначенная для комфортного проживания, поэтому в космологической картине мира, транслируемой в сборнике, она занимает центральное положение как пространство тягот, печалей и возрождения через испытания и невзгоды.

Одновременно это край, образ которого возникает в чудных снах, мечтаниях о светлом будущем. Не случайно Сибирь предстает в сборнике и плеядой женских образов, каждый из которых, по существу, является ее ипостасью: мать-природа, родина-мать, весна-красавица, малютка, мудрая женщина. Для невольных переселенцев она тоже предстает в женском образе, но угрюмой, подчас жесткой мачехи. Независимо от конкретного воплощения обозначается «материнский» подтекст образа Сибири; люди, населяющие ее, изображаются «детьми», которых она воспитывает строго, но справедливо. Узревшим ее красоту, не противящимся ее законам она дарует свое благословение.

Идея о том, что точку зрения на Сибирь определяет взгляд на ее прошлое (какой она была), настоящее (какой она стала) и будущее (какой она может стать), магистральной линией проходит через весь сборник, скрепляя его в целостный, связный, законченный метатекст. Ипостась Сибири, по аналогии с мотивом о преображении женщины в глазах мужчины, определяется личным отношением, порождающим своеобразный отклик бытия. Таким образом, реализуется лейтмотив развития, взросления, расцвета человека (в том числе в нравственном, душевном и духовном смысле) в лоне сибирской природы, с которой выстраиваются непростые поэтапные отношения, сопряженные с мотивами обретения внутренней свободы, преодоления жизненных трудностей, духовного обновления. Все это позволяет сделать вывод о поэтическом видении региона, которое сложилось в последней трети XIX в. в общерусской литературе и нашло конкретное отражение в издании И.М. Сибирякова. Наиболее значимым в сборнике оказывается в целом жизнеутверждающее мировосприятие сибирских авторов, характеризующееся гордостью за родной край и народ, верой в его культурный подъем, стойкостью перед прошлыми невзгодами и грядущими вызовами.

Примечания

¹ В произведениях художественной словесности репрезентация образа Сибири закономерно осложняется коммуникативными, эстетическими и поэтическими особенностями конкретного произведения.

² Предвосхищение от столкновения с Другим в его различных воплощениях само по себе задает полярность эмоционального – чувственного состояния субъекта: от всеобъемлющего страха до чрезмерного оптимизма.

³ Из последних работ примечательны статьи А.С. Сазоновой [17] и А.Ю. Горбенко [18], которые вносят существенные дополнения в понимание названных вопросов.

⁴ Представляется вероятным, что различие между коллективными прозаическими и поэтическими сборниками как метатекстовыми образованиям заключается не только в фундаментальном разделении способов организации художественной речи, но и в том, как тексты взаимодействуют друг с другом на структурном уровне. Выявление и описание последнего применительно к разным коллективным сборникам представляется одной из важнейших задач текстологии. На примере уже рассмотренного материала можно с долей осторожности говорить о том, что в коллективном прозаическом сборнике тексты в значительной степени характеризуются жанровой спецификой, задающей дискретность восприятия, в результате чего возникает необходимость в их всеохватном осмыслении как пространства сходящихся в одной точке значений и смыслов. В поэтическом же сборнике доминирует линейный принцип построения метатекста, организующий его в музыкальный «поток» (О.В. Мирошникова), в котором четко выделяются опорные произведения («аккорды»), способствующие правильному развертыванию сюжетно-мотивного и образного комплексов. Уточнение и корректировка данного представления о типологическом различии возможна после накопления достаточного количества соответствующих исследований.

⁵ Дополнительно отметим, что понятие «мотивы» в соответствии с поэтикой заглавия несет в себе 1) утонченно-чувственную коннотацию, 2) обозначение отдельных произведений как составных частей более крупной категории (например, поэзии о Сибири) и 3) указывает на существование устойчивых элементов повествования в различных произведениях о Сибири.

Список источников

1. Олицкая Д.А. Образы Сибири в немецкой паралитературе XIX и XX вв // Текст. Книга. Книгоиздание. 2018. № 18. С. 44–64.

2. Ланца Д. Образы Сибири в культуре Европы // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2019. № 1 (3). С. 77–82.
3. Сеньухин А.А. Образы Сибири в английских и американских travelogakh рубежа XIX–XX вв. // Исторический журнал: научные исследования. 2020. № 6. С. 109–117.
4. Макарова Е.А.. Формирование образа Сибири в творческом сознании В. Г. Короленко // Сибирский филологический журнал. 2008. № 2. С. 68–76.
5. Разуvalова А.И. Трансформации образа Сибири в русской прозе 1950–1960-х годов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 4. С. 93–103.
6. Дворяшин Ю.А. Сибирь как пространство бытия человека в творчестве В.Г. Распутина // Слово. Текст. Контекст. 2021. № 4. С. 98–107.
7. Головнева Е.В. Формирование образа Сибири в процессе ее колонизации // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2016. № 4. С. 211–220.
8. Айзикова И.А. Факторы формирования литературного процесса в социокоммуникативном пространстве трансграничья Сибири (конец XVIII–XIX в.): типология взаимодействий // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 80. С. 162–182. doi: 10.17223/19986645/80/8
9. Ерохина Е.А. Сибирь как объект внутренней колонизации: воспроизводство отдельности и конструирование целостности // ЭКО. 2019. № 1 (535). С. 60–74.
10. Рогачева Н.А. На краю Ойкумены: Западная Сибирь в русской литературе // Филологический дискурс. 2000. № 1. С. 37–42.
11. Тупа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.
12. Янушкевич А.С. Сибирский текст: взгляд извне и изнутри // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. Иркутск, 2004. С. 227–235.
13. Рыбальченко Т.Л. Мифологема образа Сибири в русской прозе второй половины XX века // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. Иркутск, 2004. С. 291–303
14. Казаркин А.П. Сибирская классика и литературное краеведение // Сибирский филологический журнал. 2005. № 1–2. С. 38–49.
15. Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX веков: особенности становления и развития региональной литературной традиции : дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2005. 371 с.
16. Гудкова Е.Ф. Хронотоп Сибири в русской классической литературе XVII–XIX вв. 2007 // Сайт Евгении Гудковой. URL: <https://guuu7.narod.ru/HS.htm> (дата обращения: 10.02.2024).
17. Сазонова А.С. Поэтика сибирского текста в романе А. Иванова «Тобол» // Вестник ВУиТ. 2020. № 1 (31). С. 20–25.
18. Горбенко А.Ю. «Особый путь» литературы Сибири? (опыт реконструкции историко-социальных и литературно-критических источников сибирского областничества) // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 98–111. doi: 10.17223/18137083/83/8
19. Макарова Е.А. Литературно-художественные сборники Сибири конца XVIII – первой трети XX в. в аспекте формирования регионального книгоиздания. Томск : Издательский Дом Том. гос. ун-та, 2020. 236 с.
20. Киселев В.С. Метатекст как тип художественного целого (к постановке проблемы) // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 282. С. 184–190.
21. Баженова В.В. Русский литературный сборник середины XX – начала XXI века как целое: альманах, антология : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2010. 27 с.
22. Казарин Ю.В. Журнальный метатекст как объект текстологии. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. 116 с.
23. Смолянинов А.В. Метатекстовые признаки сборника «Сибирские рассказы» и его место в становлении литературного процесса региона второй половины XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 485. С. 53–64. doi: 10.17223/15617793/485/6
24. Шорохова Т.С. Золотопромышленник Иннокентий Сибиряков как издатель // Азбука веры. URL: <https://azbyka.ru/fiction/zolotopromyshlennik-innokentij-sibirjakov-kak-izdatel-tatjana-shorohova/> (дата обращения: 06.03.2024).
25. Поэты-демократы 1870–1880-х годов. Л. : Советский писатель, 1968. 784 с.
26. Сибирские мотивы. СПб. : Издание И.М. Сибирякова, 1886. 144 с.
27. Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве. Красноярск : Сиб. Федер. ун-т, 2010. 237 с.
28. Мирошникова О.В. Функции стихотворения и цикла в архитектонике итоговой лирической книги // Вестник ОмГУ. 2002. № 3. С. 77–80.
29. Петухов Е.В. И.В. Федоров-Омулевский: очерк его жизни и литературной деятельности. Томск : Паровая литография П.И. Макушина, 1900. 61 с.
30. Гнюсова И.Ф. Культурный ландшафт Сибири в осмыслении сибирских писателей и публицистов XIX в. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 79. С. 167–189. doi: 10.17223/19986645/79/9

References

1. Olitskaya, D.A. (2018) Images of Siberia in German Paraliterature of the 19th and 20th Centuries. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 18. pp. 44–64. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/18/3
2. Lantsa, D. (2019) Obrazy Sibiri v kul'ture Evropy [Images of Siberia in the Culture of Europe]. *Kul'tura v evraziyskom prostranstve: traditsii i novatsii*. 1 (3). pp. 77–82.
3. Senyukhin, A.A. (2020) Obrazy Sibiri v angliyskikh i amerikanskikh travelogakh rubezha XIX–XX vv. [Images of Siberia in English and American Travelogues of the Turn of the 20th Century]. *Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya*. 6. pp. 109–117.
4. Makarova, E.A. (2008) Formirovanie obraza Sibiri v tvorchestvom soznanii V. G. Korolenko [Formation of the Image of Siberia in the Creative Consciousness of V.G. Korolenko]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 2. pp. 68–76.
5. Razuvalova, A.I. (2015) Transformatsii obraza Sibiri v russkoy proze 1950–1960-kh godov [Transformations of the Image of Siberia in Russian Prose of the 1950s–1960s]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 4. pp. 93–103.
6. Dvoryashin, Yu.A. (2021) Sibir' kak prostranstvo bytiya cheloveka v tvorchestve V. G. Rasputina [Siberia as a Space of Human Existence in the Works of V.G. Rasputin]. *Slovo. Tekst. Kontekst*. 4. pp. 98–107.
7. Golovneva, E.V. (2016) Formirovanie obraza Sibiri v protsesse ee kolonizatsii [Formation of the Image of Siberia in the Process of Its Colonization]. *Sotsial'no-ekonomicheskiy i humanitarnyy zhurnal Krasnoyarskogo GAU*. 4. pp. 211–220.
8. Ayzikova, I.A. (2022) Factors of the formation of the literary process in the sociocommunicative space of the Siberian transborder region (late 18th and 19th centuries): Typology of interactions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 80. pp. 162–182. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/80/8
9. Erokhina, E.A. (2019) Sibir' kak ob'ekt vnutrenney kolonizatsii: vosproizvodstvo otdel'nosti i konstruirovaniye tselostnosti [Siberia as an Object of Internal Colonization: Reproduction of Separateness and Construction of Integrity]. *EKO*. 1 (535). pp. 60–74.
10. Rogacheva, N.A. (2000) Na krayu Oykumeny: Zapadnaya Sibir' v russkoy literature [On the Edge of the Oikoumene: Western Siberia in Russian Literature]. *Filologicheskiy diskurs*. 1. pp. 37–42.
11. Tupa, V.I. (2002) Mifologema Sibiri: k voprosu o "sibirskom tekste" russkoy literatury [Mythologem of Siberia: On the "Siberian Text" of Russian Literature]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 27–35.

12. Yanushkevich, A.S. (2004) Sibirskiy tekst: vzglyad izvne i iznutri [Siberian text: A View from Outside and Inside]. In: Ponomareva, N.V. (ed.) *Sibir': vzglyad izvne i iznutri. Dukhovnoe izmerenie prostranstva* [Siberia: A View From Outside and Inside. Spiritual Dimension of Space]. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 227–235.
13. Rybal'chenko, T.L. (2004) Mifologemy obraza Sibiri v russkoy proze vtoroy poloviny XX veka [Mythologems of the Image of Siberia in Russian Prose of the Second Half of the 20th Century]. In: Ponomareva, N.V. (ed.) *Sibir': vzglyad izvne i iznutri. Dukhovnoe izmerenie prostranstva* [Siberia: A View From Outside and Inside. Spiritual Dimension of Space]. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 291–303
14. Kazarkin, A.P. (2005) Sibirskaya klassika i literaturnoe kraevedenie [Siberian Classics and Literary Local History]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1–2. pp. 38–49.
15. Anisimov, K.V. (2005) *Problemy poetiki literatury Sibiri XIX – nachala XX vekov: osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii* [Problems of the Poetics of Siberian Literature of the 19th – Early 20th Centuries: Features of the Formation and Development of the Regional Literary Tradition]. Philology Dr. Diss. Tomsk.
16. Gudkova, E.F. (2007) *Khronotop Sibiri v russkoy klassicheskoy literature XVII–XIX vv.* [Chronotope of Siberia in Russian Classical Literature of the 18th–19th Centuries]. [Online] Available from: <https://guuu7.narod.ru/HS.htm> (Accessed: 10.02.2024).
17. Sazonova, A.S. (2020) Poetika sibirskogo teksta v romane A. Ivanova “Tobol” [Poetics of the Siberian Text in A. Ivanov’s Novel “Tobol”]. *Vestnik VUit*. 1 (31). pp. 20–25.
18. Gorbenko, A.Yu. (2023) “Special Path” of Siberian Literature? (Experience in the Reconstruction of Historiosophical and Literary Critical Sources of Siberian Regionalism). *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 2. pp. 98–111. (In Russian). doi: 10.17223/18137083/83/8
19. Makarova, E.A. (2020) *Literaturno-khudozhestvennye sborniki Sibiri kontsa XVIII – pervoy treti XX v. v aspekte formirovaniya regional'nogo knigoizdaniya* [Literary Collections of Siberia of the End of the 18th – First Third of the 20th Century in the Aspect of the Formation of Regional Book Publishing]. Tomsk: Tomsk State University.
20. Kiselev, V.S. (2003) Metatekst kak tip khudozhestvennogo tselogo (k postanovke problemy) [Metatext as a Type of the Literary Whole (Towards the Formulation of the Problem)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 282. pp. 184–190.
21. Bazhenova, V.V. (2010) *Russkiy literaturnyy sbornik serediny XX – nachala XXI veka kak tseloe: al'manakh, antologiya* [Russian Literary Collection of the Mid-20th – Early 21st Centuries as a Whole: Almanac, Anthology]. Abstract of Philology Cand. Diss. Novosibirsk.
22. Kazarin, Yu.V. (2016) *Zhurnal'nyy metatekst kak ob'ekt tekstovedeniya* [Journal Metatext as an Object of Text Criticism]. Yekaterinburg: Ural University.
23. Smol'yaninov, A.V. (2022) Metatextual Features of the Collection *Siberian Stories* and Its Place in the Formation of the Literary Process of the Region in the Second Half of the 19th Century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 485. pp. 53–64. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/485/6
24. Shorokhova, T.S. (2024) *Zolotopromyshlennik Innokentiy Sibiryakov kak izdatel'* [Gold Miner Innokentiy Sibiryakov as a Publisher]. Azbuka very [ABC of Faith]. [Online] Available from: <https://azbyka.ru/fiction/zolotopromyshlennik-innokentij-sibirjakov-kak-izdatel-tatjana-shorokhova/> (Accessed: 06.03.2024).
25. Orlov, V.N. (ed.) (1968) *Poety-demokraty 1870–1880-kh godov* [Democratic Poets of the 1870s–1880s]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
26. Omulevskiy et al. (1886) *Sibirskie motivy* [Siberian Motifs]. St. Petersburg: Izdanie I.M. Sibiryakova.
27. Anisimov, K.V. (ed.) (2010) *Sibirskiy tekst v natsional'nom syuzhetnom prostranstve* [Siberian Text in the National Plot Space]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University.
28. Miroshnikova, O.V. (2002) Funktsii stikhotvoreniya i tsikla v arkhitektonike itogovoy liricheskoy knigi [Functions of the Poem and the Cycle in the Architectonics of the Final Lyric Book]. *Vestnik OmGU*. 3. pp. 77–80.
29. Petukhov, E.V. (1900) *I.V. Fedorov-Omulevskiy: ocherk ego zhizni i literaturnoy deyatel'nosti* [I.V. Fedorov-Omulevsky: An Essay on His Life and Literary Work]. Tomsk: Parovaya litografiya P.I. Makushina.
30. Gnyusova, I.F. (2022) Siberia’s Cultural Landscape in the Understanding of Siberian Writers and Publicists of the 19th Century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 79. pp. 167–189. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/79/9

Информация об авторе:

Смолянинов А.В. – ассистент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: smoart2@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Smolianinov, teaching assistant, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: smoart2@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.04.2024;
одобрена после рецензирования 08.05.2024; принята к публикации 30.06.2024.

The article was submitted 16.04.2024;
approved after reviewing 08.05.2024; accepted for publication 30.06.2024.

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/15617793/503/12

«Красноярский текст» в «Енисейском альманахе на 1828 год»: к проблеме начала локального культурогенеза

Виолетта Сименовна Срмикян¹

¹ Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, vsrmikyan@sfu-kras.ru

Аннотация. На примере первого в новообразованной Енисейской губернии альманаха исследуется становление «Красноярского текста» русской литературы. Рассматривается культуртрегерская деятельность губернатора А.П. Степанова и предпринятое им издание «Енисейского альманаха на 1828 год», рассмотренное в перспективе локального культурогенеза. Автором показано, что альманах стал точкой отсчета в создании «Красноярского текста» русской словесности и началом литературной деятельности в регионе.

Ключевые слова: «Красноярский текст», Енисейский альманах на 1828 год, А.П. Степанов, локальный текст, культурогенез, альманах

Для цитирования: Срмикян В.С. «Красноярский текст» в «Енисейском альманахе на 1828 год»: к проблеме начала локального культурогенеза // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 503. С. 123–131. doi: 10.17223/15617793/503/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/503/12

The Krasnoyarsk text in *The Yenisey Almanac for 1828*: The problem of the beginning of local cultural genesis

Violetta S. Srmikyan¹

¹ Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation, vsrmikyan@sfu-kras.ru

Abstract. This article studies the formation of the Krasnoyarsk text of Russian literature using the precedent-setting case of the first almanac in the newly formed Yeniseysk Governorate. The focus is on the kulturträger activities of Governor A.P. Stepanov and publication of *The Yenisey Almanac for 1828* ventured by him, which is considered from the perspective of local cultural genesis. The methodological basis of the study was the works on the semiotics of space by Yu.M. Lotman and V.N. Toporov, the studies on the theory of local text by V.I. Tyupa and V.V. Abashev, on imagology and imaginary geography by V.S. Kiselev and P.V. Alekseev, and study of cultural seats by N.K. Piksanov. The research revealed the roles of M.M. Speransky's reforms and the work of the first Yeniseysk governor A.P. Stepanov in the formation of the literary space of Krasnoyarsk and the inception of educational and cultural institutions in the Yenisey Siberia. This article provides a comparative analysis of reviews of *The Yenisey Almanac for 1828* published in the metropolitan periodicals – the journals *Moskovsky Vestnik* (1828), *Otechestvennye Zapiski* [Notes of the Fatherland] (1828), *Moscow Telegraph* (1828), *Syn Otechestva* [Son of the Fatherland] (1828), and the *Northern Flowers* literary almanac (1828). The poetics of the works of fiction in the collection was analyzed in the context of the administrative and kulturträger activities of its authors. The article also analyses the composition of *The Yenisey Almanac* and elicits and substantiates the thematic and motif-figurative unity of the prose – the literary sketch part, on the one hand, and the poetic part, on the other. The explored artistic strategies and techniques for creating the image of Krasnoyarsk and the Yenisey Siberia include orientation to the Creation myth, mapping of home space, legitimation by ancience, inclusion of the Yenisey Siberia in the context of great Russian history, romanticization, the desire to show the region as a more southern one, the image of the Yenisey as symbolic the core that unites the territory. It may be concluded that *The Yenisey Almanac for 1828* became the starting point in the formation of the Krasnoyarsk text of Russian literature and the beginning of literary activity in the region. A major role in this was played by A.P. Stepanov, who became a kind of a cultural hero of a historical and geographical region that suddenly acquired its own identity.

Keywords: Krasnoyarsk text, *Yenisey Almanac for 1828*, A.P. Stepanov, local text, cultural genesis, almanac

For citation: Srmikyan, V.S. (2024) The Krasnoyarsk text in *The Yenisey Almanac for 1828*: The problem of the beginning of local cultural genesis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 503. pp. 123–131. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/503/12

«Красноярский текст», как и ряд других городских текстов, возник в ходе «освоения» географического пространства средствами литературы. По словам

Д.Н. Замятина, «любой литературный текст является актом онтологического освоения новых территорий. Культура, будучи всегда локальной, может не один раз

осваивать одни и те же в физическом отношении территории – исходя из эпохи своего развития, а также из геокультурных трансформаций этих территорий» [1. С. 66]. В таком теоретическом ракурсе, предполагающем концептуализацию пространственного текста как результата представления и известной символизации в литературном произведении реалий конкретной историко-географической локальности, «Красноярский текст» современной наукой не рассматривался и как проблема не формулировался.

Изучение Красноярского локального текста русской литературы подразумевает применение подходов, разработанных в науке для осмысления поэтики художественного пространства. К ним относятся прежде всего семиотика [2–5], теория локального текста [6–8], имагология [9], концепции «воображаемой географии» [10, 11] и «культурных гнезд» [12], а также приемы собственно литературоведческой аналитики, позволяющей исследовать образы, сюжеты и мотивы конкретных произведений. Современный «Красноярский текст» представляет собой сложную систему приуроченных к конкретной локальности мифов и сюжетов, облеченных в определенные жанровые формы. Наиболее узнаваемые из них – письма и травелог А.П. Чехова, творчество В.П. Астафьева и история русского дипломата и путешественника Н.П. Резанова, гибелью которого в Красноярске завершается современная рок-опера «“Юнона” и “Авось”». Показательно, что все эти литературные вехи материализованы в городских топонимах и памятниках.

В перспективе исследования истории и семиотики локального текста города Красноярска, его типологии и индивидуальных особенностей в ряду других региональных центров большое значение, на наш взгляд, приобретает точка отсчета в процессе формирования его литературного образа. Проблема культурогенеза, как правило, ставится в связи с возникновением первых культурных форм в истории человеческой цивилизации. Однако создание новых культурных локусов в пространствах, отдаленных от главного географического русла «большой истории», подразумевает наличие сходных процессов и в том числе поэтики текстов, становящихся результатами этой деятельности. Говоря о ранних стадиях культурогенеза, В.Н. Топоров называет такие переходные тексты «поле[м] поединка между космологическими и историческими принципами» [13. С. 113]. Первым крупным литературным событием в Красноярске стал выход «Енисейского альманаха на 1828 год» [14], издание которого было предпринято А.П. Степановым, новоназначенным губернатором учрежденной незадолго до того в 1822 г. Енисейской губернии, своего рода культурным героем внезапно обретшей свою идентичность (пока только на карте) историко-географической области.

Наряду с ориентацией на «миф о начале» альманах был также и «юбилейным» текстом, обращенным к 200-летней годовщине основания Красноярска. Появление «Енисейского альманаха» стало первой попыткой очертить на ментальной карте русской литературы новую историческую область, преобразить административную новацию М.М. Сперанского в культурное

событие, легитимировать первое при помощи второго. Важной особенностью, связанной с этим проектом, была инициатива, исходящая не от самостоятельного писателя, новичка, бросающего вызов культуре центра¹, а от местной власти, как бы учреждавшей словесность на дальней окраине государства. Именно в первой четверти XIX в. центральный аппарат Российской империи вновь обратил внимание на Сибирь. Такой интерес был обусловлен несколькими факторами: Сибирь граничила с другими государствами и предоставляла возможность для расширения и усиления империи [16. С. 107].

Характерно, что начало литературной «политики» было продолжением политики государственной. В 1819 г. Сперанского назначают генерал-губернатором Сибири в целях проведения ревизии, спровоцированной произволом местных властей, а также для выработки новой модели управления огромным краем. Благодаря реформе в 1822 г. была образована новая губерния – Енисейская, столицей которой становится Красноярск, а губернатором – Александр Петрович Степанов. Именно эта реформа впервые соединила административно-территориальное устройство с организацией местного самоуправления [16. С. 122]. Вышедший в 1828 г. «Енисейский альманах» показал, что следующий этап интеграции Сибири предполагает не только проведение административных реформ, но и задействие культурных и, прежде всего, литературных механизмов.

Деятельность А.П. Степанова стала важнейшим фактором формирования культурной среды в Красноярске и Енисейской Сибири. Первым этапом в рассматриваемый нами период стали реформы М.М. Сперанского, которые именовались современниками и самим генерал-губернатором «новым покорением Сибири». «Если не много я здесь сделал, – писал Сперанский дочери, – по крайней мере, много осушил слез, утишил негодований... и, что может быть еще и того важнее, открыл Сибирь в истинных ее политических отношениях. Один Ермак может спорить со мною в сей части» [17. С. 106].

Следующим этапом явилась культуртрегерская деятельность А.П. Степанова, инициировавшего те культурные процессы в Сибири, которые проходили в столице империи почти на век ранее. Наконец, результатом этого стала регулярная литературная работа, качественно новый уровень функционирования зарождающихся образовательных и литературных институций в Енисейской Сибири.

С появлением А.П. Степанова культурная и общественная жизнь Красноярска оживилась. В городе начали функционировать первые публичная библиотека и типография, единственное уездное двухклассное училище было преобразовано в четырехклассное, а позже открыты еще два двухклассных училища [18. С. 88]. Известно, что губернатор принимал личное участие в планировке и благоустройстве Красноярска [19. С. 14]. Именно вокруг А.П. Степанова, по утверждению Н.К. Чернышовой, сложился кружок красноярской интеллигенции, занимающийся просветительской и культурной деятельностью [20. С. 61].

С этим небольшим сообществом связано крупное издательское дело – подготовка и выпуск красноярскими литераторами «Енисейского альманаха на 1828 год». Губернатор мечтал превратить Красноярск в культурный центр Сибири, а также, говоря современным языком, создать местное культурное и литературное поле и тем самым не только сделать «видимой» Сибирь для центральной части России, но и «присоединить» ее к ней.

Форма альманаха, особенно востребованная в 1820–1830-е гг. [21. С. 70–97], как нельзя лучше подходила для решения задач, которые ставил А.П. Степанов, и точно соответствовала имеющимся в его распоряжении литературным ресурсам. Альманах позволял совместить произведения разных жанров и авторов, не подразумевал периодического выхода и большого объема издания, был популярен в столичных читательских и литературных кругах. По утверждению В.Г. Белинского, в свое время «удача первого альманаха породила множество других» [22. С. 28]. Критик считал, что успех альманаха как «формы времени» связан с простотой его составления, малым объемом и быстротой реализации за счет включения нескольких известных литературных имен. При этом П.А. Вяземский в статье «Об альманахах на 1827 год» отметил особое преимущество именно региональных изданий: «К сожалению, многие из наших провинциальных писателей просятся в столичные (альманахи. – В.С.) и там теряют цену свою и свой туземный вкус и запах. Для гостеприимного и радушного привета им в столицах нужно, напротив, оставаться провинциалами; но, разумеется провинциалами умеющими хорошо и дельно говорить о провинциях своей» [23. С. 14]. Именно такой тип издания с учетом всех преимуществ сибирской экзотики был подготовлен Степановым.

На титульном листе «Енисейского альманаха» местом издания был указан Красноярск. При этом, несмотря на наличие в городе своей типографии, книга была напечатана в Москве у С.И. Селиванского и с формальной точки зрения ничем не отличалась от столичного продукта: уже этот тактический ход издателей книги обнаруживает их стремление представить себя и результат своих усилий в столичном контексте. После выхода альманаха – ожидаемо – был замечен в центральной периодике, где получил преимущественно сочувственные отклики. Большинство критиков акцентировали именно сам факт рождения художественной словесности «на берегах Енисея». «Приятно видеть, что и в отдаленной Сибири просвещенные любители словесности посвящают досуги свои занятиям литературным, – отзывался “Московский телеграф” Н.А. Полевого. – Приветствуем Енисейский Альманах, как дорогого заезжего гостя, и рады извинить все его недостатки в уважение и дальней дороге, и того, что он первое литературное явление с берегов Енисея. Радуюсь, если Енисейский Альманах может доказать, что и Музы не чужды берегов Ангары и Енисея» [24. С. 431–432]. В «Отечественных записках» «Енисейский альманах» был упомянут в числе других изданий этого типа, причем, по мнению критика, занял

место другого регионального литературного сборника: «Нынешний год богат альманахами не менее прошлого, и даже, взамен Казанского, явился Сибирский. Не полагаясь на размещение их по старшинству достоинства, поставлю их в ряд по старшинству появления в свет» [25. С. 170].

Развернутая рецензия на «Енисейский альманах» была опубликована в «Московском вестнике»: «Приятное явление в нашей Словесности! В прошедшем году кто-то прислал нам Флору, с берегов Ахтубы; теперь из степей Енисея дарят нас цветами Поэзии – и подарок Енисейский лучше Волжского! Утешительно думать, что образованные сыны России по всем странам ее разносят дары просвещения! Приятно слышать, как на гордые песни муз столичных откликаются тихие звуки из отдаленных краев нашего любезного отечества!» [26. С. 326]. Заканчивался отзыв словами: «Приятно видеть, что в Енисейске (примечательна ошибка – автор отзыва по инерции говорит о старинном городе Енисейске как об “ожидаемой” региональной столице. Красноярск пока еще малоизвестен. – В.С.) соединены все искусства: с Поэзией дружны Музыка и Живопись» [26. С. 331]. В «Сыне Отечества» автор статьи «Енисейский Альманах на 1828 год Ивана Петрова» соединил приветствие первого литературного события на Енисее со сдержанной критикой отдельных произведений: «Сей Альманах, самым рождением своим на берегах Енисея, уже заслуживает особенное внимание; но, прочитав его, всякой не менее порадован будет и внутренним его достоинством», «Что касается до прозаических статей, вот наше мнение: в пьесах Г. Петрова Память сердца и Юность нет изобретательности и мыслей, – но, по правильности слога, их можно прочесть с удовольствием; не худо если б таким чистым языком писали и наши Великороссийские словесники, напр. Творцы Повестей для Невского альманаха и критические задиралы кой-каких Журналов» [27. С. 89–90].

Свою оценку изданию дал О.М. Сомов, опубликовавший в альманахе «Северные цветы» «Обзор российской словесности за 1828 год». Автор обзора похвалил первую – прозаическую – часть сборника, снисходительно отозвался о сочинениях И. Петрова и раскритиковал весь поэтический раздел: «В нем (Енисейском альманахе. – В.С.) любопытны, из статей прозаических, три первые, содержащие в себе описания местные, т.е. относящиеся до восточной Сибири. Многие из “Монгольских пословиц”, составляющих 4-ю статью, не худо бы затвердить и Русским. Остальные две статьи, сочиненные самим издателем (Г. Петровым), суть подражания аллегориям Глинки; хороший слог заменяет в них недостаток создания. Из стихотворений, ни на одно не можно навести особого внимания читателей» [28. С. 33]. Сам факт столь строгого и подробного разбора «Енисейского альманаха» в литературной критике свидетельствовал том, что издание рассматривалось всерьез, без поправок на провинциальность и сибирскую экзотику.

Сам губернатор А.П. Степанов выступил в качестве одного из основных авторов альманаха: власть словно заговорила языком изящной словесности – на краткое время в Красноярске была воссоздана литературная

ситуация начала XVIII в., когда деяния Петра I получали свою образную артикуляцию в торжественных словах его ближайшего соратника Феофана Прокоповича. Книга открывалась принадлежащим перу Степанова «Путешествием в Кяхту из Красноярска», в котором, как явствует из заглавия, столица Енисейской губернии оказалась местом отправления и точкой отсчета в размышлениях путешественника. Губернатор-писатель отчетливо подражал здесь популярной модели травелога первых десятилетий XIX в., согласно правилам которой столичный человек отправлялся из Москвы или Петербурга в дальние провинции империи (В.В. Измайлов [29], П.И. Сумароков [30], П.И. Шаликов [31], Н.П. Брусилов [32] и др.). Уже на первых страницах акцентируется противоречие между хорошо устроенным бытом сибиряков, развитой промышленностью, с одной стороны, и ощущением оторванности от высокой культуры – с другой: «...жители имеют прекраснейшие избы, всегда побеленные, светлые и чистые; житницы их всегда наполнены хлебом – не знаю, всё как-то здесь отзывается пустынею. Нет почти ни одной дороги в сторону; я чувствую, что там, вправо и влево, где возвышается отдаленная цепь гор или синеют леса неизмеримые, нет ни одной души человеческой. Я знаю, что на пространстве нескольких тысяч верст не встречу никого, с кем бы мог разделить думу свою, кто бы понимал меня, как я его понимаю; не отзвучат в ушах моих звуки приятной музыки; не поразят глаз моих ни картина искусной живописи, ни статуя, ни барельеф, ни здание великолепное; здесь нет приюта Искусствам и Художествам» [14. С. 17]. Очевидно, что предлагаемый читателям красноярский альманах был первым шагом к появлению в Сибири искусств и художеств. Далее Степанов в «Путешествии...» и очерке «Взгляд на физическое положение Минусинского округа Енисейской Губернии» максимально подробно остановился на специфике местных ландшафта, климата, населения и быта. То есть к замыслу травелога как опыта сопоставления «своего» региона (потенциального центра) с огромной неосвоенной «периферией», «царством природы», добавляется другой опыт, крайне характерный для начального этапа культурогенеза: словесное картографирование «своего» пространства, почти летописный, как на первой странице «Повести временных лет», перечень земель, племен, урочищ и т.п. Не случайно, что в общей композиции «Енисейского альманаха» на «сильных» местах, в начале и финале альманаха, видим травелоги: названное «Путешествие в Кяхту» и «Изображение Шиге-Муни».

Если в центральных изданиях в немногочисленных произведениях, посвященных Сибири, Зауралье изображалось, как правило, аллегорически либо с этнографическими и природоописательными неточностями, то литературной стратегией «Енисейского альманаха» было четко выраженное движение от локуса к топосу, когда первичным делалось само наблюдение «на местности» с отчетливым сдвигом в сторону от аллегорического пейзажа к реальному, обладающему своими характерными особенностями, уникальными чертами,

топографической конкретикой. Так, на страницах издания появляются Красноярск, Туруханск, Абакан, Минусинский край, Енисей, Байкал, Ольхон, Хамар-Дабан, Туба и Чулым, описания реальных сибирских мест, природных достопримечательностей, их флоры и фауны.

Составителем и одним из основных авторов альманаха стал чиновник Енисейской Казенной Палаты И.М. Петров, ранее уже публиковавший свои художественные произведения в столичных изданиях – журналах «Благонамеренный», «Сын отечества» и «Невском альманахе на 1826 год» и др. [33. С. 579]. В его стихотворении «Ночь на Енисее» появляются картины вписанного в природный ландшафт города: «Пустынен Красноярск, в безмолвии ночном, / Над блещущей рекой, объятый тихим сном: / Все, все – и вид полей и вид окрестных гор / Объемлют грустию Поэта пылкий взор» [14. С. 77]. В образе Красноярска на данном этапе доминирует природное начало – река и горный ландшафт. Енисей, к которому восходит имя губернии и первого литературного альманаха, выполняет роль символического стержня, объединяющего территорию, – характеристика, которой суждено надолго стать принципиальным по важности слагаемым «Красноярского текста». Так, во «Взгляде на физическое положение Минусинского Округа Енисейской Губернии» образ Енисея связывает все части губернии в единое целое: «Посредине его (Минусинского края. – В.С.) протекает Енисей, выходя из гор малого Алтая сквозь Саянские и вливаясь в пределы Округа Красноярского. Всегда великолепный, от источника своего до самого моря Ледовитого, стремится на пространстве 4 т. верст с быстротою неизмерною» [14. С. 45]. В стихотворении «Странник» А. Кузьмин называет Сибирь «Енисейской страной» и в духе старых од и посланий, адресованных Елизавете Петровне и Екатерине II, подчеркивает особый, более мягкий характер управления регионом: «Образ кроткого правленья / Енисейские страны / Средь стихий ожесточенья / Носит вечный вид весны» [14. С. 76]. Ср. в «Письме о пользе Стекла» М.В. Ломоносова: «Златые времена! О кроткие законы / Народу своему прощает миллионы!» [34. С. 521].

Образ Енисея встречается во многих других стихотворениях альманаха: «К жаворонку» И. Амвросова («О ветры бурные! ревите, / Клубите быстрый Енисей, / И в море стоны унесите / Растерзанной души моей» [14. С. 90]), «Картина из времен завоевания Сибири» и «Дева» И. Петрова («Глядит задумчиво луна / На дикий берег Енисея», «Я видел деву после бури. – / Шумел, плескался Енисей, / А радуга в полях лазури / Вставала в красоте своей. / Раскинув локоны златые / На алебастровом челе / И перси обнажив живые, / Сидела дева на скале» [14. С. 73, 96]), «Песня» А. Степанова («Дикари! Скорей толпою / С горных скал на Енисей! / Подружитесь со мною – / Я ваш брат, боюсь людей!» [14. С. 110]).

Следующая характерная поэтическая стратегия, проявившаяся в произведениях сибирских авторов, – легитимация древностью², «задревление» Красноярска и окружающих его территорий. Так, непосредствен-

ным контекстом для образа Красноярска стали расположенные неподалеку от него уникальные культурные памятники – наскальные рисунки, курганы:

Я видел древних письма
 На диких скалах Енисея
 Таинственная старина,
 Потомков поздних не жалея,
 Проводит хитрые черты,
 Для их гадательной мечты.
 И ты не можешь быть нам вестник,
 И ты, сам Енисей-река,
 – Давно минувшему ровесник –
 Чья непонятная рука
 Чертила нам сии загадки,
 От едкой древности остатки.
 Я видел древний ряд могил;
 Им взор конца не находил
 Сии огромные курганы,
 Рассеянные по полям [14. С. 83].

Весьма важно, что наряду с иными артефактами, извлеченными из тьмы веков, первое место здесь занимают именно древние письма (или иные изображения, принятые за письма): спонтанный метатекст призван убедить потенциального читателя в том, что «новый» поэт 1820-х гг. создает свое сочинение там, где уже давно прозябает росток культуры. Само прошлое при этом как бы «предсказывает» появление будущего поэта, оставляя ему начертанные «письмена» для будущей «дешифровки». Такая стратегия напоминает скорее западное понимание таинственного Египта, парадигмой «прочтения» которого стали знаменитые опыты Ж.-Ф. Шампольона с «Розеттским камнем» [36. С. 187].

Каждая строфа в цитируемом стихотворении А. Кузьмина «Минусинский край» начинается словами лирического героя «Я видел», автор акцентирует то, что Сибирь показана глазами очевидца, изнутри. А.К. Кузмин, занимавший с мая 1827 г. должность окружного начальника г. Минусинска, представлял собой тип поэта–государственного чиновника, как и большинство участников альманаха³.

И.М. Петров. «Картины из времен завоевания Сибири» (1828)

Пробил твой час: во мгле чернея,
 Как привиденья, *вдоль реки*
 Отабарились козаки.
 Растла *ковры* на поле чистом
 Вокруг пылающих *огней*,
 Одни тревожат дикарей
 Пронзительным, ужасным свистом;
Другие, шумною толпой
 Стеснясь в кружок, в восторге диком
 Добычу делят меж собой <...>

<...> Они поют *про Ермака:*
Его Сибирские походы –
 Предмет любимый *Козака*.
В стране, где вьюги на полгода... [14. С. 73].

Он занимался благоустройством города: строил мосты, общественные здания, перестраивал частые дома, с его именем связана организация праздников, гуляний, плаваний по Енисею в г. Минусинске [39. С. 202]. Аналогичный пример взгляда живого наблюдателя мы видим в прозаической миниатюре И. Петрова «Память сердца»: «...жил я на тихих берегах Томи; посетил пустынную Тубу; видел Чулым извилистый, и ныне по целым часам прислушиваюсь к вечернему плеску волн Енисея» [14. С. 51]. Характерно, что не только Красноярск, но и другие сибирские города, в которых проживал и работал автор, представлены наименованиями рек, т.е. скорее в качестве природных, нежели культурных топосов.

Интерес к древней истории Сибири для организаторов «Енисейского альманаха» не ограничивался условно-поэтическими образами и был тесно связан с их административной и научной деятельностью. В воспоминаниях норвежского профессора К. Ханстена, посетившего Сибирь в составе научной экспедиции в 1829–1830 гг., дано описание кабинета енисейского губернатора, свидетельствующее о его увлеченности историей и культурой Сибири: «В его кабинете находилась коллекция местных минералов, а во всех ящиках и на полках – гравюры и рисунки, изображающие обитателей севера, предметы естественной истории, виды, книги, антикварные редкости» [цит. по: 40. С. 12]. В 1835 г. этот интерес реализовался в его двухтомном краеведческом описании Енисейской губернии [41].

Еще один вариант «задревления» территории в «Енисейском альманахе» – обращение к истории покорения Сибири в конце XVI в. Авторам книги было важно не просто указать на наличие древней истории региона, но и включить ее в общероссийский исторический контекст. Так, И. Петров в своем стихотворении «Картина из времен завоевания Сибири» романтизирует казачью вольницу и сибирский поход Ермака. Поэт обращается к литературным новинкам середины 1820-х гг. – поэмам «Цыганы» А.С. Пушкина и «Войнаровский» К.Ф. Рылеева. Сравним:

А.С. Пушкин. «Цыганы» (1824)

Цыганы шумною толпой
 По Бессарабии кочуют.
 Они сегодня *над рекой*
 В шатрах изодранных ночуют.
 Как вольность, весел их ночлег
 И мирный сон под небесами;
 Между колесами телег,
 Полузавешанных *коврами*,
 Горит *огонь* <...> [42. С. 25].

К.Ф. Рылеев. «Войнаровский» (1825)

В часы суровой непогоды
 Любил рассказы стариков
Про Ермака и Козаков,
Про их отважные походы
По царству хлада и снегов [43. С. 202].

Внутренняя структура сборника предполагала не только разделение на прозаическую и поэтическую части, но и жанровые и мотивно-образные переключки между ними. Так, альманах открывался и завершался травелогам, принадлежащими перу А.П. Степанова – «Путешествием в Кяхту из Красноярска» и «Песней» с подзаголовком «Сочинена во время плавания по Енисею»

S.⁴ «Взгляд на физическое положение Минусинского округа Енисейской губернии»

В Минусинском округе омывает *он (Енисей. – В.С.)* наивысочайшие *обнаженные утесы*, багряного шифера, увенчанные соснами, пихтою и лиственницею, украшенные иероглифами и *письменами древних*.

Вся площадь сия, униженная, так сказать, *гробницами древних народов...*

...берега покрыты пикульником, или *ирисами*, называемых в Европейской России касатиками. На *голубом ковре из сих цветов*, разбросаны белые берестовые *юрты народов кочующих. Величайшие стада* их и табуны *пасутся на равнинах...* [14. С. 45–46].

Подробное описание флоры Енисейской губернии было призвано не только представить регион в его раз-

S.⁴ «Взгляд на физическое положение Минусинского округа Енисейской губернии»

...орошенная бесчисленными источниками, в долинах, покрытых наинумеренными стадами и в лугах, обогащенных сочными произрастениями; пространнейшая площадь сия покоится под небом ясным и благорастворенным, даже в конце самого Октября, не взирая на 52 и 54 только градусы широты [14. С. 46].

Таким образом, появление «Енисейского альманаха», предложенная в нем новая относительно только что созданного региона поэтика описания, стремление участников литературного проекта обрести известность в столичной среде послужили отправной точкой к появлению Красноярска и Енисейской Сибири на

сею в Туруханск» соответственно. В центр обеих частей книги были помещены произведения о сохранившихся в Сибири памятниках древности, в окружении дикой природы и незамысловатого быта местных народов. Показательно, что между научным сочинением и лирическим стихотворением обнаруживаются не только идейные, но и лексические параллели:

А. Кузьмин. «Минусинский край»

Я видел *древних письмена*
На *диких скалах Енисея...*

Я видел *древний ряд могил*;
Им взор конца не находил
Сии огромные курганы,
Рассеянные по полям...

Какая из Сибирских стран
Обильна столько красотами? –
В тени акаций молодых,
В прохладе тополей ветвистых,
Он льет струи в лугах душистых,
Среди *ирисов голубых*.

Я видел *юрты дикарей*,
Разбросанные *по долинам...*
Дворы Татар – большое поле,
На коем в праздности и воле
Пасутся тучные стада [14. С. 83–85].

нообразии и конкретике, но и показать его более южным, теплым, оспорить образ «воображаемой Сибири» как царства холода и снегов:

А. Кузьмин. «Странник»

«Здесь Сибирь: ея картины
Омрачают светлый взор;
Всюду тянутся вершины
Обнаженных, диких гор.

Слышал я, не прилетает
Соловей весной сюда,
Нет садов и не встречает
Взор румяного плода. –

– Новый гость в краях чужбины
По желанию, пришлец,
Зимних красок для картины
Не бери за образец.

– Подожди, доколь Природа
Облечется в красоты;
Верь, с роскошной частью года
Переменишь мысли ты [14. С. 75].

«литературной карте» России. Сибирские поэты и писатели впервые продемонстрировали быт и культуру сибиряков изнутри, показали сибирские пейзажи и нравы с точки зрения местных уроженцев и непосредственных наблюдателей. Авторы стремились изобразить Енисейскую Сибирь и Красноярск не аллегориче-

ски, а конкретно – этнографически точно, осветить реальные природные и культурные локальности, включить в контекст древней истории Сибири и истории России, оспорить сложившиеся стереотипы.

Инициатива по созданию литературной среды в Красноярске и Енисейской Сибири как необходимого этапа на пути к регулярной литературной работе в ре-

гионе принадлежала губернатору А.П. Степанову, а основным типом автора «Енисейского альманаха» стал поэт и писатель-государственник, который совмещает литературный труд и административную деятельность, представляющие в мифологическом соотнесении друг с другом в качестве двуединой основы культуростроительства.

Примечания

¹ На таких примерах преимущественно строит свою теорию Пьер Бурдьё. Подробнее см.: [15].

² О легитимации древностью и изобретении традиций см.: [35].

³ Об авторах «Енисейского альманаха» подробнее см.: [37; 38. С. 201–204, 211–215].

⁴ По указанию Г.А. Толстой, под литерой S. скрывался сам А.П. Степанов [44. С. 5].

Список источников

1. Замятин Д.Н. Сопроостранственность и геокультурные тексты: от литературных колонизаций к трансграничным картографиям воображения // Уральский исторический вестник. 2023. № 4 (81). С. 66–75.
2. Лотман Ю.М. Символические пространства // Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М. : Языки русской культуры, 1996. 447 с.
3. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура : сб. ст. / отв. ред. Т.В. Цивьян. М. : Наука, 1983. 303 с.
4. Топоров В.Н. Заметки по реконструкции текста. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Исследования по структуре текста. М. : Наука, 1987. С. 121–132.
5. Богумил Т.А. Семиотика городов Сибири: типологический аспект // Критика и семиотика. 2003. № 1. С. 350–367.
6. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. СПб. : Искусство-СПб, 2003. 616 с.
7. Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.
8. Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2000. 404 с.
9. Киселев В.С. Томск в русской литературе: проблемы и перспективы изучения // Имагология и компаративистика. 2017. № 2 (8). С. 36–61.
10. Алексеев П.В. Алтай в воображаемой географии Ф.М. Достоевского // Сибирь как поле межкультурных взаимодействий: литература, антропология, историография, этнология. М. : ИМЛИ РАН, Азбуковник, 2021. С. 408–423.
11. Bloomfield J. Researching the Urban Imaginary: Resisting the Erasure of Places // European Studies. Brill, 2006. Vol. 23: Urban Mindscapes of Europe. P. 43–61.
12. Пиксанов Н.К. Областные культурные гнезда: Историко-краеведный семинар. М.; Л. : Гос. изд-во, 1928. 148 с.
13. Топоров В.Н. О космологических источниках раннеисторических описаний // Труды по знаковым системам. Т. 6. Сборник научных статей в честь Михаила Михайловича Бахтина (к 75-летию со дня рождения) / отв. ред. Ю.М. Лотман. Тарту : Тартуский гос. ун-т, 1973. С. 106–150.
14. Енисейский альманах на 1828 год / сост. И. Петров; предисл. Г. Толстой; Государственное учреждение культуры Красноярский краевой краеведческий музей. 2-е изд., доп. Красноярск : Поликор, 2008. 112 с.
15. Бурдьё П. Поле литературы // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 22–87.
16. Гергилев Д.Н. Административно-территориальное устройство Сибири в 1708–1917 гг. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2018. 224 с.
17. Сперанский М.М. Письма Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне (в замужестве Фроловой-Багреевой). М. : Типография Грачева и К., 1869. 253 с.
18. Потапов И.Ф. Енисейская губерния. История в документах и фотографиях. Красноярск : Офсет, 2008. 416 с.
19. Карпухина Д.В. Всем благоустройством Красноярск обязан Степанову // Сибирский форум. 2021. Сентябрь. С. 14–15.
20. Чернышова Н.К. Общественно-политические взгляды А.П. Степанова // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в.) / под ред. Л.М. Горюшкина. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-е, 1978. С. 252–281.
21. Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М. : Новое лит. обозрение, 2001. 336 с.
22. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. 9. М. : Изд-во АН СССР, 1955. 804 с.
23. Вяземский П.А. Полное собрание сочинений : в 12 т. Т. 2. Литературные критические и биографические очерки, 1827 г. – 1851 г. СПб. : Изд. графа С.Д. Шереметева, 1879. 426 с.
24. Современная русская библиография за 1828 г. // Московский телеграф. 1828. Ч. 19. Кн. 3. С. 429–440.
25. Литературные известия // Отечественные записки. 1828. Т. 34. С. 161–193.
26. Критика и библиография. Русские книги // Московский вестник. 1828. № 3. С. 321–331.
27. Енисейский Альманах на 1828 год Ивана Петрова // Сын отечества. 1828. № 5. Отд. III. Критика. С. 89–99.
28. Сомов О.М. Обзор российской словесности за 1828 год // Северные цветы на 1829 год. 1828. С. 3–110.
29. Измайлов В.В. Путешествие в полуденную Россию, в письмах, изданных Владимиром Измайловым. Ч. 1–4. М. : В Университетской типографии, 1802.
30. Сумароков П.И. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду Павла Сумарокова. СПб. : Императорская типография, 1803. Часть I. 276 с.
31. Шаликов П.И. Путешествие в Малороссию, изданное К.П. Шаликовым. М. : У Люби, Гария и Попова, 1803–1804. 237 с.
32. Брусилов Н.П. Мое путешествие, или Приключения одного дня. СПб. : Императорская типография, 1803. 162 с.
33. Жуковская А.В. Петров Иван Матвеевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь / гл. ред. П.А. Николаев. Т. 4. М. : Большая Российская энциклопедия; Научно-внедренческое предприятие ФИАНИТ, 1999. С. 579–580.
34. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений : в 11 т. Т. 8. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1959. С. 521.
35. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62.
36. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб. : Русский мир, 2006. 636 с.
37. Богданова М. К истории создания «Енисейского альманаха на 1828 год» и «Красноярской литературной беседы» 1829 года (по неопубликованным материалам) // Енисей. 1958. № 21. С. 239–247.
38. Очерки русской литературы Сибири : в 2 т. Т. 1. Дореволюционный период. Новосибирск : Наука, 1982. 608 с.

39. Евсеева М.К. Кузьмин Александр Кузьмич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь / гл. ред. П.А. Николаев. Т. 3. М.: Большая Российская энциклопедия; Научно-вндренческое предприятие ФИАНИТ, 1994. С. 202–204.
40. Азадовский М.К. Очерки литературы и культуры Сибири. Вып. 1. Иркутск: Иркут. обл. изд-во, 1947. 203 с.
41. Степанов А.П. Енисейская губерния: ч. 1–2. СПб.: Типография Конрада Вингебера, 1835. 364 с.
42. Пушкин А.С. Цыганы // Полное собрание сочинений: в 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. IV. С. 201–234.
43. Рылеев К.Ф. Войнаровский // Полное собрание сочинений / ред., вступ. ст. и ком. А.Г. Цейтлина. М.; Л.: Academia, 1934. С. 192–229.
44. Толстова Г.А. Предисловие // Енисейский альманах на 1828 год / сост. И. Петров; предисл. Г. Толстовой. 2-е изд., доп. Красноярск: Поликор, 2008. С. 1–7 (первой пагинации).

References

1. Zamyatin, D.N. (2023) Soprostanstvennost' i geokul'turnye teksty: ot literaturnykh kolonizatsiy k transgranichnym kartografiyam vobrazheniya // Ural'skiy istoricheskiy vestnik. No. 4 (81). S. 66–75.
2. Lotman, Yu.M. (1996) Simvolicheskie prostanstva // Lotman, Yu.M. Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya. M.: Yazyki russkoy kul'tury, 447 s.
3. Toporov, V.N. (1983) Prostranstvo i tekst // Tekst: semantika i struktura: sb. st. / Tsiv'yan, T.V. (ed.) M.: Nauka, 303 s.
4. Toporov, V.N. (1987) Zametki po rekonstruktsii teksta. Tekst goroda-devy i goroda-bludnitsy v mifologicheskoy aspekte // Issledovaniya po strukture teksta. M.: Nauka, pp. 121–132.
5. Bogumil, T.A. (2003) Semiotika gorodov Sibiri: tipologicheskiy aspekt // Kritika i semiotika. No. 1. S. 350–367.
6. Toporov, V.N. (2003) Peterburgskiy tekst russkoy literatury. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 616 s.
7. Tyupa, V.I. (2002) Mifologema Sibiri: k voprosu o "sibirskom tekste" russkoy literatury // Sibirskiy filologicheskii zhurnal. No. 1. S. 27–35.
8. Abashev, V.V. (2000) Perm' kak tekst. Perm' v russkoy kul'ture i literature XX veka. Perm': Izd-vo Permskogo universiteta, 404 s.
9. Kiselev, V.S. (2017) Tomsk v russkoy literature: problemy i perspektivy izucheniya // Imagologiya i komparativistika. No. 2 (8). pp. 36–61.
10. Alekseev, P.V. (2021) Altay v vobrazhaemoy geografii F.M. Dostoevskogo // Cibir' kak pole mezhkul'turnykh vzaimodeystviy: literatura, antropologiya, istoriografiya, etnologiya. M.: IMLI RAN, OOO Izdatel'skiy tsentr "Azbukovnik", pp. 408–423.
11. Bloomfield, J. (2006) Researching the Urban Imaginary: Resisting the Erasure of Places // European Studies. Brill, Vol. 23: Urban Mindscapes of Europe. pp. 43–61.
12. Pikanov, N.K. (1928) Oblastnye kul'turnye gnezda: Istoriko-kraevednyy seminar. M.; L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 148 s.
13. Toporov, V.N. (1973) O kosmologicheskikh istochnikakh ranneistoricheskikh opisaniy // Trudy po znakovym sistemam. T. 6. Sbornik nauchnykh statey v chest' Mikhaila Mikhaylovicha Bakhtina (k 75-letiyu so dnya rozhdeniya) / Lotman, Yu.M. (ed.) Tartu: Tartuskii gosudarstvennyy universitet, pp. 106–150.
14. Eniseiskii al'manakh na 1828 god / sost. I. Petrov; predisl. G. Tolstovoï; Gosudarstvennoe uchrezhdenie kul'tury Krasnoyarskii kraevoi kraevedcheskii muzei. 2-e izd., dop. Krasnoyarsk: Polikor, 2008. 112 s.
15. Burd'e, P. (2000) Pole literatury // Novoe literaturnoe obozrenie. No. 45. pp. 22–87.
16. Gergilev, D.N. (2018) Administrativno-territorial'noe ustroystvo Sibiri v 1708–1917 gg. Krasnoyarsk: Sibirskiy federal'nyy universitet, 224 s.
17. Speranskiy, M.M. (1869) Pis'ma Speranskogo iz Sibiri k ego docheri Elizavete Mikhaylovne (v zamuzhestve Frolovoy-Bagrevooy). M.: Tipografiya Gracheva i K., 253 s.
18. Potapov, I.F. (2008) Eniseyskaya guberniya. Istoriya v dokumentakh i fotografiyakh. Krasnoyarsk: Ofset, 416 s.
19. Karpukhina, D.V. (2021) Vsem blagoustroystvom Krasnoyarsk obyazan Stepanovu // Sibirskiy forum. Sentyabr'. pp. 14–15.
20. Chernyshova, N.K. (1978) Obshchestvenno-politicheskie vzglyady A.P. Stepanova // Ssylka i obshchestvenno-politicheskaya zhizn' v Sibiri (XVIII – nachalo XX v.) / Goryushkin, L.M. (ed.) Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie, pp. 252–281.
21. Reytblat, A.I. (2001) Kak Pushkin vyshel v genii: Istoriko-sotsiologicheskie ocherki o knizhnoy kul'ture Pushkinskoy epokhi. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 336 s.
22. Belinskiy, V.G. (1955) Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t. T. 9. M.: Izd-vo AN SSSR, 804 s.
23. Vyazemskiy, P.A. (1879) Polnoe sobranie sochineniy: v 12 t. T. 2. Literaturnye kriticheskie i biograficheskie ocherki, 1827 g. – 1851 g. St. Petersburg: Izd. grafa S.D. Sheremeteva, 426 s.
24. Sovremennaya russkaya bibliografiya za 1828 g. // Moskovskiy telegraf. 1828. Ch. 19. Kn. 3. pp. 429–440.
25. Literaturnye izvestiya // Otechestvennye zapiski. 1828. T. 34. pp. 161–193.
26. Kritika i bibliografiya. Russkie knigi // Moskovskiy vestnik. 1828. No. 3. pp. 321–331.
27. Eniseyskiy al'manakh na 1828 god Ivana Petrova // Syn otechestva. 1828. No. 5. Otd. III. Kritika. pp. 89–99.
28. Somov, O.M. (1828) Obzor rossiyskoy slovesnosti za 1828 god // Severnye tsvety na 1829 god. pp. 3–110.
29. Izmaïlov, V.V. (1802) Puteshestvie v poludennuyu Rossiyu, v pis'makh, izdannykh Vladimirom Izmaïlovym. Ch. 1–4. M.: V Universitetskoy tipografii.
30. Sumarokov, P.I. (1803) Dosugi krymskogo sud'i ili vtoroe puteshestvie v Tavridu Pavla Sumarokova. St. Petersburg: Imperatorskaya tipografiya, 1803. Chast' I. 276 s.
31. Shalikov, P.I. (1803–1803) Puteshestvie v Malorossiyu, izdannoe K.P. Shalikovym. M.: U Lyubi, Gariya i Popova, 237 s.
32. Brusilov, N.P. (1803) Moe puteshestvie, ili Prikluyeniya odnogo dnya. St. Petersburg: Imperatorskaya tipografiya, 162 s.
33. Zhukovskaya, A.V. (1999) Petrov Ivan Matveevich // Nikolaev, P.A. Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskiy slovar' / M.: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya. T. 4. M.: Nauchnoe izdatel'stvo "Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya"; Nauchno-vnedrencheskoe predpriyatie FIANIT, pp. 579–580.
34. Lomonosov, M.V. (1959) Poln. sobr. Sochineniy: v 11 t. T. 8. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, pp. 521.
35. Khobsbaum, E. (2000) Izobretenie traditsiy // Vestnik Evrazii. No. 1. pp. 47–62.
36. Said, E. (2006) Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka. St. Petersburg: Russkiy mir, 636 s.
37. Bogdanova, M. (1958) K istorii sozdaniya "Eniseyskogo al'manakha na 1828 god" i "Krasnoyarskoy literaturnoy besedy" 1829 goda (po neopublikovannym materialam) // Enisey. No. 21. pp. 239–247.
38. Ocherki russkoy literatury Sibiri: v 2 t. T. 1. Dorevolutsionnyy period. Novosibirsk: Nauka, 1982. 608 s.
39. Evseeva, M.K. (1994) Kuz'min Aleksandr Kuz'mich // Nikolaev, P.A. (ed.) Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskiy slovar' / M.: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya. T. 3. M.: Nauchnoe izdatel'stvo "Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya"; Nauchno-vnedrencheskoe predpriyatie FIANIT, pp. 202–204.
40. Azadovskiy, M.K. (1947) Ocherki literatury i kul'tury Sibiri. Vyp. 1. Irkutsk: Irkut. obl. izd-vo, 203 s.
41. Stepanov, A.P. (1835) Eniseyskaya guberniya: ch. 1–2. St. Petersburg: Tipografiya Konrada Vingebera, 364 s.
42. Pushkin, A.S. (1950) Tsygany // Pushkin, A.S. Polnoe sobranie sochineniy: v 10 t. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, T. IV. pp. 201–234.
43. Ryleev, K.F. (1934) Voynarovskiy // Ryleev, K.F. Polnoe sobranie sochineniy / red., vstup. st. i komment. A.G. Tseytlina. M.; L.: Academia, pp. 192–229.
44. Tolstova, G.A. (2008) Predislovie // Eniseiskii al'manakh na 1828 god / sost. I. Petrov; predisl. G. Tolstovoï; Gosudarstvennoe uchrezhdenie kul'tury Krasnoyarskii kraevoi kraevedcheskii muzei. 2-e izd., dop. Krasnoyarsk: Polikor, pp. 1–7 (pervoy paginatsii).

Информация об авторе:

Срмикян В.С. – аспирант кафедры журналистики и литературоведения, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия). E-mail: vsrmikyan@sfu-kras.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.S. Srmikyan, postgraduate student, senior lecturer, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: vsrmikyan@sfu-kras.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 03.11.2023;
одобрена после рецензирования 21.12.2023; принята к публикации 30.06.2024.*

*The article was submitted 03.11.2023;
approved after reviewing 21.12.2023; accepted for publication 30.06.2024.*

ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 17+008
doi: 10.17223/15617793/503/13

Философия техники до и после эмпирического поворота

Елена Николаевна Иогансон (Э. Мартин-Иогансон)¹

¹ *Независимый исследователь, Лондон, Великобритания, Ellenmrtn@googlemail.com*

Аннотация. Рассматриваются ключевые концептуальные подходы классической философии техники и основные теоретические направления в рамках современного дискурса эмпирического поворота. Анализируются онтологические, антропологические и морально-этические риски, связанные с технократическим ростом. На основе сравнительного анализа классической философии и постфеноменологической философии техники утверждается, что философия техники после эмпирического поворота не способна выявить и отразить негативные аспекты технологического прогресса и его непредсказуемого влияния на человеческую жизнь.

Ключевые слова: феноменология, постфеноменология, классическая философия технологий, техника, эмпирический поворот, М. Хайдеггер, Ж. Симондон, Д. Ихде, П. Вербик

Для цитирования: Иогансон Е.Н. (Мартин-Иогансон Э.). Философия техники до и после эмпирического поворота // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 503. С. 132–139. doi: 10.17223/15617793/503/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/503/13

Philosophy of technology before and after the empirical turn

Ellen Martin-Ioganson¹

¹ *Independent researcher, London, United Kingdom, Ellenmrtn@googlemail.com*

Abstract. The aim of this article is to analyse the fundamental changes within a philosophical understanding of the phenomenon of technology, which occurred as a result of the empirical turn in Western philosophy of technology in the 1980s–1990s. In order to reach this aim, the author uses a comparative method and sets the following objectives: analysing the dominating conceptual approaches of the classical philosophy of technology and specific directions that have been developed after the empirical turn; revealing the essence of the empirical turn, and criticising postphenomenology. The author shows that the approaches in the Western philosophy of technology after the empirical turn are characterised by the rejection of certain core assumptions of the classical philosophy of technology that framed technology as a monolithic and autonomous force that influences human life in such a way that it reorganises it, subjugating to its own logic. Representatives of classical philosophy such as Martin Heidegger, Jacques Ellul, and others, drew attention to the negative aspects of the indomitable technical progress, emphasising the ontological, ethical and anthropological risks associated with technologies that turned humanity and the world into permanent reserves and utilitarian objects, and devalued the uniqueness of human life. The author pays attention to the philosophical views of Heidegger, who emphasised the ontological danger that lies not in the technology itself, but in its essence, in the way it is revealed. On the basis of a comparative analysis of the classical philosophy of technology and the contemporary approaches, the author shows that after the empirical turn, technology began to be viewed not as an object or instrument, but as a mediator between man and the world. The author believes that this attitude towards technology is a consequence of humanity's dependence of technology. Dependence means enslavement and helplessness. Modern technologies are transforming our lives in such a way that we are losing control over our lifeworld without even noticing it. Special attention is paid to the critical analysis of postphenomenology. Unlike the classical philosophy of technology, postphenomenology does not consider technology as an entity at the ontological level, but focuses on individual technologies at the ontic level. Based on a comparative analysis of the philosophical views of Heidegger and postphenomenological philosophy, it is concluded that the shift in emphasis from the ontological approach to the ontic one does not allow us to understand the metaphysical, existential and ethical problems associated with the uncontrollable growth of technology. Postphenomenology eliminates the dominant role of man, thereby removing human responsibility for the consequences of technocratic growth. The author argues that the philosophy of technology after the empirical turn is unable to adequately reflect the negative aspects of technological progress and its unpredictable impact on human life.

Keywords: phenomenology, postphenomenology, classical philosophy of technology, technologies, empirical turn, Martin Heidegger, Gilbert Simondon, Don Ihde, Pim Verbeek

For citation: Martin-Ioganson, E. (2024) Philosophy of technology before and after the empirical turn. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 503. pp. 132–139. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/503/13

Основное направление классической философии технологий

На фоне современного стремительного технического прогресса тема философии техники приобретает особую актуальность.

Примерно с 1920-х вплоть до 1980-х гг. в философии технологий доминировали схожие направления, определяемые в западной литературе как «классическая философия техники»¹. Классическая философия техники была сформирована на основе таких традиций, как феноменология и экзистенциализм, герменевтика, теология. Наиболее видные представители классической философии, такие как Мартин Хайдеггер, Хосе Ортега-и-Гассет, Герберт Маркузе, Ханс Йонас, Льюис Мамфорд, Жак Эллюль и др., уделяли внимание последствиям влияния технологического роста на состояние человечества и социума, заявляя, что человечество потеряло контроль над технологиями, которые теперь развиваются в соответствии со своей собственной логикой, а проблемы человеческой жизни усугубляются процессами рационализации и тотального потребления.

В классической философии техники выделяются два основных направления. В основе первого (представленного в основном философией Хайдеггера) лежит идея сопоставления техники и технэ (культуры). В рамках второго направления (Ортега-и-Гассет) разрабатывается антропологический взгляд на технику. Согласно Ортега, необходимость в технике обусловлена не тем, что она удовлетворяет наши основные биологические потребности, а в силу того, что делает нашу жизнь по-настоящему человеческой. Это наше желание не просто жить, а жить благополучно. Однако Ортега предупреждал, что эксклюзивная вера в технологические возможности опустошает человеческую жизнь. Технология «является пустой формой, как и сама формалистическая логика... Вот почему наше время, будучи интенсивно техническим, является наиболее пустым в истории человечества» [1. Р. 151]. Для большинства людей своего времени (он называет это человек-масса) есть реальная опасность массового невежества и моральной деградации вследствие потери интереса к науке, нравственным ценностям императивам, потому что человек с самого рождения оказывается в технологической среде.

Заслуга Ортега в том, что он рассматривал технический рост в тесной связи с развитием человека и его творческих потребностей, в отличие от последующего эмпирического подхода. Согласно его взглядам, в процессе отношений человека и техники техническое развитие проходит две отдельные стадии. Первая стадия – это творческое желание определить программу отношений с миром, которую человек стремится реализовать в соответствии со своими потребностями. Вторая – это материальная реализация этой программы с

помощью определенной техники. Таким образом, существует две стратегии, зависящие от способа реализации жизненной установки. Одна стратегия представлена Востоком – это бодхисаттва. Восточный бодхисаттва безразличен к технике и сводит свои материальные потребности к минимуму. В технике нет никакой мистики, а Бодхисаттву интересует экстатические состояния, техника медитации. Джентльмен – это стратегия, присущая Западу. Западный джентльмен пытается жить максимально насыщенной жизнью. Он хорошо образован, прагматичен, его знания основаны на завоевании природы, его интересует технический прогресс, делающий жизнь комфортной. Восточного бодхисаттву интересует техника субъективной внутренней жизни, он более аскетичен.

Маркузе в своей работе «Одномерный человек» [2] утверждает, что передовое индустриальное общество заточило человечество в систему производства и потребления, в которой люди находятся в плену монотонной работы, чтобы покупать все больше и больше новой продукции, что притупляет критическое мышление. Подобные убеждения разделяли и другие философы. М. Хайдеггер утверждал, что современные технологии проникли в наше мышление, превратив человечество и мир в постоянные резервы, товары утилитарного назначения. Подобное видение можно найти в работах Жака Эллюля, который изображает технологию как непреодолимую автономную силу, строящую социальные и политические институты в соответствии со своей собственной логикой, и обесценивает уникальность человеческой жизни. Отрицательный аспект технического прогресса также подчеркивали философы постмодернизма Жан-Франсуа Лиотар и Жан Бодрийяр.

Эмпирический поворот. Главные теоретические направления

В 1980-х гг. в западной философии появились новые направления, которые в значительной степени были реакцией на предполагаемые недостатки классической философии техники. Суть критики классической традиции заключается в том, что техника рассматривалась представителями классического подхода слишком пессимистично, как чуждая и монолитная сила, которая утилизирует природу как ресурс для человеческого использования и формирует социальные практики в соответствии со своей собственной безличной логикой. Классическая философия технологий также подверглась критике за то, что она слишком общая и абстрактная, за недостаточное внимание на конкретные технологические практики. На основе этой критики западные философы 1980–1990-х гг. стали разрабатывать новые подходы в философии технологии, которые получили название эмпирический поворот [3].

Такие направления, как постструктурализм, прагматизм, научно-технические ориентации философской мысли, сосредоточились на конкретных технологиях и практиках, что стимулировало более эмпирический и менее детерминистский подход к технологиям. В рамках эмпирического поворота следует выделить три доминирующих подхода: акторно-сетевую теорию (АСТ) (Б. Латур), критическую теорию техники и постфеноменологию. АСТ берет свое идейное начало во французской семиотике и американской этнометодологии.

Одним из главных представителей критической теории является американский философ Эндрю Финберг. В своей работе «Вопросы к технологии» Финберг утверждает, что технологический дизайн занимает центральное место в социальной, политической структуре современного общества. Согласно его взглядам, технология – это среда повседневной жизни [4].

Постфеноменология (о которой речь пойдет далее) берет свое идейное начало в стремлении американского философа Дона Идхе объединить феноменологию, в частности работы Э. Гуссерля, М. Хайдеггера и М. Мерло-Понти, с американским прагматизмом. Дистанцируясь от классической философии, рассматривающую технологию как единый всеобъемлющий процесс, постфеноменология исследует отдельные технологии и технологическую динамику в микромасштабе. Идхе разработал менее оценочную, более описательную феноменологию технологий, которая занимается не столько исследованием влияния технологий на человеческую жизнь, сколько тем, как технологии выступают посредниками между людьми и окружающей средой.

В целях сравнения классической философии и критического анализа постфеноменологии необходимо обратиться к основным идеям философии техники М. Хайдеггера.

Онтологический подход к проблеме техники М. Хайдеггера

М. Хайдеггер использует слово «*technic*», что в переводе с немецкого языка на английский означает «*technology*» (технология) и «*technique*» (техника, методы, технические процессы). Немецкий философ считает, что технику следует понимать как способ выявления или раскрытия. У Хайдеггера намечена связь техники и поэзии как выведения из потаенного. Греки использовали слово «*алетейя*» (истина) для обозначения этого откровения (потаенного) и рассматривали «*технэ*» как путь познания, состоящий в создании вещей. Согласно Хайдеггеру, техника принадлежит к миру раскрытия. Однако способ раскрытия современных технологий уже не тот, что в греческом поэзисе (эстетическое постижение мира, например, через ручную работу, искусство). Современная техника стремительно внедряется во все сферы жизни. Если греческий поэзис раскрывает реальность мирно без нарушений и повреждений, позволяя тому, что присутствует, проявиться, то современная техника бросает вызов таким способом, что все в ней выступает как запас, резерв, устроенный так, чтобы быть использованным.

Хайдеггер использует термин «*Gestell*» (обрамление) для обозначения этого особого способа раскрытия того, что составляет сущность современной техники [5. Р. 19]. «Обрамление означает собирание воедино того, что окружает человека и бросает ему вызов раскрыть реальное в модус заказа, как постоянный резерв. Обрамление означает способ раскрытия сущности современной технологии, что само по себе не имеет ничего технического» [5. Р. 20]. Обрамление – это не машины и не технологии, это истинная сущность техники. Техника имеет амбивалентную природу: она опасна, так как это высшая степень провокации, но в то же время она спасительна [5. Р. 33].

«Обрамление приходит как опасность. Но проявляется ли это опасность как действительная опасность? Нет. Чтобы быть уверенными, люди всегда и везде чрезвычайно угнетены опасностями и нуждами. Но опасность, а именно само Бытие, подвергая себя опасности в истинности своего проявления, остается завуалированным и замаскированным» [6. Р. 37]. Согласно Хайдеггеру, технология есть двойное сокрытие бытия в облике того, что делает мир практическим резервом.

Онтологические опасности технологий

С точки зрения Хайдеггера, современные технологии заставляют относиться к реальности как к неограниченному ресурсам, лишенным какого-либо внутреннего содержания. Однако реальная проблема носит не экологический или социальный характер. Хайдеггер указывает на онтологическую проблему, которая не может быть сведена только к этическим или экологическим соображениям. Опасность заключается не в самой технике, а в ее сущности, в способе ее раскрытия, которая проявляется двояко. С одной стороны, техника заставляет нас воспринимать людей как «человеческий ресурс», люди рассматриваются как сырье [5. Р. 26–27]. С другой стороны, это приводит нас к установлению требовательных отношений с окружающим нас миром, в частности, с природой, что препятствует более адекватному доступу к реальности. Техническое осмысление мира становится единственным способом отношения к предметам и людям, и одновременно остается скрытым тот факт, что техника раскрывает бытие особым, исключительным и ограниченным способом. Опасность в том, что все предстает как техническая проблема; расчетливое мышление принимается как единственно возможный способ мышления, когда природа, культура, политика становятся объектами, доступными для потребления.

Хайдеггер выдвигает модель технологического отчуждения, потому что автоматизированное производство и рациональный расчет не могут обеспечить адекватных отношений не только к окружающей средой, но и между людьми. Философ говорит о метафизическом разрыве, когда мы заменяем трансцендентность переживаемым опытом. Для нас больше нет таинства священного. Хайдеггера волновал вопрос о том, что в результате зависимости от технологий человек впадает в неправильный способ бытия, когда он не восприни-

мает себя как себя, иными словами, начинает пренебрегать своей человеческой сущностью, как следствие понимания природы и себя с точки зрения запаса и технического ресурса.

Когда Хайдеггер писал о попытке заменить трансцендентность чем-то технологическим, он предупреждал об опасности откровения самого бытия как технологии. Когда наши расчетливые концепции и технологические рамки отделяют нас от невыразимой тайны Бытия, наша сущностная природа становится неспособной подлинно раскрыться в мире, равно как и сущностная природа мира неспособна раскрыться через нас. Здесь следует заметить, что Хайдеггер совершенно забыл о соотношении искусственного и естественного. Это его ошибка.

Позицию Хайдеггера можно сравнить с позицией Ж. Симондона. Хотя Хайдеггер и предупреждал об опасностях технологического роста, он, также как и Симондон, верил в онтологическую первичность нашей погруженности в мир технически ориентированных возможностей. Однако, отдавая предпочтение поэзии и ручному ремеслу как источникам экзистенциального раскрытия мира, Хайдеггеровская философия техники воспроизводила нормативную базу пре-индустриальной технической культуры. Если Хайдеггер философ-поэт, то Симондон, скорее, философ – инженер, стремящийся переориентировать человеческий изобретательский потенциал и ответственность за коэволюцию биологических и технических систем.

Феноменология машин Ж. Симондона

Ж. Симондон рассматривал технику вне антропологического контекста. Он считает, что технические объекты помогают нам регулировать наше существование в мире. Симондон предложил феноменологию машин, сделав попытку осмыслить технологию с точки зрения ее собственных уникальных процессов индивидуации. Он рассматривает индивидуацию технических существ с точки зрения генезиса. Для Симондона все объекты становятся целыми посредством процесса индивидуации. Индивидуация есть последовательная мультистабильность бытия, когда бытие расщепляется, становясь одновременно и индивидуумом и многим другим, и наконец ассамблежем, в котором бытие конкретизируется в единое.

Только через критерий генезиса можно определить смысл технических объектов и восстановить участие техники в культуре. Он пишет, что вместо гилеморфного и иерархического конфликта между двумя культурами (культура и технология) мы имеем конфликт «между двумя формами техники», каждая из которых включает «деятельность манипуляции», которая вмешивается в трансформационное становление человека и мира [7. Р. 18]. Культура воздействует непосредственно на субъекта посредством культивирования новых привычек (например, образование), а технология действует косвенно посредством изменений в окружающей среде, которые провоцируют новые процессы жизненной и психосоциальной индивидуации. Таким

образом, французский философ постулировал идею интеграции технологии в культуру. Симондон поставил своей целью «переписать историю философии в соответствии с концепцией индивидуации и изобрести философское мышление, которое бы эффективно интегрировало технологии в культуру» [8. Р. 9]. Задачей современной философии, по мнению Симондона, является создание технической культуры. Он считал, что, хотя мы и живем в мире, насыщенном технологиями, нам трудно понять онтологический статус технологических объектов. Этот статус не может быть выведен из способов существования других объектов, эстетических, религиозных или естественных. Согласно Симондону, этот способ можно вывести из хорошо подобранных примеров, описаний и сравнительного анализа. Французский философ понимает технический объект как нечто имеющее «генезис» – термин, который обычно ассоциируется с живыми существами. Настаивая на генезисе технического объекта, Симондон отличает его от простой вещи, которую он определяет как нечто данное «hic et nunc» (здесь и сейчас) [9. Р. 6]. Симондон мыслит эмпирически и понимает техническое развитие не как функциональную или инструментальную прогрессию, а как развитие внутренних технических операций. Философия Симондона проложила путь к эмпирическому повороту.

Человек и технология в рамках постфеноменологического подхода

В отличие от феноменологии, занимающейся исследованием переживаемого опыта или того, как вещи предстают перед нами как субъектами, постфеноменология стремится эмпирически проанализировать, как определенные технологии, «вещи в себе», опосредуют отношения между людьми и их миром. Постфеноменологию следует понимать как теорию опосредования (медиации), которая придерживается того, что Хайдеггер называл теоретической установкой.

Основатель постфеноменологии американский философ Дон Ихде характеризует ее как сочетание прагматизма и феноменологии [10. Р. 117, 128]. Постфеноменология – это «шаг в сторону от обобщений о технологиях вообще и шаг в направлении исследования технологий в их особенностях» [11. Р. 22].

Постфеноменология зиждется на утверждении идеи того, что техника не может быть сведена к качественным объектам, воспринимаемым человеком. Иными словами, человеческая субъективность по отношению к технике как к объекту элиминируется. Постфеноменология объясняет это тем, что технологии вплетены в движение опыта такими способами, которые выходят за рамки субъект-объектной дихотомии. Ихде иллюстрирует это утверждение на примере практики квалифицированной рубки дров. Для специалиста при рубке дров воспринимающее внимание концентрируется на куске дерева, которое нужно распилить. Кусок дерева выделяется из окружающей среды как «фокальное ядро», на которое направлено сознательное внимание, тогда как топор, различные приемы, связанные с ним (поза, цель, затраченные силы), а

также представление о себе как о познающем субъекте не представляются в первую очередь перцептивным опытом. Человек осознает себя, предметы, технику рефлекторно [10. Р. 29–30]. Таким образом, вместо сознательного и воспринимающего субъекта (например, лесоруба), который оказывается противостоящим определенному предмету (например, куску дерева), используя объект (например, топор), Ихде представляет так называемую эмпирическую корреляцию, которая определяется феноменологически как «непосредственный опыт». Согласно эмпирической корреляции, в данном примере кусок дерева, который надо распилить, представляется первым [10. Р. 27]. Человек (субъект) появляется в анализе вторым, теряя свою исключительную роль. Субъект имеет определенный генезис или узнаваемое происхождение в движениях опыта [10. Р. 29].

Технологии предстают не как данные объекты с определенными качествами, которые предметно осознаются субъектом, но воспринимаются как нечто, вплетенное в широкий спектр опыта. Постфеноменология называет эти вплетения «технологическим посредничеством» и исследует в рамках проблемы человеческих – технологических отношений с целью выявления структурных особенностей этих амбивалентных отношений [12. Р. 75; 13. Р. 71; 14. Р. 7].

Отношения человека и техники в рамках постфеноменологии

В центре внимания феноменологии – интенциональные переживания (то, что содержит некоторые вообразаемые характеристики, которые не существуют в предметной физической сфере), которые, согласно Э. Гуссерлю, конституируются в «чистом сознании» [15. Р. 95] или, по Хайдеггеру, в экзистенциальных структурах бытия-в-мире.

Постфеноменология сдвигает конститутивный элемент между объектом и субъектом. Таким образом, субъект лишается своей самодостаточности, поскольку сознание больше не имеет решающего значения в опосредованном восприятии объекта. Один из главных теоретиков постфеноменологии Питер-Пол Вербик считает, что объекты не являются нейтральными. Они медиаторы, которые активно опосредуют отношения между людьми и миром. «Посредничество не просто имеет место между субъектом и объектом, скорее совмещает субъективность и объективность... Люди и их окружающий мир, которые они переживают, являются продуктами технологической медиации» [14. Р. 114].

Технологии понимаются как отношения человека и техники. Вербик утверждает, что «постфеноменология является философским анализом структуры отношений между людьми и их жизненным пространством. Постфеноменология изучает структуры с точки зрения отношения человека и технологии» [16. Р. 7].

Ихде утверждает, что технологии должны быть поняты как отношения человек – технология, а не абстрактно восприниматься как простые объекты [13. Р. 34].

Если техника понимается как явление, то это больше не замкнутая в себе вещь, а человеческое – техническое отношение. Когда Ихде утверждает, что «...технология – это человеческое – техническое отношение», он, таким образом, предполагает, что технология содержит в себе множество вещей [14. Р. 40]. «Множество вещей», о которых пишет Ихде, это человеческое понимание того, как возможно технику (вещь) утилизировать. Вне контекста человеческого осознания никакого множества вещей нет.

В рамках постфеноменологии отношения человека и технологии понимаются как место, в котором конституируются объективность и субъективность. Это означает, что объекты и субъекты являются составляющими, иными словами, вещами, которые конституируются внутри человеческих – технологических отношений. В приведенном выше примере с рубкой дров Ихде демонстрирует, как лесоруб (компонент 1) конституируется как лесоруб по мере того, как он использует топор (компонент 2) и занимается рубкой дров (компонент 3).

Следуя такой постфеноменологической логике, отношения человека и технологий лишаются доминирующей роли человека (субъекта). Человек теряет свою исключительную роль в силу своей зависимости от технологий.

Постфеноменологическое понимание явления или феномена ориентировано на то, что Хайдеггер называет «знанием объективного порядка». Феномен встраивают в технический порядок. И живое, и сознание мы хотим поместить в этот порядок. Несмотря на то, что содержание этого порядка мультистабильное и контекстно зависимое, этот порядок представляется объектом с точки зрения постфеноменологического исследователя.

Роль прагматизма в постфеноменологии

Важную роль в постфеноменологии играет прагматизм, заменяющий эссенциалистскую мысль, присутствующую в феноменологии. Эссенциализм означает отсылку к сущности, которая выходит за пределы эмпирической корреляции, субъект – объектного конституирования или отношения человека и технологии. Постфеноменология исследует существование без указания на сущность. Если Хайдеггер рассматривал сущность современной техники, то Ихде и другие представители постфеноменологии относятся критически к объяснениям, в которых техника сводится к единичной, всеобъемлющей сущности. Вместо того, чтобы рассматривать технологии в соответствии с фиксированной сущностью, их характер считается мультистабильным [17. Р. 126]. Это означает, что между человеком и техникой характер составляющих неустойчив, непредсказуем и приобретает устойчивость в зависимости от различных контекстов. Опосредованное конституирование субъекта и объекта включает содержательный прагматизм: если отношение человек – технология должны быть адекватно отражены, эссенциализм и трансцендентализм должны быть отвергнуты.

Феноменологический подход Хайдеггера и постфеноменологический подход Ихде

В свете Хайдеггеровского понимания феномен и теоретические установки, отношения человека и технологии означают область реальности, объективное «что», которое теоретически исследуется.

Ихде называет анализ Хайдеггера эссенциалистским, согласно которому все технологии сводятся к одной сущности, к обрамлению. Он спрашивает: «Неужели все технологии попадают под одно описание?» [17. Р. 120]. Ихде приводит множество примеров, которые не соответствуют Хайдеггеровской интерпретации технологий как обрамления [17. Р. 122–125]. Ихде, на наш взгляд, не совсем правильно понимает Хайдеггеровский подход. Хайдеггер не рассматривает конкретные технологии (они его не интересуют). Хайдеггер, в отличие от Ихде, подходит к проблеме технологий онтологически.

В то время как теория опосредования в постфеноменологии рассматривает, главным образом, онтическое содержание феномена (явления), философия Хайдеггера указывает на то, что феноменология занимается онтическим содержанием и одновременно онтологическим отношением между бытием и мышлением. Отсюда следует, что постфеноменологическая мысль элиминирует живое отношение к объекту познания, т.е. упускает из виду элемент, в который она сама поглощается, сталкиваясь с отношениями человека и технологии.

Ихде утверждает, что «существует техносфера, в которой мы живем, окружая себя технократическими артефактами, как астронавты или глубоководные исследователи» [18. Р. 14]. Хайдеггер аналогичным образом замечает, что «для нас технические приспособления, устройства и машины в большей или меньшей степени незаменимы. Было бы глупо атаковать технологию вслепую... Мы зависим от технических устройств» [19. Р. 53]. В такой ситуации Хайдеггер предлагает «освобождение» как способ противостояния угрозам технологического доминирования. Учитывая, что мы зависим от мира технологий, «освобождение» означает сказать «да» современным технологиям, помня, однако, что сущность современной техники заставляет нас воспринимать природу просто как количественно измеримый запас ресурсов (включая то, что мы называем «человеческими ресурсами»), грозит перенаправить все способы раскрытия на провокации. Более того, сегодня ресурсом стало сознание, вовлекаемое в процесс производства и потребления.

Ихде не признает опасности, о которой предупреждал Хайдеггер, задавая следующий вопрос: «короче говоря, вся природа, включая человека, будет рассматриваться как редуцированная к огромному ресурсу, но вопрос для кого и с какой целью» [17. Р. 81].

Однако, согласно позиции Хайдеггера, эпоха доминирующих технологий, не является результатом чьей-либо человеческой воли и не работает на интересы человека. В этом отношении позицию Хайдеггера относительно сущности технологий как обрамления можно сравнить с описанием М. Фуко властных отношений.

Кроме традиционных моделей властей, наделенных источником власти отдельными индивидуумами или группой людей, микрофизика власти не реагирует ни на один источник власти, вместо этого угнетенные индивидуумы биополитически воспроизводят внутри себя такие же структуры [20. Р. 26].

Хайдеггер пишет: «Во всех областях человек все будет теснее окружен силами техники. Эти силы, которые везде и ежеминутно, сковывают, дают и навязываются человеку в форме тех или иных технических приспособлений. Эти силы, поскольку человек их не создал, давно вышли за пределы его воли и переросли его способность принимать решения» [19. Р. 51].

На определенном этапе развития техника, превращаясь в независимую силу, начинает ставить свои цели. Сегодня многие проблемы решаются технически, но человеческие проблемы нельзя решать техническими способами. Не приводит ли наша зависимость от технологий к потере человеком возможности целеполагания? Н. Бердяев предупреждал: «Сначала человек зависел от природы, и зависимость эта была растительно-животной. Но вот начинается новая зависимость человека... технически-машинная зависимость. В этом вся мучительность проблемы... Мы совсем еще не знаем насколько разрушительна для человека та атмосфера, которая создается его собственными техническими открытиями и изобретениями» [21].

Морально-этический аспект.

Проблема зависимости и ответственности

Немецкий философ Ханс Йонас был убежден, что новый технологический век ставит принципиально новые этические проблемы, которые человечеству раньше не приходилось решать. «Современные технологии представили действия новых масштабов, с такими новыми последствиями, что они больше не вписываются в рамки прежней этики» [22. Р. 6]. Новое в технологическом мире – это взаимоотношения человеческого и нечеловеческого. Йонас утверждает, что этика до наступления новой технологической эпохи была сосредоточена на человеческих взаимодействиях. Отношения людей с нечеловеческим миром считались этически нейтральными.

Отношения человека и техники становятся настолько сложны, в силу технической зависимости, что человек теряет свою роль субъекта. Например, в современной практической жизни автоматизация в производстве может полностью заменить человеческий фактор. Нанотехнологии, имея возможность вмешиваться в телесность человека, сегодня явно претендуют изменить антропологические границы. Автоматизация затрагивает все сферы человеческой жизни. Согласно концепции Четвертой промышленной революции, предложенной К. Швабом, основателем Всемирного экономического форума, происходит экспоненциальное технологическое изменение и конвергенция, когда прорывные открытия и их реализация происходят одновременно в физической, биологической и цифровой сферах. «Четвертая промышленная революция создает мир, в котором виртуальные и физические

системы производства глобально взаимодействуют друг с другом гибким способом» [23. P. 12].

В основе концепции Четвертой промышленной революции – идея синтеза кибернетических и физических пространств, суть которых состоит в соединении физического процесса производства с электронно-программными управлениями. Ключевым требованием киберфизических систем является синхронная работа всех систем. Такое требование не под силу человеку. Однако робототехника сможет прекрасно справиться практически со всеми электронными задачами. Робот – это материализованный алгоритм, который является одновременно и объектом и субъектом. Киберфизические системы могут быть встроены в производственные процессы, а в виртуальной среде они способны отслеживать дигитальное присутствие человека в интернете. Таким образом, современные технологии искусственного интеллекта (ИИ) создают реальные риски подчинения человеческой воли «умным» технологическим решениям, когда ИИ принимает решения, а человек их выполняет. ИИ не просто заменяет труд, он отменяет потребность в человеке. Такая замена неизбежно поднимает проблему этического антропоцентризма. Например, как относиться к ИИ, как субъекту или как объекту?

Б. Латур считает, что невозможно найти однозначный ответ, что находится на стороне субъекта, а что на стороне объекта. Латур вводит понятие «квази-объект», который является и субъектом, и объектом [24. P. 51]. Такое понимание взаимоотношений человека и технических объектов рождает ряд серьезных онтологических и аксиологических проблем, которые требуют отдельного исследования.

Мы в живем в атмосфере интеллектуальной техносферы. Электронная техника и другие технологии делают нашу жизнь во многих отношениях комфортной, но этот комфорт делает нас зависимыми. Зависимость означает порабощенность и беспомощность. Современные технологии преобразуют нашу жизнь таким образом, что мы теряем контроль над нашей жизненной сферой, даже не замечая этого.

Как современная западная философия после эмпирического поворота подходит к проблеме ответственности за технократический рост? Если технические

объекты выполняют функцию медиаторов в отношениях человека и техники, согласно постфеноменологии, то становятся непредсказуемыми.

Выводы

Если представители классической философии технологии были озабочены проблемой последствий технократического роста для человечества, то современная философия, в частности постфеноменология, предлагает фактически отказаться от категории «технология». Постфеноменологический подход, согласно которому технические приспособления стимулируют нас переосмыслить наше понимание идеи человека, легитимизирует дальнейшее стирание граней между человеческим и нечеловеческим миром в русле постгуманистической мысли.

Ихде стремится переформулировать вопрос относительно возможности или невозможности контроля над технологиями, указывая на «мультистабильность» в отношениях между человеком и технологиями. Такая позиция не позволяет выявить и проанализировать морально-этические аспекты технологического роста, так как у человека нет контроля над технологиями и отношения человек – технологии становятся непредсказуемыми. Ихде называет свою позицию по вопросу о влиянии технологий на людей «нейтральной». Такая позиция означает, что все может быть в отношении человека и технологии. Эта та опасность, о которой предупреждал Хайдеггер: технология вышла за пределы человеческой воли.

Рассматривая отношения человека и технологии как место, в котором конституируются объективность и субъективность, постфеноменология элиминирует доминирующую роль человека по отношению к технике, тем самым снимая ответственность человека за последствия технократического роста.

Классическая философия поднимала важную проблему контроля над техникой. После эмпирического поворота доминирующим стал взгляд на технику как посредника в человеческих практиках. Причиной такого отношения является все возрастающая зависимость человека от техники.

Примечание

¹ Опуская этимологические подробности, отметим лишь, что термин «технология» (technology) в современном английском языке используется для обозначения техники и технологических процессов. В данной статье термины «технологии» и «техника» являются взаимозаменяемыми.

Список источников

1. Ortega y Gasset J. Man the technician // History as a system and other essays toward a philosophy of history. New York : Norton, 1961. P. 85–161.
2. Marcuse H. One-dimensional man. Studies in the ideology of advanced industrial society. Boston : Beacon Press, 1964.
3. Achterhuis H. (Ed.) American philosophy of technology: The empirical turn. Bloomington : Indiana University Press, 2001.
4. Feenberg A. Questioning technology. New York : Routledge, 1999.
5. Heidegger M. The Question concerning technology and other essays. New York; London : Garland and Publishing Inc, 1977. P. 3–36.
6. Heidegger M. The Turning // The Question Concerning Technology and other Essay. New York; London : Garland and Publishing, Inc 1977. P. 36–49.
7. Simondon G. Culture and technics // Radical Philosophy. 2015. № 189. P. 17–23.
8. Barthélémy J.H. Life and Technology: An Inquiry into and beyond Simondon. Paris : Meson Press, 2015.
9. Simondon G. On the mode of existence of technical objects. New York : University of Minnesota Press, 1989.
10. Ihde D. Experimental phenomenology: Multistabilities. New York : Suny Press, 2012.
11. Ihde D. Postphenomenology and technoscience: The Peking University lectures. New York : State University Press, 2009.

12. Ihde D. *Technology and the lifeworld: from garden to earth*. Bloomington : Indiana University Press, 1990.
13. Ihde D. *Postphenomenology: essays in the postmodern context*. Evanston : Northwestern University Press, 1993.
14. Verbeek P.P. *What things do: philosophical reflections on technology, agency, and design*. Pennsylvania : Penn State University Press, 2005.
15. Husserl E. *Logical investigations*. Vol. 2. New York : Routledge, 2001.
16. Verbeek P.P. *Moralizing technology: understanding and designing the morality of things*. Chicago; London : University of Chicago Press, 2011.
17. Ihde D. *Heidegger's technologies: postphenomenological perspectives (perspectives in continental philosophy)*. New York : Fordham University Press, 2010.
18. Ihde D. *Technics and praxis: A philosophy of technology*. Boston : D. Reidel Pub. Co., 1979.
19. Heidegger M. *Discourse on thinking: A translation of Gelassenheit*. New York : Harper Perennial, 2020.
20. Foucault M. *Discipline and Punish*. New York : Vintage Books, 1995.
21. Бердяев Н.А. Человек и Машина (Проблема социологии и метафизики техники). URL: http://www.krotov.info/library/02_b/berdyaev/1933_384.html
22. Jonas H. *The imperative of responsibility: in search of an ethics for the technological age*. Chicago : University of Chicago Press, 1984.
23. Schwab K. *The Fourth Industrial Revolution*. New York : Crown Publishing Group, 2017.
24. Latour B. *We have never been modern*. Cambridge : Harvard University Press, 1993.

References

1. Ortega y Gasset, J. (1961) Man the technician. In: *History as a system and other essays toward a philosophy of history*. New York: Norton. pp. 85–161.
2. Marcuse, H. (1964) *One-dimensional man. Studies in the ideology of advanced industrial society*. Boston: Beacon Press.
3. Achterhuis, H. (ed.) (2001) *American philosophy of technology: The empirical turn*. Bloomington: Indiana University Press.
4. Feenberg, A. (1999) *Questioning technology*. New York: Routledge.
5. Heidegger, M. (1977) *The Question concerning technology and other essays*. New York; London: Garland and Publishing Inc. pp. 3–36.
6. Heidegger, M. (1977) The Turning. In: *The Question Concerning Technology and other Essay*. New York; London: Garland and Publishing, Inc pp. 36–49.
7. Simondon, G. (2015) Culture and technics. *Radical Philosophy*. 189. pp. 17–23.
8. Barthélémy, J.H. (2015) *Life and Technology: An Inquiry into and beyond Simondon*. Paris: Meson Press.
9. Simondon, G. (1989) *On the mode of existence of technical objects*. New York: University of Minnesota Press.
10. Ihde, D. (2012) *Experimental phenomenology: Multistabilities*. New York: Suny Press.
11. Ihde, D. (2009) *Postphenomenology and technoscience: The Peking University lectures*. New York: State University Press.
12. Ihde, D. (1990) *Technology and the lifeworld: from garden to earth*. Bloomington: Indiana University Press.
13. Ihde, D. (1993) *Postphenomenology: essays in the postmodern context*. Evanston: Northwestern University Press.
14. Verbeek, P.P. (2005) *What things do: philosophical reflections on technology, agency, and design*. Pennsylvania: Penn State University Press.
15. Husserl, E. (2001) *Logical investigations*. Vol 2. New York: Routledge.
16. Verbeek, P.P. (2011) *Moralizing technology: understanding and designing the morality of things*. Chicago; London: University of Chicago Press.
17. Ihde, D. (2010) *Heidegger's technologies: postphenomenological perspectives (perspectives in continental philosophy)*. New York: Fordham University Press.
18. Ihde, D. (1979) *Technics and praxis: A philosophy of technology*. Boston: D. Reidel Pub. Co..
19. Heidegger, M. (2020) *Discourse on thinking: A translation of Gelassenheit*. New York: Harper Perennial.
20. Foucault, M. (1995) *Discipline and Punish*. New York: Vintage Books.
21. Berdyayev, N.A. (1933) *Chelovek i Mashina. (Problema sotsiologii i metafiziki tekhniki)* [Man and Machine. (The Problem of Sociology and Metaphysics of Technology)]. [Online] Available from: http://www.krotov.info/library/02_b/berdyaev/1933_384.html
22. Jonas, H. (1984) *The imperative of responsibility: in search of an ethics for the technological age*. Chicago: University of Chicago Press.
23. Schwab, K. (2017) *The Fourth Industrial Revolution*. New York: Crown Publishing Group.
24. Latour, B. (1993) *We have never been modern*. Cambridge: Harvard University Press.

Информация об авторе:

Иогансон Е.Н. (Мартин-Иогансон Эллен) – канд. ист. наук, независимый исследователь (Лондон, Великобритания). E-mail: Ellenmrtn@googlemail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E. Martin-Ioganson, independent researcher (London, United Kingdom). E-mail: Ellenmrtn@googlemail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.11.2023;
одобрена после рецензирования 05.06.2024; принята к публикации 30.06.2024.

The article was submitted 02.11.2023;
approved after reviewing 05.06.2024; accepted for publication 30.06.2024.

Научная статья
УДК 304.2
doi: 10.17223/15617793/503/14

Феномен манипуляции в виртуальном пространстве современной реальности

Владимир Валерьевич Петров^{1,2}

¹ Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия

² Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Россия
vypetrov@mail.nsu.ru

Аннотация. Рассматривается результат перехода манипуляции в виртуальное пространство, при котором она изменяет собственные формы и расширяет спектр технологий, сохраняя при этом в качестве социального основания возможность реализации власти. Утверждается, что молодежная субкультура подвержена влиянию манипуляционных технологий в виртуальной реальности в меньшей степени, поскольку аккумулирует в себе присущие молодости навыки избирательности, фильтрации, мобильности и маневренности в информационной среде.

Ключевые слова: виртуальная реальность, общественное сознание, социальные группы, поколение «Z», молодежная культура

Для цитирования: Петров В.В. Феномен манипуляции в виртуальном пространстве современной реальности // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 503. С. 140–147. doi: 10.17223/15617793/503/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/503/14

The manipulation phenomenon in the modern reality's virtual space

Vladimir V. Petrov^{1,2}

¹ Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation

² Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation

^{1,2} vypetrov@mail.nsu.ru

Abstract. In connection with the new technologies development, the information and communication space has become an open territory of virtual, augmented and mixed reality, where elements of the social structure, individuals, and groups interact, influencing patterns of consciousness and behavior. The problem discussed in this work is that, on the one hand, thanks to virtual reality, a person forms, enriches, and fills their inner and information world, using various opportunities for the development and expansion of the information field due to an avalanche of growing virtualization, but, on the other hand, virtual reality leads to the replacement of everyday reality, which, coupled with manipulative influence, entails a change in traditional spiritual values and a transformation of worldview. The article aims to identify the essence of manipulation in modern culture in conditions of increasing virtualization and potential “risk groups”, which can help predict the further development of society, allowing to minimize negative consequences. The theoretical and methodological basis of the study is a sociocultural approach, which made it possible to demonstrate a wide range of application of manipulative methods in various areas of social interaction in different cultures. Within the framework of this approach, it is substantiated that over time, manipulation changes its forms, improves methods, expands the range of technologies, and adapts to changing external conditions, but at the same time the social basis of manipulation remains unchanged, representing the possibility of exercising power. The work shows that, as a result of the emergence of virtual reality, manipulation moves to a qualitatively new level due to the colossal expansion of the boundaries of its application, degree of impact and unlimited use, transforming into a completely different management tool, which is not limited to the context of interpersonal interaction. It is shown that mass culture, due to its sensitivity, scale, simplicity of consumption, lack of ability to think critically, dependence on entertainment and emotional lability, is more susceptible to the influence of manipulative technologies spreading in the virtual environment. It is concluded that the youth subculture is less dependent on manipulative technologies and accompanying negative factors of virtual reality, since it accumulates the skills of selectivity, analysis, filtering, searching for reliable sources, forming an image of mistrust inherent in youth, mobility, and agility in the information environment. Representatives of the older generation who do not have a sufficient level of information and communication literacy are identified as the main risk group exposed to the influence of manipulative technologies in the virtual space.

Keywords: virtual reality, public consciousness, social groups, Generation Z, youth culture

For citation: Petrov, V.V. (2024) The manipulation phenomenon in the modern reality's virtual space. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 503. pp. 140–147. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/503/14

В современных условиях скрытое воздействие на массовое сознание является специфической невидимой технологией управления жизнью общества, которая пронизывает собой буквально все сферы социальных взаимодействий, начиная от межличностных и заканчивая общественными политико-правовыми коммуникациями. Человек современного общества формируется и функционирует в мегаинформационном пространстве, созданном масс-медиа. Интенсивное развитие VAMR¹ технологий привело к тому, что информационное пространство массовой культуры стало представлять собой открытую территорию виртуальной, дополненной и смешанной реальности, на которой происходит взаимодействие элементов социальной структуры, индивидов и групп, оказывая влияние на образцы сознания и поведения. Как следствие, стремительное проникновение новейших информационных технологий в жизнедеятельность социума позволяет, с одной стороны, информации быть более доступной, но с другой – способствует возможности направленного распространения информации, манипулируя массовым сознанием и формируя строго определенную массовую культуру [2. С. 63]. Виртуальная реальность представляет собой некое подобие окружающего нас мира, искусственно созданного с помощью технологий и представленного в цифровом формате: эффекты, моделируемые виртуальной реальностью, проецируются на сознание человека, позволяя максимально приблизиться к ощущениям, сопоставимым с реальными вещами. По мнению ряда исследователей, именно молодежь, будучи наиболее интенсивно вовлеченной в процессы виртуализации пространства массовой культуры, становится одной из наиболее уязвимых социальных групп, подверженных манипулятивному воздействию, у представителей которой не до конца сформировалась способность в полной мере анализировать стремительно возрастающий поток информации [3. С. 12]. При этом сама по себе проблема манипулирования массовой культурой принципиально новой не является и достаточно подробно рассматривается в трудах отечественных и зарубежных исследователей, где продемонстрирован ее многоаспектный характер. Так, в работах Г. Лебона, Г. Маркузе, Дж.К. Гелбрейта проведен анализ позитивных и негативных аспектов направленного влияния на массы в целом. Влиянию манипуляции на отдельные стороны жизни общества посвящены работы таких исследователей, как М. Кастельс, А. Моль и др. Обращаясь к понятию массовой культуры, нельзя обойти труды О. Шпенглера, Х. Ортега-и-Гассета и Э. Фромма, которые во многом стали пионерами данного направления исследований. К трудам, наиболее полно исследовавшим феномен манипуляции с социальной точки зрения, принадлежат работы Р. Гудина, Г. Шиллера, Э. Шострома, С. Кара-Мурзы и др. С философской точки зрения феномен манипуляции детально рассматривался Н. Лимнатисом, а технологии манипулятивного воздействия достаточно подробно представлены в исследованиях

Г.В. Грачева, И.К. Мельника и др. Социально-философская проблематика виртуальной реальности, где затронут ее статус в обществе, последовательно и поэтапно разрабатывалась в трудах И.А. Акчурина, С.А. Дацюка, М.Ю. Опенкова и других исследователей.

Вместе с тем проблема манипуляций с сознанием в виртуальной реальности по-прежнему является актуальной, поскольку ставки делаются на активную часть общества, более лабильную, динамично меняющуюся, более восприимчивую. Сознание масс, подверженное влиянию нарастающей виртуализации, формирует различного рода стереотипы, личностные и ценностные установки, убеждения и общественную позицию, что неизбежно находит отражение в современной культуре. Проблема, затрагиваемая в данной работе, может быть сформулирована следующим образом: с одной стороны, благодаря виртуальной реальности человек формирует, обогащает и наполняет свой внутренний и информационный мир, используя различные возможности для развития и расширения информационного поля за счет лавинообразно нарастающей виртуализации, но с другой – виртуальная реальность приводит к замещению обыденной реальности, что вкупе с манипулятивным воздействием влечет за собой изменение традиционных, духовных ценностей и трансформацию мировоззрения. Соответственно, если окажется возможным выявить сущность манипуляции в современной культуре в условиях нарастающей виртуализации, то это может способствовать прогнозу дальнейшего развития социума, позволяя не допустить, либо минимизировать негативные последствия.

Прежде всего, необходимо остановиться на ключевых характеристиках феномена манипуляции. Несмотря на то, что в настоящий момент существует достаточно большое количество определений данного термина, что связано как с областью применения, так и во многом с личностным отношением авторов к определяемому феномену, он рассматривается преимущественно в контексте психологического толкования, а также в некоторой степени затрагивается в области изучения политологии. Психология делает упор на межличностные манипуляции, а область изучения политологии базируется на таких характеристиках, как «здесь и сейчас», что обусловлено актуальной действительностью. Мы используем в качестве базового определения формулировку Е.Л. Доценко, где манипуляция позиционируется как вид воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями [4. С. 43]. Как известно, тайное принуждение личности, являясь одним из специфических способов управления, используется на всех уровнях социального взаимодействия людей – от межличностного общения до массовой коммуникации – и присуще различным культурам и историческим условиям [5. С. 11]. Манипуляция представляет собой проявление человеческой социальности, которая формировалась на протяжении веков, отражая

характер взаимоотношений между людьми и в обществе в целом.

В широком смысле манипуляцию мы можем рассматривать как способ достижения собственных целей в процессе взаимодействия личностей, а в узком – трактовать с негативной оценочной точки зрения как отношение к другому человеку в процессе межличностного взаимодействия подобно средству, мишени, способу достижения и реализации собственных замыслов. Манипулятивное воздействие не ограничивается только сферой межличностного общения, с развитием общественной составляющей его границы влияния чрезвычайно расширились, будучи связаны с такими социальными компонентами, как богатство и власть. Везде, где происходила борьба за финансовые ресурсы, за власть, за эксплуатацию человека человеком, имела место быть стратегия манипулятивного поведения, применяемая ограниченным кругом власть имущих по отношению к массам.

По свидетельствам историков, манипулятивный подход, включенный в искусство тайного управления противником, часто выступал философской идейной основой дипломатии и политики [5. С. 26]. В наиболее концентрированном виде и лаконичной форме манипулятивный подход описан еще в «Трактате о военном искусстве» [6], автором которого являлся выдающийся китайский полководец Сунь-Цзы, предвестниками философии манипуляции были софисты, а впоследствии об этом писал и Аристотель в трактате «О софистических опровержениях» [7]. Широкою известностью имеют работы Н. Макиавелли и А. Шопенгауэра, где достаточно подробно разобраны риторические приемы. Согласно исследованиям Э. Фромма, Эпоха Возрождения с ее идеями освобождения личности от цепей Средневековья также являла собой эпоху невиданного совершенствования и разгула манипулятивных технологий [8]. Использование способов тайного принуждения людей в различных культурах во все времена демонстрирует широкий спектр применения манипулятивных методов в разнообразных сферах социального взаимодействия. В XX в. с развитием научных знаний и технологий уровень манипуляционных процессов значительно возрос, быстрый научный скачок обеспечил объединение мира в единое информационное и социальное пространство, что вывело манипуляцию на общемировую арену, стерев социальные, этнические и национальные границы.

Информационно-коммуникационные технологии стали неотъемлемой частью жизни человечества, существенно сократив время поиска и передачи информации и предоставив возможность использования ее резко возросшего объема. Поскольку в основе манипуляции лежат коммуникационные процессы, то с расширением информационного пространства за счет возникновения виртуальной, дополненной и смешанной реальности произошло и расширение форм, методов и механизмов манипуляционных процессов. Социальные интернет-медиа предлагают качественно новый уровень представления информации, когда на одном портале на странице сводятся данные разного типа и из разных источников с возможностью для

пользователя выбора формы их представления и выражения собственного мнения. Все это создает убедительные иллюзии объективности предоставленной информации и неограниченной свободы получателя в оперировании исходными данными. Возникшая легкодоступность разнообразных данных, связанная, прежде всего, с добровольным размещением пользователями в социальных сетях информации о себе, откликами о товарах и услугах на различных сервисных, бытовых и специализированных сайтах, межличностным общением на платформах профильных и тематических форумов вкупе с информацией в цифровых бизнес-базах, становится «отправной точкой» как для традиционных методов манипуляции, так и для возникновения принципиально новых технологий информационно-психологического воздействия – таргетирования, астротурфинга, троллинга, наджа и т.д. Специалисты отмечают, что именно легкодоступные цифровые записи поведения личности, например «лайки», с успехом используются для автоматического и достаточно точного прогнозирования пола, возраста, этнической принадлежности, религиозных и политических взглядов, личностных качеств, уровня интеллекта, сексуальной ориентации, состояния счастья и др. В целом в цифровом мире личность может быть описана многими показателями, включая успехи в учебе, характер работы, социальный статус, здоровье, успех в романтических отношениях, политические взгляды, субъективное благополучие и т.д. [9. С. 153].

При этом манипулирование общественной составляющей переходит на совершенно иной, в отличие от межличностного – общественный уровень взаимодействия, носит всеобъемлющий характер и влечет за собой колоссальную ответственность. Хотя манипуляция в современной культуре по-прежнему представляется как технология власти и форма управления массами, опосредованная ценностно-нормативной средой, но ее границы колоссально расширились за счет всеобъемлющего виртуального пространства. Лидеры меньшинств получили новые возможности преподносить социуму свои личные узконаправленные интересы, выдавая их за мнимые желания массы. Напомним, что в рамках концепции Г. Лебона массой является некая общность, которая обладает одинаковыми характеристиками и качествами, человек обезличивается и становится частью единого целого, где все зависит уже не от потребностей и интересов конкретной личности, а от намерений и желаний массы [10. С. 13]. Действия индивида в толпе становятся стихийными – он принимает решения в соответствии с желаниями и потребностями толпы, вливаясь в единую составляющую массового движения, а уровень его личной ответственности рассеивается. В результате человек становится доступен и открыт для применения в отношении себя различных манипулятивных методов и технологий, перестает критически мыслить.

Масса неспособна мыслить объективно и здраво, ей доступны только элементарные чувства: если дать толпе идею, она становится массой, увлекая массу

идеями, ею становится проще управлять, соответственно, оказывать влияние и двигать сообразно собственным интересам. По мнению Э. Канетти, сила, которая заставляет людей объединяться в массу, – это страх чего-либо неизвестного; для того чтобы совладать со страхом, нужна масса, чем больше масса, тем быстрее произойдет подавление страха [11. С. 19]. Манипулирование массовым сознанием позволяет сделать упор на достижение интересов, которые преследуют представители общества, сосредотачивающие в своих руках полномочия и рычаги управления. Именно поэтому феномен манипуляции не ограничивается контекстом межличностного воздействия, он расширяется за счет манипулирования общественной составляющей, в результате чего манипулирование массовым сознанием становится одним из определяющих факторов современной социальной жизни.

Одна из наиболее критичных концепций массовой культуры принадлежит известному испанскому философу Х. Ортега-и-Гассету, в которой общество трактовалось как объединение меньшинств и масс, постоянно развивающихся, где меньшинство представлено лицами с определенными характерными признаками, а масса – лишь набор индивидов, не имеющих особенных отличий. Массовый – «средний» человек был создан под воздействием стремительного роста населения в городах и узкой профессиональной специализации, которая ослабила культурный потенциал и подорвала современную цивилизацию [12. С. 6]. В то же время Ж. Фридман отзывался о массовой культуре в положительном ключе и трактовал ее как блага потребления, предоставленные обществом средствами массовой коммуникации [13. Р. 8]. По его мнению, развитие нового вида культуры нельзя представить без развития технической цивилизации, ко всему прочему он обращает внимание на коммерческую составляющую культуры, которая направлена на получение прибыли.

Несмотря на разность подходов, в понятии «массовая культура» можно обозначить общую совокупность характерных составляющих. Во-первых, массовая культура может представляться как комплекс идей, взглядов, ценностей и убеждений; во-вторых, как порядок мышления и организации интеллектуальных систем; в-третьих, как часть элитарной культуры, приспособившейся к низкому интеллектуальному сознанию, доступной большому количеству потребителей; в-четвертых, как популярная культура, которая транслируется благодаря СМИ; в-пятых, как ценности и знания, пропагандируемые СМИ, которые влияют на все общество; наконец, в-шестых, как товар, изобретенный для получения прибыли и ориентированный на широкое потребление низшими слоями общества [14. С. 101]. Хотя общее универсальное определение выделить достаточно проблематично, не вызывает сомнения факт, что в основе массовой культуры лежит зрелищность и развлечение, она обладает универсальным языком, доступна и понятна различным слоям общества, направлена на коммерцию, а также сокращает дистанцию между потребителем и товаром. Динамика массовой культуры обусловлена

тем, что она подстраивается под постоянно изменяющиеся запросы общества – так Д. Белл видел причины появления массовой культуры в массовом производстве и потреблении, в возникновении особого рода потребности, которую рынок хочет и может удовлетворить [15. Р. 54].

Если противопоставить молодежную культуру доминантной, т.е. той, что принята большинством членов общества, а именно взрослым поколением, то ее понимают как субкультуру, подразумеваемая под ней культура молодых людей. Известный отечественный социолог И.С. Кон определяет молодежь как социально-демографическую группу, выделяемую на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения, обусловленных социально-психологическими особенностями [16]. Молодость, как определенная фаза биологического цикла, сама по себе универсальна, но ее конкретные временные рамки, связанный с ней социальный статус и иного рода особенности имеют социально-историческую природу и зависят от общественного строя, культуры, специфики социализации, которые свойственны рассматриваемому обществу. К примеру, в России, на основании Федерального закона «О молодежной политике в Российской Федерации» [17] к молодежи относятся российские граждане в возрасте от 14 до 35 лет включительно. Как мы отмечали в наших предыдущих работах, понятие «современная молодежь» во многом тождественно понятию «поколение Z» [18. С. 71]. Принято считать, что это поколение, рожденное между 1998 и 2012 гг., однако оно не имеет четко сформулированных возрастных границ – возрастные границы удобны для деления общества на поколения, но не отражают саму действительность. Возникающие «поколения пограничников»² частично сохраняют в себе признаки как предшествующего, так и последующего поколений, что усложняет поиск своей поколенческой идентичности. В этом случае представителей поколения объединяет уже не столько близкая дата рождения, сколько «дух поколения», который определяет в том числе модель поведения. Соответственно, дата рождения не может являться единственным строгим критерием градации поколений. Для того чтобы не генерировать новые пограничные поколения, мы можем предложить дополнительный важный критерий классификации – «поколенческий дух», под которым понимается особое восприятие, ценностное мировоззрение, определяющие установки и поведение людей [19]. Поколенческий дух молодежи – поколения Z – заключается в привязке к большому количеству цифровых устройств, доверии информации, публикуемой друзьями, рекомендациям блогеров и лидеров мнений, а также в стремлении проводить свободное время и получать новые знания в социальных сетях на честных и конкурентных площадках [20, 21]. Поэтому в качестве дополнительной отличающей характеристики молодежи в рамках нашей работы мы можем выделить полную вовлеченность данного поколения в мир цифровых технологий, где отсутствует граница между реальным миром и его виртуальным проявлением.

По мнению Т. Парсонса, молодежная культура выработывает ценности, инверсные по отношению к миру взрослых, ассоциирующиеся у молодых людей с рутинной, работой на производстве, комфортностью и ответственностью. Ш. Айзенштадт отмечал, что молодые люди по-своему стремятся к обретению чувства стабильности, чтобы как-то компенсировать социальный опыт изменений к чувству собственного достоинства. В этом плане молодежная культура представляет собой некий результат таких стремлений, она обеспечивает ясный набор ценностей, поведенческих норм и позиций, которым нужно следовать, независимо от того, что происходит вокруг [22. С. 33]. То есть молодежная культура помогает ее представителю почувствовать себя комфортно и стабильно, вне зависимости от оценки его действий окружающими. Соответственно, «территорию» молодежной культуры можно определить как некое независимое социальное пространство виртуальной, дополненной и смешанной реальности, где молодые люди могут обрести аутентичность, более свободны, раскрепощены, а их взгляды разделены и приняты. Виртуальная реальность при этом дает большую возможность антропологизировать информацию и оперировать виртуальными данными как привычными натуральными вещами [23. С. 38]. Если в реальном мире человек ощущает, что время от времени им манипулируют, то в виртуальной реальности создается ощущение полной свободы, собственных правил и норм поведения и отчасти вседозволенности и независимости. Однако если уровень развития или образованности личности недостаточный, то она оказывается не в состоянии понять, что на самом деле это лишь мнимость свободы и эффективная манипуляция вышестоящих «кукловодов», которые сливаются со стихийной массой индивидов, массовой, где все манипулируют всеми. Дж. Оруэлл, комментируя свой роман-антиутопию «1894», обозначил, что любую фальшивку можно сделать реальностью, если общество изменит само понятие реальности и воспитает новое сознание [24. С. 48].

Развитие цифровых технологий привело к распространению социальных сетей и приложений, возникновение которых предвидел еще в 1835 г. В. Ф. Одоевский, описывая их следующим образом: «... между знакомыми домами устроены магнетические телеграфы, посредством которых живущие на далеком расстоянии разговаривают друг с другом» [25]. Напомним, что одной из отличительных черт поколения «зумеров» является комбинирование двух миров – мира реального и виртуального, вследствие чего мы получаем особый комбинированный вид реальность – медиареальность. Медиареальность – это та реальность, которую конструируют и воспроизводят современные медиакоммуникации. Данный тип реальности порождает сам человек, а современный мир воспринимается через призму медиареальности.

В условиях виртуальной реальности стираются и маскируются рамки обыденной реальности, массы людей уходят в виртуальный мир, замещая реальную действительность виртуальной либо соединяя их. При этом чем моложе поколение, тем сложнее провести четкую

границу между реальным и виртуальным. Но, с другой стороны, для молодежи Интернет становится стандартом потребления жизненного комфорта [26. С. 40]. Интернет формирует виртуальную реальность, которая в определенном роде заменяет молодым людям обыденную реальность, предоставляя комфортную возможность существования и позитивного развития по своим законам. Информационные и телекоммуникационные технологии позволяют молодым людям самим решать, к какому культурному пространству они хотят прибегнуть, спокойно жить своей жизнью, подбирая информацию по интересам, не оглядываясь на общепринятые стереотипы.

Попытки манипулятивного воздействия в современной молодежной среде могут осуществляться как непосредственно конкретным субъектом, так и опосредованно через различные каналы коммуникации, доминирующими для которых являются технологии виртуального взаимодействия. Необходимо отметить, что хотя развитие цифрового пространства и привело к переходу манипуляции на иной качественный уровень, но оно также предоставило пользователям и новые механизмы защиты в виде оперативной возможности разноплановой проверки получаемой информации. Примечательно, что при этом проверить с помощью нового инструментария можно как информацию, полученную посредством архаичных «традиционных доинформационных» технологий, так и современные ее виды и формы. Однако данная возможность имеет ряд ограничений, связанных в первую очередь с необходимостью наличия определенного уровня квалификации: умения взаимодействовать с техникой (хотя бы на уровне «продвинутого» пользователя, знающего основные поисковые программы), способность отыскивать требуемую информацию в сети по хеш-тегам, ключевым словам, косвенным характеристикам и т.д. Именно за счет постоянной погруженности в интернет-среду и многократного ежедневного взаимодействия с информационными технологиями молодые люди, в отличие от предыдущих поколений (отдельные представители которых порой не могут даже съёмный носитель подключить, не говоря уже о возможности оценить потенциальную угрозу какого-либо сайта и т.д.), неуклонно совершенствуют навыки анализа и фильтрации различного рода контента, распространяемого в глобальном информационном пространстве³. Данная особенность позволяет молодежи прицельно фокусироваться на поиске достоверной информации без слепого потребления всевозможного «информационного мусора».

Таким образом, молодежная субкультура в меньшей степени подвержена влиянию манипуляционных технологий, так как постоянная погруженность в информационное пространство и непрерывное операционное взаимодействие с предоставленными данными позволяют молодым людям выработать навыки работы с информационными потоками, необходимые для вычленения достоверной информации и обхода различного рода уловок. Иными словами, представители старшего поколения во многом доверяют информации, полученной как по архаичным, так и по современным каналам,

поскольку в основной массе обладают меньшей, преимущественно технической, способностью оценки достоверности контента, получаемого по любым каналам. Молодежь же пропускает через себя внушительный объем информации посредством современных информационно-коммуникационных технологий, оставляя за порогом своего внимания «традиционные» каналы. При этом она обладает несоизмеримо большими возможностями для проверки объективности и оценки достоверности любой информации.

В результате проведенного анализа мы можем сделать следующие выводы. Во-первых, несмотря на то, что с течением времени манипуляция изменяет свои формы, совершенствует методы, расширяет спектр технологий и адаптируется к изменяющимся социокультурным условиям, социальное основание манипуляции остается неизменным, представляя собой возможность реализации власти. Во-вторых, в результате возникновения виртуальной реальности манипуляция переходит на качественно новый уровень за счет колоссального расширения границ своего применения, степени воздействия и неограниченности использования, трансформируясь в совершенно иной качественный инструмент управления. В-третьих, феномен манипуляции как последовательной деятельности, направленной на достижение определенного результата, не ограничивается контекстом межличностного взаимодействия, а расширяется и усложняется за счет общественной составляющей, в связи с чем манипуляция сознанием становится одним из определяющих факторов современной социальной жизни. И, наконец,

в-четвертых. Информационное поле, пронизывающее жизнь каждого современного человека, окутано множеством манипуляционных технологий, задачей которых является оказать определенного рода воздействие на потребителей транслируемой информации. Массовая культура, в силу своей восприимчивости, масштабности, упрощенности потребления, отсутствия способности критически мыслить, зависимости от зрелищности и эмоциональной лабильности, в большей степени подвержена влиянию манипуляционных технологий, распространяющихся в виртуальной среде. Молодежная субкультура подвержена влиянию манипуляционных технологий и сопутствующим негативным факторам виртуальной реальности в меньшей степени, поскольку аккумулирует в себе навыки: а) избирательности; б) анализа, фильтрации, поиска достоверных источников и способности критически мыслить; в) формирования образа недоверия, присущего молодости; г) мобильности и маневренности в информационной среде. Соответственно, основной группой риска, подверженной влиянию манипуляционных технологий в виртуальном пространстве, может выступать не только молодежь, но в большей степени – представители старшего поколения, не обладающие достаточным уровнем информационно-коммуникационной грамотности. Вместе с тем феномен манипуляции в современном динамично изменяющемся пространстве социальной реальности на данный момент изучен недостаточно подробно и по-прежнему представляет собой широкий пласт для дальнейших исследований с целью выявления новых аспектов и существенных закономерностей.

Примечания

¹ В текущем понимании дополненная реальность (Augmented Reality, AR) представляет собой внесение искусственного изображения в реальную картину мира, независимо от того, придумано оно в творчестве (кино, ТВ-трансляция) либо видимое вживую, за лобовым стеклом авто или самолета. В отличие от нее виртуальная реальность (Virtual Reality, VR) предполагает полностью искусственный мир, в который погружается зритель или участник некоторого шоу, и чем больше иммерсия (глубина погружения), тем достоверней воспринимается такая виртуальность. Совмещение AR и VR в разных пропорциях также называют смешанной реальностью (Mixed Reality, MR), а всю общность виртуальных технологий обозначают аббревиатурой VAMR [1].

² Е. Шамис, одна из основателей проекта RuGeneration, выделяет в череде поколений пограничные поколения, к которым относятся люди, рожденные в период с 1961–1967 гг., 1982–1988 гг., 1999–2005 гг. Их изучение сопряжено с трудностью, так как представителям данных поколений присущи черты двух поколений сразу [21].

³ По результатам исследований Pew Research Center, большинство представителей молодежи (поколение Z) тратят порядка 25% времени на взаимодействие со смартфоном [27]. Больше половины «зетов» тратит около 10 часов в сутки онлайн с мобильного устройства. В среднем у одного «зумера» 37 мобильных приложений, из них в сутки используются 12. При этом 80% времени тратятся на 5 приложений [28. С. 142].

Список источников

1. Иванов Ю. Новая реальность. Дополненная, виртуальная и смешанная // Broadcasting. URL: <http://lib.broadcasting.ru/articles2/Oborandteh/novaya-realnost-dopolnennaya--virtualnaya-i-smeshannaya> (дата обращения: 14.10.2023).
2. Ефремова Н.Я. Манипулирование сознанием человека в рамках виртуальной реальности // Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. 2012. № 4. С. 61–68.
3. Сипова Н.Г. Цифровые манипуляции психическим здоровьем современной молодежи // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. 29 (3). С. 7–27.
4. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М. : ЧеРо; Изд-во МГУ, 2000. 344 с.
5. Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М. : ИФРАН, 2013. 236 с.
6. Сунь-Цзы. Трактат о военном искусстве. М. : АСТ, 2017. 320 с.
7. Аристотель. О софистических опровержениях // Аристотель. Сочинения в 4 томах. Т. 2. М. : Мысль, 1978. С. 533–593.
8. Ключников С. Краткий исторический обзор манипулятивной философии Востока и Запада. URL: <http://kluchnikov.ru/blog/novosti-v-rossii-i-mire-glazami-psixologa/1943-istoriya-manipulyatsii.html> (дата обращения: 14.10.2023).
9. Виловатых А.В. Манипулирование социальным поведением в условиях цифровой среды // Дискурс-Пи : научный журнал. 2020. № 2 (39). С. 149–164.

10. Лебон Г. Психология народов и масс. М. : AST Publishers, 2016. 320 с.
11. Канетти Э. Масса и власть. М. : Ad Marginem, 1997. 528 с.
12. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М. : АСТ, 2016. 256 с.
13. Friedman J. Enseignement et culture de mass // Communications. Paris. 1978. № 11. P. 3–9.
14. Райнов Б. Массовая культура. М. : Прогресс, 1979. 488 с.
15. Bell D. The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. Illinois : Free Press, 1960. 415 p.
16. Кон И.С. Молодежь // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1986. Т. 16. С. 478.
17. Федеральный закон от 30.12.2020 №489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012300003> (дата обращения: 19.10.2023).
18. Петров В.В. Цифровая репрезентация личности в виртуальной образовательной среде // Философия образования. 2022. Т. 22, № 3. С. 69–81.
19. Куда пропал конфликт отцов и детей // Ведомости. 25.09.2012. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/09/25/782022-kuda-prorpal-konflikt-otsov-i-detei> (дата обращения: 11.03.2022).
20. Что такое поколение Z и как оно видит свое образование. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/5ef1ddbc9a794733b37dcfff> (дата обращения: 11.01.2023).
21. Шамис Е., Антипов А. Теория поколений. URL: <https://www.psycho.ru/library/2581> (дата обращения: 19.01.2022).
22. Омелеченко Е. Л. Молодежные культуры и субкультуры. М. : Ин-т социологии РАН, 2000. 264 с.
23. Шиповская Л.П. Виртуальная реальность. Потребность в новых информационных технологиях // Сервис plus. 2010. № 4. С. 36–45.
24. Оруэлл Дж. 1984. М. : АСТ, 2021. 320 с.
25. Одоевский В.Ф. 4338-й год. Петербургские письма. Взгляд на будущее. URL: <https://www.litres.ru/book/vladimir-odoevskiy/peterburgskie-pisma-645665/chitat-onlayn/page-3/> (дата обращения: 23.12.2023).
26. Гридчин М.М. Проблемы влияния информационных технологий на молодежь // Власть. 2007. № 9. С. 34–40.
27. What We Know About Gen Z So Far. URL: <https://www.pewresearch.org/social-trends/2020/05/14/on-the-cusp-of-adulthood-and-facing-an-uncertain-future-what-we-know-about-gen-z-so-far-2/> (дата обращения: 20.01.2023).
28. Петров В.В. Поколение «Z»: теория и практика коммуникации в образовательном пространстве // Профильное образование и специализированное обучение: стратегия, тактика и технология развития в поликультурном пространстве. Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2023. С. 140–144.

References

1. Ivanov, Yu. Novaya real'nost'. Dopolnennaya, virtual'naya i smeshannaya // Broadcasting. [Online] Available from: <http://lib.broadcasting.ru/articles2/Oborandteh/novaya-realnost-dopolnennaya--virtualnaya-i-smeshannaya> (data obrashcheniya: 14.10.2023).
2. Efremova, N.Ya. (2012) Manipulirovanie soznaniem cheloveka v ramkakh virtual'noy real'nosti // Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik VGUES. No. 4. pp. 61–68.
3. Osipova, N.G. (2023) Tsifrovye manipulyatsii psikhicheskim zdorov'em sovremennoy molodezhi // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya. 29 (3). S.7–27.
4. Dotsenko, E.L. (2000) Psikhologiya manipulyatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita. M.: CheRo; Izd-vo MGU, 344 s.
5. Grachev, G.V. & Mel'nik, I.K. (2013) Manipulirovanie lichnost'yu: organizatsiya, sposoby i tekhnologii informatsionno-psikhologicheskogo vozdeystviya. M.: IFRAN, 236 s.
6. Sun'-Tsyu. (2017) Traktat o voennom iskusstve. M.: AST, 320 s.
7. Aristotel'. (1978) O sofisticheskikh oproverzheniyakh // Aristotel'. Sochineniya v 4 tomakh. T. 2. M.: Mysl', pp. 533–593.
8. Klyuchnikov, S. Kratkiy istoricheskiy obzor manipulyativnoy filosofii Vostoka i Zapada. [Online] Available from: <http://klyuchnikov.ru/blog/novosti-v-russii-i-mire-glazami-psixologa/1943-istoriya-manipulyatsii.html> (data obrashcheniya: 14.10.2023).
9. Vilovatykh, A.V. (2020) Manipulirovanie sotsial'nym povedeniem v usloviyakh tsifrovoy sredy // Diskurs-Pi: nauchnyy zhurnal. No. 2 (39). pp. 149–164.
10. Lebon, G. (2016) Psikhologiya narodov i mass. M.: AST Publishers, 320 s.
11. Kanetti, E. (1997) Massa i vlast'. M.: Ad Marginem, 528 s.
12. Ortega-i-Gasset, Kh. (2016) Vosstanie mass. M.: AST, 256 s.
13. Friedman, J. (1978) Enseignement et culture de mass // Communications. Paris. No. 11. pp. 3–9.
14. Raynov, B. (1979) Massovaya kul'tura. M.: Progress, 488 s.
15. Bell, D. (1960) The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. Illinois: Free Press, 415 p.
16. Kon, I.S. (1986) Molodezh' // Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya. 3-e izd. M., T. 16. pp. 478.
17. Federal'nyy zakon ot 30.12.2020 No.-489-FZ "O molodezhnoy politike v Rossiyskoy Federatsii" // Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii. [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012300003> (data obrashcheniya: 19.10.2023).
18. Petrov, V.V. (2022) Tsifrovaya reprezentatsiya lichnosti v virtual'noy obrazovatel'noy srede // Filosofiya obrazovaniya. T. 22, No. 3. pp. 69–81.
19. Kuda propal konflikt otsov i detey // Vedomosti. 25.09.2012. [Online] Available from: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/09/25/782022-kuda-propal-konflikt-otsov-i-detei> (data obrashcheniya: 11.03.2022).
20. Chto takoe pokolenie Z i kak ono vidit svoe obrazovanie. [Online] Available from: <https://trends.rbc.ru/trends/education/5ef1ddbc9a794733b37dcfff> (data obrashcheniya: 11.01.2023).
21. Shamis, E. & Antipov, A. Teoriya pokoleniy. [Online] Available from: <https://www.psycho.ru/library/2581> (data obrashcheniya: 19.01.2022).
22. Omel'chenko, E.L. (2000) Molodezhnye kul'tury i subkul'tury. M.: In-t sotsiologii RAN, 264 s.
23. Shipovskaya, L.P. (2010) Virtual'naya real'nost'. Potrebnost' v novykh informatsionnykh tekhnologiyakh // Servis plus. No. 4. pp. 36–45.
24. Oruell, Dzh. (2021) 1984. M.: AST, 320 s.
25. Odoevskiy, V.F. 4338-y god. Peterburgskie pis'ma. Vzglyad na budushchee. [Online] Available from: <https://www.litres.ru/book/vladimir-odoevskiy/peterburgskie-pisma-645665/chitat-onlayn/page-3/> (data obrashcheniya: 23.12.2023).
26. Gridchin, M.M. (2007) Problemy vliyaniya informatsionnykh tekhnologiy na molodezh' // Vlast'. No. 9. pp. 34–40.
27. What We Know About Gen Z So Far. [Online] Available from: <https://www.pewresearch.org/social-trends/2020/05/14/on-the-cusp-of-adulthood-and-facing-an-uncertain-future-what-we-know-about-gen-z-so-far-2/> (data obrashcheniya: 20.01.2023).
28. Petrov, V.V. (2023) Pokolenie "Z": teoriya i praktika kommunikatsii v obrazovatel'nom prostranstve // Profil'noe obrazovanie i spetsializirovannoe obuchenie: strategiya, taktika i tekhnologiya razvitiya v polikul'turnom prostranstve. Novosibirsk: IPTs NGU, 2023. pp. 140–144.

Информация об авторе:

Петров В.В. – канд. филос. наук, старший научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия); доцент кафедры социальной

философии Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск, Россия).
E-mail: vvpetrov@mail.nsu.ru. ORCID: 0000-0003-0511-857X

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.V. Petrov, Cand. Sci. (Philosophy), senior research fellow, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation); associate professor, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: vvpetrov@mail.nsu.ru. ORCID: 0000-0003-0511-857X

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.04.2024;
одобрена после рецензирования 28.05.2024; принята к публикации 30.06.2024.*

*The article was submitted 05.04.2024;
approved after reviewing 28.05.2024; accepted for publication 30.06.2024.*

Научная статья
УДК 303.4
doi: 10.17223/15617793/503/15

Постнеклассическая наука и социальное познание

Роман Юрьевич Царёв¹

¹ *Курганский государственный университет, Курган, Россия, romanoromani@mail.ru*

Аннотация. Исследуются пути воздействия принципов постнеклассической науки на сферу социального познания. Отмечается, что это воздействие носит комплексный характер и осуществляется в рамках трех аспектов: онтологического (происходит выработка новых картин социальной реальности), эпистемологического (утверждается целостный подход к изучаемым объектам, происходит изменение структуры социального познания) и праксеологического (изменяется представление о механизмах социальной действительности знания).

Ключевые слова: постнеклассическая наука, социальное познание, холизм, системный подход, нелинейная динамика, трансдисциплинарность, субъект и объект, плюрализм, социальная практика

Для цитирования: Царёв Р.Ю. Постнеклассическая наука и социальное познание // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 503. С. 148–160. doi: 10.17223/15617793/503/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/503/15

Post-nonclassical science and social cognition

Roman Yu. Tsarev¹

¹ *Kurgan State University, Kurgan, Russian Federation, romanoromani@mail.ru*

Abstract. The article discusses the problem of ways the principles of post-nonclassical scientific rationality influence the field of social cognition. It is established that this effect is complex and is produced within the framework of three aspects – ontological, epistemological, and praxeological. The ontological aspect consists in the orientation on a holistic consideration of the object of research: society as a complex, self-developing system; the implementation of the principles of a systematic approach; the construction of pluralistic ontologies emphasizing the diversity of social reality and multifactorial social dynamics and its vision from the standpoint of synergetics, which can be considered as a theoretical development of a systematic approach in relation to the type of systems of interest to post-nonclassical science. The epistemological aspect consists in a holistic attitude in the interpretation of knowledge, manifested in overcoming the dilemma of the natural science and humanitarian worldviews, the formation of transdisciplinary research programs, awareness of the theoretical burden of the empirical foundation of social cognition, the need to build theoretical models of social reality. The complex relationship between the subject and the object of social cognition, its axiological load, theoretical and methodological pluralism were realized even before the emergence of post-nonclassical science, but these aspects were comprehended at a new level of scientific rationality development, which indicates the growth of reflexivity of social cognition. There is a complication of its structure due to the formation of a meta-theoretical level, which performs a philosophical, methodological, and reflexive function. This level includes, firstly, philosophical components – ontological representations (holistic perception of reality), epistemological representations (integrity of knowledge, the principle of comprehensive analysis), axiological representations (the value of truth, a variety of values that can influence social cognition), and, secondly, general scientific components – a systematic approach, principles of cybernetics and synergetics, the probability theory. The praxeological aspect is expressed in the awareness of the complex relationship between social theory and social practice, which is due to the multidimensional nature of social reality and the impossibility of its unambiguous schematization, the emphasis on the moral responsibility of social scientists when analyzing both trends in the development of the social system and their involvement in social engineering, the blurring of boundaries between the development of knowledge and its practical application, which is embodied in a wide dissemination of expert social knowledge. As a result, it is concluded that shifts in the sphere of social ontology initiate a change in the epistemological principles of social cognition, which, in turn, causes a change in its praxeological attitudes.

Keywords: post-nonclassical science, social cognition, holism, system approach, nonlinear dynamics, transdisciplinarity, subject and object, pluralism, social practice

For citation: Tsarev, R.Yu. (2024) Post-nonclassical science and social cognition. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 503. pp. 148–160. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/503/15

Введение

Социальное познание образует сравнительно с естествознанием особую сферу научного знания по объекту и предмету, применяемым методам, однако его гносеологическая состоятельность заключается не только в разработке собственных теоретико-методологических оснований, но и в стремлении сделать это с учетом принципов и методов научного познания в целом, его методологических установок. Поэтому специфичность социального познания не означает, что его развитие следует рассматривать в отрыве от развития науки.

Поэтому правомерно поставить вопрос о формах и глубине воздействия постнеклассических принципов научной рациональности на сферу социального познания. Примечательно, что в западной исследовательской традиции вместо понятия постнеклассической науки используются другие понятия: И. Стенгерс применяет понятие «новые науки» [1], С. Тулмин [2] и Б. де Соуза Сантос [3] – «постмодернистская наука». В них вкладывается смысл если не тождественный, то во многом близкий понятию постнеклассической науки, поскольку фиксируются одни и те же сдвиги в научном видении мира и методологии научного познания.

Каким бы понятием ни обозначались новые тенденции развития науки, ключевую роль в выработке и обосновании этих новаций принадлежит естествознанию. Это справедливо и по отношению к концепции постнеклассической науки, опирающейся на материал естественных наук, прежде всего физики [4]. В этой связи критика указывает, что проблематика развития социального познания с точки зрения принципов постнеклассической рациональности В.С. Степиным допускается, но не получает должной разработки [5. С. 26].

Благодаря трансляции новых принципов в сферу социального познания представители социальных наук получают возможность с новых теоретических позиций рассмотреть интересующие их объекты, выработать новые способы их представления и исследования. Поэтому сдвиги в научном мировоззрении за последние несколько десятков лет не могли не привести к постановке вопроса об их применимости в социальном познании. В западной социальной мысли И. Валлерстайн в рамках концепции миросистемного анализа выдвинул целую программу преобразования социального знания [6, 7]. И позднее зарубежными специалистами отмечалась необходимость исследования социальных систем с учетом новейших достижений естествознания [8].

В отечественных социальных науках в 1990-е гг. и позже тоже отмечалось, что, опираясь на революционный опыт естествознания и математики, необходимо идти путем обновления социального познания [9. С. 43]. В особенности интенсивно происходило освоение принципов синергетики, с одной стороны, на мировоззренческом и методологическом уровне [10], с другой – применительно к исследованию социальной динамики [11]. Параллельно с этим предпринимались попытки эпистемологического анализа социального познания с точки зрения выявления характеристик его

классической, неклассической и постнеклассической разновидностей с целью понимания открывающихся в этом свете перед социальным познанием возможностей [5, 12].

Осмысление воздействия принципов постнеклассической науки на сферу социального познания далеко от завершения. Вместе с тем уже сегодня можно констатировать, что это воздействие носит комплексный характер и выводит социальное познание далеко за рамки принципов классической науки. Поэтому комплексным должен быть и анализ этого воздействия: отдельные детали не должны заслонять общей картины, магистральных направлений эволюции социального познания. Обобщая имеющиеся место новации, можно выделить три взаимосвязанных аспекта этого процесса: онтологический, эпистемологический и праксеологический.

Каждый из них предполагает широкий диапазон, включающий в себя, с одной стороны, новую интерпретацию прежних проблем социального познания, с другой – обнаружение новых возможностей его развития. К их числу относятся создание новых картин социальной реальности, обнаружение новых объектов исследования, изменение представлений о динамике социальных систем (онтологический аспект), установку на целостный характер знания путем преодоления дилеммы естественно-научной и гуманитарной картин мира, усложнение структуры социального познания за счет возникновения трансдисциплинарных программ исследования, формирования метатеоретического уровня в структуре социального знания, осознание его ценностной, социокультурной нагруженности благодаря соотношению субъекта и объекта, теоретико-методологический плюрализм (эпистемологический аспект); учитывая направленность социального познания на проектирование и конструирование общества, изменение представлений о социальной роли знания (праксеологический аспект).

Новая интерпретация старых проблем означает, что воздействие принципов постнеклассической науки не отменяет классическое наследие социального познания, но создает новые тенденции развития этой области знания. Скорее всего, указанные аспекты не исчерпывают всех возможностей воздействия постнеклассической науки на сферу социального познания, но обозначают наиболее значимые векторы его трансформации.

Онтологический аспект

Для современного социального познания имеет немалое значение ориентация постнеклассической науки на исследование сложных, целостных, саморазвивающихся систем. Поскольку общество является такой системой, возникает ряд проблем – соотношения монистических и плюралистических социальных онтологий, системного и сетевого подходов его трактовки, формы, структуры и направленности социального времени.

С точки зрения системного подхода общество состоит из подсистем – сфер, которые, в свою очередь, тоже являются системами. Внутри отдельных сфер и

между ними возникают устойчивые связи и взаимодействия, обуславливающие целостность системы. Она, с одной стороны, обладает относительно стабильной организацией, что позволяет в течение длительного времени сохранять системные свойства, с другой стороны, существует возможность нарушения этого равновесия, структурных трансформаций в процессе развития. Тем самым социальная система представляет собой сложное единство процессов статики и динамики.

Одной из базовых проблем социального познания является проблема наличия определяющей сферы общества. В классическом социальном познании распространение получили монистические, редукционистские социальные онтологии, в которых определяющую роль играла одна подсистема, один решающий фактор – в учениях французских просветителей в качестве такового выступала духовная сфера, в мальтузианстве – демографический фактор, в марксизме, несмотря на ряд оговорок, – сфера материального производства и т.д.

Для постнеклассического социального познания этот подход является неприемлемым, поскольку не позволяет в должной мере раскрыть сложность процесса системной динамики, в особенности развития возможности возникновения различных, относительно устойчивых комбинаций факторов на разных этапах исторического существования социальной системы. Это требует выработки принципиально иной – плюралистической социальной онтологии, для которой характерно многомерное видение социальной реальности, признание несводимости одних аспектов социального бытия к другим [13. С. 170]. Этот подход ведет к признанию равноправия сфер общества, взаимодействию которых образует сложный процесс системной, многофакторной детерминации социальных процессов. Обратной стороной этой многомерности выступает холизм, поскольку без этого принципа невозможно адекватно воссоздать взаимодействие частей в рамках целого.

Одним из вариантов плюралистической социальной онтологии является сетевой подход, который зачастую рассматривается как альтернатива системному подходу. Например, М. Манн утверждает, что, поскольку общества конституируются пересекающимися сетями власти, они не являются ни унитарными образованиями, ни тотальностями, ни социальными системами: «Поскольку нет системы, нет тотальности, не может быть и подсистем, измерений или уровней такой тотальности. Поскольку нет целого, социальные отношения не могут быть “в основе своей”, “в конечном счете” редуцированы к некоему системному свойству целого, как, например, способ производства, культура, нормативная система или форма военной организации» [14. С. 29]. И хотя М. Манн оговаривается, что не стремится к какому-либо противопоставлению, в этой позиции, с одной стороны, обнаруживается явная критика любых монистических социальных онтологий, но, с другой стороны, все же обозначается противопоставление сетевого и системного подходов к социальной реальности.

На самом деле, если сети не рассматривать как ризоматические образования, они имеют определенную

пространственно-временную организацию, обладают определенной структурой, т.е. не лишены определенных системных свойств. Кроме того, любая сложная система, в том числе социальная, представляет собой сеть горизонтальных и вертикальных отношений и связей между образующими ее элементами. Поэтому системный и сетевой подходы следует рассматривать не как альтернативные, а как взаимодополняющие друг друга. В некоторых концепциях синтез этих подходов позволил обнаружить новые объекты социального познания, что привело к возникновению социальных онтологий, в основе которых лежит новый категориальный аппарат.

Например, в концепции Ф. Броделя возникает представление о мирах-экономиках как сложных, целостных, саморазвивающихся системах, в концепции И. Валлерстайна как система такого типа рассматривается современная миросистема. В обоих случаях отмечается иерархическая структура систем, включающих в себя три взаимосвязанных уровня – ядро, полупериферию и периферию, в обоих же случаях подчеркивается, что взаимосвязь уровней обеспечивается сетевыми структурами: согласно Ф. Броделю – городов и деловой активности [15. С. 21], по И. Валлерстайну, трансграничными, интегрированными сетями производства и обмена [16. Р. 31]. Наконец, по мнению Р. Коллинза, целостность любых социальных систем обеспечивается существованием нескольких «слоев причинности», обнаружение которых предполагает исследование взаимодействий внутри различных сетей и формирования конфигураций различных сетевых структур при изменении условий [17. С. 63].

Эти примеры показывают совместимость системного и сетевого подходов к исследованию общества, а представления о мирах-экономиках и современной миросистеме не только коррелируют с принципами постнеклассической рациональности, но и означают новый вариант понимания единиц исторического процесса.

Динамика того типа систем, которые интересуют постнеклассическую науку, подразумевает проблему социального времени. Социальная мысль всех эпох рассматривала эту проблему, поскольку без ее решения невозможно осознание социальных изменений и их направленности. Античное мышление трактовало время как циклический круговорот. А. Августин впервые вырабатывает идею линейной, прогрессивной направленности времени, но его учение было умозрительным и не опиралось на какие-либо научные данные. В Новое время благодаря развитию науки идея линейности времени применяется к природе и обществу, а во второй половине XIX в. в связи с обоснованием второго начала термодинамики возникает представление о «стреле времени», необратимых и направленных изменениях. Спиралевидная модель социального времени как синтез модели круговорота и линейного прогресса тоже признает необратимость и направленность изменений.

В XX столетии проблема социального времени не потеряла своей остроты. Более того, вырабатывается представление о циклически-волновом его характере.

В экономической науке получили широкое распространение теории «длинных волн», в концепциях Ф. Броделя и И. Валлерстайна создается представление о темпоральной структуре социальной динамики, множественности форм социального времени. Они отстаивают идею существования и взаимодействия вековых трендов и среднесрочных циклов Кондратьева как выражения структурной динамики мирового капитализма. Эта циклически-волновая модель не является возрождением идеи исторического круговорота, поскольку, как подчеркивает И. Валлерстайн, понижающие Б-фазы циклов не являются негативным зеркальным отражением повышательных А-фаз, колебания никогда не возвращаются к исходному пункту, поэтому одни и те же явления могут быть и повторяющимися, и меняющимися [18. Р. 45].

В контексте постнеклассического мышления эта идея важна тем, что показывает неравномерность динамики сложных, целостных, саморазвивающихся социальных систем, отсутствие однонаправленности их изменений. Циклически-волновые колебания, с одной стороны, являются результатом структурных противоречий системы, с другой стороны, раскрывают неодинаковую скорость эволюции ее отдельных компонентов.

Помимо осознания значимости времени, для постнеклассической рациональности характерно все более широкое распространение идеи развития во всех областях науки. Справедливо указывается, что «время проникло не только в биологию, геологию или социальные науки, но и на те два уровня, из которых его традиционно исключали: макроскопический и космический. Не только жизнь, но и Вселенная в целом имеет историю, и это обстоятельство влечет за собой важные следствия» [19. С. 277]. Таким следствием является концепция глобального эволюционизма, акцентирующая всеобщность процессов изменения и развития; в этом контексте динамика социальных систем тоже выступает аспектом всеобъемлющего процесса развития.

Социальная мысль к идее развития долгое время относилась настороженно. С одной стороны, начиная с учения Платона об идеальном государстве, все утопические проекты тяготели к изображению абсолютно стабильного гармоничного социального порядка, неподвластного каким бы то ни было изменениям. С другой стороны, линейные представления о социальном времени, как правило, подразумевали эволюционный, кумулятивный, прогрессивный характер социальных изменений, имеющих направление и стремящихся к определенной цели. Эта теоретическая установка в рамках постнеклассической рациональности подвергается решительному пересмотру благодаря синергетике, которая привела к изменению взгляда и на мир, и на общество.

Объяснительный потенциал синергетики оказался весьма широким, поскольку динамика неживых, живых, социальных систем, как предполагается, подчиняется одним и тем же закономерностям. Пожалуй, ключевым аспектом синергетики является трактовка состояния бифуркации, которого системы достигают при определенных условиях. Бифуркация характеризуется

многовариантностью дальнейшего развития, вероятностью выбора одного из вариантов, случайностью как фактора выбора и стохастичностью будущих параметров системы. Применительно к социальным системам процесс самоорганизации характеризуется фактором, который отсутствует в природных системах, – способностью людей к выбору, правда, не всегда осознанному и рациональному. Этот фактор делает социальные системы даже более неравновесными, чем любые природные системы.

Значение синергетики для научного мышления сводится как минимум к двум моментам. Во-первых, утверждается идея нелинейности развития, нестабильности, не предопределенности мира, что с полным основанием можно рассматривать как теоретическое развитие системного подхода. Во-вторых, применительно к динамике социальных систем разрушаются любые телеологические, фаталистические представления, с каких бы позиций они не обосновывались, а неупорядоченность, спонтанность социальная мысль, как прежде, уже не рассматривает как негативные состояния, наоборот, признается их творческая роль для человеческого выбора.

Проникновение принципов мышления, акцентируемых синергетикой, в сферу социального познания шло, скорее всего, двумя путями. С одной стороны, в концепциях крупных социальных теоретиков эти принципы могут проявляться либо интуитивно, поскольку в самой социальной динамике обнаруживаются по сути нелинейные процессы, либо следуют из определенной философской идеи, но в любом случае отсутствует сознательная рефлексия над возможностями синергетического видения социальных процессов.

Примером этого варианта является концепция А. Тойнби, который показал многовариантность зарождения, развития, надлома и распада цивилизаций. Опираясь на бергсоновское понятие жизненного порыва как спонтанного творческого процесса, он указывал на значение фактора исторического вызова, влекущего за собой необходимость исторического выбора: «Одинокое ограниченное движение от беспокойства к восстановлению равновесия недостаточно, чтобы за возникновением последовал рост. Чтобы задать движению повторяющийся, периодический ритм, необходим *élan vital*.., который выведет группу из состояния равновесия, бросив ей новый вызов и тем самым вдохновив на новый ответ в форме дальнейшего равновесия, кончающегося дальнейшей его потерей, и так далее в прогрессии, которая потенциально бесконечна» [20. С. 359–360]. Иначе говоря, долгосрочная динамика цивилизаций характеризуется чередой бифуркационных потерь равновесия.

С другой стороны, возможности реализации принципов синергетики в социальном познании становятся предметом целенаправленной рефлексии, например, в концепции миросистемного анализа. И. Валлерстайн, высоко оценивая значение исследований И. Пригожина, разработал с опорой на принципы синергетики концепцию системного кризиса и перехода к новой ис-

торической системе, акцентируя значение коллективного исторического выбора людей в определении траектории дальнейшего развития [18. Р. 44–48]. Этот же рефлексивный подход присутствует в исследованиях отечественных социальных теоретиков, в частности, при исследовании векторов исторической эволюции и периодически повторяющихся цивилизационных кризисов [21].

Синергетику вряд ли стоит рассматривать как панацею для решения любых проблем социального познания несмотря на то, что благодаря ей сложился новый взгляд на динамику социальных систем. Если понимать социальную реальность как совокупность взаимосвязанных уровней, синергетика описывает процессы, происходящие, прежде всего, на макроуровне, тогда как процессы микроуровня чаще всего не подпадают под ее рассмотрение. Однако значимые для динамики социальной системы в долгосрочной перспективе процессы могут возникать именно на микроуровне, усиливая свое действие благодаря сочетанию определенных факторов, но синергетика фиксирует не столько сами эти процессы, сколько результат их действия. Это обусловлено тем, что синергетика является теорией системной трансформации и переходных состояний; возникает проблема соединения в одном процессуальном описании социальной системы тенденций ее микро- и макроуровня.

Таким образом, постнеклассическая наука в сфере социального познания акцентирует сложность и саморазвитие социальных систем, их многомерность при одновременной целостности, отрицая любые проявления редукционизма; неравномерность их долгосрочной динамики, нелинейность как выражение сложности. Эпистемологические установки классической науки, транслированные в социальное познание, – линейность, простота, однозначность и предсказуемость – уже не могут являться отправным пунктом исследования.

Эпистемологический аспект

В постнеклассической науке на первый план выходит парадигма холизма, предполагающая целостное, всестороннее рассмотрение мира. Достижение этой цели происходит, прежде всего, за счет преодоления дилеммы естественно-научной и гуманитарной картин мира, поскольку между ними стираются прежние жесткие границы. Это первый уровень интеграционных процессов – между отраслями научного знания.

В классической науке сложилось представление, что естествознание должно заниматься исследованием природы самой по себе, безотносительно к субъекту, социальным наукам вменялось в обязанность изучение общества, человека, культуры, ценностей. Различие в объекте порождало методологическое разграничение: представители естествознания не допускали возможности для социальных ученых создавать объяснительные модели, обнаруживать закономерности; представители социальных наук не воспринимали многие аспекты методологии естествознания, хотя в социальном познании для теоретических обобщений существует

немало оснований, поскольку объекты социального познания быстро развиваются в отличие от многих объектов естественных наук, что создает возможность построения идеальных моделей. В конечном счете это взаимное отчуждение привело к разграничению «наук о природе» и «наук о культуре», номотетических и идиографических наук.

В постнеклассической науке происходит методологическое взаимообогащение естественных наук и сферы социального познания, поскольку утрачиваются основания для их противопоставления. Примечательно, что преодоление этого раскола осуществляется в форме диалога, встречного движения.

С одной стороны, многие теоретико-методологические достижения естествознания, полученные с помощью системного подхода, кибернетики и синергетики, были восприняты социальным познанием. Идея общности принципов управления и самоорганизации во всех сложных системах позволила представить общество не как конгломерат элементов, а как целостную систему, в которой существуют сложные процессы их взаимодействия, как систему, имеющую сложную и непредсказуемую траекторию ее динамики. Осознание этих аспектов привело к изменению всей атмосферы научного поиска в области социального познания.

Вместе с тем идея нестабильности, непредсказуемости, статистических закономерностей возникла и в самом социальном познании не только как отклик на воздействие достижений естествознания, но и как результат собственного переосмысления социальной реальности. Ж.-Ф. Лиотар, критикуя применимость принципа механистического детерминизма к обществу, провозгласил, что постмодернистская наука – это поиск нестабильности, неустойчивости и спонтанности [22. Р. 88–97]. Этой идеей постмодернизм сыграл немалую роль в изменении интеллектуальной атмосферы в науке и, хотя критика им рационализма и позитивизма подрывала не только классическую науку, но и науку как таковую, способствовал формированию идеи принципиально нестабильного мира, что оказалось созвучно новейшим достижениям естествознания.

С другой стороны, социально-гуманитарная сфера сама явилась источником новаций, оказавших значительное воздействие на эпистемологические установки естествознания. Р. Рорти, утверждая идею «кончины эпистемологии» в силу отсутствия всеобщих оснований познания, которые позволили бы сформулировать истинные для всех утверждения, провозгласил поворот от эпистемологии к герменевтике, которая должна рассматривать отношения между различными дискурсами на равноправной основе, не навешивая клейма «субъективного» на то, что не укладывается в рамки правил эпистемологической матрицы [23. Р. 315–320].

Эта идея нашла отклик среди представителей философии науки. С. Тулмин утверждал, что ключом для смягчения барьеров между естественно-научной и гуманитарной картинами мира является герменевтика. Доктрины естествознания являются результатом критической интерпретации не меньше, чем доктрины гуманитарных наук: представители естествознания, в

том числе физики, всегда занимались истолкованием своих объектов, и этот факт нельзя считать основанием для подрыва рациональности и объективности, поскольку в любой дисциплине интерпретация не может быть произвольной, игнорирующей факты и накопленный опыт. Наличие интерпретационных точек зрения является результатом не личных предпочтений, а отображает рассмотрение различных аспектов предмета дисциплины, разнообразие не является показателем субъективности. В естествознании и гуманитарных науках имеет место смешение объяснения и интерпретации [2. Р. 93–94, 100–104].

Таким образом, социальное познание лишается монополии на понимание, интерпретацию, поскольку основания для них появляются в естествознании; оно, со своей стороны, больше не может обладать монополией на объяснение, основания для которого обнаруживаются и в социальном познании. Это стирание границ, по всей видимости, обусловлено ориентацией постнеклассической науки на исследование сложных саморазвивающихся систем с нелинейной динамикой, поскольку сложность подразумевает появление новых параметров и режимов их функционирования, что влечет за собой необходимость сближения, сочетания объяснения и интерпретации. Это справедливо по отношению к изучению как природных, так и социальных систем.

Второй уровень интеграционных процессов в науке – внутри ее отраслевой структуры. Это обусловлено, с одной стороны, необходимостью преодоления противоречия между целостным характером реальности и дисциплинарной структурой науки, сложившейся в процессе ее дифференциации, с другой стороны, многоаспектность динамики интересующих постнеклассическую науку систем подталкивает процесс интеграции наук, что ведет к возникновению комплексных программ исследования. Для социального познания эти моменты имеют решающее значение, поскольку способствуют целостности социального знания и усложнению его структуры.

Однако возникает проблема: какая именно комплексная программа может быть реализована в социальном познании? Возможны, скорее всего, два ключевых варианта – междисциплинарный и трансдисциплинарный синтез. Если последний понимать как подход, в соответствии с которым исследование осуществляется через границы отдельных дисциплин, выходит за их рамки, сопровождается переносом когнитивных схем из одной дисциплинарной области науки в другую, что влечет за собой холистическое видение изучаемого объекта [24. С. 193–194], то различия между ними можно свести к следующим положениям.

Во-первых, междисциплинарный синтез сохраняет предметно-методологическую самостоятельность отдельных дисциплин, трансдисциплинарный предполагает, что границы между ними являются условными или вообще отсутствуют. Во-вторых, междисциплинарный синтез поощряет обмен полученными результатами между отдельными дисциплинами для решения поставленной проблемы, трансдисциплинарный пред-

полагает, что знание создается не из фрагментов в результате обмена, а изначально имеет целостный характер. В-третьих, междисциплинарный синтез характеризует объект с помощью понятий, выработанных в отдельных дисциплинах, по принципу взаимодополнения, или использует некоторые общие понятия, трансдисциплинарный ориентируется на выработку «сквозных» понятий, пронизывающих весь массив соответствующей сферы знания или, в крайней мере, избранной области исследования. И, в-четвертых, междисциплинарный синтез поощряет обмен методами и методологическими принципами между отдельными дисциплинами с целью повышения их познавательной эффективности, трансдисциплинарный, не отвергая переноса когнитивных схем, акцентирует выработку общих методологических принципов, соответствующих применяемому категориальному аппарату.

Если в методологии исторической школы «Анналов» была реализована модель междисциплинарного синтеза, то в концепции миросистемного анализа предпринята попытка реализации модели трансдисциплинарного синтеза. В силу значимости для социального познания этой попытки, остановимся на ней подробнее.

Во-первых, согласно И. Валлерстайну, между наиболее важными для исследования миросистем дисциплинами – антропологией, экономикой, политологией и социологией – не существует критериев (уровень анализа, предмет, методы, исходные теоретические положения), препятствующих их единству. Следовательно, «данные дисциплины на самом деле – всего лишь одна» [6. Р. 312–313]. Во-вторых, социальное знание понимается как исходно целостное в силу отсутствия границ между социальными дисциплинами, что опирается на отрицание дробления социальной реальности на автономные сферы [6. Р. 313]. В-третьих, понятия исторической системы и современной миросистемы являются трансдисциплинарными, воплощающими единство и социальной реальности, и социальных дисциплин. И, в-четвертых, концепция миросистемного анализа, с одной стороны, опираясь на принципы синергетики, поощряет перенос когнитивных схем, с другой стороны, акцентирует необходимость обоснования общих методологических установок для исследования современной миросистемы – холизма, единства прошлого и настоящего, статики и динамики, исторического пространства-времени.

Однако понятие менталитета, используемое школой «Анналов» в рамках междисциплинарного синтеза, по сути, имеет трансдисциплинарный потенциал, поскольку с его помощью могут быть истолкованы самые разнообразные явления, составляющие предмет изучения этнологии, психологии, социологии, исторической науки, политологии; понятие современной миросистемы, позиционируемое как продукт трансдисциплинарного синтеза, в полной мере как таковое не реализуется, поскольку имеет место недооценка роли культуры в социальном развитии, культурного многообразия в современной миросистеме, на что указывает критика [25].

Проблема, видимо, заключается в том, что для исследования различных уровней организации социальной системы необходимы соответствующие им трансдисциплинарные понятия. Понятие менталитета использовалось школой «Анналов» для исследования микроуровня социальной реальности, тогда как понятие современной миросистемы предназначено для исследования ее макроуровня, но при высоком уровне абстракции ряд значимых аспектов социального бытия могут не получить должного отображения, что отнюдь не исключает возможности дальнейшего теоретического обогащения таких трансдисциплинарных понятий.

Таким образом, благодаря постнеклассической науке происходит переориентация научного познания на выработку трансдисциплинарных когнитивных схем и понятий. Этот процесс охватывает как естественные, так и социальные науки. Например, понятие информации, применяемое кибернетикой, является трансдисциплинарным, равно как используемое синергетикой понятие самоорганизации. В социальном познании, учитывая целостный характер изучаемой им реальности, тоже существуют онтологические и эпистемологические основания для возникновения трансдисциплинарных понятий. Поэтому сближение, взаимодействие, синтез различных теоретических схем, ориентация на системный подход ведут к выходу в новый категориальный аппарат, что инициирует выработку новых, адекватных ему методологических принципов.

Перенос когнитивных схем из других отраслей науки в социальное познание означает значительный рост его теоретического потенциала. Это влечет за собой два важных последствия: во-первых, невозможность решения социальным познанием своих задач на чисто эмпирической основе, теоретическую нагруженность его эмпирического фундамента, во-вторых, возникают основания для выделения трехуровневой структуры социального познания, включающей в себя эмпирический, теоретический и метатеоретический уровни.

Теоретическая нагруженность фактуальной основы социального познания обнаруживается в разных формах. Во-первых, понятия всегда содержат явные и скрытые обобщения, предполагают указание на некую целостность, элементом которой выступает рассматриваемое явление или процесс. Например, понятия общественно-экономической формации, локальной цивилизации, современной миросистемы при всем различии их содержания имеют общую особенность – наличие теоретического ядра, вокруг которого выстраивается логика объяснения фактов, происходит выявление системообразующих связей. Понятие всегда предполагает теоретическую конструкцию, составляющую смыслообразующее начало по отношению к фактам. Это обусловлено тем, что понятия не являются результатом чисто индуктивного обобщения: имея эмпирическую основу, они являются способами рассмотрения реальности, создающими определенную модель интерпретации [7. С. 285].

Во-вторых, факты обретают свое значение только в рамках контекста определенной стороны социальной реальности, в разных контекстах одни и те же факты могут обнаруживать не выявленные ранее смысловые связи, а сами контексты всегда предполагают определенные теоретические констатации, явные или неявные. И, в-третьих, сама группировка фактов, их расположение в определенной последовательности опирается на теоретическое предположение о причинно-следственных связях, организующих логику событий.

Исходя из сказанного очевидно, что теоретический компонент имманентно присутствует в эмпирическом фундаменте социального познания. Однако допустимо предположить, что возможны ситуации внеопытной теоретизации для постановки и решения проблемы. Здесь уместна аналогия с естествознанием: возникновение Вселенной произошло без наблюдателя, и этот процесс может быть воссоздан лишь по совокупности косвенных данных. Поскольку эксперимент в отношении Вселенной невозможен, ее эволюция подлежит теоретическому осмыслению, а вопрос о ее будущем и вовсе может быть рассмотрен лишь умозрительно.

И социальный исследователь часто сталкивается с двумя трудностями – неполноты имеющихся в его распоряжении фактов и что он не является свидетелем изучаемых процессов, происходивших в прошлом (в особенности это характерно для исторической науки). И будущее человечества для социального исследователя является принципиально не наблюдаемым, все финалистские концепции истории являются теоретической абстракцией. Поэтому невозможно обойтись без выдвижения гипотез, но для их формулировки необходимы внеопытные, теоретические допущения, например, взаимосвязи прошлого и настоящего, целостности социальной реальности, экстраполяции на будущее тенденций настоящего и т.д. На основе этих не вполне верифицируемых допущений возможно создание верифицируемых и фальсифицируемых моделей социальной динамики.

Эту ситуацию можно назвать теоретизацией в условиях невозможности непосредственного опыта. Ее следствием, как указывают постмодернистски настроенные историки, является то, что историописание – это не реконструкция, а конструирование прошлого: «Историки могут свободно кроить любую эпоху по своему усмотрению... поскольку у истории нет своей структуры» [26. С. 24]. Если не придерживаться этой крайней позиции, можно допустить, что теоретические компоненты могут в некоторых случаях играть определяющую роль при условии, если не противоречат фактам и не навязывают объекту искусственной абстрактной схемы.

Структуру современного социального познания следует представлять как совокупность трех взаимосвязанных уровней. Нижний – эмпирический уровень нацелен на решение прикладных проблем, практическое применение социального знания. Средний уровень составляют социальные теории, предназначенные, с одной стороны, для объяснения отдельных сфер общества, что предполагает применение соответствующей предмету методологии, с другой стороны, для

объяснения динамики социальной системы в целом. Верхним же уровнем социального познания следует считать метатеоретический уровень (о нем можно говорить применительно и к другим отраслям научного познания – естествознанию и техническим наукам).

В состав метатеоретического уровня социального познания входят две группы компонентов. Первая группа – философские компоненты, к числу которых относятся онтологические представления (холистическое восприятие реальности, ее многообразие), эпистемологические представления (целостность знания, принцип всестороннего анализа) и аксиологические представления (ценность истины, многообразие ценностей, способных влиять на социальное познание). Вторая группа – общенаучные компоненты – системный подход, принципы кибернетики и синергетики, теория вероятности. Структура этого уровня обусловлена, с одной стороны, возможностью философского обоснования социального познания, с другой стороны, невозможностью его рассмотрения в изоляции от современных научных представлений и рамок научной рациональности.

Метатеоретический уровень социального познания выполняет три главные функции – мировоззренческую (задает общие рамки рассмотрения исследуемых объектов, их основополагающих свойств), методологическую (из его состава социальные науки могут при необходимости заимствовать определенные когнитивные схемы и принципы исследования) и рефлексивную (осмысление как собственного содержания социального познания, так и его соотносительности с принципами научной рациональности).

Определяющим специфику социального познания является его средний уровень, поэтому его подключение к метатеоретическому уровню не может быть механическим, необходимо учитывать специфику социальной реальности, на материале которой могут «работать» философские и общенаучные принципы.

Однако метатеоретический уровень уже сыграл немалую роль в трансформации социального познания, поскольку в него стали интенсивно проникать общенаучные когнитивные схемы. Например, в концепциях Ф. Броделя, Р. Коллинза, И. Валлерстайна, Дж. Модельски реализуются принципы системного подхода в исследовании сложных социальных систем; у Р. Коллинза обнаруживается обращение к кибернетическим представлениям о петлях положительных и отрицательных обратных связей между явлениями и процессами [17. С. 398], И. Валлерстайн акцентирует значение синергетических представлений, о чем уже упоминалось. Этот процесс можно охарактеризовать как внешнюю теоретизацию социального познания, которая сопровождалась и внутренней теоретизацией, стремлением выработать собственные новые подходы и когнитивные схемы.

Наконец, в постнеклассической науке происходит преодоление свойственного классической науке противопоставления субъекта и объекта познания, пересмотр представления о ценностно-нейтральном характере исследования, утверждается теоретико-методологический плюрализм.

По словам С. Тулмина, в современной науке произошёл сдвиг от позиции ученого как чистого наблюдателя, отстраненного от объекта и изгоняющего любую субъективность, к интерактивной позиции участника [2. Р. 96–97], в естествознании «природа больше не держится на расстоянии вытянутой руки», что предполагает заинтересованность в объекте [2. Р. 106]. Развивая эту мысль, Б. де Соуза Сантос утверждает: «Объект есть продолжение субъекта другими средствами. Поэтому все научное знание – это самопознание» [3. Р. 41].

Однако в социальном познании противопоставление субъекта и объекта всегда имело относительный характер, существовало понимание включенности субъекта в объект, того, что люди познают результаты собственной деятельности, что общество есть объект и субъект одновременно. Поэтому, скорее, не в естествознании имеет место самопознание, а социальное познание выполняет функцию самопознания общества.

Но в любом случае происходит отказ от идеи нейтрального в ценностном отношении научного исследования: по словам Б. де Соузы Сантоса, «метафизические предпосылки, системы верований, ценностные ориентации не возникают ни до, ни после научного объяснения природы или общества; они являются его неотъемлемой частью» [3. Р. 41]. И В.С. Степин утверждает, что следует учитывать «связь внутринаучных целей с внеаучными, социальными ценностями и целями» [4. С. 634], что специфично для постнеклассической науки.

Однако в естествознании ценности являются все-таки внешним фактором по отношению к знанию, поскольку изучению подлежат объекты, часто не имеющие к человеку отношения, тогда как в социальном познании ценности обретают статус внутреннего фактора, выступают как один из организующих принципов по причине сопряженности субъекта и объекта. Уже в учении Платона об идеальном государстве обнаруживается взаимосвязь поиска истины и блага (эту идею применительно к исследованию современного мира разделяет, например, И. Валлерстайн [7. С. 288]). Есть основания полагать, что любая развитая социальная теория в разной степени экспликации либо исходит из ценностных предпосылок, либо включает ценности в свой состав.

Допустимо предположить, что в структуре сознания субъекта социального познания существуют предпосылки, образующие основу предварительного понимания объекта. К их числу относятся компоненты метатеоретического уровня, в составе которых в данном случае следует акцентировать ценности; совокупность имеющегося знания в той области, в которой работает конкретный социальный исследователь; интерпретацию им этого знания, в чем значительную роль играют ценности, поскольку от них в определенной степени зависит выбор объекта исследования, его цель, формулируемые гипотезы и конечные выводы.

Так, по аналогии с антропным принципом в естествознании, создаваемые картины социальной реаль-

ности в явной или неявной форме определяются исходными установками исследователя, поскольку не существует нейтрального социального ученого, независимого от общества и культуры.

В этой связи в новом свете становится актуальной проблема объективности знания в науке в целом и в социальном познании в частности. Классическая наука исходила из идеала объективного знания. С. Тулмин, например, утверждает, что, несмотря на усложнившийся процесс познания в современной науке, ни естествознанию, ни гуманитарному познанию нельзя отказываться от этого идеала: «Ученый должен признать и обесценить свои собственные реакции и влияние на то, что он пытается понять» [2. Р. 97].

В социальном познании в силу сопряженности субъекта и объекта проблема объективности знания приобретает еще большую остроту в сравнении с естествознанием: с одной стороны, социальное знание должно быть лишено заведомого субъективизма, с другой – в сознании субъекта присутствуют ценности, которые сложно «выключить» из процесса познания. М. Вебер, рассматривая эту дилемму, пришел к выводу, что и эмоциональные состояния субъекта, возникшие в процессе познания, и связанные с ними оценочные суждения должны быть устранены [27. С. 552]. Этот вывод хорошо коррелирует с позицией С. Тулмина.

Однако многоаспектность интересующих постнеклассическую науку систем допускает отсутствие единственной истины. Утверждается, что истина является не слепком объекта в знании, а характеристикой способа деятельности с ним; поскольку таких способов может быть много, возникает плюрализм истин. Объективность знания заключается в отыскании адекватных интересам способов деятельности, что вовсе не означает релятивизации истины, поскольку в науке возрастает роль этического компонента, а функции объяснения и предсказания находятся не только в компетенции науки, но и других мыслительных форм [28. С. 13, 16].

В этом подходе на новом уровне оживает старая идея софистов о связи истины с интересами, что как раз и угрожает ее релятивизацией, поскольку различные социальные субъекты могут понимать свое благо по-разному, в зависимости от того, какие интересы они отстаивают. Это угрожает социальному познанию втягиванием в обслуживание идеологических и политических интересов. Поэтому, несмотря на сложности, возникающие в социальном познании, отказываться от идеала объективной истины недопустимо, другое дело, что ее следует воспринимать как процесс, а не окончательный результат.

Этому способствует то, что социальное познание носит принципиально плюралистический характер, свойственный ему и до возникновения постнеклассической науки. В отличие от естествознания, в нем нет парадигмальных установок. Постнеклассическая наука заостряет этот аспект, поскольку сложность и многоаспектность изучаемых объектов допускают множественность онтологических представлений, эпистемологических схем и интерпретаций, что ведет к осознанию ограниченности любых даже весьма

развитых, но односторонних подходов. По словам Р. Рорти, «реальность одна, описаний ее множество» [29. Р. 31].

Если принять во внимание многообразие, усложнение социальной реальности, то это порождает множественность ее картин и, как следствие, многообразие методологии исследования. И влияние ценностей на сознание социального ученого может оказывать определенное, пусть и не решающее воздействие на интерпретацию фактов. Скорее всего, плюрализм состоит не в том, чтобы признать взаимоисключающие выводы, поскольку каждая концепция истинна по отношению к определенному классу задач [28. С. 12–13]. К этому можно добавить, что плюрализм в современном социальном познании приобретает иерархический характер.

Например, цивилизационный, миросистемный и глобалистский подходы к трактовке мирового исторического процесса уже сами по себе образуют теоретическое пространство возможностей: в силу трансдисциплинарности они задают целостное видение социальных процессов под определенным углом зрения. Каждый подход решает свои задачи: цивилизационный – обнаружение культурного разнообразия мировой истории, миросистемный – выявление ее нарастающей системности и связности при движении к современности, глобалистский – раскрытие глобализации современного мира как нелинейного процесса. Это – первый уровень плюрализма, второй же уровнем является многообразие концепций уже внутри самих этих подходов.

Благодаря этому мировой исторический процесс характеризуется через совокупность объективных истин, полученных в рамках различающихся подходов, поскольку каждый из них в той или иной степени достоверно отмечает определенные аспекты мировой истории. Этот плюрализм, опирающийся на сложность изучаемого объекта, следует отличать от политически ангажированного плюрализма, который игнорирует неудобные факты или дает им предвзятую интерпретацию в силу защиты определенных интересов.

Таким образом, в социальном познании и до возникновения принципов постнеклассической науки имело место осознание относительной противоположности субъекта и объекта, ценностной нагруженности социального знания, теоретико-методологического плюрализма; постнеклассическая наука зримым образом акцентирует эти моменты на новом уровне понимания научной рациональности.

Постнеклассическая наука новизной онтологического видения инициирует обновление эпистемологического арсенала социального познания, утверждая холистический взгляд: преодолевается дилемма естественно-научной и гуманитарной картин мира, возникает нацеленность на формирование комплексных, трансдисциплинарных программ исследования, происходит значительная теоретизация социального познания, усложнение структуры за счет общенаучных когнитивных схем, образующих его метатеоретический уровень.

Праксеологический аспект

Социальная мысль задолго до естествознания стала ориентироваться на практику. Сложилось представление, что социальная реальность может быть предметом проектирования и конструирования в соответствии с теорией, воплощающей определенный идеал. Начало этому положил Платон своим учением об идеальном государстве, впоследствии возникло немало других проектов – доктрина либерализма Д. Локка, марксизм и т.д. Предполагалось, что положения социальных теорий могут быть воплощены в действительность, что повлечет за собой преобразование общества в неизбежно благоприятном направлении.

Однако проблема в том, что теория и реальность имеют более сложные взаимоотношения, чем может показаться на первый взгляд, поскольку реальность оказывается зачастую богаче и многообразнее, чем может допустить даже самая развитая теория. Согласно К. Попперу, этого не понимал Платон, в учении которого о государстве обнаруживается явное стремление к социальной инженерии, исходя из некоей высшей истины [30. С. 56], а ключевая ошибка К. Маркса заключалась в недооценке им возможности саморазвития капитализма, выработки им новых форм, которые марксистская теория даже не допускала [30. С. 12].

Поэтому результаты реализации теории на практике, в силу сложности и нелинейности социальной системы, могут оказаться отличными от ожидаемых и даже противоположными им. Проблема возникает в тот момент, когда происходит наделение теоретических схем статусом реальности, в соответствии с которым должно осуществляться функционирование и развитие общества. Этим во многом объясняется неудача тоталитарных проектов или реформистского пути, если он не учитывает реального состояния общественного сознания. В обоих случаях социальная реальность сопротивляется попыткам искусственного переустройства.

Кроме того, многочисленные версии социальной инженерии в истории социальной мысли, несмотря на различие их содержания, объединяла общая идея – существует единственная истина, в соответствии с которой и должны осуществляться социальные преобразования. С позиций постнеклассической научной рациональности монизм в трактовке истины является ошибочной позицией, поскольку утверждается, что плюрализм концепций обеспечивает реализацию разных аспектов и типов деятельности [28. С. 12].

Иначе говоря, ни один социальный субъект не может обладать монополией на истину. Анализируя развитие современного общества, А. Турен приходит к выводу, что главным конфликтом является борьба за контроль над социальным изменением, ибо «правлящим классом является тот, который управляет созданием культурных моделей и социальных норм; а управляемым – тот, который участвует в историчности подчиненным образом, соглашаясь на роль, предписанную ему правящим классом, или, напротив, стремясь разрушить присвоение историчности со стороны правящего класса» [31. С. 137]. Возникают многочисленные соци-

альные движения с различными требованиями, бросающими вызов правящему классу, вследствие усложнения структуры общества оно уже не подчиняется единому социальному плану [31. С. 145–150]. Плюрализм способствует не одномерному с точки зрения единственной истины, а многомерному видению стратегии развития общества.

В силу ценностной нагруженности познания, что акцентирует постнеклассическая наука, проблема соотношения теории и практики порождает проблему моральной ответственности социальных ученых, сопряженности поиска истины и блага. Можно выделить три аспекта проблемы моральной ответственности.

Во-первых, она возникает при анализе вариантов будущего, учитывая нелинейный характер социальной динамики. Поскольку будущее является открытым и не predetermined, возникают основания для коллективного исторического выбора, направление и результат которого невозможно однозначно предсказать.

Как подчеркивает И. Валлерстайн, ответственность социальных ученых состоит в анализе реальных исторических альтернатив с целью определения наиболее оптимальной из них, поскольку современный миропорядок вступает в фазу системной трансформации. Прогресс не является неизбежным, запрограммированным ходом истории, но это не значит, что он невозможен. Поэтому возникает возможность создать более справедливую историческую систему, ибо познание неотделимо от поиска справедливого общества [7. С. 288–289].

В этой связи необходимо отметить, что этот анализ будет иметь ценность при условии, что социальные ученые будут стремиться осуществлять его честно и непредвзято, в стремлении к объективной истине в тех пределах, в каких это достижимо, учитывая специфику соотношения субъекта и объекта социального познания.

Во-вторых, реальностью общественной жизни является социальная инженерия и применение в ее рамках социальных технологий, призванных обеспечить преобразование социальных институтов и структур, изменение режимов их функционирования. Параллельно возникает необходимость установления контроля за деятельностью институтов, осуществляющих эти преобразования. Как правило, принятие решений об их проведении и планирование их осуществления находится в компетенции институтов власти, но, как подчеркивается, эта работа должна осуществляться при активном участии представителей социальных наук [32. С. 96].

Фактически речь идет о социальном эксперименте, в ходе которого происходит изменение режимов деятельности людей. Такое преобразование всегда предполагает наличие потенциальных и явных рисков, поэтому существуют пределы социального экспериментирования, вызванные необходимостью соблюдения моральных принципов, принципа ненанесения вреда. Если социальные ученые вовлечены в социальную инженерию, именно на них в силу компетентности возлагается ответственность за учет возможных негативных последствий.

И, в-третьих, компетентность предполагает проведение в случае необходимости социальной экспертизы при реализации определенных проектов и решений с целью минимизации их потенциальных отрицательных последствий. Экспертное знание можно рассматривать как своеобразную форму согласования теории и социальной практики под углом зрения моральной ответственности социальных ученых.

Однако, помимо моральной стороны, у экспертного знания существует и важная эпистемологическая сторона: «Исчезает традиционная, идущая от греков, противоположность между эпистемой (производством знания) и доксой (его применением). Многие типы социального знания могут быть произведены одновременно с решением задачи его применения. Особенно это относится к экспертному знанию, находящемуся на пересечении, с одной стороны, научного знания и, с другой – разных видов специализированной деятельности и повседневного опыта, и никогда не существующему до экспертизы» [28. С. 13].

Важно то, что экспертное знание, стирая указанную границу, должно иметь комплексный характер и все-сторонне рассматривать свой предмет, чтобы быть максимально эффективным. Этот момент отчетливо коррелирует с принципом эпистемологического холизма, обоснованного постнеклассической наукой.

Таким образом, происходят изменения в представлении о социальной действительности знания, возникает понимание неоднозначного соотношения теории и социальной практики, осознание моральной ответственности социальных ученых при их вовлечении в процесс социальных преобразований. Постановка этих вопросов обусловлена тем, что общество является человекообразной системой, и социальное знание как фактор социальных изменений не может рассматриваться в отрыве от регулирующего воздействия моральных норм.

Заключение

К числу ключевых характеристик социального познания с точки зрения воздействия на него принципов постнеклассической научной рациональности можно отнести следующие характеристики, если сгруппировать их по трем направлениям этого воздействия.

Онтологический аспект:

- установка на принципиально холистическое рассмотрение объекта исследования – общества как сложной, саморазвивающейся системы, реализация в этой связи принципов системного подхода;

- направленность на построение социальных онтологий, акцентирующих многообразие социальной реальности и многофакторность социальной динамики, что обусловлено спецификой изучаемого объекта;

- синергетическое видение социальной динамики, предполагающее акцент на ее нелинейности, что можно рассматривать как теоретическое развитие системного подхода применительно к изучаемому типу систем.

Эпистемологический аспект:

- холистическая установка в трактовке знания, проявляющаяся в преодолении дилеммы естественно-научной и гуманитарной картин мира, формировании трансдисциплинарных программ исследования;

- осознание теоретической нагруженности эмпирического фундамента социального познания, необходимости построения теоретических моделей социальной реальности;

- усложнение структуры социального познания за счет формирования его метатеоретического уровня, включающего в свой состав философские и общенаучные компоненты;

- осознание сложной взаимосвязи субъекта и объекта социального познания, его ценностной нагруженности, теоретико-методологического плюрализма, необходимого для исследования сложных систем.

Праксеологический аспект:

- осознание неоднозначного соотношения социальной теории и социальной практики, что обусловлено многоаспектностью социальной реальности и невозможностью ее однозначной схематизации;

- акцент на моральной ответственности социальных ученых как при анализе тенденций развития социальной системы, так и при их вовлеченности в социальную инженерию;

- стирание границ между выработкой знания и его практическим применением, что находит воплощение в широком распространении экспертного социального знания.

Таким образом, принципы постнеклассической научной рациональности оказывают комплексное воздействие на область социального познания. Направленность этого воздействия заключается в том, что сдвиги в сфере построения социальной онтологии инициируют изменение эпистемологических принципов социального познания, что, в свою очередь, вызывает изменение его праксеологических установок. В результате формируется обширное пространство возможностей, имеющее значение для конкретных социальных дисциплин как в теоретическом плане, так и с точки зрения практического применения полученного ими знания.

Воздействие постнеклассической науки на сферу социального познания является неоднозначным. С одной стороны, его теоретико-методологический арсенал обогатился рядом существенных новаций, с другой стороны, постнеклассическая наука способствует рефлексии над особенностями социального познания, которые всегда были ему присущи – взаимосвязь субъекта и объекта, ценностный аспект, теоретико-методологический плюрализм, стремление к объективной истине. Эти аспекты получили осмысление на новом уровне развития научной рациональности, что свидетельствует о значительном росте рефлексивности социального познания.

Список источников

1. Stengers I. Les «nouvelles sciences», modeles ou defi? // Review (Fernand Braudel Center). 1992. Vol. 15, № 1. P. 91–112.
2. Toulmin S. The Construal of Reality: Criticism in Modern and Postmodern Science // Critical Inquiry. 1982. Vol. 9, № 1. P. 93–111.
3. Santos Sousa de B. A Discourse on the Sciences // Review (Fernand Braudel Center). 1992. Vol. 15, № 1. P. 9–47.
4. Степин В.С. Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.
5. Иванова А.С. Классическая, неклассическая и постнеклассическая модели социального познания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2010. № 3. С. 22–29.
6. Wallerstein I. World-Systems Analysis // Social Theory Today / Ed. by A. Giddens, J.H. Turner. Stanford (California) : Stanford University Press, 1987. P. 309–324.
7. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М. : Логос, 2003. 368 с.
8. Lee Richard E. Complexity and the Social Science // Review (Fernand Braudel Center). 2006. Vol. 29, № 1. P. 115–134.
9. Ильин В.В. Постклассическое обществознание: каким ему быть? // Социологические исследования. 1992. № 10. С. 37–43.
10. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомыры. СПб. : Алетейя, 2002. 414 с.
11. Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем. Синергетика и теория социальной самоорганизации. СПб. : Лань, 1999. 480 с.
12. Платонова С.И. Постнеклассическая эпистемология: основные особенности и перспективы развития // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 2, № 1. С. 71–80.
13. Розов Н.С. Философия и теория истории. Кн. 1. Прологомены. М. : Логос, 2002. 656 с.
14. Манн М. Источники социальной власти: в 4 т. Т. 1. История власти от истоков до 1760 года н.э. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 760 с.
15. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. В 3 т. Т. 3: Время мира. М. : Прогресс, 1992. 677 с.
16. Wallerstein I. Le capitalisme historique. Paris : La Decouverte, 1985. 125 p.
17. Коллинз Р. Макроистория: Очерки социологии большой длительности. М. : УРСС; ЛЕНАНД, 2015. 504 с.
18. Wallerstein I. A Theory of Economic History in place of Economic Theory? // Studies in Social and Economic History. Vol. 15: Methodological problems. Leuven : Leuven university press, 1990. P. 41–50.
19. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М. : Прогресс, 1986. 432 с.
20. Тойнби А.Дж. Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций. М. : АСТ; Астрель, 2012. 670 с.
21. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории (Синергетика – психология – прогнозирование). М. : Мир, 2004. 367 с.
22. Lyotard J.-F. La condition postmoderne. Paris : Edition de Minuit, 1979. 110 p.
23. Rorty R. Philosophy and the Mirror of Nature. Princeton : Princeton University Press, 1979. 401 p.
24. Князева Е.Н. Трансдисциплинарные стратегии исследований // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 10 (112). С. 193–201.
25. Boyne R. Culture and the World-System // Theory, Culture and Society. 1990. Vol. 7, № 2/3. P. 57–62.
26. Вейн П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. Приложение – Фуко совершает переворот в истории. М. : Научный мир, 2003. 394 с.
27. Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 804 с.
28. Социальные знания и социальные изменения. М. : ИФРАН, 2001. 284 с.
29. Rorty R. Against Unity // The Wilson Quarterly. 1998. Vol. 22 (1). P. 28–38.
30. Поппер К.П. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. М. : Феникс; Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 448 с.
31. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М. : Научный мир, 1998. 204 с.
32. Вайс Й. Проблема «онаучивания» социального мира // Общественные науки и современность. 1992. № 6. С. 94–100.

References

1. Stengers, I. (1992) Les “nouvelles sciences”, modeles ou defi? *Review (Fernand Braudel Center)*. 1 (15). pp. 91–112.
2. Toulmin, S. (1982) The Construal of Reality: Criticism in Modern and Postmodern Science. *Critical Inquiry*. 1 (9). pp. 93–111.
3. de Santos Sousa, B. (1992) A Discourse on the Sciences. *Review (Fernand Braudel Center)*. 1 (15). pp. 9–47.
4. Stepin, V.S. (2003) *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical Knowledge]. Moscow: Progress-Traditsiya.
5. Ivanova, A.S. (2010) Klassicheskaya, neklassicheskaya i postneklassicheskaya modeli sotsial'nogo pozniyaniya [Classical, Non-Classical, and Post-Non-Classical Models of Social Cognition]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki*. 3. pp. 22–29.
6. Wallerstein, I. (1987) World-Systems Analysis. In: Giddens, A. & Turner, J.H. (eds) *Social Theory Today*. Stanford (California): Stanford University Press. pp. 309–324.
7. Vallerstain, I. (2003) *Konets znakomogo mira: Sotsiologiya XXI veka* [The End of the Familiar World: Sociology of the 21st Century]. Moscow: Logos.
8. Lee, R.E. (2006) Complexity and the Social Science. *Review (Fernand Braudel Center)*. 1 (29). pp. 115–134.
9. Il'in, V.V. (1992) Postklassicheskoe obshchestvoznanie: kakim emu byt'/? [Post-Classical Social Science: What Should It Be?]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 10. pp. 37–43.
10. Knyazeva, E.N. & Kurdyumov, S.P. (2002) *Osnovaniya sinergetiki. Rezhimy s obostreniem, samoorganizatsiya, tempomiry* [Foundations of Synergetics. Regimes with aggravation, self-organization, tempoworlds]. Saint Petersburg: Aleteya.
11. Vasil'kova, V.V. (1999) *Poryadok i kaos v razvitiy sotsial'nykh sistem. Sinergetika i teoriya sotsial'noy samoorganizatsii* [Order and Chaos in the Development of Social Systems. Synergetics and the theory of social self-organization]. Saint Petersburg: Lan'.
12. Platonova, S.I. (2012) Postneklassicheskaya epistemologiya: osnovnye osobennosti i perspektivy razvitiya [Post-non-classical epistemology: main features and development prospects]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 1 (2). pp. 71–80.
13. Rozov, N.S. (2002) *Filosofiya i teoriya istorii* [Philosophy and Theory of History]. Book 1. Moscow: Logos.
14. Mann, M. (2018) *Istochniki sotsial'noy vlasti* [The Sources of Social Power]. Translated from English. Vol. 1. Moscow: Delo, RANEPa.
15. Braudel, F. (1992) *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.* [Material Civilization, Economy, and Capitalism, 15th–18th Centuries]. Translated from French. Vol. 3. Moscow: Progress.
16. Wallerstein, I. (1985) *Le capitalisme historique*. Paris: La Decouverte.
17. Kollinz, R. (2015) *Makroistoriya: Ocherki sotsiologii bol'shoy dlitel'nosti* [Macrohistory: Essays on the Sociology of the Long Duration]. Moscow: URSS; LENAND.
18. Wallerstein, I. (1990) A Theory of Economic History in place of Economic Theory? In: *Studies in Social and Economic History*. Vol. 15. Leuven: Leuven university press. pp. 41–50.

19. Prigozhin, I. & Stengers, I. (1986) *Poryadok iz khaosa. Novyy dialog cheloveka s prirodoy* [Order out of Chaos. New Dialogue of Man with Nature]. Moscow: Progress.
20. Toynbee, A.J. (2012) *Issledovanie istorii: Vozniknovenie, rost i raspad tsivilizatsiy* [A Study of History: The rise, growth, and decline of civilizations]. Translated from English. Moscow: AST; Astrel'.
21. Nazaretyan, A.P. (2004) *Tsivilizatsionnye krizisy v kontekste Universal'noy istorii (Sinergetika – psikhologiya – prognozirovaniye)* [Civilization Crises in the Context of Universal History (Synergetics – psychology – forecasting)]. Moscow: Mir.
22. Lyotard, J.-F. (1979) *La condition postmoderne*. Paris: Edition de Minuit.
23. Rorty, R. (1979) *Philosophy and the Mirror of Nature*. Princeton: Princeton University Press.
24. Knyazeva, E.N. (2011) *Transdistsiplinarnye strategii issledovaniy* [Transdisciplinary Research Strategies]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 10 (112). pp. 193–201.
25. Boyne, R. (1990) Culture and the World-System. *Theory, Culture and Society*. 2/3 (7). pp. 57–62.
26. Veyne, P. (2003) *Kak pishut istoriyu. Opyt epistemologii. Prilozhenie – Fuko sovershaet perevorot v istorii* [Writing History: Essay on Epistemology. Appendix – Foucault Makes a Revolution in History]. Translated from French. Moscow: Nauchnyy mir.
27. Weber, M. (1990) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Translated from German. Moscow: Progress.
28. Fedotova, V.G. (ed.) (2001) *Sotsial'nye znaniya i sotsial'nye izmeneniya* [Social Knowledge and Social Change]. Moscow: Institute of Philosophy RAS.
29. Rorty, R. (1998) Against Unity. *The Wilson Quarterly*. 22 (1). pp. 28–38.
30. Popper, K.R. (1992) *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi* [The Open Society and Its Enemies]. Translated from English by V.N. Sadovskiy. Vol. 1. Moscow: Feniks; Mezhdunarodnyy fond "Kul'turnaya initsiativa".
31. Touraine, A. (1998) *Vozvrashchenie cheloveka deystvuyushchego. Ocherk sotsiologii* [Return of the Actor: Social Theory in Postindustrial Society]. Translated from French. Moscow: Nauchnyy mir.
32. Weiss, J. (1992) Problema "onauchivaniya" sotsial'nogo mira [The Problem of "Scientification" the Social World]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 6. pp. 94–100.

Информация об авторе:

Царёв Р.Ю. – канд. филос. наук, доцент кафедры социологии, социальной работы и организации работы с молодежью Курганского государственного университета (Курган, Россия). E-mail: romanoromani@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

R.Yu. Tsarev, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation). E-mail: romanoromani@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.02.2023;
одобрена после рецензирования 06.05.2024; принята к публикации 30.06.2024.*

*The article was submitted 07.02.2023;
approved after reviewing 06.05.2024; accepted for publication 30.06.2024.*

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 327.7
doi: 10.17223/15617793/503/16

Россия в ЮНЕСКО: эволюция деятельности в организации на примере новостной ленты Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО в 2021–2023 гг.

*Анна Бикернице*¹

¹ Даляньский университет иностранных языков, Далянь, КНР, annaswan7733@gmail.com

Аннотация. На примере анализа новостной ленты Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО рассматривается трансформация политики России в данной организации за последние несколько лет. Анализ охватывает годы деятельности с 2021 г. по начало 2023 г. – период, в который произошли заметные изменения на международной арене и в деятельности России в рамках ряда международных организаций. В результате обзора дискурса делается вывод о том, что Россия сумела выработать особую дипломатическую линию, отвечающую на негативные тенденции в рамках организации, и избежать международной изоляции.

Ключевые слова: ЮНЕСКО, Россия, дискурс, конфликты

Для цитирования: Бикернице А. Россия в ЮНЕСКО: эволюция деятельности в организации на примере новостной ленты Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО в 2021–2023 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 503. С. 161–171. doi: 10.17223/15617793/503/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/503/16

Russia in UNESCO: The evolution of Russian policy in the organization using an example of news publications of the Russian Commission for UNESCO Affairs

*Anna Bikerniece*¹

¹ Dalian University of Foreign Languages, Dalian, People's Republic of China, annaswan7733@gmail.com

Abstract. Russia historically plays an important role within UNESCO, an organization created to promote education, science and culture globally. Traditionally, the USSR and later Russia cherished the UNESCO principles of cooperation based on “equality, mutual benefit, depolarization, in order to consolidate multipolarity, preserve cultural diversity, and prevent dominance of one of them”. As a result, this principle can be traced through years of Soviet and Russian diplomats’ activities since 1954. In recent years, despite the international pressure, Russia continues to confirm its commitment to the political line. In the period analyzed since February 2021 until February 2023, according to the content analysis of the news reports published by the Russian Commission for UNESCO, there are both changes to the political line and adherence to traditional diplomacy based on principles of mutual respect and benefit in the areas of education, science and culture. Russian representatives began to cover confrontation within UNESCO, criticize politization of the organization, but, despite an increase in negative discourse since February 2022 by almost two times, positive discourse continues to prevail. Key words for the positive discourse were “cooperation”, “mutual respect”, “dialog”, “interaction”, and “constructive”. Key words of the negative discourse were “discrimination”, “politization”, “crisis”, “violation”, “racism”, “russophobia”, and “cancellation”. Even though negative markers became more frequent, they were a response to the attacks of other UNESCO members, and were not initiated by the Russian side. Both before and after February 2022, Russia continued to host a variety of events dedicated to the UNESCO policy. In 2022–2023, however, Russia faced criticism and attempts to cancel Russia and Russian culture within UNESCO. As a result, there were no events organized in Russia under the auspices of the Executive Committee of UNESCO. Still, it did not become an obstacle in the organization of a number of significant events dedicated to UNESCO policies, for example, the IV International UNESCO Conference Tangible and Intangible Impact of Information and Communication in the Digital Age, the International Forum for the 50th Anniversary of Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage. The holding of these events shows the evolution of Russia’s exit from isolation within UNESCO, when at first 35 countries took part in the conference on information and communication in June 2022, and more than 50 countries became participants in the international forum in December 2022. The analysis of the news feed of the Commission of the Russian Federation for UNESCO results in the following conclusions: (1) Russia has achieved a certain respect from a number of countries against the background of a consistent policy and support for the depolitization of the organization, (2) Russian representatives did not create negative rhetoric, but sought to constructively and positively follow the UNESCO agenda, (3) Russia has constantly stressed its openness to dialogue with countries

that are ready to cooperate with it. As a result, Russia continues to be an active member of UNESCO, developing cooperation with friendly countries in the fields of education, culture and science.

Keywords: UNESCO, Russia, discourse, content analysis, conflicts

For citation: Bikerniece, A. (2024) Russia in UNESCO: The evolution of Russian policy in the organization using an example of news publications of the Russian Commission for UNESCO Affairs. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 503. pp. 161–171. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/503/16

Основанная в 1945 г., уже почти 80 лет ЮНЕСКО стремится продвигать глобальную культуру, образование и науку. На современном этапе деятельность ЮНЕСКО сосредоточена на следующих приоритетных секторах: образование, естественные науки, социальные науки, культура и коммуникация и информация [1].

Россия как одна из стран – основателей ООН играет значительную роль в работе ЮНЕСКО, в проведении в жизнь значительных глобальных инициатив, таких как образование для всех, продвижение культурного наследия и инициативы в области науки.

Целью статьи является анализ позиции России в ЮНЕСКО в последние годы, основываясь на официальных новостных публикациях на сайте Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО. Для достижения этой цели ставятся следующие задачи: (1) дать краткую характеристику участию РФ (и СССР до нее) в структурах ЮНЕСКО, (2) провести анализ новостных публикаций с нескольких позиций – общий обзор публикаций за период с февраля 2021 г. по февраль 2023 г., определение тематики публикаций и эмоциональной окраски (контент-анализ), обзор и характеристика мероприятий, освещенных в новостной ленте и проводимых в рамках деятельности РФ в ЮНЕСКО.

Данная работа призвана определить основные изменения в деятельности России в рамках ЮНЕСКО на фоне международных конфликтов. Контент-анализ публикаций, которые составляют эмпирическую базу исследования, отражает данные тенденции и предоставляет ценный источник для оценки деятельности России в ЮНЕСКО. Именно этим обусловлено ограничение исследования рамками официальных публикаций на сайте Комиссии по делам ЮНЕСКО и официальными сайтами ЮНЕСКО и сайтами мероприятий в рамках деятельности ЮНЕСКО.

Новизна исследования обусловлена использованием анализа текста публикаций на сайте Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО для выявления основных направлений дискурса, политической линии и изменений в деятельности в рамках работы российского представительства в ЮНЕСКО.

Россия в ЮНЕСКО

Несмотря на то, что Советский Союз подписал Конституцию ЮНЕСКО уже в 1945 г. [2. Р. 17], ратификация вступления состоялась только в 1954 г. [3]. При этом СССР всегда поддерживал деятельность организации. В 1960 г. советское финансирование ЮНЕСКО составило 13,18% от бюджета организации, таким образом занимая второе место после США [4. Р. 5]. В дальнейшем финансирование сохранялось на этом уровне вплоть до распада СССР – 13,75% в 1970 г., 11,49% в 1980 г. и 14,1% в 1990 г. [4. Р. 5]. После распада Советского Союза Россия стала полноценной правопреемницей СССР в ЮНЕСКО. На том же высоком уровне сохранилось и уважение к ее институтам и инициативам со стороны государства. Несмотря на сложную экономическую ситуацию в стране в 1990-х гг., Россия продолжала вносить в бюджет ЮНЕСКО порядка 8% [4. Р. 5].

В последние годы Россия также является одним из крупнейших доноров ЮНЕСКО, ежегодно входит в топ 20 стран и организаций. В начале 2022 г. Россия была тринадцатая в списке государств, которые вносят взносы в бюджет ЮНЕСКО, размер взносов составил порядка 13,1 млн долларов США [5]. При этом за последний год вклад России не изменился существенно и даже вырос к началу 2023 г., достигнув отметки в 14,1 млн долл. США [5] (рис. 1).

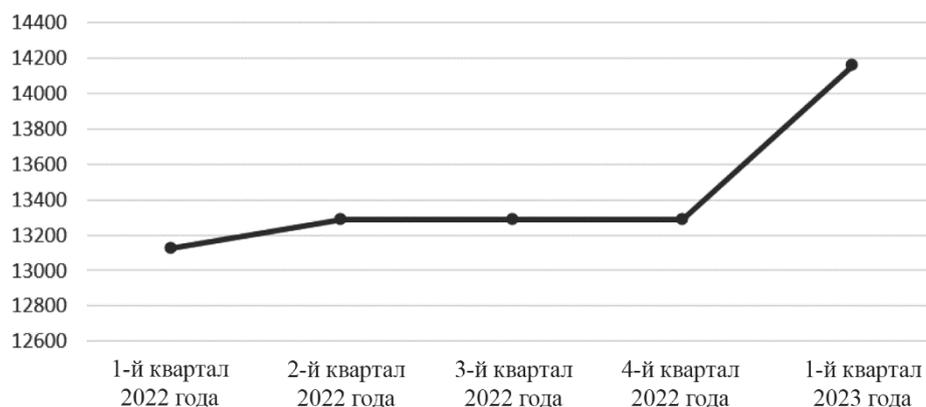

Рис. 1. Взносы Российской Федерации в бюджет ЮНЕСКО в период с 1-го квартала 2022 г. по 1-й квартал 2023 г. (в тыс. долл. США)

Россия поддерживает политику ЮНЕСКО, а именно концепцию «развертывания международного сотрудничества в сфере культуры, науки и образования на равноправной, взаимовыгодной и деполитизированной основе в интересах закрепления многополярного мироустройства, сохранения многообразия культур и недопущения доминирования одной из них» [6]. Этот принцип Россия последовательно продвигает с момента распада СССР, и во многом такая позиция привлекает многие страны к сотрудничеству с Россией не только в рамках организации, но и за ее пределами.

ЮНЕСКО, в свою очередь, периодически подтверждала значительную роль, которую играет Россия в ЮНЕСКО. Россия имеет постоянное представительство при организации в Париже, а также регулярно входит в состав Исполнительного совета ЮНЕСКО [7]. Генеральные директора ЮНЕСКО регулярно посещают Россию с официальными визитами. Так, в 2014 и 2015 гг. генеральный директор Ирина Бокова посетила Россию по случаю юбилея вступления в ЮНЕСКО [8] и по случаю празднования 70-летия Победы в Великой Отечественной войне [9]. В 2019 г. состоялся визит генерального директора Одрэ Азуле в Москву и Татарстан [10]. Также Россия периодически проводит мероприятия под эгидой или в рамках деятельности ЮНЕСКО. В декабре 2022 г. в Казани и Санкт-Петербурге состоялся Международный форум, приуроченный к 50-летию Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия [11]. На территории России свою деятельность осуществляет более 60 кафедр ЮНЕСКО при различных университетах и институтах страны [12], а также центры ЮНЕВОК, деятельность которых направлена на работу со школами.

В России осуществляет свою деятельность Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО, в обязанности которой входят «содействие участию российских органов, организаций, ученых и специалистов в мероприятиях и программах ЮНЕСКО, обеспечение выполнения международно-правовых обязательств, вытекающих из членства России в ЮНЕСКО, а также подготовка указаний для российских делегаций и представителей в органах ЮНЕСКО» [13]. Этот орган отвечает в основном за координацию отношений на организационно-межгосударственном уровне. В свою очередь, Институт ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании отвечает за реализацию проектов и политики ЮНЕСКО в сотрудничестве с частными

компаниями, в первую очередь в сфере образования и распространения цифровых технологий в образовании.

Российский дискурс в ЮНЕСКО в 2021–2023 гг. Общий анализ

Для анализа был выбран период с февраля 2021 г. по февраль 2023 г. Данный период наглядно отражает ключевые изменения в деятельности России в ЮНЕСКО на фоне обострившихся международных конфликтов. Объектом исследования являются новостные публикации на сайте Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО [14].

Первая публикация рассматриваемого периода была опубликована на сайте 26.02.2021, последняя публикация рассматриваемого периода – 25.02.2023. Данный период характеризуется значительными изменениями во внешней политике России, международного дискурса и отношения к России, в том числе и в рамках международных организаций. Посредством контент-анализа публикаций данного периода автор ставит перед собой задачу проанализировать российский дискурс в рамках ЮНЕСКО как пример адаптации внешнеполитической линии России на международной арене, а также выделить механизмы, адаптированные Россией при взаимодействии с другими государствами на международных площадках, на примере ЮНЕСКО.

Период был разбит на два подпериода – февраль 2021 г. – январь 2022 г. и февраль 2022 г. – февраль 2023 г. Общее количество публикаций в указанные периоды составило 349 ед. В первый рассматриваемый период (с февраля 2021 г. по январь 2022 г.) – 171 публикация, во второй период – 178 публикаций.

Источниками публикаций на официальном сайте Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО являются крупные российские СМИ, государственные новостные порталы и собственные источники ЮНЕСКО. В первый рассматриваемый подпериод большинство публикаций было заимствовано из ТАСС – 90 публикаций, в меньшей степени источниками служили сайты МИД РФ и официальные источники ЮНЕСКО – 13 и 12 публикаций соответственно. 9 публикаций было заимствовано из РИА Новости, и источником еще 4 публикаций стал официальный сайт ООН. Остальные публикации были взяты из многочисленных новостных агентств и официальных порталов российских федеральных и региональных представительств (рис. 2).

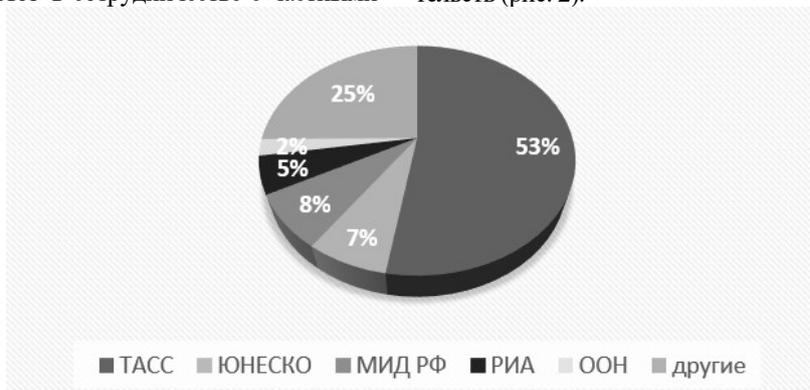

Рис. 2. Источники публикаций новостей на сайте Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО (02.2021–01.2022)

Во втором рассматриваемом подпериоде ТАСС остался основным источником публикаций, но количество новостных заметок ТАСС сократилось – 65 публикаций, в то же время выросло количество публикаций, источником которых является ЮНЕСКО – 23 публикации, МИД РФ – 21 публика-

ция, РИА Новости – 20 публикаций. ООН была источником только одной публикации. Еще 48 публикаций были взяты из различных новостных агентств и официальных порталов российских федеральных и региональных представительств (рис. 3).

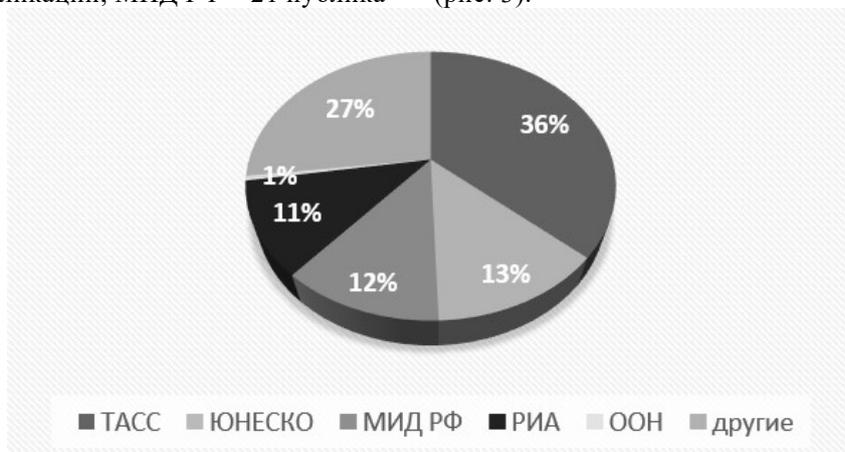

Рис. 3. Источники публикаций новостей на сайте Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО (02.2022–01.2023)

Такие изменения, вероятнее всего, вызваны несколькими факторами. Во-первых, с февраля 2022 г. возросло количество официальных заявлений МИД РФ в связи с ситуацией на Украине, и Комиссия России по делам ЮНЕСКО также была вынуждена освещать данный вопрос на своем портале в ходе дискуссии, которая развернулась в рамках ЮНЕСКО, как и во многих других международных организациях в данный период. Таким образом, увеличился объем информации, заимствованной из официальных российских государственных источников для объективного и последовательного изложения позиции представителей России по данному вопросу. Во-вторых, российские флагманские СМИ сократили количество публикаций, так или иначе связанных с деятельностью ЮНЕСКО или выступавших под эгидой ЮНЕСКО в России, в силу увеличения объемов освещения другой тематики. Тем не менее событий, связанных с ЮНЕСКО, не стало меньше в 2022 г., а потому возникла необходимость диверсифицировать источники информации и заимствовать публикации из тех источников, которые уделяли внимание тематике культуры, науки и образования в большей степени.

Анализ публикаций по месяцам за указанные периоды отражает изменения в конъюнктуре международных отношений за указанный период, но в то же время показывает последовательность российской деятельности в ЮНЕСКО.

В период с февраля 2021 г. по февраль 2022 г. большинство публикаций пришлось на апрель (17 публикаций), май (20 публикаций), а также октябрь (29 публикаций), ноябрь (27 публикаций) и декабрь (21 публикация). С 24 января 2022 г. по 25 февраля 2022 г. не было ни одной публикации. Это традиционно отражает деятельность России в ЮНЕСКО, когда весной и осенью активно проводятся различные мероприятия в России, которые соотносятся с приоритетами ЮНЕСКО, а также организационные мероприятия в рамках ЮНЕСКО – сессии Исполнительного совета и Конференции ЮНЕСКО. В период с конца февраля 2022 г. по конец февраля 2023 г. всплеск публикаций произошел в марте и апреле (20 публикаций в каждом месяце), в июне (21 публикация), сентябре (16 публикаций), ноябре (32 публикации) и декабре (29 публикаций) (рис. 4).

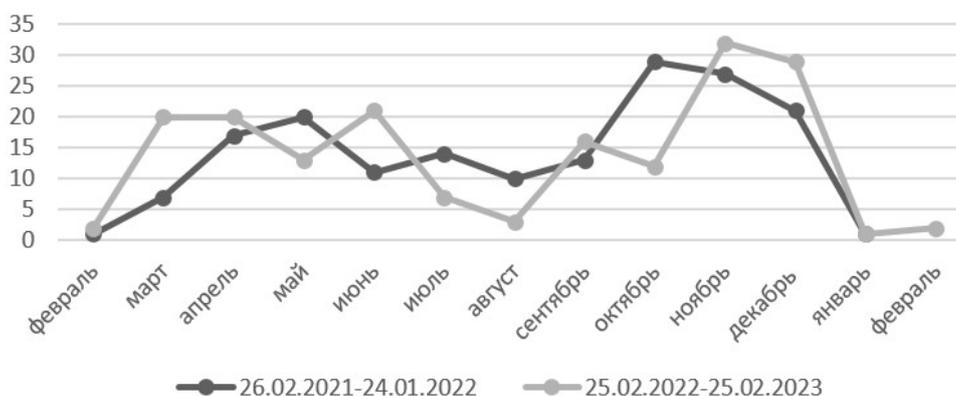

Рис. 4. Количество публикаций Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО по месяцам (2021–2023 гг.)

С одной стороны, традиционно «активными» периодами в деятельности стали весна и осень, с другой – очевидно влияние ситуации вокруг Украины на деятельность России в рамках ЮНЕСКО. В первой половине 2022 г. было отменено, сокращено или отложено несколько крупных и важных для России мероприятий, таких как, например, 45-я сессия Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО, которая должна была состояться к июню 2022 г. в Казани, а также часть мероприятий, приуроченных к Дню русского языка 6 июня. Период первой половины 2022 г. ознаменовался критикой с российской стороны некоторых представителей западных стран в ЮНЕСКО в попытке «отменить Россию и российскую культуру» [15], несмотря на приверженность ЮНЕСКО принципам нейтралитета и деполитизированности. Таким образом, большая часть выступлений в рамках ЮНЕСКО состояла в полемике противостояния. Однако одновременно с негативным дискурсом в рамках ЮНЕСКО продолжились публикации о мероприятиях в России, которые проходили в русле политики ЮНЕСКО.

Однако к концу 2022 г. наметилась активизация деятельности России и, соответственно, публикаций об этой деятельности в рамках ЮНЕСКО. Можно сказать, что к концу октября 2022 г. российские представители ЮНЕСКО выработали определенную стратегию работы, апробация которой прошла в июне 2022 г. в рамках IT-форума в Югре и которая заключается в реализации приоритетов ЮНЕСКО даже в ситуации, когда отдельные страны отказываются от сотрудничества с Россией. При этом в течение всего года Россия публиковала информацию о проведении мероприятий в русле ЮНЕСКО как внутрироссийских, так и с международным участием, даже если не было получено официального одобрения организации для проведения мероприятий. Этим объясняется всплеск публикаций в отдельные месяцы, но также наличие определенного

небольшого количества публикаций в остальные месяцы.

Тематика российской риторики в ЮНЕСКО в 2021–2023 гг.

Все новостные публикации на сайте комиссии разделены на следующие темы: история, коммуникация и информация, культура, наследие, нацкомиссия (в основном статьи посвящены деятельности исполнительного комитета ЮНЕСКО), наука, образование, события, персоны, регионы, партнеры и спорт. Некоторые публикации имеют несколько тем, при этом частотность их упоминания равномерно отражает приоритеты дискурса. В первый подпериод с февраля 2021 г. по январь 2022 г. наибольшее освещение получили темы «события» (56 публикаций), «персоны» (49 публикаций), «наследие» (34 публикации), «культура» (27 публикаций) и «регионы» (23 публикации). Во второй подпериод с февраля 2022 г. по февраль 2023 г. традиционно популярными темами остались «события» (59 публикаций) и «персоны» (51 публикация), при этом акцент сместился на темы «регионы» (45 публикаций), «нацкомиссия» (34 публикации) и «наследие» (33 публикации). В то же время широко освещались темы «культура» (32 публикации) и «коммуникация и информация» (23 публикации).

Во многом это вызвано усилившейся полемикой в 2022 г. в рамках руководящих и исполнительных органов ЮНЕСКО и ответом российских представителей на нападки иностранных коллег на площадке ЮНЕСКО (рис. 5).

При упоминании основных ключевых слов для деятельности ЮНЕСКО – «наследие», «культура», «образование», «наука», «спорт», «история» в теле новостных сообщений также наблюдается некоторое смещение акцентов.

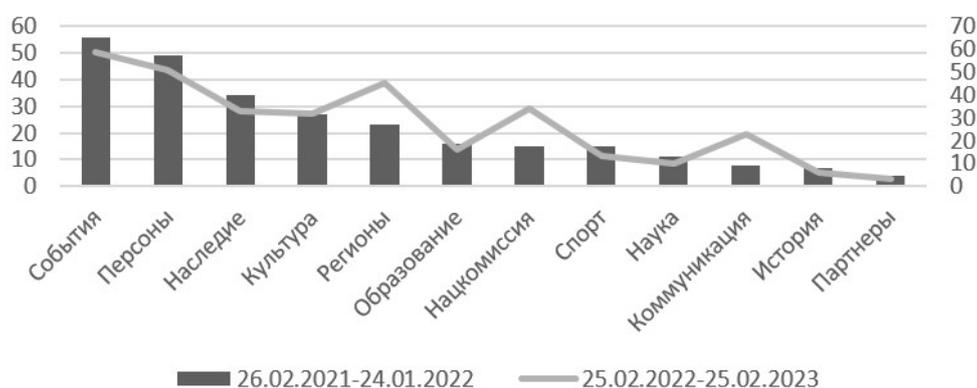

Рис. 5. Частота упоминания тем в публикациях Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО (02.2021–02.2023)

По сравнению с первым подпериодом наблюдается увеличение частоты упоминания наследия и культуры, и в небольшой степени – спорта. В то же время образование, наука и история упоминаются реже. Отчасти это можно связать с усилившейся риторикой российских представителей о своей приверженности ценностям

ЮНЕСКО, стремлению сохранить культурное наследие и памятники, а также с попыткой многих стран нивелировать или даже «отменить» российскую культуру. Таким образом, заметен всплеск российского движения, направленного на противодействие попыткам затенить или отменить российскую культуру (рис. 6).

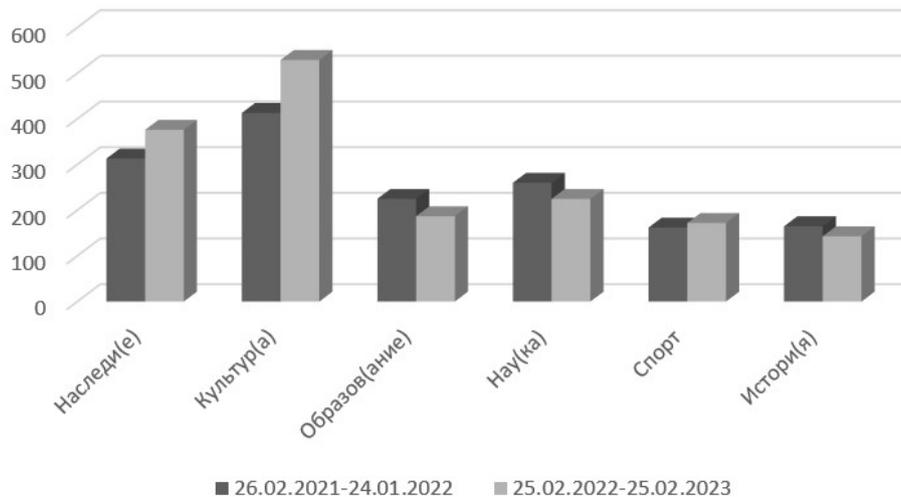

Рис. 6. Частота упоминания ключевых слов за период (02.2021–02.2023)

Чаще начинает упоминаться ЮНЕСКО во второй подпериод анализа: 602 упоминания в период с февраля 2022 г. по февраль 2023 г. по сравнению с первым подпериодом с февраля 2021 г. по январь 2022 г. – 582 упоминания, при этом реже упоминается ООН (112 упоминаний в первый подпериод по сравнению с 64 упоминаниями во второй подпериод). Это связано с реакцией представителей многих стран в ЮНЕСКО на попытки политизации ситуации в организации, которая декларирует на бумаге приверженность объективности и деполитизации. Со стороны российских представителей чаще начинает звучать критика деятельности ЮНЕСКО и попытки призвать организацию вернуться к нейтралитету и выполнению своих прямых обязательств по сохранению культурного наследия, развитию науки и образования. Во второй подпериод резко увеличилась частота упоминания России – с 596 упоминаний в первый период до 727 упоминаний во второй. Также резко увеличилась частота упоминания Украины (с 12 до 125 упоминаний). Незначительно, но выросло число упоминаний США (с 20 до 25), Белоруссии (с 10 до 19), Индии (с 4 до 14), Ирана (с 4 до 13), Узбекистана (с 3 до 10), Киргизии (с 2 до 7), Таджикистана (с 6 до 7), Туркменистана (с 1 до 4) и Латвии (с 3 до 5). Эти данные отражают не только политизацию ЮНЕСКО и привнесение риторики конфликта в

Украине на заседания и встречи сотрудников ЮНЕСКО и представителей стран участниц, но также и возросший интерес России к отдельным странам ближнего зарубежья и дружественным странам, таким как Индия и Иран. В тоже время следует отметить, что упоминания представителями России в ЮНЕСКО таких стран, как Украина и Латвия, еще до февраля 2022 г. носили тревожный характер, направленный на привлечение внимания к проблемам и негативным тенденциям в сферах культурного наследия и образования в этих странах.

При анализе маркеров позитивности и негативности были использованы следующие слова. Позитивные маркеры: «сотрудничество», «взаимоуважение», «диалог», «взаимодействие», «конструктивный». Отрицательные маркеры – «дискриминация», «политизация», «кризис», «нарушение», «расизм», «русофобия», «отмена». Анализ показал, что при сокращении частоты упоминания некоторых позитивных маркеров («сотрудничество» с 89 до 80 упоминаний, «диалог» с 35 до 30 упоминаний) и увеличении упоминания негативных маркеров, имеется и положительная тенденция. Незначительно, но выросло упоминание таких маркеров, как «конструктивный» (с 12 до 16 упоминаний), «взаимодействие» (с 29 до 30 упоминаний) и «взаимоуважительный» (с 1 до 6 упоминаний) (рис. 7, 8).

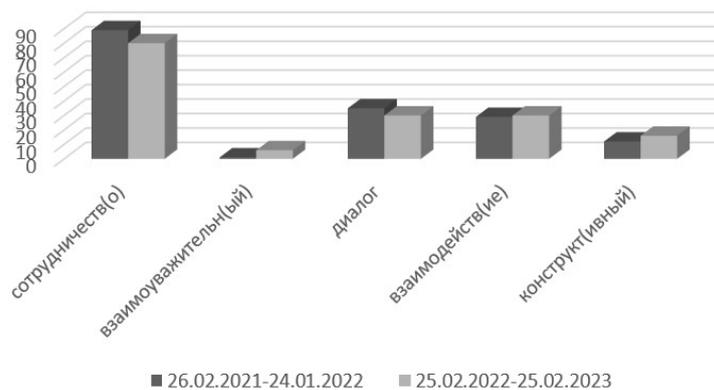

Рис. 7. Сравнение позитивных маркеров в дискурсе ЮНЕСКО (2021–2023 гг.)

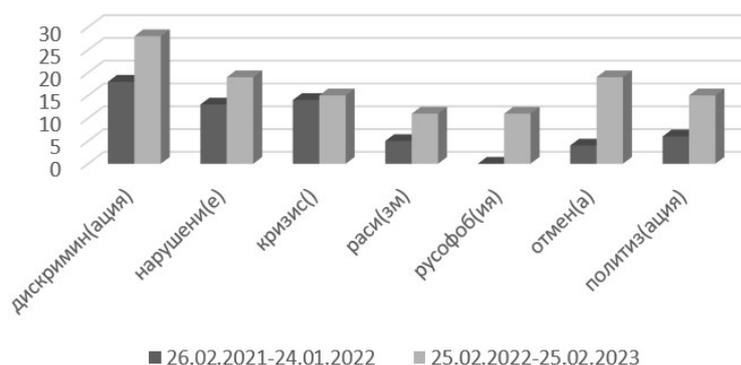

Рис. 8. Сравнение негативных маркеров в дискурсе ЮНЕСКО (2021–2023 гг.)

В целом упоминание положительных маркеров сократилось с 166 в первый подпериод до 162 во второй подпериод, а упоминание негативных маркеров выросло почти в два раза – с 60 в первый подпериод до 118 во второй подпериод.

Несмотря на негативную тенденцию, позитивная риторика все равно продолжала преобладать. Это явилось результатом нескольких факторов. Во-первых, Россия как в 2021, так и в 2022 г. в большей степени выступала инициатором позитивной повестки дня через призывы к участию и финансированию глобальных проектов, таких как продвижение русского языка и культуры народов России, и подчеркивание взаимной выгоды от сотрудничества стран в данном процессе. Тем самым Россия показала последовательность своей позиции, не изменила существенно повестку дня, а лишь чаще стала подчеркивать свою приверженность принципам организации – невмешательству и деполитизированности. Во-вторых, большинство негативных маркеров проявилось в выступлениях представителей России при ЮНЕСКО в качестве ответа на критику представителей других стран. В данной ситуации Россия в первую очередь напоминала о принципах ЮНЕСКО, а также выступала с ответной критикой и попыткой конструктивно объяснить позицию и текущую ситуацию. Более того, если в первой половине 2022 г. деятельность ЮНЕСКО в России была практически заморожена и представители России не могли существенно повлиять на ситуацию, то со второй половины года представители России при ЮНЕСКО стали чаще инициировать критику неблагоприятной обстановки в организации, отхода от традиционных ценностей ЮНЕСКО.

Проведение мероприятий под эгидой ЮНЕСКО в 2022–2023 гг.

Традиционно в России организуется множество мероприятий в сферах культуры, образования и науки, и часто они проводятся под эгидой ЮНЕСКО. Однако с февраля 2022 г. ЮНЕСКО отказывала России в поддержке в проведении мероприятий.

В условиях отсутствия поддержки со стороны ЮНЕСКО каких-либо инициатив России в областях

культуры, образования или науки, в условиях бессрочного переноса, а потом и вовсе отмены 45-й сессии Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО Россия сумела провести множество мероприятий, многие с иностранным участием, в русле политики ЮНЕСКО. Среди них Спортивные игры «Дети Азии» [16], выставка работ конкурса имени Андрея Стенина 2021 г. в Барселоне [17] и организация этого конкурса с привлечением участников из более 130 стран в 2022 г. [18], проведение мероприятий, приуроченных к Международному дню театров [19], мероприятий, посвященных 30-летию Приза «Бенуа де ла Данс» [20], всероссийского химического диктанта с международным участием [21], вечера в честь Дня русского языка в Париже [22], Национального совета Ассоциированных школ ЮНЕСКО [23], форума «Объекты всемирного наследия: достижения и опыт регионов» [24], международной олимпиады «Туймаада» [25], фестивалей креативных российских городов, входящих в сеть ЮНЕСКО [26] и других стали важными событиями 2022 г., в которых Россия расширяла свой потенциал в организации мероприятий в сферах культуры, образования и науки и в сотрудничестве с другими странами.

Одним из ключевых эпизодов в деятельности представителей России в ЮНЕСКО стала отмена готовившейся с 2019 г. 45-й сессии Комитета всемирного наследия, которая должна была состояться в Казани в июне 2022 г. [27]. Тем не менее это ознаменовало также и переломный момент в подходе России к сотрудничеству со странами – членами ЮНЕСКО. С середины 2022 г. представительство России при ЮНЕСКО, а также Комиссия РФ по делам ЮНЕСКО стали претворять в жизнь новую стратегию сотрудничества, которая была основана на уже высказанной и неизменной позиции России – «развитие равноправного и взаимоуважительного сотрудничества со всеми заинтересованными сторонами на непредвзятой и деполитизированной основе» [28]. Как показал пример организации Конференции по экологическому образованию и просвещению в интересах устойчивого развития регионов в Югре и Конференции «Информация для всех» в Ханты-Мансийске в июне 2022 г., организация мероприятий под эгидой Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО успешно проходит и без прямого участия и

одобрения ЮНЕСКО. В конференции по экологическому образованию и просвещению в интересах устойчивого развития регионов приняли участие представители более 20 регионов России, а также представители Казахстана и Беларуси [29]. А в IT-форуме, в рамках которого проходили конференция «Информация для всех» и IV Международная конференция ЮНЕСКО «Информация и коммуникация в цифровую эпоху: явные и неявные воздействия», приняли участие представители уже 35 стран [30]. Тем самым, несмотря на замещение и усечение повестки дня, опыт показал, что некоторые страны также готовы сотрудничать с Россией как и раньше в целях достижения положительных результатов в культуре, образовании и науке. Более того, на примере данных мероприятий наметилась тенденция «совмещения» мероприятий и участников. XIII Международный IT-форум проходил с участием стран БРИКС и ШОС [31] и одновременно включил в себя мероприятия под эгидой Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО со свойственной данной организации повесткой дня.

Следующим этапом выхода из политической изоляции России в рамках ЮНЕСКО стало участие во Всемирной конференции ЮНЕСКО по политике в области культуры и устойчивому развитию (MONDIACULT 2022), в которой принимала участие российская делегация во главе с первым заместителем министра культуры России С.Г. Обрывалиным [32]. И, несмотря на то что в ходе конференции была снова затронута тема Украины и представитель России снова был вынужден занять оправдательно-контрнаступательную позицию, Россия еще раз подтвердила свою приверженность «конструктивному диалогу и взаимодействию» [33]. Положительным итогом данного участия в мероприятии, а также дальнейшим подтверждением своей линии в ходе 215-й сессии Исполнительного совета ЮНЕСКО и II Всемирной конференции ЮНЕСКО по воспитанию и образованию детей младшего возраста в Ташкенте стал значительный интерес со стороны международного сообщества к организации Россией Международного форума к 50-летию Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия в Казани с 4 по 9 декабря 2022 г.

Несмотря на международное давление на Россию, в том числе и в рамках ЮНЕСКО, в конференции приняли участие представители из 56 стран СНГ, Азии, Африки и Латинской Америки [34]. Результатом проведения Конференции стало принятие Казанской декларации к 50-летию Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия [35].

В конце 2022 – начале 2023 г. Россия перешла к открытой конструктивной критике деятельности ЮНЕСКО. Обвинения со стороны представительства России в политизации организации заметны на таких примерах, как отказ осудить убийство журналистки Д. Дугиной [36] и включение исторического центра Одессы в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой [37]. Тогда российское представительство выступило с критикой ЮНЕСКО по причине замалчивания в первом случае и искусственного

раздувания повестки дня в другом случае. И в том и в другом случае представители МИД и представительства России при ЮНЕСКО опираются на нормы деятельности ЮНЕСКО, прописанные в уставных документах. При этом подчеркивается, что Россия, несомненно, уважает культурно-историческое наследие Одессы, и согласна, что оно достойно высокой оценки, однако само исполнение не оставляет сомнений в политизации и открытом деструктивном продвижении интересов Украины в организации. Тем не менее Россия ограничивается осуждением подобных действий и подчеркивает, что она не готова опускаться до уровня неуместных и противоречащих принципам ЮНЕСКО действий.

Заключение

Россия была и остается активным участником международных организаций, в частности, традиционно играет значительную роль в институтах ЮНЕСКО. Несмотря на сложную международную обстановку, Россия продолжает политику приверженности ключевым ценностям ЮНЕСКО – международного сотрудничества в сфере культуры, науки и образования на равноправной, взаимовыгодной и деполитизированной основе. С февраля 2022 г. наметилась тенденция изоляции России в органах ЮНЕСКО, однако, как отметил бывший постоянный представитель России при ЮНЕСКО А.И. Кузнецов в интервью в конце 2022 г., «изолировать Россию в ЮНЕСКО, к чему открыто призывали западники, не получилось» и «большинство государств – членов ЮНЕСКО рассматривает Россию как важный фактор равновесия в ЮНЕСКО, сочувствует нашим усилиям по ее деполитизации» [38]. С февраля 2022 г., несомненно, произошли определенные изменения в линии поведения России в рамках ЮНЕСКО. Однако контент-анализ публикаций Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО позволил выявить следующие тенденции. Во-первых, Россия продолжила вести последовательную политику. Россия постоянно заявляла свою приверженность универсальным принципам организации, поддерживала ее деполитизированность и инициативы, связанные с глобальным сотрудничеством в сферах культуры, науки и образования. Как до, так и после начала конфликта на Украине Россия неоднократно отмечала нарушения со стороны некоторых стран Восточной Европы, включая Украину, прав и свобод отдельных групп населения, дискриминируемых по языковому принципу. В этой сфере, Россия продолжила вести последовательную политику. Во-вторых, негативная риторика встречается в публикациях в большинстве случаев как ответ на нападки и критику со стороны стран – членов ЮНЕСКО. Самостоятельно Россия не инициировала негативный дискурс, связанный с политической ситуацией, а, наоборот, старалась поднять те темы, которые позволили бы расширить взаимовыгодное сотрудничество и реализовывать принципы ЮНЕСКО. В-третьих, Россия постоянно подчеркивала, что готова к сотрудничеству и диалогу с теми, кто готов к сотрудничеству на взаимовыгодной и равной основе. Россия не закрывается, а, наоборот, готова стать более открытой. В подтверждение этого и чтобы

показать, что Россия выполняет поставленные цели и задачи, были проведены намеченные на 2023 г. конференции и мероприятия, несмотря на отказ некоторых стран принять в них участие. Это коснулось конференции ЮНЕСКО «Информация и коммуникация в цифровую эпоху: явные и неявные воздействия», Международного форума, приуроченного к 50-летию Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия и других мероприятий, которые проводились в рамках деятельности ЮНЕСКО как в России так и за рубежом. Данная последовательная позиция и постоянное под-

тверждение своих слов в ходе организаций мероприятий с международным участием имели свои положительные результаты. Количество стран, готовых сотрудничать в рамках полномочий ЮНЕСКО, выросло на две трети с июня 2022 г. (IT-форум в Ханты-Мансийске) к декабрю 2022 г. (форум в Казани и Санкт-Петербурге). Таким образом, пример деятельности России под эгидой ЮНЕСКО показывает, что последовательная и деполитизированная позиция и повестка дня позволяют продвигать интересы и достигать взаимопонимания с партнерами по международным процессам.

Список источников

1. Об Организации. ЮНЕСКО. URL: <http://unesco.ru/unesco/> (дата обращения: 30.05.2023).
2. Constitution of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organisation (UNESCO). Foreign and Commonwealth office. General No. 279B. London, UK, 16.11.1945. URL: <https://atom.archives.unesco.org/constitution> (дата обращения: 30.05.2023).
3. Общие сведения. ЮНЕСКО // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/organizatsii_sistemy_oon/organizatsiya_obedinyennykh_natsiy_po_voprosam_obrazovaniya_nauki_i_kultury_yunesko/ (дата обращения: 28.04.2023).
4. UNESCO 1945–1995: A fact sheet. ARC.95/WS/1. 1995. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000101118> (дата обращения: 30.05.2023).
5. Sources of Funding // UNESCO Core Data Portal. URL: <https://core.unesco.org/en/sources-of-funding?biennium=41&quarter=2022Q1> (дата обращения: 31.05.2023).
6. Россия в ЮНЕСКО. Справочная информация // Министерство иностранных дел России. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/organizatsii_sistemy_oon/organizatsiya_obedinyennykh_natsiy_po_voprosam_obrazovaniya_nauki_i_kultury_yunesko/1594823/ (дата обращения: 28.04.2023).
7. List of Members of the Executive Board // UNESCO. URL: <https://www.unesco.org/en/executive-board/members?hub=421> (дата обращения: 28.04.2023).
8. Ирина Бокова приняла участие в праздновании 60-летия вступления России в ЮНЕСКО // UNESCO. 22.04.2014. URL: <https://www.unesco.org/ru/articles/irina-bokova-prinyala-uchastie-v-prazdnovanii-60-letiya-vstupleniya-rossii-v-yunesko> (дата обращения: 05.05.2023).
9. Визит Генерального директора ЮНЕСКО в Москву в составе официальной делегации ООН. Новости // UNESCO. 11.05.2015. URL: <https://www.unesco.org/ru/articles/vizit-generalnogo-direktora-yunesko-v-moskvu-v-sostave-oficialnoy-delegacii-oon> (дата обращения: 05.05.2023).
10. Официальный визит Генерального директора ЮНЕСКО в Россию // UNESCO. 02.03.2019. URL: <https://www.unesco.org/ru/articles/oficialnyu-vizit-generalnogo-direktora-yunesko-v-rossiyu> (дата обращения: 05.05.2023).
11. Об открытии Международного форума к 50-летию Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия. ООН // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 06.12.2022. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/1842298/ (дата обращения: 06.05.2023).
12. Кафедры ЮНЕСКО в России // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 13.03.2006. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/1666486/ (дата обращения: 06.05.2023).
13. ЮНЕСКО в России // Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО. 04.01.2020. URL: <https://unesco.ru/unescorussia/> (дата обращения: 06.05.2023).
14. Новости // Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО. URL: <http://unesco.ru/news1/> (дата обращения: 08.05.2023).
15. Выступление А.И. Кузнецова на 214-й сессии Исполсовета по вопросу о провозглашении Всемирного дня русского языка // Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО. 08.04.2022. URL: <http://unesco.ru/news/kuznetsov-remarks-214th-session-2/> (дата обращения: 08.05.2023).
16. Олег Матыцин и Олег Кожемяко возглавили оргкомитет Международных спортивных игр «Дети Азии» // Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО. 01.03.2022. URL: <http://unesco.ru/news/children-of-asia-2022/> (дата обращения: 08.05.2023).
17. Сто лучших фотографий конкурса имени Андрея Стенина покажут в Барселоне // Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО. 02.03.2022. URL: <http://unesco.ru/news/andrey-stenin-competition/> (дата обращения: 08.05.2023).
18. Первые итоги конкурса Стенина-2022: более 130 стран-участниц за 8 лет // Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО. 29.03.2022. URL: <http://unesco.ru/news/results-of-the-stenin-2022-competition/> (дата обращения: 08.05.2023).
19. Международный день театра // Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО. 27.03.2022. URL: <http://unesco.ru/news/international-theater-day-2022/> (дата обращения: 08.05.2023).
20. «Бенуа де ла Данс» исполняется 30 лет // Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО. 29.04.2022. URL: <http://unesco.ru/news/30-years-of-benoit-de-la-danse/> (дата обращения: 08.05.2023).
21. Всероссийский химический диктант написали почти 150 тыс. человек из 60 стран // Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО. 20.05.2022. URL: <http://unesco.ru/news/chemical-dictation-2022/> (дата обращения: 08.05.2023).
22. В Париже прошел торжественный вечер в честь Дня русского языка // Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО. 06.06.2022. URL: <http://unesco.ru/news/russian-language-day-in-paris/> (дата обращения: 08.05.2023).
23. В Башкирии прошел Национальный совет Ассоциированных школ ЮНЕСКО // Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО. 27.06.2022. URL: <http://unesco.ru/news/в-башкирии-прошел-национальный-совет/> (дата обращения: 08.05.2023).
24. Форум «Объекты Всемирного наследия: достижения и опыт регионов» открылся в Пскове // Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО. 07.07.2022. URL: <http://unesco.ru/news/interregional-forum-in-pskov/> (дата обращения: 08.05.2023).
25. Более 350 школьников из шести стран стали участниками международной олимпиады в Якутии // Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО. 08.07.2022. URL: <http://unesco.ru/news/international-olympiad-in-yakutia-2022/> (дата обращения: 08.05.2023).
26. В Ульяновске открылся фестиваль креативных российских городов, входящих в сеть ЮНЕСКО // Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО. 10.09.2022. URL: <http://unesco.ru/news/festival-of-creative-russian-cities/> (дата обращения: 08.05.2023).
27. Г.Э. Орджоникидзе о переносе сроков проведения 45-й сессии Комитета всемирного наследия // Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО. 22.04.2022. URL: <http://unesco.ru/news/ordzhonikidze-remarks/> (дата обращения: 14.05.2023).
28. Послание ответственным секретарям накомиссий по делам ЮНЕСКО. Москва, 26 февраля 2022 года // Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО. 28.02.2022. URL: <http://unesco.ru/news/message-ordzhonikidze/> (дата обращения: 14.05.2023).
29. В Югре завершилась Конференция по экологическому образованию и просвещению в интересах устойчивого развития регионов // Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО. 03.06.2022. URL: <http://unesco.ru/news/в-югре-завершилась-конференция-по-эко/> (дата обращения: 14.05.2023).

30. Конференция в Ханты-Мансийске по линии российского комитета Программы ЮНЕСКО «Информация для всех» // Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО. 10.06.2022. URL: <http://unesco.ru/news/конференция-в-ханты-мансийске-по-линии/> (дата обращения: 14.05.2023).
31. Эксперт ЮНЕСКО: на международных форумах надо больше обсуждать угрозы и риски ИТ // Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО. 10.06.2022. URL: <http://unesco.ru/news/threats-and-risks-of-it/> (дата обращения: 14.05.2023).
32. Брифинг официального представителя МИД России М.В.Захаровой. Москва, 29 сентября 2022 года // Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО. 29.09.2022. URL: <http://unesco.ru/news/brief-29-09-22/> (дата обращения: 14.05.2023).
33. Сергей Обрывалин: Россия открыта к конструктивному диалогу о сохранении мирового культурного наследия // Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО. 29.09.2022. URL: <http://unesco.ru/news/sergey-obryvalin-statement/> (дата обращения: 14.05.2023).
34. В Казани открылся Международный форум к 50-летию Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия // Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО. 05.12.2022. URL: <http://unesco.ru/news/start-of-the-international-forum-in-kazan/> (дата обращения: 14.05.2023).
35. Казанская декларация к 50-летию Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия // Международный форум к 50-летию Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия. Россия. 2022. URL: <https://50whc.kzn2022.com/documents> (дата обращения: 18.05.2023).
36. Заявление Министерства иностранных дел России // Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО. 09.09.2022 // URL: http://unesco.ru/news/foreign-ministry-statement_09092022/ (дата обращения: 18.05.2023).
37. О включении исторического центра Одессы в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, находящегося под угрозой // Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО. 26.01.2023. URL: <http://unesco.ru/news/press-release-odessa/> (дата обращения: 14.05.2023).
38. Интервью Постоянного представителя России при ЮНЕСКО А.И. Кузнецова МИА «Россия сегодня», 23 декабря 2022 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 23.12.2022. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/1845323/ (дата обращения: 28.04.2023).

References

1. UNESCO. (2020) Ob Organizatsii. YuNESKO [About UNESCO]. *UNESCO*. [Online] Available from: <http://unesco.ru/unesco/> (Accessed: 30.05.2023).
2. UNESCO. (1945) Constitution of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organisation (UNESCO). Foreign and Commonwealth office. General No. 279B. London, UK, 16.11.1945. *UNESCO Archives Atom Catalogue*. [Online] Available from: <https://atom.archives.unesco.org/constitution> (Accessed: 30.05.2023).
3. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (n.d.) Obshchie svedeniya. YuNESKO [General information. UNESCO]. *Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. [Online] Available from: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/organizatsii_sistemy_oon/organizatsiya_obedinyennykh_natsiy_po_voprosam_obrazovaniya_nauki_i_kultury_yunesko/ (Accessed: 28.04.2023).
4. UNESCO. (1995) UNESCO 1945-1995: A fact sheet. ARC.95/WS/1. *UNESCO*. [Online] Available from: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000101118> (Accessed: 30.05.2023).
5. UNESCO. (n.d.) Sources of Funding. *UNESCO Core Data Portal*. [Online] Available from: <https://core.unesco.org/en/sources-of-funding?biennium=41&quarter=2022Q1> (Accessed: 31.05.2023).
6. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (2000) Rossiya v YuNESKO. Spravochnaya informatsiya [Russia in UNESCO. Reference information]. *Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. [Online] Available from: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/organizatsii_sistemy_oon/organizatsiya_obedinyennykh_natsiy_po_voprosam_obrazovaniya_nauki_i_kultury_yunesko/1594823/ (Accessed: 28.04.2023).
7. UNESCO. (2023) List of Members of the Executive Board. *UNESCO*. [Online] Available from: <https://www.unesco.org/en/executive-board/members?hub=421> (Accessed: 28.04.2023).
8. UNESCO. (2014) Irina Bokova prinyala uchastie v prazdnovanii 60-letiya vstupleniya Rossii v YuNESKO [Irina Bokova took part in the celebration of the 60th anniversary of Russia's accession to UNESCO]. *UNESCO*. 22 April. [Online] Available from: <https://www.unesco.org/ru/articles/irina-bokova-prinyala-uchastie-v-prazdnovanii-60-letiya-vstupleniya-rossii-v-yunesko> (Accessed: 05.05.2023).
9. UNESCO. (2015) Vizit General'nogo direktora YuNESKO v Moskvu v sostave ofitsial'noy delegatsii OON. Novosti [Visit of the Director-General of UNESCO to Moscow as part of the official UN delegation. News]. *UNESCO*. 11 May. [Online] Available from: <https://www.unesco.org/ru/articles/vizit-generalnogo-direktora-yunesko-v-moskvu-v-sostave-ofitsialnoy-delegatsii-oon> (Accessed: 05.05.2023).
10. UNESCO. (2019) Ofitsial'nyy vizit General'nogo direktora YuNESKO v Rossiyu [Official visit of the Director-General of UNESCO to Russia]. *UNESCO*. 02 March. [Online] Available from: <https://www.unesco.org/ru/articles/ofitsialnyy-vizit-generalnogo-direktora-yunesko-v-rossiyu> (Accessed: 05.05.2023).
11. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (2022) Ob otkrytii Mezhdunarodnogo foruma k 50-letiyu Konventsii ob okhrane vseirnogo kul'turnogo i prirodnogo naslediya. OON [On the opening of the International Forum on the 50th Anniversary of the Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage. The UN]. *Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. 06 December. [Online] Available from: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/1842298/ (Accessed: 06.05.2023).
12. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (2006) Kafedry YuNESKO v Rossii [UNESCO Chairs in Russia]. *Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. 13 March.. [Online] Available from: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/1666486/ (Accessed: 06.05.2023).
13. UNESCO. (2020) YuNESKO v Rossii [UNESCO in Russia]. *Commission of the Russian Federation for UNESCO*. 04 January. [Online] Available from: <https://unesco.ru/unescorussia/> (Accessed: 06.05.2023).
14. UNESCO. (n.d.) Novosti [News]. *Commission of the Russian Federation for UNESCO*. [Online] Available from: <http://unesco.ru/news1/> (Accessed: 08.05.2023).
15. UNESCO. (2022) Vystuplenie A.I. Kuznetsova na 214-y sessii Ispolsoвета по вопросу о провозглашении Всемирного дня русского языка [Speech by A.I. Kuznetsov at the 214th session of the Executive Board on the proclamation of World Russian Language Day]. *Commission of the Russian Federation for UNESCO*. 08 April. [Online] Available from: <http://unesco.ru/news/kuznetsov-remarks-214th-session-2/> (Accessed: 08.05.2023).
16. UNESCO. (2022) Oleg Matytsin i Oleg Kozhemyako vozglavili orgkomitet Mezhdunarodnykh sportivnykh igr "Deti Azii" [Oleg Matytsin and Oleg Kozhemyako headed the organizing committee of the Children of Asia International Sports Games]. *Commission of the Russian Federation for UNESCO*. 01 March. [Online] Available from: <http://unesco.ru/news/children-of-asia-2022/> (Accessed: 08.05.2023).
17. UNESCO. (2022) Sto luchshikh fotografy konkursa imeni Andrey Stenina pokazhut v Barselone [The one hundred best photographs of the Andrei Stenin competition will be shown in Barcelona]. *Commission of the Russian Federation for UNESCO*. 02 March. [Online] Available from: <http://unesco.ru/news/andrey-stenin-competition/> (Accessed: 08.05.2023).
18. UNESCO. (2022) Pervye itogi konkursa Stenina-2022: bolee 130 stran-uchastnits za 8 let [The first results of the Stenin Competition-2022: more than 130 participating countries in 8 years]. *Commission of the Russian Federation for UNESCO*. 29 March. [Online] Available from: <http://unesco.ru/news/results-of-the-stenin-2022-competition/> (Accessed: 08.05.2023).
19. UNESCO. (2022) Mezhdunarodnyy den' teatra [International Theatre Day]. *Commission of the Russian Federation for UNESCO*. 27 March. [Online] Available from: <http://unesco.ru/news/international-theater-day-2022/> (Accessed: 08.05.2023).
20. UNESCO. (2022) "Benue de la Dans" ispolnyaetsya 30 let [Benois de la Danse turns 30]. *Commission of the Russian Federation for UNESCO*. 29 April. [Online] Available from: <http://unesco.ru/news/30-years-of-benoit-de-la-danse/> (Accessed: 08.05.2023).

21. UNESCO. (2022) Vserossiyskiy khimicheskii diktant napisali pochti 150 tys. chelovek iz 60 stran [Almost 150 thousand people from 60 countries wrote the All-Russian Chemical Dictation]. *Commission of the Russian Federation for UNESCO*. 20.05.2022. [Online] Available from: <http://unesco.ru/news/chemical-dictation-2022/> (Accessed: 08.05.2023).
22. UNESCO. (2022) V Parizhe proshel torzhestvennyy vecher v chest' Dnya russkogo yazyka [A gala evening in honor of Russian Language Day was held in Paris]. *Commission of the Russian Federation for UNESCO*. 06 June. [Online] Available from: <http://unesco.ru/news/russian-language-day-in-paris/> (Accessed: 08.05.2023).
23. UNESCO. (2022) V Bashkirii proshel Natsional'nyy sovet Assotsiirovannykh shkol YuNESKO [The National Council of UNESCO Associated Schools was held in Bashkiria]. *Commission of the Russian Federation for UNESCO*. 27 June. [Online] Available from: <http://unesco.ru/news/v-bashkirii-proshel-natsional'-nyy-sovet/> (Accessed: 08.05.2023).
24. UNESCO. (2022) Forum "Ob"ekty Vsemirnogo naslediya: dostizheniya i opyt regionov" otkrylsya v Pskove [The Forum World Heritage Sites: Achievements and Experience of the Regions opened in Pskov]. *Commission of the Russian Federation for UNESCO*. 07 July. [Online] Available from: <http://unesco.ru/news/interregional-forum-in-pskov/> (Accessed: 08.05.2023).
25. UNESCO. (2022) Bolee 350 shkol'nikov iz shesti stran stali uchastnikami mezhdunarodnoy olimpiady v Yakutii [More than 350 schoolchildren from six countries took part in the international Olympiad in Yakutia]. *Commission of the Russian Federation for UNESCO*. 08 July. [Online] Available from: <http://unesco.ru/news/international-olympiad-in-yakutia-2022/> (Accessed: 08.05.2023).
26. UNESCO. (2022) V Ul'yansko otkrylsya festival' kreativnykh rossiyskikh gorodov, vkhodyashchikh v set' YuNESKO [The festival of creative Russian cities included in the UNESCO network opened in Ulyanovsk]. *Commission of the Russian Federation for UNESCO*. 10 September. [Online] Available from: <http://unesco.ru/news/festival-of-creative-russian-cities/> (Accessed: 08.05.2023).
27. UNESCO. (2022) G.E. Ordzhonikidze o perenose srokov provedeniya 45-y sessii Komiteta vseirnogo naslediya [Grigoriy Ordzhonikidze on the postponement of the 45th session of the World Heritage Committee]. *Commission of the Russian Federation for UNESCO*. 22 April. [Online] Available from: <http://unesco.ru/news/ordzhonikidze-remarks/> (Accessed: 14.05.2023).
28. UNESCO. (2022) Poslanie otvetstvennym sekretaryam natskomissiy po delam YuNESKO. Moskva, 26 fevralya 2022 goda [Message to the executive secretaries of the national commissions for UNESCO. Moscow, February 26, 2022]. *Commission of the Russian Federation for UNESCO*. 28 February. [Online] Available from: <http://unesco.ru/news/message-ordzhonikidze/> (Accessed: 14.05.2023).
29. UNESCO. (2022) V Yugre zavershilas' Konferentsiya po ekologicheskomu obrazovaniyu i prosveshcheniyu v interesakh ustoychivogo razvitiya regionov [The Conference on Environmental Education and Enlightenment for Sustainable Development of Regions has ended in Yugra]. *Commission of the Russian Federation for UNESCO*. 03 June. [Online] Available from: <http://unesco.ru/news/v-yugre-zavershilas'-konferentsiya-po-eko/> (Accessed: 14.05.2023).
30. UNESCO. (2022) Konferentsiya v Khanty-Mansiyske po linii rossiyskogo komiteta Programmy YuNESKO "Informatsiya dlya vseh" [Conference in Khanty-Mansiysk under the auspices of the Russian Committee of the UNESCO Information for All Programme]. *Commission of the Russian Federation for UNESCO*. 10 June. [Online] Available from: <http://unesco.ru/news/konferentsiya-v-khanty-mansiyske-po-lini/> (Accessed: 14.05.2023).
31. UNESCO. (2022) Ekspert YuNESKO: na mezhdunarodnykh forumakh nado bol'she obsuzhdad' ugrozy i riski IT [UNESCO expert: IT threats and risks should be discussed more at international forums]. *Commission of the Russian Federation for UNESCO*. 10 June. [Online] Available from: <http://unesco.ru/news/threats-and-risks-of-it/> (Accessed: 14.05.2023).
32. UNESCO. (2022) Briefing ofitsial'nogo predstavatelya MID Rossii M.V.Zakharovoy, Moskva, 29 sentyabrya 2022 goda [Briefing by M.V. Zakharova, the official representative of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, September 29, 2022]. *Commission of the Russian Federation for UNESCO*. 29.09.2022. [Online] Available from: <http://unesco.ru/news/brief-29-09-22/> (Accessed: 14.05.2023).
33. UNESCO. (2022) Sergey Obryvalin: Rossiya otkryta k konstruktivnomu dialogu o sokhraneni mirovogo kul'turnogo naslediya [Sergey Obryvalin: Russia is open to a constructive dialogue on the preservation of world cultural heritage]. *Commission of the Russian Federation for UNESCO*. 29 September. [Online] Available from: <http://unesco.ru/news/sergey-obryvalin-statement/> (Accessed: 14.05.2023).
34. UNESCO. (2022) V Kazani otkrylsya Mezhdunarodnyy forum k 50-letiyu Konventsii ob okhrane vseirnogo kul'turnogo i prirodnoogo naslediya [The International Forum for the 50th Anniversary of the Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage opened in Kazan]. *Commission of the Russian Federation for UNESCO*. 05 December. [Online] Available from: <http://unesco.ru/news/start-of-the-international-forum-in-kazan/> (Accessed: 14.05.2023).
35. UNESCO. (2022) [Kazan declaration on the 50th anniversary of the convention concerning the protection of the world cultural and natural heritage]. *Proceedings of the International Forum for the 50th Anniversary of the Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage*. Kazan, Saint Petersburg. 01–09 December 2022. [Online] Available from: <https://50whc.kzn2022.com/documents> (Accessed: 18.05.2023). (In Russian).
36. UNESCO. (2022) Zayavlenie Ministerstva inostrannykh del Rossii [Statement by the Ministry of Foreign Affairs of Russia]. *Commission of the Russian Federation for UNESCO*. 09 September. [Online] Available from: http://unesco.ru/news/foreign-ministry-statement_09092022/ (Accessed: 18.05.2023).
37. UNESCO. (2023) O vkluchenii istoricheskogo tsentra Odessa v Spisok vseirnogo naslediya YuNESKO, nakhodyashchegosya pod ugrozoy [On the inclusion of the historic center of Odessa in the UNESCO List of World Heritage in Danger]. *Commission of the Russian Federation for UNESCO*. 26 January. [Online] Available from: <http://unesco.ru/news/press-release-odessa/> (Accessed: 14.05.2023).
38. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (2022) Interv'yu Postoyannogo predstavatelya Rossii pri YuNESKO A.I. Kuznetsova MIA "Rossiya segodnya", 23 dekabrya 2022 goda [Interview of the Permanent Representative of Russia to UNESCO A.I. Kuznetsov to IIA "Russia Today", December 23, 2022]. *Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. 23 December. [Online] Available from: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/1845323/ (Accessed: 28.04.2023).

Информация об авторе:

Бикернице А. – канд. полит. наук, старший преподаватель факультета международных исследований Далянского университета иностранных языков (Далянь, КНР). E-mail: annaswan7733@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A. Bikerniece, Cand. Sci. (Political Science), senior lecturer, Dalian University of Foreign Languages (Dalian, People's Republic of China). E-mail: annaswan7733@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.06.2023;
одобрена после рецензирования 08.05.2024; принята к публикации 30.06.2024.*

*The article was submitted 01.06.2023;
approved after reviewing 08.05.2024; accepted for publication 30.06.2024.*

Научная статья
УДК 316.7
doi: 10.17223/15617793/503/17

Вовлекающие и убеждающие ресурсы онлайн-викторин исторической тематики

Ольга Вячеславовна Сергеева^{1, 2}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

² Социологический институт Российской академии наук – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия
^{1, 2} o.v.sergeeva@spbu.ru

Аннотация. Проанализирован вариант эдьютейнмента – онлайн-викторины, используемой сегодня при создании просветительских материалов. Целью исследования являлся разбор свойств онлайн-викторин исторической тематики, делающих их инструментами гражданско-политического вовлечения и убеждения. Эмпирическая работа проведена в соответствии с процедурами оценки геймплея, разобрано 17 игр сайта Arzamas. Игровые механики онлайн-викторин позволяют им быть интересным дополняющим контентом, который усиливает внимание к какому-либо историко-культурному сюжету.

Ключевые слова: политическая коммуникация, просвещение, эдьютейнмент, компьютерные игры, серьезные игры, онлайн-викторины

Источник финансирования: исследование выполнено при поддержке АНО «Экспертный институт социальных исследований» (ЭИСИ) «Игровые технологии вовлечения и убеждения в политических и гражданских коммуникациях в современной России» № 1022061700190-3-5.6.1.

Для цитирования: Сергеева О.В. Вовлекающие и убеждающие ресурсы онлайн-викторин исторической тематики // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 503. С. 172–180. doi: 10.17223/15617793/503/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/503/17

Engaging and persuasive possibilities of online history quizzes

Olga V. Sergeyeva^{1, 2}

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

² Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation
^{1, 2} o.v.sergeeva@spbu.ru

Abstract. In the context of excessive information and audience fragmentation, it makes sense for sociologists and political scientists to consider new ways of political communication that have the properties of viral and interactive content. This is why this article discusses the new media content used to ideas spreading in the society of “information niches”. Edutainment combines entertainment and education elements. Edutainment due to its ability to simultaneously entertain and educate has the resources of involvement and persuasion, which are characteristic of political communications. The author analyzes one of edutainment variants – online quizzes and tests that are used to create educational texts (for example, the Arzamas project). The author’s aim is an empirical analysis of online history quizzes gameplay, which makes this type of game the tool for civil and political involvement and persuasion. The research results are discussed in the light of gratifications theory, which makes it possible to determine how any video games, even the simplest casual ones, initiate positive emotions among gamers. Online history quizzes use the technique of transferring signs from one epoch to another, creating a memorable humorous effect. In addition, the game is a constantly rewarded activity, and the size of game failures in online quizzes is minimal and can be emotionally controlled. Improved mood makes casual minigames a pocket generator of positive emotions that can unobtrusively broadcast various ideas, including political ones. In the article, online quiz game procedures are analyzed using the experience of game studies. The tradition of game studies emphasizes the persuasiveness of games through involvement in a playful procedure. Disassembling any computer game, we see a set of actions: firstly, gamer’s actions according to the rules; secondly, actions that develop something in the game; and, thirdly, gamer’s actions controlling the situation outside the game. Separately and in combination, these components constitute a model of human play activity. However, according to the game studies, a computer game is played on two levels: by the gamer and by the console/computer that runs the game software. The game session is composed of conflicting relationships between a human and a game as smart technology. At the same time, the gamer often – even within one game session – alternates playing “against” and playing “together” with a digital game. In online quizzes, the game software takes the position of the opponent, who

provides conflict by offering tasks, but at the same time it works as the arbiter who identifies gamer's success. Online history quizzes check knowledge of facts, artifacts, heroes, and event maps. Let it be minimal, but historical quizzes are associated with the in-game environment control, which stimulates memorization. The author concludes: being minigames, online quizzes today serve as an interesting complementary content, a kind of "icing on the cake", increasing attention to any facts, personalities, or historical and cultural cases.

Keywords: political communication, awareness, edutainment, computer games, serious games, online quizzes

Financial support: The reported study was funded by the Expert Institute for Social Research (EISI), research project "Game Technologies of Involvement and Persuasion in Political and Civil Communications in Modern Russia", No. 1022061700190-3-5.6.1.

For citation: Sergeeva, O.V. (2024) Engaging and persuasive possibilities of online history quizzes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 503. pp. 172–180. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/503/17

Введение

Исследование компьютерных игр в процессах политических и гражданских коммуникаций, а также аналитика их вклада в трансляцию истории страны представляет собой вполне сложившееся тематическое направление [1–3]. Знакомство с этим направлением позволяет отметить различия в российских и зарубежных разработках темы: наибольший задел у отечественных авторов связан с медийно-игровыми вопросами конструирования истории, образов страны, памяти о событиях, в то время как электоральная и гражданская активность, опосредованная играми, изучена меньше [4–6]. Несмотря на, казалось бы, устойчивое внимание российских *game studies* к игровым интерпретациям истории, есть практика, которая все еще остается вне научного анализа. Не подвергнуты разбору онлайн-викторины или «квизы» исторической тематики, где история может быть связана с общественно-политическими фактами (так называемая большая история в датах и именах участников войн, реформ, международных отношений), но также и с историей повседневности (еда, мода и другие реалии частной жизни). Именно квизы находятся «в тени», вероятно, в силу их банальности, микромасштабности по сравнению с глобальными игровыми продуктами наподобие *World of Tanks*. Думаю, что фокусирование на мимолетных онлайн-викторинах вполне обоснованно для социальных исследователей, во-первых, потому, что в ситуации информационного перенасыщения и одновременно с этим нишевых способов функционирования аудитории возрастает роль микроконтента – мемов, вирусных видео и др., способных зацепить какой-либо идей в аудиовизуальном потоке; во-вторых, как любое другое игровое явление, такие викторины обладают развлекательным потенциалом, несущим положительные эмоции, тем более что текущее десятилетие отмечено в игровой индустрии и игровом поведении «казуальной революцией», показавшей влияние незамысловатых игровых проектов [7].

Данная статья обращается к онлайн-викторинам как игровому способу трансляции общественно-значимых идей, разбирая их процедуры по методу оценки геймплея [8]. Количественная оценка характеристик геймплея, в соответствии с которой подсчитываются использованные разработчиками игровые правила и механики, позволяет сделать выводы о ресурсах убеждения и вовлечения, свойственных именно этой разновидности компьютер-

ных игр. Игровыми кейсами, привлеченными для анализа, были викторины/тесты просветительского проекта *Arzamas* (<https://arzamas.academy/>).

Дискуссия о полученных эмпирических данных развита в логике двух подходов – традиционного, пришедшего из исследований массовой коммуникации (например, телевизионных шоу), и нового, сосредоточенного на алгоритмах цифровой игры. В качестве традиционного подхода привлекалась теория использования и вознаграждения, сложившаяся в XX в., которая объясняла в том числе и связь между выбором канала и стремлением аудитории к эмоциональной разрядке [9, 10]. Чтобы не упустить из виду новые технологические характеристики викторин, переживавших с тв-экрана в алгоритмическую среду компьютера, использовались наработки *game studies* [11]. Термин «онлайн-викторина» дан в статье как общий и для онлайн-тестов, поскольку создатели многих мини-игр, циркулирующих на разных платформах, их не разделяют, и по запросу «тест» даются ссылки в том числе и на викторины.

Итак, цель представленного проекта – оценить, какие именно элементы игрового эдьютейнмента служат катализатором вовлечения и убеждения. В центре внимания находится не содержание игрового контента, а инскрипция или определение того, какие пользовательские действия запрограммированы разработчиками для онлайн-викторин исторической тематики. Социологический смысл такого исследования заключается в раскрытии связей между средствами коммуникации и организацией знания, что соотносится с общим поворотом социологов к изучению природы посредников (развиваются, например, социальные исследования инфраструктур / *infrastructure studies*, социальные исследования платформ и интерфейсов / *platform and interface studies*). Привычный для социолога контент-анализ, количественно представляющий идейную ориентацию текста, сегодня сопровождается еще одним направлением исследований, разбирающих материальность канала, по которому транслируется текст. Принцип М. Маклюэна «средство сообщения и есть сообщение» объясняет алгоритмы упаковки авторами и распаковки пользователями знания и информации. Без такой аналитики, в частности аналитики геймплея, непонятна модальная личность с ее привычками к «кликабельной» информационной среде.

**Возможности убеждения в обществе
«информационных ниш»: постановка
исследовательских вопросов для анализа
онлайн-викторин**

Внесение в поле зрения социального ученого таких игровых форматов, как онлайн-викторины, в частности, исторической тематики, диктуется предпочтениями позднесовременной аудитории и новыми способами производства и доставки информации. Как транслировать гражданские идеи, способные влиять на политический опыт, предпочтительно на опыт формирующихся взрослых? Недоверие и скука различных групп аудитории к тому, что говорится с серьезным лицом, подталкивает исследователей медиа взглянуть на области игровой коммуникации, которые вплоть до текущего десятилетия оставались за рамками научных дискуссий о современном политическом поле.

Основным результатом революции в технологии стало экспоненциальное увеличение объема информации. Сегодня граждане, заинтересованные в общественной повестке, имеют доступ к тысячам интернет-источников, начиная от хорошо зарекомендовавших себя новостных агрегаторов и заканчивая твитами и блогами. Учитывая неизбежные перспективы информационной перегрузки, что можно сказать о том, как потребители сортируют этот гипермассив источников? Один из способов адаптации, особенно среди молодых поколений или «цифровых аборигенов», выражается в стремлении к совместному производству информации, чтобы самим становиться частью опосредованного опыта. В зону внимания наших современников скорее допускается то, что интерактивно и может регулироваться самим просьюмером.

Революционно и принципиально изменилась структура аудитории: средний представитель российской аудитории в 2022 г., по данным компании Mediascope, характеризовался тем, что время просмотра телеканалов у него – около 3,5 часов в день, а время, проведенное в интернете, около 4 часов в день [12]. Действительно, многие из наиболее важных демографических сегментов младшей аудитории больше не вовлечены в традиционные каналы коммуникации (например, телевидение), поскольку их привычки связаны с социальными сетями, мессенджерами, видеохостингами.

Еще одной влиятельной тенденцией в развитии аудитории начала XXI в. наряду с ее переструктурированием является фрагментация и, как следствие, избирательное воздействие информации, которая раньше охватывала всех. 30 лет назад информированность гражданина об общественных событиях зависела главным образом от вечерних выпусков новостей. То есть даже появившееся в перестройку в России разнообразие каналов освещало однотипный набор фактов, хотя и давая различную идеологическую интерпретацию. В эпоху телевидения предложения всех новостных организаций были достаточно однородны и стандартизированы, а представители всех слоев общества с их политическими взглядами подвергались воздействию одной и той же информации. Это относилось ко всем обществам. Американский исследователь цифровых медиа

Г. Дженкинс, фиксируя поворот к фрагментации аудитории, писал: «В 1960-х годах рекламодатель мог охватить 80% женщин США, размещая рекламу в прайм-тайм на трех каналах. Сегодня было подсчитано, что один и тот же ролик должен быть показан на 100 телеканалах, чтобы охватить такое же количество зрителей» [13. Р. 66]. Интернет создал фрагментированную информационную среду, в которой профессиональная журналистика новостных агентств конкурирует за внимание с «самодельными» инфлюенсерами. Потребители могут получить доступ с минимальными усилиями к очень разным источникам информации. А при желании люди, не интересующиеся политикой, могут вообще избежать данной тематики, настроившись на музыкальный, спортивный и любой другой контент.

Преобразование централизованного информационного потока по принципу «от немногих – многим» в потоки «от всех – ко всем» привело к исчезновению «непреднамеренной аудитории». Это выражение использует политолог, исследователь политической коммуникации Л. Беннетт, когда размышляет о минимальных медиаэффектах. Он отмечает, что во второй половине XX в. зритель смотрел телевизор, а не выпуски новостей или аналитические программы, но этот контент неизбежно попадал в поле видения как побочный продукт включенного телеприемника, таким образом складывалась непреднамеренная аудитория [14. Р. 717–718]. Непреднамеренность внимания современной аудитории почти невозможна из-за большого количества «информационных ниш», нахождение в которых является результатом целенаправленного выбора пользователя.

Таким образом, получение информации зависит не только от ее наличия или предложения, но также от внимания и запроса аудитории. Сегодня внимание и запрос регулируются информационной перегрузкой, фрагментацией и «нишевыми» аудиториями. Изменения в информационном ландшафте влекут за собой ориентацию на создание виральных форм медиатекстов. Коммуникация, которая достигает персонализированных ниш аудитории, как правило, проходит по множеству каналов и может потребовать интерактивного оформления, чтобы иметь отклик. Именно эти тенденции приводят к востребованности компьютерных игровых способов для трансляции гражданских, историко-культурных или политических идей. Наряду с крупномасштабными игровыми произведениями, обращающимися к историко-культурным сюжетам, таким как вышедшая в 2023 г. игра «Atomic Heart» (Mundfish), сегодня создается фоновый, пока недостаточно внимательно изученный игровой контент. Поэтому самое время и в отношении этих умножающихся игровых явлений поставить один из основных исследовательских вопросов социологии медиа: как технологии коммуникации формируют способ донесения идей, учреждая привычки слушания, видения, чтения?

Методология исследования онлайн-викторин

В работе предпринят эмпирический анализ онлайн-викторин, размещенных на образовательном сайте Arzamas. Анализ акцентирован на «цепляющих» внимание человека и дающих эмоции игровых процедурах, а не на

тематике или сюжете игр. В исследованиях компьютерных игр (в междисциплинарных *game studies*) сложилось понимание игры как мультимодального объекта, который открывается благодаря очень разным подходам и методам [15. С. 139]. Представленное в статье исследование исходит из людологической установки разобраться с процедурами мини-игр, встроенных в просветительский контент популярного сайта, с тем, чтобы объяснить характерный для таких игр механизм вовлечения и убеждения.

Корпус игр, подвергнутых анализу, сформирован по принципу целенаправленной выборки. Это значит, что из всех мини-игр, которые есть на сайте Arzamas и которые находятся при поиске на слово «тесты», для анализа были отобраны относящиеся к предмету «история» (<https://arzamas.academy/materials/1883>). Список исторических игр (а у Arzamas есть еще по литературе, русскому языку, искусствоведению, музыке) на момент проведения исследования включал 17 источников (все проанализированные игры перечислены на рис. 2).

Эмпирическая работа проводилась с использованием метода оценки геймплея, предложенного томскими исследователями [8]. Метод заключается в том, что каждая компьютерная игра анализируется на наличие базовых правил геймплея и игровых механик. Отличие правил от механик в том, что, например, игровая механика «помощь» реализуется через действия игроков по базовым правилам, характерным для той или иной игры. Помощь в *Minecraft* может осуществляться через зельеварение, а помощь в «*We were here together*» – через решение головоломок. Это значит, что игровые механики есть более крупные активности, состоящие из базовых правил. Компьютерная игра, как созданное геймдизайнерами произведение, включает ограниченный набор игровых механик, которые осваиваются игроком, запустившим игровую программу.

То есть в наличии у геймдизайнеров на сегодняшнем уровне технологического и творческого развития игровой индустрии есть совокупность игровых механик и базовых правил, которые они в некоторых сочетаниях внедряют в игры разных жанров, создавая для каждой игры свой геймплей. Исходя из этого, томские исследователи обосновали метод оценки геймплея, имея в виду подсчет имеющихся в какой-либо игре базовых правил для совокупности механик данной игры. Такой метод оценки позволяет количественно выразить, в какие именно процедуры больше или меньше будет вовлечен игрок.

Основываясь на методе томских коллег, для целей изучения вовлекающего и убеждающего потенциала онлайн-викторин были проанализированы 17 исторических мини-игр с сайта Arzamas. Наглядно покажем процедуру оценки на примере одной игры.

Процентное соотношение рассчитывается как частное от деления суммы единиц на общее количество возможных единиц игровых механик, умноженное на 100. Эта цифра показывает специфику геймплея, и, соответственно, можно видеть, на выполнение каких действий направлена игра, с помощью чего она погружает в свой процесс.

Результаты оценки геймплея мини-игр сайта Arzamas

Каждая из 17 исторических онлайн-викторин была разложена на составляющие ее игровые механики и базовые правила по образцу, представленному в таблице, затем данные по всем играм были обобщены. Благодаря общей картине проявились доминирующие процедуры, которые проходят те, кто знакомится с историческим контентом на сайте Arzamas.

Соответствие базовых правил геймплея и игровых механик в онлайн-викторине «Как понять реформы Петра I»

Базовые правила	Избегать	Соотносить	Уничтожать	Создавать	Управлять	Перемещать	Подвергаться случайному воздействию	Выбирать	Стрелять	Писать
Игровые механики										
Помощь (Helping)	0	1	0	0	0	0	0	1	0	0
Упорядочение (Arranging)	0	1	0	0	0	0	0	1	0	0
Логическое мышление (Logical thinking)	1	1	0	0	0	0	0	1	0	0
Текстовый нарратив (Text-based narrative)	1	1	0	0	0	0	1	1	0	0
Достижения (Achievements)	1	1	0	0	1	0	1	1	0	0
Уровни (Levels)	1	1	0	0	1	0	1	1	0	0
Штрафы (Disincenives)	1	1	0	0	1	0	1	1	0	0
Динамика прогресса (Progression dynamics)	1	1	0	0	1	0	1	1	0	0
Переход из пункта в пункт (Point-to-point movement)	1	1	0	0	0	0	0	1	0	0
Процентное соотношение	78%	100%	0	0	56%	0	56%	100%	0	0

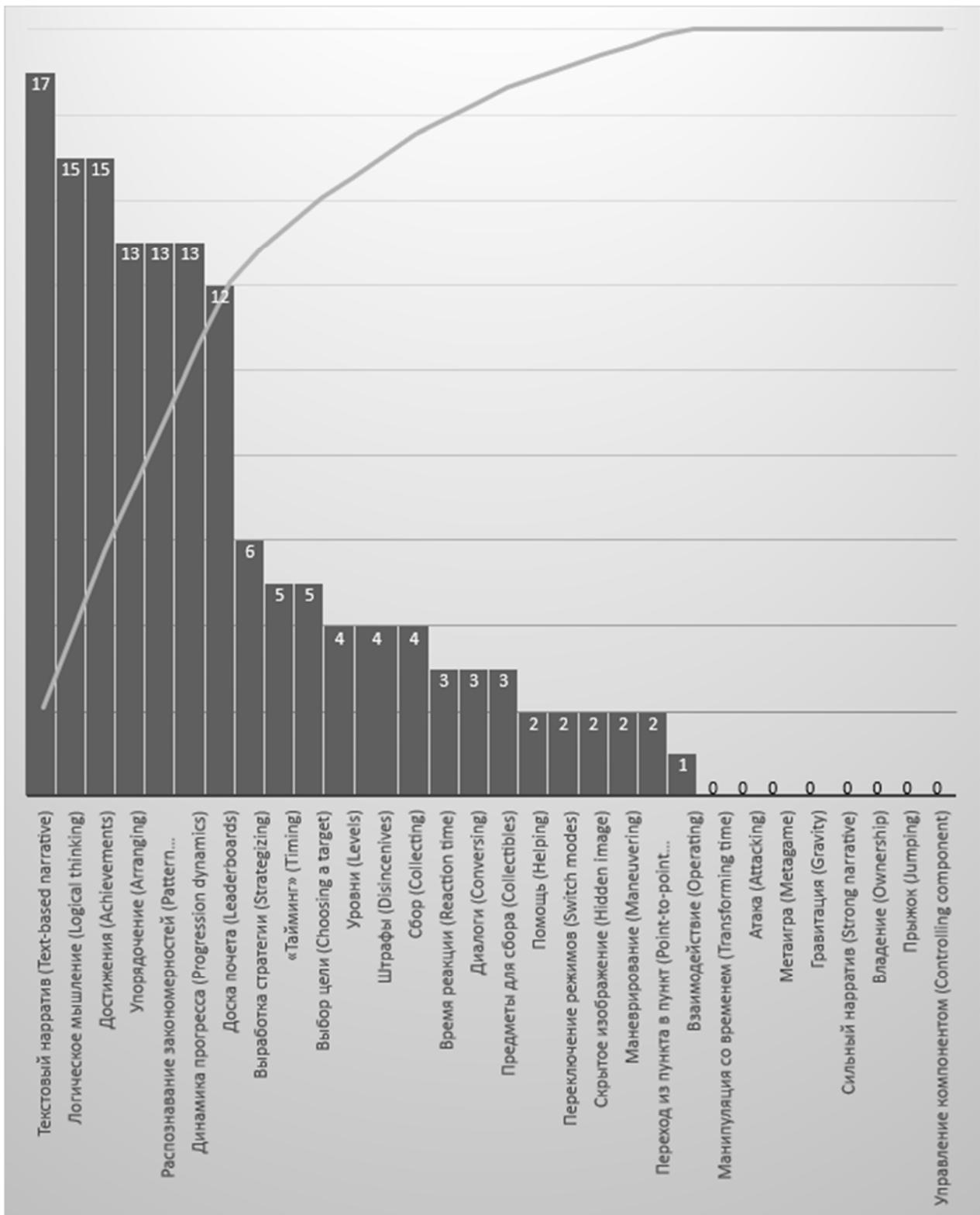

Рис. 1. Частота использования различных игровых механик в 17 исторических мини-играх сайта Arzamas, абсолютные значения

Все 17 игр строятся на текстовых нарративах. Это могут быть стандартные проверочные вопросы, например: «К какому году Хрущев обещал построить коммунизм в СССР?», заканчивающиеся словесным вердиктом игры «Верно!», если игрок отвечает правильно (игра «Насколько хорошо Вы знаете российскую историю?»). Либо это могут быть цитаты из первоисточников, погружающие пользователя с помощью

языка в мир прошлого (например, в игре «Угадайте животное» средневековый бестиарий описан выдержками из текстов Аврелия Августина, Плиния Старшего и других авторов). Вместе с тем игровая механика сильного нарратива, дающаяся обычно с помощью визуальных решений в 3D-ландшафтах «больших» игр, в онлайн-викторинах Arzamas не обнаружена.

Вообще, механики, связанные с эффектами обитания внутри какой-либо среды – гравитация, прыжок, владение, управление компонентом, в онлайн-викторинах редуцированы. При этом некоторые манипуляции объектами все же реализованы через игровые механики сбора и через двумерную визуализацию предметов для сбора. Игра «Собери кирасира-трансформера» требует от игрока кликами выбрать правильное обмундирование кирасира, что называется, экипировать его («с головы до ног»), давая персонажу головной убор, камзол, оружие, штаны и обувь. В заключении игра «говорит», кого именно собрал играющий. Сбор одинаковых карточек выполняется игроком в «Мемори» с Романовыми», а в «Жизни дворянина» протагонист игрока получает чины в соответствии с «Табелем о рангах». Однако в «Жизни дворянина» получаемые ресурсы не визуализированы, а даются как текст.

Любая игра, в том числе и компьютерная мини-игра, это не только пространственное, но и темпоральное явление. Анализируя корпус просветительских игр, мы видим, как в них внедрены механики тайминга и времени реакции. Регламентация времени реакции вообще свойственна викторинам и тестам, она придает динамизм всему действию и усиливает эмоции. Тайминг как скорость хода

игры воплощен в той же «Мемори» с Романовыми» в длительности времени, в течение которого карточка с портретом одного из Романовых остается открытой игроку для запоминания. Чем дольше можно смотреть и запоминать изображение, тем легче становится игра. Тайминг может быть выражен не только принятыми в реальном мире единицами измерения – секундами, минутами, но и специфическими игровыми разделениями на ходы (например, «Как победить в дипломатической игре»). Предписанные игрой ходы создают ритм игровой жизни и влияют на опыт игры, остающийся в памяти пользователя.

Интересной именно для онлайн-викторин является механика диалогов. «Императорский тиндер» дает игроку возможность «отыграть» за одну из российских императриц переписку с фаворитом, причем продвигают ход игры только те сообщения, которые относятся к бывшим когда-то в реальности отношениям между двумя историческими персонажами.

«Строительными кирпичиками» игровых механик онлайн-викторин являются их базовые игровые правила. По преобладающим базовым правилам как раз и становится возможным понять тестирующую специфику данного вида игр (рис. 2).

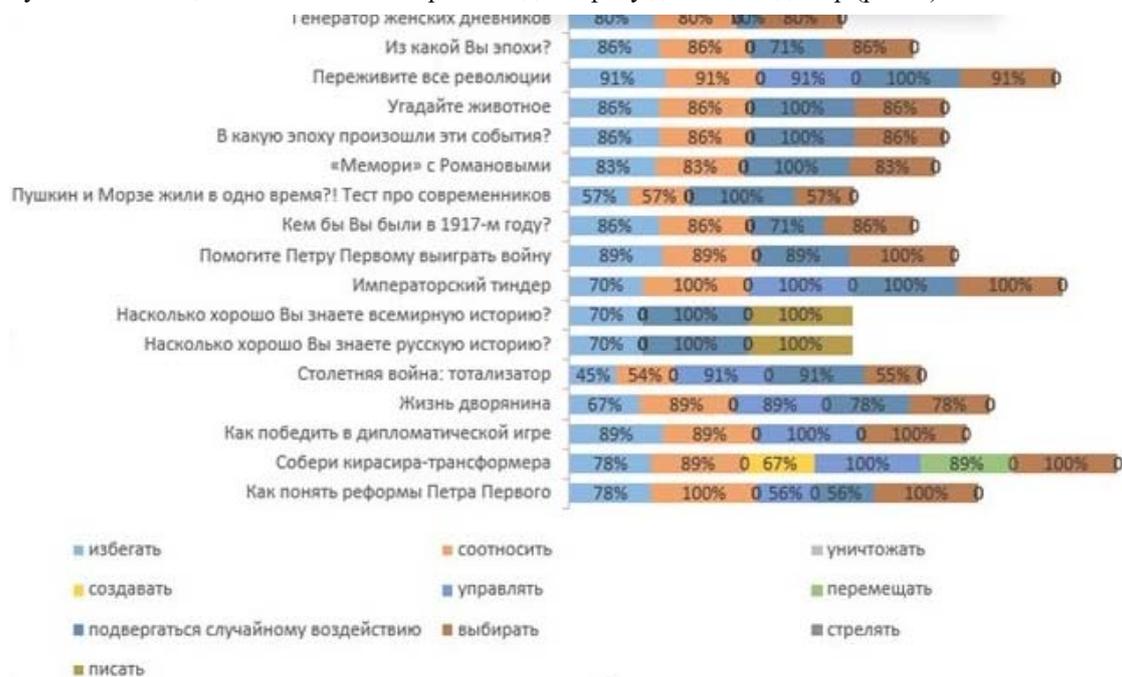

Рис. 2. Базовые правила, использованные для игровых механик 17 исторических мини-игр сайта Arzamas

Вполне закономерно, что лидирует такая активность, как «избегать», «выбирать», «соотносить», различные варианты ответов или визуальные элементы с появляющимися на экране вопросами или заданиями. Онлайн-викторины вовлекают, бросая вызов пользователю и моментально проверяя игровое действие человека. Здесь нет длительных миссий или правил, ориентирующих на стратегию создания своего участка игрового мира, но есть ситуация выбора, провоцирующая азарт и припоминание нужной информации.

Обсуждение результатов

Проведя своеобразную перепись механик и правил онлайн-викторин и продемонстрировав лидиро-

вание в них логических процедур, связанных с сортировкой, соотносением и выбором, обсудим сначала эмоциональные ресурсы таких мини-компьютерных игр. Основываясь на теории использования и вознаграждения, одной из старейших и наиболее проверенных теорий в исследованиях коммуникации [16], можно сказать, что среди основных причин, по которым люди используют различные медиа, есть управление своим настроением и улучшение эмоционального состояния. Игры могут быть одним из наиболее эффективных и действенных средств, с помощью которых современные пользователи инициируют положительные эмоции. Несколько исследований показали причинно-следственную связь

между обращением к любимым играм и улучшением настроения или усилением положительных эмоций. Не только сложные по механикам и сюжету компьютерные игры [17], но и головоломки – непродолжительные по времени игры с минимальным интерфейсом и высокой степенью доступности как *Angry Birds* или *Bejeweled* – могут улучшить настроение игроков, способствовать расслаблению и избавлению от беспоконья [18]. Игровые разработки *Arzamas*'а создают ситуации для демонстрации логики, знаний, скорости реакции пользователя, они моделируют среду для некоторого действия и соучастия, и в этом их ресурс влияния на эмоции.

Обращаясь к мини-играм просветительского проекта *Arzamas*, отметим эффекты вовлечения, возникающие от реализации «вертикали времени» или внесения прошлого в настоящее. Авторы исторических материалов *Arzamas* делают ставку на игры как управление настроением своей аудитории и, например, знакомят с социальной структурой российского общества XVIII в., давая возможность пользователю/читателю самостоятельно создать биографию дворянина. Здесь через базовое игровое правило выбора ответов, релевантных историческим фактам, включается просвещающий компонент, фактически настоящая серьезная игра, которая призвана увлечь, погружая игрока в иную реальность. Принимая решения в ходе игры, пользователь/читатель отыгрывает биографию протагониста и оказывается эмоционально вовлеченным в историю.

Онлайн-викторины – это типичный эдьютейнмент, т.е. соединение шуточного, зрелищного и обучающего/просвещающего. Между тем эдьютейнмент на практике оказывается сложно воплотимым. Обучающие компьютерные игры получили нелестную репутацию худшего вида обучения, тренировок и практических занятий, замаскированных менее чем развлекательной игрой [19. Р. 177]. Но блиц-формат онлайн-викторин, кажется, преодолевает усталость от длительных геймифицированных тренингов.

Помимо того, что онлайн-викторины способны остроумно интерпретировать историю и тем самым подталкивать человека совершенствовать свои знания, такие мини-игры представляют собой участие в постоянно вознаграждаемой деятельности. Удовольствие от победы (фиеро) – это чувство, которое игроки часто ищут и испытывают. Важность переживания положительных эмоций была подробно описана Б. Фредриксоном в теории положительных эмоций «расширяй и развивай (*broaden-and-build*)» [20]. Исследовательница размышляет о том, что переживание положительных эмоций помогает расширить количество вариантов поведения, которые человек воспринимает как возможные и готов построить социальные отношения, обеспечивающие поддержку в достижении цели и преодолении неудач. Кроме того, Б. Фредриксон и ее коллеги предполагают, что положительные эмоции помогают устранить демотивирующие результаты отрицательных эмоций. Естественно, применительно к играм можно вспомнить частые ситуации проигрыша. Однако если игрок терпит фиаско – в онлайн-викторинах

это неудачный ответ или выбор, – то такие неудачи достаточно безопасны для контроля негативных эмоций, поскольку есть возможность переиграть и улучшить свой результат. Следовательно, казуальные компьютерные игры становятся карманным генератором позитива, и в этот эмоциональный фон вписаны идейно-содержательные компоненты онлайн-викторин, которые способны оживить историю, быть триггером для гражданских чувств и идентичности.

Любые игры, компьютерные в том числе, являются последовательностью действий. На раннем этапе изучения игр Э. Орсет, ставший сегодня классиком этого направления, предложил понятие «эргодического» [21. Р. 1]. Данное понятие ориентирует нас видеть физические действия (буквально «труд») игрока в конфигурации конечного игрового произведения. Понятие способствует осмыслению результирующего опыта компьютерной игры, складывающегося из работы программного обеспечения, аппаратного обеспечения и игрока. Эргодический процесс со стороны человека-игрока включает, во-первых, его действия в игре по правилам, во-вторых, проектирование, дополнение чего-либо от себя, в-третьих, управление ситуацией вне игры; по отдельности и в сочетании эти факторы составляют модель человеческой игровой активности. Но, как уже было отмечено, цифровые игры разыгрываются на двух уровнях: игроками и консолью или компьютером, который запускает игровое программное обеспечение. Делая такое различие, мы принимаем во внимание, что игровой сеанс не аморфен, он складывается из противоречивых отношений между, как написал А. Гэллоуэй, человеческим оператором и цифровой игрой-оператором [11. Р. 2]. При этом игроки часто – даже в рамках одной игры – чередуют игру «против» и игру «вместе» с цифровой игрой.

В онлайн-викторинах программное обеспечение игры занимает позицию оппонента, который обеспечивает конфликт, предлагая задания, но в то же время и арбитра, определяющего успешность/неуспешность человека. Онлайн-викторина, действуя в качестве арбитра, следит за игроком и либо приветствует правильное решение, например, аплодисментами, рассыпающимися конфетти или всплывающей надписью «10 из 10. Образцовый ученик!», либо критикует отсутствие знаний, но может давать шанс исправить ситуацию повторным прохождением процедур.

В некоторых викторинах варианты ответов не даны, и необходимо самостоятельно вписать цифры или слова. Встречаются игры, где дается возможность «перетащить» предметы или буквы. Вообще, во всех онлайн-викторинах игрок совершает манипуляции, он двигает не только глазами, но и руками, вследствие чего в мини-играх реализуется вовлечение через управление средой, что стимулирует запоминание.

«Обучение действием» благодаря процедурам компьютерных игр помогает обеспечить мотивацию, вовлеченность и знание. Мотивационный стиль, свойственный играм, характеризуется тем, что достижения зависят от усилий. Дети, которых хвалят за их качества, а не за усилия (например, «ты такой умный!»), укрепляются в представлении, что интеллект есть нечто фиксированное и не подлежащее улучшению.

Напротив, дети, которых хвалят за их усилия («ты так усердно работал над этой головоломкой!»), развивают, согласно инкрементальной теории, свой интеллект, как свойства, которые можно развивать, прилагая усилия и затрачивая время. Представителями поведенческих наук все чаще высказывается мысль, что компьютерные игры являются хорошей тренировочной площадкой, потому что они дают игрокам конкретную и немедленную обратную связь (например, в онлайн-викторинах через баллы, рейтинги и уровни) относительно предпринятых усилий [22. Р. 71].

Актуальным для понимания действия и процедурности онлайн-викторин является рассмотрение ситуаций, в которых они разыгрываются. Поскольку это казуальные игры, которые отличаются краткостью сессий и тем, что поддерживаются онлайн-платформами, они встроены в промежутки между делами, а ссылки на них обычно пересылаются в социальных сетях. Такого рода игры служат дополняющим контентом, своеобразной «вишенкой на торте», усиливающей внимание к какому-либо факту, личности или историко-культурному сюжету.

Заключение

Разработчики игр – мастера вовлечения. Они овладели искусством захвата внимания и перемещения людей всех возрастов в виртуальную среду, заставляя их работать над достижением смоделированных целей, проявлять настойчивость перед лицом многочисленных препятствий и иногда праздновать моменты триумфа после успешного выполнения задач. Массовизация онлайн-практик и распространение мобильных гаджетов с доступом в интернет повлияли на популяр-

ность казуальных компьютерных игр. Разнообразие казуальных мини-игр знаменует, по мнению Й. Юула, смену парадигмы в культуре гейминга, во многом благодаря этой тенденции и продуцируется медиаконтент онлайн-викторин.

Разбор примеров создаваемых сегодня онлайн-викторин и тестов исторической тематики проливает свет на то, где прячется идеология и убеждение в эпоху децентрализованных политических коммуникаций. Работая с геймплеем, социолог отвечает на вопрос «каким образом интерактивный контент транслирует идеи?». Этот вопрос не менее актуален, чем вопрос о ценностях и идейном содержании информации, поскольку дает социологам представление о способах донесения идей в обществе цифровых медиа. Общественно-политическая сфера эпохи радио и телевидения с ее формами воздействия осталась в XX в., поэтому социологам важно реагировать на изменения каналов, с помощью которых стараются влиять лидеры мнений.

Мини-игры, развивая какую-либо серьезную тему в зрелищной, юмористической, трансформированной в эдьютейнмент форме, характеризуются виральностью. Появляющаяся остроумная «поделка» пересылается/репостится и тем самым проникает в информационные ниши, закрытые, казалось бы, для пропаганды и/или гражданского вовлечения. Нельзя не отметить, что игровой эдьютейнмент обладает потенциалом трансляции позитивных эмоций: верный ответ дает человеку вознаграждение, удовольствие от достижения уровня и набора баллов, тем более что игра как арбитр способна шумно приветствовать успех. Онлайн-викторины, как любые другие игровые события, вовлекают людей в действие, передавая идеи не через чтение или наблюдение, но через шаги и решения.

Список источников

1. The Playful Citizen: Civic Engagement in a Mediatized Culture / Ed. by Glas R., Lammes S., de Lange M., Raessens J., de Vries I. Amsterdam : Amsterdam University Press, 2019. 432 p.
2. Kiyohara S. A study on how technological innovation affected the 2008 U.S. Presidential Election: Young voters' participation and Obama's victory // Proceedings of the 9th annual international symposium on applications and the internet, Bellevue, WA, 20-24 July 2009. Washington, DC : IEEE, 2009. P. 223–226.
3. Wilson J. Playing with politics: Political fans and Twitter faking in post-broadcast democracy // Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies. 2011. Vol. 17, № 4. P. 445–461.
4. Белов С.И. Перспективы использования видеоигр с историческим сюжетом как инструмента политики памяти Российской Федерации // Вопросы политологии. 2021. Вып. 4 (68). С. 1089–1096.
5. Колесник Н.В. Избирательные кампании и гражданский активизм в условиях цифровой геймификации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. № 3 (24). С. 144–168.
6. Масленкова Н.А. Компьютерная игра как механизм конструирования культурной памяти (на примере «World of tanks») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. социология и социальные технологии. 2014. № 3 (23). С. 116–125.
7. Juul J. A casual revolution: Reinventing video games and their players. Cambridge, MA : The MIT Press, 2003. 260 p.
8. Акчелов Е.О., Галанина Е.В., Никитина К.С. Геймификация в образовании: новый подход к оценке геймплея // Современные наукоемкие технологии. 2016. № 12-1. С. 103–114.
9. Rubin A.M. Television uses and gratifications: The interactions of viewing patterns and motivations // Journal of Broadcasting. 1983. Vol. 27. P. 37–51.
10. Palmgreen P., Rayburn J.D. II. Uses and gratifications and exposure to public television // Communication Research. 1979. № 6. P. 155–180.
11. Galloway A. Gaming: essays in algorithmic culture. Minneapolis : University of Minnesota Press, 2006. 143 p.
12. Как изменилась аудитория медиа в 2022 // Mediascope. URL: <https://mediascope.net/news/1532413/> (дата обращения: 11.08.2023).
13. Jenkins H. Convergence culture: Where old and new media collide. N.Y. : New York University Press, 2006. 336 p.
14. Bennett L., Iyengar S. A New Era of Minimal Effects? The Changing Foundations of Political Communication // Journal of Communication. 2008. Vol. 58. P. 707–731.
15. Ветушинский А.С. История game studies как академической дисциплины // Видеоигры: введение в исследования / отв. ред. Е.В. Галанина. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. С. 132–152.
16. Ruggiero T.E. Uses and gratifications in the 21st century // Mass Communication & Society. 2000. № 3. P. 3–37.
17. Лобанова Ю.В. Компьютерная видеоигра как социокультурный генератив эмоций // Вестник культуры и искусств. 2022. № 3 (71). С. 73–81.
18. Russoniello C.V., O'Brien K., Parks J.M. EEG, HRV and psychological correlates while playing Bejeweled II: A randomized controlled study // Annual review of cybertherapy and telemedicine: Advance technologies in the behavioral, social and neurosciences / Ed. By B.K. Wiederhold, G. Riva. Amsterdam, The Netherlands : Interactive Media Institute and IOS Press, 2009. P. 189–192.
19. Charsky D. From Edutainment to Serious Games: A Change in the Use of Game Characteristics // Games and Culture. 2010. Vol. 5 (2). P. 177–198.

20. Fredrickson B.L. The broaden-and-build theory of positive emotions // *Philosophical Transactions: Biological Sciences*. 2004. Vol. 359 (1449). P. 1367–1377.
21. Aarseth E. *Cybertext: perspectives in ergodic literature*. Baltimore, MD : Johns Hopkins University Press, 1997. 203 p.
22. Granic I., Lobel A., C.M.E. Engels R. The Benefits of Playing Video Games // *American Psychologist*. 2014. Vol. 69, № 1. P. 66–78.

References

- Glas, R. et al. (eds) (2019) *The Playful Citizen: Civic Engagement in a Mediatized Culture*. Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Kiyohara, S. (2009) A study on how technological innovation affected the 2008 U.S. Presidential Election: Young voters' participation and Obama's victory. In: *Proceedings of the 9th annual international symposium on applications and the internet, Bellevue, WA, 20-24 July 2009*. Washington, DC: IEEE. pp. 223-226.
- Wilson, J. (2011) Playing with politics: Political fans and Twitter faking in post-broadcast democracy. *Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies*. 17 (4). pp. 445-461.
- Belov, S. I. (2021) Perspektivy ispol'zovanija videoigr s istoricheskim szuzhetom kak instrumenta politiki pamjati Rossijskoj Federacii [Prospects for using video games with historical plot as a memory policy instrument of the Russian Federation]. *Voprosy politologii*. 4 (68). pp. 1089-1096. (In Russian)
- Kolesnik, N.V. (2021) Izbiratel'nye kampanii i grazhdanskij aktivizm v uslovijah cifrovoj gejmfikacii [Election campaigns and civil activism in condition of digital gamification]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. 3(24). pp. 144-168. (In Russian)
- Maslenkova, N.A. (2014) Komp'juternaja igra kak mehanizm konstruirovaniya kul'turnoj pamjati (na primere "World of tanks") [Computer game as the mechanism of constructing cultural memory (on the example of "World of Tanks")]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 7: Filosofija, sociologija i social'nye tehnologii*. 3(23). pp. 116-125. (In Russian)
- Juul, J. (2003) *A casual revolution: Reinventing video games and their players*. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Akchelov, E.O. et al. (2016) Gejmifikacija v obrazovanii: novyj podhod k ocenke gejmplaja [Gamification in education: the new approach to evaluate gameplay]. *Sovremennye naukoemkie tehnologii*. 12-1. pp. 103-114. (In Russian)
- Rubin, A. M. (1983) Television uses and gratifications: The interactions of viewing patterns and motivations. *Journal of Broadcasting*. 27. pp. 37–51.
- Palmgreen, P. & Rayburn, J. D. II. (1979). Uses and gratifications and exposure to public television. *Communication Research*. 6. pp. 155–180.
- Galloway, A. (2006) *Gaming: essays in algorithmic culture*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Mediascope. (2022) How the media audience has changed in 2022. (Online) <https://mediascope.net/news/1532413/> (Accessed: 10.03.2023). (In Russian)
- Jenkins, H. (2006) *Convergence culture: Where old and new media collide*. NY: New York University Press.
- Bennett, L. & Iyengar, S. (2008) A New Era of Minimal Effects? The Changing Foundations of Political Communication. *Journal of Communication*. 58. pp. 707–731.
- Vetushinskij, A. S. (2018) Istorija game studies kak akademicheskoj discipliny [Development of game studies as an academic discipline]. In: Galanina, E. (ed.) *Videoigry: vvedenie v issledovanija* [Video games: an introduction to research]. Tomsk: Izdatel'skij Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. pp. 132–152. (In Russian)
- Ruggiero T. E. (2000) Uses and gratifications in the 21st century. *Mass Communication & Society*. 3. pp. 3–37.
- Lobanova Ju. V. (2022) Komp'juternaja videoigra kak sociokul'turnyj generativ jemocij [Computer videogame as a socio-cultural generator of emotions]. *Vestnik kul'tury i iskusstv*. 3(71). pp. 73-81. (In Russian)
- Russoniello, C.V. et al. (2009) EEG, HRV and psychological correlates while playing Bejeweled II: A randomized controlled study. In: *Annual review of cybertherapy and telemedicine: Advance technologies in the behavioral, social and neurosciences*. B. K. Wiederhold, G. Riva (eds). Amsterdam, The Netherlands: Interactive Media Institute and IOS Press.
- Charsky, D. (2010) From Edutainment to Serious Games: A Change in the Use of Game Characteristics. *Games and Culture*. 5(2). pp. 177-198.
- Fredrickson, B.L. (2004) The broaden-and-build theory of positive emotions. *Philosophical Transactions: Biological Sciences*. 359 (1449). pp. 1367-1377.
- Aarseth, E. (1997) *Cybertext: perspectives in ergodic literature*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.
- Granic, I. et al. (2014) The Benefits of Playing Video Games. *American Psychologist*. 69 (1). pp. 66–78.

Информация об авторе:

Сергеева О.В. – д-р социол. наук, доцент кафедры социологии культуры и коммуникации Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия); ведущий научный сотрудник Социологического института Российской академии наук – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: o.v.sergeeva@spbu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.V. Sergeeva, Dr. Sci. (Sociology), associate professor, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation); leading research fellow, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: o.v.sergeeva@spbu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.08.2023;
одобрена после рецензирования 06.05.2024; принята к публикации 30.06.2024.*

*The article was submitted 15.08.2023;
approved after reviewing 06.05.2024; accepted for publication 30.06.2024.*

Научная статья
УДК 32.019.5
doi: 10.17223/15617793/503/18

Развитие и государственная поддержка общественной дипломатии (на примере Фонда президентских грантов)

Екатерина Андреевна Шлапеко¹, Светлана Викторовна Кондратьева²

^{1,2} Институт экономики Карельского научного центра Российской академии наук, Петрозаводск, Россия
¹ shlapeko_kate@mail.ru
² svkorka@mail.ru

Аннотация. Осмыслены специфика, ограничения и перспективы развития в современных условиях феномена общественной дипломатии, являющейся стратегической для развития государства. Сформировано комплексное представление о развитии общественной дипломатии на основе анализа теоретических подходов и практики проектов Фонда президентских грантов за период 2017–2023 гг.

Ключевые слова: некоммерческая организация, проект, Фонд президентских грантов, общественная дипломатия, международные связи, НКО-международники

Источник финансирования: статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр РАН» FMEN 2022-0001.

Для цитирования: Шлапеко Е.А., Кондратьева С.В. Развитие и государственная поддержка общественной дипломатии (на примере Фонда президентских грантов) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 503. С. 181–191. doi: 10.17223/15617793/503/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/503/18

Government's role in the development and support of NGO's diplomacy (case of the Presidential Grants Foundation)

Ekaterina A. Shlapeko¹, Svetlana V. Kondrateva²

^{1,2} Institute of Economics of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russian Federation
¹ shlapeko_kate@mail.ru
² svkorka@mail.ru

Abstract. Russian institutions and organizations involved in international relations experience very serious restrictions in their work in contemporary foreign policy conditions. It is worth highlighting those Russian public organizations guided in their activities by the priority directions of the foreign policy of the Russian Federation that have been working for many years to maintain contacts with compatriots and develop good neighborly relations with foreign countries. Now public diplomacy is acquiring special significance and relevance, opening up new opportunities for developing contacts between the Russian region and countries of the world. The practice of Russian NGOs' diplomacy goes ahead of the theoretical understanding of this phenomenon. The work examines national definitions, the history of the development, and institutions for supporting NGOs' diplomacy in Russia. The authors propose an approach to forming a comprehensive understanding of state support for NGOs' diplomacy based on an analysis of projects of the Presidential Grants Foundation implemented during the period 2017–2023. The information base of the study consists of official open data of the Presidential Grants Foundation, Direction "Development of Public Diplomacy and Support of Compatriots". The analysis of projects taking into account quantitative, geographical, economic, thematic, and target aspects within the framework of financial industrial groups made it possible to identify the following trends in the development of public diplomacy: a stable trend of support for projects in the geographical direction of the CIS countries and the Asian vector; the downward trend in projects with European countries that has emerged since 2022; diversification of areas of grant activities. A number of leading regions are identified in terms of the number of winning projects (Moscow, Sverdlovsk Oblast). The key theme of the projects is creating conditions for the development of cultural, scientific and educational interaction.

Keywords: non-profit organization, project, Presidential Grants Foundation, public diplomacy, international relations, international NGOs

For citation: Shlapeko, E.A. & Kondrateva, S.V. (2024) Government's role in the development and support of NGO's diplomacy (case of the Presidential Grants Foundation). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 503. pp. 181–191. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/503/18

Введение

В настоящее время широкое распространение получили практики участия российских некоммерческих организаций (НКО) в поддержании международных контактов как с отдельными зарубежными организациями, так и общественностью других стран. В научной литературе и нормативно-правовых документах наряду с «общественной дипломатией» встречается термин «публичная дипломатия», который употребляется как синонимичный. Авторы статьи разграничивают данные понятия по субъекту международных связей: государство (публичная дипломатия), некоммерческие организации, отдельные группы или частные лица (общественная дипломатия). Разграничение понятий позволяет объяснить появление в России государственных НКО, получающих субсидии из бюджета и в дальнейшем распределяющих средства через гранты региональным НКО. В свою очередь, история развития международного сотрудничества общественных организаций с советских времен показывает преемственность форм и направлений сотрудничества, эволюцию механизмов государственного финансирования международной общественной деятельности. Грантовая деятельность крупнейшего российского Фонда (Фонда президентских грантов) по направлению «общественная дипломатия» служит ярким примером государственной поддержки международных общественных инициатив, демонстрирует тенденции и перспективы развития данного направления.

Теоретические аспекты изучения феномена общественной дипломатии

В работах российских ученых ведется дискуссия о разграничении понятий: «публичная дипломатия» и «пропаганда», «публичная дипломатия» и «мягкая сила», «общественная дипломатия» и «публичная дипломатия». Наиболее известные работы, посвященные

публичной дипломатии, опубликованы Н.В. Бурлиновой [1–3], М.М. Лебедевой [4], К.П. Боришполец [5], Н.А. Цветковой [6], А.А. Великой [7], исследователями, представляющими ведущие научные центры МГУ, МГИМО, СПбГУ, РАНХИГС. Отметим, что большой вклад в изучение российской публичной дипломатии внесла кандидат политических наук Н.В. Бурлинова, основавшая общественную организацию «Креативная дипломатия» и ставшая разработчиком образовательного «Курса общественного дипломата». Н.В. Бурлинова отмечает, что «неправительственная организация, чья деятельность связана с международной повесткой или находится в фокусе внешнеполитической тематики, принадлежит к числу НПО-международников» [1]. В 2022 г. исследовательской группой под ее руководством был подготовлен доклад «Практики публичной дипломатии регионов России 2017–2021 гг.», посвященный потенциалу российских регионов с точки зрения их роли в системе публичной дипломатии страны. Значимость некоммерческого сектора для межгосударственного сотрудничества изучается политологами, социологами и историками приграничных регионов: Белгородская область [8], Республика Карелия [9–13], Саратовской области [14] и др.

Не углубляясь в рассмотрение истории происхождения терминов «общественная дипломатия» и «публичная дипломатия», так как подробный анализ можно найти в трудах других исследователей [14–16], остановимся на отличительных особенностях общественной дипломатии (табл. 1). Основное различие скрывается в субъекте международной коммуникации. Так, публичная дипломатия рассматривается как система именно государственных институтов, механизмов и программ, субъектами же общественной дипломатии выступают представители гражданского общества, и это не только некоммерческие организации, но и «частные компании, отдельные группы добровольцев и даже отдельные лица, которые могут влиять на то, как складываются международные коммуникации» [15].

Таблица 1

Определение терминов «общественная» и «публичная» дипломатия

Автор	Общественная дипломатия	Публичная дипломатия
Н.В. Бурлинова	Инструмент формирования международных связей государства за счет проявления гражданской активности различных общественных организаций (в том числе НКО) в культурной, научной, гуманитарной и, как показала практика регионов России, иных областях [2. С. 7]	Государственный внешнеполитический инструмент в формате четко выстроенной системы институтов и коммуникационных каналов взаимодействия и диалога государства с зарубежными обществами в политических целях [1. С. 9]
О.С. Васильева, О.А. Антончева	Неофициальная деятельность как физических, так и юридических лиц, а также других институтов гражданского общества, не зависящих от действующих правительств, направленная в сторону улучшения не только различных форм межгосударственных отношений, но также в сторону улучшения межнациональных коммуникаций [16. С. 197]	Определенные действия, продвигающие национальные интересы государства, позволяющие обеспечить условия безопасности путем исследования иностранного общественного мнения, а также осуществления его информирования и воздействия на источники его формирования [16. С. 198]
Е.Ф. Парубочая, Н.В. Пискунов (российский контекст)	Тесное сотрудничество всех сил гражданского общества для установления внутрисоссийского диалога, а также тесных связей и взаимопонимания с представителями правительств зарубежных государств и зарубежной общественности [15. С. 201]	Тип общественного и межнационального сотрудничества с усиленным использованием всех возможных ресурсов средств массовой информации с целью прямого «насаждения» определенного образа жизни, в том числе демократии и других ценностей [15. С. 201]

Целями и общественной и публичной дипломатии становятся действия по распространению информации и формированию положительного общественного мнения и, как следствие, улучшение межнациональных и

межгосударственных отношений. Различны финансовые, информационные, организационные и кадровые ресурсы, которые есть в распоряжении у государства и гражданского общества.

В ходе информационной работы с населением некоммерческий сектор использует форматы небольших встреч, проводит лектории, кинопоказы, фестивали и выставки. Государство по праву обладает большими ресурсами воздействия на иностранную аудиторию, однако, как показывает сложившаяся международная обстановка, действия государств могут быть заблокированы. Например, на сегодняшний день спонсируемые российскими государственными структурами культурные, образовательные и информационные программы, а также теле- и радиопередачи запрещены в ряде европейских государств. НКО же зачастую продолжают диалог с зарубежными партнерами, в то время как официальные контакты практически сведены к нулю или вообще прекращены.

Государства в реализации своей публичной дипломатии также опираются на работу с диаспорами. Такая политика, сохраняя исторические связи с родиной, проводится и для обеспечения «публичной поддержки внешней политики государства в конкретном зарубежном обществе» [5. С. 47]. Традиционными для российской практики являются ежегодные встречи (отменены в 2020 и 2021 гг. из-за коронавируса) главы МИД России с лидерами некоммерческих организаций, которые занимаются международной деятельностью. На встречах происходит взаимный обмен мнениями: министр озвучивает приоритеты российской внешней политики, лидеры НКО рассказывают о своих проектах, вносят предложения по новым направлениям деятельности и интересуются возможностями поддержки со стороны МИД.

В данной работе будем руководствоваться тем, что термин «общественная дипломатия» представляет собой одно из направлений, но не синоним «публичной дипломатии».

К истории вопроса: общественная дипломатия во времена и после распада СССР

Термин «некоммерческие организации» появился в российском законодательстве лишь в 1991 г., хотя, конечно, общественная деятельность велась и ранее. Расширение контактов русской (российской) общественности с общественностью зарубежных стран, межкультурного диалога и развитие идеи «дружбы народов» происходило в советское время, в период подъема побратимского движения (1950–1960 гг.) и активной работы Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД, ранее Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (1925), а ныне Россотрудничество (2008)). Так, в 1975 г. ССОД включал 63 общества дружбы с отдельными странами, объединившие 25 тыс. предприятий, колхозов, совхозов, учебных заведений, учреждений науки и культуры и свыше 50 млн человек [17]. Массовое участие в деятельности обществ связано с интересом советских граждан к жизни за границей и системной работой, которая была организована ССОД на всех уровнях. Их деятельность курировал отдел пропаганды ЦК КПСС, а информация получала широкое распространение через печатные СМИ. К интересным выводам приходит кандидат исторических наук Т.В. Раева, анализируя активность освещения деятельности ССОД в печати с

1964 по 1982 г. Признавая ССОД важным инструментом культурной дипломатии СССР, историк указывает на их квазиобщественный характер, организационную, идеологическую и финансовую зависимость от партийно-государственных структур. В период брежневского застоя появились «практики воображаемого международного сотрудничества» и «виртуальной коммуникации», а именно освещение конференций, ведение переписки, создание символов дружбы и др. Все эти шаги были призваны структурировать образ ССОД в качестве «активного участника международной коммуникации, надежного проводника мира и дружбы, канал для рассказа иностранцам “правды” об СССР» [18. С. 45].

Историк О.В. Чижикова выделяет следующие направления работы отделений обществ дружбы: организация взаимных туристических поездок и обмен официальными делегациями; налаживание прямых контактов между учреждениями; знакомство общественности СССР с языками, жизнью и достижениями зарубежных стран; информационно-пропагандистская работа с иностранцами (туристами, зарубежными студентами) по ознакомлению их с историей, культурой и жизнью народов СССР, внутренней и внешней политикой; организация интернациональных творческих объединений и курсов по изучению русского языка. Она же описывает различные формы и методы работы обществ дружбы: «проведение дней, недель, декад СССР за рубежом, выставок, кинофестивалей, конференций, митингов, торжественных вечеров, посвященных национальным праздникам и памятным датам СССР, а также других международных и региональных мероприятий» [19. С. 60].

После распада Советского Союза установленные контакты сохранились, а члены обществ дружбы продолжили развивать сотрудничество, регистрируя новые некоммерческие организации. Однако, лишившись финансирования и информационной поддержки от государства, они были вынуждены или обращаться к помощи из-за рубежа, или рассчитывать на собственные силы.

Зарубежные организации в это время стали активно поддерживать процесс реформ в России, расширив тем самым круг участников международного сотрудничества. Например, российский некоммерческий сектор получил возможность финансирования проектов развития гражданского общества по линии таких европейских культурных организаций, как Национальное шведское агентство международного развития, Шведский институт, Совет министров северных стран, Институт Гете, Британский совет и многих других. Стоит отметить, что данные институты получают финансирование от правительств своих стран, а их деятельность относится к публичной дипломатии, так как направлена на практическую реализацию политики стран по продвижению национальной культуры, языка и образа жизни за рубежом. Обширен спектр тематик, по которым осуществлялась зарубежная поддержка: экология, образование, культура, здравоохранение, социальное благополучие и т.д. Американские фонды и программы были больше нацелены на борьбу с коррупцией, гражданское образование, распространение демократических идей и ценностей, свободу объединений и информации, права человека, верховенство закона и политических институтов.

В период 1990–2000-х гг. российские общественные организации, действующие в интересах разных социальных групп, активно обращаются к международной помощи и улучшают свои компетенции в работе с международным сообществом: знание языков, деловой культуры и национальных типов поведения.

Только с начала 2000-х гг. в России появляются первые частные и государственные фонды, которые начинают вы-

давать финансовые средства на краткосрочные и долгосрочные общественные проекты. С 2010 г. формируется система государственных институтов развития публичной дипломатии, оказывающих грантовую поддержку российским и зарубежным НКО-международникам (см. табл. 2).

Подробнее об организационном выражении политики «мягкой силы» современной России можно посмотреть в работе А.П. Ворочкова [20].

Таблица 2

Ключевые государственные институты (грантодатели) для НКО-международников (год основания) *

№	Учредители	Миссия	Задачи
Фонд – оператор президентских грантов по развитию гражданского общества (2017)**			
1	Движение «Гражданское достоинство» Союз пенсионеров России. Союз женщин России. Российский союз ректоров. Лига здоровья нации. Национальный благотворительный фонд. Благотворительный фонд «Покров»	Создание условий и возможностей для самореализации инициативных и неравнодушных людей в некоммерческом секторе	– Обеспечение поддержки некоммерческих организаций. – Развитие системы компетенций в сфере социального проектирования и управления проектами. – Повышение эффективности решения социальных проблем на основе объединения усилий и партнерства. – Распространение лучших практик грантовой деятельности. – Развитие благотворительности и добровольчества
Фонд «Русский мир» (2007 г.)			
2	МИД РФ Минпросвещения России	Популяризация русского языка, являющегося национальным достоянием России и важным элементом российской и мировой культуры, и поддержка программ изучения русского языка за рубежом	– Поддержка общественных и некоммерческих организаций, профессиональных объединений, научных и образовательных учреждений, предметом деятельности которых являются исследование русского языка и литературы, исследование истории и современной России. – Содействие распространению объективной информации о современной России, российских соотечественниках и формированию на этой основе благоприятного по отношению к России общественного мнения. – Поддержка деятельности российских диаспор за рубежом по сохранению их культурной идентичности и русского языка как средства межнационального общения, содействие установлению климата межнационального уважения и мира и др.
Фонд поддержки публичной дипломатии им. Горчакова (2010 г.)			
3	МИД РФ	Развитие публичной дипломатии, содействие формированию благоприятного для России общественного, политического и делового климата за рубежом	– Содействие продвижению социальных, культурных, образовательных, научных и управленческих программ в сфере международных отношений. – Участие в анализе экономического и общественно-политического положения, инвестиционного и инновационного потенциала в России и за рубежом, консалтинге и мониторинге актуальных процессов публичной дипломатии. – Оказание финансовой, методической и организационной поддержки заинтересованным отечественным организациям, выступающим с инициативными предложениями, соответствующими уставным целям Фонда. – Содействие формированию благоприятного для России общественного мнения за рубежом. – Содействие продвижению интеллектуального, культурного, научного и делового потенциала России за рубежом и др.
Некоммерческое партнерство «Российский совет по международным делам» (2010 г.)			
4	МИД РФ Минобрнауки РФ РАН Общероссийская общественная организация «Российский союз промышленников и предпринимателей»; ЗАО «Интерфакс»	Связующее звено между государством, экспертным сообществом, бизнесом и гражданским обществом в решении внешнеполитических задач	– Исследовательская работа и международная экспертиза. – Работа с университетами и молодежью. – Коммуникационная деятельность. – Международная деятельность
Фонд культурных инициатив (2021 г.)			
5	Фонд – оператор президентских грантов по развитию гражданского общества	Обеспечение всесторонней поддержки проектов в области культуры, искусства и креативных (творческих) индустрий, реализуемых некоммерческими организациями (за исключением государственных учреждений, государственных корпораций, государственных компаний, политических партий), коммерческими организациями и индивидуальными предпринимателями	Проекты должны соответствовать одному из девяти тематических направлений: «Нация созидателей», «Великое русское слово», «Я горжусь», «Место силы», «Культурный код», «Молодые лидеры», «История страны: история преодолений и побед. Вехи», «Многоязычный народ», «Мы – вместе»

Примечание: *Таблица составлена на основе официальных сайтов организаций. **С 2006 г. было привлечено несколько организаций-операторов.

Таким образом, в России создана и функционирует целая система государственных институтов развития, которая предоставляет на конкурсной основе гранты на реализацию международных общественных инициатив. Гранты как мера поддержки «третьего сектора» предусматривают механизм адресной поддержки и финансируют не только крупные проекты, но и локальные. В последние несколько лет отмечается рост деятельности некоммерческих организаций и их участия в конкурсах президентских грантов, особенно возросло количество малых грантов и проектов в регионах [21. С. 110; 22. С. 81].

Методика исследования и данные

Впервые предложен подход к формированию комплексного представления о государственной поддержке общественной дипломатии на основе анализа реализованных за период 2017–2023 гг. проектов Фонда президентских грантов (ФПГ). Кроме того, исследование позволило выявить перспективные направления грантовой деятельности ФПГ «развитие общественной дипломатии и поддержка соотечественников», основные каналы взаимодействия, особенности реализации грантов.

Цель исследования – сформировать комплексное представление о развитии общественной дипломатии и поддержки соотечественников на основе анализа реализованных при поддержке ФПГ проектов за период 2017–2023 гг. Для достижения поставленной цели в работе последовательно рассмотрены следующие ключевые аспекты развития общественной дипломатии и поддержки соотечественников в рамках ФПГ:

- количественные аспекты: динамика числа поддержанных проектов за период 2017–2023 гг.;
- географические аспекты: регионы – победители проектов за период 2017–2023 гг. и зарубежные государства, вовлеченные в реализацию проектных заявок;
- экономические аспекты: доля средств от общего бюджета президентских грантов на реализацию проектов общественной дипломатии; динамика финансирования проектов за период 2017–2023 гг.;
- тематические аспекты: направления и форматы работы общественных организаций;
- целевой аспект: целевая аудитория проектов.

Информационную базу исследования составляют официальные открытые данные ФПГ по направлению «развитие общественной дипломатии и поддержка соотечественников». Временной период исследования – 2017–2023 гг., последний год представлен лишь первым конкурсом, что ограничено наличием данных на сайте Фонда. В качестве второго ограничения исследования можно выделить фокусирование исключительно на деятельности Фонда президентских грантов, за рамками настоящей работы остаются иные механизмы поддержки данного направления. Третьим ограничением исследования является анализ географии регионов только поддержанных грантовых заявок, детализации не поддержанных проектов произведено не было.

В работе рассчитаны медианные показатели.

Научно-практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных результатов исследования как органами федеральной и региональной власти для совершенствования существующих мер поддержки общественной дипломатии, так и собственно НКО для активизации грантозаявительной деятельности и расширения возможности финансирования проектов.

Развитие общественной дипломатии и поддержка соотечественников: Фонд президентских грантов

Фонд президентских грантов является единым оператором государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций в Российской Федерации с 3 апреля 2017 г. До 2017 г. конкурсы на президентские гранты организовывались несколькими операторами. Впервые конкурс президентских грантов состоялся в 2006 г. Тогда финансирование в размере 472,7 млн руб. получили 1 тыс. 54 некоммерческих организаций. Всего в 2006–2016 гг. было выдано 11 тыс. 467 президентских грантов на общую сумму в 22,6 млрд руб. В число операторов входили Российский союз молодежи, Российский союз ректоров, Союз пенсионеров России, Союз женщин России и др. [23].

Фонд на конкурсной основе выделяет гранты Президента Российской Федерации на реализацию социально значимых проектов некоммерческих неправительственных организаций и способствует развитию сектора таких организаций, благотворительности, добровольчества, в том числе через софинансирование поддержки общественных инициатив, оказываемой органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации (региональными операторами). Миссия фонда – «создание условий и возможностей для самореализации инициативных и неравнодушных людей в некоммерческом секторе» [24].

В сложившихся в последнее время внешнеполитических условиях инструменты для поддержания открытого диалога и сохранения климата доверия между региональными сообществами России и иностранных государств оказываются весьма ограничены. В силу изменения геополитической обстановки произошло сокращение числа программ и инструментов для финансирования международных проектов [25].

Направление грантовой деятельности «развитие общественной дипломатии и поддержка соотечественников» является приоритетным направлением ФПГ с самого начала его существования. В качестве основных тематик направления «развитие общественной дипломатии и поддержка соотечественников» следует выделить:

- «формирование практики общественной дипломатии в современных условиях;
- поддержка и развитие гражданской активности, направленной на реализацию социальных, культурных, образовательных, просветительских, экологических инициатив на территории иностранных государств;
- продвижение успешных социальных технологий и проектов российских некоммерческих организаций на международных площадках;

– международное сотрудничество институтов гражданского общества, в том числе разработка и реализация партнерских программ обучения, стажировок;
 – развитие межрегиональных побратимских связей как инструмента развития общественной дипломатии;
 – защита прав и интересов соотечественников, проживающих за рубежом» [26].

Практика реализации проектов

Учитывая, что направление «развитие общественной дипломатии и поддержка соотечественников» является приоритетным для Фонда президентских грантов, конкурс проектов начался с первого раунда 2017 г.

Так, за исследуемый период 2017–2023 гг. совокупно по данному направлению было поддержано и реализовано 554 гранта (рис. 1), при этом количество поданных

грантов составляет более 2,6 тыс. заявок. Наибольшее число поданных на рассмотрение и поддержанных грантовых заявок фиксируется в 2022 г. (соответственно 731 и 130), когда исследуемое направление было также выделено в специальном конкурсе Фонда. В среднем за один раунд победителями становятся 34–35 проектов, число поданных на конкурс порядка 178–179 заявок. Доля одобренных для финансирования грантов в общем числе поданных заявок колеблется в пределах от 13,4% (первый конкурс 2017 г. и второй конкурс 2022 г.) до 31,3% (второй конкурс того же года). Таким образом, практически каждый пятый проект, представленный на конкурс, поддерживается Фондом для реализации (медиана 18,5%).

География поддержанных грантовых заявок может быть рассмотрена в двух ракурсах: в срезе регионов-победителей и в срезе зарубежных государств, вовлеченных в реализацию поддержанных проектов.

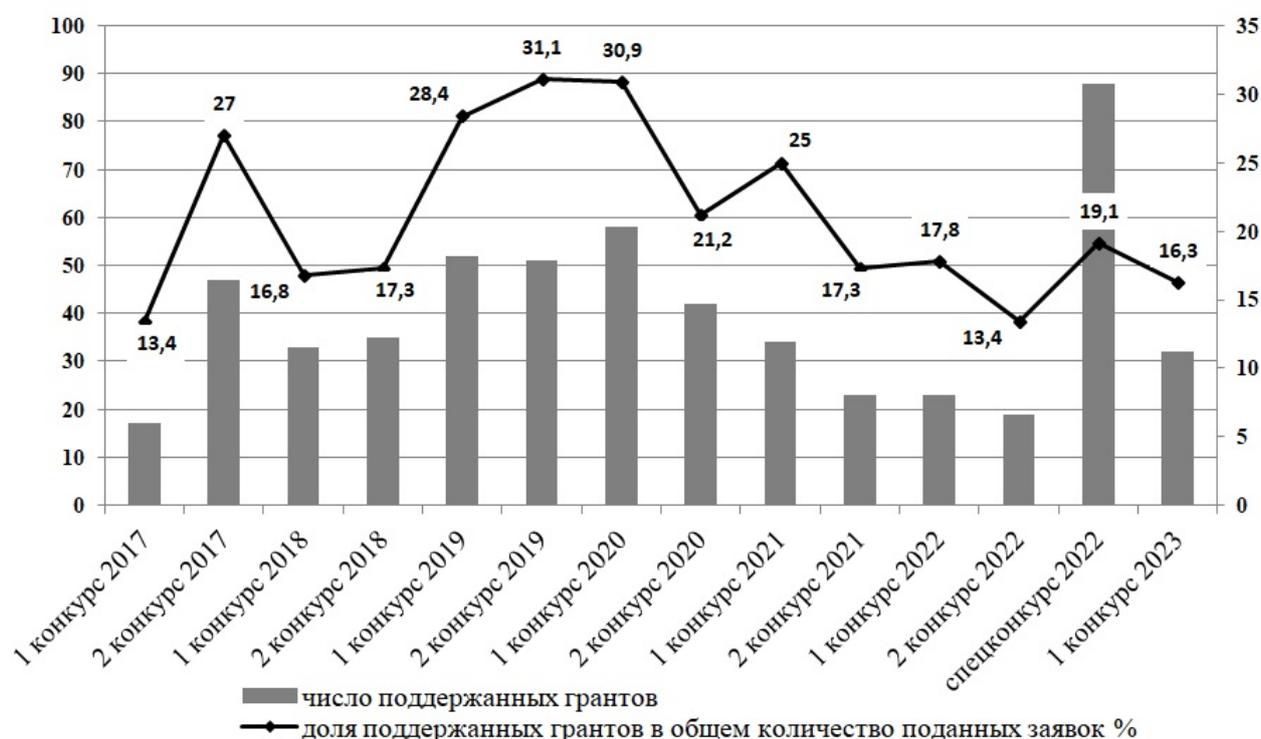

Рис. 1. Динамика поддержанных Фондом президентских грантов проектов по направлению «развитие общественной дипломатии и поддержка соотечественников» за период 2017–2023 гг.

Большинству российских регионов (74,1% или 63 субъекта РФ) удалось привлечь финансовую поддержку на реализацию крупных и локальных проектов по направлению «развитие общественной дипломатии и поддержка соотечественников». Вместе с тем четверть субъектов РФ (22 региона) ни разу за период действия конкурса Фонда президентских грантов не стали победителями в данном направлении.

Анализ регионов-победителей по исследуемому направлению грантовой поддержки выявляет ярко выраженную асимметрию, когда 40% или 229 проектов из общего числа поддержанных за период 2017–2023 гг. Фондом аффилируются к московским орга-

низациям (рис. 2.). При этом опережение Санкт-Петербурга (23 проекта или 4,2%), Свердловской и Смоленской областей (20 проектов или 3,6%) по данному показателю составляет десять раз. Таким образом, на 20 российских регионов (победители более чем шести грантов) приходится 80% поддержанных проектных заявок.

Вместе с тем следует акцентировать внимание, что география участвующих в реализации поддержанных проектов регионов значительно шире (в отдельных кейсах включенность всех субъектов РФ).

В разрезе географии территорий развития общественной дипломатии и поддержки соотечественни-

ков в рамках Фонда президентских грантов в мировом масштабе также выявляется достаточная разнородность: от локальных проектов (регион РФ) до широкой представительности реализации проектов за рубежом (порядка 50 государств). Анализ поддержанных проектных заявок в фокусе участия зару-

бежных представителей выявляет достаточно высокую долю вовлеченности граждан иностранных государств. Так, лишь четверть поддержанных проектных заявок исследуемого направления не вовлекают в их реализацию зарубежных участников (медиана 79,2%. Рис. 3).

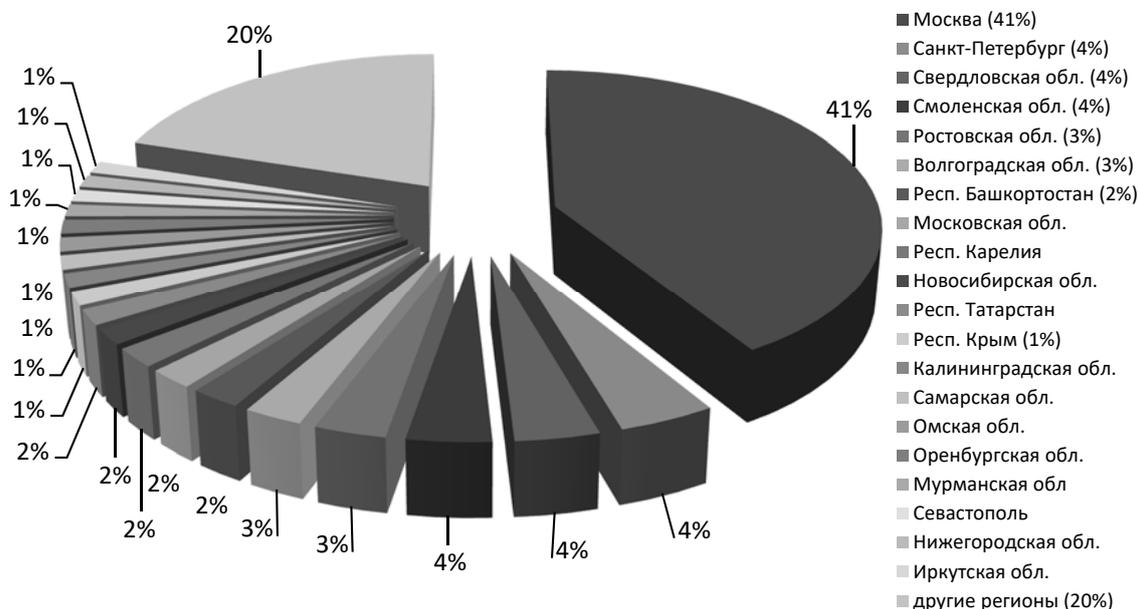

Рис. 2. География регионов – победителей грантовых заявок по направлению «развитие общественной дипломатии и поддержка соотечественников» за период 2017–2023 гг.

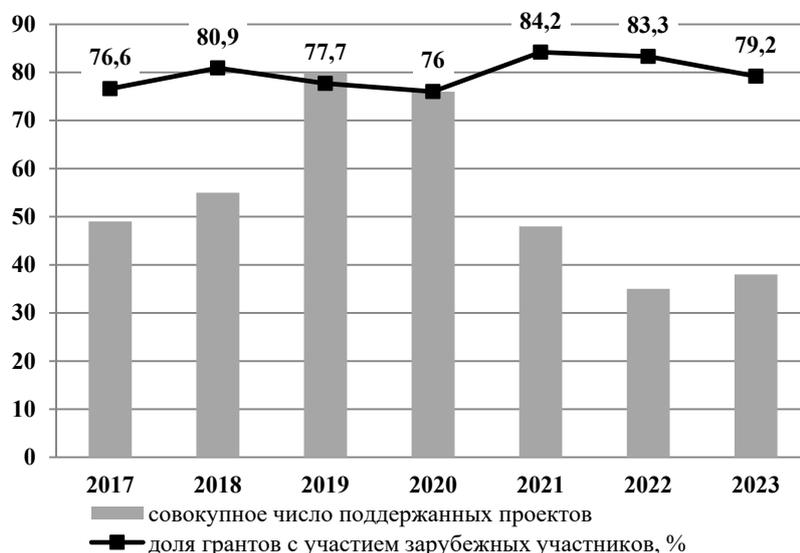

Рис. 3. Доля поддержанных проектных заявок с участием зарубежных участников за период 2017–2023 гг. (на графике не учтен специальный конкурс 2022 г.)

Масштабность географического охвата реализации проектов исследуемого направления показательна. Так, согласно данным Фонда, представители всех частей света в большей или меньшей степени были включены в проектную деятельность по исследуемому направлению за период 2017–2023 гг. Лидирующие позиции среди зарубежных государств, принимавших

участие в реализации проектов, занимают страны СНГ: республики Казахстан (более 130 проектов или 23% от общего числа выигранных заявок данного направления), Беларусь (18%), Кыргызстан (16%), Армения и Узбекистан (12%), Таджикистан (10%), Азербайджан и

Молдова (8%). Среди стран дальнего зарубежья со значительным опережением лидирует Германия (12%), далее следуют Франция и Сербия (7%).

Рассмотрение поддержанных проектов в фокусе объемов финансирования Фондом президентских грантов выявляет несколько интересных моментов (рис. 4).

В первую очередь выделяется высокое число выигравших проектов в 2019–2020 гг. (104 и 101 проект, соответственно) при высоких показателях финансирования исследуемого направления (более 310 млн руб. в год). Во-вторых, произошло резкое сокращение числа поддержанных Фондом проектов во время COVID-19 и в постпандемийный период. Так, в 2020–2022 гг. наблюдается резкое сокращение как числа поддержанных проектов (76–48–35 соответственно), так и числа

поданных на конкурс грантовых заявок (100–57–42) (подробнее см. рис. 1). В-третьих, расчет среднего объема финансирования на один грант наглядно демонстрирует усиливающуюся роль направления «развитие общественной дипломатии и поддержки соотечественников» в политике Фонда президентских грантов, исходя из национальных интересов в сфере международных отношений. Так, показатель «среднее значение объема финансирования на один проект» за период 2017–2023 гг. моделируется линией тренд: $y = 378,4x + 2312,3$ ($R^2 = 0.7505$). Лидерство в финансовом разрезе демонстрирует 2022 г., что во многом обусловлено низким числом поддержанных проектов (всего 43) за весь период наблюдения (в представленном распределении не учтен Специальный конкурс 2022 г.).

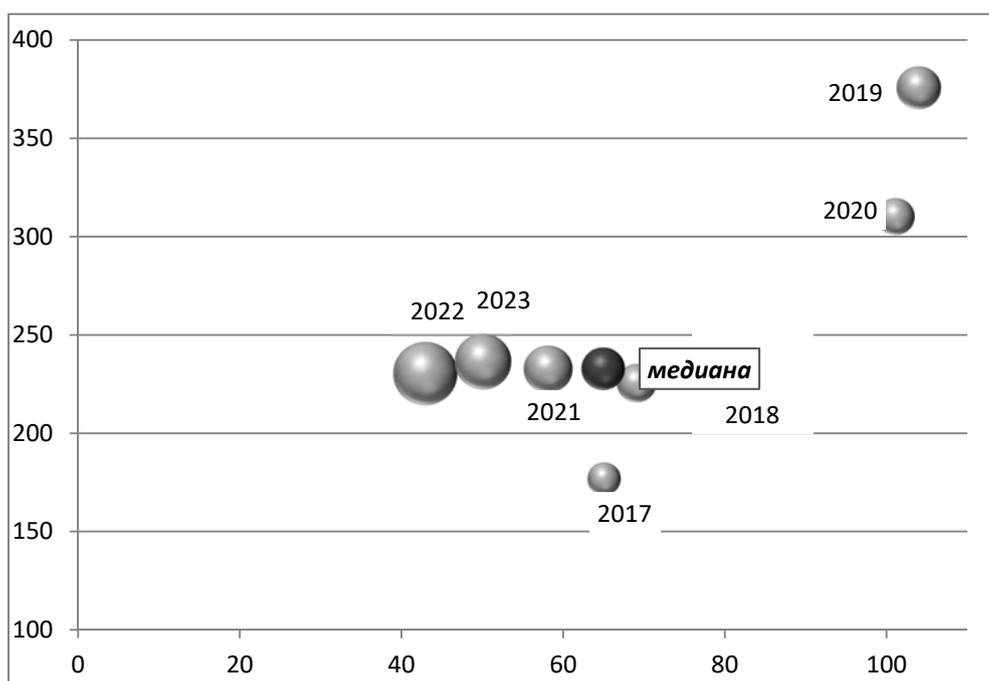

Рис. 4. Распределение поддержанных проектов по направлению «развитие общественной дипломатии и поддержка соотечественников» в разрезе финансирования по годам, где: по оси X – число поддержанных проектов, ед.; по оси Y – общий объем финансирования, млн руб.; размер шарика – среднее значение объема финансирования на один проект (на графике не учтен специальный конкурс 2022 г.)

Обзор проектов грантового конкурса по выбранному направлению показывает, что общественной дипломатией в Российской Федерации зачастую занимаются организации, не ставящие своей основной целью развитие международных контактов, но стремящиеся познакомить зарубежную аудиторию с богатым российским наследием в области культуры, искусства, истории и др. В проектах общественной дипломатии уделяется внимание проблемам сохранения за рубежом русской этнокультурной идентичности, укрепления позиций русского языка и русской культуры, развития образа России как толерантной демократической державы с богатейшим историко-культурным наследием, готовой открыто вести конструктивный межнациональный диалог.

В связи с тем, что проекты направлены на информирование населения и формирование образа России, в них принимают участие журналисты, преподаватели, например, русского языка как иностранного, а также артисты,

художники и музыканты. Мероприятия проектов проходят как на территории России с участием иностранных делегаций, так и на территории других стран. Наиболее популярные форматы: международные форумы, экспедиции и лагеря, культурно-образовательные и научные проекты, игры и медиашколы, фестивали и спортивные мероприятия. Целями проектов становятся развитие культурно-гуманитарного сотрудничества посредством информационной работы с населением, расширение взаимодействия и обмен опытом в различных сферах общественной жизни. Целевыми группами являются молодежь, студенты, российские и зарубежные эксперты, СМИ. Сквозными тематиками проходят вопросы популяризации русского языка и укрепления исторической памяти. В 2023 г. большая часть проектов, поддержанных по направлению «развитие общественной дипломатии и поддержка соотечественников», затрагивает территории ДНР и ЛНР и помощь их жителям.

Заключение

Среди российских общественных организаций следует выделить те, которые на протяжении многих лет ведут деятельность по сохранению контактов с соотечественниками и развивают добрососедские отношения с зарубежными государствами, руководствуясь в своей деятельности приоритетным направлением внешней политики Российской Федерации. Такое направление дипломатии некоммерческих организаций, наряду с официальным курсом государственных учреждений, получило наименование «общественная дипломатия». С учетом исторического опыта в России сложилась система государственных институтов поддержки общественной дипломатии.

На основе предложенного подхода, учитывающего теоретические наработки и российскую практику реализации проектов по направлению «развитие общественной дипломатии и поддержки соотечественников за рубежом», финансируемых Фондом президентских грантов за период 2017–2023 гг., сформировано представление о ее развитии и поддержке в государстве. Анализ реализованных за период 2017–2023 гг. проектов развития общественной дипломатии и поддержки соотечественников Фонда президентских грантов с

учетом количественных, географических, экономических, тематических и целевых аспектов в рамках ФПП позволил выделить несколько основных тенденций развития общественной дипломатии:

- усиливающаяся роль направления в политике Фонда президентских грантов, исходя из национальных интересов в сфере международных отношений;
- устойчивый тренд поддержки проектов с географическим вектором на страны СНГ и Азии;
- наметившаяся с 2022 г. тенденция снижения проектов с европейскими государствами.

Кроме того, выделяется ряд регионов – лидеров по количеству проектов-победителей (Москва, Свердловская область), при этом география участвующих в реализации поддержанных проектов регионов значительно шире (в отдельных кейсах включенность всех субъектов РФ).

Резюмируя, мы выявили перспективные направления грантовой деятельности Фонда президентских грантов: «развитие общественной дипломатии и поддержка соотечественников», основные каналы взаимодействия, особенности и имеющиеся вызовы при реализации грантов. Следует подчеркнуть, что в эпоху международной турбулентности проекты общественной дипломатии приобретают особую значимость и актуальность, открывая новые возможности для развития контактов между регионами России и стран мира.

Список источников

1. Бурлинова Н.В. Курс общественного дипломата : учеб.-метод. материалы. М. : НП РСМД, 2017. 76 с.
2. Практики публичной дипломатии регионов России 2017–2021 гг. : доклад № 86 / Н.В. Бурлинова, Д.Е. Божко, В.Н. Табак и др.; под ред. Е.О. Карпинской, Е.С. Швецово, С.М. Гавриловой. М. : НП РСМД, 2022. 80 с.
3. Российские НПО-международники в системе публичной дипломатии России: типология, проблемы взаимодействия с государством и внешний образ в условиях санкций : доклад № 81 / Н.В. Бурлинова; под ред. Е.О. Карпинской, Е.С. Швецово, И.А. Цымбал. М. : НП РСМД, 2022. 38 с.
4. Лебедева М.М. «Мягкая сила» : понятие и подходы // Вестник МГИМО. 2017. № 3 (54). С. 212–223
5. Боришполец К.П. Публичная дипломатия на пространстве ЕАЭС: осмысление феномена и тенденций развития // Вестник МГИМО. 2015. № 5 (44). С. 42–55. doi: 10.24833/2071-8160-2015-5-44-42-55
6. Цветкова Н.А. Программы Web 2.0 в публичной дипломатии США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2011. № 3. С. 109–122.
7. Великая А. Публичная дипломатия России и США: сравнительные аспекты двух систем и роль в развитии двустороннего диалога // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2019. № 4. С. 500–517.
8. Сапрыка В.А., Вавилов А.Н., Пастюк А.В. Общественная дипломатия приграничных регионов России // Международные процессы. 2017. № 2. С. 119–132.
9. Кондратьева С.В. Побратимские связи в развитии добрососедских отношений: практика карельско-финляндского взаимодействия // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 143–156. doi: 10.17223/15617793/481/17
10. Кондратьева С.В. Российско-Финляндский культурный форум как площадка диалога и развития сотрудничества : опыт Республики Карелия // Общественные науки и современность. 2020. № 5. С. 142–154. doi: 10.31857/S086904990010893-4
11. Черненко Е.И., Иноземцева В.А., Лаврушина Н.В. Экспертно-аналитическое сопровождение проектной деятельности в сфере общественной дипломатии (случай Республики Карелия) // Побратимство городов: состояние, возможности развития, вызовы, приоритеты : международная научно-практическая конференция, Москва; Тюмень, 23–24 апреля 2021 года. Тюмень : Тюмен. гос. ун-т, 2021. С. 115–122.
12. Черненко Е.И., Лаврушина Н.В., Шлапек Е.А. «Третий сектор» в развитии общественной дипломатии: опыт Республики Карелия // «Сквозь национальные границы: актуальный взгляд на дипломатию негосударственных акторов». М. : ИНФРА-М, 2022. С. 131–165.
13. Шлапек Е.А. Институт общественной дипломатии и его место в трансграничном социокультурном пространстве // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 1 (40). С. 152–162.
14. Вилков А.А. Проблематика общественной дипломатии в политическом и научном дискурсе современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2018. Т. 18, № 2. С. 184–188. doi: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-184-188
15. Парубочая Е.Ф., Пискунов Н.В. Общественная дипломатия как инструмент реализации российской «мягкой силы» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, № 6. С. 197–207. doi: 10.15688/jvolsu4.2018.6.1
16. Васильева О.С., Антончева О.А. Концепт общественной дипломатии // Научные труды Северо-Западного института управления РАН-ХиГС. 2019. Т. 10, № 4 (41). С. 196–205.
17. История российской ассоциации международного сотрудничества // Российская ассоциация международного сотрудничества. URL: <http://rams-international.ru/history/> (дата обращения: 04.09.2023).
18. Раева Т.В. «Дружбе не страшны расстояния»: особенности освещения деятельности Союза советских обществ дружбы в центральных газетах брежневского периода // Управление в современных системах. 2017. № 4 (15). С. 39–46.
19. Чижикова О.В. Деятельность советских обществ дружбы и культурной связи со странами Азии в Приангарье в 60–80-е гг. XX в. (опыт сравнительного анализа) // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 2 (10). С. 59–64.
20. Ворочков А.П. Институциональное измерение политики «мягкой силы» : методика анализа и российский опыт // Управленческое консультирование. 2021. № 7 (151). С. 80–97.

21. Кобыльников В.П. Актуальные проблемы финансовой поддержки некоммерческого сектора региона (на примере предоставления «президентских грантов») // Проблемы развития территории. 2019. № 1 (99). С. 107–120. doi: 10.15838/ptd.2019.1.99.7
22. Смирнов В.А. Эффективность грантовой поддержки российских социально-ориентированных некоммерческих организаций (на примере Фонда президентских грантов) // Социологические исследования. 2020. № 9. С. 79–89. doi: 10.31857/S013216250009619-3
23. Президентские гранты для НКО. Досье // ТАСС. 21.11.2017. URL: <https://tass.ru/info/4483700> (дата обращения: 10.09.2023).
24. О Фонде // Фонд президентских грантов. URL: <https://xn--80afcd6balict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/home/about> (дата обращения: 10.09.2023).
25. Шлапеко Е.А., Артеев С.П., Кондратьева С.В. Динамика развития общественной дипломатии в качестве инструмента «мягкой силы» в современных международно-политических реалиях: кейс Республики Карелия // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 4. С. 560–579. doi: 10.17072/2218-9173-2023-4-560-579
26. Развитие общественной дипломатии и поддержка соотечественников // Фонд президентских грантов. URL: <https://xn--80afcd6balict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/contest/directions/diplomacy> (дата обращения: 10.09.2023).

References

1. Burlinova, N.V. (2017) *Kurs obshchestvennogo diplomata* [Course of the Public Diplomat]. Moscow: NP RSMD.
2. Karpinskaya, E.O., Shvetsova, E.S. & Gavrilova, S.M. (eds) (2022) *Praktiki publichnoy diplomatii regionov Rossii 2017–2021 gg.: doklad No. 86* [Practices of Public Diplomacy of the Regions of Russia 2017–2021: report No. 86]. Moscow: NP RSMD.
3. Karpinskaya, E.O., Shvetsova, E.S. & Tsymbal, I.A. (eds) (2022) *Rossiyskie NPO-mezhdunarodniki v sisteme publichnoy diplomatii Rossii: tipologiya, problemy vzaimodeystviya s gosudarstvom i vneshniy obraz v usloviyakh sanktsiy: doklad No. 81* [Russian International NGOs in the System of Public Diplomacy of Russia: Typology, problems of interaction with the state and external image under sanctions: report No. 81]. Moscow: NP RSMD.
4. Lebedeva, M.M. (2017) “Myagkaya sila”: ponyatie i podkhody [“Soft Power”: Concept and approaches]. *Vestnik MGIMO*. 3 (54). pp. 212–223
5. Borishpolets, K.P. (2015) Publichnaya diplomatiya na prostranstve EAES: osmyslenie fenomena i tendentsiy razvitiya [Public diplomacy in the EAEU space: understanding the phenomenon and development trends]. *Vestnik MGIMO*. 5 (44). pp. 42–55. doi: 10.24833/2071-8160-2015-5-44-42-55
6. Tsvetkova, N.A. (2011) Programmy Web 2.0 v publichnoy diplomatii SSHA [Web 2.0 programs in US public diplomacy]. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*. 3. pp. 109–122.
7. Velikaya, A.A. (2019) Publichnaya diplomatiya Rossii i SSHA: sravnitel'nye aspekty dvukh sistem i rol' v razvitii dvustoronnego dialoga [Public diplomacy of Russia and the USA: comparative aspects of the two systems and the role in the development of bilateral dialogue]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 4. pp. 500–517.
8. Sapryka, V.A., Vavilov, A.N. & Pastyuk, A.V. (2017) Obshchestvennaya diplomatiya prigranichnykh regionov Rossii [Public diplomacy of Russia's border regions]. *Mezhdunarodnye protsessy*. 2. pp. 119–132.
9. Kondrat'eva, S.V. (2022) Sister city connections in the development of benevolent relations: The practice of Karelian-Finnish interaction. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 481. pp. 143–156. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/481/17
10. Kondrat'eva, S.V. (2020) Rossiysko-Finlyandskiy kul'turnyy forum kak ploshchadka dialoga i razvitiya sotrudnichestva: opyt Respubliki Kareliya [Russian-Finnish Cultural Forum as a Platform for Dialogue and Development of Cooperation: the Experience of the Republic of Karelia]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. 5. pp. 142–154. doi: 10.31857/S086904990010893-4
11. Chernenkova, E.I., Inozemtseva, V.A. & Lavrushina, N.V. (2021) [Expert and analytical support for project activities in the sphere of public diplomacy (the case of the Republic of Karelia)]. *Pobratimstvo gorodov: sostoyanie, vozmozhnosti razvitiya, vyzovy, priorityety* [Twinning of Cities: Status, development opportunities, challenges, priorities]. Proceedings of the International Conference. Moscow; Tyumen. 23–24 April 2021. Tyumen: Tyumen State University. pp. 115–122. (In Russian).
12. Chernenkova, E.I., Lavrushina, N.V. & Shlapeko, E.A. (2022) “Tretiy sektor” v razvitii obshchestvennoy diplomatii: opyt Respubliki Kareliya [“Third Sector” in the Development of Public Diplomacy: the Experience of the Republic of Karelia]. In: Pustoshinskaya, O.S. (ed.) *Skvoz' natsional'nye granitsy: aktual'nyy vzglyad na diplomatiyu negosudarstvennykh aktorov* [Across National Borders: An actual look at the diplomacy of non-state actors]. Moscow: INFRA-M. pp. 131–165.
13. Shlapeko, E.A. (2017) Institut obshchestvennoy diplomatii i ego mesto v transgranichnom sotsiokul'turnom prostranstve [The Institute of Public Diplomacy and its Place in the Transborder Sociocultural Space]. *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. 1 (40). pp. 152–162.
14. Vilkov, A.A. (2018) Problematika obshchestvennoy diplomatii v politicheskom i nauchnom diskurse sovremennoy Rossii [Problems of Public Diplomacy in the Political and Scientific Discourse of Modern Russia]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*. 2 (18). pp. 184–188. doi: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-184-188
15. Parubochaya, E.F. & Piskunov, N.V. (2018) Obshchestvennaya diplomatiya kak instrument realizatsii rossiyskoy “myagkoy sily” [Public diplomacy as a tool for implementing Russian “soft power”]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 6 (23). pp. 197–207. doi: 10.15688/jvolsu4.2018.6.1
16. Vasil'eva, O.S. & Antoncheva, O.A. (2019) Kontsept obshchestvennoy diplomatii [The concept of public diplomacy]. *Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANKhiGS*. 4–10 (41). pp. 196–205.
17. Rossiyskaya assotsiatsiya mezhdunarodnogo sotrudnichestva [Russian Association for International Cooperation]. (n.d.) Istoriya rossiyskoy assotsiatsii mezhdunarodnogo sotrudnichestva [History of the Russian Association for International Cooperation]. *Rossiyskaya assotsiatsiya mezhdunarodnogo sotrudnichestva* [Russian Association for International Cooperation]. [Online] Available from: <http://rams-international.ru/history/> (Accessed: 04.09.2023).
18. Raeva, T.V. (2017) “Druzhbe ne strashny rasstoyaniya”: osobennosti osveshcheniya deyatelnosti Soyuzov sovetskikh obshchestv druzhby v tsentral'nykh gazetakh brezhnevskogo perioda [“Friendship is not afraid of distances”: features of coverage of the activities of the Union of Soviet Friendship Societies in the central newspapers of the Brezhnev period]. *Upravlenie v sovremennykh sistemakh*. 4 (15). pp. 39–46.
19. Chizhikova, O.V. (2010) Activity of the soviet societies of friendship and cultural relations with the countries of Asia in Priangarje in the 1960–1980s (experience of comparative analysis). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2 (10). pp. 59–64. (In Russian).
20. Vorochkov, A.P. (2021) Institutional'noe izmerenie politiki “myagkoy sily”: metodika analiza i rossiyskiy opyt [Institutional dimension of the “soft power” policy: analysis methods and Russian experience]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 7 (151). pp. 80–97.
21. Kobyl'nikov, V.P. (2019) Aktual'nye problemy finansovoy podderzhki nekommercheskogo sektora regiona (na primere predostavleniya “prezidentskikh grantov”) [Actual problems of financial support for the regional non-profit sector (using the example of providing “presidential grants”)]. *Problemy razvitiya territorii*. 1 (99). pp. 107–120. doi: 10.15838/ptd.2019.1.99.7
22. Smirnov, V.A. (2020) Effektivnost' grantovoy podderzhki rossiyskikh sotsial'no-orientirovannykh nekommercheskikh organizatsiy (na primere Fonda prezidentskikh grantov) [Efficiency of grant support for Russian socially oriented non-profit organizations (using the example of the Presidential Grants Fund)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 9. pp. 79–89. doi: 10.31857/S013216250009619-3
23. TASS. (2017) Prezidentskie granty dlya NKO. Dos'e [Presidential grants for NPOs. Dossier]. TASS. 21 November. [Online] Available from: <https://tass.ru/info/4483700> (Accessed: 10.09.2023).

24. Fond prezidentskikh grantov [Presidential Grants Fund]. (n.d.) O Fonde [About the fund]. *Fond prezidentskikh grantov* [Presidential Grants Fund]. [Online] Available from: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/home/about> (Accessed: 10.09.2023).
25. Shlapenko, E.A., Arteev, S.P. & Kondrat'eva, S.V. (2023) Dinamika razvitiya obshchestvennoy diplomatii v kachestve instrumenta "myagkoy sily" v sovremennykh mezhdunarodno-politicheskikh realiyakh: keys Respubliki Kareliya [Dynamics of the development of public diplomacy as an instrument of "soft power" in modern international political realities: the case of the Republic of Karelia]. *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya)*. 4 (15). pp. 560–579. doi: 10.17072/2218-9173-2023-4-560-579
26. Fond prezidentskikh grantov [Presidential Grants Fund]. (n.d.) Razvitie obshchestvennoy diplomatii i podderzhka sootchestvennikov [Development of public diplomacy and support for compatriots]. *Fond prezidentskikh grantov* [Presidential Grants Fund]. [Online] Available from: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/contest/directions/diplomacy> (Accessed: 10.09.2023).

Информация об авторах:

Шлапекo E.A. – канд. полит. наук, старший научный сотрудник Института экономики Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Россия). E-mail: shlapenko_kate@mail.ru

Кондратьева C.B. – канд. экон. наук, старший научный сотрудник Института экономики Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Россия). E-mail: svkorka@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.A. Shlapenko, Cand. Sci. (Political Science), senior research fellow, Institute of Economics of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: shlapenko_kate@mail.ru

S.V. Kondrat'eva, Cand. Sci. (Economics), senior research fellow, Institute of Economics of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: svkorka@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.11.2023;
одобрена после рецензирования 08.05.2024; принята к публикации 30.06.2024.*

*The article was submitted 02.11.2023;
approved after reviewing 08.05.2024; accepted for publication 30.06.2024.*

ПЕДАГОГИКА

Научная статья
УДК 7 96.015.52.035-055.1.053.88
doi: 10.17223/15617793/503/19

Параметры оздоровительной силовой нагрузки в процессе многолетних занятий мужчин пожилого возраста

Владимир Федорович Пешков¹

¹ *Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия
vf.peshkov@yandex.ru*

Аннотация. Обоснованы и разработаны общие и дифференцированные параметры объема силовой нагрузки, направленные на развитие динамической силы, силовой выносливости, статической силовой выносливости, для одного занятия, в системе занятий недельного, месячного и десятимесячного циклов. Апробированные в течение пяти лет в ходе эксперимента параметры силовой нагрузки обеспечивают у мужчин пожилого возраста прирост и поддержание на стабильном уровне трех видов силовых способностей, замедление старения организма.

Ключевые слова: объемы силовой нагрузки, силовые упражнения с собственным весом, мужчины пожилого возраста

Для цитирования: Пешков В.Ф. Параметры оздоровительной силовой нагрузки в процессе многолетних занятий мужчин пожилого возраста // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 503. С. 192–200. doi: 10.17223/15617793/503/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/503/19

Parameters of health-improving power load in the long-term training of elderly men

Vladimir F. Peshkov¹

¹ *Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation
vf.peshkov@yandex.ru*

Abstract. The aim of the study is to substantiate and develop parameters for the volume of physical education and wellness classes based on strength exercises with their own weight for one lesson and weekly, monthly, and ten-month cycles implemented by men aged 60–64 to 65–69. The pedagogical experiment lasted for five years. Two groups were organized, which were engaged in the first and second experimental versions of the methods. The content of the elements of the methods for the first and second options was similar and included parameters of the volume and intensity of the power load, strength exercises, methods of developing physical qualities, planning physical exercises in the structure of classes. The difference was that the structure of the first version of the teaching methodology included a developed method of using recovery tools based on a combination of pedagogical and medical means. Twenty-two strength-oriented exercises with their own weight were selected for the main part of the wellness classes. Of these, twelve exercises are aimed at developing dynamic strength, six at developing strength endurance, and four exercises for developing static strength endurance. The choice of the ratio of exercises of different strength orientation was made taking into account the specifics of their effect on the physiological reactions of elderly men. The chosen quantitative ratio of the three types of strength-oriented exercises determined a similar ratio of the following two most important indicators of the volume of health-improving strength load – the number of sets and the number of repetitions when performing exercises. Accordingly, the largest number of approaches and repetitions was established during one lesson and weekly, monthly, and ten-month cycles when implementing exercises aimed at developing dynamic strength. Then a smaller amount of approaches and repetitions was determined when performing exercises aimed at developing strength endurance, and then the smallest number of approaches and repetitions when performing exercises for the development of static strength endurance. The effectiveness of the developed parameters of the total power load and differentiated load parameters aimed at the development of dynamic strength, power endurance, static power endurance for one lesson and weekly, monthly, and ten-month cycles is proved. The parameters of the load volume in the structure of the first variant of the training methodology provide men aged 60–65 for five years of training up to the age of 65–69 with the development of all three types of strength abilities. The structure of the second variant of the training methodology ensures that these abilities are maintained at a stable level. The developed parameters of the load volume ensure the consistency and continuity of recreational activities, slowing down negative age-related processes in the body.

Keywords: volumes of power load, strength exercises with own weight, elderly men

For citation: Peshkov, V.F. (2024) Parameters of health-improving power load in the long-term training of elderly men. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 503. pp. 192–200. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/503/19

Анализ демографической ситуации в России показывает неуклонную динамику роста количества людей пожилого и старческого возраста. Индекс демографического старения в стране составляет 17,7% (60 лет и старше), более 40 млн жителей страны являются пенсионерами (пенсионный возраст мужчин – 65 лет, женщин – 60 лет). Несомненно, государство, общество, каждый человек пожилого возраста заинтересован в увеличении периода активного долголетия и творческой профессиональной деятельности.

В пожилом возрасте у мужчин развиваются процессы старения. Количество и активность функционирования митохондрий клеток, являющихся энергетическими станциями клеток, снижаются. Уменьшение количества работающих митохондрий угнетает энергетический метаболизм, что снижает продуцирование глюкозы, жирных кислот, аденозинтрифосфата для обеспечения мышечной деятельности. Ухудшается микронасосная функция мышц, микроциркуляция в результате замедления процесса образования новых артериол, венул и капилляров. Уменьшается доставка питательных веществ, воды, кислорода к тканям в покое и во время мышечной деятельности. Причиной ухудшения кровоснабжения у пожилых мужчин также является развивающийся атеросклероз под воздействием ухудшения липидного профиля, характеризующийся сужением просвета сосудов и снижением их эластичности. Это вызывает нарушение кровоснабжения головного мозга, внутренних органов, мышц, соединительной и костной тканей конечностей. Развиваются отрицательные изменения в венозной и лимфатической системах, ухудшая отток венозной крови и лимфы от работающих утомленных мышц [1–7].

При старении снижается уровень гормона роста, что оказывает влияние на развитие сердечно-сосудистых заболеваний, остеопороза, увеличение жировой ткани [2, 3].

Характерным возрастным проявлением у пожилых мужчин является спад активности иммунной системы, что становится причиной аутоиммунных заболеваний, таких как артриты, артрозы, проявляемые поражением костной и соединительной тканей суставов, выполняющих важную моторную функцию при мышечной деятельности [2, 3, 6, 8, 9].

В возрасте от 60 до 70 лет снижается метаболизм и основной обмен. Это является причиной увеличения веса и индекса массы тела за счет роста жировой ткани. Затем вес снижается, в основном за счет уменьшения мышечной массы, начинаются активные процессы снижения силового потенциала мышц. Причиной этого являются атрофические дегенеративные процессы в скелетных мышцах, которые диагностируются в виде саркопении, обезвоживания мышц и соединительных тканей.

Саркопения характеризуется уменьшением площади поперечного сечения мышечного волокна, т.е. его размером, и значительным уменьшением количества мышечных волокон в мышце. Это ведет к снижению способности стволовых клеток в мышце активизировать их регенерацию. Полезная сократительная часть мышечных волокон трансформируется в соединительную ткань, которая обладает меньшей пластичностью и эластичностью. В результате уменьшения объема сократительной части мышечной ткани снижается сила скелетных мышц [1–4, 7, 8].

Однако сохраняется позитивный функциональный потенциал мышц к способности активизировать двигательные единицы мышечного волокна [3]. Следовательно, физическими упражнениями, в первую очередь упражнениями силовой направленности, этот функциональный потенциал можно развивать.

Помимо мероприятий лечебно-профилактического характера средствами медицины, направленных на профилактику отрицательных возрастных изменений и лечение возрастных заболеваний [1–9], важным направлением профилактики и оздоровления пожилых людей, в том числе и мужчин пожилого возраста (60–70 лет), является физическая активность, прежде всего в процессе реализации научно обоснованных методик физкультурно-оздоровительных занятий различной направленности [9–14]. Имеются рекомендации о применении занятий циклического характера для развития общей выносливости, общей физической работоспособности, профилактики заболеваний сердечно-сосудистой системы [9, 12], также проведены единичные исследования, доказывающие положительные оздоровительные эффекты занятий силовой направленности с использованием механотренажеров у мужчин среднего возраста [15] и упражнений атлетической гимнастики у мужчин пожилого возраста [16].

В проведенных исследованиях недостаточно представлено обоснованное содержание всех элементов методик физкультурно-оздоровительных занятий: перечень средств конкретной направленности, конкретные параметры объема и интенсивности нагрузки, методы развития физических качеств, планирование содержания элементов методик в структуре одного занятия, в системе недельных, месячных, годовых циклов многолетних занятий. Проведенные исследования посвящены обоснованию только содержания отдельных элементов методик занятий: перечню средств, отдельным общим параметрам объема нагрузки, таким как количество занятий в недельном цикле, общее время занятий, интенсивность нагрузки по показателям ЧСС.

Однако в исследованиях и рекомендациях отсутствуют научные обоснования эффективных для оздоровления мужчин 60–70 лет важнейших параметров

объема физкультурно-оздоровительных нагрузок силовой направленности с собственным весом по показателям количества занятий, упражнений, подходов и количества повторений при выполнении упражнений в одном занятии, в системе занятий в недельном, месячном и годичном циклах, направленных на развитие динамической силы, силовой выносливости и статической силовой выносливости. Также отсутствуют научные исследования по определению эффекта воздействия силовых нагрузок различной направленности в сочетании с комплексом педагогических и медико-биологических средств восстановления в системе физкультурно-оздоровительных занятий мужчин пожилого возраста на показатели, оценивающие силовые способности.

Изучение педагогического опыта специалистов в области физической культуры, ведущих занятия с мужчинами пожилого возраста, показывает, что планирование параметров силовой нагрузки осуществляется исходя из личного опыта, методических рекомендаций, потенциальная эффективность которых теоретически не обоснована и экспериментально не доказана.

Поэтому своевременно и актуально исследование по научному обоснованию оптимальных параметров объема силовой нагрузки, объема нагрузки различной силовой направленности, оцениваемых по количеству занятий, упражнений, подходов и повторений при выполнении упражнений в процессе одного занятия, в системе недельных, месячных и годичных циклов многолетних физкультурно-оздоровительных занятий, обеспечивающих формирование оздоровительных эффектов у мужчин пожилого возраста 60–70 лет. При этом параметры объема нагрузки следует рассматривать как важный элемент целостной методики проведения физкультурно-оздоровительных занятий.

Цель исследования: обосновать и разработать параметры объема нагрузки физкультурно-оздоровительных занятий силовой направленности, обеспечивающие прирост и сохранение основных видов силовых способностей у мужчин с 60–64 до 65–69-летнего возраста, оценить эффективность выполнения объема нагрузки.

Методы исследования: теоретический анализ и обобщение научно-методической литературы; метод изучения педагогического опыта; метод контрольных упражнений; педагогический эксперимент; методы математической статистики.

Организация исследования. В оздоровительных центрах г. Томска выполнялся пробно-поисковый этап исследования, на котором определялись оптимальные параметры объема силовой нагрузки различной направленности, подбирались упражнения различной силовой направленности с собственным весом, выполняемые в основной части занятий.

В качестве универсального критерия оценки эффективности оздоровительной силовой нагрузки применены показатели проявления в динамике силовой выносливости, динамической силы и статической си-

ловой выносливости, которые характеризуют состояние функциональных систем, морфологических структур, инволюционные возрастные изменения мужчин пожилого возраста. Адекватность реакции на нагрузку также определялась применением метода функциональных проб, методов пульсометрии и измерения артериального давления.

Констатирующий, формирующий и контрольный этапы педагогического эксперимента проходили в течение пяти лет в оздоровительном центре «Томск-клуб» г. Томска. Были организованы две экспериментальные группы мужчин 60–64-летнего возраста, по 10 человек в каждой группе. По окончании педагогического эксперимента возраст мужчин составлял 65–69 лет. Участники двух групп занимались по первому и второму экспериментальным вариантам авторских методик. Содержание элементов методик по первому и второму варианту было одинаковым и включало: физические упражнения, представленные силовыми упражнениями с собственным весом, параметры объема и интенсивности нагрузки, методы развития физических качеств, планирование физических упражнений в структуре занятий.

Отличие состояло в том, что в структуру первого варианта методики физкультурно-оздоровительных занятий включена разработанная методика применения средств восстановления, построенная на сочетании педагогических и медико-биологических средств, применяемых во время занятий и в дни микроциклов, когда занятия не проводились.

В недельном цикле занятия проводились 3 раза. В годичном цикле 10 месяцев проводились занятия силовой направленности, 2 месяца – преимущественно циклической направленности в виде бега и плавания [10, 11].

Определение оптимального объема общей оздоровительной силовой нагрузки и дифференцированного объема, направленного на развитие динамической силы, силовой выносливости, статической силовой выносливости, реализуемого выполнением силовых упражнений с собственным весом, осуществлялось с учетом выдвинутых положений:

1. Параметры объема физкультурно-оздоровительной нагрузки, реализуемые в процессе выполнения различных видов силовых упражнений с собственным весом, направлены на положительную динамику проявления динамической силы, силовой выносливости и статической силовой выносливости. Данные параметры объема нагрузки являются содержанием важного элемента разработанных авторских методик физкультурно-оздоровительных занятий [10, 11] и оцениваются показателями количества занятий, количества упражнений, подходов и повторений при выполнении упражнений в процессе одного занятия, в системе занятий недельного, месячного и десятимесячного циклов пятилетнего периода.

2. Оптимальный объем физкультурно-оздоровительной нагрузки должен обеспечивать в процессе одного занятия, в системе занятий недельного, месячного и десятимесячного циклов минимизацию формирования быстрого локального, регионального мышечного

утомления, психоэмоционального и общего утомления, травматизации опорно-двигательного аппарата, а также обеспечивать формирование мотивации к выполнению нагрузки и уменьшение рецидивов воспалений хронических заболеваний.

3. Специфичность и вариативность формируемых нагрузочных эффектов в процессе развития динамической силы, силовой выносливости и статической силовой выносливости должны способствовать повышению функциональных и морфологических резервов систем организма, стимулировать механизмы срочных и долговременных специфических и адекватных адаптационных реакций.

4. Параметры объема физкультурно-оздоровительных нагрузок, их различная силовая направленность должны воздействовать на замедление возрастных инволюционных процессов и в первую очередь обеспечивать: рост мышечной массы, повышение

их функции, сохранение и развитие мышц малого таза и промежности, ног как фактора профилактики заболеваний простаты; укрепление мышц и соединительных тканей позвоночника, спины как фактора коррекции нарушения осанки и профилактики их различных заболеваний; развитие мышц брюшного пресса для уменьшения абдоминального жира; повышение уровня функционирования сердечно-сосудистой системы; совершенствование механизмов анаэробно-алактатного, анаэробно-лактатного и анаэробно-аэробного обеспечения.

5. Для снижения отрицательных следовых эффектов объемов силовой нагрузки различной направленности на организм пожилых мужчин, особенно нагрузки, направленной на развитие статической силовой выносливости, целесообразно применение силовой нагрузки в сочетании с педагогическими и медико-биологическими средствами восстановления.

Таблица 1

Параметры физкультурно-оздоровительных нагрузок различной силовой направленности в процессе одного занятия, в системе занятий недельного, месячного, десятимесячного циклов, обеспечивающие прирост и поддержание силовых способностей на стабильном уровне

Направленность видов силовых упражнений с собственным весом		Параметры объема нагрузки (кол-во раз)			
		В одном занятии	В недельном цикле	В месячном цикле	В течение 10 месяцев
I	Количество занятий		3	12	120
II	Количество упражнений				
1	Общее кол-во упражнений различной силовой направленности	22	66	264	2 640
2	На развитие динамической силы	12	36	144	1 440
3	На развитие силовой выносливости	6	18	72	720
4	На развитие статической силовой выносливости	4	12	48	480
III	Количество подходов при выполнении упражнений				
1	Общее кол-во подходов при выполнении упражнений	32	96	384	3 840
2	На развитие динамической силы	18	54	216	2 160
3	На развитие силовой выносливости	10	30	120	1 200
4	На развитие статической силовой выносливости	4	12	48	480
IV	Количество повторений при выполнении упражнений				
1	Общее кол-во повторений	275–485	825–1455	3 300–5 820	33 000–58 200
2	На развитие динамической силы	108–225	324–675	1 296–2 700	12 960–27 000
3	На развитие силовой выносливости	150–200	450–600	1 800–2 400	18 000–24 000
4	На развитие статической силовой выносливости	17–60	51–180	204–720	2 040–7 200

Анализ данных табл. 1 показывает, что в структуре двадцати двух упражнений силовой направленности, выполняемых в основной части физкультурно-оздоровительных занятий, 12 упражнений направлены на развитие динамической силы, 6 – на развитие силовой выносливости и 4 – на развитие статической силовой выносливости. Выбранное соотношение упражнений различной силовой направленности опирается на учет специфики их влияния на физиологические реакции пожилых мужчин, инволюционные процессы организма.

Включение нами в структуру силовых упражнений с собственным весом, направленных на развитие динамической мышечной силы, учитывает, что критерий снижения мышечной силы относится к триаде критериев диагностики саркопении и, помимо критериев снижения мышечной массы и снижения мышечной функции, влияет на доказанные механизмы гипертрофии мышечной ткани. При выполнении силовой динамической нагрузки

повреждаются миофибриллы мышц, что вызывает миграцию миогенных стволовых клеток к ним и активизацию процесса регенерации поврежденных миофибрилл, увеличение поперечного сечения мышечных волокон, объединение с нетравмированными мышечными волокнами, обеспечивая гипертрофию волокон и создание новых мышечных волокон (гиперплазия) [1, 7, 8].

Выделение второго места в структуре силовым упражнениям, направленным на развитие силовой выносливости, мы объясняем высоким потенциалом воздействия на регуляцию липидного обмена и снижение жировой массы, прежде всего абдоминального жира, в результате активизации процессов метаболизма. Абдоминальный тип ожирения, характерный для мужчин пожилого возраста, является фактором риска нарушения липидного обмена, развития сердечно-сосудистых заболеваний, таких как атеросклероз, гипертоническая болезнь, ишемические заболевания сердца [5, 9]. При

выполнении физических упражнений на развитие выносливости в мышцах активизируется молочнокислое подкисление, что увеличивает скорость утилизации глюкозы из мышечных клеток и продуцирование основного энергетического источника – аденозинтрифосфорной кислоты [3].

Включение статических силовых упражнений в структуру упражнений силовой направленности объясняется тем, что они, выполняемые в условиях недостатка кислорода, развивают способность депонировать кровь в капиллярно-венной системе малого круга кровообращения и стимулируют гипертрофию мышц, сохранение мышечной массы.

Статическим упражнениям в структуре силовых упражнений отводится малая доля, так как при их выполнении быстро развивается утомление, трудно субъективно переносимое в связи с нарушением механизмов поддержания непрерывной высокочастотной импульсации работающих мышц, соединительных тканей из двигательных центров коры ЦНС, значительно повышается внутримышечное давление и сдавливаются кровеносные, лимфатические сосуды, происходит накопление продуктов распада. Статические упражнения выполняются на фоне задержки дыхания,

что повышает внутригрудное давление и ухудшает венозный приток крови к сердцу, повышает артериальное давление. После их выполнения проявляется феномен Линдгарда, т.е. показатели сердечно-сосудистой и дыхательной систем повышаются по сравнению с периодом их выполнения, затем показатели восстанавливаются [17].

Выбранное количественное соотношение трех видов упражнений силовой направленности определило аналогичное соотношение следующих двух важнейших показателей объема оздоровительной силовой нагрузки – количество подходов и количество повторений при выполнении упражнений. Соответственно, выполнено наибольшее количество подходов и повторений в течение одного занятия, в системе занятий недельного, месячного, десятидневного циклов при реализации упражнений собственно силовой динамической направленности. Затем выполнен меньший объем подходов и повторений упражнений, направленных на развитие силовой выносливости, и далее – самое меньшее количество подходов и повторений при выполнении упражнений на развитие статической силовой выносливости (см. табл. 1).

Таблица 2

Показатели проявления силовых способностей на констатирующем и итоговом этапах педагогического эксперимента у мужчин пожилого возраста 60–64 и 65–69 лет экспериментальных групп

	Контрольные упражнения (кол-во раз, с)	Первая экспериментальная группа			Вторая экспериментальная группа		
		Этапы контроля			Этапы контроля		
		Возраст (лет)			Возраст (лет)		
		60–64		65–69	60–64		65–69
		Констатирующий этап M + m	t, p	Итоговый этап M + m	Констатирующий этап M + m	t, p	Итоговый этап M + m
1	Упор углом на полу (статическая силовая выносливость), с	6 ± 0,54	t = 4,26 p < 0,01	12 ± 1,30	5 ± 0,43	t = 0,65 p > 0,05	6 ± 0,76
2	Подтягивания на высокой перекладине (динамическая сила), кол-во раз	6 ± 0,75	p < 0,05	6 ± 0,76	7 ± 0,84	t = 1,96 p > 0,05	5 ± 0,57
3	Сгибание и разгибание рук в упоре лежа (динамическая сила), кол-во раз	9 ± 0,97	t = 2,47 p < 0,05	13 ± 1,30	10 ± 0,87	p > 0,05	10 ± 1,32
4	Приседание из основной стойки (силовая выносливость), кол-во раз	39 ± 1,61	t = 1,44 p > 0,05	42 ± 1,31	40 ± 1,94	t = 0,95 p > 0,05	38 ± 1,48
5	Поднимание туловища и ног из положения лежа на спине, руки вверх (силовая выносливость), кол-во раз	15 ± 1,36	t = 2,94 p < 0,05	22 ± 1,95	13 ± 1,22	t = 1,59 p > 0,05	16 ± 1,44

Анализ данных табл. 1 и 2 показывает эффективность выполнения объемов силовой нагрузки по результатам контрольных упражнений, полученных до начала и после педагогического эксперимента, в первой экспериментальной группе. Это позволило сделать несколько выводов:

1. В трех контрольных упражнениях из пяти результаты после окончания педагогического эксперимента повысились статистически достоверно при $P < 0,01$ и $P < 0,05$.

2. Статистически достоверно повысилась ($p < 0,01$) проявление статической силовой выносливости мышц плечевого пояса, рук, брюшного пресса, таза, разгибателей бедра при выполнении упражнения упор углом на полу.

3. Статистически достоверно повысилась ($p < 0,05$, $p < 0,05$) проявление динамической силы и силовой выносливости в контрольных упражнениях – сгибание и разгибание рук в упоре лежа, выполняемых преимущественно мышцами рук и плечевого пояса, а также поднимание туловища из положения лежа на полу, руки вверх, выполняемых мышцами брюшного пресса, мышцами пояснично-крестцового отдела позвоночника и разгибателями бедра.

4. При подтягивании на высокой перекладине проявление динамической силы мышц рук и плечевого пояса осталось на уровне констатирующего этапа. На прежнем уровне осталось проявление силовой выносливости мышц ног и таза при выполнении приседания из основной стойки. Незначительное повышение результата статистически недостоверно ($P > 0,05$).

В целом, оценивая эффективность разработанных параметров объема силовых нагрузок, реализуемых в течение пяти лет педагогического эксперимента в системе физкультурно-оздоровительных занятий по методике первого экспериментального варианта, включающей как составную часть разработанную методику применения комплекса педагогических и медико-биологических средств восстановления, можно утверждать, что объем силовых упражнений обеспечивает у мужчин в период с 60–64 до 65–69 лет:

1) прирост статической силовой выносливости, динамической силы, силовой выносливости;

2) замедление возрастных инволюционных процессов, таких как снижение силовых возможностей мышц и соединительных тканей, уменьшение мышечной массы, ухудшение функции мышц – основных диагностических критериев саркопении, нарушение осанки, замедление процессов развития заболеваний простаты, сердечно-сосудистой системы, сахарного диабета второго типа, нарушения липидного обмена.

Анализ эффективности выполнения объемов силовой нагрузки по результатам контрольных упражнений, полученным до начала и после окончания педагогического эксперимента занимавшимися по второму варианту экспериментальной методики, показывает следующее:

1. Во всех пяти контрольных упражнениях результаты не повысились и не понизились. Изменения результатов статистически недостоверны ($P > 0,05$).

2. Незначительно и недостоверно повысилось проявление статической силовой выносливости при выполнении контрольного упражнения упор углом на полу ($P > 0,05$).

3. Статистически недостоверно ($p < 0,05$) повысилось проявление силовой выносливости при выполнении поднимания туловища из положения лежа на спине, руки вверх. Следует отметить положительную тенденцию к росту этого проявления силовых способностей ($t = 1,59$ при граничном $t = 2,10$).

4. Проявление динамической силы в подтягивании на высокой перекладине уменьшилось по сравнению с результатом контрольного тестирования до начала педагогического эксперимента. Снижение статистически недостоверно ($P > 0,05$), т.е. результат остался на прежнем уровне.

Оценивая в целом эффективность разработанных параметров объема силовой нагрузки, реализуемых в течение пяти лет педагогического эксперимента в системе физкультурно-оздоровительных занятий по методике второго варианта, можно констатировать, что объем силовой нагрузки обеспечивает у мужчин в период с 60–64 до 65–69 лет:

1) сохранение на стабильном, не снижающемся уровне проявлений статической силовой выносливости, динамической силы и силовой выносливости;

2) замедление инволюционных возрастных изменений, процессов развития возрастных заболеваний.

Рассматривая мышечную систему как орган, выполняющий гидродинамическую и лимфодинамическую функции, на основании полученных результатов

можно утверждать, что многолетнее развитие и сохранение силовых способностей положительно влияет на состояние сердечно-сосудистой системы, является профилактикой заболеваний, характерных для мужчин пожилого возраста, таких как инфаркты, инсульты, гипертоническая болезнь [8].

Наше утверждение о положительном влиянии разработанного общего и дифференцированных объемов силовой нагрузки на замедление процессов старения и профилактику возрастных заболеваний в течение пяти лет у мужчин пожилого возраста опирается на результаты проведенных медицинских научных исследований о влиянии занятий силовыми упражнениями на процесс лечения и профилактики заболеваний мужчин зрелого и пожилого возраста [1–8, 18–20, 23].

В процессе экспериментальной апробации выявлены эффекты занятий силовыми упражнениями на развитие процессов гипертрофии мышечной массы, уменьшение симптомов остеопороза и дегенеративно-дистрофических поражений соединительных тканей позвоночника, коррекцию осанки [1–3, 6, 8, 18], на профилактику простатита как массового урологического заболевания мужчин пожилого возраста [19], нормализацию артериального давления как фактора снижения риска развития ишемической болезни сердца и инфаркта миокарда [7, 8, 23], нормализацию липидного профиля как фактора снижения риска сердечно-сосудистых заболеваний (атеросклероза), веса тела, уменьшения объема абдоминального жира [5, 8], профилактику сахарного диабета 2-го типа [20].

Отсутствие прироста динамической силы в подтягивании на высокой перекладине, в отличие от ее достоверного прироста при выполнении сгибания и разгибания рук в упоре лежа на полу после педагогического эксперимента у мужчин, выполнивших в целом объем силовой нагрузки и объем нагрузки, направленной на развитие динамической силы, в структуре оздоровительных занятий по методике (по первому варианту), можно объяснить большей биомеханической сложностью и энерготратами выполнения подтягиваний. Высота вертикального подъема тела и величина поднимаемого веса в подтягивании значительно больше в сравнении со сгибанием и разгибанием рук в упоре лежа, в котором вес пропорционально размещен между двумя точками опоры – стоп ног и кистей рук. Энерготраты одного подтягивания составляют 0,72 ккал, а одного сгибания и разгибания рук в упоре лежа – 0,33 ккал [21]. При этом выполнение двух названных упражнений обеспечивается практически одними мышцами: двуглавыми и трехглавыми мышцами плеча, локтевыми, большими грудными, клювовидно-плечевыми, передней частью дельтовидных мышц и передне-зубчатыми мышцами [22].

Отсутствие статистически достоверного прироста силовой выносливости мышц ног и таза при выполнении приседаний после педагогического эксперимента у мужчин, выполнивших в целом объем силовой нагрузки и объем нагрузки, направленной на развитие силовой выносливости, в структуре оздоровительных занятий по методике (по первому варианту), объясня-

ется относительно высокой энергозатратной стоимостью одного повторения – 0,36 ккал и возрастными дегенеративными процессами в тазобедренных, коленных и голеностопных суставах, лимитирующими работоспособность мужчин [6, 8, 21].

Статистически достоверный прирост статической силовой выносливости в контрольном упражнении упор углом на полу у мужчин, выполнивших в целом объем силовой нагрузки и объем нагрузки, направленной на развитие статической силовой выносливости, в структуре оздоровительных занятий по методике (по первому варианту), объясняется тем, что статические упражнения выполнялись в начале основной части не в утомленном, а в работоспособном состоянии организма и мышц. Это активизировало процессы гипертрофии мышц, повысились и функциональные возможности сердечно-сосудистой системы, прежде всего за счет повышения ударного объема сердца, количества капилляров в мышце, ёмкости капиллярного русла, улучшения регуляции тонуса сокращения и расслабления артериально-венозных сосудов, усиления синхронизации включения в статистический режим работы большого количества мышечных единиц, совершенствования анаэробно-алактатного и анаэробно-лактатного механизмов обеспечения в течение кратковременного максимально статического напряжения мышц рук, плечевого пояса, брюшного пресса и разгибателей ног [17, 23].

Статистически достоверный прирост силовой выносливости в поднимании ног и туловища из положения лежа на спине, руки вверх произошёл по причинам относительно низкой энергозатратности одного повторения – 0,23 ккал., положительной адаптации к выполнению упражнений динамического и статического характера мышц брюшного пресса, пояснично-крестцового отдела позвоночника, сгибателей и разгибателей бедра за счет совершенствования внутримышечной и межмышечной координации их функционирования, механизмов анаэробно-лактатного и анаэробно-гликолитического механизмов энергообеспечения [17].

Сравнительно оценивая эффективность разработанных параметров объема силовой нагрузки, реализованных в структуре методик по первому и второму экспериментальным вариантам, можно констатировать, что реализация объемов нагрузки в структуре первого варианта методики, который построен на сочетании объема нагрузок с применением комплекса педагогических и медико-биологических средств восстановления, обеспечивает у мужчин в период с 60–64 до 65–69 лет прирост силовых способностей различной направленности. Реализация объемов нагрузки в структуре

второго варианта методики обеспечивает только сохранение и стабильное проявление силовых способностей на постоянном уровне.

Выводы

1. Разработаны оптимальные параметры общего объема силовой нагрузки и дифференцированные объемы силовой нагрузки, направленные на развитие динамической силы, силовой выносливости, статической силовой выносливости, реализуемые при выполнении силовых упражнений с собственным весом в процессе одного занятия, в системе занятий в недельном, месячном и десятимесячном циклах мужчинами в возрасте с 60–65 лет в течение пятилетнего периода (до 65–69 лет).

Параметры объема нагрузки обеспечивают:

- системность и непрерывность физкультурно-оздоровительных занятий в течение пяти лет;
- прирост и сохранение на стабильном уровне трех видов силовых способностей в течение пяти лет занятий: динамической силы, силовой выносливости, статической силовой выносливости;
- замедление развития отрицательных возрастных процессов в организме;
- применение параметров объема нагрузки как модельных показателей в широкой практике физкультурно-оздоровительных занятий мужчин пожилого возраста в соответствии с возрастными изменениями в организме.

2. Эффективность реализации разработанных параметров объема физкультурно-оздоровительных силовых нагрузок в структуре оздоровительных занятий по методике первого экспериментального варианта достоверно выше, чем в структуре оздоровительных занятий по методике второго экспериментального варианта, что подтверждается приростом динамической силы, силовой выносливости, статической силовой выносливости в течение пяти лет занятий. Объем силовой нагрузки в структуре оздоровительных занятий по методике второго варианта обеспечивает только сохранение и стабильное проявление силовых способностей в течение пяти лет занятий.

3. Разработанные параметры объема силовой нагрузки обеспечивают повышение и сохранение проявления трех видов силовых способностей у мужчин пожилого возраста на основе совершенствования механизмов гипертрофии мышц и их функций. Механизмы мышечной гипертрофии стабилизируют дегенеративно-дистрофические процессы в мышцах, суставах позвоночника, конечностей; сохраняют и корректируют осанку; снижают интенсивность развития заболеваний простаты, сердечно-сосудистой системы, сахарного диабета второго типа; улучшают липидный профиль как важный фактор нормализации веса, уменьшения объема абдоминального жира.

Список источников

1. Ундрицов В.М., Ундрицов И.М., Серова Л.Д. Возрастные изменения мышечной системы // Руководство по геронтологии / под ред. акад. В.Н. Шабалина. М. : Цитадель Трейд, 2005. С. 486–499.
2. Аринчив Н.И., Борисевич Г.Ф. Микронасосная функция скелетных мышц при их растяжении. Минск : Наука и техника, 1986. 110 с.
3. Москалев А.В. Как победить свой возраст? 8 уникальных способов, которые помогут достичь долголетия. 2-е изд. М. : Эксмо, 2019. 288 с.
4. Москалев А.А. Энциклопедия долгой и здоровой жизни. М. : ЭКСМО, 2019. 464 с.

5. Бубнова М.Г., Аронов Д.М., Олферьев А.М., Бондаренко И.З. Модификация уровней липопротеидов и аполипопротеинов крови с помощью физических нагрузок разного вида и интенсивности у здоровых мужчин с нормой гиперлипидемией // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2005. № 4 (2). С. 74–83.
6. Буровцева А.И. Минеральная плотность скелета мужчин 21–85 лет // Российский физиологический журнал им. И.М. Сеченова. 2004. Т. 90, № 8. С. 368.
7. Сак Л.Д. Сила в возрасте: правильная физическая активность для восстановления и сохранения здоровья. М.: Эксмо, 2021. 240 с.
8. Бубновский С.М. Здоровые сосуды или зачем человеку мышцы? 2-е изд. М.: ЭКСМО, 2019. 192 с.
9. Амосов Н.М. Энциклопедия Амосова. Алгоритм здоровья. Москва: АСТ; Донецк: Сталкел, 2005. 287 с.
10. Пешков В.Ф. Методика применения восстановительных средств в системе физкультурно-оздоровительных занятий мужчин 65–69-летнего возраста // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 205–213. doi: 10.17223/15617793/457/24
11. Пешков В.Ф. Разработка учебной темы «Восстановительные средства в процессе занятий физической культурой мужчин пожилого возраста» // Научно-педагогическое обозрение. 2020. Вып. 3 (31). С. 172–182.
12. Мильнер Е. Ходьба вместо лекарств. М.: Астрель; АСТ; Полиграфиздат, 2012. 247 с.
13. Галямов Г.Я., Мендот Э.Э., Мендот Э.В. Влияние занятий физической культуры на функциональное состояние лиц пожилого возраста // Вестник Тувинского государственного университета. Педагогические науки. 2015. № 4 (27). С. 188–192.
14. Царик А.В. Некоторые аспекты стратегий активного долголетия // Теория и практика физической культуры. 2002. № 4. С. 40–43.
15. Кузьмин С.В. Содержание и методика оздоровительных занятий силовой направленности для мужчин пожилого возраста : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1991. 23 с.
16. Петров В.К. Атлетическая гимнастика для пожилых : методические рекомендации. М. : Советский спорт, 2001. 40 с.
17. Платонов В.Н. Двигательные качества и физическая подготовка спортсменов. М. : Спорт, 2019. 656 с.
18. Эрденко Д.В. Коррекция осанки: нужен ли силовой тренинг? М., 2019. 32 с.
19. Качков Р.Л. Пожилой джентльмен и ДГПЖ – вещи несовместимые, но при условии регулярного силового и аэробного тренинга // Наука и жизнь. 2022. № 7. С. 72–77.
20. Aguiar E.J., Morgan P.J., Collins C.E., Plotnikoff R.C., Callister R. Efficacy of interventions that include diet, aerobic and resistance training components for type 2 diabetes prevention: a systematic review with meta-analysis // International Journal of Behavioral Nutrition and Physical Activity. 2014. Vol. 11. Art. 2. doi: 10.1186/1479-5868-11-2
21. Велла М. Атлас анатомии для силовых упражнений и фитнеса : пер. с англ. М. : АСТ; Астрель, 2007. 144 с.
22. Уткин В.Л. Биомеханика физических упражнений : учеб. пособие для студентов фак. физ. воспитания пед. ин-тов и для ин-тов физ. культуры по спец. № 2114 «Физ. воспитание». М. : Просвещение, 1989. 210 с.
23. Гельфгат Е.Б., Беленков Ю.Н., Атьков О.Ю., Юсубова Ф.Н. Изменение гемодинамики при статической нагрузке у здоровых людей // Кардиология. 1984. Т. 24, № 3. С. 52–56.

References

1. Undritsov, V.M., Undritsov, I.M. & Serova, L.D. (2005) Vozrastnye izmeneniya myshechnoy sistemy [Age-related changes in the muscular system]. In: Shabalin, V.N. (ed.) *Rukovodstvo po gerontologii* [Handbook of Gerontology]. Moscow: Tsitadel' Treyd. pp. 486–499.
2. Arinichiv, N.I. & Borisevich, G.F. (1986) *Mikronasosnaya funktsiya skeletnykh myshits pri ikh rastyazhenii* [Micropump Function of Skeletal Muscles During Their Stretching]. Minsk: Nauka i tekhnika.
3. Moskalev, A.V. (2019) *Kak pobedit' svoy vozrast? 8 unikal'nykh sposobov, kotorye pomogut dostich' dolgoletiya* [How to Defeat Your Age? 8 unique ways to help you achieve longevity]. 2nd ed. Moscow: Eksmo.
4. Moskalev, A.A. (2019) *Entsiklopediya dolgoy i zdorovoy zhizni* [Encyclopedia of a Long and Healthy Life]. Moscow: EKSMO.
5. Bubnova, M.G. et al. (2005) Modifikatsiya urovney lipoproteidov i apolipoproteinov krovi s pomoshch'yu fizicheskikh nagruzok raznogo vida i intensivnosti u zdorovykh muzhchin s normoy giperlipidemiy [Modification of blood lipoprotein and apolipoprotein levels using physical activity of different types and intensities in healthy men with normal hyperlipidemia]. *Kardiovaskulyarnaya terapiya i profilaktika*. 4 (2). pp. 74–83.
6. Burovtseva, A.I. (2004) Mineral'naya plotnost' skeleta muzhchin 21–85 let [Skeletal mineral density in men aged 21–85]. *Rossiyskiy fiziologicheskiy zhurnal im. I. M. Sechenova*. 8 (90). pp. 368.
7. Sak, L.D. (2021) *Sila v vozraste: pravil'naya fizicheskaya aktivnost' dlya vosstanovleniya i sokhraneniya zdorov'ya* [Strength in Age: Proper physical activity for restoring and maintaining health]. Moscow: Eksmo.
8. Bubnovskiy, S.M. (2019) *Zdorovye sosudy ili zachem cheloveku myshitsy?* [Healthy Blood Vessels, or Why Do People Need Muscles?]. 2nd ed. Moscow: EKSMO.
9. Amosov, N.M. (2005) *Entsiklopediya Amosova. Algoritm zdorov'ya* [Amosov's Encyclopedia. Health Algorithm]. Moscow: AST; Donetsk: Stalcel.
10. Peshkov, V.F. (2020) A Methodology for the use of recovery exercises in the system of health-improving physical training sessions for men aged 65 to 69. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 457. pp. 205–213. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/457/24
11. Peshkov, V.F. (2020) Razrabotka uchebnoy temy “Vosstanovitel'nye sredstva v protsesse zanyatiy fizicheskoy kul'turoy muzhchin pozhilogo vozrasta” [Development of the educational topic “Restorative means in the process of physical education classes for elderly men”]. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie*. 3 (31). pp. 172–182.
12. Mil'ner, E.G. (2012) *Khod'ba vmesto lekarstv* [Walking Instead of Medicine]. Moscow: Astrel'; AST; Poligrafizdat.
13. Galyamov, G.Ya., Mendot, E.E. & Mendot, E.V. (2015) Vliyanie zanyatiy fizicheskoy kul'tury na funktsional'noe sostoyanie lits pozhilogo vozrasta [The influence of physical education classes on the functional state of the elderly]. *Vestnik Tuvinского gosudarstvennogo universiteta. Pedagogicheskie nauki*. 4 (27). pp. 188–192.
14. Tsarik, A.V. (2002) Nekotorye aspekty strategiy aktivnogo dolgoletiya [Some aspects of active longevity strategies]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 4. pp. 40–43.
15. Kuz'min, S.V. (1991) *Soderzhanie i metodika ozdorovitel'nykh zanyatiy silovoy napravlenosti dlya muzhchin pozhilogo vozrasta* [Content and methodology of health-improving strength training for elderly men]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
16. Petrov, V.K. (2001) *Atleticheskaya gimnastika dlya pozhilykh: metodicheskie rekomendatsii* [Athletic Gymnastics for the Elderly: Methodological recommendations]. Moscow: Sovetskiy sport.
17. Platonov, V.N. (2019) *Dvigatel'nye kachestva i fizicheskaya podgotovka sportsmenov* [Motor Qualities and Physical Training of Athletes]. Moscow: Sport.
18. Erdenko, D.V. (2019) *Korreksiya osanki: nuzhen li silovoy trening?* [Posture Correction: Is strength training necessary?]. Moscow: [s.n.].
19. Kachkov, R.L. (2022) Pozhiloy dzhentl'men i DGPZh – veshchi nesovmestimye, no pri uslovii regul'yarnogo silovogo i aerobnogo treninga [An elderly gentleman and BPH are incompatible things, but subject to regular strength and aerobic training]. *Nauka i zhizn'*. 7. pp. 72–77.
20. Aguiar, E.J. et al. (2014) Efficacy of interventions that include diet, aerobic and resistance training components for type 2 diabetes prevention: a systematic review with meta-analysis. *International Journal of Behavioral Nutrition and Physical Activity*. 11. Art. 2. doi: 10.1186/1479-5868-11-2

21. Vella, M. (2007) *Atlas anatomii dlya silovykh uprazhneniy i fitnessa* [Anatomy for Strength & Fitness Training]. Translated from English. Moscow: AST; Astrel'.
22. Utkin, V.L. (1989) *Biomekhanika fizicheskikh uprazhneniy* [Biomechanics of Physical Exercises]. Moscow: Prosveshchenie.
23. Gel'fgat, E.B. et al. (1984) *Izmenenie gemodinamiki pri staticheskoy nagruzke u zdorovykh lyudey* [Changes in hemodynamics during static load in healthy people]. *Kardiologiya*. 3 (24). pp. 52–56.

Информация об авторе:

Пешков В.Ф. – д-р пед. наук, зав. кафедрой теории и методики обучения физической культуре и спорту Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: vf.peshkov@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.F. Peshkov, Dr. Sci. (Pedagogics), head of the Department of Theory and Methodology of Teaching Physical Education and Sports, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vf.peshkov@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.03.2024;
одобрена после рецензирования 09.04.2024; принята к публикации 30.06.2024.*

*The article was submitted 01.03.2024;
approved after reviewing 09.04.2024; accepted for publication 30.06.2024.*

Научная статья
УДК 796.01
doi: 10.17223/15617793/503/20

Координационная подготовка студентов-строителей как основа повышения психофизической готовности к профессии

Елена Александровна Поздеева¹

¹ *Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, Москва, Россия
lena.pozdeewa@mail.ru*

Аннотация. Проведенный обзор диссертационных исследований, посвященных профессионально-прикладной физической подготовке студентов-строителей, показал, что существуют вопросы, требующие дополнительного изучения. Детально проанализированы особенности профессиональной деятельности и дополнена профессиональная программа инженера-строителя. Обоснована концепция специально-координационной подготовки студентов с применением нетрадиционных видов спорта и психомоторных упражнений.

Ключевые слова: координационные способности, нетрадиционные виды спорта, профессионально-прикладная физическая подготовка, психомоторные упражнения, психофизическая готовность

Для цитирования: Поздеева Е.А. Координационная подготовка студентов-строителей как основа повышения психофизической готовности к профессии // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 503. С. 201–208. doi: 10.17223/15617793/503/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/503/20

Coordination training of construction students as the basis for increasing psychophysical readiness for the profession

Elena A. Pozdeeva¹

¹ *National Research Moscow State University of Civil Engineering, Moscow, Russian Federation
lena.pozdeewa@mail.ru*

Abstract. A review of dissertation research devoted to professional applied physical training of civil engineering students showed that there are issues that require additional research. Today, the requirements for the civil engineer profession have been significantly updated; the mental and intellectual load on a specialist has increased; the decrease in students' motivation to engage in basic sports requires the development of new pedagogical technologies. It is necessary to introduce methods and means into students' physical education that contribute to the associated formation of a specialist's physical and mental readiness for a future profession. The study aims to search for new approaches and justify the means of special coordination training for students at a construction university (using the example of a civil engineer). The research methods used were the analysis of scientific and methodological literature and general scientific methods (dialectics, analysis and synthesis, abstraction and concretization). The work analyzes in detail the features of professional activities and supplements the professional profile of a civil engineer with a list of psychomotor abilities: spatial accuracy of movements, accuracy of differentiation of muscle efforts; motor memory; speed of response; ability to maintain balance; psychomotor endurance; rhythmic ability; ability to navigate. The concept of special coordination training of students is substantiated. It is based on the principles of the ratio of the volumes of general physical training means and special exercises of an applied nature, and distribution of non-standard sports and exercises by years of study. In the process of classes, the tasks of educating psychophysical professionally important qualities and functions, the formation of applied knowledge, skills and abilities should be realized. At this stage, students are offered the choice and practice of professionally applied sports (sports games, gymnastics, martial arts, arm wrestling), and in the variable part the development of non-traditional means to increase the level of coordination and special preparedness. These include the following sports and physical exercise systems: applied gymnastics, rock climbing, tourism, orienteering, mini-trampoline jumping, dance systems and types of aerobics, yoga and psychomotor exercises. A special block of tasks and exercises is aimed at developing the psychomotor abilities of civil engineers. It includes exercises with and without objects, dance exercises in pairs, exercises with varying sound and visual signals, exercises for accuracy of hitting the target, psychomotor tasks and relay races. In specially selected sets of exercises, those forms of movements are consistently designed that make it possible to selectively and purposefully influence the development of the engineer's psychomotor abilities, which should subsequently be used in independent physical education classes. This technology will be tested in the educational process in physical education classes for future engineers.

Keywords: coordination abilities, non-traditional sports, professionally applied physical training, psychomotor exercises, psychophysical readiness

For citation: Pozdeeva, E.A. (2024) Coordination training of construction students as the basis for increasing psychophysical readiness for the profession. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 503. pp. 201–208. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/503/20

Введение

Каждая профессия имеет свои требования к личностным, психическим и физическим качествам специалиста. Сегодня доказано, что внедрение профессионально-прикладной физической подготовки (ППФП) приводит к сокращению сроков адаптации к профессиональной деятельности и повышению производительности труда. С этой целью на занятиях по физической культуре необходимо развивать психофизические качества, способности и физиологические функции [1]. Так, эффективно организованная двигательная активность студентов строительных специальностей в вузе будет являться базой для формирования психофизической готовности будущего специалиста.

Профессия инженера-строителя многогранна и относится к числу инженерно-технических видов деятельности. В должностные обязанности инженера-строителя входят следующие функции: проектирование, планирование и организация строительных и ремонтных работ; руководство коллективом, материально-техническое снабжение и сбыт; управление производством; сдача законченного объекта и др. С точки зрения психологии эти функции требуют от специалиста математического мышления, аналитического склада ума, высокой концентрации внимания, эмоциональной устойчивости, эрудированности. В подготовке инженера особое значение стоит уделять и психическим процессам личности.

Сегодня известно, что становление профессиональных навыков, особенно там, где большая нагрузка отводится на аналитические системы и психические процессы, взаимосвязано с формированием психомоторных и специфических координационных способностей (КС) [1]. Поэтому специально-координационная подготовка в рамках ППФП является преимущественной для работников умственного труда, в частности инженеров-строителей.

В малочисленных научных работах, посвященных вопросу ППФП будущих строителей, одни исследователи предлагают комплексные методики ППФП [2], другие рекомендуют использовать профессионально-прикладные виды спорта, такие как гимнастика, спортивные игры, легкая атлетика, лыжные гонки, единоборства, плавание [3–5]. Однако сегодня значительно обновленные требования к профессии, а также сниженные мотивации студентов к занятиям базовыми видами спорта требуют поиска новых подходов к организации учебных занятий по физической культуре с целенаправленным воздействием на формирование психофизической готовности будущих специалистов. Таким образом, вопрос совершенствования КС студентов строительных специальностей требует дальнейшего освящения.

Целью исследования является поиск новых подходов и обоснование средств специально-координационной подготовки студентов-строителей.

В качестве методов исследования использовались: анализ научно-методической литературы; общенаучные методы: диалектика, анализ и синтез; абстрагирование и конкретизация; тестирование, математические методы.

Результаты и их обсуждение

Первоначально остановимся на трактовке понятий и представим анализ проведенных исследований.

Понятия «координация» и «координационная подготовка студентов». В спорте и физическом воспитании школьников уделено должное внимание вопросу формирования координации движений. Однако мнения ученых по трактовке понятий «ловкость», «координация движений» и «координационные способности» расходятся. Одна группа исследователей рассматривает КС как способности к управлению движениями [6, 7]. Вторая группа ученых определяет КС как часть всех двигательных способностей, наряду со скоростно-силовыми, аэробными и другими проявлениями, не акцентируя и не выделяя специфичность данного качества [8].

В нашем понимании координация движений – это согласование, упорядочение отдельных двигательных актов в целое действие. Например, согласование движений рук и ног при ходьбе. Координационные способности – это совокупность свойств человека, проявляющихся в процессе решения двигательной задачи разной координационной сложности. А ловкость – комплексное проявление КС. Примером «ловкости» является ходьба по гимнастическому бревну с перешагиванием блоков для йоги на время, где необходимо координировать движения рук и ног, удерживать равновесие на опоре и быстро преодолевать расстояние. С этих позиций ловкость не является чисто физическим качеством, таким как гибкость, выносливость, быстрота и сила. Она относится к «тонкой» функции управления движениями в усложненных условиях [9].

Специальное развитие КС происходит в процессе спортивной тренировки или ППФП студентов. Требования к развитию определяются или спецификой избранного вида спорта, или выбранной профессией. КС, определяющие конкретную профессиональную деятельность, необходимо реализовывать в рамках элективного курса по физической культуре в вузе и во время самостоятельной двигательной активности студентов. Этот процесс назовем специально-координационной подготовкой, которая может входить в ППФП. Однако при разработке программ ППФП пре-

подаватели кафедр физического воспитания сталкиваются с недостаточной научно-методической освещенностью и разработанностью этого аспекта.

Методики ППФП студентов строительных специальностей. Проведем обзор имеющихся диссертационных исследований. В своей работе О.В. Каравашкина [4] указывает на особые требования к физическим качествам инженеров строительных специальностей, такие как общая выносливость, быстрота движений, мышечная сила, ловкость. Анализ видов двигательной деятельности позволил автору выделить виды спорта, являющиеся приоритетными при подготовке студентов различных строительных направлений, такие как легкая атлетика, лыжные гонки, спортивные игры, виды борьбы, плавание и гимнастические упражнения. Те же виды спорта рекомендуют включать в ППФП и другие ученые [5, 10].

В своем исследовании В.П. Жидких [3] предлагает использовать занятия отдельными видами спортивной гимнастики для развития профессионально значимых физических качеств и способностей у инженеров-строителей. Как считает автор, эти средства являются достаточными и представляют весомые возможности применения в системе воспитания студентов.

Однако А.А. Кондрашов [11] в своей диссертации обосновывает методику развития физической культуры человека через личностно ориентированный подход и выделяет профессионально важный вид спорта для инженера – спортивные игры. В раздел ППФП включены дидактические и ролевые игры (имитационные, символические и исследовательские), элементы подвижных и спортивных игр. Автор подчеркивает, что игровая форма обучения играет основную роль в построении программ профессиональной подготовки.

В другом диссертационном исследовании И.В. Мищенко [12] обосновывает авторский курс для студенток строительного профиля, включающий в себя психолого-педагогические воздействия (беседы в виде тренингов, турниров и др.); занятия ведущим видом спорта – бадминтоном; методическую поддержку для самостоятельной физической активности и инструменты для оценки сформированности мотивационного компонента, тестирования профессионально важных качеств.

Н.П. Олесов [13] представил и обосновал модель формирования двигательной культуры будущего инженера, которая включает в себя такие компоненты, как приобретение знаний в области физической культуры, выполнение комплекса «Азбука двигательной культуры», применение национальных средств физического воспитания, практико-социальный опыт. Авторский курс затрагивал содержание учебного процесса по физической культуре (специальные занятия общефизической направленности), раздел самостоятельной физкультурно-оздоровительной работы, критерии и оценки физической подготовленности, документы отчетности и контроля преподавателя.

О.А. Сафоновой [2] на основе профессиограммы студенток строительного профиля была разработана методика комплексной направленности для развития профессионально значимых двигательных качеств.

Эта методика учитывает особенности женского организма и состоит из разнонаправленных средств в зависимости от года обучения. В методике используются легкоатлетические (70%), гимнастические упражнения (10%) и упражнения из гиревого спорта и атлетической гимнастики (10%). При этом общая физическая подготовка (ОФП) составляет фундаментальную основу физического воспитания, а ППФП – вариативную часть. В авторской методике подбор средств и методов вариативной части был направлен на совершенствование общей выносливости, статической и динамической выносливости, развитие быстроты реакции, силовой выносливости, точности движений, способности дозировать силовые напряжения. Резюмируем, что основное направление в исследованиях ППФП студентов-строителей – это выявление профессионально важных физических качеств, а также видов спорта профессионально-прикладного характера.

В научном исследовании А.А. Лapidус с соавт. [5] отмечает, что в настоящее время труд специалиста строительной сферы, и не важно, занят ли он на строительной площадке или разрабатывает проекты, стал более энергозатратным, ответственным и многофункциональным. Сегодня в его обязанности входит выполнение самых разнообразных функций: общее руководство коллективом, прогнозирование и планирование производства; разработка проектной документации; материально-техническое снабжение и сбыт; участие в производственных процессах; управление производством; сдача законченного объекта. Так, автор указывает, что профессиональная среда от инженера-строителя требует владения личностными качествами (организаторские способности, эмоциональная устойчивость, инициативность) и психофизическими способностями (оперативное мышление, устойчивость в проявлении внимания, к воздействию неблагоприятных погодных условий и производственных факторов, способность противостоять гиподинамии). И это подтверждает факт, что к современному молодому специалисту инженерного профиля выросли требования к его психической сфере.

В специальной литературе есть сведения о психофизических способностях и физических качествах, которыми должен обладать специалист среднего звена (рабочий-строитель), среди которых общая выносливость, сила мышц сгибателей рук, статическая выносливость мышц рук и ног, точность реакций на движущийся объект, устойчивость внимания и быстрота переключения. Также доказано, что во всех видах деятельности строителя огромное значение имеют умения координировать действия различными частями тела, выполнять движения быстро и медленно, с большими и малыми усилиями, определять пространственные признаки движения, противостоять отрицательному влиянию раздражений вестибулярного анализатора, удерживать равновесие на уменьшенной опоре. Все эти умения и навыки связаны с управлением движениями и относятся к координационной подготовке. Эти умения будут формироваться быстрее при специальном обучении в вузе в рамках ППФП.

Представленный анализ показывает, что информация о ППФП будущих инженеров-строителей носит разрозненный характер, формированию психомоторных способностей студентов не уделено должного внимания, а диссертационные исследования по этому направлению были проведены более десяти лет назад. Функциональные обязанности и требования, которые предъявлялись к специалисту в то время, сегодня расширились и частично изменились. Это свидетельствует о необходимости дальнейшего углубления и изучения темы.

Особенности профессиональной деятельности инженера-строителя. Для разработки раздела ППФП студентов исследователи пользуются методом изучения профессиональной деятельности – профессиографирования. С этой целью был проведен анализ научно-методической литературы, нормативных документов [14] и выявлены особенности профессиональной деятельности инженера-строителя. Эти особенности отражены в профессиограмме (табл. 1). В

соответствии с современными требованиями к профессии уточнена психофизическая нагрузка труда и впервые дополнена нами перечнем психомоторных способностей.

Итак, во-первых, строительство относится к наиболее опасной сфере деятельности. Инженеры, выполняя свои функции (руководство общестроительными работами, осуществление контроля за качеством и монтажом строительных конструкций), сталкиваются с различными рисками, связанными с подъемом на высоту, переходом по узким балкам, передвижением по высоким строительным конструкциям, использованием тяжелого оборудования. Эти риски должны быть минимизированы за счет быстроты принятия двигательных решений и ориентирования на различных рабочих площадках. Это требует высокого уровня общей выносливости и тренировки вестибулярного анализатора, дифференцирования мышечных усилий, пространственных параметров движения и динамического равновесия.

Таблица 1

Профессиограмма «Инженер-строитель»

Раздел	Описание
Профессия, код специальности	Инженер по гражданскому строительству, код ОКЗ: 2142 Специалист данного профиля работает инженером-строителем, прорабом, инженером-конструктором, научным сотрудником в строительных, проектных, конструкторских и научно-исследовательских организациях
Направленность труда	Строительство, монтаж и ремонт зданий, сооружений, мостов, тоннелей, оборудования; проектно-конструкторская и расчетно-аналитическая деятельность
Тип профессии	«Человек – Техника», так как деятельность ориентирована на проектирование, монтаж, сборку и наладку, эксплуатацию технических объектов, управление техническими устройствами. Дополнительно: «Человек – Знак» (работа связана со знаковой информацией: цифрами, таблицами, чертежами, схемами); «Человек – Человек» (работа связана с людьми)
Цель и задачи труда	Проектирование, расчет, монтаж, эксплуатация, разработка и совершенствование конструкций. Физическая, инженерно-техническая подготовка
Тяжесть и напряженность труда	Рабочая поза: свободная или вынужденная (сидя с наклоном туловища вперед или назад – во время проектных работ). Напряженность зрительного анализатора (работа за компьютером), повышенное интеллектуальное напряжение. Перемещения в пространстве: многократные спуски и подъемы. Высокие статические и динамические нагрузки в процессе общей и специальной физической подготовки
Санитарно-гигиенические условия труда	Инженер-строитель работает с частой сменой условий – в помещении и на открытом воздухе. Постоянная смена температуры воздуха, влажности и освещенности; запыленность, загазованность, шумы, вибрация. Режим труда ненормированный
Профессионально вредные воздействия	Профессиональные вредности: климатические воздействия, связанные с работой на открытом воздухе; высокие психоэмоциональные нагрузки в период сдачи объекта. Противопоказания к профессиональной деятельности: слабое зрение; нервные и психические заболевания; болезни, связанные с потерей сознания; серьезные заболевания опорно-двигательного аппарата
Профессиональные заболевания	Простудные болезни, хронические заболевания органов дыхания и пищеварения, остеохондроз, радикулит, аллергические заболевания, ослабление иммунитета, нарушения системы кровообращения, гиподинамия
Профессионально важные психические качества и свойства личности	Развитое абстрактное мышление, аналитический склад ума; большой объем долговременной и оперативной памяти, высокий уровень развития пространственного мышления, эмоциональная устойчивость, высокая помехоустойчивость, сенсомоторная координация
Перечень профессионально важных физических качеств	Выносливость, статическая и динамическая сила, быстрота (скорость) реакции, координация, гибкость
Перечень психомоторных способностей	Пространственная точность движений, точность дифференцировок мышечных усилий; двигательная память; быстрота реагирования; способность сохранять равновесие; психомоторная выносливость; ритмическая способность; способность к ориентированию

Во-вторых, выполняя проектные работы, инженеру необходимо манипулировать небольшими предметами, инструментами. Это требует умения дозировать малые по величине силовые напряжения, быстро и точно выполнять мелкие движения пальцами рук. Соответственно, это умение связано с развитием координации движений рук.

В-третьих, инженер-строитель относится к работникам с повышенной интеллектуальной нагрузкой.

Так, разрабатывая проекты организации строительства, занимаясь нормированием и сметным делом, инженер-строитель должен соответствовать высоким требованиям и отвечать таким психическим процессам и качествам, как быстрота мышления, скорость переключения внимания, выносливость и устойчивость к психическим нагрузкам, большой объем долговременной и оперативной памяти, высокий уровень развития пространственного мышления,

эмоциональная устойчивость, высокая помехоустойчивость. Это касается психических процессов и психомоторных способностей, которые напрямую связаны с координационными проявлениями человека. В спорте доказано, что все перечисленные качества и функции возможно развивать через специально подобранные координационные и психомоторные упражнения [8, 15–17].

В теории и методике физического воспитания традиционно выделяют гимнастику, а также спортивные и подвижные игры как основные средства развития КС. Объясняется это тем, что средства гимнастики обладают огромным разнообразием методических приемов: вариация исходных и конечных положений; изменение характера движений, способа выполнения; комбинирование движений в различные соединения и др. Все это дает возможность постоянно создавать новый ряд заданий на согласование движений, тренировку двигательной памяти, пространственную ориентацию, развитие кинестетических способностей. В свою очередь, спортивные игры также выступают эффективным средством развития координационных способностей, отличаясь своей динамичностью, наполненностью двигательными действиями, имеющими свойство постоянного изменения вследствие непрерывно меняющихся игровых ситуаций. Эти условия способствуют закреплению и модификации ранее усвоенных форм движений, а также предъявляют высокие требования к способности изменять их и перестраиваться с одних на другие.

Однако анализ специальной литературы показывает, что упражнения и системы традиционных средств физического воспитания не всегда эффективны в психофизической подготовке [1, 18]. Особенно если это касается подготовки студентов к будущей профессии, каждая из которых имеет свою специфику. Необходимо пересматривать распределение средств ОФП и ППФП на занятия, соотношение видов нагрузки (например, на выносливость и на координацию), подбирать упражнения для сопряженного развития психической и моторной сферы будущего специалиста строительной области.

Научной гипотезой исследования является предположение, что специально разработанные комплексы упражнений для профессии инженера-строителя и подбор видов двигательной активности, отвечающие современным требованиям, могут существенно повысить уровень специально-координационной подготовленности и в дальнейшем положительно повлияют на его психофизическую готовность. В соответствии с тем, что процесс развития координационных способностей занимающихся должен содержать упражнения с элементами новизны, средства и виды движений необходимо заменять по мере автоматизации двигательного навыка. Предположение заключается и в том, что использование нетрадиционных средств физической культуры будет более эффективным.

Разберем, что понимается *под нетрадиционными средствами физической культуры*. К ним относят

виды спорта с упрощенными правилами или системы двигательной активности, применяемые с целью оздоровления, рекреации, реабилитации либо используемые в качестве вспомогательных средств в спортивной тренировке. О.В. Марандыкина указывает на социальную и обобщающую функцию этого вида физической культуры, где затрагивается не только физическое, но и социальное, интеллектуальное и психологическое развитие личности [19].

Все нетрадиционные средства можно условно разделить на две группы: нетрадиционные средства оздоровления и нетрадиционные виды спорта. Сравнительный анализ, примеры и преимущества нетрадиционных видов физической культуры представлены в табл. 2.

Проведен анализ нетрадиционных видов и средств, которые предлагается использовать на академических занятиях по физической культуре в вузе. Большая часть исследований обращена в сторону применения нетрадиционных форм занятий для оздоровления студенческой молодежи и повышения мотивации к занятиям по физической культуре [19–22]. В значительной части исследований авторы поднимают вопрос о повышении уровня скоростно-силовых способностей и координационных способностей студентов с помощью нетрадиционных средств [23–27].

Так, в работе О.Г. Ковальчук [18] исследована возможность использования координационной лестницы с целью воздействия на уровень координации движений студентов на занятиях по физической подготовке. Р.Ф. Кусякова предлагает методику развития координационных способностей обучающихся на основе применения средств классического танца [24]. Ю.Н. Серикова рассматривает танцевальное спортивное направление хип-хоп с позиции эффективности воздействия на координационные способности в общеобразовательном процессе студентов [25]. Однако подчеркнем, что проведенные исследования являются узконаправленными; нет исследований о формировании психомоторной составляющей в подготовке инженеров-строителей. Все это подтверждает необходимость разработки технологии совершенствования координационных и психомоторных способностей студентов.

Обоснование специально-координационной подготовки студентов-строителей. Опираясь на вышеизложенное, мы подобрали тесты и контрольные упражнения, оценивающие уровень координационной подготовленности студентов. В тестировании приняли участие обучающиеся первого–третьего курсов НИУ МГСУ (n = 328 человек), не относящиеся к сборным командам по виду спорта (табл. 3).

Анализ результатов показал, что уровень КС в основном ниже среднего. У обучающихся средние значения по показателям способности к реагированию, пространственной точности, кинестетической способности, способности к сохранению равновесия и ритмической способности ниже в сравнении с нормативными значениями для студентов, не занимающихся спортом данного возраста.

Таблица 2

Характеристика нетрадиционных средств физической культуры

Нетрадиционные средства (системы) оздоровления	Нетрадиционные виды спорта
Могут быть заимствованы из различных систем физического воспитания, комбинироваться в разных вариантах	Это разновидности двигательной активности, которые отличаются от классических видов спорта и часто развиваются вне основных спортивных федераций и организаций. Могут включать в себя необычные движения, нестандартные правила или использование специального оборудования; возникнуть из народных традиций, культурных особенностей или из индивидуальных интересов и хобби людей
<i>Примеры</i>	<i>Примеры</i>
Атлетическая гимнастика и аэробика. Бодифлекс, шейпинг, стретчинг. Восточные системы упражнений (йога, цигун). Системы локального воздействия (дыхательная гимнастика, суставная гимнастика, процедуры закаливания)	Лапта, городки. Серфинг, кайтсерфинг, виндсерфинг. Пешеходный туризм, рафтинг. Альпинизм, скалолазание. Скейтбординг, роллер-спорт
<i>Преимущества перед традиционными средствами</i>	
– Гибкость и вариативность. – Могут широко применяться в вузе, при выполнении требования доступности по физической нагрузке и по биомеханическим характеристикам движения. – Повышают мотивацию к занятиям за счет новизны и необычности, индивидуальный подход к занимающимся	– Индивидуальный и творческий подход к тренировкам и соревнованиям. – Социальная доступность спорта и его разновидностей. – Предлагают разнообразные и необычные способы физической активности. – Часто требуют более комплексного взаимодействия между различными двигательными навыками и сенсорными системами, что может приводить к значительному улучшению КС

Таблица 3

Уровень координационной подготовленности студентов

№	Контрольное упражнение, ед. изм.	$\times \pm \delta$	Уровень
1	Прыжки со скамейки на точность приземления, см	$5,5 \pm 0,4$	Ниже среднего
2	Тест «ловля линейки», см	$16,4 \pm 6,7$	Ниже среднего
3	Точность воспроизведения половины максимального прыжка в длину, ошибка, см	$9,42 \pm 8,82$	Средний
4	Точность воспроизведения амплитуды движения рук, ошибка, град	$6,3 \pm 3,2$	Средний
5	Усложненная проба Ромберга, сек	$16,7 \pm 12,2$	Выше среднего
6	Ходьба по гимнастической скамье, сек	$2,9 \pm 0,8$	Ниже среднего
7	Комбинация разнонаправленных движений рук и ног, балл	$3,2 \pm 0,91$	Ниже среднего
8	Выполнение марша под заданный ритм метронома, балл	$3,1 \pm 0,5$	Ниже среднего

Анализ научно-методической литературы и многочисленные педагогические наблюдения (2020–2024 гг.) позволили разработать концепцию, которая будет использована в специальной ППФП студента-строителя. Она базируется на принципах соотношения объемов средств ОФП и специальных упражнений прикладного характера [28]; распределения нестандартных видов спорта и упражнений по годам обучения. На первом курсе были поставлены задачи: воспитание основных общефизических качеств, совершенствование двигательных умений и навыков, т.е. ОФП; расширение двигательного опыта. Предлагаемые средства физической подготовки в соответствии с общеутвержденной программой дисциплины – легкая атлетика, атлетическая гимнастика, лыжный спорт. На втором–третьем курсе должны преимущественно реализовываться задачи: воспитание профессионально важных качеств и функций; формирование прикладных знаний, умений и навыков; приобретение знаний о профилактике профессиональных заболеваний. На этом этапе занимающимся предлагается выбор и занятия профессионально-прикладными видами спорта (спортивные игры, гимнастика, единоборства, армрестлинг), а в вариативной части – освоение нетрадиционных средств для повышения уровня координационной и специальной подготовленности. К ним отнесем следующие виды спорта и системы физических упражнений: прикладные упражнения гимнастики, скалолазание, туризм, спортивное ори-

ентирование, прыжки на мини-батуте, танцевальные системы и виды аэробики, йога и психомоторные упражнения. Особый блок заданий и упражнений направлен на формирование психомоторных способностей будущих инженеров-строителей. Он включает в себя упражнения с предметами и без; танцевальные упражнения в парах; упражнения с варьированием звуковых и зрительных сигналов, упражнения на точность попадания в цель, психомоторные задания и эстафеты. В специально подобранных комплексах упражнений последовательно конструируются формы движений, позволяющие избирательно и направленно влиять на развитие психомоторных способностей будущего инженера, в последствии эти движения должны использоваться и в самостоятельных занятиях по физической культуре.

Заключение

В физическом воспитании студентов строительных специальностей необходимо внедрять методы и средства, способствующие сопряженному формированию физической и психической готовности специалиста к будущей профессии. Наряду с элективными видами спорта профессионально-прикладного характера проводить игровые задания, психомоторные и координационные упражнения. В связи со спецификой профессиональной деятельности от будущих инженеров требуется совершенствование следующих специфических

КС: способность к дифференцированию пространственных, силовых и временных параметров движений; способность к статическому и динамическому равновесию; умение перестраивать движение; способность к ориентированию; устойчивость к раздражению

вестибулярного аппарата. Так, внедрение в учебно-тренировочный процесс нетрадиционных средств (видов) воспитания позволит решить специфические задачи профессиональной подготовки, а также повысит мотивацию к занятиям.

Список источников

1. Горская И.Ю., Афанасьева И.В., Ревенко Е.М. Оценка и совершенствование координационных способностей у студентов. Омск : СибАДИ, 2014. 213 с.
2. Сафонова О.А., Кривошеков В.Г. Профессионально-прикладная физическая подготовка студенток строительного профиля на основе комплексного подхода // Теория и практика физической культуры. 2015. № 9. С. 29–31.
3. Жидких В.П. Профессионально-прикладная физическая культура в системе подготовки специалистов-строителей : дис. ... д-ра пед. наук. Омск, 2000. 331 с.
4. Каравашкина О.В. Профессионально-прикладная физическая подготовка студентов в вузах строительного профиля : дис. ... канд. пед. наук. М., 2000. 150 с.
5. Лapidус А.А., Бумарскова Н.Н. Формирование профессиональной направленности будущих специалистов в сфере строительства с учетом их занятий различными видами спорта // Теория и практика физической культуры. 2017. № 5. С. 33–34.
6. Бернштейн Н.А. О ловкости и ее развитии. М. : ФиС, 1991. 288 с.
7. Гимазов Р.М. Построение движений: от теории к практике // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2018. № 2. С. 8–10.
8. Jaakkola T., Watt A., Kalaja S. Differences in the motor coordination abilities among adolescent gymnasts, swimmers, and ice hockey players // Human movement. 2017. Vol. 18 (1). P. 44–49.
9. Поздеева Е.А., Ивко И.А., Чусовитина О.М. Аспект сопряженного развития координационных способностей и психических функций у младших школьников // Человек. Спорт. Медицина. 2023. Т. 23, № 1. С. 104–110.
10. Краев С.А. Содержание и направленность профессионально-прикладной физической подготовки курсантов строительных вузов : дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2010. 143 с.
11. Кондрашов А.А. Профессиональная физическая подготовка студентов технических вузов на основе игрового метода обучения : дис. ... канд. пед. наук. Волжский, 2003. 149 с.
12. Мищенко И.В. Методика профессиональной физической культуры студенток строительных специальностей : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тула, 2014. 23 с.
13. Олесов Н.П. Формирование двигательной культуры будущих инженеров на основе использования этнопедагогического потенциала физического воспитания народов Севера : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Якутск, 2009. 22 с.
14. Профессиональный стандарт № 266 «Специалист в области производственно-технического и технологического обеспечения строительного производства», утвержденный приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 27.04.2023 № 412н.
15. Озеров В.П. Психомоторные способности человека. Дубна : Феникс+, 2002. 320 с.
16. Minu T., Biswas S. A comparative study of psychomotor abilities subjunior, junior and senior levels of women boxers // International Journal of Physical Education, Sports and Health. 2016. Vol. 3, № 5. P. 400–404.
17. Deepthi J. Analysis of psychomotor abilities as predictive factor for female long jumpers // International Journal of Physical Education, Sports and Health. 2016. Vol. 3, № 3. P. 401–415.
18. Ковальчук О.Г., Костикова Л.Г. Развитие скоростно-силовых качеств студентов на академических занятиях физической культурой с применением нетрадиционных средств // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2018. № 2. С. 88–94.
19. Марандыкина О.В. Возможности нетрадиционных средств оздоровления студенток // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2019. Т. 4, № 4. С. 131–137.
20. Старкова Е.В. Модульная технология развития двигательных координаций у студенток в процессе физического воспитания : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Малаховка, 2006. 25 с.
21. Шурыгина А.А. Нетрадиционные средства физической культуры в системе сохранения здоровья и физического развития студенческой молодежи // Социально-культурная деятельность: векторы исследовательских и практических перспектив : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Казань, 15 апреля 2016 г. / науч. ред. : П.П. Терехов, Д.В. Шамсутдинова, Л.Ф. Мустафина. Казань : Издательско-полиграфическая компания «Бриг», 2016. С. 326–329.
22. Постол О.Л., Панкратова О. Н. Сравнительный анализ эффективности методики оздоровления студенток транспортных вузов с применением нетрадиционных оздоровительных средств // Ученые записки университета Лесгафта. 2020. № 2 (180). С. 28–29.
23. Srhoj L., Kati R., Kaliterna A. Motor Abilities in Dance Structure Performance in Female Students // Collegium Antropologicum. 2006. № 2. P. 335–341.
24. Кусякова Р.Ф. Развитие координационных способностей студенток на основе применения средств классического танца : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Набережные Челны, 2014. 22 с.
25. Серикова Ю.Н., Александрова В.А. Методика совершенствования координационных способностей студенток 18–20 лет средствами хип-хоп хореографии // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2017. № 12 (154). С. 244–248.
26. Аров В.С., Евтеева Т.Г., Андреев Т.А., Савельев М.Ю., Половодов И.В., Павленко Е.П. Нестандартные физические упражнения для формирования координации у студенток профессий творческой направленности // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2023. № 5 (219). С. 48–50.
27. Радаева С.В., Беженцева Л.М., Сосунский В.С. Применение хореографических упражнений для развития кондиционных и координационных способностей студенток, обучающихся в вузе // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 465. С. 172–178. doi: 10.17223/15617793/465/23
28. Ильинич В.И. Профессионально-прикладная физическая подготовка студентов вузов. М. : Гардарики, 2003. 448 с.

References

1. Gorskaya, I.Yu., Afanas'eva, I.V. & Revenko, E.M. (2014) *Otsenka i sovershenstvovanie koordinatsionnykh sposobnostey u studentov* [Assessment and Improvement of Coordination Abilities in Students]. Omsk: Siberian State Automobile and Highway University.
2. Safonova, O.A. & Krivoshchekov, V.G. (2015) Professional'no-prikladnaya fizicheskaya podgotovka studentok stroitel'nogo profilya na osnove kompleksnogo podkhoda [Professional and applied physical training of female students of the construction profile based on an integrated approach]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 9. pp. 29–31.
3. Zhidkikh, V.P. (2000) *Professional'no-prikladnaya fizicheskaya kul'tura v sisteme podgotovki spetsialistov-stroiteley* [Professional and applied physical education in the system of training construction specialists]. Pedagogy Dr. Diss. Omsk.
4. Karavashkina, O.V. (2000) *Professional'no-prikladnaya fizicheskaya podgotovka studentov v vuzakh stroitel'nogo profilya* [Professional and applied physical training of students in universities of the construction profile]. Pedagogy Cand. Diss. Moscow.

5. Lapidus, A.A. & Bumarskova, N.N. (2017) Formirovanie professional'noy napravlenosti budushchikh spetsialistov v sfere stroitel'stva s uchetom ikh zanyatiy razlichnymi vidami sporta [Formation of professional orientation of future specialists in the field of construction taking into account their engagement in various sports]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 5. pp. 33–34.
6. Bernshteyn, N.A. (1991) *O lovkosti i ee razvitiy* [On Agility and Its Development]. Moscow: FiS.
7. Gimazov, R.M. (2018) Postroenie dvizheniy: ot teorii k praktike [Construction of movements: from theory to practice]. *Fizicheskaya kul'tura: vospitanie, obrazovanie, trenirovka*. 2. pp. 8–10.
8. Jaakkola, T., Watt, A. & Kalaja, S. (2017) Differences in the motor coordination abilities among adolescent gymnasts, swimmers, and ice hockey players. *Human movement*. 18 (1). pp. 44–49.
9. Pozdeeva, E.A., Ivko, I.A. & Chusovitina, O.M. (2023) Aspekt sopryazhennogo razvitiya koordinatsionnykh sposobnostey i psikhicheskikh funktsiy u mladshikh shkol'nikov [Aspect of the conjugate development of coordination abilities and mental functions in primary school students]. *Chelovek. Sport. Meditsina*. 1 (23). pp. 104–110.
10. Kraev, S.A. (2010) *Soderzhanie i napravlenost' professional'no-prikladnoy fizicheskoy podgotovki kursantov stroitel'nykh vuzov* [Content and focus of professional and applied physical training of students of construction universities]. Pedagogy Cand. Diss. Saint Petersburg.
11. Kondrashov, A.A. (2003) *Professional'naya fizicheskaya podgotovka studentov tekhnicheskikh vuzov na osnove igrovogo metoda obucheniya* [Professional physical training of students of technical universities based on the game method of teaching]. Pedagogy Cand. Diss. Volzhskiy.
12. Mishchenko, I.V. (2014) *Metodika professional'noy fizicheskoy kul'tury studentok stroitel'nykh spetsial'nostey* [Methodology of professional physical education of female students of construction specialties]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Tula.
13. Olesov, N.P. (2009) *Formirovanie dvigatel'noy kul'tury budushchikh inzhenerov na osnove ispol'zovaniya etnopedagogicheskogo potentsiala fizicheskogo vospitaniya narodov Severa* [Formation of motor culture of future engineers based on the use of ethnopedagogical potential of physical education of the peoples of the North]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Yakutsk.
14. Ministry of Labour and Social Protection of the Russian Federation. (2023) *Specialist in the Field of Production, Technical and Technological Support of Construction Production. Professional Standard No. 266 approved by order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation No. 412n*. Moscow: [s.n.]. (In Russian).
15. Ozerov, V.P. (2002) *Psikhomotornye sposobnosti cheloveka* [Human Psychomotor Abilities]. Dubna: Feniks+.
16. Minu, T. & Biswas, S. (2016) A comparative study of psychomotor abilities subjunior, junior and senior levels of women boxers. *International Journal of Physical Education, Sports and Health*. 5 (3). pp. 400–404.
17. Deepti, J. (2016) Analysis of psychomotor abilities as predictive factor for female long jumpers. *International Journal of Physical Education, Sports and Health*. 3 (3). pp. 401–415.
18. Koval'chuk, O.G. & Kostikova, L.G. (2018) Razvitie skorostno-silovykh kachestv studentov na akademicheskikh zanyatiyakh fizicheskoy kul'turoy s primeneniem netraditsionnykh sredstv [Development of speed-strength qualities of students in academic physical education classes using non-traditional means]. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2. pp. 88–94.
19. Marandykina, O.V. (2019) *Vozmozhnosti netraditsionnykh sredstv ozdorovleniya studentov* [Possibilities of non-traditional means of improving students' health]. *Fizicheskaya kul'tura. Sport. Turizm. Dvigatel'naya rekreaciya*. 4 (4). pp. 131–137.
20. Starkova, E.V. (2006) *Modul'naya tekhnologiya razvitiya dvigatel'nykh koordinatsiy u studentok v protsesse fizicheskogo vospitaniya* [Modular technology for developing female students' motor coordination in the process of physical education]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Malakhovka.
21. Shurygina, A.A. (2016) [Non-traditional means of physical education in the system of maintaining health and physical development of student youth]. *Sotsial'no-kul'turnaya deyatel'nost': vektory issledovatel'skikh i prakticheskikh perspektiv* [Social and Cultural Activity: Vectors of research and practical prospects]. Proceedings of the International Conference. Kazan. 15 April 2016. Kazan: Izdatel'sko-poligraficheskaya kompaniya "Brig". pp. 326–329. (In Russian).
22. Postol, O.L. & Pankratova, O.N. (2020) *Sravnitel'nyy analiz effektivnosti metodiki ozdorovleniya studentok transportnykh vuzov s primeneniem netraditsionnykh ozdorovitel'nykh sredstv* [Comparative analysis of the efficiency of the health improvement methodology for female students of transport universities using unconventional health tools]. *Uchenye zapiski universiteta Lesgafita*. 2 (180). pp. 28–29.
23. Srhoj, L., Kati, R. & Kaliterna, A. (2006) Motor abilities in dance structure performance in female students. *Collegium Antropologicum*. 2. pp. 335–341.
24. Kusyakova, R.F. (2014) *Razvitie koordinatsionnykh sposobnostey studentov na osnove primeneniya sredstv klassicheskogo tantsa* [Development of students' coordination abilities based on the use of classical dance tools]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Naberezhnye Chelny.
25. Serikova, Yu.N. & Aleksandrova, V.A. (2017) *Metodika sovershenstvovaniya koordinatsionnykh sposobnostey studentok 18–20 let sredstvami khip-khop khoreografii* [Methodology for improving the coordination abilities of female students aged 18–20 by means of hip-hop choreography]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafita*. 12 (154). pp. 244–248.
26. Arov, V.S. et al. (2023) *Nestandartnye fizicheskie uprazhneniya dlya formirovaniya koordinatsii u studentov professiy tvorcheskoy napravlenosti* [Non-standard physical exercises for the formation of coordination in students of creative professions]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafita*. 5 (219). pp. 48–50.
27. Radaeva, S.V., Bezhentseva, L.M. & Sosunovskiy, V.S. (2021) The use of choreographic exercises for the development of the conditioning and coordination abilities of female university students. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 465. pp. 172–178. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/465/23
28. Il'ich, V.I. (2003) *Professional'no-prikladnaya fizicheskaya podgotovka studentov vuzov* [Professional and Applied Physical Training of University Students]. Moscow: Gardariki.

Информация об авторе:

Поздеева Е.А. – канд. пед. наук, доцент кафедры физического воспитания и спорта Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (Москва, Россия). E-mail: lena.pozdeewa@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.A. Pozdeeva, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, National Research Moscow State University of Civil Engineering (Moscow, Russian Federation). E-mail: lena.pozdeewa@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 03.03.2023;
одобрена после рецензирования 30.04.2024; принята к публикации 30.06.2024.*

*The article was submitted 03.03.2023;
approved after reviewing 30.04.2024; accepted for publication 30.06.2024.*

Научная статья
УДК 316:373
doi: 10.17223/15617793/503/21

Изучение позиции педагогов массовой школы по отношению к инклюзивному образованию

Светлана Васильевна Рослякова¹, Надежда Валерьевна Сиврикова²,
Надежда Анатольевна Соколова³, Елена Геннадьевна Черникова⁴

^{1, 2, 3, 4} Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия

¹ roslyakovasv@cspu.ru

² bobronv@cspu.ru

³ sokolovana@cspu.ru

⁴ chernikovaeg@cspu.ru

Аннотация. Изучена позиция педагогов массовых школ по отношению к инклюзивному образованию. Выявлено следующее: преимущественно положительная модальность отношения педагогов к инклюзии, первостепенность факторов повышения качества инклюзивной практики – системного подхода в ее организации и создания служб сопровождения; приоритетность проблем, связанных с собственной профессиональной деятельностью.

Ключевые слова: инклюзивное образование, массовая школа, педагоги, дети с ограниченными возможностями здоровья, факторы повышения качества инклюзивного образования

Источник финансирования: работа выполнена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет им. М.Е. Евсевьева» в рамках проекта «Организационно-педагогическое сопровождение семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья в условиях инклюзивного образования», рег. № МК-84-2023/2 от 04.05.2023 г.

Для цитирования: Рослякова С.В., Сиврикова Н.В., Соколова Н.А., Черникова Е.Г. Изучение позиции педагогов массовой школы по отношению к инклюзивному образованию // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 503. С. 209–220. doi: 10.17223/15617793/503/21

Original article
doi: 10.17223/15617793/503/21

A study of public school teachers' opinions on inclusive education

Svetlana V. Roslyakova¹, Nadezhda V. Sivrikova², Nadezhda A. Sokolova³, Elena G. Chernikova⁴

^{1, 2, 3, 4} South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russian Federation

¹ roslyakovasv@cspu.ru

² bobronv@cspu.ru

³ sokolovana@cspu.ru

⁴ chernikovaeg@cspu.ru

Abstract. The opinion of public schools teachers towards inclusive education was studied. The predominantly positive modality of their attitude to inclusion, the primacy of factors for improving the quality of inclusive practice (a systematic approach to its organization and the creation of support services), the priority of problems related to their own professional activities over others were revealed. The methodological basis of the study was the constructive paradigm and the activity approach. To collect empirical data, a mass online survey was used, conducted using the Yandex.Forms Internet service and organized with the assistance of the Chelyabinsk City Committee for Education in June 2023. The questionnaire developed by the authors' team and used for the survey included nine questions aimed at identifying the teachers' opinion. The authors came to the following main conclusions. The analysis of the survey data showed that teachers have different attitudes towards the idea of implementing inclusive education in a mainstream school. The majority of teachers surveyed (63.8%) support it, of which more than a half of the respondents see the idea as promising (51.3%). However, one quarter of the respondents (25.2%) have a negative attitude towards it, considering it nonviable, and 10.9% see it as another paper project. The teachers' opinion is based on their attitude towards inclusive education and their assessment of the factors that will improve its quality, constructive proposals and identified problems. The study and comparison of its results with data from other surveys showed that the teachers' opinion towards inclusion is changing – a positive trend is observed: comparing the results of previous studies, the proportion of teachers who have a positive attitude towards inclusive education is increasing. The attitude of teachers towards inclusive education

is often positive, but every third does not support the idea. This attitude is not affected by factors of teachers' participation in the inclusive educational process and their length of service at school. At the same time, among those working on adapted programs, those who are negative and indifferent to inclusion are almost twice as many, which indicates the presence of problems in this process. Among the proposed factors influencing the improvement of the quality of inclusive education, teachers gave priority to the system of support for inclusive education built in the school. The overwhelming majority of teachers (regardless of their opinion) do not deny the role of the school administration and the management decisions it makes. However, no category of teachers names the administration among the primary factors in improving the quality of inclusive practice. Most of all, in inclusive education, teachers are concerned about the problems of their own activities (motivation, stimulation, management of a mixed class, class size, lack of assistants, etc.) within the framework of inclusion, and the problems of interaction between participants in this process, the presence of structures – administrative and specialized – recede into the background and the following planes.

Keywords: inclusive education, public school, teachers, children with disabilities, factors for improving the quality of inclusive education

Financial support: The work was supported by the Mordovian State Pedagogical University named after M.E. Evseev, Reg. No. МК-84-2023/2 of 04 May 2023.

For citation: Roslyakova, S.V., Sivrikova, N.V., Sokolova, N.A. & Chernikova, E.G. (2024) A study of public school teachers' opinions on inclusive education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 503. pp. 209–220. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/503/21

Введение

Вот уже более двадцати лет в Российской Федерации происходит становление и реализация идей, целей и практики инклюзивного образования, которое предполагает, что дети имеют разные образовательные потребности, поэтому необходимо обеспечение доступности образования для всех, удовлетворения образовательных потребностей каждого ребенка, создание для этого специальных условий [1, 2]. Эти идеи закреплены законодательно [3], что требует обязательность их реализации.

Один из принципов организации инклюзивного образования – это обучение и воспитание детей с особыми образовательными потребностями (дети, нуждающиеся в иных, чем в норме, способах образования с использованием специфических средств, в более дифференцированном, «пошаговом» обучении, особой пространственной и временной организации образовательной среды и границ образовательного пространства, пролонгированности процесса и согласованности участия квалифицированных специалистов разных профилей как составляющих индивидуализации обучения [3]) в обычных общеобразовательных учреждениях – массовой школе, для чего формируются смешанные классы для совместного обучения «обычных» и «особых» детей [1].

Обучающийся с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), имеющий особые образовательные потребности, имеет недостатки в физическом и (или) психическом развитии, подтвержденные психолого-медико-педагогической комиссией и препятствующие получению образования без создания специальных условий [3]. Ограничение участия детей с ОВЗ в традиционном общеобразовательном процессе негативно сказывается на их развитии: обуславливает появление у них вторичных трудностей в личностном, коммуникативном развитии (повышенная сензитивность, тревожность, незащищенность, изолированность), что приводит к стойкой дезадаптации в социуме [4]. В этой связи в обществе и науке инклюзивное образование

признается положительным, перспективным явлением (Д.Е. Шевелева, Е.В. Грунт) [2, 5].

Однако на практике не все так однозначно: встречаются тревожные высказывания относительно того, что на данный момент времени ни школа, ни общество в целом не готовы к внедрению совместного обучения здоровых детей и детей с ограниченными возможностями здоровья, созданию среды для инклюзивного образования [6, 7]. Нередко успех инклюзии связывают с позицией педагога, с пониманием и признанием им идей инклюзивного образования, отношением к нему, а также готовностью к его реализации (Miesera S., Gebhardt M. [8], Saloviita T. [9], Алехина С.В., Мельник Ю.В., Самсонова Е.В., Шеманов А.Ю. [10] и др.). Признается: от того, как относится педагог к инклюзивному образованию, зависит эффективность его реализации (А.А. Дубов) [7].

Проблема отношения педагога к инклюзии, оценки им разных аспектов инклюзивного образования достаточно давно исследуется в науке: по мнению М.Л. Волосниковой, начали ее изучать с конца 50-х гг. XX в. и до сих пор интерес к ней не снижается. Так, поиск в базе данных Web of Science (по ключевым словам «teachers attitudes», «inclusive education») позволил автору найти 1350 результатов среди публикаций за период с 1995 по 2022 г., причем наибольшая активность в исследовании проблемы была в 2019 г. (2 007 статей), к 2020 и 2021 гг. она снижается до 215 и 202 публикаций [11], но, судя по количеству публикаций, не перестает быть актуальной.

Отечественные исследователи, проводившие в последние десять лет опросы в школах Свердловской, Оренбургской областей, в городах Москва, Тюмень, Ивантеевка [5, 11–13 и др.], сделали неутешительные выводы: педагоги или в большинстве своем (Е.Н. Моргачёва, 2013, Ю.А. Королёва, 2016), или около половины (Е.В. Грунт, 2017) относятся отрицательно к идее инклюзивного образования. При этом выступающие против реализации данной инновации, как отмечают исследователи, свое несогласие чаще выражают косвенно, в завуалированной форме [11, 13].

Главное условие успешной инклюзии – это позитивное отношение к ней педагогов. Исследователи выявили, что сильнее оно выражено у учителей, имеющих специальное образование (Ж.Ю. Брук, Г.В. Патрушева и др.; D. Iliško, Vadjanova J., Ignatjeva S.) [14, 15], молодых педагогов, а слабее – у педагогов-предметников, работающих в старших классах. (T. Saloviita, P. Engelbrecht et al.) [9, 16].

В зависимости от отношения к инклюзивному образованию исследователи делят педагогов на группы: «романтики», «реалисты» и «критики» инклюзии. Если для первых, по мнению автора классификации, инклюзия – это ресурс для развития, для вторых – среда со своими рисками и возможностями, то для последних инклюзия – это источник проблем [11]. Отрицательное отношение связывают: с особенностями понимания педагогами общеобразовательных организаций инклюзивного процесса, с наличием/отсутствием опыта работы с лицами с ОВЗ, с типом отношения к лицам данной категории, неготовностью учителя создавать условия для обучения каждого ребенка с ОВЗ, с неспособностью внедрять инклюзивные технологии [5, 11–13 и др.]. Как считает Е.В. Грунт, как правило положительную оценку инклюзивному образованию педагоги дают в связи с обучением детей с ОВЗ, а отрицательную – в отношении собственной педагогической деятельности и в связи с проблемами в реализации инклюзивного образования в общеобразовательных организациях [5].

Изучая отношение педагогов к инклюзивному образованию, ученые попытались выделить его предикторы. По мнению A.L. Perrin, M. Jugu, C. Desombre, в основе отношения лежат личные ценности, самоотношение и открытость к изменениям. Они, по мнению авторов, положительно связаны с отношением к инклюзии [17]. Важным предиктором отношения учителей к инклюзивному образованию, по мнению исследователей из Африки (M.P. Oropku, A.N. Jiya, R.C. Kanyinji, W. Nketsia), является удовлетворенность работой [18].

Актуальным аспектом исследования является обсуждение различных факторов, влияющих на отношение к инклюзивному образованию, его реализацию, повышение результативности и оптимальности процесса. Факторы, напрямую влияющие на отношение учителей к инклюзивному образованию, связаны, по мнению ученых, с детьми, средой (ресурсами) и/или личностью самого учителя (E. Avramidis, B. Norwich) [19]. К ключевым факторам, влияющим на отношение педагогов к инклюзивному образованию, его реализации, по мнению ученых, следует отнести работу директора школы, реализующего и продвигающего инклюзивную школьную политику (E. Cohen [20]; N. Khaleel, M. Alhosani, I. Duyar [21]).

Факторы, влияющие на формирование и реализацию инклюзивного образования, делят на группы: нормативно-правовые, материально-технические, кадрового обеспечения, психолого-педагогические, социокультурные и организационно-методические [22].

К факторам повышения эффективности инклюзивного образования А.А. Дубов и Д.Б. Глазкова, относят: выявление образовательных потребностей учащихся, обеспечение качественного обучения с учетом образо-

вательных потребностей посредством применения различных стратегий и подходов; осуществление эффективного руководства образовательной организацией с учетом понимания и принятия педагогическим коллективом концептуальных основ инклюзии [7]. Они же могут быть рассмотрены и как факторы повышения качества инклюзивного образовательного процесса.

Самым популярным фактором, влияющим на улучшение качества инклюзивного образования, считают повышение квалификации педагогов. По мнению исследователей, профессиональному развитию педагогов в области инклюзивного образования должно уделяться больше внимания [6], поскольку педагоги испытывают дефицит подготовки и, как следствие, потребность в ее организации [5, 23].

Анализ теоретических аспектов проблемы и предложенных исследователями факторов позволил нам выделить важные для собственного исследования факторы, влияющие на повышение качества инклюзивного образования: 1) выстроенная в школе система сопровождения инклюзивного образования; 2) создание службы сопровождения инклюзивного образования; 3) работа администрации школы; 4) педагоги; 5) родители; 6) повышение квалификации.

Свою позицию по отношению к инклюзивному образованию педагоги обычно выражают в выделенных проблемах и высказанных предложениях по совершенствованию инклюзивной практики. Проблемы, обсуждаемые учеными, можно поделить на следующие группы: социальные (негативное отношение к инвалидности в обществе и др.), кадровые (низкий уровень подготовки к реализации инклюзивного образования, недостаточность личностных ресурсов педагогов и др.), управленческие (неготовность и низкий уровень мотивации директоров школ и других представителей управленческого корпуса к внедрению инклюзии), финансовые (слабая оснащенность школ, отсутствие системы стимулирования педагогов и др.), методические (нет методического обеспечения и сопровождения инклюзивной образовательной практики) [7, 24 и др.]. В числе предложений по совершенствованию процесса инклюзивного образования исследователи, соглашаясь с практиками, выдвигают следующее: выявлять образовательные потребности всех обучающихся, моделировать компоненты и организационно-содержательное обеспечение инклюзивной образовательной среды, разрабатывать и внедрять практико-ориентированные инклюзивные технологии и др. [7].

Исходя из понимания того, что позиция педагогов складывается из отношения к инклюзивному образованию и оценки факторов, позволяющих повысить его качество, предложений и обозначенных проблем, был выдвинут ряд вопросов-задач, чтобы выявить:

– Каково отношение педагогов к инклюзивному образованию, меняется ли оно со временем?

– Какие факторы, по мнению педагогов, влияют на повышение качества данного образования в большей степени?

– Видят ли родители соучастниками инклюзивного образовательного процесса? Как оценивают существующую работу с ними в общеобразовательной организации?

– Какие проблемы видят и какие предложения по улучшению инклюзивного процесса выдвигают педагоги-практики?

– Испытывают ли педагоги потребность в повышении квалификации в области инклюзии?

Поиск ответов на эти исследовательские вопросы-задачи позволил сформулировать цель настоящей статьи: изучение позиции педагогов массовой школы по отношению к инклюзивному образованию на основе оценки факторов повышения его качества, названных ими проблем в реализации инклюзии и предложений по совершенствованию инклюзивной практики.

Методология и методы исследования

Методологической основой исследования выступила конструктивная парадигма и деятельностный подход. Согласно конструктивной парадигме каждый участник инклюзивного образовательного процесса непосредственно включен в конструирование себя и образовательной среды в условиях инклюзивного образования. Поэтому важно учитывать субъективное мнение участников образовательного процесса, их отношение к инклюзии, к себе и социальному партнеру как к важному детерминанту конструирования собственной активности. Деятельностный подход актуализировал наш взгляд в исследовании на изучение деятельности педагога (активное отношение субъекта к действительности (А.Н. Леонтьев)) в инклюзивном образовании, его рефлексивную составляющую педагогической деятельности, которая позволяет оценить инклюзивную практику в современной школе.

Для сбора эмпирических данных использовался массовый онлайн-опрос, проведенный с помощью интернет-сервиса «Яндекс.Формы» и организованный при содействии Комитета по делам образования г. Челябинска в июне 2023 г.

Разработанная авторским коллективом и использованная для опроса анкета включала 9 вопросов, направленных на выявление следующих аспектов позиции педагогов по отношению к инклюзивному образованию:

1. Отношения педагогов к идее внедрения инклюзивного образования в массовой школе, в том числе в зависимости от участия в его реализации (реализация адаптированных образовательных программ) и стажа работы.

2. Оценка значимости для педагогов различных факторов (организационных и кадровых) повышения качества инклюзивного образования в массовой школе (выстроенная в школе система сопровождения инклюзивного образования, специально созданное в школе структурное подразделения по сопровождению инклюзии, администрация школы с ее управленческим ресурсом, педагоги), в том числе в зависимости от отношения к инклюзии.

3. Оценка степени значимости управленческого фактора (принятия правильных управленческих решений администрацией школы) в повышении качества инклюзивного образования.

4. Оценка родителей детей с ОВЗ в качестве участников процесса инклюзивного образования и организации работы с ними в общеобразовательной организации.

5. Проблемы в реализации инклюзивного образования в массовой школе.

6. Предложения педагогов по совершенствованию инклюзивного образования в массовой школе.

7. Потребность педагогов в повышении квалификации в области инклюзивного образования.

В опросе приняли участие 678 педагогов школ г. Челябинска, из них 94% респондентов женского пола, 6% – мужского. 77% опрошенных работают педагогами, 23% – занимают (12,1%) или занимали (10,9%) руководящую должность. Возрастные границы опрошенных – от 20 до 77 лет, стаж работы – от нескольких месяцев до 56 лет. Большую часть составили педагоги-стажисты, у которых за плечами более 10 лет работы в школе (68,3%). Их число более чем в два раза превышает количество молодых педагогов (31,7%). 468 человек (69%) участвуют в реализации инклюзивного образования, что позволяет утверждать, что респонденты по большей части знают проблемы инклюзивного образования не понаслышке, способны их обсуждать и оценивать.

Для математической обработки результатов исследования использовался χ^2 -критерий Пирсона (в случае таблиц размерностью 2×2 – с поправкой на непрерывность).

Результаты исследования

Анализ данных опроса показал, что педагоги по-разному относятся к идее реализации инклюзивного образования в массовой школе. Большая часть опрошенных педагогов (63,8%) поддерживают ее, из них более половины респондентов видят идею перспективной (51,3%). Однако одна четвертая опрошенных (25,2%) относится к ней отрицательно, считая нежизнеспособной, а 10,9% видят ее очередной бумажной затеей.

При исследовании отношения педагогов к инклюзивному образованию в обычной школе в зависимости от участия в реализации адаптированных программ, было отмечено, что положительно относятся к внедрению инклюзивного образования 46,6% реализующих адаптированные программы и 43,9% педагогов, не работающих по ним. При оценке результатов выяснилось, что фактор участия/неучастия в реализации адаптированных образовательных программ не влияет на принятие или отрицание педагогом идеи инклюзии в массовой школе. Однако, как оказалось, отрицательно и безразлично относящихся к ней почти в два раза больше среди работающих по адаптированным программам (22,4% среди работающих и 13,7% – среди неработающих).

Отношение к инклюзивному образованию мы оценили также в зависимости от стажа работы педагога (табл. 1).

Оценивая результаты, представленные в табл. 1, отметим, что различия в отношении к инклюзивному образованию в зависимости от стажа работы нет

($\chi^2 = 1,6$; $p = 0,76$; $V = 3$): соотношение как положительно, так и отрицательно относящихся к реализации в массовой школе инклюзии при стаже работы до 10 и после 10 лет приблизительно одинаковое.

Оценивая роль различных факторов в повышении качества инклюзивного образования в массовой школе, педагоги приоритет отдали выстроенной в школе системе сопровождения инклюзивного образования: более половины педагогов (52,2%) считают, что системный подход в выстраивании инклюзивного образования обеспечит повышение его качества. При этом одной трети респондентов признается значимость в инклюзив-

ном образовании работы школьной службы сопровождения (41,4%). Незначительная часть педагогов (9%) считают первичной в этом процессе работу администрации школы, выстраивающей весь процесс образования детей с ОВЗ и взаимодействия с их родителями.

И только 7,4% опрошенных выводят на первый план деятельность педагогов (т.е. себя) и узких специалистов.

Далее мы рассмотрели зависимость выбора педагогами факторов повышения качества учебно-воспитательного процесса в рамках инклюзивного образования от отношения к инклюзии (табл. 2).

Таблица 1

Отношение к инклюзивному образованию в зависимости от стажа работы педагогов

Отношение к инклюзивному образованию	Положительно, идея имеет перспективы		Очень положительно		Безразлично, очередная идея, реализуемая на бумаге		Отрицательно, нежизнеспособная идея	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Стаж работы в школе								
Более 10 лет работы (№ 463)	238	51,4	54	11,7	52	11,2	119	25,7
Менее 10 лет работы (№ 215)	110	51,2	31	14,4	22	10,2	52	24,2
Всего	348	51,3	85	12,5	74	10,9	171	25,2

Таблица 2

Зависимость выбора педагогами факторов повышения качества учебно-воспитательного процесса в рамках инклюзивного образования от отношения к инклюзии

Отношение к инклюзии	Факторы, влияющие на качество инклюзивного образования							
	Администрация школы		Выстроенная в школе система сопровождения		Педагоги		Специально созданное подразделение	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Безразлично (N 74)	7	9,5	35	47,3	4	5,4	28	37,8
Отрицательно (N 171)	17	9,9	74	43,3	19	11,1	61	35,7
Очень положительно (N 85)	12	14,1	49	57,6	8	9,4	16	18,9
Положительно в перспективе (N 348)	25	7,2	196	56,3	19	5,5	108	31

В ходе исследования была зафиксирована связь между отношением к идее реализации инклюзивного образования в массовой школе и мнением о том, от кого больше всего зависит повышение качества учебно-воспитательного процесса в рамках инклюзивного образования ($\chi^2 = 20,6$; $p = 0,015$; $V = 9$). Результаты говорят о том, что больше всего на повышение качества инклюзивного образования, с точки зрения опрашиваемых, повлияет выстроенная в школе система сопровождения инклюзивного образования. Особенно выбирают ее те, кто положительно в перспективе и очень положительно относятся к инклюзивному образованию в целом. Интересен тот факт, что безразлично и отрицательно относящиеся к инклюзии чаще видят в числе факторов повышения качества инклюзивного образования специально созданное в школе структурное подразделение по сопровождению. Больше всего верят в работу администрации школы и зависимость от нее решений проблем инклюзивного образования те, кто относится к самой идее очень положительно. При этом на администрацию ставку не делает ни одна категория педагогов в зависимости от отношения к инклюзии. Также незначимым фактором в повышении качества учебно-воспитательного процесса в рамках инклюзии видят и самих педагогов (совокупно по всем категориям этот фактор набирает самый низкий процент выборов).

Анализ ответов педагогов на открытый вопрос показал, что респонденты видят зависимость качества учебно-воспитательного процесса в школе также от «региональных и федеральных органов власти, которые должны обеспечить необходимым оборудованием, пандусами, лифтами и средствами обучения те образовательные учреждения, в которых осуществляется инклюзивное образование»; «финансирования процесса не за счет внутренних возможностей учреждения»; «взаимодействия педагогов системы сопровождения с другими педагогами». В то же время встречались и негативного характера ответы педагогов, которые считают правильным организацию раздельного обучения детей, обучения детей с психическими отклонениями в коррекционных учреждениях.

Отдельно выявлялась значимость принятия правильных управленческих решений администрацией школы в повышении качества инклюзивного образования (табл. 3).

Отвечая на данный вопрос, преимущественное большинство педагогов согласны с тем, что можно повысить качество инклюзивного образования за счет принятия правильных управленческих решений администрацией школы (95,1%). При этом полностью с этим согласны не более одной трети (28,8%) респондентов, не согласны только 8,7%. Нам не удалось обнаружить связь между мнением педагогов и фактом принадлежности к административному корпусу школы ($\chi^2 = 3,15$; $p = 0,533$; $V = 4$).

Зависимость повышения качества инклюзивного образования от принятия правильных управленческих решений администрацией школы

Занимает ли респондент административную должность?	Вариант ответа					
	Да, влияют		Нет, не влияют		Частично влияют	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Да, занимает административную должность (№ 82)	22	26,8	4	4,9	56	68,3
Нет, но ранее занимал должность (№ 74)	25	33,8	6	8,1	43	58,1
Нет, не занимает должность (№ 522)	148	28,4	49	9,4	325	62,3
Всего	195	28,8	59	8,7	424	62,5

Отдельной задачей исследования явилось изучение мнения педагогов об участии родителей детей с ОВЗ в организации инклюзивного образования в школе. Выявлено, что преимущественное большинство опрошенных положительно относятся к их участию в этом процессе. При этом 60% из них указывают на важность полного взаимодействия, 30,4% – на участие с ограничениями и только 9,6% педагогов считают, что родители не должны принимать участие в организации инклюзивного образования в школе.

Изучение наличия в школах работы с семьями детей с ОВЗ позволило заключить, что в значительной части школ (41,9%) такая работа ведется: почти в одной трети школ (28,8%) работа с родителями осуществляется на уровне узких специалистов. Радует тот факт, что низкий процесс опрошенных – 3,7% (только 25 из 678 педагогов) указали на отсутствие такой работы в школе. Но в то же время чуть больше одной четвертой опрошенных указали на фрагментарность работы с родителями, нечастое взаимодействие с ними – только при возникновении проблемной ситуации.

Предпоследним блоком вопросов анкеты было выявление проблем реализации инклюзивного образования в современной массовой школе и предложений по его совершенствованию.

Педагогам было необходимо ранжировать (распределить места с первого по девятое в зависимости от степени актуальности для школы) предложенные проблемы в реализации инклюзивного образования. На первое место они поставили проблему отсутствия системы мотивации и стимулирования педагогов за работу в инклюзивном образовании (3 740 выборов), на втором оказалась проблема непринятия или непонимания родителями в полной мере особенностей в развитии своего ребенка (3 414). Третье место заняла проблема отсутствия особых условий инклюзивной среды в школе или наличия трудностей для ее реализации (3 267), четвертое – взаимодействия администрации и педагогов с родителями обычных детей и детей с ОВЗ по вопросам содержания и организации учебного процесса (3 180), а пятое – взаимодействия родителей обычных детей и детей с ОВЗ по вопросам содержания и организации учебного процесса (3 153).

Шестое, седьмое, восьмое и девятое место заняли проблемы (с очень близким по сумме количеством выборов) организации совместного для обычных детей и детей-инвалидов и с ОВЗ учебного процесса в школе (3 057), несовершенства нормативного обеспечения процесса (3 053), отсутствия или несовершенства административной структуры, занимающейся в школе

инклюзивным образованием (3 051), отсутствия специальных структур (медико-социальной, психологической, социально-педагогической), отвечающих за сопровождение инклюзии в школе (3 043).

Педагоги озвучили и собственные варианты проблем реализации инклюзии в массовой школе: «отсутствие возможности у педагогов соблюдать СанПиН и индивидуальный подход в классе с высокой наполняемостью (36 человек)»; «отсутствие методического обеспечения для реализации такого образовательного процесса, где нужно за 40 минут уделить внимание и сильным, и обычным, и слабым учащимся», «рекомендательный характер ПМПК», «трудности в реализации учителем учебного процесса при большой наполняемости класса (более 30 человек) без тьютера» и др.

Отрицательное отношение к идее инклюзивного образования прозвучало в таких ответах: «Современные массовые школы не готовы к инклюзии», «Трудно предположить, что будет – в школе нет опыта подобного эксперимента», «Когда в классе 30 человек, нет возможности заниматься достаточно хорошо с детьми-инвалидами и ОВЗ».

Решение проблем педагоги видят по-разному. Ответы на вопросы о мерах, которые необходимо предпринять для улучшения ситуации с инклюзивным образованием в школе, свелись к следующим конструктивным предложениям:

1. Создать службы сопровождения, укомплектованные в требуемом количестве нужными специалистами.
2. Создать систему работы по инклюзии в школе (на всех уровнях).
3. Ввести отдельный орган по управлению инклюзивным образовательным процессом (например, совет по инклюзии).
4. Организовать индивидуальную поддержку, включив в этот процесс тьютеров.
5. Организовать работу с родителями: от просвещения до активного взаимодействия в обучении, вплоть до постоянного присутствия на уроках.
6. Организовать взаимодействие здоровых детей и детей с ОВЗ по большей части во внеурочной, кружковой работе.
7. Организовать повышение квалификации педагогов.
8. Снизить наполняемость классов, где есть дети с ОВЗ.
9. Осуществлять дополнительное материальное стимулирование педагогов, работающих по адаптированным программам.

В то же время часть опрошиваемых предложила либо «убрать» детей с ОВЗ (если в классе больше 10–15 человек), либо организовывать взаимодействие детей с ОВЗ и нормотипичных только во внеурочной деятельности, так как совместное обучение замедляет учебный процесс в смешанном классе и др.

Последней исследовательской задачей стало выявление потребности педагогов в повышении квалификации по вопросам инклюзивного образования (табл. 4).

Мнения опрошенных разделились в ответе на вопрос о необходимости повышения квалификации: 50,4% педагогов видят необходимость в специальной

подготовке для работы с детьми с ОВЗ и их родителями. При этом чаще о такой необходимости говорят педагоги со стажем работы менее 10 лет ($\chi^2 = 5,4$; $p = 0,02$; $V = 1$).

Педагоги выразили свое желание в повышении квалификации «по всем вопросам». В то же время можно выделить несколько аспектов, отмеченных учителями в качестве наиболее востребованных:

1. Сущность инклюзивного образования: «объяснить, что такое инклюзивное образование», «обновить знания», «обучение педагогов по индивидуализации образования для данных детей» и др.

Таблица 4

Потребность педагогов в повышении квалификации по проблемам инклюзивного образования

Исследуемые переменные		Стаж		Всего	
		До 10 лет	Более 10 лет		
Потребность в повышении квалификации по проблемам инклюзивного образования	Есть	Количество	123	219	342
		%	57,2%	47,3%	50,4%
	Нет	Количество	92	244	336
		%	42,8%	52,7%	49,6%
Всего		Количество	215	463	678
		%	100,0%	100,0%	100,0%

2. Организация учебного процесса: «обучение детей с ОВЗ», «организация совместного обучения обычных детей и детей с ОВЗ», «разработка и реализация индивидуального маршрута обучения», «реализация индивидуального подхода в работе с таким ребенком», «организация специальных условий» и т.п.

3. Психолого-медико-педагогическая подготовка: «основные особенности разных нозологических групп», «медико-психологические особенности детей с ОВЗ» и др.

4. Методическая подготовка: «особенности обучения отдельных категорий детей с ОВЗ», «критерии оценивания образовательной деятельности детей с ОВЗ», «методика преподавания отдельных предметов для детей с ОВЗ», «методика работы с детьми с ОВЗ», «адаптированная программа», «современные методы психолого-педагогической диагностики и коррекции при сопровождении детей с ОВЗ (нейропсихологические методы, техники КПТ и т.д.)», «методика организации урока» и др.

5. Взаимодействие в инклюзивном образовании: «организация взаимодействия с узкими специалистами», «сопровождение работы с родителями» и др.

Обсуждение

Полученные в исследовании данные позволяют утверждать, что в целом педагоги поддерживают идею инклюзивного образования. Результаты нашего опроса говорят о том, что в сравнении с данными исследований 2013, 2016 и 2017 гг. [5, 6, 12, 13 и др.] количество педагогов, положительно относящихся к инклюзии, возрастает. Интересно, что наши данные согласуются с результатами исследований, проведенных в 1960–1990-х гг. в англосаксонских странах. Там в этот период времени также примерно две трети учителей положительно относились к инклюзивному образованию, а отторжение идея вызывала примерно у трети учителей (Т.Е. Scruggs,

М.А. Mastropieri, 1996; de A. Boer, S.J. Pijl, A. Minnaert, 2011) [25, 26]. Кроме того, наши данные по доле педагогов, поддерживающих идею инклюзии, совпали с результатами исследования, проведенного Л. М. Волосниковой, С.В. Игнатжевой, Л.В. Феединой, Ж.Ю. Брук [11].

Т. Saloviita (2019) обнаружено, что более оптимистично относятся к идее инклюзии молодые учителя по сравнению с педагогами старшего возраста [27]. Однако в нашем исследовании такой разницы (в нашем случае от стажа работы) в отношении к инклюзивному образованию не обнаружено: при стаже работы до 10 и более 10 лет соотношение как положительно, так и отрицательно относящихся к реализации инклюзии в массовой школе приблизительно одинаковое.

Л.М. Волосниковой, Е.С.С Chan и их соавторами, изучавшими связь между отношением к инклюзивному образованию и вовлеченностью в работу в целом, выявлено ее наличие [28, 29]. Исследователями отмечено, что отношение педагога к инклюзивному образованию напрямую связано с наличием у него опыта работы в смешанном классе [14, 23, 30]. В нашем же исследовании обнаружено, что фактор участия в реализации адаптированных программ, наличие опыта не влияют на отношение к инклюзивному образованию.

Исследователями отмечается, что значительное число учителей воспринимают участие в инклюзивном образовании не как неотъемлемую часть своей работы, а как дополнительную нагрузку (Т. Saloviita, Н. Gunnþórsdóttir, I.A. Jóhannesson, Ж.Ю. Брук) [31, 9, 21 и др.]. Скорее всего, именно поэтому и в результатах нашего исследования проблема отсутствия системы мотивации и стимулирования педагогов за работу в инклюзивном образовании при ранжировании поставлена на первое место. Это можно рассматривать как предложение педагогов работу в смешанных классах по адаптированным образовательным программам оплачивать дополнительно, так как это дополнительная нагрузка и при подготовке к уроку, и в процессе

его организации. Согласуются с нашим мнением мысли Л.М. Волосниковой и соавторов о том, что «понимание, что их усилия не вознаграждаются, обуславливает снижение вовлеченности в работу» [11].

В нашем исследовании выявлено, что для учителей значимыми факторами изменения качества инклюзивного образования являются реализация системной работы в сопровождении инклюзии и специально созданное в школе структурное подразделение по сопровождению инклюзивного образования. Это частично согласуется с мнением о том, что «каждый должен делать свою работу, в школе есть администрация и служба сопровождения, их задача – организовать инклюзивное обучение» [6].

В то же время идея о признании директора школы в числе ключевых факторов, оказывающих значительное влияние на установки учителей, реализацию инклюзивной практики, что мы встретили в исследованиях A.L. Perrin, M. Jury, C. Desombre [17], N. Khaleel, M. Alhosani, I. Duyar [21], H. Gunnþórsdóttir, I.A. Jóhannesson [31], P.J. Stanovich, A. Jordan, [32], в нашем исследовании не подтвердилась. Признавая зависимость повышения качества инклюзивного образования от управленческих решений, отечественные педагоги все же не видят администрацию в числе первостепенных факторов, отводя ей только третье место в предложенном перечне (с небольшим числом выборов). Приоритет администрации отдают только положительно относящиеся к самой идее инклюзии педагоги.

Родители и их участие в инклюзивном образовании как фактор повышения его качества признается педагогами, участвующими и в нашем опросе, и авторами других работ. Исследователями отмечается, что вовлечение родителей в этот процесс как партнеров, начало конструктивного диалога с ними, поможет существенно изменить ситуацию в инклюзивном образовании, ответить на стоящие перед ним вызовы [33].

Настораживает тот факт, что самую последнюю роль в повышении качества инклюзивного образования педагоги отводят самим себе, что, возможно, говорит о нежелании брать на себя ответственность либо связано с отрицательным отношением к инклюзии. Данный вывод напрашивается в связи с тем, что отрицательно и безразлично относящиеся к инклюзии хотят больше всего, чтобы в этом процессе ключевое место занимало специально созданное структурное подразделение. Наши данные согласуются с результатами исследований, в которых отмечено, что в наименьшей степени ориентированы на ценности инклюзивного образования учителя-предметники (особенно работающие в старших классах), в большей – педагоги со специальным образованием и учителя начальных классов (T. Saloviita [9], P. Engelbrecht et al.) [34].

В нашем опросе только половина педагогов ощущают потребность повысить квалификацию в вопросах инклюзии, чаще – молодые учителя. Это связано, с нашей точки зрения, с «привычкой» работать только с обычными детьми, нежеланием что-то менять (инерцией в этом процессе). Нежелание повышать квалификацию, возможно, связано с низкой оценкой своей

роли в повышении качества инклюзивного образования. Нежелание педагогов профессионально развиваться в инклюзии исследователи связывают с получением негативного опыта в этом процессе, наличием неоправданных ожиданий у стажистов и «романтичного настроения на изменения» у молодых педагогов [11]. В крайнем варианте педагоги не против, если обучение детей с ОВЗ будет осуществляться в специализированных учреждениях [12] или без их участия в реализации инклюзивного образования [5]. Повышение квалификации рассматривается как важный фактор влияния на качество инклюзивного образования [6, 11] и как ресурс для преодоления педагогами трудностей в этом процессе [24].

Заключение

Результаты проведенного исследования позволили сделать следующие выводы:

1. Позиция педагогов складывается из отношения к инклюзивному образованию и оценки факторов, которые позволят повысить его качество, конструктивных предложений и обозначенных проблем. Исследование и сравнение его результатов с данными других опросов показало, что позиция педагогов по отношению к инклюзии меняется – наблюдается положительная тенденция: при сравнении результатов предшествующих исследований ясно, что доля положительно относящихся к инклюзивному образованию педагогов увеличивается. Хотя следует учитывать, что педагоги склонны давать социально одобряемые ответы (это связано с пониманием ими важности реализации идеи инклюзии), поэтому нужно уделять внимание организационно-педагогической поддержке педагогов для осознанного принятия ими идей инклюзивного образования.

2. Отношение педагогов к инклюзивному образованию чаще положительное, однако каждый третий идею не поддерживает. На это отношение не влияют факторы участия педагогов в инклюзивном образовательном процессе и стаж работы в школе. В то же время среди педагогов, работающих по адаптированным программам, отрицательно и безразлично относящихся к инклюзии почти в два раза больше, что свидетельствует о наличии проблем в этом процессе.

3. Приоритет в числе предложенных факторов, влияющих на повышение качества инклюзивного образования, педагоги отдали выстроенной в школе системе сопровождения инклюзивного образования (особенно он важен с точки зрения тех, кто положительно в перспективе и очень положительно относится к инклюзивному образованию) и созданной службе сопровождения (так чаще считают безразлично и отрицательно относящиеся к инклюзии), а факторы «работа администрации школы» и «сами педагоги» оказались для педагогов незначимыми. Причем последними по значимости педагоги поставили себя, вне зависимости от того, как они относятся к инклюзии. Полученные результаты дают основание задуматься о проблемах самоощущения, роли, ответственности педагогов в реализации инклюзивной практики.

4. Роль администрации школы и принимаемых ей управленческих решений преимущественно большинство педагогов (вне зависимости от занимаемой должности) не отрицают. Однако ни одна категория педагогов в зависимости от отношения к инклюзии не называет администрацию в числе первостепенных факторов повышения качества инклюзивной практики. Особенно верят в работу администрации те, кто к самой идее инклюзии относится очень положительно. Отрицающих влияние меньше среди управленцев, больше – среди тех, кто никогда не занимал административную должность. Данные указывают на ресурсность фактора администрации в повышении качества инклюзивного образования, только нужно соединить его с работой школе системы сопровождения инклюзивного образования.

5. Фактор взаимодействия с родителями и признания их участниками образовательного процесса назван значимым: большинство педагогов считают, что взаимодействие должно быть тесным или с ограничениями. Однако о наличии в школе серьезной работы с родителями говорит меньше половины опрошенных педагогов, остальные указывают на ее фрагментарность и/или организацию только на уровне узких специалистов.

6. Больше всего в инклюзивном образовании педагогов волнуют проблемы собственной деятельности (мотивации, стимулирования, управления смешанным классом, наполняемости классов, отсутствия помощников и др.) в рамках инклюзии, а проблемы взаимодействия участников этого процесса, наличия структур – административных и специализированных – уходят на второй и следующие планы. Чувствуется дискомфортность педагога в инклюзивном процессе, с чем, скорее всего, и связаны ставки педагогов на приоритетную роль системы работы в школе, службы сопровождения, администрации.

7. Большинство педагогов конструктивно настроены на инклюзивное образование и выдвигают предложения по улучшению ситуации в нем: а) сопровождение инклюзивного образования; б) совершенствование управления инклюзивным образованием; в) выстраивание взаимодействия с участниками образовательного процесса; г) использование мер организационного и материального характера. Наличие неконструктивных вариантов предложений свидетельствует о неприятии инклюзии и важности работы с педагогами по снижению уровня отторжения идей инклюзивного образования, сопротивления в этом процессе.

8. Почти половина педагогов не ощущают потребности в повышении квалификации в вопросах инклю-

зии. Чаще необходимость в профессиональном развитии видят молодые педагоги (со стажем работы менее 10 лет). Но в то же время названный широкий спектр вопросов, в которых хотят разобраться (от обучения сущностным и организационным аспектам инклюзивного образования, освоения психолого-медико-педагогических аспектов подготовки до оказания методической помощи в работе, в том числе в организация взаимодополнения с участниками процесса инклюзивного образования), говорит о дефиците знаний и умений. Наблюдаемое противоречие между нежеланием повышать квалификацию и наличием областей знания, считаваемых педагогами дефицитными, подтверждает существование проблем неприятия идеи инклюзии, неготовности ее реализовать.

Итак, результаты исследования говорят о неоднозначном характере отношения педагогов к инклюзивному образованию, принижении своей роли и места в нем; необходимости, судя по указываемым педагогами проблемам и выдвигаемым предложениям, оказать им поддержку в преодолении субъективных трудностей и поиске личностных и профессиональных ресурсов для реализации инклюзивного образования. Это поможет им лучше понять свою роль в инклюзивном образовании, принять его нормы и ценности, осознать свое место, значимость и степень ответственности, т.е. пройти процесс самоидентификации в инклюзивном образовании. Тогда появится чувство сопричастности к процессу, что поспособствует укреплению эмоциональной устойчивости, снижению чувства беспомощности, активизации внутренних сил и способностей.

Результаты исследования представляют интерес, в первую очередь, для специалистов управления системой образования, поскольку показывают проблемные зоны инклюзивного образования в общеобразовательной школе, по поводу которых нужно принимать управленческие решения, связанные с его организацией, сопровождением, кадровым обеспечением, повышением квалификации педагогов, созданием организационно-педагогических условий, стимулированием педагогов и т.п.; во-вторых, для административно-управленческого аппарата школ с целью принятия решений на уровне образовательной организации; в-третьих, для системы профессионального педагогического образования как высшего, так и среднего, поскольку позволяют скорректировать рабочие программы психолого-педагогических дисциплин, программы учебных и производственных практик, тематику курсовых и квалификационных работ, сориентировав их на востребованные школой проблемы инклюзивного образования, готовя будущих педагогов к реальной работе в системе образования.

Список источников

1. Ким В.Г. Важные аспекты психолого-педагогического взаимодействия массовой школы с родителями, воспитывающими детей с ОВЗ и детей-инвалидов. Из опыта работы // Вестник науки и образования. 2020. № 10 (88). Ч. 2. С. 91–96. doi: 10.24411/2312-8089-2020-11010
2. Шевелева Д.Е. Инклюзивное образование: система сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья при интеграции в массовую школу // Коррекционно-педагогическое образование. 2023. № 1. С. 5–16.
3. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 17.07.2023).
4. Мёдова Н.А., Байгулова Н.В. Проблемы инклюзивного образования : учеб. пособие. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2019. 136 с.
5. Грунт Е.В. Инклюзивное образование в современной российской школе: региональный аспект // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2019. Т. 12, вып. 1. С. 67–81. doi: 10.21638/spbu.12.2019.105

6. Отношение общества к детям с ограниченными возможностями здоровья и детям-инвалидам. М. : Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, 2017. 72 с.
7. Дубов А.А., Глазкова Д.Б. Факторы эффективного инклюзивного образования // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 2 (99). С. 275–277. doi: 10.24412/1991-5497-2023-299-275-277
8. Miesera S., Gebhardt M. Inclusive Vocational Schools in Canada and Germany. A Comparison of Vocational Pre-Service Teachers' Attitudes, Self-Efficacy and Experiences towards Inclusive Education // European Journal of Special Needs Education. 2018. Vol. 33, № 5. P. 707–722. doi: 10.1080/08856257.2017.1421599
9. Saloviita T. Attitudes of Teachers towards Inclusive Education in Finland // Scandinavian Journal of Educational Research. 2020. Vol. 64, № 2. P. 270–281. doi: 10.1080/00313831.2018.1541819
10. Алехина С.В., Мельник Ю.В., Самсонова Е.В., Шеманов А.Ю. Экспертная оценка параметров инклюзивного процесса в образовании // Клиническая и специальная психология. 2020. Т. 9, № 2. С. 62–78. doi: 10.17759/cpse.2020090203
11. Волосникова Л.М., Игнатжева С.В., Федина Л.В., Брук Ж.Ю. Учитель в инклюзивном классе: взаимосвязь отношения к инклюзии с удовлетворенностью работой // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. 2022. № 2. С. 60–87. doi: 10.17323/1814-9545-2022-2-60-87
12. Королева Ю.А. Отношение к инклюзивному образованию педагогов общеобразовательных организаций // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 20. С. 77–80. URL: <http://e-koncept.ru/2016/56330.htm>. (дата обращения: 20.07.2023).
13. Моргачёва Е.Н. Инклюзивное обучение глазами педагогов и родителей // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2013. № 18 (119). С. 226–238.
14. Брук Ж.Ю., Кухтерина Г.В., Патрушева И.В., Федина Л.В. Благополучие педагогов в условиях инклюзивной трансформации школы // ЦИТИСЭ. 2021. № 2 (28). С. 533–542. doi: 10.15350/2409-7616.2021.2.49
15. Iliško D., Badjanova J., Ignatjeva S. Teachers' Engagement with Work and Their Psychological Well-Being // Proceedings of the 14th International Scientific Conference «Society. Integration. Education» (Rezekne, Latvia, 2020, May 22–23). 2020. Vol. 5. P. 102–110. doi: 10.17770/sie2020vol5.4981
16. Engelbrecht P., Savolainen H., Nel M., Malinen O.P. How Cultural Histories Shape South African and Finnish Teachers' Attitudes towards Inclusive Education: A Comparative Analysis // European Journal of Special Needs Education. 2013. Vol. 28, № 3. P. 305–318. doi: 10.1080/08856257.2013.777529; 9604.12277 44
17. Perrin A.L., Jury M., Desombre C. Are Teachers' Personal Values Related to Their Attitudes toward Inclusive Education? A Correlational Study // Social Psychology of Education. 2021. Vol. 24, № 5. P. 1085–1104. doi: 10.1007/s11218-021-09646-7
18. Opoku M.P., Jiya A.N., Kanyinji R.C., Nketsia W. An Exploration of Primary Teachers' Attitudes towards Inclusive Education, Retention, and Job Satisfaction in Malawi // International Journal of Whole Schooling. 2021. Vol. 17, № 1. P. 30–61.
19. Avramidis E., Norwich B. Teachers' Attitudes towards Integration/Inclusion: A Review of the Literature // European Journal of Special Needs Education. 2002. Vol. 17, № 2. P. 129–147. doi: 10.1080/08856250210129056
20. Cohen E. Principal Leadership Styles and Teacher and Principal Attitudes, Concerns and Competencies Regarding Inclusion // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 186. P. 758–764. doi: 10.1016/j.sbspro.2015.04.105
21. Khaleel N., Alhosani M., Duyar I. The Role of School Principals in Promoting Inclusive Schools: A Teachers' Perspective // Frontiers in Education. 2021. Vol. 6. Art. 603241. doi: 10.3389/educ.2021.603241
22. Горюнова Л.В., Хамзах А.С.Х. Общие факторы, влияющие на процессы формирования и реализации инклюзивного образования // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 69-4. С. 66–76.
23. Конева О.Б. Профессиональное и личностное развитие педагогических работников в условиях реализации инклюзивного образования // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2014. № 4 (21). С. 5–11.
24. Калинина Н.В., Володина Т.В. Трудности и барьеры взаимодействий педагогов с инклюзивной образовательной средой // Нижегородское образование. 2014. № 4. С. 61–68.
25. Scruggs T.E., Mastropieri M.A. Teacher Perceptions of Mainstreaming/Inclusion, 1958–1995: A Research Synthesis // Exceptional Children. 1996. Vol. 63, № 1. P. 59–74. doi: 10.1177/001440299606300106
26. Boer de A., Pijl S.J., Minnaert A. Regular Primary Schoolteachers' Attitudes towards Inclusive Education: A Review of the Literature // International Journal of Inclusive Education. 2011. Vol. 15, № 3. P. 331–353. doi: 10.1080/13603110903030089
27. Saloviita T. Explaining Classroom Teachers' Attitudes towards Inclusive Education // Support for Learning. 2019. Vol. 34, № 4. P. 432–442. doi: 10.1111/1467-9604.12277
28. Волосникова Л.М., Ефимова Г.З., Огороднова О.В. Риски образовательной инклюзии: опыт регионального исследования Тюменского государственного университета // Психологическая наука и образование. 2017. Т. 22, № 1. С. 98–105. doi: 10.17759/pse.2017220111
29. Chan E.S.S., Ho S.K., Ip F., Wong M.W.-Y. Self-Efficacy, Work Engagement, and Job Satisfaction among Teaching Assistants in Hong Kong's Inclusive Education // SAGE Open. 2020. Vol. 10, № 3. Art. 2158244020941008. doi: 10.1177/2158244020941008
30. Katz J. Implementing the Three Block Model of Universal Design for Learning: Effects on Teachers' Self-Efficacy, Stress, and Job Satisfaction in Inclusive Classrooms K–12 // International Journal of Inclusive Education. 2015. Vol. 19, № 1. P. 1–20. doi: 10.1080/13603116.2014.881569
31. Gunnþórsdóttir H., Jóhannesson I.A. Additional Workload or a Part of the Job? Icelandic Teachers' Discourse on Inclusive Education // International Journal of Inclusive Education. 2014. Vol. 18, № 6. P. 580–600. doi: 10.1080/13603116.2013.802027
32. Stanovich P.J., Jordan A. Canadian Teachers' and Principals' Beliefs about Inclusive Education as Predictors of Effective Teaching in Heterogeneous Classrooms // Elementary School Journal. 1998. Vol. 98, № 3. P. 221–238. doi: 10.1086/461892
33. Королева Е.Г., Мухлаева Т.В. Модуль инклюзивного образования как ключевой компонент содержания подготовки руководителей школ // Человек и образование. 2022. № 3. С. 164–171. doi: 10.54884/S181570410023132-0
34. Engelbrecht P., Savolainen H., Nel M., Malinen O.-P. How Cultural Histories Shape South African and Finnish Teachers' Attitudes towards Inclusive Education: A Comparative Analysis // European Journal of Special Needs Education. 2013. Vol. 28, № 3. P. 305–318. doi: 10.1080/08856257.2013.777529

References

1. Kim, V.G. (2020) Vazhnye aspekty psikhologo-pedagogicheskogo vzaimodeystviya massovoy shkoly s roditel'nyimi, vospityvayushchimi detey s OVZ i detey-invalidov. Iz opyta raboty // Vestnik nauki i obrazovaniya. No. 10 (88). Ch. 2. pp. 91–96. doi: 10.24411/2312-8089-2020-11010
2. Sheveleva, D.E. (2023) Inklyuzivnoe obrazovanie: sistema soprovozhdeniya detey s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya pri integratsii v massovuyu shkolu // Korrektsionno-pedagogicheskoe obrazovanie. No. 1. pp. 5–16.
3. Federal'nyy zakon "Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii" ot 29.12.2012 No. 273-FZ (poslednyaya redaktsiya). [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (data obrashcheniya: 17.07.2023).
4. Medova, N.A. & Baygulova, N.V. (2019) Problemy inklyuzivnogo obrazovaniya: ucheb. posobie. Tomsk: Izd-vo Tom. gos. ped. un-ta, 136 s.
5. Grunt, E.V. (2019) Inklyuzivnoe obrazovanie v sovremennoy rossiyskoy shkole: regional'nyy aspekt // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya. T. 12, vyp. 1. S. 67–81. doi: 10.21638/spbu12.2019.105
6. Otnoshenie obshchestva k detyam s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya i detyam-invalidam. M.: Fond podderzhki detey, nakhodyashchikhsya v trudnoy zhiznennoy situatsii, 2017. 72 s.

7. Dubov, A.A. & Glazkova, D.B. (2023) Faktory effektivnogo inkluzivnogo obrazovaniya // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. No. 2 (99) pp. 275–277. doi: 10.24412/1991-5497-2023-299-275-277
8. Miesera, S. & Gebhardt, M. (2018) Inclusive Vocational Schools in Canada and Germany. A Comparison of Vocational Pre-Service Teachers' Attitudes, Self-Efficacy and Experiences towards Inclusive Education // European Journal of Special Needs Education. Vol. 33, No. 5. pp. 707–722. doi: 10.1080/08856257.2017.1421599
9. Saloviita, T. (2020) Attitudes of Teachers towards Inclusive Education in Finland // Scandinavian Journal of Educational Research. Vol. 64, No. 2. pp. 270–281. doi: 10.1080/00313831.2018.1541819
10. Alekhina, S.V. et al. (2020) Ekspertnaya otsenka parametrov inkluzivnogo protsessa v obrazovanii // Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya. T. 9, No. 2. pp. 62–78. doi: 10.17759/cpse.2020090203
11. Volosnikova, L.M. et al. (2022) Uchitel' v inkluzivnom klasse: vzaimosvyaz' otnosheniya k inkluzii s udovletvorennost'yu rabotoy // Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow. No. 2. pp. 60–87. doi: 10.17323/1814-9545-2022-2-60-87
12. Koroleva, Yu.A. (2016) Otnoshenie k inkluzivnomu obrazovaniyu pedagogov obshcheobrazovatel'nykh organizatsiy // Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal "Konsept". T. 20. pp. 77–80. [Online] Available from: <http://e-koncept.ru/2016/56330.htm>. (data obrashcheniya: 20.07.2023).
13. Morgacheva, E.N. (2013) Inkluzivnoe obuchenie glazami pedagogov i roditeley // Vestnik RGGU. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie. No. 18 (119). pp. 226–238.
14. Bruk, Zh.Yu. et al. (2021) Blagopoluchie pedagogov v usloviyakh inkluzivnoy transformatsii shkoly // TsITISE. No. 2 (28). pp. 533–542. doi: 10.15350/2409-7616.2021.2.49
15. Iliško, D., Badjanova, J. & Ignatjeva, S. (2020) Teachers' Engagement with Work and Their Psychological Well-Being. Proceedings of the 14th International Scientific Conference "Society. Integration. Education" (Rezekne, Latvia, 2020, May 22–23). Vol. 5. pp. 102–110. doi: 10.17770/sie2020vol5.4981
16. Engelbrecht, P. et al. (2013) How Cultural Histories Shape South African and Finnish Teachers' Attitudes towards Inclusive Education: A Comparative Analysis // European Journal of Special Needs Education. Vol. 28, No. 3. pp. 305–318. doi: 10.1080/08856257.2013.777529; 9604.12277 44
17. Perrin, A.L., Jury, M. & Desombre, C. (2021) Are Teachers' Personal Values Related to Their Attitudes toward Inclusive Education? A Correlational Study // Social Psychology of Education. Vol. 24, No. 5. pp. 1085–1104. doi: 10.1007/s11218-021-09646-7
18. Opoku, M.P. et al. (2021) An Exploration of Primary Teachers' Attitudes towards Inclusive Education, Retention, and Job Satisfaction in Malawi // International Journal of Whole Schooling. Vol. 17, No. 1. pp. 30–61.
19. Avramidis, E. & Norwich, B. (2002) Teachers' Attitudes towards Integration/Inclusion: A Review of the Literature // European Journal of Special Needs Education. Vol. 17, No. 2. pp. 129–147. doi: 10.1080/08856250210129056
20. Cohen, E. (2015) Principal Leadership Styles and Teacher and Principal Attitudes, Concerns and Competencies Regarding Inclusion // Procedia – Social and Behavioral Sciences. Vol. 186. pp. 758–764. doi: 10.1016/j.sbspro.2015.04.105
21. Khaleel, N., Alhosani, M. & Duyar, I. (2021) The Role of School Principals in Promoting Inclusive Schools: A Teachers' Perspective // Frontiers in Education. Vol. 6. Art. 603241. doi: 10.3389/educ.2021.603241
22. Goryunova, L.V. & Khamzakh, A.S.Kh. (2020) Obshchie faktory, vliyayushchie na protsessy formirovaniya i realizatsii inkluzivnogo obrazovaniya // Problemy sovremennoogo pedagogicheskogo obrazovaniya. No. 69-4. pp. 66–76.
23. Koneva, O.B. (2014) Professional'noe i lichnostnoe razvitiye pedagogicheskikh rabotnikov v usloviyakh realizatsii inkluzivnogo obrazovaniya // Nauchnoe obespechenie sistemy povysheniya kvalifikatsii kadrov. No. 4 (21). pp. 5–11.
24. Kalinina, N.V. & Volodina, T.V. (2014) Trudnosti i bar'ery vzaimodeystviy pedagogov s inkluzivnoy obrazovatel'noy sredoy // Nizhegorodskoe obrazovanie. No. 4. pp. 61–68.
25. Sstruggs, T.E. & Mastropieri, M.A. (1996) Teacher Perceptions of Mainstreaming/Inclusion, 1958-1995: A Research Synthesis. Exceptional Children. Vol. 63, No. 1. pp. 59–74. doi: 10.1177/001440299606300106
26. de Boer A., Pijl, S.J. & Minnaert, A. (2011) Regular Primary Schoolteachers' Attitudes towards Inclusive Education: A Review of the Literature. International Journal of Inclusive Education. Vol. 15, No. 3. pp. 331–353. doi: 10.1080/136031109030300089
27. Saloviita, T. (2019) Explaining Classroom Teachers' Attitudes towards Inclusive Education. Support for Learning. Vol. 34, No. 4. pp. 432–442. doi: 10.1111/1467- 9604.12277
28. Volosnikova, L.M., Efimova, G.Z. & Ogorodnova, O.V. (2017) Riski obrazovatel'noy inkluzii: opyt regional'nogo issledovaniya Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta // Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie. T. 22, No. 1. C. 98–105. doi: 10.17759/pse.2017220111
29. Chan, E.S.S. et al. (2020) YSelf-Efficacy, Work Engagement, and Job Satisfaction among Teaching Assistants in Hong Kong's Inclusive Education. SAGE Open. Vol. 10, No. 3. Art. 2158244020941008. doi: 10.1177/2158244020941008
30. Katz, J. (2015) Implementing the Three Block Model of Universal Design for Learning: Effects on Teachers' Self-Efficacy, Stress, and Job Satisfaction in Inclusive Classrooms K-12 // International Journal of Inclusive Education. Vol. 19, No. 1. pp. 1–20. doi: 10.1080/13603116.2014.881569
31. Gunnþórsdóttir, H. & Jóhannesson, I.A. (2014) Additional Workload or a Part of the Job? Icelandic Teachers' Discourse on Inclusive Education // International Journal of Inclusive Education. Vol. 18, No. 6. pp. 580–600. doi: 10.1080/13603116.2013.802027
32. Stanovich, P.J. & Jordan, A. (1998) Canadian Teachers' and Principals' Beliefs about Inclusive Education as Predictors of Effective Teaching in Heterogeneous Classrooms // Elementary School Journal. Vol. 98, No. 3. pp. 221–238. doi: 10.1086/461892
33. Koroleva, E.G. & Mukhlaeva, T.V. (2022) Modul' inkluzivnogo obrazovaniya kak klyuchevoyy komponent soderzhaniya podgotovki rukovoditeley shkol // Chelovek i obrazovanie. No. 3. pp. 164–171. doi: 10.54884/S181570410023132-0
34. Engelbrecht, P. et al. (2013) How Cultural Histories Shape South African and Finnish Teachers' Attitudes towards Inclusive Education: A Comparative Analysis // European Journal of Special Needs Education. Vol. 28, No. 3. pp. 305–318. doi: 10.1080/08856257.2013.777529

Информация об авторах:

Рослякова С.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (Челябинск, Россия). E-mail: roslyakovasv@csru.ru

Сиврикова Н.В. – канд. психол. наук, доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (Челябинск, Россия). E-mail: bobronv@csru.ru

Соколова Н.А. – д-р пед. наук, профессор кафедры социальной работы, педагогики и психологии Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (Челябинск, Россия). E-mail: sokolovana@csru.ru

Черникова Е.Г. – канд. социол. наук, доцент кафедры педагогики и психологии Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (Челябинск, Россия). E-mail: chernikovaeg@csru.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.V. Roslyakova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, South-Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: roslyakovasv@cspu.ru

N.V. Sivrikova, Cand. Sci. (Psychology), associate professor, South-Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: bobronv@cspu.ru

N.A. Sokolova, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, South-Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: sokolovana@cspu.ru

E.G. Chernikova, Cand. Sci. (Sociology), associate professor, South-Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: E-mail: chernikovaeg@cspu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.07.2023;
одобрена после рецензирования 13.06.2024; принята к публикации 30.06.2024.*

*The article was submitted 24.07.2023;
approved after reviewing 13.06.2024; accepted for publication 30.06.2024.*

Научная статья
УДК 37.01+373: 323.21
doi: 10.17223/15617793/503/22

Многополярный мир и детерминанты организации образования гражданина в школе

Анастасия Викторовна Фахрутдинова¹, Наталия Николаевна Абакумова²

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия, avfach@mail.ru

² Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, niv_tomsk@mail.ru

Аннотация. Актуализирована проблема гражданского воспитания в школе. Определена ведущая роль образовательной организации в формировании междисциплинарной системы гражданского образования подрастающего поколения. Проведен анализ российского и зарубежного опыта трансформации системы гражданского образования. Выделены ключевые идеи (общественного благополучия на всех уровнях общественного бытия, толерантное мультикультурное общество и т.п.), определяющие вектор развития педагогических представлений о формировании гражданской позиции обучающегося. Сделан вывод о зависимости содержания гражданского образования в школе от потребностей государства и определения роли человека в этом государстве.

Ключевые слова: гражданское воспитание, гражданское образование, многополярный мир, школа, междисциплинарная организация системы

Для цитирования: Фахрутдинова А.В., Абакумова Н.Н. Многополярный мир и детерминанты организации образования гражданина в школе // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 503. С. 221–226. doi: 10.17223/15617793/503/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/503/22

The multipolar world and the determinants of organizing a citizen's school education

Anastasiya V. Fakhrutdinova¹, Nataliya N. Abakumova²

¹ Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation, avfach@mail.ru

² National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, niv_tomsk@mail.ru

Abstract. The article discusses the results of a problem-based study of the civic education processes at school. The analysis of the Russian and foreign literature proves the necessity to change the paradigm of the Russian citizen formation and moving from civic education organisation to an interdisciplinary organised system for younger generations with the leading role of the school. This study considers civic education as a mechanism that allows influencing changes in social development based on political, economic and social ideas. Historical and pedagogical analysis demonstrated that the transformation of the civic education is taking place all over the world and is caused by the processes that have led to socio-political instability. The tendencies that have a significant influence on the change in the system of civic education are highlighted: (1) the influence of public representatives, formal and informal associations on transformation of the public perceptions of the social values; (2) the economy sector requirement to the education system changes; (3) coordination of the civic education by the state; (4) the dependence of ideas about a “good citizen” on historical and political changes in our country and in the world as a whole. It is clarified that in order to form civic competence, it is necessary to form ideas in the fields of political, socio-economic structure of the society, cultural and historical heritage. A comparative analysis of the civic education systems in the countries with centralised and decentralised systems of education is carried out. Russian civic education system is characterised by the educational processes regulation on the state level. Foreign practice shows that civic education can be implemented both on the interdisciplinary and independent bases. In order to obtain not only knowledge but practical skills, foreign systems of civic education use the social partnership resource and socio-public integration of educational institutions along with local state and public networks. The results of the study show that the system of civic education is a reflection of the state development that can be traced through forms, methods, approaches to the issues of the Russian citizen formation at schools. Contemporary civic education can be regarded as one of the mechanisms for addressing the social tension. In general, taking into consideration the multifaceted learning process at school, it is necessary to define civic education at the level of national idea.

Keywords: civic education, multipolar world, school, interdisciplinary organization of the system

For citation: Fakhrutdinova, A.V. & Abakumova, N.N. (2024) The multipolar world and the determinants of organizing a citizen's school education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 503. pp. 221–226. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/503/22

Образование лежит в основе формирования системы ценностей, принятых в обществе за счет организации направленного процесса обучения и воспитания. В свою очередь, именно в основе идеи гражданского образования заложена идея ценностного выбора, основанного на глубоком знании и понимании общественных устоев, сформированных при изучении различных дисциплин учебной программы.

В «Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» [1] значительное внимание уделяется гражданско-патриотической подготовке подрастающих поколений и формированию у них системы традиционных нравственных ценностей. Одновременно анализ работ исследователей проблемы изучения гражданского образования позволяет констатировать преобладающее обращение авторов к отдельным направлениям данного процесса, что не позволяет понять уровень глобальности задачи и влечет за собой ощущение недостаточности предпринимаемых усилий. Так, авторы обращаются к изучению вопросов гражданского воспитания при изучении отдельных дисциплин и организации внеурочной деятельности, организации волонтерской деятельности, патриотического, право-

вого воспитания, организации воспитательного пространства учебного заведения, в процессе социализации и т.д. [2–6].

Цель данной статьи – обобщение результатов проблемно-тематического исследования, показывающих необходимость междисциплинарной организации системы гражданского образования в школе. Основные методы, используемые в данном исследовании: историко-педагогический и проблемно-тематический анализ философской, социологической и педагогической литературы, стратегических и нормативных документов; сравнительный анализ централизованной и децентрализованной систем образования; расчет индекса цитирования по ключевым словам «гражданское образование», «гражданское воспитание», «гражданская компетентность».

Ранее проведенные исследования и анализ литературы [3–8] показал высокую актуальность исследования процессов формирования гражданских ценностей у подрастающего поколения в школе. Это подтверждается результатами расчета индекса цитирования по ключевым словам «гражданское образование», «гражданское воспитание» и «гражданская компетентность» (таблица).

Индекс цитирования по ключевым словам

Ключевые слова	Год				
	2019	2020	2021	2022	2023
Гражданское образование	36	21	19	18	10
Гражданское воспитание	58	52	67	65	65
Гражданская компетентность	5	4	8	5	7

Зафиксированы стабильные показатели по ключевым словам «гражданское воспитание» и «гражданская компетентность» и снижение показателей по ключевым словам «гражданское образование» в статьях, размещенных в РИНЦ и относящихся к области «Педагогические науки».

Большое количество проводимых исследований свидетельствует о том, что в России к концу первой четверти XXI в. актуализируется изучение проблематики процесса становления гражданина России – требуется новое знание об организации данного процесса. Одним из путей комплексного решения проблемы может стать изменение парадигмы реализации данного процесса и перехода от организации гражданского воспитания к междисциплинарной организованной системе гражданского образования подрастающих поколений при ведущей роли школы.

Современное понимание гражданина российского государства основывается на духовно-ценностных детерминантах подготовки активного члена общества. Теория и практика российского образования в контексте ретроспективы развития российского общества есть не что иное как логическое продолжение развития существовавших воспитательных процессов, заложенных в традиции российской педагогики.

Тем не менее трансформация гражданского образования, обусловленная процессами, повлекшими за собой социально-политическую нестабильность, проис-

ходит во всем мире, что требует некоторого исторического осмысления и позволяет по-иному взглянуть на данный процесс. История развития мировых систем школьного образования свидетельствует о том, что во все времена социально-политические и экономические детерминанты общественного бытия находят отражение в развитии педагогических идей и реализуются за счет организации образования подрастающих граждан одновременно или с определенным временным сдвигом. В основе такого положения вещей – схожесть исторических этапов, культурных, политических, экономических, социальных изменений урбанизационных процессов [7, 8].

Многоплановый процесс обучения определяет гражданское образование на уровне национальной идеи. При этом разделение в российской педагогической школе терминов «воспитание» и «обучение» вызывает некий диссонанс при определении понятия, которое должно определять современный процесс подготовки гражданина. В российской образовательной практике сложились устойчивые представления о процессах гражданского воспитания, патриотического воспитания, нравственного воспитания, идейно-политического просвещения, правового воспитания, ценностно ориентированного воспитания и т.д. Однако в основе понимания современного гражданского образования – практика организации образования, напрямую зависящая от социально-педагогического опыта в купе

с общественным представлением о соотношении личный – общественный интерес и образовательной политикой государства.

Такое представление о гражданском образовании позволяет выделить ряд тенденций, имеющих отношение как к образованию граждан России, так и к системам образования других государств. При организации данного процесса огромную роль играют соотношение и учет мнений общественности, отражаемых или нет в образовательном процессе, и позиции официальной власти. В ряде мировых образовательных систем, по сравнению с системой образования РФ, четко выражена неоднородность позиций общественности, ярко представленная в образовательном процессе по сравнению с номинальной регулятивной функцией официальной власти. Это касается стран с децентрализованной системой образования – Бельгия, Канада, США.

Возрастающей тенденцией становится влияние представителей общественности, формальных и неформальных объединений на трансформацию общественных представлений об общественных ценностях. Такое влияние может носить как конструктивный характер – формировать систему традиционных ценностей, так и деструктивный характер (разрушить представление о традиционных ценностях, формируя ложные детерминанты). В ряде стран (США, Великобритания, Канада, Австралия) существенное влияние на формирование национальной политики в образовании подрастающего поколения, в его социализации и гражданском воспитании, оказывает противодействие общественности государственному влиянию. Со стороны представителей различных движений и организаций осуществляется постоянный контроль над чрезмерным вмешательством административных органов как федеральных, так и региональных или локальных властей в жизнедеятельность школы [9]. При этом осуществляется всесторонняя поддержка общественных движений, чаще связанных с идеей индивидуалистического самовыражения. На уровне правительства страны Западной Европы, Канады, США, Австралии и Великобритании не только не препятствуют проявлению общественной инициативы, но и «принимают законодательные акты по упорядочению и регулированию общественной деятельности, стремясь в полной мере использовать возможности общественных организаций и частных лиц для совершенствования системы образования вплоть до оказания им финансовой поддержки» [8, 10].

Далеко не новой тенденцией, оказывающей влияние на гражданское образование, является требование к системе образования, предъявляемое экономическим сектором. Если российское общество в большей степени уделяет внимание фундаментальности знаний, то в ряде стран требования отражают раннюю предметно-когнитивную дифференциацию, основа которой была заложена в первый половине XX в. Ключевым элементом экономико-ориентированного процесса организации гражданского образования становится потребность в обеспечении государства мобильными, конкурентоспособными, ответственными и лояльными гражданами, выдвигаются все более высокие требования к системе образования и повышению уровня гражданских знаний, умений, навыков, полученных при

изучении ряда дисциплин. Таким образом, дальнейшее развитие общества напрямую зависит от гражданского образования, полученного на этапах становления и развития личности.

Следующей не менее значимой тенденцией в гражданском образовании является координационная деятельность данного процесса со стороны государства. Общественная полемика позволяет оценить значимость предлагаемых изменений, выявить пробелы, определить пути и механизмы изменений, вводимых в образовательный процесс, одновременно актуализируя проблему, корректируя и создавая положительные общественное представление о потребностях во всех направлениях подготовки граждан для корректировки не только воспитательного, но и образовательного процесса на междисциплинарном уровне.

Такая полемика позволяет повысить осознание значимости и важности гражданского образования, усиливает исследовательскую активность. В западных странах, в США, Канаде и Австралии актуализация полемики со стороны правительства и различных общественных объединений влечет за собой разработку полномасштабных проектов, которые не только финансируются государством и объединениями, но и активно внедряются на федеральном, региональном и локальном уровнях при поддержке инициаторов конкурсов.

Усиливается тенденция последних лет, определяющая вектор развития педагогических представлений о формировании граждан, зависимость представлений о «хорошем гражданине» и позиции исторических и политических изменений, происходящих в мире на различных этапах развития государств. Результаты историко-педагогического анализа показали, что гражданское образование, наравне с активностью общественной мысли и полемикой, вызванной социальной, политической пассивностью, пришло в упадок. Необходимость возрождения гражданского воспитания стала одним из основных вопросов общественной стабильности.

Так, например, становление и дальнейшее развитие системы гражданского воспитания позволяет синхронизировать периодизацию этапов развития гражданского воспитания в англоязычных странах (США, Великобритания, Канаде и Австралии) на основе особенностей понимания его в каждой отдельно взятой стране в свете ее исторического развития, геополитических процессов, уровня развития экономики и культуры [11, 12]. Начало такой синхронизации положено уже в XVIII–XIX вв. вследствие экспансии Британской Империи и развития колониальных структур, что требовало регулирования колониальных отношений, подразумевавшее развитие механизмов управления новыми территориями. В основу процесса объединения разрозненных граждан легла идея создания новой нации, которая транслировалась через систему школьного образования. Именно на школы возлагались задачи формирования гражданской лояльности создаваемому государству и правительству, а также развития чувства государственности у населения.

Таким образом, на новых территориях, осваиваемых переселенцами из старого света, образование становится самым действенным механизмом формирования единой

нации и государственной самоидентификации населения. С момента обретения независимости в США на систему образования была возложена миссия формирования американской идентичности, а также стирания у представителей разных народов национальных черт. В Австралии, Великобритании, Канаде, как на изначально колониальных территориях, школы отвечали за воспитание единства и лояльности британской короне, для чего у них должны были быть сформированы единые ценности, в том числе и колониальное единство.

Следующим этапом общественного развития становится идея воспитания граждан в свете идеи понимания ими роли правительства и самих граждан в организации общественного благополучия на всех уровнях общественного бытия. Образование направлено на изменение индивидуалистической философии и переход к вовлечению всего населения в активную общественную жизнь. Именно в таком ракурсе меняется учебный материал по ряду учебных предметов – истории, географии, письму и чтению. Возводя идею образования граждан готовых к активной жизни в новом обществе в ранг ведущей в образовательном процессе. Все тексты учебников были ориентированы на формирование единых целей и устремлений, которые позволяли сформировать идею единения граждан, способствуя тем самым заменой политической активности не социальной. Молодежь, дети и их родители активно вовлекались в работу на благотворительных объектах, в участие волонтерских движениях.

На следующем этапе за счет изменения подходов к организации образования в новом свете реализуется идея формирования толерантного мультикультурного общества, которая легла в основу гражданского образования, определяя его дальнейшее развитие в XX в. Поскольку ранее изучаемые тексты учебников подчеркивали идею расового, национального, религиозного, классового, гендерного превосходства одних людей над другими, толерантности пришлось уделять особое внимание. Это связано со все более активизирующимися мировыми миграционными процессами и с необходимостью формировать у граждан понимание значимости традиций и уважение к традициям других, как и понимание единых ценностных ориентиров различных народов. Постепенно миграционные процессы замещаются глобализационными, и к концу XX в. образование граждан опирается уже на следующую глобальную идею: идею толерантности мультикультурного общества в контексте глобализации мирового пространства.

Итак, что же такое гражданское образование? Как показал представленный выше материал, гражданское образование можно рассматривать как механизм, позволяющий воздействовать на общественное развитие, основанного на политических, экономических, общественных представлениях. Гражданское образование – это многополярное социально-педагогическое явление, тесно связанное идейно-ценностными, содержательно ориентированными, процессуальными и результативными установками.

Ведущей идеей современного гражданского образования во всех странах становится идея формирования со-

циально и политически активного гражданина со сформированной системой ценностей на основе аксиологического, культурологического, личностного и деятельностного подходов.

Современное гражданское образование в каждом государстве уникально. Это связано с традициями, имеющими отношение к культуре и истории, национальными особенностями населения, социально-общественными и политическими взглядами, уровнем развития экономики.

Как уже было отмечено нами выше и в более ранних публикациях [8, 10, 12], гражданское образование содержит серьезный когнитивный блок, подразумевающий наличие у выпускников различных этапов обучения знаний относительно политического, социально-экономического устройства общества, культурно-исторического наследия. К политическим знаниям относят такие блоки, как гражданская жизнь, политика и правительство, основы политической системы своей страны, цели, ценности и принципы существования демократического общества, место страны на политической арене, роль граждан в поддержании и развитии политического и общественного устоев. Ко второму блоку относятся социально-экономические знания об устройстве общества (о роли и месте общественных организаций, возможностях профессиональной подготовки, карьерных перспектив, об ответственном представлении отчетности в законодательно-налоговые организации), экономико-институциональные знания, техногенные угрозы, социальные проблемы и потрясения. К блоку культурно-исторического и культурного наследия относятся люди, факты, события, включая этапы и причины изменений, процессы, великие или значимые произведения культурного и исторического наследия.

Интересен опыт Канады, где конечным результатом гражданского образования является подготовка граждан, принимающих активное участие в жизни общества, у которых есть соответствующие компетенции и уровень достаточной «осведомленности» об общенациональной повестке [13]. В Канаде, как известно, особое место занимает провинция Квебек. У правительства данной провинции уже в 1998 г. появилось понимание значимости гражданского образования: в отчете прописано, что соответствующие программы направлены на развитие активной гражданской позиции учащихся [14].

Реализация гражданского воспитания невозможна без регулирования данного процесса на государственном уровне. В России разработаны Федеральный государственный стандарт (ФГОС) начального общего образования, ФГОС основного общего образования, ФГОС среднего общего образования. Как личностные, так и метапредметные и предметные результаты освоения образовательной программы отражают компоненты именно гражданского образования. С этих позиций мы понимаем глобальность и значимости для российского государства данного процесса [15–17].

Анализ существующей зарубежной практики также показывает регулируемость данного процесса со стороны государства. Во всех странах разработаны стандарты на федеральных и локальных уровнях, ка-

сающиеся требований в области гражданского образования по завершении каждой из стадий обучения. При этом гражданское образование реализуется как на междисциплинарной, так и на самостоятельной основе. Разработка же непосредственно программ и проектов, а также их внедрение в США, Канаде, Австралии, Великобритании, Швеции, Швейцарии часто переходит в ведение различных фондов. В ряде стран, несмотря на децентрализацию образования, в конце XX – начале XXI в. на уровне правительственных решений были предприняты меры по консолидации усилий штатов и территорий при разработке требований к программам гражданского образования.

При достаточно четкой формулировке достижений учащихся на различных уровнях организации образования непосредственный результат достигается на региональном и локальных уровнях. Один из ведущих системных компонентов реализации данного процесса на уровне получения не только знаний, но и практических навыков осуществляется за счет системы социального партнерства и социально-общественной интеграции учебных заведений с локальной правительственной и общественной сетями.

Разработанные за счет грантовой поддержки со стороны правительственных и общественных организаций, программы обладают обширными общедоступными базами данных, которые широко используются в образовательных процессах. Некоторые программы давно вышли на международный уровень и получили широкое признание за пределами страны разработчика.

Обеспечение междисциплинарной связи в школах в процессе организации гражданского образования включает в себя не только учебную деятельность, но

и внеурочную активность, направленную социально-общественную вовлеченность.

Таким образом, на гражданское образование оказывают влияние все происходящие в обществе процессы, начиная с территориальных изменений за счет междоусобиц, войн, экспансии морских держав с XVI в. (именно в этот период впервые возникает потребность в формировании у населения национального единства), распада империй; возрастающая политическая активность населения, которая является результатом изменения отношения к религии, развития философской и научной мысли. Гражданское образование становится механизмом преодоления социальной напряженности.

Любая система образования является отражением развития государства. Результат этого отражения мы можем проследить в формах, методах, содержании и подходах к гражданскому образованию. Гражданское образование является зеркалом ценностных представлений общества на различных этапах его развития, а следовательно, можно сделать вывод о том, что понимание значимости и содержания гражданского образования на различных этапах общественного развития зависит от потребностей государства и определения роли человека в этом государстве. При этом такие сочетания, как личный интерес, коллективный интерес, общественный запрос, государственный интерес, позднее и экономический интерес, принимают различные виды, порождая различные представления о гражданине, его правах и обязанностях, накладывая отпечатки на систему образования, поскольку именно школа отвечает за подготовку новых поколений и в значительной степени несет ответственность за дальнейшую судьбу и развитие страны.

Список источников

1. Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года : Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 № 996р. URL: <http://www.consultant.ru/document/consdocLAW180402/> (дата обращения: 23.02.2023).
2. Чулкова Р.Г. Методологические подходы к определению целей и сущности гражданского воспитания в современной школе // *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 1. С. 84–88.
3. Адаева О.В. Организация правового воспитания в общеобразовательных учреждениях // *Проблемы экономики кибернетической науки*. 2020. Т. 16, № 4. С. 107–109.
4. Махашева А.Я. Некоторые проблемы правового образования будущих педагогов // *Мир науки, культуры, образования*. 2022. № 1 (92). С. 47–49.
5. Гревцева Г.Я. Гражданственность как ценность культуры в процессе социализации личности // *Вестник культуры и искусства*. 2020. № 4 (64). С. 39–48.
6. Torney-Purta J., Schwille J., Amadeo J.-A. Civic Education Across Countries: Twenty-four National Case Studies from the IEA Civic Education Project. Amsterdam : IEA, 1999. 435 p.
7. Minzaripov R.G., Fakhrutdinova A.V., Mardakhaev L.V. Multicultural Educational Approach Influence on Students Development // *International Journal of Criminology and Sociology*. 2020. Vol. 9. P. 866–870.
8. Fakhrutdinova A.V., Shamsutdinova D.V., Ramsiya N.G. Paradigmatic methodology of civic culture formation process in young generation // *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2019. Vol. 10, № 4. P. 198–202.
9. Genevieve L.-J. Nationalism and Educational Politics in Ontario and Quebec, 1867–1914 // *Canadian schools and Canadian identity*. Toronto : Gage Educational Pub., 1977.
10. Фахрутдинова А.В. Гражданское воспитание учащихся в англоязычных странах на рубеже XX-го XXI-го веков : дис. ... д-ра пед. наук. Казань, 2012. 484 с.
11. Firth S.G. Social values in the New South Wales Primary School 1880–1914 // *The New Education: The English Background 1870–1914* / ed. R.J.W. Selleck. Melbourne : Pitman, 1968.
12. Фахрутдинова А.В. Вариативность программ по граждановедению в США как фактор развития и совершенствования системы гражданского воспитания учащейся молодежи // *Вестник Пятигорского лингвистического университета*. 2010. № 2. С. 67–73.
13. Sears A. What Research Tells us about Citizenship Education in English Canada // *Canadian Social Studies*. 1996. Vol. 30 (3). P. 121–127.
14. Papillon M. Éducation à la citoyenneté: inventaire des approches actuelles et perspectives d'intervention pour la Commission des droits de la personne et des droits de la jeunesse. Québec : Juillet, 2000. 43 p.
15. ФГОС среднего общего образования. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-soo/>
16. ФГОС начального общего образования. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-noo/>
17. ФГОС основного общего образования. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-ooo/>

References

1. Ob utverzhdenii Strategii razvitiya vospitaniya v Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda: Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 29.05.2015 No. 996r. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/document/consdocLAW180402/> (data obrashcheniya: 23.02.2023).
2. Chulkova, R.G. (2014) Metodologicheskie podkhody k opredeleniyu tseye i sushchnosti grazhdanskogo vospitaniya v sovremennoy shkole // *Covremennye problemy nauki i obrazovaniya*. No. 1. pp. 84–88.
3. Adaeva, O.V. (2020) Organizatsiya pravovogo vospitaniya v obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh // *Problemy Ekonomiki kiberneticheskoy nauki*. T. 16, No. 4. pp. 107–109.
4. Makhacheva, A.Ya. (2022) Nekotorye problemy pravovogo obrazovaniya budushchikh pedagogov // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. No. 1 (92). S. 47–49.
5. Grevtseva, G.Ya. (2020) Grazhdanstvennost' kak tsennost' kul'tury v protsesse sotsializatsii lichnosti // *Vestnik kul'tury i iskusstva*. No. 4 (64). pp. 39–48.
6. Torney-Purta, J., Schulle, J. & Amadeo, J.-A. (1999) Civic Education Across Countries: Twenty-four National Case Studies from the IEA Civic Education Project. Amsterdam: IEA, 435 p.
7. Minzaripov, R.G., Fakhruddinova, A.V. & Mardakhaev, L.V. (2020) Multicultural Educational Approach Influence on Students Development // *International Journal of Criminology and Sociology*. Vol. 9. pp. 866–870.
8. Fakhruddinova, A.V., Shamsutdinova, D.V. & Ramsiya, N.G. (2019) Paradigmatic methodology of civic culture formation process in young generation // *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 10, No. 4. pp. 198–202.
9. Genevieve, L.-J. (1977) Nationalism and Educational Politics in Ontario and Quebec, 1867–1914 // *Canadian schools and Canadian identity*. Toronto: Gage Educational Pub..
10. Fakhruddinova, A.V. (2012) Grazhdanskoe vospitanie uchashchikhsya v angloyazychnykh stranakh na rubezhe XX-go XXI-go vekov: dis. ... d-ra ped. nauk. Kazan', 484 s.
11. Firth, S.G. (1968) Social values in the New South Wales Primary School 1880–1914 // *The New Education: The English Background 1870–1914* / Selleck, R.J.W. (ed.) Melbourne: Pitman.
12. Fakhruddinova, A.V. (2010) Variativnost' programm po grazhdanovedeniyu v SShA kak faktor razvitiya i sovershenstvovaniya sistemy grazhdanskogo vospitaniya uchashcheysya molodezhi // *Vestnik Pyatigorskogo lingvisticheskogo universiteta*. No. 2. pp. 67–73.
13. Sears, A. (1996) What Research Tells us about Citizenship Education in English Canada // *Canadian Social Studies*. Vol. 30 (3). pp. 121–127.
14. Papillon, M. (2000) Éducation à la citoyenneté: inventaire des approches actuelles et perspectives d'intervention pour la Commission des droits de la personne et des droits de la jeunesse. Québec: Juillet, 43 p.
15. FGOS srednego obshchego obrazovaniya. [Online] Available from: <https://fgos.ru/fgos/fgos-soo/>
16. FGOS nachal'nogo obshchego obrazovaniya. [Online] Available from: <https://fgos.ru/fgos/fgos-noo/>
17. FGOS osnovnogo obshchego obrazovaniya. [Online] Available from: <https://fgos.ru/fgos/fgos-ooo/>

Информация об авторах:

Фахрутдинова А.В. – д-р пед. наук, зав. кафедрой иностранных языков в сфере международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия). E-mail: avfach@mail.ru

Абакумова Н.Н. – канд. пед. наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: niv_tomsk@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.V. Fakhruddinova, Dr. Sci. (Pedagogics), head of the Department of Foreign Languages in International Relations, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: avfach@mail.ru

N.N. Abakumova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: niv_tomsk@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.06.2024;
одобрена после рецензирования 12.06.2024; принята к публикации 30.06.2024.*

*The article was submitted 06.06.2024;
approved after reviewing 12.06.2024; accepted for publication 30.06.2024.*

Original article
UDC 81'373 : 378.147
doi: 10.17223/15617793/503/23

Polycode text as a means of teaching technical vocabulary to engineering students

*Olga V. Prokopyuk¹, Olga A. Solovyeva²,
Aleksei Yu. Alipichev³, Natalya A. Sergeeva⁴*

¹ *Brest State Technical University, Brest, Republic of Belarus, olgaprokopiuk@mail.ru*

² *Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus, olga-nightingale@mail.ru*

³ *Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russian Federation, al_new2003@mail.ru*

⁴ *Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russian Federation, kukulenok72@mail.ru*

Abstract. The article addresses the situation where engineering students learn foreign language vocabulary while facing a lack of professional expertise and having to retrieve most of professional information from the text in a foreign language. The aim of the article is to prove that the integral meaning of a term should be considered as a vocabulary teaching unit, and learners should fill its components by actively interacting with a polycode text in a foreign language. Based on linguistic studies, the authors determine the structure and the content of the educational model of the integral meaning of a term and outline its components (image perceptual, intentional, and implicational ones). They scrutinize the structure of a multicultural professional linguistic personality to define the influence of a set of characteristics of the subject of professional activity on the ability to learn foreign language vocabulary. The article claims that motivational, linguocognitive, communicative, and other characteristics are formed in a special quasi-professional educational environment and condition the perception, understanding, processing and production of statements in a foreign language in a multicultural professional community. The article clarifies the potential utility of professional precedent texts for actualizing the integral meaning of a foreign-language term. Taking into account the linguodidactics provisions for designing figurative, verbal, and audiovisual blocks of a polycode text, this text format seems to be optimally suited for teaching and learning foreign vocabulary. The authors present empirical results of training, which were evaluated based on the criteria of completeness of conveying the content of the integral meaning of a term, and the accuracy of perception of terms presented in oral and graphic texts. The training was organized according to the following stages of foreign language vocabulary learning: 1) building awareness of formal (graphic and sound forms) and meaningful (integral meaning) characteristics of the term; 2) understanding and actualization in speech of formal and meaningful characteristics of a term; 3) integration of the term with other units of the levels of the multicultural professional linguistic personality. The vocabulary learning was based on the active exploration by engineering students of the language and professional information of interactive polycode texts. The results revealed the significant degree of interrelation between the aforementioned criteria and demonstrated that a higher level of students' mastery of the integral meaning of a term caused an increase in the lexical diversity of students' oral and written statements produced in English. The study confirmed the effectiveness of students' mastering the integral meaning of foreign language terms using the designed polycode texts.

Keywords: polycode text, foreign language vocabulary, integral meaning of term, lingual identity, stages of vocabulary learning, tasks, diagnostic assessment, summative assessment

For citation: Prokopyuk, O.V., Solovyeva, O.A., Alipichev, A.Yu., Sergeeva, N.A. (2024) Polycode text as a means of teaching technical vocabulary to engineering students. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 503. pp. 227–234. doi: 10.17223/15617793/503/23

Introduction

The high demands that today's society places on the level of foreign language proficiency of university graduates make it necessary to search for more effective methods of teaching foreign language vocabulary and to develop didactic materials, including digital ones, that meet modern standards and satisfy students' preferences. These materials are mainly of practical use, thus making learning more flexible and efficient. Since a foreign language is not the only means of constructing meaning, it is necessary to supplement the verbal means used in texts or exercises with images, video clips, hyperlinks to other sources of information, etc. Audiovisual modes (in the form of static or dynamic

images, films or video podcasts, sounds, music, special composition of graphic space, etc.) help to compensate for differences in foreign language proficiency characteristic of students in the same group and for possible lack of experience in interacting with objects or processes of future professional activities.

Several scientific studies have experimentally demonstrated the effectiveness of using educational materials designed with different semiotic codes for teaching various disciplines [1–5]. The aim of our research is to test the effectiveness of using polycode texts as a basis for teaching technical vocabulary in a foreign language to engineering students.

In the context of this research, a polycode text is understood as a methodologically sound combination of

blocks in which technical and linguistic information is presented in different semiotic codes: verbal and visual. The verbal code is presented in visual and auditory modalities. The visual code is represented in the form of static images (drawings, diagrams, charts, and photographs), dynamic diagrams, interactive three-dimensional models of objects, video sequences, etc. Verbal and visual codes are combined into a non-linear, heterogeneous, coherent, and modular compositional structure, which increases the degree of students' involvement in the process of interacting with the text and interpreting its elements [6].

The significant value of polycode texts in terms of improving the quality of foreign-language vocabulary teaching to students is explained by the possibility of integrating professionally valuable texts with various images, video and audio recordings, three-dimensional models of objects related to future professional activities, and so on. In such texts, designed for educational purposes, different semiotic sources can be combined based on their congruence, complementing and expanding each other's meanings; or divergence, highlighting different aspects of objects, phenomena or communicative events. For example, following the principle of congruence, static or dynamic images can be added to an educational polycode text to visualize the meaning and/or function of lexical units or grammar structures, thus facilitating students' understanding of the text. On the other hand, non-verbal components in the educational polycode text specifically highlight discrepancies in the meaning or use of the language material being studied. They draw students' attention to the differential features and help them analyze and understand the verbal component of the text more deeply. It is also important to remember that the non-verbal elements of the constructed polycode text must be relevant and associative, understandable to all members of the linguistic-cultural community, as the chosen non-verbal sources of information activate certain associative links and suppress others, thus significantly influencing the formation of meaning [6].

In general, an analysis of the scientific works focusing on the specific features of polycode texts [7–9] states the necessity to take into account the peculiarities of the relations among their heterogeneous blocks when designing these texts. Choosing a relevant source for filling the verbal blocks of a polycode text with content, in turn, requires research into the features of precedent [10, 11] and scientific [12–14] texts.

The determination of the main features of the designed polycode text intended for teaching foreign language vocabulary to engineering students requires consideration of the results of modern research in linguodidactics and foreign language teaching methods. Taking into account the results of research in cognitive linguistics [15–18], semasiology [19–21], in our opinion, is useful for analyzing the peculiarities of the representation of professional and linguistic knowledge in the student's mind when defining the structure of the polycode text, the content of its verbal and non-verbal blocks and the sequence of their presentation.

To elaborate a matrix for designing a polycode text intended for teaching foreign language vocabulary, we

turned, first of all, to the research devoted to the integral concept of word meaning [21, 22]. By the integral meaning, we understand the meaning of a word, which represents an ordered structure, uniting all semantic components (semas), which are actually connected with this sound form in the minds of speakers [20. P. 27–28; 21. P. 23–24; 23. P. 7; 24. P. 13; 25. P. 151]. The content of the integral meaning of a term is determined by a wide range of features manifested by the object/subject designated by the word in different situations, at different periods of its functioning; features that are more or less essential, but communicatively relevant.

Based on the analysis of studies devoted to the integral meaning of a word (in different terminologies - psychologically relevant meaning, psycholinguistic meaning, "further" meaning, deepened meaning, psychologically real meaning), we concluded that it represents a mental multi-component entity and includes an image perceptual, intentional component, and implicational component. Based on the structure of the concept described by I.A. Sternin and Z.D. Popova, as well as on the view that "meaning (sememe) conveys certain cognitive features with its semas" [26. P. 65], which form the content of a concept, for linguodidactic purposes, we divided the implicational component of the integral meaning of a term into several zones: encyclopaedic, practical, regulatory, evaluative, and socio-cultural.

Since the training of a qualified specialist requires the increase of the student's personal involvement in the process of mastering the foreign language vocabulary, we also turned to the construct of the linguistic personality as a system-forming category of linguodidactics [27–29] and the professional linguistic personality, which is a professionally determined "extension" of the linguistic personality [11, 30, 31] formed at the level of general secondary education. In addition, within the framework of our research, we used the theory of polyculturalism in education [32, 33]. The reason is that students should be prepared for effective professional communication in conditions of global integration in various fields of professional activity and they should be capable of sufficiently adequate understanding of cultural and linguistic peculiarities demonstrated by representatives of other linguistic-and-cultural communities.

Accordingly, the achievement of personal outcomes by university students should include the formation of a polycultural professional linguistic personality. We understand a polycultural professional linguistic personality as a set of characteristics of a subject of professional activity that are formed in a specific professionally oriented educational environment and determine the perception, understanding, processing, and production of statements in a foreign language in a polycultural professional community. Researchers attribute the following characteristics to this set:

- linguistic-cognitive (e.g. the ability to perceive, understand, and analyze linguistic and professional information); motivational (e.g. the actual incentives for mastering and using vocabulary and the foreign language as a whole in professional communication);

- communicative (e.g. the ability to understand and communicate in a polycultural professional community);
- cross-cultural (e.g. the ability to understand and accept the differences of representatives of other cultures in the communication process);
- value-and-meaning mastery (e.g. the ability to consciously develop the values that are important for an engineer) and a number of other characteristics [34. P. 4; 35. P. 11; 36. P. 4; 37. P. 5–6].

In the structure of the polycultural professional linguistic personality, they distinguish the level of professional self-identity, where professional concepts are accumulated; the verbal level, represented by terms and their lexical environment; and the motivational-pragmatic level, the units of which are the communicative needs of students, their cognitive and professional motives, values and qualities expressed in the readiness to carry out professional communication in a foreign language [30. P. 189].

Taking into account the content specifics of the integral meaning of a term and the polycultural professional linguistic personality of the student, as well as the requirements identified by O.V. Prokopyuk concerning the manageability of the cognitive load on the short-term memory of the student [38], the polymodality of the presentation of linguistic and professional information, and the correlation of the blocks of the polycode text with the components of the integral meaning of a term, we have determined the structure of a designed polycode text. The structure includes:

- a visual block, the content of which is represented by a static image (drawing, scheme, diagram, photograph, etc.), visualizing the external characteristics of objects of professional activity (devices, machines, apparatuses, sensors, units, instruments, etc.);
- a dynamic scheme, demonstrating the external characteristics of objects of professional activity (devices, machines, apparatuses, sensors, units, instruments, etc.);
- a simulation in the form of an interactive three-dimensional model of an object illustrating the structural features of the object of professional activity and the specifics of its functioning;
- a verbal block consisting of a main block containing professional information presented as fragments of professional precedent texts on objects/processes of a given field, and additional blocks of two types presenting equivalents of key foreign terms in the native language of the students and/or their definitions in the native or foreign language, as well as pronunciation patterns of key terms;
- an audio-visual block containing video podcasts demonstrating the functional characteristics of professional activity objects; fragments of professional video reviews providing a general assessment of the characteristics of the object and professional situations that are precedent for this subject area.

Methodological approaches and research methods

To increase the reliability of the results obtained during the research, a comprehensive set of methods was used: analysis of domestic and foreign sources on the research

topic, interviews, observation, testing, experimental teaching and statistical methods for summarizing and interpreting the research results.

The conceptual bases of the research included:

- the anthropocentric paradigm, which considers the student as the subject of educational activity, the central element of the educational process, and the foreign language learned by students not in isolation from them, but as a part of their personal development;
- the theory of linguistic personality [27] and the theory of professional linguistic personality [30, 31], used to describe the structure and content of the student's polycultural professional linguistic personality;
- the integral concept of word meaning [22] considering the peculiarities of the representation of professional and linguistic knowledge in the student's linguistic consciousness and to define the structure and content of the integral meaning of a term;
- the theory of polycode (creolized) texts [1–3, 8, 9, 14] used to identify the requirements for the organization of heterogeneous blocks of a polycode text, taking into account the peculiarities of the interrelationship between these blocks, and develop a matrix for the targeted design of a polycode text;
- the basic principles of the cognitive approach, taking into account the peculiarities of perception, processing, structuring, and storage of linguistic and professional information in the student's mind and to ensure the communicative emphasis of the educational process.

Based on the principles of the competence-based approach and taking into account the main provisions of the theory of contextual learning, we also presumed the lack of individual experience of the students interacting with the objects of future professional activities. In addition, we offered some ways to ensure the personal active involvement of the student in independent cognitive, research and creative activities in a foreign language in the identified professional situations, and also develop the skills of self-assessment and self-reflection. Moreover, the implementation of these principles provided the necessary conditions for the targeted modeling of the social and professional contexts of the students' future professional activities, requiring the use a foreign language as a means of professional communication.

Results

To experimentally prove the effectiveness of using polycode texts in teaching foreign language vocabulary to engineering students, we conducted a comparative analysis of the results of diagnostic and summative assessments completed by students as part of the experimental teaching organized at Brest State Technical University (Republic of Belarus) in 2020-2023.

The diagnostic assessment involved 74 first-year students of the Faculty of Mechanical Engineering, specializing in training areas 1-37 01 07 "Vehicle Service" and 1-37 01 06 "Technical Operation of Vehicles". The experimental group (EG) consisted of 38 people and the control group (CG) included 36 people. When preparing for this assessment, we took into

account the structure and content of the integral meaning of technical terms, as well as the list of communication cases characteristic of the students' future professional activities, identified through the analysis of regulatory documents. The purpose of the diagnostic assessment was to:

- determine the degree of students' mastery of the integral meaning of the key terms from training areas 1-37 01 07 "Vehicle Service" and 1-37 01 06 "Technical Operation of Vehicles" (in our case "Internal Combustion Engine" and "Ignition System");

- measure the quality of links between these terms and other lexical units represented in the students' thesaurus;

- confirm the assumption that the students are at the initial stage of forming a professional polycode linguistic personality.

The diagnostic assessment consisted of eight tasks. The first task was aimed at measuring the degree of the student's awareness of the intentional component that represents the substantive core of the integral meaning of a term, where the students were asked to define the term "internal combustion engine"/"ignition system". The second task aimed to determine the degree of correlation in the students' linguistic and professional thesaurus between the image perceptual of the object of professional activity and the term nominating this object, as well as the perceptual images of its components and their nominating terms. In this task, the students were to label parts of the engine/ignition system on a picture. The third task aimed to determine the level of students' awareness of the content of the encyclopaedic zone of implicational component, i.e. the level of their knowledge about the properties of the objects of professional activity ("combustion engine"/"ignition system"), acquired through experience, education, interaction with the objects, etc. This task also aimed to determine the level of students' awareness of the content of the encyclopaedic zone of the implicational component. Moreover, this task aimed to determine the level of students' mastery of lexical means necessary to describe these properties and the level of formation of links between the term and other units of the language of professional communication. In this task, the students were asked to write down verbs indicating the actions of the internal combustion engine / ignition system and its parts. Tasks four to eight aimed to reveal the degree of students' awareness of the content of the practical, regulatory, evaluative and socio-cultural zones of the implicational component of the integral meaning of the terms "internal combustion engine"/"ignition system". During the assessment, we analyzed the new knowledge acquired by students and related to:

- the possibility and characteristics of using the internal combustion engine / ignition system for professional purposes;

- the limits of actions with these objects of professional activity;

- their main characteristics;

- names of engineers who contributed to the development of the internal combustion engine / ignition system.

In addition, the tasks aimed to reveal the level of the students' mastery of the lexical units of the language of professional communication necessary for verbalizing this knowledge. In these tasks, the students were asked to perform the duties of a mechanical engineer within the framework of production-technological and organizational-managerial quasi-professional activities:

- to give recommendations to the uninformed customers of the vehicle service on the maintenance of the engine / ignition system;

- to list the signs of the engine / ignition system malfunction;

- to give recommendations to the vehicle service workers on the observance of the safety rules when repairing the engine / ignition system;

- to list the adjectives characterizing the operation of the engine / ignition system and its parts;

- to write down the names of the engineers who contributed to the development of the internal combustion engine / ignition system.

Based on our extensive experience in teaching technical vocabulary to engineering students, we hypothesized that the students' linguistic consciousness was practically devoid of not only foreign language terms, but also their equivalents in Russian. We expected this assumption to be confirmed by the results of the diagnostic assessment. Consequently, the diagnostic assessment did not include tasks aimed at recognizing and understanding key terms in oral/graphic texts, nor tasks aimed at determining the level of the ability to correctly select key terms and combine them with other verbal units of the polycultural professional linguistic personality (specialized and common terms, general vocabulary) in coherent oral or written statements. These tasks were only presented as part of the summative assessment (see below). In addition, based on the above, we allowed the use of the Russian language by the students in the diagnostic assessment.

The results of the students' written tasks in the diagnostic assessment were analyzed based on the criterion of completeness of conveying the integral meaning of a term. The criterion of completeness of conveying the integral meaning of a term (Ccc) reflects the degree of the student's mastery of the key term (in our case "internal combustion engine" / "ignition system") and the units included in its lexical environment. The students' answers were scored according to the scale shown in Table 1.

The analysis of the numerical data obtained in the diagnostic evaluation was carried out using Excel software. The average values of the criterion of completeness of conveying the integral meaning of a term (Ccc) for "combustion engine" and "ignition system" were 0.24 and 0.2, respectively. For "internal combustion engine", the average Ccc values for different components were: intentional component = 0.47, image perceptual = 0.19, encyclopaedic zone = 0.16, practical zone = 0.3, regulatory zone = 0.23, evaluative zone = 0.19, and socio-cultural zone = 0.13. For "ignition system" the average Ccc values

were: intentional component = 0.4, image perceptual = 0.32, encyclopaedic zone = 0.23, practical zone = 0.23, regulatory zone = 0.14, evaluative zone = 0.09, and socio-cultural zone = 0.03.

Table 1

Student's responses rating scale

Task No.	Component of the integral meaning of a term	1 point	0.5 points	0 points
Diagnostic and summative assessments				
1	Intentional component	the student <i>fully</i> conveys the intentional component of the integral meaning of a term using a foreign language (the diagnostic and summative assessments) or the Russian language (allowed only in the diagnostic assessment)	the student <i>partially</i> conveys the intentional component of the integral meaning of a term using a foreign language (the diagnostic and summative assessments) or the Russian language (allowed only in the diagnostic assessment)	the student <i>incorrectly</i> conveys the intentional component of the integral meaning of a term
2	Correlation of the image and content of the encyclopaedic zone of the implicational component	the student correctly nominates <i>most</i> components of the object/process of professional activity using a foreign language (the diagnostic and summative assessments) or Russian (allowed only in the diagnostic assessment)	the student correctly nominates <i>a significant part</i> of the components of the object/process of professional activity using a foreign language (the diagnostic and summative assessments) or Russian (allowed only in the diagnostic assessment)	the student correctly nominates <i>single particular</i> components of the object/process of professional activity using a foreign language (the diagnostic and summative assessments) or Russian (allowed only in the diagnostic assessment)
3	Encyclopaedic zone of the implicational component	the student <i>fully</i> conveys the content of the encyclopaedic zone using a foreign language (the diagnostic and summative assessments) or Russian (allowed only in the diagnostic assessment)	the student <i>partially</i> conveys the content of the encyclopaedic zone using a foreign language (the diagnostic and summative assessments) or Russian (allowed only in the diagnostic assessment)	the student <i>incorrectly</i> conveys the content of the encyclopaedic zone
4	Practical zone of the implicational component	the student <i>fully</i> conveys the content of the practical zone using a foreign language (the diagnostic and summative assessments) or Russian (allowed only in the diagnostic assessment)	the student <i>partially</i> conveys the content of the practical zone using a foreign language (the diagnostic and summative assessments) or Russian (allowed only in the diagnostic assessment)	the student <i>incorrectly</i> conveys the content of the practical zone
5-6	Regulatory zone of the implicational component	the student <i>fully</i> conveys the content of the regulatory zone using a foreign language (the diagnostic and summative assessments) or Russian (allowed only in the diagnostic assessment)	the student <i>partially</i> conveys the content of the regulatory zone using a foreign language (the diagnostic and summative assessments) or Russian (allowed only in the diagnostic assessment)	the student <i>incorrectly</i> conveys the content of the regulatory zone
7	Evaluative zone of the implicational component	the student <i>fully</i> conveys the content of the evaluative zone using a foreign language (the diagnostic and summative assessments) or Russian (allowed only in the diagnostic assessment)	the student <i>partially</i> conveys the content of the evaluative zone using a foreign language (the diagnostic and summative assessments) or Russian (allowed only in the diagnostic assessment)	the student <i>incorrectly</i> conveys the content of the evaluative zone
8	Socio-cultural zone of the implicational component	the student <i>fully</i> conveys the content of the socio-cultural zone using a foreign language (the diagnostic and summative assessments) or Russian (allowed only in the diagnostic assessment)	the student <i>partially</i> conveys the content of the socio-cultural zone using a foreign language (the diagnostic and summative assessments) or Russian (allowed only in the diagnostic assessment)	the student <i>incorrectly</i> conveys the content of the socio-cultural zone

These results confirm the hypothesis that most students have only a general understanding of the meaning of terms and the phenomena they nominate. Furthermore, most of the students completed the diagnostic assessment tasks mainly in Russian. The diagnostic assessment revealed that the level of proficiency of students in both the experimental group (EG) and the control group (CG) in the lexical means of verbalizing professional knowledge about objects of future professional activity. However, the level of mastery of such knowledge is quite low. This is due to the fact that the students are at the initial "subject-dominated" stage (term used by N.N. Nechaeva) of the formation of professional consciousness, so their long-term memory does not yet represent not only foreign key terms of a given subject area, but also their equivalents in their native language. In addition, linguistic consciousness still lacks associative links (paradigmatic, syntagmatic, and thematic) between these terms and other units of the language of professional communication, which form the basis of perception, understanding, and production of coherent speech by a specialist.

The experimental teaching of foreign language vocabulary to students based on designed polycode texts involved the use of a developed set of tasks [38] and a pedagogical model of the integral meaning of terms, which is a formalized analogue of the integral meaning of terms as a multi-component structure. The structure includes image perceptual, intentional, and implicational components (encyclopaedic, practical, regulatory, evaluative and socio-cultural zones) and presented to students as a graphic organizer. The teaching was organized according to the following stages of foreign language vocabulary acquisition:

- 1) realization of the formal (graphic and sound forms) and substantive (integral meaning) characteristics of the term;
- 2) understanding and realization by the student of the formal and substantive characteristics of the term in speech;
- 3) integration of the term with other units of the levels of the polycultural professional linguistic personality.

At the stage of realization of formal and substantive characteristics of the term, students performed linguistic-cognitive tasks, which involved cognitive analysis of polycode texts and were aimed at:

- making structural links between formal characteristics of terms and images of the object of professional activity;
- realizing the content of the intentional integral meaning of a term;
- realizing associative links between the term and its lexical environment;
- clarifying the general content of the components of the integral meaning of a term.

At the stage of actualization of formal and substantive features of the term in speech, students were given quasi-professional receptive tasks. The tasks aimed to strengthen structural links between formal and substantive features of the term in receptive types of speech activity; strengthen implicational associative links between the term and its lexical environment; and form inter-level links of the term. At the stage of integrating the concept with other units of the levels of polycultural professional linguistic personality, students performed quasi-professional productive tasks aimed at expanding associative and inter-level links of the term in the process of its use in oral and written speech.

The experimental teaching was followed by the summative assessment. The summative assessment included tasks similar to those in the diagnostic assessment and four additional tasks. Two of these additional tasks were designed to determine the mastery level of the formal

and substantive features of the term, which included recognition and understanding of key terms in oral or graphic texts. The results were assessed based on the criterions of accuracy of perception of the term in the oral text (Cp1) and the graphic text (Cp2).

The numerical value of the accuracy of perception of the term in the oral/graphic text is determined using the coefficients of perception of the term in the oral text (Cp1) and the accuracy of perception of the term in the graphic text (Cp2). These coefficients are calculated using the formula $Cp1 / Cp2 = T \div N$; where T is the number of terms recognized by the student in the oral/graphic texts and N is the total number of terms contained in these texts.

In addition, the summative assessment included extra tasks that require students to produce coherent oral and written statements. These tasks aimed to determine the level of mastery of the formal and substantive characteristics of the term, as well as the ability to form associative (paradigmatic, syntagmatic, and thematic) links of a term, and links of the term with professional concepts represented in the student's professional consciousness, which is a multi-component system structuring the professional knowledge possessed by the future specialist. The results of these tasks were analyzed based the criteria of extensiveness of specialized vocabulary used by the students in oral (Cro) and written (Crw) statements, actualizing the integral meaning of a term.

The assessment of students' responses is conducted in accordance with the rubrics presented in Table 2.

Given below are the results of the diagnostic and summative assessment summarized in Table 3 for clarity.

Table 2

Student's responses rating scale ()

Type of statement	Task No.	1 point	0.5 points	0 points
Oral statement (description of the simulation)	1	The oral statement is saturated with lexical units actualizing the integral meaning of a term. All lexical units correspond to the context. The norms of lexical combinability are observed. The simulation is described in full.	The oral statement contains only some lexical units that actualize the integral meaning of a term. The selected lexical units do not always correspond to the context. The norms of lexical combination of words are not always observed. The simulation is not fully described.	The oral statement contains only single lexical units that actualize the integral meaning of a term. Most of selected lexical units do not always correspond to the context. The norms of lexical combination of words are not observed. The simulation is not described.
Written statement	2	The written statement is saturated with lexical units actualizing the integral meaning of a term. All lexical units correspond to the context. The norms of lexical combinability are observed. Single spelling mistakes are made. The communicative task is solved.	The written statement contains only some lexical units that actualize the integral meaning of a term. The chosen lexical units do not always correspond to the context. The norms of lexical combination of words are not always observed. An insignificant number of spelling mistakes are made. The communicative task is partially solved.	The written statement contains only single lexical units that actualize the integral meaning of a term. The statement is reduced to individual words and word combinations. Most of the selected lexical units do not correspond to the context. The norms of lexical combination of words are not observed. A significant number of spelling mistakes are made. The communicative task is not solved.

Table 3

The results of the diagnostic and summative assessment

	Ccc								Cp1	Cp2	Cro	Crw
	In*	Im*	En*	Pr*	Rg*	Ev*	SC*	Average*				
Diagnostic assessment												
CG	0.42	0.28	0.25	0.22	0.13	0.14	0.07	0.21	-	-	-	-
EG	0.46	0.24	0.16	0.32	0.24	0.13	0.08	0.23	-	-	-	-
Summative assessment												
CG	0.54	0.50	0.40	0.35	0.24	0.21	0.25	0.36	0.42	0.55	0.28	0.25
EG	0.82	0.93	0.71	0.76	0.67	0.79	0.82	0.79	0.69	0.79	0.68	0.63
Increase of coefficients in the summative assessment compared to the diagnostic one												
CG	0.12	0.22	0.15	0.13	0.11	0.07	0.18	0.15	-	-	-	-
EG	0.36	0.69	0.55	0.44	0.43	0.66	0.74	0.56	-	-	-	-

To determine the relationship between the volume of the integral meaning of terms represented in the students' linguistic consciousness and the lexical diversity of their oral and written statements, we carried out a correlation analysis between the criterion of completeness of conveying the integral meaning of a term (Ccc) and the criteria of extensiveness of specialized vocabulary used by the students in oral (Cro) and written (Crw) statements. Pearson's linear correlation coefficient was calculated using the numerical values of these criteria from the summative assessment results of both the control group (CG) and the experimental group (EG) of 74 students. The correlation coefficients were $Ccc / Cro = 0.75$, $Ccc / Crw = 0.82$.

The next step in determining the degree of correlation between Ccc / Cro and Ccc / Crw was to calculate the Student's t coefficient: $t_{\text{observed1}} (Ccc / Crw) = 12.27$; $t_{\text{observed2}} (Ccc / Cro) = 9.74$. Comparing these observed t -values ($t_{\text{observed1}}$ and $t_{\text{observed2}}$) with the critical t -value (t_{crit}) of 2.042 (according to the Student's t -distribution table) at a significance level of $\alpha = 0.01$ and degrees of freedom $\nu = 72$ ($74 - 2$), it can be confidently stated that there is a significant close correlation between Ccc and Cro , as well as Ccc and Crw [38]. The degree of correlation found shows that a higher level of mastery of the integral meaning of a term by the student leads to an increase in the lexical diversity of the student's oral and written statements in English. This supports the effectiveness of the students' mastery of the integral meaning of foreign terms based on the designed polycode texts.

This conclusion is also confirmed by the results of the correlation analysis between the numerical values of the criterion of completeness of conveying the integral meaning of a term (Ccc) and the criteria of the accuracy of perception of terms in the oral text ($Cp1$) and the graphic text ($Cp2$). The Pearson's linear correlation coefficient between these criteria was $Ccc / Cp1 = 0.74$, $Ccc / Cp2 = 0.79$. Then we determined the value of $t_{\text{observed3}} (Ccc / Cp1) = 9.38$; $t_{\text{observed4}} (Ccc / Cp2) = 10.82$. Comparing these observed t -values ($t_{\text{observed3}}$ and $t_{\text{observed4}}$) with

$t_{\text{crit}} = 2.042$ at a significance level of $\alpha = 0.01$ and degrees of freedom $\nu = 72$, we can conclude that there is a significant close correlation between Ccc and $Cp1$, as well as Ccc and $Cp2$.

Conclusion

Thus, the analysis and interpretation of the results of the research conducted are sufficient to conclude that the teaching of technical vocabulary to engineering students using purposefully designed polycode texts as a semantic context and a relevant resource is quite efficient. This approach provides a solid linguistic-cognitive foundation in the students' consciousness for perceiving and understanding foreign language vocabulary both orally and while reading, as well as for producing their own oral and written statements in a foreign language. In addition, the analysis of polycode texts when mastering foreign language vocabulary contributes to the harmonious development of the levels of the polycultural professional linguistic personality.

The increased effectiveness of teaching foreign language vocabulary to engineering students using polycode texts is caused by several factors. Firstly, the cognitive analysis of polycode texts made by students to complete vocabulary tasks activates different areas of the brain, facilitating a deeper and more prolonged retention of lexical units in the student's long-term memory. Secondly, these texts, through the visualization of professional information presented to the students, contribute to a better understanding of the contexts of future professional activities, the meanings of the foreign terms they are mastering and the recognition of the links between objects of future professional activity, which determine the paradigmatic, syntagmatic and thematic links of the professional communication vocabulary. Thirdly, the learning process based on polycode texts becomes more engaging for the students, which increases their cognitive motivation to master foreign language vocabulary and forms a positive attitude towards future professional activities, which is particularly important.

References

1. Clark, R.C. & Mayer, R.E. (2016) *E-Learning and the Science of Instruction: Proven Guidelines for Consumers and Designers of Multimedia Learning*. New Jersey: John Wiley & Sons, Inc.
2. Mayer, R. (2009) *Multimedia Learning*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Mayer, R. & Fiorella, L. (2022) *The Cambridge Handbook of Multimedia Learning*. 3rd edition. Cambridge: Cambridge University Press.
4. Sentsova, V.A. (2017) *Polikodovye teksty kak sredstvo obucheniya ital'yanskikh uchashchikhsya russkoy grammatike (I sertifikatsionniy uroven')* [Polycode texts as a means of teaching Russian grammar to Italian students (I certification level)]. Pedagogy Cand. Diss. St. Petersburg.
5. Michurin, D.S. (2016) *Precedentnyy polikodoviy tekst v verbal'no-izobrazitel'noy kommunikatsii internet-soobshchestv (na materiale russkoyazychnykh imidzh-forumov)* [Precedent polycode text in verbal-visual communication of internet communities (based on the material of Russian-speaking image forums)]. Philology Cand. Diss. Tver.
6. Solovyeva, O.A. (2022) [Mediation of Text and the principle of polymodality in teaching foreign languages]. *Proceedings of the Annual Conference of Teachers and Graduate Students: in 5 parts*. Minsk. 25–29 April 2022. Part 1. Minsk. pp. 213–215. (In Russian).
7. Maksimenko, O.I. (2012) Polikodoviy vs kreolizovanniy tekst: problema terminologii [Polycode vs creolized text: terminology issue]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2. pp. 93–102.
8. Sonin, A.G. (2006) *Modelirovanie mekhanizmov ponimaniya polikodovykh tekstov* [Modeling mechanisms of understanding polycode texts]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
9. Chernyavskaya, V.E. (2009) *Lingvistika teksta: polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'* [Linguistics of text: polycodality, intertextuality, interdiscursivity]. Moscow: Librokom.
10. Burvikova, N.D. & Kostomarov, V.G. (1994) Kak teksty stanovyatsya pretsedentnymi [How texts become precedent]. *Russkiy yazyk za rubezhom*. 1. pp. 73–76.
11. Myskin, S.V. (2016) *Professional'noe yazykovoie soznanie i osobennosti ego funktsionirovaniya* [Professional language consciousness and features of its functioning]. Philology Cand. Diss. Moscow.
12. Alekseeva, I.S. (2008) *Tekst i perevod. Voprosy teorii* [Text and translation: questions of theory]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya.
13. Vladimirova, T.L. (2010) *Yazyk i stil' nauchnogo teksta* [Language and style of scientific text: textbook]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.

14. Chernyavskaya, V.E. (2007) *Interpretatsiya nauchnogo teksta* [Interpretation of scientific text: textbook]. 4th Edition. Moscow: Izdatel'stvo LKI.
15. Boldyrev, N.N. (2014) *Kognitivnaya semantika. Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku: kurs lektsiy* [Cognitive semantics. introduction to cognitive linguistics: lecture course]. Tambov: Tambov State University.
16. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2007) *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow: AST: Vostok-Zapad.
17. Karasik, V.I., Krasavskiy N.A. & Slyshkin G.G. (2014) *Lingvokontseptologiya* [Linguoconceptology]. Volgograd: Peremena.
18. Vorkachev, S.G. (2016) *Ex pluribus unum: lingvokul'turniy kontsept kak sinteznoe obrazovanie* [Ex pluribus unum: linguocultural concept as a synthetic formation]. *Russian Journal of Linguistics*. 20. pp. 17–30.
19. Vinogradova, O.E. (2016) *Integral'naya metodika uglublennogo opisaniya znacheniya slova (na materiale semanticheskogo opisaniya slov raznykh chastey rechi)* [Integral methodology of in-depth word meaning description (based on the semantic description of words of different parts of speech)]. Philosophy Cand. Diss. Voronezh.
20. Maklakova, E.A. & Sternin, I.A. (2013) *Teoreticheskie problemy semnoy semasiologii* [Theoretical problems of semantic semasiology]. Voronezh: Istoki.
21. Sternin, I.A. & Salomatina, M.S. (2011) *Semanticheskii analiz slova v kontekste* [Semantic analysis of a word in context]. Voronezh: Istoki.
22. Nikitin, M.V. (1974) *Leksicheskoe znachenie v slove i slovosochetanii. Spetskurs po obshchey i angliyskoy leksikologii* [Lexical meaning in a word and phrase. Special course on general and English lexicology]. Vladimir: Vladimir. Pedagogical Institute.
23. Rudakova, A.V. (2022) *Teoreticheskie i prikladnye problemy psikholingvisticheskoy semasiologii i leksikografii* [Theoretical and applied problems of psycholinguistic semasiology and lexicography]. Abstract of Philology Dr. Diss. Voronezh.
24. Sternin, I.A. (1985) *Leksicheskoe znachenie slova v rechi* [Lexical meaning of a word in speech]. Voronezh: Voronezh State University.
25. Sternin, I.A. & Rozenfel'd, M.Ya. (2008) *Slovo i obraz* [Word and image: monograph]. Voronezh: "Istoki"
26. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2007) *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Moscow: AST: Vostok-Zapad.
27. Karaulov, Yu.N. (2010) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and lingual identity]. 7th Edition. Moscow: Izdatel'stvo LKI.
28. Gal'skova, N.D., Gez, N.I. (2015) *Teoriya obucheniya inostrannym yazykam. Lingvodidaktika i metodika* [Theory of teaching foreign languages. Linguodidactics and methods]. 8th edition, revised and enlarged. Moscow: Izdatel'skiy tsentr "Akademiya".
29. Koryakovtseva, N.F. (2022) *Aktual'nye problemy lingvodidaktiki: kurs lektsiy* [Current issues in linguodidactics: lecture course]. Moscow: Prospekt.
30. Golovanova, E.I. (2011) *Vvedenie v kognitivnoe terminovedenie* [Introduction to cognitive terminology]. Moscow: FLINTA: Nauka.
31. Makshantseva, N.V. (2011) *Professional'naya podgotovka budushchih spetsialistov po napravleniyu "Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya" v vuze* [Professional Training of Future Specialists in the Field of Linguistics and Intercultural Communication at the University]. Pedagogy Cand. Diss. Shuya.
32. Sysoev, P.V. (2004) *Kontseptsiya yazykovogo polikul'turnogo obrazovaniya : na materiale kul'turovedeniya SShA* [Concept of Language Polycultural Education: Based on the Material of American Cultural Studies]. Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
33. Khalyapina, L.P. (2006) *Metodicheskaya sistema formirovaniya polikul'turnoy yazykovoy lichnosti posredstvom Internet-kommunikatsii v protsesse obucheniya inostrannym yazykam* [Methodological system for the formation of a cross-cultural lingual identity through internet communication in the process of teaching foreign languages]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. St. Petersburg.
34. Alekseeva, N.A. (2008) *Formirovanie kommunikativnoy kreativnosti budushchego spetsialista v protsesse obucheniya inostrannym yazykam* [Formation of communicative creativity of a future specialist in the process of learning foreign languages]. Abstract of Psychology Cand. Diss. N. Novgorod.
35. Burlova, L.N. (2010) *Psikhologicheskie usloviya razvitiya tvorcheskogo inoyazychnogo myshleniya studentov v obuchenii inostrannym yazykam* [Psychological conditions for the development of creative foreign language thinking of students in teaching foreign languages]. Abstract of Psychology Cand. Diss. N. Novgorod.
36. Lushicheva, E.G. (2012) *Psikhologicheskoe soprovozhdenie razvitiya tvorcheskoy lichnosti pedagoga-lingvisty* [Psychological support for the development of the creative personality of a teacher-linguist]. Abstract of Psychology Cand. Diss. N. Novgorod.
37. Plekhov, A.N. (2007) *Psikhologicheskie usloviya razvitiya vtorichnoy yazykovoy lichnosti prepodavatelya-lingvisty* [Psychological conditions for the development of secondary language personality of a teacher-linguist] Abstract of Psychology Cand. Diss. N. Novgorod.
38. Prokopyuk, O.V. (2022) *Kompleks zadaniy dlya obucheniya studentov professional'no orientirovannoy leksike na osnove ispol'zovaniya polikodovykh tekstov* [Set of tasks for teaching students professionally oriented vocabulary based on the use of polycode texts]. *Izvestiya GGU imeni F. Skoriny. Ser.: Sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki*. Gomel. 2 (131). pp. 32–38.

Information about the authors:

O.V. Prokopyuk, senior lecturer, Brest State Technical University (Brest, Republic of Belarus). E-mail: olgaprokopiuk@mail.ru

O.A. Solovyeva, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Minsk State Linguistic University (Minsk, Republic of Belarus). E-mail: olga-nightingale@mail.ru

A.Yu. Alipichev, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy (Moscow, Russian Federation). E-mail: al_new2003@mail.ru

N.A. Sergeeva, senior lecturer, Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy (Moscow, Russian Federation). E-mail: kukulenok72@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Информация об авторах:

Проккопюк О.В. – старший преподаватель кафедры лингвистических дисциплин и межкультурных коммуникаций Брестского государственного технического университета (Брест, Республика Беларусь). E-mail: olgaprokopiuk@mail.ru

Соловьёва О.А. – канд. пед. наук, доцент кафедры лингводидактики и методики обучения иностранным языкам Минского государственного лингвистического университета (Минск, Республика Беларусь). E-mail: olga-nightingale@mail.ru

Алипичев А.Ю. – канд. пед. наук, доцент кафедры иностранных и русского языков Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К.А. Тимирязева (Москва, Россия). E-mail: al_new2003@mail.ru

Сергеева Н.А. – старший преподаватель кафедры иностранных и русского языков Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К.А. Тимирязева (Москва, Россия). E-mail: kukulenok72@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

*Статья поступила в редакцию 23.01.2024;
одобрена после рецензирования 18.04.2024; принята к публикации 30.06.2024.*

*The article was submitted 23.01.2024;
approved after reviewing 18.04.2024; accepted for publication 30.06.2024.*

ПРАВО

Научная статья
УДК 342.4
doi: 10.17223/15617793/503/24

Федеральное и региональное законодательное регулирование переходного периода интеграции Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики в состав Российской Федерации

Евгений Сергеевич Аничкин¹

¹ *Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, rrd231@rambler.ru*

Аннотация. Исследуется феномен формирующегося законодательства о переходном периоде интеграции новых регионов в состав России. Проанализированы структура и содержание федерального законодательства о переходном периоде и вопросы его соотношения с законодательством ДНР, ЛНР. Изучены темпы и тенденции законодательства новых республик после их принятия в Российскую Федерацию, сделан вывод о его своеобразии в плане нормативного наполнения, системы и соотношения с законодательством федерального уровня.

Ключевые слова: переходный период, Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, новые субъекты Российской Федерации, специальное законодательство

Источник финансирования: статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда № 23-28-00138 «Системы права признанных республик Донбасса: проблемы переходного состояния и пути достижения самодостаточности».

Для цитирования: Аничкин Е.С. Федеральное и региональное законодательное регулирование переходного периода интеграции Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики в состав Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 503. С. 235–244. doi: 10.17223/15617793/503/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/503/24

Federal and regional legislative regulation of the transition period of integration of the Donetsk People's Republic and the Lugansk People's Republic into the Russian Federation

Evgeny S. Anichkin¹

¹ *Altai State University, Barnaul, Russian Federation, rrd231@rambler.ru*

Abstract. The article is aimed at revealing the structure, content and internal correlation of individual sources of legislation being formed from October 2022 on the transition period of integration of new regions into Russia. Due to the lack of doctrinal elaboration of this issue, when preparing the article, a wide list of special federal laws on the transition period was used, as well as the latest legislation of the Donetsk People's Republic (DPR) and the Lugansk People's Republic (LPR) of 2022–2023. The methodological basis of the study was a wide range of general and special methods of scientific knowledge. Dialectical, analysis and synthesis, induction and deduction were used as general scientific methods. Synergetic, system-structural and comparative legal methods were used as special methods. General scientific methods, especially dialectical ones, made it possible to study the conditions for the formation and evolution of legislation on the transition period. Using the synergetic method, the intrasystem interaction of elements of the emerging legislative complex was analyzed. The system-structural method was used in the study of the hierarchical, spatial and subject aspects of the relationship between the sources of the legislation under study. Using the comparative legal method, a comparison was made of the legislative acts of DPR and LPR with each other, as well as in a comparative aspect with individual federal laws. The study analyzed the structure and content of special federal legislation on the transition period, the problems of its relationship with the legislation of DPR and LPR, as well as the pace and trends of the legislation of the new republics after their adoption into the Russian Federation, the general and special in the newest legislation of the two republics. It is concluded that the coexistence of federal and regional legislation on issues of the transition period demonstrates different options for its relationship: exclusively federal regulation; predominantly federal regulation with the subsidiary effect of legislation in new regions on issues not directly regulated at the federal level; priority application of regional legislation in terms of specifying and supplementing federal regulations; exclu-

sively regional legislative regulation on issues of residual jurisdiction of the constituent entities of the Russian Federation and as a result of direct delegation from the federal legislator. As a result, the specificity of DPR and LPR as new regions determines the originality of their legislation in terms of regulatory content, system and broader boundaries of independence in relation to legislation at the federal level.

Keywords: transition period, Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, new subjects of Russian Federation, special legislation

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00138.

For citation: Anichkin, E.S. (2024) Federal and regional legislative regulation of the transition period of integration of the Donetsk People's Republic and the Lugansk People's Republic into the Russian Federation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 503. pp. 235–244. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/503/24

Абрис исследования

Важнейшим формально-юридическим последствием принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе новых субъектов – ДНР, ЛНР, Запорожской области, Херсонской области – стало формирование специального федерального законодательства, регламентирующего особенности правового регулирования отношений в той или иной области общественной и государственной жизни присоединенных регионов. К настоящему времени принято порядка 30 федеральных конституционных законов и федеральных законов, конкретизирующих особенности переходного периода интеграции новых регионов в экономическую, финансовую, кредитную и правовую системы Российской Федерации, в систему органов государственной власти России. Это 4 федеральных конституционных закона о принятии в состав Российской Федерации каждого из субъектов [1, 2], 4 федеральных закона о ратификации соответствующих международных договоров между Россией и новым субъектом [3, 4], 12 федеральных законов по вопросам становления судебной системы каждого из новых регионов [5–7], а также 10 федеральных законов, устанавливающих специфику переходного периода в той или иной сфере общественных отношений, о которых речь пойдет ниже. Тем самым к настоящему моменту (январь 2024 г.) есть основания вести речь об отдельном комплексном образовании в системе федерального законодательства, посвященном правовой и институциональной интеграции новых территорий в состав России, получающем развитие на уровне новых субъектов РФ.

Специальное федеральное законодательство о переходном периоде

Анализ данного законодательного комплекса федерального уровня позволил выявить ряд характерных черт правового регулирования переходного периода интеграции новых субъектов Российской Федерации в ее правовое пространство. Во-первых, в целом устанавливается приоритет рассматриваемого специального законодательства по отношению к базовым федеральным законам, регулирующим соответствующие общественные отношения. Так, Федеральный закон от 17 февраля 2023 г. № 19-ФЗ «Об особенностях правового регулирования отношений в сферах образования и науки в связи с принятием в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики, Луганской Народной

Республики, Запорожской области, Херсонской области и образованием в составе Российской Федерации новых субъектов – Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» напрямую устанавливает свою первичность по отношению к Федеральному закону «О науке и государственной научно-технической политике» (ст. 11) и по отношению к Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации» (ст. 12) [8].

Подобным образом Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 271-ФЗ «Об особенностях правового регулирования отношений в области физической культуры и спорта в связи с принятием в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области и образованием в составе Российской Федерации новых субъектов – Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области» предусматривает, что «к отношениям в области физической культуры и спорта положения Федерального закона от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ “О физической культуре и спорте в Российской Федерации”, других федеральных законов и принимаемых в соответствии с ними иных нормативных правовых актов Российской Федерации применяются с учетом особенностей, установленных настоящим Федеральным законом» (ч. 2 ст. 1) [9].

Во-вторых, отдельные специальные законы устанавливают в регулируемых сферах общественных отношений тотальное действие, блокируя соответствующее законодательство новых регионов, принятое до принятия в состав России. Свидетельством этому является, в частности, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство [10], уголовно-исполнительное законодательство [11]. Аналогично уже с 1 января 2023 г. на территории присоединенных субъектов РФ предусматривается действие налогового и бюджетного законодательства России, что подтверждается на примере ст. 15, 16 Федерального конституционного закона «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Луганской Народной Республики» [2].

Схожий случай исключительного федерального регулирования предусматривается в связи с созданием на территории новых регионов свободной экономической зоны.

Согласно ст. 3 Федерального закона от 24 июня 2023 г. № 266-ФЗ «О свободной экономической зоне на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области» «отношения, связанные с созданием, функционированием и прекращением функционирования свободной экономической зоны на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области, регулируются правом Евразийского экономического союза, настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами, а также принятыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами Правительства Российской Федерации и уполномоченного Правительством Российской Федерации федерального органа исполнительной власти» [12].

В-третьих, приоритетное действие специальных федеральных законов о переходном периоде и, напротив, остаточный принцип действия соответствующего законодательства новых регионов предусмотрены по тем вопросам, которые составляют сферу совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. В этом соотношении региональное законодательство действует, как правило, в следующих случаях.

1. В части сохранения для новых регионов на переходный период преференциальных правил-исключений. К примеру, согласно ст. 8 Федерального закона от 17 февраля 2023 г. № 19-ФЗ «Об особенностях правового регулирования отношений в сферах образования и науки в связи с принятием в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и образованием в составе Российской Федерации новых субъектов – Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» до 1 сентября 2024 г. на руководителей государственных (муниципальных) образовательных организаций и кандидатов на должности руководителей указанных организаций не распространяется требование в отношении прохождения обязательной аттестации, а до 1 января 2026 г. – на них же не распространяются квалификационные требования в отношении стажа (опыта) практической работы по соответствующим направлениям деятельности, указанные в квалификационных справочниках и (или) профессиональных стандартах [8].

2. Особенности правового регулирования на уровне новых регионов могут быть установлены только по определенным вопросам, до определенной даты и (или) по согласованию с уполномоченным федеральным органом. Так, в соответствии с Федеральным законом от 17 февраля 2023 г. № 16-ФЗ «Об особенностях правового регулирования отношений в сферах охраны здоровья, обязательного медицинского страхования, обращения лекарственных средств и обращения медицинских изделий в связи с принятием в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики, Луганской Народ-

ной Республики, Запорожской области и Херсонской области» до 1 марта 2024 г. по согласованию с уполномоченным федеральным органом исполнительной власти нормативными правовыми актами новых регионов могут быть установлены особенности лицензирования медицинской деятельности, фармацевтической деятельности и деятельности по обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, культивированию наркосодержащих растений (ч. 16 ст. 3), а в течение всего переходного периода (до 1 января 2026 г.) «по согласованию с уполномоченным федеральным органом исполнительной власти нормативными правовыми актами Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области могут быть установлены особенности организации и оказания медицинской помощи» (ч. 11 ст. 3) [13].

3. Правовое регулирование со стороны новых субъектов РФ допускается, если улучшает положение граждан и юридических лиц, в том числе путем закрепления дополнительных прав и (или) гарантий их реализации и защиты. В этой связи показательны положения Федерального закона от 17 февраля 2023 г. № 18-ФЗ «Об особенностях правового регулирования отношений в сфере социальной защиты и социального обслуживания граждан, проживающих на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области». Например, в соответствии с ч. 9 ст. 2 названного Закона «законодательными и иными нормативными правовыми актами Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области могут устанавливаться особенности осуществления мер социальной защиты (поддержки), предоставлявшихся гражданам по состоянию на 30 сентября 2022 года, в случае, если такие меры социальной защиты (поддержки) не предусмотрены законодательством Российской Федерации или их размер и объем превышают установленный в Российской Федерации» [14].

В-четвертых, в отличие от остальных субъектов РФ законодательство новых регионов отличается некоторой оригинальностью содержания, которая обусловлена возможностью временного правового регулирования отдельных вопросов, находящихся в сфере ведения Российской Федерации. В частности, Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики» (как и аналогичные законы по другим новым субъектам РФ) предусматривает возможность применения на территории ДНР законодательства РФ об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств только с 1 января 2024 г. (ч. 4 ст. 18), а также возможность самостоятельного регулирования до 1 января 2028 г. имущественных отношений, включая оборот земель, по согласованию с федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по управлению государственным имуществом (ч. 1 ст. 21) [1]. По сути речь идет о сегментах гражданского законодательства,

которое в соответствии с п. «о» ст. 71 Конституции РФ составляет сферу ведения Федерации.

В-пятых, специальное федеральное законодательство о новых регионах в определенной мере учитывает и отражает различия, которые в них сложились, дифференцируя тем самым правовое регулирование в отношении каждого из новых субъектов РФ, либо отдельно для двух республик и двух областей. Убедительным подтверждением сказанного являются положения Федерального закона от 17 февраля 2023 г. № 19-ФЗ «Об особенностях правового регулирования отношений в сферах образования и науки в связи с принятием в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и образованием в составе Российской Федерации новых субъектов – Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В частности, с учетом различия образовательных систем, сформировавшихся в ДНР и ЛНР, с одной стороны, и в Запорожской и Херсонской областях, с другой стороны, ст. 2 данного Закона устанавливает особые правила для республик и областей по соответствию образовательных, образовательно-квалификационных уровней, ученых степеней и ученых званий [8].

Однако законодательный массив о переходном периоде не исчерпывается только федеральным уровнем. Поэтому для его полноценного осмысления принципиально важным является анализ статистики, направленный на развитие, а также общего и особенного в системах законодательства ДНР и ЛНР в период после их официального признания Российской Федерацией 22 февраля 2022 г. и до настоящего времени.

Развитие законодательства Донецкой Народной Республики в 2022–2023 гг.

Всего за период с 22 февраля 2022 г. до 31 декабря 2023 г. Народным Советом ДНР II созыва (действовал до 9 сентября 2023 г.) и Народным Советом ДНР РФ I созыва (приступил к работе с 29 сентября 2023 г.) был принят 191 закон¹. Многие из них в тот же день подписывались Главой ДНР и официально опубликовывались. При этом с момента ратификации Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой Законом ДНР № 351-ПНС от 22 февраля 2022 г. [15], оформившим официальное признание самопровозглашенной республики со стороны России и до официального принятия ДНР в состав Российской Федерации 3 октября 2022 г. [16], Народный Совет ДНР II созыва принял 72 закона. С этой даты и до окончания своей работы 9 сентября 2023 г. Народный Совет ДНР II созыва принял еще 59 законов. После проведения в единый день голосования выборов уже в Народный Совет ДНР РФ, приступивший к работе с 29 сентября 2023 г., и до 31 декабря 2023 г., т.е. всего за три месяца, было принято еще 60 законов.

Каковы основные черты развития законодательства ДНР в период 2022–2023 гг.? Они не одинаковы

и различаются в зависимости от трансформации взаимоотношений с Российской Федерацией. Для этапа от официального признания ДНР до включения в состав России (февраль – октябрь 2022 г.) характерно преобладание «поправочных» законов, поскольку более 2/3 от общего количества принятых законов были направлены на внесение изменений и дополнений в ранее принятые законы республики. Тематические законы с новым предметом правового регулирования немногочисленны (например, Земельный кодекс от 11 апреля 2022 г., Закон «О радиационной безопасности населения» от 11 апреля 2022 г., Закон «О молодежной политике» от 20 сентября 2022 г.) и не посвящены органам публичной власти, поскольку основной массив законов, касающихся публичной власти, был принят ранее. Также отличительной чертой этого этапа развития республиканского законодательства является принятие законов, регулирующих уголовные, гражданские, гражданско-процессуальные и иные общественные отношения, отнесенные Конституцией РФ к предметам исключительного ведения Российской Федерации. Например, неоднократно вносились изменения в Уголовный кодекс ДНР, Уголовно-исполнительный кодекс ДНР, Гражданский кодекс ДНР [17–19]. В тот период это было нормальной практикой, поскольку ДНР не являлась еще субъектом Российской Федерации и позиционировала себя как самостоятельное частично признанное государственное образование.

Последующий этап, обусловленный принятием ДНР в состав Российской Федерации, естественным образом повлек за собой существенную трансформацию системы законодательства нового региона нашей страны. Во-первых, с октября 2022 г. и в течение 2023 г. наблюдается более интенсивное законодотворчество, объясняемое не только изменением статуса ДНР, но и принятием 30 декабря 2022 г. новой Конституции ДНР [20].

Во-вторых, в принимаемых законах заметную долю стали занимать законодательные акты, посвященные различным органам и институтам публичной власти. В частности, это законы «О Счетной палате Донецкой Народной Республики» [21], «О государственных должностях Донецкой Народной Республики» [22], «Об Уполномоченном по правам человека в Донецкой Народной Республике» [23], «Об Уполномоченном по правам ребенка в Донецкой Народной Республике» [24], а также принятые уже Народным Советом ДНР РФ I созыва законы «О Правительстве Донецкой Народной Республики» [25], «О Народном Совете Донецкой Народной Республики» [26], «О порядке назначения и деятельности мировых судей в Донецкой Народной Республике» [27] и др.

В-третьих, развитие законодательства ДНР как субъекта Российской Федерации характеризуется в рассматриваемый период заметным снижением количества «поправочных» законов и, напротив, преобладанием законов с самостоятельным (более того, оригинальным) предметом правового регулирования. В этом плане показательными являются законы «О стратегическом планировании в Донецкой Народной Республике» [28], «О межрегиональных соглашениях

Донецкой Народной Республики» [29], «О мерах по предупреждению причинения вреда здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию» [30], «Об организации совместного нахождения некоторых категорий лиц с детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей, в медицинской организации при оказании медицинской помощи в стационарных условиях» [31].

Примечательно, но некоторые из новых законов, даже исходя из своих названий, отражают переходный период в развитии правовой системы и государственности ДНР. Иллюстрацией могут послужить законы «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Донецкой Народной Республики в переходный период» [32], «Об особенностях регулирования отношений в сфере государственной кадастровой оценки земельных участков в переходный период» [33].

Новейший этап формирования законодательства Луганской Народной Республики

После официального признания Российской Федерацией Луганской Народной Республики 22 февраля 2022 г. и до принятия ЛНР в состав России 4 октября 2022 г. [34] в признанной республике было принято 46 законов, а после интеграции в состав Российской Федерации и до 31 декабря 2023 г. – 53 закона. Как видно, в сравнении с ДНР за этот же период времени в ЛНР принято почти в два раза больше законов, что свидетельствует о разных темпах законодательной активности. В остальном наблюдается много общего.

Временной диапазон от официального признания ЛНР до принятия в состав России (февраль – октябрь 2022 г.) также, как и в ДНР, отличался доминированием «поправочных» законов. При этом немало поправок было внесено в законы, принятые ЛНР как самопровозглашенным суверенным образованием. Так, были внесены изменения в Уголовно-процессуальный кодекс ЛНР [35], в Гражданский кодекс ЛНР [36], в закон «О военном положении» [37]. В то же время было принято и несколько тематически новых законов, в частности «О почтовой связи» [38], «Об объектах незавершенного строительства» [39], «Об обращении недвижимого имущества в государственную собственность» [40]. Примечательно, но последние два закона не имеют аналогов в ДНР, хотя в подавляющем большинстве законы двух новых регионов идентичны по предмету правового регулирования и близки по содержанию.

После присоединения новых регионов к Российской Федерации в развитии законодательства ЛНР наблюдаются схожие с ДНР тенденции. Количество «поправочных» законов значительно сократилось, но теперь они в основном обусловлены необходимостью приведения республиканских законов в соответствие с федеральными законами с учетом разграничения предметов ведения между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации, установленного ст. 71–

73 Конституции РФ. Приоритетной линией развития законодательства ЛНР становится принятие новых законов, посвященных главным образом элементам системы публичной власти либо конкретизации переходного периода.

Примерами первой группы законов могут послужить законы «О системе избирательных комиссий, комиссий референдума в Луганской Народной Республике» [41], «О Счетной палате Луганской Народной Республики» [42], «О Правительстве Луганской Народной Республики» [43], «О местном самоуправлении в Луганской Народной Республике» [44], «О государственной гражданской службе Луганской Народной Республики» [45].

Подобно ДНР ряд законов ЛНР отражает переходный период интеграции республики в экономическую, финансовую, кредитную и правовую системы Российской Федерации, в систему органов государственной власти России. В этой связи показательными являются законы «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Луганской Народной Республики» [46], «О налоге на имущество организаций» [47].

Существенным катализатором законодательного процесса в регионе стало принятие 30 декабря 2022 г. новой Конституции ЛНР [48], в связи с чем в течение 2023 г. около 20 законов напрямую были направлены на развитие тех или иных положений регионального основного закона, включая вышеуказанные законы об отдельных органах власти. Конституции ДНР и ЛНР уже выступали в качестве предмета нашего отдельного исследования [49]. Внимание хотелось бы обратить на одно обстоятельство: в отличие от ДНР, где в новую Конституцию от 30 декабря 2022 г. ни одной поправки внесено пока не было, новый основной закон ЛНР уже претерпел поправку. Согласно Закону ЛНР «О поправке к статье 72 Конституции Луганской Народной Республики» [50], из нее был исключен п. 13 ст. 72, в соответствии с которым Правительство ЛНР «создает Аппарат Правительства Луганской Народной Республики и утверждает положение о нем». В настоящее время фактически это стало функционалом Администрации Главы ЛНР. Аналогичная норма содержится также в п. 13 ст. 72 Конституции ДНР, но каких-либо изменений она не претерпела.

Некоторые выводы

Вышеизложенное позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, закономерным следствием установления переходного периода интеграции ДНР, ЛНР в состав России стало его специальное законодательное обеспечение как на федеральном уровне, так и на уровне новых субъектов РФ. Во-вторых, сосуществование федерального и регионального законодательства по вопросам переходного периода демонстрирует разные варианты его соотношения: исключительно федеральное регулирование; преимущественно федеральное регулирование с субсидиарным действием законодательства новых

регионов по вопросам прямо неурегулированным на федеральном уровне; приоритетное применение регионального законодательства в части конкретизации и дополнения федеральных норм; исключительно региональное законодательное регулирование по вопросам остаточного ведения субъектов РФ и в результате прямого делегирования со стороны

федерального законодателя. В-третьих, в настоящее время и во временных пределах переходного периода законодательство ДНР и ЛНР как новых регионов России отличается и будет отличаться определенной оригинальностью содержания, своеобразием структуры и более широкими границами самостоятельности.

Примечание

¹ Статистика представлена на основе самостоятельного подсчета по состоянию законодательства на 31 декабря 2023 г.

Список источников

1. Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 41. Ст. 6930.
2. Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Луганской Народной Республики» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 41. Ст. 6931.
3. Федеральный закон от 04.10.2022 № 372-ФЗ «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 41. Ст. 6934.
4. Федеральный закон от 04.10.2022 № 373-ФЗ «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 41. Ст. 6935.
5. Федеральный закон от 03.04.2023 № 85-ФЗ «О создании судов Российской Федерации на территории Донецкой Народной Республики и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 14. Ст. 2362.
6. Федеральный закон от 03.04.2023 № 89-ФЗ «О порядке отбора кандидатов в первоначальные составы федеральных судов, создаваемых на территории Донецкой Народной Республики» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 14. Ст. 2366.
7. Федеральный закон от 24.07.2023 № 334-ФЗ «Об органах судейского сообщества Донецкой Народной Республики» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 31 (Ч. III). Ст. 5760.
8. Федеральный закон от 17.02.2023 № 19-ФЗ «Об особенностях правового регулирования отношений в сферах образования и науки в связи с принятием в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и образованием в составе Российской Федерации новых субъектов – Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 8. Ст. 1197.
9. Федеральный закон от 24.06.2023 № 271-ФЗ «Об особенностях правового регулирования отношений в области физической культуры и спорта в связи с принятием в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области и образованием в составе Российской Федерации новых субъектов – Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 26. Ст. 4679.
10. Федеральный закон от 31.07.2023 № 395-ФЗ «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 32 (ч. I). Ст. 6127.
11. Федеральный закон от 29.12.2022 № 573-ФЗ «О применении положений Федерального закона “Об исполнительном производстве” на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 1 (ч. I). Ст. 20.
12. Федеральный закон от 24.06.2023 № 266-ФЗ «О свободной экономической зоне на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 26. Ст. 4674.
13. Федеральный закон от 17.02.2023 № 16-ФЗ «Об особенностях правового регулирования отношений в сферах охраны здоровья, обязательного медицинского страхования, обращения лекарственных средств и обращения медицинских изделий в связи с принятием в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 8. Ст. 1194.
14. Федеральный закон от 17.02.2023 № 18-ФЗ «Об особенностях правового регулирования отношений в сфере социальной защиты и социального обслуживания граждан, проживающих на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 8. Ст. 1196.
15. Закон Донецкой Народной Республики «О ратификации договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой» от 22.02.2022 № 351-ПНС // Официальный сайт Народного Совета ДНР. URL: <https://dnrsovet.ru/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-ratifikatsii-dogovora-o-druzhbe-sotrudnichestve-i-vzaimnoj-pomoshhi-mezhdu-rossijskoj-federatsiej-i-donetskoj-narodnoj-respublikoj/> (дата обращения: 21.01.2024).
16. Закон Донецкой Народной Республики «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта» № 423-ПНС от 3 октября 2022 г. // Официальный сайт Народного Совета ДНР. URL: <https://dnrsovet.ru/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-ratifikatsii-dogovora-mezhdu-rossijskoj-federatsiej-i-donetskoj-narodnoj-respublikoj-o-prinyatii-v-rossijskuyu-federatsiyu-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 21.01.2024).
17. Закон Донецкой Народной Республики «О внесении изменений в Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики и в статью 124 Уголовно-процессуального кодекса Донецкой Народной Республики» № 355-ПНС от 16 марта 2022 г. // Официальный сайт Народного Совета ДНР. URL: <https://dnrsovet.ru/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-vnesenii-izmenenij-v-ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki-i-v-statyu-124-ugolovno-protsessualnogo-kodeksa-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 21.01.2024).
18. Закон Донецкой Народной Республики «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики» № 364-ПНС от 11 апреля 2022 г. // Официальный сайт Народного Совета ДНР. URL: <https://dnrsovet.ru/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-vnesenii-izmenenij-v-grazhdanskij-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 21.01.2024).

19. Закон Донецкой Народной Республики «О внесении изменения в статью 1642 Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики» № 361-ПНС от 15 апреля 2022 г. // Официальный сайт Народного Совета ДНР. URL: <https://dnrsovnet.su/o-vnesenii-izmeneniya-v-statuyu-1642-grazhdanskogo-koдекса-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 21.01.2024).
20. Конституция Донецкой Народной Республики от 30 декабря 2022 г. // Официальный сайт Народного Совета ДНР. URL: <https://dnrsovnet.su/konstitutsiya/> (дата обращения: 21.01.2024).
21. Закон Донецкой Народной Республики «О Счетной палате Донецкой Народной Республики» № 434-ПНС от 27 января 2023 г. // Официальный сайт Народного Совета ДНР. URL: <https://dnrsovnet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-schetnoj-palate-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 21.01.2024).
22. Закон Донецкой Народной Республики «О государственных должностях Донецкой Народной Республики» № 448-ПНС от 17 мая 2023 г. // Официальный сайт Народного Совета ДНР. URL: <https://dnrsovnet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-gosudarstvennyh-dolzhnostyah-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 21.01.2024).
23. Закон Донецкой Народной Республики «Об Уполномоченном по правам человека в Донецкой Народной Республике» № 456-ПНС от 22 июня 2023 г. // Официальный сайт Народного Совета ДНР. URL: <https://dnrsovnet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-upolnomochennom-po-pravam-cheloveka-v-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 21.01.2024).
24. Закон Донецкой Народной Республики «Об Уполномоченном по правам ребенка в Донецкой Народной Республике» № 462-ПНС от 10 июля 2023 г. // Официальный сайт Народного Совета ДНР. URL: <https://dnrsovnet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-upolnomochennom-po-pravam-rebenka-v-donetskoj-narodnoj-respubliki-2/> (дата обращения: 21.01.2024).
25. Закон Донецкой Народной Республики «О Правительстве Донецкой Народной Республики» № 1-ПЗ от 29 сентября 2023 г. // Официальный сайт Народного Совета ДНР. URL: <https://dnrsovnet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-pravitelstve-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 21.01.2024).
26. Закон Донецкой Народной Республики «О Народном Совете Донецкой Народной Республики» № 2-ПЗ от 29 сентября 2023 г. // Официальный сайт Народного Совета ДНР. URL: <https://dnrsovnet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-narodnom-sovete-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 21.01.2024).
27. Закон Донецкой Народной Республики «О порядке назначения и деятельности мировых судей в Донецкой Народной Республике» № 7-ПЗ от 29 сентября 2023 г. // Официальный сайт Народного Совета ДНР. URL: <https://dnrsovnet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-poryadke-naznacheniya-i-deyatelnosti-mirovyh-sudej-v-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 21.01.2024).
28. Закон Донецкой Народной Республики «О стратегическом планировании в Донецкой Народной Республике» № 431-ПНС от 27 января 2023 г. // Официальный сайт Народного Совета ДНР. URL: <https://dnrsovnet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-strategicheskom-planirovani-v-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 21.01.2024).
29. Закон Донецкой Народной Республики «О межрегиональных соглашениях Донецкой Народной Республики» № 472-ПНС от 14 августа 2023 г. // Официальный сайт Народного Совета ДНР. URL: <https://dnrsovnet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-mezhregionalnyh-soglasheniyah-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 21.01.2024).
30. Закон Донецкой Народной Республики «О мерах по предупреждению причинения вреда здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию» № 24-ПЗ от 16 ноября 2023 г. // Официальный сайт Народного Совета ДНР. URL: <https://dnrsovnet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-merah-preduprezhdeniyu-prichineniya-vreda-zdorovyu-detej-ih-fizicheskomu-intellektualnomu-psihicheskomu-duhovnomu-i-nravstvennomu-razvitiyu/> (дата обращения: 21.01.2024).
31. Закон Донецкой Народной Республики «Об организации совместного нахождения некоторых категорий лиц с детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей, в медицинской организации при оказании им медицинской помощи в стационарных условиях» № 25-ПЗ от 16 ноября 2023 г. // Официальный сайт Народного Совета ДНР. URL: <https://dnrsovnet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-organizatsii-sovmestnogo-nahozhdeniya-nekotoryh-kategorij-lits-s-detmi-sirotami-i-detmi-ostavshimisya-bez-popecheniya-roditelej-v-meditsinskoj-organizatsii-pri-ozhivlenii-i-ozhivlenii-im-meditsinskoj-pomoshchi-v-statsionarnykh-usloviyakh/> (дата обращения: 21.01.2024).
32. Закон Донецкой Народной Республики «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Донецкой Народной Республики в переходный период» № 459-ПНС от 30 июня 2023 г. // Официальный сайт Народного Совета ДНР. URL: <https://dnrsovnet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-osobennostyah-regulirovaniya-imushchestvennyh-i-zemelnyh-otnoshenij-na-territorii-donetskoj-narodnoj-respubliki-v-perehodnyj-period-2/> (дата обращения: 21.01.2024).
33. Закон Донецкой Народной Республики «Об особенностях регулирования отношений в сфере государственной кадастровой оценки земельных участков в переходный период» № 26-ПЗ от 16 ноября 2023 г. // Официальный сайт Народного Совета ДНР. URL: <https://dnrsovnet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-osobennostyah-regulirovaniya-otnoshenij-v-sfere-gosudarstvennoj-kadastrovoj-otsenki-zemelnyh-uchastkov-v-perehodnyj-period/> (дата обращения: 21.01.2024).
34. Закон Луганской Народной Республики «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта» № 415-III от 4 октября 2022 г. // Официальный сайт Народного Совета Луганской Народной Республики. URL: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/19054/> (дата обращения: 21.01.2024).
35. Закон Луганской Народной Республики «О внесении изменения в раздел XX Уголовно-процессуального кодекса Луганской Народной Республики» № 361-III от 22 февраля 2022 г. // Официальный сайт Народного Совета Луганской Народной Республики. URL: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/17251/> (дата обращения: 21.01.2024).
36. Закон Луганской Народной Республики «О внесении изменений в раздел VIII Гражданского кодекса Луганской Народной Республики» № 389-III от 16 июня 2022 г. // Официальный сайт Народного Совета Луганской Народной Республики. URL: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/17942/> (дата обращения: 21.01.2024).
37. Закон Луганской Народной Республики «О внесении изменения в статью 22 Закона Луганской Народной Республики “О военном положении”» № 362-III от 24 февраля 2022 г. // Официальный сайт Народного Совета Луганской Народной Республики. URL: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/17252/> (дата обращения: 21.01.2024).
38. Закон Луганской Народной Республики «О почтовой связи» № 396-III от 18 июля 2022 г. // Официальный сайт Народного Совета Луганской Народной Республики. URL: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/18410/> (дата обращения: 21.01.2024).
39. Закон Луганской Народной Республики «Об объектах незавершенного строительства» № 383-III от 18 апреля 2022 г. // Официальный сайт Народного Совета Луганской Народной Республики. URL: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/17433/> (дата обращения: 21.01.2024).
40. Закон Луганской Народной Республики «Об обращении недвижимого имущества в государственную собственность» № 402-III от 3 августа 2022 г. // Официальный сайт Народного Совета Луганской Народной Республики. URL: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/18560/> (дата обращения: 21.01.2024).
41. Закон Луганской Народной Республики «О системе избирательных комиссий, комиссий референдума в Луганской Народной Республике» № 424-III от 19 января 2023 г. // Официальный сайт Народного Совета Луганской Народной Республики. URL: <https://nslnr.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/zakonoproekty/19688/> (дата обращения: 23.01.2024).

42. Закон Луганской Народной Республики «О Счетной палате Луганской Народной Республики» № 429-III от 14 марта 2023 г. // Официальный сайт Народного Совета Луганской Народной Республики. URL: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/19832/> (дата обращения: 23.01.2024).
43. Закон Луганской Народной Республики «О Правительстве Луганской Народной Республики» № 430-III от 30 марта 2023 г. // Официальный сайт Народного Совета Луганской Народной Республики. URL: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/19886/> (дата обращения: 23.01.2024).
44. Закон Луганской Народной Республики «О местном самоуправлении в Луганской Народной Республике» № 432-III от 30 марта 2023 г. // Официальный сайт Народного Совета Луганской Народной Республики. URL: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/19888/> (дата обращения: 23.01.2024).
45. Закон Луганской Народной Республики «О государственной гражданской службе Луганской Народной Республики» № 434-III от 28 апреля 2023 г. // Официальный сайт Народного Совета Луганской Народной Республики. URL: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/19958/> (дата обращения: 23.01.2024).
46. Закон Луганской Народной Республики «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Луганской Народной Республики» № 2-I от 25 сентября 2023 г. // Официальный сайт Народного Совета Луганской Народной Республики. URL: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/20457/> (дата обращения: 23.01.2024).
47. Закон Луганской Народной Республики «О налоге на имущество организаций» № 16-I от 30 ноября 2023 г. // Официальный сайт Народного Совета Луганской Народной Республики. URL: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/20859/> (дата обращения: 23.01.2024).
48. Конституция Луганской Народной Республики от 30 декабря 2022 г. // Официальный сайт Народного Совета Луганской Народной Республики. URL: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/konstitutsiya/> (дата обращения: 23.01.2024).
49. Аничкин Е.С. Принятие в Российскую Федерацию и образование в ее составе Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики: характерные черты правовой и институциональной интеграции // Российско-Азиатский правовой журнал. 2023. № 3. С. 4–9.
50. Закон Луганской Народной Республики «О поправке к статье 72 Конституции Луганской Народной Республики» № 442-III от 29 мая 2023 г. // Официальный сайт Народного Совета Луганской Народной Республики. URL: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/20052/> (дата обращения: 23.01.2024).

References

1. Federal'nyy konstitutsionnyy zakon ot 04.10.2022 No. 5-FKZ "O prinyatii v Rossiyskuyu Federatsiyu Donetskoy Narodnoy Respubliki i obrazovanii v sostave Rossiyskoy Federatsii novogo sub"ekta – Donetskoy Narodnoy Respubliki" // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2022. No. 41. St. 6930.
2. Federal'nyy konstitutsionnyy zakon ot 04.10.2022 No. 6-FKZ "O prinyatii v Rossiyskuyu Federatsiyu Luganskoj Narodnoy Respubliki i obrazovanii v sostave Rossiyskoy Federatsii novogo sub"ekta – Luganskoj Narodnoy Respubliki" // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2022. No. 41. St. 6931.
3. Federal'nyy zakon ot 04.10.2022 No. 372-FZ "O ratifikatsii Dogovora mezhdru Rossiyskoy Federatsiey i Donetskoy Narodnoy Respublikoy o prinyatii v Rossiyskuyu Federatsiyu Donetskoy Narodnoy Respubliki i obrazovanii v sostave Rossiyskoy Federatsii novogo sub"ekta" // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2022. No. 41. St. 6934.
4. Federal'nyy zakon ot 04.10.2022 No. 373-FZ "O ratifikatsii Dogovora mezhdru Rossiyskoy Federatsiey i Luganskoj Narodnoy Respublikoy o prinyatii v Rossiyskuyu Federatsiyu Luganskoj Narodnoy Respubliki i obrazovanii v sostave Rossiyskoy Federatsii novogo sub"ekta" // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2022. No. 41. St. 6935.
5. Federal'nyy zakon ot 03.04.2023 No. 85-FZ "O sozdanii sudov Rossiyskoy Federatsii na territorii Donetskoy Narodnoy Respubliki i o vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii" // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2023. No. 14. St. 2362.
6. Federal'nyy zakon ot 03.04.2023 No. 89-FZ "O poryadke otbora kandidatov v pervonachal'nye sostavy federal'nykh sudov, sozdavaemykh na territorii Donetskoy Narodnoy Respubliki" // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2023. No. 14. St. 2366.
7. Federal'nyy zakon ot 24.07.2023 No. 334-FZ "Ob organakh sudeyskogo soobshchestva Donetskoy Narodnoy Respubliki" // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2023. No. 31 (Chast' III). St. 5760.
8. Federal'nyy zakon ot 17.02.2023 No. 19-FZ "Ob osobennostyakh pravovogo regulirovaniya otnosheniy v sferakh obrazovaniya i nauki v svyazi s prinyatiem v Rossiyskuyu Federatsiyu Donetskoy Narodnoy Respubliki, Luganskoj Narodnoy Respubliki, Zaporozhskoy oblasti, Khersonskoy oblasti i obrazovaniem v sostave Rossiyskoy Federatsii novykh sub"ektov – Donetskoy Narodnoy Respubliki, Luganskoj Narodnoy Respubliki, Zaporozhskoy oblasti, Khersonskoy oblasti i o vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii" // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2023. No. 8. St. 1197.
9. Federal'nyy zakon ot 24.06.2023 No. 271-FZ "Ob osobennostyakh pravovogo regulirovaniya otnosheniy v oblasti fizicheskoy kul'tury i sporta v svyazi s prinyatiem v Rossiyskuyu Federatsiyu Donetskoy Narodnoy Respubliki, Luganskoj Narodnoy Respubliki, Zaporozhskoy oblasti i Khersonskoy oblasti i obrazovaniem v sostave Rossiyskoy Federatsii novykh sub"ektov – Donetskoy Narodnoy Respubliki, Luganskoj Narodnoy Respubliki, Zaporozhskoy oblasti i Khersonskoy oblasti" // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2023. No. 26. St. 4679.
10. Federal'nyy zakon ot 31.07.2023 No. 395-FZ "O primenenii polozheniy Ugolovnoy kodeksa Rossiyskoy Federatsii i Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii na territoriyakh Donetskoy Narodnoy Respubliki, Luganskoj Narodnoy Respubliki, Zaporozhskoy oblasti i Khersonskoy oblasti" // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2023. No. 32 (Chast' I). St. 6127.
11. Federal'nyy zakon ot 29.12.2022 No. 573-FZ "O primenenii polozheniy Federal'nogo zakona "Ob ispolnitel'nom proizvodstve" na territoriyakh Donetskoy Narodnoy Respubliki, Luganskoj Narodnoy Respubliki, Zaporozhskoy oblasti, Khersonskoy oblasti" // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2023. No. 1 (chast' I). St. 20.
12. Federal'nyy zakon ot 24.06.2023 No. 266-FZ "O svobodnoy ekonomicheskoy zone na territoriyakh Donetskoy Narodnoy Respubliki, Luganskoj Narodnoy Respubliki, Zaporozhskoy oblasti i Khersonskoy oblasti" // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2023. No. 26. St. 4674.
13. Federal'nyy zakon ot 17.02.2023 No. 16-FZ "Ob osobennostyakh pravovogo regulirovaniya otnosheniy v sferakh okhrany zdorov'ya, obyazatel'nogo meditsinskogo strakhovaniya, obrashcheniya lekarstvennykh sredstv i obrashcheniya meditsinskikh izdeliy v svyazi s prinyatiem v Rossiyskuyu Federatsiyu Donetskoy Narodnoy Respubliki, Luganskoj Narodnoy Respubliki, Zaporozhskoy oblasti i Khersonskoy oblasti" // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2023. No.8. St. 1194.
14. Federal'nyy zakon ot 17.02.2023 No. 18-FZ "Ob osobennostyakh pravovogo regulirovaniya otnosheniy v sfere sotsial'noy zashchity i sotsial'nogo obsluzhivaniya grazhdan, prozhivayushchikh na territoriyakh Donetskoy Narodnoy Respubliki, Luganskoj Narodnoy Respubliki, Zaporozhskoy oblasti i Khersonskoy oblasti" // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2023. No.8. St. 1196.
15. Zakon Donetskoy Narodnoy Respubliki "O ratifikatsii dogovora o družbe, sotrudnichestve i vzaimnoy pomoshchi mezhdru Rossiyskoy Federatsiey i Donetskoy Narodnoy Respublikoy" ot 22.02.2022 No. 351-IIHC // Ofitsial'nyy sayt Narodnogo Soveta DNR. [Online] Available from: <https://dnrsovet.su/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-ratifikatsii-dogovora-o-druzbe-sotrudnichestve-i-vzaimnoj-pomoshhi-mezhdru-rossijskoj-federatsiej-i-donetskoj-narodnoj-respublikoj/> (data obrashcheniya: 21.01.2024).
16. Zakon Donetskoy Narodnoy Respubliki "O ratifikatsii Dogovora mezhdru Rossiyskoy Federatsiey i Donetskoy Narodnoy Respublikoy o prinyatii v Rossiyskuyu Federatsiyu Donetskoy Narodnoy Respubliki i obrazovanii v sostave Rossiyskoy Federatsii novogo sub"ekta" No.423-IINS ot 3 oktyabrya 2022 // Ofitsial'nyy sayt Narodnogo Soveta DNR. [Online] Available from: <https://dnrsovet.su/423-iins-zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-ratifikatsii-dogovora-mezhdru-rossijskoj-federatsiej-i-donetskoj-narodnoj-respublikoj-o-prinyatii-v-rossijskuyu-federatsiyu-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (data obrashcheniya: 21.01.2024).

17. Закон Донецкой Народной Республики "О внесении изменений в Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики и в ст'ату 124 Уголовно-процессуального кодекса Донецкой Народной Республики" No.355-IINS от 16 марта 2022 // Официальный сайт Народного Совета ДНР. [Online] Available from: <https://dnrsovetsu/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-vnesenii-izmenenij-v-ugolovnyj-koedeks-donetskoj-narodnoj-respubliki-i-v-statyu-124-ugolovno-protsessualnogo-koedeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (data obrashcheniya: 21.01.2024).
18. Закон Донецкой Народной Республики "О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики" No.364-IINS от 11 апреля 2022 // Официальный сайт Народного Совета ДНР. [Online] Available from: <https://dnrsovetsu/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-vnesenii-izmenenij-v-grazhdanskij-protsessualnyj-koedeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (data obrashcheniya: 21.01.2024).
19. Закон Донецкой Народной Республики "О внесении изменений в ст'ату 1642 Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики" No.361-IINS от 15 апреля 2022 // Официальный сайт Народного Совета ДНР. [Online] Available from: <https://dnrsovetsu/o-vnesenii-izmeneniya-v-statyu-1642-grazhdanskogo-koedeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (data obrashcheniya: 21.01.2024).
20. Конституция Донецкой Народной Республики от 30 декабря 2022 // Официальный сайт Народного Совета ДНР. [Online] Available from: <https://dnrsovetsu/konstitutsiya/> (data obrashcheniya: 21.01.2024).
21. Закон Донецкой Народной Республики "О Шетной палате Донецкой Народной Республики" No.434-IINS от 27 января 2023 // Официальный сайт Народного Совета ДНР. [Online] Available from: <https://dnrsovetsu/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-schetnoj-palate-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (data obrashcheniya: 21.01.2024).
22. Закон Донецкой Народной Республики "О государственных должностях Донецкой Народной Республики" No.448-IINS от 17 мая 2023 // Официальный сайт Народного Совета ДНР. [Online] Available from: <https://dnrsovetsu/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-gosudarstvennyh-dolzhnostyah-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (data obrashcheniya: 21.01.2024).
23. Закон Донецкой Народной Республики "Об Уполномоченном по правам человека в Донецкой Народной Республике" No.456-IINS от 22 июня 2023 // Официальный сайт Народного Совета ДНР. [Online] Available from: <https://dnrsovetsu/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-upolnomochennom-po-pravam-cheloveka-v-donetskoj-narodnoj-respublike/> (data obrashcheniya: 21.01.2024).
24. Закон Донецкой Народной Республики "Об Уполномоченном по правам ребенка в Донецкой Народной Республике" No.462-IINS от 10 июля 2023 // Официальный сайт Народного Совета ДНР. [Online] Available from: <https://dnrsovetsu/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-upolnomochennom-po-pravam-rebenka-v-donetskoj-narodnoj-respublike-2/> (data obrashcheniya: 21.01.2024).
25. Закон Донецкой Народной Республики "О Правительстве Донецкой Народной Республики" No.1-RZ от 29 сентября 2023 // Официальный сайт Народного Совета ДНР. [Online] Available from: <https://dnrsovetsu/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-pravitelstve-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (data obrashcheniya: 21.01.2024).
26. Закон Донецкой Народной Республики "О Народном Совете Донецкой Народной Республики" No.2-RZ от 29 сентября 2023 // Официальный сайт Народного Совета ДНР. [Online] Available from: <https://dnrsovetsu/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-narodnom-sovete-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (data obrashcheniya: 21.01.2024).
27. Закон Донецкой Народной Республики "О порядке назначения и деятельности мировых судей в Донецкой Народной Республике" No.7-RZ от 29 сентября 2023 // Официальный сайт Народного Совета ДНР. [Online] Available from: <https://dnrsovetsu/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-poryadke-naznacheniya-i-deyatelnosti-mirovyh-sudej-v-donetskoj-narodnoj-respublike/> (data obrashcheniya: 21.01.2024).
28. Закон Донецкой Народной Республики "О стратегическом планировании в Донецкой Народной Республике" No.431-IINS от 27 января 2023 // Официальный сайт Народного Совета ДНР. [Online] Available from: <https://dnrsovetsu/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-strategicheskom-planirovanii-v-donetskoj-narodnoj-respublike/> (data obrashcheniya: 21.01.2024).
29. Закон Донецкой Народной Республики "О межрегиональных соглашениях Донецкой Народной Республики" No.472-IINS от 14 августа 2023 // Официальный сайт Народного Совета ДНР. [Online] Available from: <https://dnrsovetsu/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-mezhregionalnyh-soglasheniyah-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (data obrashcheniya: 21.01.2024).
30. Закон Донецкой Народной Республики "О мерах по предупреждению причинения вреда здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию" No.24-RZ от 16 ноября 2023 // Официальный сайт Народного Совета ДНР. [Online] Available from: <https://dnrsovetsu/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-merah-po-preduprezhdeniyu-prichineniya-vreda-zdorovyu-detej-ih-fizicheskomu-intellektualnomu-psihicheskomu-duhovnomu-i-nravstvennomu-razvitiyu/> (data obrashcheniya: 21.01.2024).
31. Закон Донецкой Народной Республики "Об организации совместного нахождения некоторых категорий lits с det'mi-sirodami i det'mi, ostavshimisya bez popecheniya roditeley, v meditsinskoj organizatsii pri okazanii im meditsinskoj pomoshchi v stacionarnykh usloviyakh" No.25-RZ от 16 ноября 2023 // Официальный сайт Народного Совета ДНР. [Online] Available from: <https://dnrsovetsu/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-organizatsii-sovmestnogo-nahozhdeniya-nekotoryh-kategorij-lits-s-detmi-sirodami-i-detmi-ostavshimisya-bez-popecheniya-roditeley-v-meditsinskoj-organizatsii-pri-oz/> (data obrashcheniya: 21.01.2024).
32. Закон Донецкой Народной Республики "Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Донецкой Народной Республики в переходный период" No.459-IINS от 30 июня 2023 // Официальный сайт Народного Совета ДНР. [Online] Available from: <https://dnrsovetsu/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-osobennostyah-regulirovaniya-imushchestvennyh-i-zemelnyh-otnoshenij-na-territorii-donetskoj-narodnoj-respubliki-v-perehodnyj-period-2/> (data obrashcheniya: 21.01.2024).
33. Закон Донецкой Народной Республики "Об особенностях регулирования отношений в сфере государственного кадастрового учета земельных участков в переходный период" No.26-RZ от 16 ноября 2023 // Официальный сайт Народного Совета ДНР. [Online] Available from: <https://dnrsovetsu/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-osobennostyah-regulirovaniya-otnoshenij-v-sfere-gosudarstvennoj-kadastrovoj-otsenki-zemelnyh-uchastkov-v-perehodnyj-period/> (data obrashcheniya: 21.01.2024).
34. Закон Луганской Народной Республики "О ратификации Договора между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта" No. 415-III от 4 октября 2022 года // Официальный сайт Народного Совета Луганской Народной Республики. [Online] Available from: <https://nslnr.ru/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/19054/> (data obrashcheniya: 21.01.2024).
35. Закон Луганской Народной Республики "О внесении изменений в раздел KhKh Уголовно-процессуального кодекса Луганской Народной Республики" No.361-III от 22 февраля 2022 // Официальный сайт Народного Совета Луганской Народной Республики. [Online] Available from: <https://nslnr.ru/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/17251/> (data obrashcheniya: 21.01.2024).
36. Закон Луганской Народной Республики "О внесении изменений в раздел VIII Гражданского кодекса Луганской Народной Республики" No. 389-III от 16 июня 2022 // Официальный сайт Народного Совета Луганской Народной Республики. [Online] Available from: <https://nslnr.ru/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/17942/> (data obrashcheniya: 21.01.2024).
37. Закон Луганской Народной Республики "О внесении изменений в ст'ату 22 Закона Луганской Народной Республики "О военном положении" No. 362-III от 24 февраля 2022 // Официальный сайт Народного Совета Луганской Народной Республики. [Online] Available from: <https://nslnr.ru/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/17252/> (data obrashcheniya: 21.01.2024).
38. Закон Луганской Народной Республики "О почтовой связи" No. 396-III от 18 июля 2022 // Официальный сайт Народного Совета Луганской Народной Республики. [Online] Available from: <https://nslnr.ru/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/18410/> (data obrashcheniya: 21.01.2024).

39. Zakon Luganskoj Narodnoj Respubliki "Ob ob"ektakh nezavershenного stroitel'stva" No. 383-III ot 18 aprelya 2022 // Ofitsial'nyy sayt Narodnogo Soveta Luganskoj Narodnoj Respubliki. [Online] Available from: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/17433/> (data obrashcheniya: 21.01.2024).
40. Zakon Luganskoj Narodnoj Respubliki "Ob obrashchenii nedvizhimogo imushchestva v gosudarstvennuyu sobstvennost'" No.402-III ot 3 avgusta 2022 // Ofitsial'nyy sayt Narodnogo Soveta Luganskoj Narodnoj Respubliki. [Online] Available from: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/18560/> (data obrashcheniya: 21.01.2024).
41. Zakon Luganskoj Narodnoj Respubliki "O sisteme izbiratel'nykh komissiy, komissiy referendum v Luganskoj Narodnoj Respublike" No.424-III ot 19 yanvarya 2023 // Ofitsial'nyy sayt Narodnogo Soveta Luganskoj Narodnoj Respubliki. [Online] Available from: <https://nslnr.su/zakonodatel'naya-deyatelnost/zakonoproekty/19688/> (data obrashcheniya: 23.01.2024).
42. Zakon Luganskoj Narodnoj Respubliki "O Schetnoy palate Luganskoj Narodnoj Respubliki" No.429-III ot 14 marta 2023 // Ofitsial'nyy sayt Narodnogo Soveta Luganskoj Narodnoj Respubliki. [Online] Available from: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/19832/> (data obrashcheniya: 23.01.2024).
43. Zakon Luganskoj Narodnoj Respubliki "O Pravitel'stve Luganskoj Narodnoj Respubliki" No.430-III ot 30 marta 2023 // Ofitsial'nyy sayt Narodnogo Soveta Luganskoj Narodnoj Respubliki. [Online] Available from: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/19886/> (data obrashcheniya: 23.01.2024).
44. Zakon Luganskoj Narodnoj Respubliki "O mestnom samoupravlenii v Luganskoj Narodnoj Respublike" No.432-III ot 30 marta 2023 // Ofitsial'nyy sayt Narodnogo Soveta Luganskoj Narodnoj Respubliki. [Online] Available from: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/19888/> (data obrashcheniya: 23.01.2024).
45. Zakon Luganskoj Narodnoj Respubliki "O gosudarstvennoy grazhdanskoj sluzhbe Luganskoj Narodnoj Respubliki" No.434-III ot 28 aprelya 2023 // Ofitsial'nyy sayt Narodnogo Soveta Luganskoj Narodnoj Respubliki. [Online] Available from: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/19958/> (data obrashcheniya: 23.01.2024).
46. Zakon Luganskoj Narodnoj Respubliki "Ob osobennostyakh regulirovaniya imushchestvennykh i zemel'nykh otnosheniy na territorii Luganskoj Narodnoj Respubliki" No.2-I ot 25 sentyabrya 2023 // Ofitsial'nyy sayt Narodnogo Soveta Luganskoj Narodnoj Respubliki. [Online] Available from: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/20457/> (data obrashcheniya: 23.01.2024).
47. Zakon Luganskoj Narodnoj Respubliki "O naloge na imushchestvo organizatsiy" No.16-I ot 30 noyabrya 2023 // Ofitsial'nyy sayt Narodnogo Soveta Luganskoj Narodnoj Respubliki. [Online] Available from: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/20859/> (data obrashcheniya: 23.01.2024).
48. Konstitutsiya Luganskoj Narodnoj Respubliki ot 30 dekabrya 2022 // Ofitsial'nyy sayt Narodnogo Soveta Luganskoj Narodnoj Respubliki. [Online] Available from: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/konstitutsiya/> (data obrashcheniya: 23.01.2024).
49. Anichkin E.S. Prinyatie v Rossiyskuyu Federatsiyu i obrazovanie v ee sostave Donetskoy Narodnoj Respubliki i Luganskoj Narodnoj Respubliki: kharakternye cherty pravovoy i institutsional'noy integratsii // Rossiysko-Aziatskiy pravovoy zhurnal. 2023. No. 3. pp. 4–9.
50. Zakon Luganskoj Narodnoj Respubliki "O popravke k stat'e 72 Konstitutsii Luganskoj Narodnoj Respubliki" No. 442-III ot 29 maya 2023 // Ofitsial'nyy sayt Narodnogo Soveta Luganskoj Narodnoj Respubliki. [Online] Available from: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/20052/> (data obrashcheniya: 23.01.2024).

Информация об авторе:

Аничкин Е.С. – д-р юрид. наук, директор юридического института, зав. кафедрой конституционного и международного права Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: rrd231@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.S. Anichkin, Dr. Sci. (Law), director of the Law Institute, head of the Department of Constitutional and International Law, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: rrd231@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 03.01.2024;
одобрена после рецензирования 11.04.2024; принята к публикации 30.06.2024.*

*The article was submitted 03.01.2024;
approved after reviewing 11.04.2024; accepted for publication 30.06.2024.*

Научная статья
УДК 343.98
doi: 10.17223/15617793/503/25

Тактико-криминалистический анализ речевого символического ряда: психотипологический аспект

Татьяна Александровна Алексеева¹, Рамиль Линарович Ахмедшин²,
Наталья Владимировна Ахмедшина³

^{1,3} Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия

² Томский государственный университет, Томск, Россия, ramil_ahmedshin@mail.com

¹ tanyaalek@yandex.ru

³ dana74@mail.ru

Аннотация. Раскрывается комплекс проблем, связанных с анализом содержательной составляющей речевого сообщения. Современный уровень развития криминалистического знания предполагает перенос исследовательского акцента с плоскости оценки сказанного в речевом сообщении на то, зачем это сказано, что хотел сказать человек на уровне бессознательного. Развивается мысль, что трактовка содержания наиболее эффективна при использовании психотипологического подхода, как обладающего наибольшим фактором адресности.

Ключевые слова: содержательность речи, символ-идея, символ-образ, психологический тип, личность

Для цитирования: Алексеева Т.А., Ахмедшин Р.Л., Ахмедшина Н.В. Тактико-криминалистический анализ речевого символического ряда: психотипологический аспект // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 503. С. 245–250. doi: 10.17223/15617793/503/25

Original article
doi: 10.17223/15617793/503/25

Tactical and forensic analysis of speech symbols: A psychotypological aspect

Tatyana A. Alekseeva¹, Ramil L. Akhmedshin², Natalya V. Akhmedshina³

^{1,3} Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation

² National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, ramil_ahmedshin@mail.com

¹ tanyaalek@yandex.ru

³ dana74@mail.ru

Abstract. The article reveals a complex of problems associated with the analysis of the content of a speech message. The range of problems involves methodological, historical, forensic, and psychological aspects. The subject of the study was a complex of speech symbols characteristic of each accentuated psychological type. The following general scientific methods were used in the study: analysis, synthesis, system-structural. The following special scientific methods were used in the study: experiment, survey, participant observation, modeling, expert assessment. The article obtained the following conclusions. The current level of development of forensic knowledge involves a shift in research emphasis from the assessment of what is said in a speech message to why it is said. The interpretation of content is most effective when using the psychotypological approach as it has the greatest targeting factor. The emergence of such forensically significant information about a person as information about them on social networks has allowed forensic scientists to formulate such a direction of research as network profiling. Although this direction has not yet received its substantive design as a private forensic theory, but, unlike many forensic areas, it is already generating recommendations in the field of crime investigation. Symbols do not so much designate an object (have an informational function), but rather have a symbolic, abstract meaning, perform the function of artistic definition or comparison (for example, the same word can have a different symbolic meaning for each psychological type). Studying and understanding symbols allows formulating an algorithm for determining the psychological type of the person of interest. Having isolated symbol-images in the text, then symbol-ideas, one can correlate them with a specific accentuated feature, ultimately determining the psychological type. It is important to note that this algorithm also works in the opposite direction: knowing the psychological type of a person, the researcher can go through the same steps to determine the accentuated feature and individual symbols. A study was conducted on the relative validity of the TomTOL questionnaire. It turned out that every tenth person studied using the Leonhard-Smishek questionnaire has difficulty understanding the semantic component of the question due to the presence of “complex” words in it, due to the cumbersome nature of the latter, or due to the loss of semantic relevance for the present time. The above problems were not recorded when using the TomTOL questionnaire. In general, the result of the study was a systematic list of speech symbols, which is an effective means of speech profiling.

Keywords: content of speech, symbol-idea, symbol-image, psychotype, personality

For citation: Alekseeva, T.A., Akhmedshin, R.L. & Akhmedshina, N.V. (2024) Tactical and forensic analysis of speech symbols: A psychotypological aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 503. pp. 245–250. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/503/25

Социальные сети оказывают достаточно сильное воздействие на жизнь человека в современном обществе. Подавляющее большинство людей имеют «странички» в различных социальных сетях, публикуя различную информацию о себе, начиная от фотографий, видео и заканчивая информацией об эмоциональном состоянии в конкретный момент времени. Неудивительно, что такой инструмент не мог быть проигнорирован наукой о расследовании преступлений и не взят на вооружение следователями, в частности, для установления близкого круга лиц и знакомых предполагаемого преступника, его места нахождения и т.д. Однако возможности анализа информации, содержащейся в социальных сетях, на этом далеко не исчерпываются. Но для того, чтобы использовать возможности не только получения, но и трактовки информации о лице по результатам его сетевой деятельности, необходима разработка специальных алгоритмов анализа рассматриваемой информации о личности.

Преимуществом информации, содержащейся в сети, является ее относительная доступность и достоверность. Человек сам предоставляет о себе ту информацию, которую считает наиболее важной, актуальной в конкретный момент времени, в отличие от характеристик, которые зачастую пишутся по шаблону либо содержат значительный субъективный элемент.

Появление такой криминалистически значимой информации о личности, как информации о ней в социальных сетях, позволило ученым-криминалистам сформулировать направление исследований сетевой профайлинг. Пусть это направление еще и не получило свою предметную оформленность, как частная криминалистическая теория, зато в отличие от многих криминалистических направлений оно уже сейчас генерирует высокоэффективные рекомендации в области расследования преступлений. Кроме того, изучение информации о личности из социальных сетей является дополнением к биографическому методу изучения преступника, который давно уже стал одним из основных в криминалистике [1]. Все вышесказанное обуславливает актуальность исследования.

Изучение личности посредством анализа речевого символического ряда, содержащегося в материалах социальных сетей, позволит решить ряд практических задач, стоящих перед следователем, таких как (1) изучение личности преступника/участника следственных действий в целом, (2) определение психологического типа лица для индивидуализации тактических приемов и эффективной тактики проведения следственного действия.

Тактико-криминалистический анализ речевого символического ряда невозможен без целостного понимания структуры речи, которая, как любая сложная система, имеет свои элементы. Устная речь состоит из трех элементов, которые, в свою очередь, включают в себя несколько подэлементов:

- вокальность (громкость, темп, стабильность);
- тональность (интонация, речевые паузы, диапазоны);
- содержательность (наличие смыслообразующих речевых символов, личностно значимая информация) [2].

Одним из главных критериев выделения элементов устной речи было наличие возможности воспринимать каждый элемент на слух, так как у следователя в процессе производства коммуникативных следственных действий, таких как допрос, очная ставка, отсутствует возможность инструментальной оценки речи. В связи с этим подэлементы тональности и вокальности сформулированы таким образом, чтобы иметь возможность определить их максимально быстро.

Громкость голоса определяется по шкале «громко – средняя громкость – тихо», темп речи – по шкале «быстрый – средний – медленный», стабильность измеряется по шкале «стабильный – нестабильный». Интонация характеризуется как преимущественно равномерная у интровертов и неравномерная – у экстравертов. Речевые паузы, измеряемые в секундах, определяются как короткие, средние и долгие. Диапазон речи зависит от наличия в голосе высоких и низких тонов: если для речи человека характерны как высокие, так и низкие тона, то можно говорить о широком диапазоне голоса; если человеку доступна одна тональность (высокая или низкая), то можно утверждать, что диапазон его голоса узкий.

Наиболее сложный для анализа и даже понимания природы речи такой структурный элемент, как содержательность, представленный символами, присущими тому или иному психологическому типу. Однако несомненным достоинством является то, что в отличие от вокальности и тональности, присущих только устной речи, символы проявляются в устной и письменной речи, а также имеют визуальное выражение. Сама природа символов проистекает из положения о том, лингвистический знак наделен не столько значением, сколько значимостью [3].

Символы не столько обозначают предмет (несут информационную функцию), сколько имеют символическое, абстрактное значение, выполняют функцию художественного определения или сравнения (например, одно и то же слово может иметь разное символическое значение у каждого психологического типа). Возможно, сложность заключается в том, что для вычленения символического значения слов, текстов или изображений необходимо развивать навык образного мышления, чему в современном обществе, к сожалению, не уделяют должного внимания.

Использование тех или иных символов напрямую зависит от акцентированной черты личности, поэтому между ними можно выявить прямую зависимость. Система символов включает в себя две подсистемы: подсистему символов-образов и подсистему символов-

идей. Конечно, необходимо отметить справедливость замечания, что любой психологический тип ситуативно может использовать любой символ, и не важно, каким контекстом его наполняя – смысловым или содержательным, однако высокая частота их использования и акцент на смысловой составляющей характерны именно для конкретного психологического типа.

Символы-образы представляют собой отдельные слова, непосредственно употребляемые в устной речи или письменном тексте. Количество, частота встречаемости символов-образов является маркером для определения психологического типа автора текста. Кроме того, символы-образы также являются метафорами для передачи состояния автора и имеют не понятийное, а образное значение.

Символы-идеи имеют абстрактное значение и выражаются в предложениях, устных или письменных текстах в целом, включают в себя символы-образы. Символ-идея – это, если обозначить простыми словами, основная мысль автора, определяющая основной смысл того сообщения, который человек хотел донести вовне. Идея – это некое системное представление окружающей действительности в сознании человека, выражающее его отношение к ней. Символы-идеи и символы-образы соотносятся как общее и частное.

Таким образом, изучение и понимание символов позволяет сформулировать алгоритм определения психологического типа интересующего лица. Вычленив в тексте символы-образы, затем символ-идею можно соотнести их с конкретной акцентуированной чертой, в конечном итоге определив психологический тип. Важно отметить, что этот алгоритм работает и в обратном направлении: зная психологический тип лица (например, по результатам психологического тестирования), исследователь может пройти те же этапы по определению акцентуированной черты и индивидуальных символов. На сегодняшний день количество исследований в данном направлении радикально увеличивается [4–9].

Основой содержательного понимания символического ряда в речи представителей различных акцентуированных типов выступили работы Т.А. Алексеевой [10, 11].

Дополнительно к ранее опубликованным результатам исследования взаимосвязи между символами, присутствующими в речи, и акцентуированным типом личности был проведен ряд исследовательских усилий.

В рамках установления взаимосвязи между символами, присутствующими в речи (устной и письменной), и акцентуированным типом личности было проведено три исследования.

На первом этапе всех трех исследований лица были продиагностированы на предмет выявления ведущей акцентуации. Для этого использовался опросник Леонгарда–Шмишека (тест Леонгарда–Шмишека) 1970 г. и опросник ТомГОЛ – Томский типологический опросник личности.

На втором этапе первого исследования были выявлены типовые речевые символы авторов страниц в социальной сети «ВКонтакте». Объектом анализа выступал статус (психологическое состояние автора страниц, выраженное в актуальном для него словосочетании — цитате, лозунге, междометии, эмодзи).

Одним из требований к исследуемому сетевому статусу автора страницы была достаточная длительность его существования. Рассматривались только сетевые статусы, просуществовавшие не менее месяца. Данное требование позволило с высокой вероятностью отделить сетевой статус автора страницы социальной сети как проявление его кратковременного эмоционального состояния, а значит, характеризующий не столько личность автора страницы, сколько его настроение на коротком отрезке времени, от сетевого статуса как проявления характерологических свойств. Были исследованы социальные страницы 150 человек.

На втором этапе второго исследования были проанализированы видеоматериалы экспериментов, в которых моделировался учебный допрос по единой фабуле. Участниками эксперимента выступали студенты 4-го курса бакалавриата юридических специальностей. Были исследованы видеозаписи показаний 90 человек.

На втором этапе третьего исследования анализировался рассказ студентов специалитета старших курсов юридических специальностей на тему анализа произвольного межгосударственного вооруженного конфликта в истории XX–XXI вв. Были исследованы повествования 100 человек.

Одной из дополнительных исследовательских задач было исследование относительной валидности (соответствие результатов использования аналогичных психодиагностических методик, предназначенных для измерения исследуемых показателей) опросника ТомГОЛ. Выяснилось, что каждый десятый, исследуемый с помощью опросника Леонгарда–Шмишека, испытывает затруднение при понимании смысловой составляющей вопроса в силу наличия в нем «сложных» слов (вопросы 21, 41) либо в понимании смысла утверждения в силу громоздкости последнего (вопросы 4, 26, 62, 70, 88). Также все исследуемые испытывали затруднение в ответе на ряд вопросов, которые потеряли свою актуальность для текущего временного периода, как, например, вопросы 14, 26, 73, 80. Вышеописанные проблемы при использовании опросника ТомГОЛ зафиксированы не были.

В целом типовая модель восприятия внешней реальности сильно различается у представителей различных типов и может быть сведена к достаточно конкретной модели восприятия. Выделяемые психологические типы несколько отличаются от типологии К. Леонгарда, П.Б. Ганнушкина, А.Е. Личко [12. С. 499–511] в силу прежде всего криминалистической ориентированности типологии, лежащей в основе опросника ТомГОЛ [13. С. 17–18]. Так, общая модель типового восприятия внешней реальности у эпилептоида может характеризоваться как «я против них», у истероида – «я», гипертима – «мы и я», циклоида – «я как оно», застревающего – «я и мы», параноида – «мы против них», сензитива – «они как я», конформного – «мы», шизоида – «оно как я», гипотима – «я и они».

Без сомнения, психологический тип личности – явление многоаспектное и не может быть сведен к какому-то одному фактору, однако его основные структурные элементы вполне могут быть систематизированы в рамках небольшого количества групп признаков.

Особенности природы акцентуации предопределяют поиск этих признаков в области такого явления, как психологические свойства. В процессе всех трех исследований было выявлено, что при решении иссле-

дуемыми вышеописанных задач во всех случаях стабильно нашли отражения только лишь часть признаков, характерных для конкретного акцентуированного типа. Указанные свойства перечислены в табл. 1.

Таблица 1

Системообразующие психологические свойства каждого акцентуированного типа

Психологический тип	Системообразующее свойство
Эпилептоид	Возбудимость
	Агрессивность
	Иерархичность
Истероид	Демонстративность
	Эгоцентризм
	Аморальность
Гипертим	Гиперактивность
	Общительность
	Социальность
Циклоид	Интегративность
	Полярность
	Аналитичность (внешняя)
Застревающий	Нормативность
	Ригидность
	Служение
Параноид	Сверхценности
	Консерватизм
	Категоричность
Сензитив	Эмоциональность
	Эмпатия
	Ранимость
Конформный	Ведомость
	Нерешительность
	Универсальность
Шизоид	Погруженность в себя
	Аналитичность (внутренняя)
	Малозэмоциональность
Гипотим	Правдивость
	Пассивность
	Пессимизм

Реализация того или иного психологического типа вовне предопределяет используемые этим типом символы-образы в раскрытии символа-идеи, которая, в свою

очередь, является логическим следствием конкретного системообразующего психологического свойства каждого типа. Сказанное проиллюстрировано в табл. 2.

Таблица 2

Система речевых символов, присущих конкретным акцентуированным психологическим типам

Психотип	Системообразующее свойство	Символ-идея	Символ-образ
Эпилептоид	Возбудимость	Действие	Воля, взрыв, бомба, вверх, взлет, страсть, дело
	Агрессивность	Доминирование	Борьба с ... калечение, унижение, обожание, культ, вызов, месть, обида, ответ, доминанта
	Иерархичность	Императив	Главенство, статус, большой – маленький, требование, контроль, власть, запрет, милость
Истероид	Демонстративность	Популярность	Сцена, театр, мода, маска, игра, роль, рыдание
	Эгоцентризм	Избранность	«Я-моё-мне», элита, уникальность
	Эгоизм	Исключительность	Свобода от ... пороки, соблазн, грех, секс, желание, претензии
Гипертим	Гиперактивность	Движение	Толпа, авантюра, случай, действие, пуля, ветер, приключение, алкоголь, реакция, полёт
	Общительность	Оптимизм	Веселье, развлечение, шутка, смех, друзья, розыгрыш
	Социальность	Адаптация	Компромисс, договор, вместе, свобода с ...
Циклоид	Интегративность	Глобальность	Даль, бесконечность, неволя, гнёт, свобода для ..., вселенная, космос, безграничность, иллюзия
	Полярность	Соединение	Инь-янь, быт-мистика, небо-земля, жизнь-смерть, мечта (процесс) / реальность, асимметрия, полюс, загадка, тайна, слияние
	Аналитичность (внешняя)	Система	Виды, анализ, часть, разум, отстраненность, наблюдатель, арбитр, безразличие, равнодушие
Застревающий	Нормативность	Порядок	Факт, конкретность, порядок, правила, надежность, основа, событие, действия
	Ригидность	Стабильность	Долг перед кем-то/чем-то, честь, границы, здоровье

Психотип	Системообразующее свойство	Символ-идея	Символ-образ
	Служение	Дисциплина	Обязательства, преданность, звание, строй, униформа, ответственность, опора, работа, ранг
Параноид	Идейность	Смысл	Меч, стая, путь, воля, соратники, предназначение, поиск себя, самопожертвование, свобода за ..., свои/чужие, целое, труд, призвание, единство, враг, противник
	Консерватизм	Традиции	Родители, предки, род, щит, самоограничение, основа
	Категоричность	Идейность	Правда, правота, смысл, соратник, предательство, противостояние, борьба за ...подвиг, принцип, жертва
Сензитив	Эмоциональность	Настроение	Чувства, цвета, дорога (символ соединения чего-то, кого-то), ветер (движение, свежий ветер), природа, сочувствие, единение, красота, ребенок, спектр, слезы, гармония
	Эмпатичность	Сопереживание	Мама, семья, родные, теплое, мягкое, комфорт, добро, радуга
	Ранимость	Защита	Настроение, обида, каприз
Конформный	Ведомость	Зависимость	Безысходность, отсутствие выбора, щепка в потоке, туман, стихия, флюгер, притяжение, давление, жертва, обстоятельства
	Нерешительность	Пассивность	Мечта (конкретное, но несбыточное), сомнение, колебание, невозможность, обреченность, наблюдатель, испуг, страх, младенец, обочина, рок, фатум, водоворот
	Универсальность	Коллективизм	Сообщество, вместе
Шизоид	Погруженность в себя	Самодостаточность	Безграничность, глубина, ширина, одиночество, знак, символ, странность, суть, остров, обособленность, отдельно, стена
	Аналитичность (внутренняя)	Абстракция	смысл-сущность, омут, бесконечность, мрак, бездна
	Малоэмоциональность	Негативизм	Отрицание, смерть, непонятость, обособленность, противостояние, противопоставление, смерть, сумасшествие
Гипотим	Правдивость	Миропорядок	Терпение, сомнение, мораль, правда
	Пассивность	Контроль	Усталость, грусть, ожидание
	Пессимизм	Подавленность	Проблема, падение, трудности, беда, дно, недостатки, болезнь, неудобство, препятствие, травма, непонимание, безысходность, вниз, боль

В качестве итогового вывода можно утверждать, что при решении групповой идентификации носителя акцентуированного типа с высокой эффективностью можно использовать тактико-криминалистический анализ речевого символического ряда. Спектр возможного использова-

ния этого анализа крайне широк – от установления личности неизвестного преступника до выработки стратегии переговоров при захвате заложников, исходя из анализа речевого символического ряда анализируемых участников событий.

Список источников

1. Ведерников Н.Т., Юань В.Л., Алексеева Т.А. Биографический анализ личности участников уголовного судопроизводства: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 472. С. 210–214. doi: 10.17223/15617793/472/25
2. Алексеева Т.А. Криминалистическая структура устной речи // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 381. С. 167–170. doi: 10.17223/15617793/381/27
3. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / пер. А.М. Сухотин; под ред. Р.О. Шор. М. : Юрайт, 2023. 303 с.
4. Ахмедшина Д.Р. Смысловая нагрузка символа «Родина» в речи сензитивного и застревающего акцентуированного типа: лингвистический, психологический и криминалистический аспекты // Сборник избранных статей научной сессии ТУСУР. Томск : ТУСУР, 2023. С. 274–276.
5. Коркина А.А. Символ «бесконечность» в устной и письменной речи шизоида и циклоида: криминалистический аспект // Сборник избранных статей научной сессии ТУСУР. Томск : ТУСУР, 2023. С. 281–282.
6. Краус Д.В. Идентификация сензитива и истероида в контексте использования в их речи символа «чувство» // Сборник избранных статей научной сессии ТУСУР. Томск : ТУСУР, 2023. С. 283–285.
7. Новикова В.Д. Смысловая нагрузка символа «активность» у гипертима и эпилептоида: криминалистический и психологический аспект // Сборник избранных статей научной сессии ТУСУР. Томск : ТУСУР, 2023. С. 285–288.
8. Рыбак Т.Д. Тактико-криминалистический анализ смыслового наполнения символа «движение» у эпилептоида и параноида // Сборник избранных статей научной сессии ТУСУР. Томск : ТУСУР, 2023. С. 288–290.
9. Третьякова К.А. Криминалистический анализ символов на примере символа «порядок» в типовой речевой модели застревающего и параноида // Сборник избранных статей научной сессии ТУСУР. Томск : ТУСУР, 2023. С. 293–295.
10. Алексеева Т.А. Исследование устной речи в криминалистической тактике. М. : Юрлитинформ, 2022. 200 с.
11. Алексеева Т.А. Криминалистическая характеристика содержательности как структурного элемента устной речи // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 378. С. 159–161. doi: 10.17223/15617793/378/27
12. Ахмедшин Р.Л., Ахмедшина Н.В. Криминалистическое профилирование : учебник для вузов. М. : Юрайт, 2021. 514 с.
13. Ахмедшин Р.Л. Адаптации в криминалистике типологии акцентуированных типов (тезисы докладов научной конференции) // Сборник материалов криминалистических чтений. Барнаул : Барнаульский юрид. ин-т МВД России, 2014. С. 17–18.

References

1. Vedernikov, N.T., Yuan, V.L. & Alekseeva, T.A. (2021) Biograficheskiy analiz lichnosti uchastnikov ugovornogo sudoproizvodstva: ugovorno-protsessual'nyy i kriminalisticheskiy aspekty // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal. No. 472. pp. 210–214. doi: 10.17223/15617793/472/25
2. Alekseeva, T.A. (2014) Kriminalisticheskaya struktura ustnoy rechi // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal. No. 381. pp. 167–170. doi: 10.17223/15617793/381/27
3. Sossyur, F. (2023) Kurs obshchey lingvistiki / per. A.M. Sukhotin; Shor, R.O. (ed.) M.a: Izdatel'stvo Yurayt, 303 s.

4. Akhmedshina, D.R. (2023) Smyslovaya nagruzka simvola “Rodina” v rechi senzitivnogo i zastrevayushchego aktsentuirovannogo tipa: lingvisticheskiy, psikhologicheskiy i kriminalisticheskiy aspekty // Sbornik izbrannykh statey nauchnoy sessii TUSUR. Tomsk: TUSUR, pp. 274–276.
5. Korkina, A.A. (2023) Simvol “beskonechnost” v ustnoy i pis’mennoy rechi shizoida i tsikloida: kriminalisticheskiy aspekt // Sbornik izbrannykh statey nauchnoy sessii TUSUR. Tomsk: TUSUR, pp. 281–282.
6. Kraus, D.V. (2023) Identifikatsiya senzitiva i isteroida v kontekste ispol’zovaniya v ikh rechi simvola “chuvstvo” // Sbornik izbrannykh statey nauchnoy sessii TUSUR. Tomsk: TUSUR, pp. 283–285.
7. Novikova, V.D. (2023) Smyslovaya nagruzka simvola “aktivnost” u gipertima i epileptoida: kriminalisticheskiy i psikhologicheskiy aspekt // Sbornik izbrannykh statey nauchnoy sessii TUSUR. Tomsk: TUSUR, pp. 285–288.
8. Rybak, T.D. (2023) Taktiko-kriminalisticheskiy analiz smyslovogo napolneniya simvola “dvizhenie” u epileptoida i paranoida // Sbornik izbrannykh statey nauchnoy sessii TUSUR. Tomsk, TUSUR, pp. 288–290.
9. Tret’yakova, K.A. (2023) Kriminalisticheskiy analiz simvolov na primere simvola “poryadok” v tipovoy rechevoy modeli zastrevayushchego i paranoida // Sbornik izbrannykh statey nauchnoy sessii TUSUR. Tomsk: TUSUR, pp. 293–295.
10. Alekseeva, T.A. (2022) Issledovanie ustnoy rechi v kriminalisticheskoy taktike. M.: Yurlitinform, 200 s.
11. Alekseeva, T.A. (2014) Kriminalisticheskaya kharakteristika soderzhatel’nosti kak strukturnogo elementa ustnoy rechi // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal. No. 378. pp. 159–161. doi: 10.17223/15617793/378/27
12. Akhmedshin, R.L. & Akhmedshina, N.V. (2021) Kriminalisticheskoe profilirovanie: uchebnik dlya vuzov. M.: Yurayt, 514 s.
13. Akhmedshin, R.L. (2014) Adaptatsii v kriminalistike tipologii aktsentuirovannykh tipov (tezisy dokladov nauchnoy konferentsii) // Sbornik materialov kriminalisticheskikh chteniy. Barnaul: Barnaul’skiy yuridicheskiy institut MVD Rossii, pp. 17–18.

Информация об авторах:

Алексеева Т.А. – канд. юрид. наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин и правоохранительных органов Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: tanyaalek@yandex.ru

Ахмедшин Р.Л. – д-р юрид. наук, профессор кафедры криминалистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ramil_ahmedshin@mail.com

Ахмедшина Н.В. – канд. юрид. наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин и правоохранительных органов Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: dana74@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

T.A. Alekseeva, Cand. Sci. (Law), associate professor, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tanyaalek@yandex.ru

R.L. Akhmedshin, Dr. Sci. (Law), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ramil_ahmedshin@mail.com

N.V. Akhmedshina, Cand. Sci. (Law), associate professor, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dana74@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.05.2024;
одобрена после рецензирования 17.05.2024; принята к публикации 30.06.2024.*

*The article was submitted 13.05.2024;
approved after reviewing 17.05.2024; accepted for publication 30.06.2024.*

Научная статья
УДК 347
doi: 10.17223/15617793/503/26

Лица с семейными обязанностями как субъекты трудового права: закон и доктрина

Раиса Петровна Мананкова¹, Галина Георгиевна Пашкова²

^{1,2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
² Pashkova.Pashkova24@yandex.ru

Аннотация. Анализируются проблемы, возникшие в связи с закреплением в Трудовом кодексе РФ новой категории субъектов – «лица с семейными обязанностями». Исследована история появления этого субъекта, освещено в критическом аспекте содержание Конвенции МОТ № 156 от 23 июня 1981 г. «О равном обращении и равных возможностях для работников мужчин и женщин: работники с семейными обязанностями». Отмечается роль постановлений Пленума Верховного суда РФ в восполнении «белых пятен» в законодательстве. Исследуются дефекты специальной части Трудового кодекса РФ, высказываются сомнения в целесообразности ее существования.

Ключевые слова: субъект, Конвенция, Пленум, доктрина, дефект, справедливость, специальный статус

Для цитирования: Мананкова Р.П., Пашкова Г.Г. Лица с семейными обязанностями как субъекты трудового права: закон и доктрина // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 503. С. 251–258. doi: 10.17223/15617793/503/26

Original article
doi: 10.17223/15617793/503/26

Original article
doi: 10.17223/15617793/503/26

Persons with family responsibilities as subjects of labor law: Law and doctrine

Raisa P. Manankova¹, Galina G. Pashkova²

^{1,2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
² Pashkova.Pashkova24@yandex.ru

Abstract. The article analyzes problems that have arisen in connection with the establishment in the Labor Code of the Russian Federation of a category of subjects unknown to domestic legislation. The history of the appearance of this “white spot” is investigated. The content of ILO Convention No. 156, On Equal Treatment and Equal Opportunities for Men and Women Workers: Workers With Family Responsibilities, of June 23, 1981, is viewed in a critical aspect. At the time of the adoption of the Labor Code, apart from the Convention, there was no official information about the circle of these persons as a special subject of labor relations. However, the most important element from it was not introduced into the Labor Code, namely, the specification of this special subject of labor law, unknown to us. The Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation tried to correct this defect in Resolution No. 1 of January 28, 2014. The article analyzes in detail four groups of workers with an emphasis on the imperfections of the relevant explanations. There is a disregard for the subtleties of family law and doctrine. Particular attention is paid to the rights and responsibilities of subjects of the parental legal relationship. New progressive ideas are reported: the responsibility to ensure the child’s right to life is emphasized – in the Convention on the Rights of the Child it is called the right to survival. Other defects of the Special Part of the Labor Code of the Russian Federation are also noted, primarily, the oblivion of the creative heritage of Soviet labor scientists on the special legal status of certain categories of workers. The obvious imperfections of the structure itself are also mentioned, in particular, the duplication of existing acts in the Labor Code; the defects of Chapter 55 of the Labor Code are especially noticeable. The criteria for selecting subjects are unclear. These articles have no clear enumeration of reference norms. If we include all special subjects in the Labor Code, then it is unclear on what principle this should be done. There are so many professions and industries and their number is constantly increasing that the process will be endless, and the size of the Code is even difficult to imagine. Doubts arise about the advisability of having the Special Part in the Labor Code.

Keywords: subject, Convention, Plenum, doctrine, defect, fairness, special status

For citation: Manankova, R.P. & Pashkova, G.G. (2024) Persons with family responsibilities as subjects of labor law: Law and doctrine. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 503. pp. 251–258. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/503/26

В Трудовом кодексе Российской Федерации (далее – ТК РФ) впервые обозначился субъект, именуемый как «лица с семейными обязанностями». О практике применения этого словосочетания достоверных данных, разумеется, нет, и можно подумать, что никаких вопросов и не возникает. Однако, как выяснилось только в 2014 г., вопросов оказалось в действительности более чем достаточно. Понадобилось специальное постановление Пленума Верховного суда РФ от 28.01.2014 № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних» (далее – Пленум).

Пленум обстоятельно разъяснил свою позицию об особенностях правового регулирования трудовых отношений применительно к трем категориям работников с учетом их общественно значимых ролей. Целью особого регулирования является создание благоприятных и безопасных условий труда и обеспечение равенства возможностей в осуществлении трудовых прав и свобод.

Прошло еще 10 лет, Трудовой кодекс претерпел множество изменений, но в науке пока так и не обращают внимания на очевидное «белое пятно», на эту новую категорию субъектов – лиц с семейными обязанностями. И здесь, в который уже раз, срабатывает «народная презумпция» о том, что семейное право знают все. Опровергать этот тезис несложно, обратившись к истории вопроса.

При подготовке проектов Трудового кодекса была принята во внимание Конвенция МОТ № 156 «О равном обращении и равных возможностях для работников мужчин и женщин: работники с семейными обязанностями» от 23 июня 1981 г. (далее – Конвенция).

В Трудовом кодексе слово «работники» заменено словом «лица», т.е. у нас оно обозначает понятие более широкое. Конвенция распространяется на все отрасли экономической деятельности и на все категории работников (ст. 2). В Трудовом кодексе нет привязки только к экономической деятельности, все сферы трудовой деятельности в Российской Федерации находятся под защитой закона.

На момент принятия Трудового кодекса, кроме названной Конвенции 1981 г., не было официальной информации о круге лиц, связанных семейными обязанностями, как особом субъекте трудовых правоотношений. Поэтому авторам многочисленных законопроектов, по-видимому, не оставалось ничего другого, как «переварить» нормы Конвенции и так или иначе внедрить их в отечественное законодательство. Что и было сделано в разделе XII гл. 40–42 Трудового кодекса РФ. В итоге в одном ряду (в главе 41 ТК РФ) оказались женщины и лица с семейными обязанностями. При всем желании трудно удержаться от вывода о том, что женщин в число новых субъектов кодекс не включает. И это при том, что название и содержание ст. 259, 261 ТК РФ свидетельствуют об обратном, гарантии одинаковые и у тех, и у других. Кстати, и в Конвенции в названии, и в нескольких статьях буквально говорится о работниках мужчинах и женщинах.

Вместе с тем авторы законопроектов Трудового кодекса, очевидно, не имели возможности либо не решились на заимствование из Конвенции № 156 самого главного, а именно конкретизации этого неведомого для нас особого субъекта трудового права.

Ее мы получили только в разъяснениях Пленума от 28.01.2014 г., т.е. с 01.02.2002 г. до 2014 г. круг лиц с семейными обязанностями, определялся на «глазок», по усмотрению правоприменителей.

Старый спор о природе разъяснений Пленума находится все в той же стадии. Но, как и в пору расцвета жилищной политики, когда именно пленумы заполняли правовой вакуум и одновременно, по сути, создавали теорию советского жилищного законодательства, история повторяется уже с трудовым правом.

С.Ю. Головина совершенно обоснованно утверждает, что «Верховный суд РФ вынужден периодически рассматривать вопросы о соответствии нормативных правовых актов Трудовому кодексу РФ и корректировать их содержание в случае обнаружения противоречий» [1. С. 287].

Другого выхода и в СССР не было, нет и сейчас. Полагаться на квалификацию современных правоприменителей, количество которых пополнила теперь армия бакалавров (да и магистры от них далеко не ушли), нецелесообразно. Вместо их «самостоятельности» предпочтительнее коллективное мнение специалистов высшей квалификации с огромным практическим опытом, т.е. Пленума Верховного суда. При сравнении текстов Конвенции (ст. 1) и Пленума (ст. 2) обнаруживается целый ряд существенных различий в определении круга лиц, связанных семейными обязанностями, и это в принципе вполне закономерно. За каждым из этих документов незримо стоит национальное законодательство и прежде всего Конституция. Ратификация Конвенции не обязывает страну дублировать ее текст. Тем не менее именно положения Конвенции являются исходными и определяющими смысл производных мер, соответствующих национальным условиям и возможностям. Поэтому предполагается безупречное качество и Конвенция 1981 г. о работниках с семейными обязанностями. Есть, однако, некоторые сомнения в истинности этой презумпции. Они обусловлены в определенной степени обычными в международной практике неточностями перевода (как и в данном случае – ст. 19).

Но главное в любой оценке, тем более критической, определяется позицией оппонента в широком смысле. Мы смотрим на явление, и в данном случае как граждане России, проживающие в трансформированной правовой системе, структурно-сложной, с центральным звеном в виде системы законодательства. Естественно, субъективизм в оценке правовых, в частности, явлений неизбежен.

Обратимся к тексту Конвенции, определяющей круг лиц, на которых она распространяется (ст. 1).

Это, во-первых, «работники мужчины и женщины, имеющие семейные обязанности в отношении находящихся на их иждивении детей, когда такие обязанно-

сти ограничивают их возможности подготовки, доступа, участия или продвижения в экономической деятельности» (ч. 1 ст. 1).

В этой же статье (ч. 3) разъясняется, что термин «ребенок, находящийся на иждивении»... «означает лиц, определяемых в каждой стране одним из способов, указанных в ст. 9 настоящей Конвенции». Подробнее об этих способах будет сказано ниже.

В соответствии с ратифицированной Конвенцией ребенок должен быть связан с работником семейными правоотношениями. Варианты, закрепленные в Семейном кодексе РФ (далее – СК РФ), многообразны. Основной из них – сложное родительское правоотношение, содержанием которого являются права и обязанности по воспитанию ребенка. Семейными являются и правоотношения с лицами, заменяющими родителей (опекуны, попечители и др.).

Ребенок как субъект семейных прав должен находиться на иждивении работника, т.е. получать от последнего средства на содержание достаточные для нормального существования. Причем эти средства должны быть основным и постоянным источником.

Иждивение не предполагает воспитание, это разные понятия. Как известно, при совместном проживании детей с родителями воспитание и содержание совпадают. Хотя содержание и иждивение тоже неоднозначные понятия.

В ч. 1 ст. 1 Конвенции оговаривается еще одно условие: такие обязанности должны существенно ограничивать возможности работника по подготовке, доступу, участием или продвижению в экономической области. По-видимому, заинтересованному лицу нужно доказывать наличие ограничений в карьере в связи с семейными обязанностями.

Во-вторых, это работники мужчины и женщины, имеющие «обязанности в отношении других ближайших родственников – членов их семьи, которые действительно нуждаются в уходе или помощи, когда такие обязанности ограничивают их возможности подготовки, доступа, участия или продвижения в экономической деятельности» (ч. 2 ст. 1).

По сути, Конвенция установила две очереди работников с семейными обязанностями. Во второй, более конструктивно сложной, названы работники, «имеющие обязанности» в отношении других лиц. Природа обязанностей не обозначена, но это не семейные, в отличие от ч. 1 ст. 1. Остается гадать, что имели в виду авторы этой нормы. Любые обязанности из широкого спектра частноправовых институтов? Сомнительно.

Работник обязан перед «другими ближайшими родственниками – членами его семьи». Здесь сконцентрированы несколько характеристик субъекта, управомоченного в отношениях с работником. Понятия явно семейно-правовые; в доктрине и в нашей не все четко определено. Тем не менее и в Конвенции имелось в виду одно и то же, одни и те же смыслы. Родство, ближайшие родственники (близкие лица у нас во многих отраслях), члены семьи.

В национальном законодательстве стран, ратифицировавших Конвенцию 1981 г., должны приниматься

все меры, соответствующие целям национальной политики, условиям и возможностям для обеспечения гармоничного сочетания профессиональных и семейных обязанностей. О реализации положений Конвенции в ее тексте упоминается во многих статьях. Представляет интерес ст. 9 о способах осуществления; норма внутренне противоречива, хотя нельзя исключить и неточного перевода. Но главное состоит в том, что в ней названы в открытом перечне следующие способы реализации Конвенции: законодательство, правила, коллективные договоры, правила внутреннего трудового распорядка предприятия, арбитражные решения, решения суда или сочетания этих методов, или, с учетом национальных условий, любые иные способы, соответствующие национальной практике.

Применительно к Российской Федерации все эти способы осуществления Конвенции в национальной практике, несомненно, имеют место. Прежде всего, в Трудовом кодексе и отразилось воздействие ее положений. И новый субъект – «лица с семейными обязанностями», – чуждый нашему законодательству, теперь уверенно присутствует в миллионах трудовых правоотношений. Другое дело, что не все так просто.

Особенности правового регулирования труда этой категории работников требуют четкого определения их места в российской правовой системе. Отраслевое деление права еще никто не отменял, несмотря на уже многолетнюю научную суету и квазинаучные конструкции типа «экономического права».

Вводя нового субъекта в Трудовой кодекс с оглядкой на Конвенцию, авторы законопроектов должны были учитывать множество отраслевых тонкостей, прежде всего семейного законодательства, а также смежных институтов. Но, как теперь представляется, процесс работы над Трудовым кодексом и без того слишком затянулся надолго и остались к моменту его принятия «незаполненные места». К их числу и относится недоработка конструкции «лиц с семейными обязанностями».

Этот дефект и попытался восполнить Пленум Верховного суда РФ в постановлении № 1 от 28.01.2014, когда практика уже явно требовала неотложной реакции.

Сейчас к лицам с семейными обязанностями относят четыре группы работников.

1) «работник, имеющий обязанности по воспитанию и развитию ребенка в соответствии с семейным и иным законодательством (родитель, усыновитель, лицо, наделенное правами и обязанностями опекуна или попечителя)»;

2) «другой родственник ребенка, фактически осуществляющий уход за ним, в случаях прямо предусмотренных законом (ч. 2 ст. 256 ТК РФ)»;

3) «работник, имеющий обязанности в отношении других членов своей семьи, нуждающихся в установленных случаях в уходе или помощи»;

4) «иные лица с учетом конкретных обстоятельств, свидетельствующих об осуществлении ими соответствующих общественно значимых обязанностей (воспитание ребенка, уход или помощь члену семьи)».

Как видно, Пленум определил круг лиц с семейными обязанностями, основываясь на нормах отечественного законодательства. Конвенция нам сейчас и не мешает, поскольку ее дефекты не повлияли на Трудовой кодекс сразу с его принятием.

Позиция Пленума сформировалась без внешнего воздействия, но и в определенной степени без учета тонкостей российского семейного, в первую очередь, законодательства и доктрины. Это особенно заметно при анализе разъяснений по группам исследуемых субъектов. Так, в 1-й группе наряду с родителями и усыновителем названо «лицо, наделенное правами и обязанностями опекуна или попечителя». Эти субъекты уже несколько лет именуется иначе – «лица, их заменяющие» (ст. 28, 55, 56, 60 СК РФ). Более того, в настоящее время к ним относятся еще и приемные родители, детские дома семейного типа, организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Договор о передаче ребенка в приемную семью на воспитание, заключаемый органом опеки и приемными родителями, порождает как обязательство по оказанию услуг, так и семейные правоотношения между ребенком и приемными родителями [2. С. 34, 39].

В литературе давно обсуждается вопрос о круге лиц, заменяющих родителей, предлагают включить в него фактических воспитателей и свойственников, в частности, отчима и мачеху. Поэтому есть смысл перечень субъектов 1-й группы сделать примерным. Важность семейного воспитания невозможно переоценить, а действительность такова, что молодое поколение предпочитает обходиться без регистрации брака, со всеми вытекающими отсюда последствиями для детей.

Для лиц, входящих в 1-ю группу, установлено одно условие – этот работник должен иметь «обязанности по воспитанию и развитию ребенка в соответствии с семейным и иным законодательством». Обратимся к закону. В силу ст. 54 СК РФ «Каждый ребенок имеет право жить и воспитываться в семье, насколько это возможно, на их заботу, право на совместное с ними проживание. Ребенок имеет права на воспитание своими родителями, обеспечение его интересов, всестороннее развитие, уважение его человеческого достоинства». В родительских правоотношениях с ребенком наблюдается сложное содержание: права и обязанности корреспондированы, их много и они имеют различную природу. Это обстоятельство всегда в доктрине учитывается еще с советских времен.

Большой объем информации сосредоточен в материалах Международной научно-практической конференции 2010 г. в г. Казани [3]. Оценивая содержание и уровень докладов участников, нетрудно было заметить новые тенденции в развитии семейно-правовой науки. Догматизм и скованность в аргументации для советских ученых-семейников были привычными долгие годы. Казалось, что и так все ясно о родительских обязанностях по воспитанию детей; этот тезис уже стал штампом. А в чем конкретно должно проявляться воспитание и что такое воспитание? Кроме привычных

обывателейских представлений других мнений просто не высказывалось.

Легального понятия «воспитание» и не было, и нет до сих пор. Встречаются определения через конструкцию правоотношения. Так, А.Е. Казанцева субъективное право родителя на воспитание ребенка определяет как установленную и гарантированную государством возможность личного воздействия на ребенка с целью выработки у него черт характера и воли, привычек и вкусов, развития способностей, позволяющих ему в будущем стать достойным гражданином своего Отечества [2. С. 17].

В этом определении право на воспитание понимается как возможность личного воздействия на ребенка, следовательно, обязанность заключается в долженствовании, в обязанности соответствующего закону поведения родителя. Вполне уместно указание на цель – стать достойным гражданином своего Отечества.

Для специалистов (теоретиков и практиков) в области семейного права не является секретом неудовлетворительное качество действующего законодательства. Об этом говорят и пишут десятки лет, но мало что меняется по существу. Справедливости ради надо признать, что и советский семейный закон по разным причинам вызывал много нареканий. И сейчас, возвращаясь по необходимости к принципиальным наработкам о воспитании детей, убеждаешься в недоброкачественной продукции составителей законопроектов. Противоречия, нестыковки, незнание «азов» настолько снижают впечатление о квалификации ранее известных специалистов, что невольно напрашивается вывод о непригодности этого материала для научных целей, и проще начать отсчет с Конституции и действующего Семейного кодекса РФ.

В литературе, в том числе и учебной, постоянно используются конституционные нормы о том, что «забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей (ч. 2 ст. 38). Эта норма представляется не совсем корректной при ее толковании. «Забота» и «воспитание» суть разные понятия, разные права и обязанности родителей или это одно право? Систематическое толкование ст. 31, ч. 2 ст. 54, 56 и 63 Семейного кодекса убеждает в том, что и забота, и воспитание являются самостоятельными элементами содержания родительского правоотношения.

Содержание ст. 63 СК РФ свидетельствует о наличии у родителей права и обязанности по образованию детей. Они обязаны обеспечить получение детьми общего образования.

Родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей. Они обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей.

В работах современных авторов в настоящее время немало прогрессивных идей по поводу приоритета среди обязанностей родителей.

Традиционное первенство обязанности по воспитанию сменяется или дополняется другими обязанностями, которых раньше в советское время вовсе не было в научном обороте. Прежде всего, речь идет об

обязанности обеспечить право ребенка на жизнь. Правовым основанием является Конвенция ООН о правах ребенка, в ст.6 которой оно названо правом на выживание: «Государства-участники обеспечивают в максимально возможной степени право на выживание и здоровое развитие ребенка». Аргументированный анализ этой нормы применительно к нашему законодательству дан в работе профессора А.М. Раец [4].

Основной вклад в формирование и развитие теории личных неимущественных прав граждан сделан специалистом в этой области профессором М.Н. Малевой. В своей главной по значимости работе автор обстоятельно обосновывает со ссылками на международно-правовые и отечественные источники приоритет права на жизнь как высшего блага [5].

В предложенной классификации личных неимущественных прав на первом месте стоят права, обеспечивающие физическое и психическое благополучие (целостность) личности. И право на жизнь в этом ряду выделено особо не случайно. В ст. 20 действующей Конституции записано: «Каждый имеет право на жизнь». «Жизнь и здоровье... иные нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом» (ст. 150 ГК РФ). Этих норм вполне достаточно, чтобы и в законотворчестве, и в правоприменении приоритет права на жизнь нашел свое отражение. В правовой науке право на жизнь рассматривается в качестве одного из важнейших личных прав и свобод, обеспечивающего само физическое существование человека как биологического существа и его социальный статус как субъекта правовых отношений.

Возвращаясь к постановлению Пленума от 28.01.2014 № 1 (п. 2) – к лицам 1-й группы, приходим к выводу о том, что следовало бы осовременить представление о конкретных обязанностях работника, а также уточнить в примерном перечне субъектов из числа «лиц, заменяющих родителей».

Вторая группа лиц с семейными обязанностями в формулировке Пленума названа в ч. 2 ст. 256 ТК РФ: «Отпуска по уходу за ребенком могут быть использованы полностью или частями также отцом ребенка, бабушкой, дедом, другим родственником или опекуном, фактически осуществляющим уход за ребенком». В этом списке, вопреки последующему разъяснению Пленума, присутствует неожиданно опекун. То есть претензия возникает уже к законотворцам в связи с непонятной ситуацией. Речь идет о женщине, работнице, об отпуске, который ей причитается по закону. Опекун появляется в качестве няньки при живой матери и вполне может претендовать на ее отпуск.

Пленум расставил все точки, ограничившись только «другими родственниками: но ст. 256 (ч. 2) ТК РФ не изменилась, опекун по прежнему относится к числу лиц с семейными обязанностями.

Заслуживает анализа и оценки субъектный состав 3-й группы, предусмотренный Пленумом. От работника требуется наличие обязанностей в отношении других членов своей семьи.

О характере обязанностей не упоминается, т.е. это могут быть любые, в том числе и семейные обязанности. Но это неоспорно при наличии любых договорных обязательств. Уполномоченными называются «члены своей семьи», что требует расшифровки. Но Пленум ее не дает, и это порождает дополнительные вопросы. Должны ли эти субъекты совместно проживать и (или) вести общее хозяйство, либо достаточно быть только субъектами семейных правоотношений и никогда не видеть друг друга? Практика изобилует примерами на все необычные многообразные варианты человеческих взаимосвязей. В доктрине на эти вопросы давно уже есть ответы.

Еще одно условие для признания работника лицом с семейными обязанностями – нуждаемость члена его семьи в установленных случаях в уходе или помощи.

Это обстоятельство требует четкой процедуры, легальных понятий и ухода, и помощи и в принципе в судебной практике особых затруднений вызывать не должно.

Вместе с тем Пленум считает возможным к лицам с семейными обязанностями относить и «иных лиц», т.е. любого гражданина с учетом конкретных обстоятельств, свидетельствующих об осуществлении ими соответствующих общественно значимых обязанностей (воспитание ребенка, уход или помощь члену семьи). Разумеется, Пленум вышел за пределы закона, даже руководствуясь самыми благими намерениями и правосознанием мудрых людей.

Ситуация исключительная: чужие люди уже осуществляют воспитание ребенка или уход и помощь другим лицам при отсутствии какой-либо семейно-правовой обязанности. Но ведь очевидно, что такая норма нужна.

В советской практике были похожие споры по жилищным делам. В частности, одним из судов г. Томска было признано право на жилплощадь как за членом семьи нанимателя – внучкой умершего друга самого нанимателя. Дружба основывалась на партизанском братстве. По закону это было невозможно, но решение суда было оставлено в силе. Все правовые проблемы взял на себя председатель областного суда, вышедший с инициативой дополнить закон. В результате появилось дополнение ст. 53 Жилищного кодекса РСФСР: «В исключительных случаях и иные лица могут быть признаны членами семьи нанимателя, если они проживают совместно с нанимателем и ведут с ним общее хозяйство». Эта норма действует и в настоящее время (ч. 1 ст. 69 ЖК РФ).

Похоже, что и сейчас роль судебной практики в укреплении принципа справедливости не уменьшается. Справедливость считается основой и общей для морали и права категорией. Исторически идея справедливости воплощается именно в праве, конкретное выражение она находит в правовых нормах и поступках людей, применяющих эти нормы. Справедливость выступает как признанный государством масштаб соизмерения действий, людей. В ситуациях, трудно разрешимых с позиции закона, руководящим принципом оказывается принцип справедливости для правоприменителя. Деятельность субъектов права должна быть пронизана идеями беспристрастности, истинности,

правильности, законности, честности и т.п. (*judex bonus nihil ex arbitrio suo facit, nec propositione domesticae voluntatis, sed juxta leges et jura pronunciet* – хороший судья ничего не должен делать по собственному усмотрению или по велению своего желания, но должен выносить решение согласно закону и справедливости). Вынесенные юридические решения, устанавливающие права и обязанности, меры поощрения и юридической ответственности, должны по форме и существу быть справедливыми [6. С. 18, 31, 33].

В такой роли и оказывается Пленум Верховного суда. Жизнь показала необходимость его участия в решении насущных проблем общества. В перспективе, при более совершенном законе исчезнет или ослабеет потребность в ликвидации «белых пятен» с помощью Пленума. А сейчас очевидно, что постановление Пленума Верховного суда РФ от 28.01.2014 г., несмотря на спорные разъяснения, естественно продолжает действовать и не похоже, что они превратятся когда-либо в нормы Трудового кодекса.

Советский опыт показал живучесть и эффективность постановлений пленумов, несмотря на теорию.

Трудовой кодекс ввел в правовой оборот понятие «отдельные категории работников». В науке трудового права наблюдается некоторое разнообразие. Этим лицам именуют «специальными», «особыми» субъектами, основываясь на их специфических правах, дополняющих, как правило, или ограничивающих их общее трудовое положение. Одним словом, имеются в виду носители специального правового статуса. Это понятие, прочно удержавшееся в науке и юридическом обиходе, известно с 70-х гг. прошлого века. Как известно, в СССР в то время магистральным направлением в науке была объявлена и успешно реализовалась теория правового положения личности как высшей ценности в социалистическом обществе.

Ее основоположники (Н.В. Витрук, В.А. Патюлин, Н.И. Матузов) создали мощную теоретическую базу для всех отраслей. Многие ученые рассматривают правовой статус как сложное, многовидовое образование, выделяя общий, специальный и индивидуальный правовые статусы.

Термином «специальный правовой статус» обозначают особое правовое состояние личности, обусловленное выполняемой ею социальной ролью. Н.В. Витрук считает, что понятие специального правового статуса охватывает специальные права и обязанности определенной категории людей, объединенных специфическими чертами их социально-классового, служебного, семейного и тому подобного положения [7. С. 187–188].

Позже, в 1990 г., появилось более конкретное определение с учетом и отраслевых разработок. Специальный правовой статус – это особое состояние личности, обусловленное выполняемой ею социальной ролью, выражающееся в специальной правоспособности и специфических субъективных правах, занимающих промежуточное место между конституционными правами и правами в конкретном правоотношении [8. С. 17–20].

По отношению к общему правовому статусу специальный статус выполняет по крайней мере две основные функции. Он может дополнять общий правовой статус и ограничивать его. Конструкция специального правового статуса признана в научных целях наиболее предпочтительной по сравнению с традиционной позицией исследования правоотношения. И, что особенно важно, она позволяет сосредоточить внимание на однородных правовых явлениях (правах и обязанностях) независимо от их уровня и отраслевой принадлежности. Это наиболее оптимальный вид правовой информации о межотраслевых правах и обязанностях граждан.

В свое время именно конструкция специального правового статуса обусловила дискуссию о комплексных нормативных актах, в которой пришлось участвовать представителям всех отраслей законодательства. Особенности правового положения отдельных категорий граждан возможно и целесообразно отражать в нормативных актах межотраслевого значения. Формы комплексных актов и их место в системе законодательства могут быть различными; в процессе их разработки неизбежны трудности, связанные с определением структуры самого акта, его соотношением с отраслевым законодательством и др. В центре исследования должны быть особенности правового положения субъектов, обусловленные социально-правовой ролью, объем специальных прав и обязанностей, их природа, степень разработанности отраслевого статуса.

Возник вопрос, как вписать разноотраслевые нормы в систему законодательства; на него и до сих пор нет однозначного ответа. Скорее всего, это вопрос факта, в каждой отраслевой науке своя специфика.

В цивилистической литературе обсуждался вопрос о вариантах внедрения комплексных актов в кодексы. Во-первых, предлагалось пойти по пути исключения некоторых соответствующих норм, поскольку именно исключение норм, а не дополнение кодексов нормами о специальных правах и обязанностях может обеспечить чистоту системы законодательства. Назначение кодексов предполагает отсутствие «излишеств» в виде норм, детально регламентирующих соответствующие отношения.

Во-вторых, можно разработать комплексный акт, не затрагивая кодексов, сохранив их как основу для последующей детализации специального правового статуса, например, в Положениях.

В принципе возможны и иные формы комплексных нормативных актов, закрепляющих специальный правовой статус той или иной категории граждан.

Так или иначе, дальнейшая разработка конструкции специального правового статуса и его отражение в системе законодательства позволяют значительно повысить эффективность правового регулирования. Но эта цель может быть достигнута только в результате тщательной научной экспертизы. В противном случае получится негативный эффект, как и со специальной частью Трудового кодекса.

Появилось бесчисленное множество новых проблем. Это, в частности, дублирование действующих нормативных актов в ТК (см.: Федеральный закон

«О специальной оценке условий труда»; Основы законодательства Российской Федерации о нотариате; Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»; Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и др.). Особенно заметны дефекты главы 55 ТК, а именно в ст. 349.1, 349.2, 349.4, 349.6, 351.3. Во-первых, непонятны критерии отбора, и, во-вторых, в этих статьях явный перебор отсылочных норм. По этим категориям есть уже соответствующие нормы в действующем законодательстве. Крамольная мысль о ненужности этой части кодекса возникает не случайно.

В структуре специальной части ТК отражены разные критерии классификации работников. Среди них:

1. Субъектный состав (несовершеннолетние, лица с семейными обязанностями).
2. Отрасль (педагоги, транспорт, научные работники, медицинские работники, спортсмены и тренеры).
3. Условия труда (подземные работы).
4. Срок (временные, сезонные, вахтовый метод).
5. Место работы (дипломаты, Крайний Север).

Есть еще дистанционные работники; работники религиозных организаций; работники, временно направляемые к другим работодателям; руководители организаций; совместители; надомники; лица, работающие у работодателей – физических лиц и на микропредприятиях.

Если включать в ТК РФ всех специальных субъектов, то неясно, по какому принципу это делать. Профессий и отраслей так много, и число их постоянно увеличивается, что процесс будет бесконечным, а размеры кодекса и представить даже трудно.

Совсем не случайно ученые акцентируют внимание на проблемах дифференциации трудового законодательства. Профессор С.Ю. Головина уверенно говорит о тенденции усиления дифференциации. Она обосновывает вывод о необходимости адекватного отражения в Трудовом кодексе РФ нетрадиционных технологий регламентации трудовых отношений отдельных категорий работников [9. С. 287].

Теория специального правового статуса способна внести существенный вклад в совершенствование трудового законодательства. В советское время она получила определенную поддержку и развитие в работах ученых-трудовиков (О.В. Смирнов, В.В. Серкова, А.И. Цепин, И.Ф. Казьмин, В.А. Тарасова и др.) [10. С. 44–45].

В наше время их наследие забыто, в чем убеждаешься в результате анализа норм специальной части ТК РФ. Этот нормативный массив вообще не появился бы, если бы грамотно применили конструкцию специального правового статуса и тем самым избежали бы многих негативных последствий, в том числе и на перспективу.

Список источников

1. Головина С.Ю. Белые пятна трудового права // Российский ежегодник трудового права. 2006. № 2.
2. Казанцева А.Е. Ответственность родителей (замещающих их лиц) за ненадлежащее воспитание детей. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2023.
3. Семейное право на рубеже XX–XXI веков: к 20-летию Конвенции ООН о правах ребенка : материалы Междунар. науч.-практ. конфер., г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 18 декабря 2010 г. / отв. ред. О.Н. Низамиева. М. : Статут, 2011. 446 с.
4. Рабец А.М. Право ребенка на выживание и здоровое развитие и его реализация в законодательстве Российской Федерации // Семейное право на рубеже XX–XXI веков: к 20-летию Конвенции ООН о правах ребенка : материалы Междунар. науч.-практ. конфер., г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 18 декабря 2010 г. / отв. ред. О.Н. Низамиева. М. : Статут, 2011. С. 221–228.
5. Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М. : МЗ Пресс, 2000. 244 с.
6. Пашкова Г.Г. Социально-обеспечительные льготы (теоретический аспект). Томск : Том. гос. ун-т систем упр. и радиоэлектроники, 2008.
7. Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1979.
8. Мананкова Р.П. Правовой статус членов семьи по советскому законодательству. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991.
9. Головина С.Ю. Особые правовые приемы, используемые при регламентации трудовых отношений отдельных категорий работников // Российский ежегодник трудового права. 2012. № 8.
10. Шебанова А.И. Право и труд молодежи. М., 1973.

References

1. Golovina, S.Yu. (2006) Belye pyatna trudovogo prava [Blank spots in labor law]. *Ezhegodnik trudovogo prava*. 2. pp. 144–157.
2. Kazantseva, A.E. (2023) *Otvetstvennost' roditeley (zamenyayushchikh ikh lits) za nenadlezhashchee vospitanie detey* [Responsibility of Parents (Persons Replacing Them) for Improper Upbringing of Children]. Barnaul: Altai State University.
3. Nizamieva, O.N. (ed.) (2011) *Semeynoye pravo na rubezhe XX–XXI vekov: k 20-letiyu Konventsii OON o pravakh rebenka* [Family Law at the Turn of the 21st Century: On the 20th anniversary of the UN Convention on the Rights of the Child]. Proceedings of the International Conference. Kazan. 18 December 2010. Moscow: Statut.
4. Rabets, A.M. (2011) [The child's right to survival and healthy development and its implementation in the legislation of the Russian Federation]. *Semeynoye pravo na rubezhe XX–XXI vekov: k 20-letiyu Konventsii OON o pravakh rebenka* [Family Law at the Turn of the 21st Century: On the 20th anniversary of the UN Convention on the Rights of the Child]. Proceedings of the International Conference. Kazan. 18 December 2010. Moscow: Statut. pp. 221–228. (In Russian).
5. Maleina, M.N. (2000) *Lichnye neimushchestvennyye prava grazhdan: ponyatie osushchestvleniye, zashchita* [Personal Non-Property Rights of Citizens: Concept, implementation, protection]. Moscow: MZ Press.
6. Pashkova, G.G. (2008) *Sotsial'no-obespechitel'nyye l'goty (teoreticheskiy aspekt)* [Social Security Benefits (Theoretical Aspect)]. Tomsk: Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics.
7. Vitruk, N.V. (1979) *Osnovy teorii pravovogo polozheniya lichnosti v sotsialisticheskom obshchestve* [Fundamentals of the Theory of the Legal Status of an Individual in a Socialist Society]. Moscow: Nauka.
8. Manankova, R.P. (1991) *Pravovoy status chlenov sem'i po sovetskomu zakonodatel'stvu* [Legal Status of Family Members under Soviet Legislation]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Golovina, S.Yu. (2012) *Osobyie pravovyye priemy, ispol'zuemye pri reglamentatsii trudovykh otnosheniy otdel'nykh kategoriy rabotnikov* [Special legal techniques used to regulate labor relations of certain categories of employees]. *Ezhegodnik trudovogo prava*. 8. pp. 287–302.
10. Shebanova, A.I. (1973) *Pravo i trud molodezhi* [Law and Labor of Youth]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.

Информация об авторах:

Мананкова Р.П. – д-р юрид. наук, ведущий аналитик лаборатории социально-правовых исследований Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия).

Пашкова Г.Г. – канд. юрид. наук, зав. кафедрой трудового права и права социального обеспечения Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Pashkova.Pashkova24@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

R.P. Manankova, Dr. Sci. (Law), leading analyst, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

G.G. Pashkova, Cand. Sci. (Law), head of the Department of Labor Law and Social Welfare Law, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Pashkova.Pashkova24@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 04.05.2024;
одобрена после рецензирования 30.05.2024; принята к публикации 30.06.2024.*

*The article was submitted 04.05.2024;
approved after reviewing 30.05.2024; accepted for publication 30.06.2024.*

Научная статья
УДК 343.9
doi: 10.17223/15617793/503/27

Оптимизация состояния психологических характеристик личности допрашиваемого посредством тактических приемов направленного воздействия

Алена Сергеевна Скоревич¹

¹ Независимый исследователь, Томск, Россия, skorevich.a.s@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются способы организации тактической составляющей производства коммуникативных следственных действий. Оптимизация основана на двух исходных началах. Во-первых, способы реагирования допрашиваемого в процессе взаимодействия основаны на психологических характеристиках его личности. Во-вторых, тактические приемы, направленные на определенные психологические характеристики, способны оказывать подавляющее или стимулирующее воздействие.

Ключевые слова: тактические приемы, коммуникативные следственные действия, личность допрашиваемого, оптимизация характеристик личности

Для цитирования: Скоревич А.С. Оптимизация состояния психологических характеристик личности допрашиваемого посредством тактических приемов направленного воздействия // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 503. С. 259–264. doi: 10.17223/15617793/503/27

Original article
doi: 10.17223/15617793/503/27

Optimization of the state of psychological characteristics of a person interrogated through tactical techniques of targeted influence

Alyona S. Skorevich¹

¹ Independent researcher, Tomsk, Russian Federation, skorevich.a.s@mail.ru

Abstract. The article discusses ways to organize the tactical component of the production of communicative investigative actions, based on a structural approach to the personality of the interrogated person. The subject of the study is the patterns of behavioral reactions of the interrogated to the tactical modus of directed influence designed to optimize the interrogation process. The following general scientific methods were used in the study: observation, analysis, synthesis, structural matrix. The following special scientific methods were used in the study: the “Big Five” psychodiagnostic technique, statistical analysis. The article obtained the following conclusions. The ways in which the person being interrogated reacts during the interaction are based on the psychological characteristics of his personality. The situational conditionality of personality properties is manifested in the current state of psychological parameters. The tendency to react in a certain way has a range of behavioral manifestations in activity. Within this range, reactions may be variable, but nevertheless predictable. Tactical techniques aimed at certain psychological characteristics can have a suppressive or stimulating effect. The conducted research demonstrates ways to optimize the state of specific personality traits of the interrogated. The final conclusion is the proposition that the behavior of the interrogated person associated with giving truthful testimony that is important for the investigation of the criminal case can be corrected by the interrogator. The collected empirical evidence allows us to predict the magnitude of tactical risk when choosing a line of behavior for interrogators. Optimizing the tactical component of the production of communicative investigative actions will increase the efficiency and effectiveness of crime investigations.

Keywords: tactical modus, communicative investigative actions, personality of the interrogated, optimization of personality characteristics

For citation: Skorevich, A.S. (2024) Optimization of the state of psychological characteristics of a person interrogated through tactical techniques of targeted influence. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 503. pp. 259–264. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/503/27

Коммуникативная деятельность на допросе определяется личностными особенностями его участников. Для выявления тенденций реагировать определенным образом на оказываемое тактическое воздействие необходимо задействовать структурный подход. На проявлении характеристик личности в поведении человека основывается диспозициональная теория

личности. Согласно данной теории, «люди обладают широким набором предрасположенностей реагировать определенным образом в различных ситуациях (то есть черт личности)» [1. С. 270]. Предрасположенность поведенческих реакций предполагает относительно стабильный личностный конструкт, который предопределяет организацию деятельности.

Следовательно, «поведение человека всегда является результатом той или иной конфигурации личностных черт» [1. С. 271], которая представляет собой структуру личности индивида.

Определение черт в качестве элементов структуры личности основано на стабильности их проявлений. «Черты существуют, поскольку, несмотря на непрерывное течение и изменения, в образе действия человека есть большое постоянство. Можно сказать, что определенные действия являются характеристикой человека. Черты лежат в основе «характерного» поведения» [2. С. 371]. Исходя из того, что деятельность человека детерминирована личностью, «всякое поведение является проявлением личности» [3. Р. 558]. Часто наблюдаемые в поведении проявления того или иного свойства личности свидетельствуют о наличии характерных черт личности. Таким образом, «черты личности представляют собой свойства, посредством которых личность может быть описана и измерена» [3. Р. 566].

Черта личности выступает качественным обозначением количественного выражения свойства личности, проявляющегося в поведении.

Концепция измеряемости свойств личности возникла на основе эмпирических исследований в диспозиционной теории. Данный подход реализован Р. Кеттелом в психодиагностической методике личностных факторов 16PF. Данный тест «дает оценки 16 основных шкал, 5 общих шкал и 3 шкал коррекции ответа. Все шкалы личности двухполярные (имеют четкие, значимые наименования на обоих концах)» [4. Р. 144]. Двухполярность шкал демонстрирует взаимноисключающие элементы в структуре личности, конкретизируя описательные характеристики личностных свойств.

Взяв за основу перечень диагностируемых черт личности, Л. Голдберг применил коэффициент корреляций и, исходя из статистически значимых взаимозависимостей, сгруппировал свойства в более крупные единицы – составные по смыслу метода их генерации. Полученным свойствам личности было дано наименование «Большая пятерка» [5. Р. 14–15]. Структура личности в психодиагностической методике «Большая пятерка» представлена полярными парами свойств:

Экстраверсия	Интроверсия
Привязанность	Обособленность
Самоконтроль	Импульсивность
Эмоциональность	Рациональность
Экспрессивность	Практичность

Дуальный характер черт личности представленной психодиагностической методике демонстрирует склонность к поведенческим реакциям определенной направленности. Эта склонность может быть выражена в большей или меньшей степени как в характерологическом портрете человека, так и в определенной ситуации.

Процессуальный характер вопроса определяет ситуативную обусловленность конфигурации черт личности. «Ситуация как элемент психологического тезауруса представляет собой объективную совокупность

элементов (событий, условий, обстоятельств и т.п.), оказывающих стимулирующее, обуславливающее и корректирующее воздействие на субъекта» [6. С. 63]. Тактические приемы допрашивающего призваны оказывать направленное психологическое воздействие на состояние характеристик личности допрашиваемого.

Ситуационная изменчивость характеристик личности отображена в категории состояний. «Состояние человека понимается как интегральный комплекс наличных характеристик тех функций и качеств человека, которые прямо или косвенно обуславливают выполнение деятельности» [7. С. 5]. Психическое состояние определяется как условное выделение в психике индивида относительно статического момента, сопоставляемое в динамическом проявлении с психическим процессом, а также с устойчивыми проявлениями, заключенными в понятии психического свойства [8. С. 303]. Отмечается также, что «одно и то же проявление психики может быть рассмотрено в различных отношениях» [8. С. 303]. Состояние может быть рассмотрено как проявление личностных характеристик относительно текущей обстановки, конфигурация психологических свойств в конкретной ситуации. «Психическое состояние – текущая модификация психики человека» [9. С. 11]. Таким образом, черты личности имеют некоторый диапазон вариативности поведенческих проявлений. Состояние отражает текущую конфигурацию характерологических параметров личности в конкретный момент времени. Графически описанное продемонстрировано на рис. 1.

Направленное тактическое воздействие осуществляется изменение степени выраженности свойства личности допрашиваемого. Проведенное эмпирическое исследование позволяет определить зависимость между тактическим воздействием (стимул) допрашивающего и изменением состояния психологических параметров личности (реакция) допрашиваемого. Сбор данных осуществлялся посредством наблюдения во время присутствия на допросах в следственных отделах Следственного комитета города Томска. Общее количество наблюдений 9 506, сделанных на 59 допросах. Наблюдения фиксировались в виде шифров для последующей статистической обработки данных.

Ситуационная обусловленность поведенческих реакций в процессе производства допроса выражается в тенденции реагировать определенным образом в соответствии с ведущей чертой личности из дуальной пары.

Исходя из того, что в текущем исследовании программа наблюдений включала в себя 84 разновидности реакций допрашиваемого, вероятность вызвать определенную реакцию случайным (непрогнозируемым) стимулом равна доли процента (1/84). В то же время проведенный анализ демонстрирует возможность расчета вероятности стимулирования определенной черты личности из дуальной пары посредством направленного тактического воздействия.

Первая пара личностных характеристик «Экстраверсия – Интроверсия». К экстравертным реакциям отнесены: приближение к собеседнику, громкий голос, полный ответ, переспрашивание, развернутый

ответ, составной ответ, содействие, сотрудничество, активное реагирование на вопрос, систематические ответные реплики, инициирование диалога, заинтересованность.

Экстравертные реакции с наибольшей вероятностью вызывают следующие виды тактического воздействия: адресный (конкретный) вопрос, эмпатийное слушание.

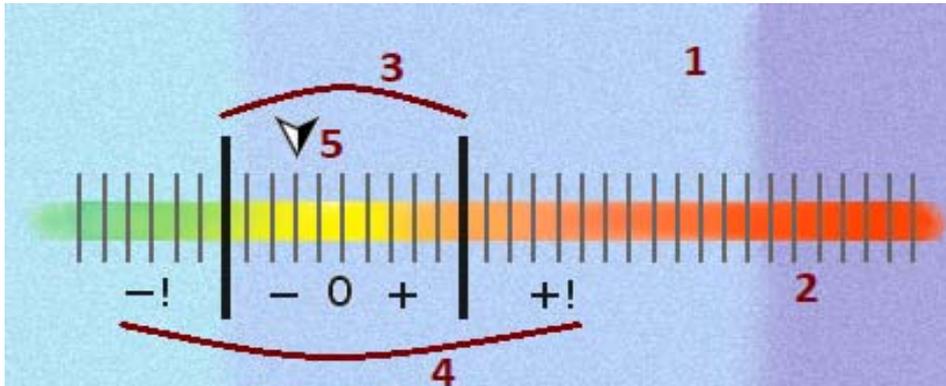

Рис. 1. Психодиагностические параметры личности: 1 – статистическая норма распределения свойства; 2 – шкала выраженности свойства; 3 – диапазон свойства личности; 4 – порядковые измерения шкалы свойства: «0» – медиана выраженности психологического свойства, «←» – состояние пониженной выраженности свойства в пределах личностной характеристики, «←!» – состояние пониженной выраженности свойства за пределами личностной характеристики, «+!» – состояние повышенной выраженности свойства за пределами личностной характеристики; 5 – индикатор текущего состояния выраженности свойства

Таблица 1

Эмпирическое исследование дуальной пары свойств «Экстраверсия – Интроверсия»

	1.3	3.2.1	6.2.1	6.2.2	6.2.4	6.2.5	6.2.6	6.3.2
Экстраверсия (-)	5	0	3	1	35	30	45	13
	71%	0%	100%	25%	33%	88%	32%	29%
Интроверсия (+)	2	4	0	3	71	4	97	32
	29%	100%	0%	75%	67%	12%	68%	71%
	6.3.5	6.4.1	6.4.2	6.4.3	6.4.4	6.5.1	6.5.5	13.1
Экстраверсия (-)	11	9	15	9	8	24	3	0
	30%	31%	28%	32%	31%	32%	30%	0%
Интроверсия (+)	26	20	39	19	18	52	7	3
	70%	69%	72%	68%	69%	68%	70%	100%

Примечание. 1.3 – враждебная роль [10. С. 82–85]; 3.2.1 – стимул доминирования в коммуникации; 6.2.1 – адресный вопрос; 6.2.2 – риторический вопрос; 6.2.4 – высказывание; 6.2.5 – эмпатийное слушание; 6.2.6 – пересказ; 6.3.2 – повторный вопрос; 6.3.5 – дополнительный вопрос; 6.4.1 – вопрос о хронологии до преступления; 6.4.2 – вопрос о хронологии во время преступления; 6.4.3 – вопрос о хронологии после преступления; 6.4.4 – вопрос, не связанный с преступлением; 6.5.1 – вопрос о допрашиваемом; 6.5.5 – вопрос о переживаниях; 13.1 – низкая громкость голоса.

К интровертным реакциям отнесены: частичный ответ, отказ отвечать, игнорирование вопроса, односложный ответ, пассивность, восприятие информации без выраженной активности, безразличие, пренебрежение. Интровертные реакции с наибольшей вероятностью вызывают следующие виды тактического воздействия: доминирование в диалоге, высказывание, пересказ показаний, повторный вопрос, дополнительный вопрос, вопрос о хронологии событий (до преступления / во время преступления, после совершения преступления, не связанный с преступлением), вопрос о допрашиваемом, вопрос о переживаниях, низкая громкость голоса.

Экстраверсию следует стимулировать для получения большего объема информации, снижения уровня тревожности допрашиваемого, задействования невербальных коммуникативных средств. Интроверсию следует стимулировать для снижения общего уровня вербальной активности допрашиваемого при необходимости сконцентрировать допрашиваемого на припоминании конкретных деталей произошедших событий.

Вторая пара личностных характеристик «Привязанность – Обособленность». К реакциям привязанности отнесены: приближение корпуса к собеседнику, частые паузы в речи, стратегия содействия, стратегия сотрудничества, заинтересованность в обсуждении. Реакции привязанности с наибольшей вероятностью вызывают следующие виды тактического воздействия: продолжительное ослабление интенсивности тактического воздействия, нарастающая интенсивность тактического воздействия, эмпатийное слушание, повторный вопрос, уточняющий вопрос, вопрос о событиях до преступления, вопрос о событии преступления, вопрос, не связанный непосредственно с событием преступления, вопрос о допрашиваемом, вопрос о другом человеке, вопрос о деятельности, вопрос о переживаниях.

К реакциям обособленности отнесены: напряженная поза, громкий голос, встречный вопрос, игнорирование вопроса, утверждение о незнании, демонстрация противодействия, пассивность, пренебрежение. Реакции обособленности с наибольшей вероятностью вызывают следующие

виды тактического воздействия: существенное ослабление интенсивности тактического воздействия, выжидание.

Привязанность следует стимулировать для установления психологического контакта, расположения к доверительной беседе при демонстрации допрашиваемым

потребности в одобрении. Обособленность следует стимулировать для получения информации об иных лицах, причастных к совершению преступления, при демонстрации допрашиваемым потребности в уважении и завышенной самооценки.

Таблица 2

Эмпирическое исследование дуальной пары свойств «Привязанность – Обособленность»

	1.3	4.4	5.1.2	5.1.3	5.2.2	5.2.3	6.2.5	6.3.2	
Привязанность (-)	0	3	0	1	7	0	6	4	
	0%	100%	0%	33%	70%	0%	100%	80%	
Обособленность (+)	2	0	2	2	3	2	0	1	
	100%	0%	100%	67%	30%	100%	0%	20%	
	6.3.4	6.4.1	6.4.2	6.4.4	6.5.1	6.5.2	6.5.3	6.5.5	-
Привязанность (-)	80	5	11	7	14	39	18	3	2
	70%	71%	73%	70%	78%	74%	67%	100%	33%
Обособленность (+)	34	2	4	3	4	14	9	0	4
	30%	29%	27%	30%	22%	26%	33%	0%	67%

Примечание. 1.3 – враждебная роль; 4.4 – ослабление воздействия; 5.1.2 – осязаемое воздействие; 5.2.2 – нарастающее воздействие; 5.2.3 – ослабевающее воздействие; 6.2.5 – эмпатийное слушание; 6.3.2 – повторный вопрос; 6.3.4 – уточняющий вопрос; 6.4.1 – вопрос о хронологии до преступления; 6.4.2 – вопрос о хронологии во время преступления; 6.4.4 – вопрос, не связанный с преступлением; 6.5.1 – вопрос о допрашиваемом; 6.5.2 – вопрос о других; 6.5.3 – вопрос о деятельности; 6.5.5 – вопрос о переживаниях.

Таблица 3

Эмпирическое исследование дуальной пары свойств «Самоконтроль – Импульсивность»

Подавляющее воздействие	2.3	3.2.1	3.2.2	4.2	5.1.2	5.1.3	5.2.2	6.1.3			
Самоконтроль (-)	5	2	0	21	12	7	21	2			
	83%	67%	0%	72%	71%	78%	54%	67%			
Импульсивность (+)	1	1	1	8	5	2	18	1			
	17%	33%	100%	28%	29%	22%	46%	33%			
Нейтральное воздействие	2.2	4.3	5.2.1	5.2.4	6.2.1	6.2.2	6.2.3	6.2.4	6.2.6		
Самоконтроль (-)	1	4	3	1	2	3	59	100	151		
	100%	80%	43%	100%	100%	100%	65%	56%	66%		
Импульсивность (+)	0	1	4	0	0	0	32	80	78		
	0%	20%	57%	0%	0%	0%	35%	44%	34%		
Стимулирующее воздействие	1.2	1.3	2.1	3.1	4.4	5.1.1	5.2.3	6.1.1	6.1.2	6.2.4	6.2.5
Самоконтроль (-)	16	6	3	6	12	27	8	0	3	1	29
	84%	67%	60%	86%	71%	77%	53%	0%	75%	100%	55%
Импульсивность (+)	3	3	2	1	5	8	7	2	1	0	24
	16%	33%	40%	14%	29%	23%	47%	100%	25%	0%	45%

Примечание. 1.2 – дружелюбная роль [10. С. 82–85]; 1.3 – враждебная роль; 2.1 – стимулирующее воздействие; 2.2 – нейтральное воздействие; 2.3 – подавляющее воздействие; 3.1 – кооперация; 4.2 – усиление воздействия; 4.4 – ослабление воздействия; 3.2.1 – доминирование в коммуникации; 3.2.2 – дистанционирование в коммуникации; 5.1.1 – неосознанное воздействие; 5.1.2 – осязаемое воздействие; 5.1.3 – подавляющее воздействие; 5.2.1 – ровное воздействие; 5.2.2 – нарастающее воздействие; 5.2.3 – ослабевающее воздействие; 5.2.4 – пунктирное воздействие; 6.1.1 – приглашение к взаимодействию; 6.1.3 – приказной тон; 6.2.1 – адресный вопрос; 6.2.2 – риторический вопрос; 6.2.3 – реплика; 6.2.4 – высказывание; 6.2.5 – эмпатийное слушание; 6.2.6 – пересказ.

Третья пара личностных характеристик «Самоконтроль – Импульсивность». В качестве демонстрации самоконтроля расценивались наблюдения, в которых две последовательные реакции принадлежали к одной категории. В качестве демонстрации импульсивности расценивались наблюдения, в которых две последовательные реакции принадлежали к разным категориям. Тактическое воздействие также было подразделено на подавляющее, нейтральное и стимулирующее.

Вероятно, обстановка допроса предопределяет обдуманное и последовательное поведение допрашиваемых, поэтому реакции самоконтроля почти всегда преобладают. Также, согласно данным исследования М.Л. Бутовской, криминализованные личности менее склонны агрессивно реагировать на негативное

воздействие и обладают более развитым самоконтролем [11. С. 168–169].

Реакции импульсивности с наибольшей вероятностью вызывают следующие виды тактического воздействия: дистанционирование, высказывание, эмпатийное слушание, приглашение к диалогу, изменение интенсивности воздействия.

Самоконтроль следует стимулировать для сознательного выбора допрашиваемым стратегии сотрудничества. В случае если после ранее примененных разнонаправленных тактических приемов реакции допрашиваемого стали труднопрогнозируемыми, стимулировать самоконтроль также рекомендовано. Импульсивность следует стимулировать для выбора стратегии сотрудничества в силу ситуационного психоэмоционального истощения допрашиваемого, в случае если ранее примененные им

усилия для противодействия допрашивающему были не результативны, и он демонстрирует неуверенность в намерении продолжать препятствовать расследованию. Кроме того, импульсивность целесообразно стимулировать в случаях сомнения в достоверности сообщаемых допрашиваемым показаний с расчетом на сообщение им необдуманной заранее информации.

Четвертая пара личностных характеристик «Рациональность – Эмоциональность». К реакциям рациональности отнесены: стереотипные движения, ритмичные движения, низкая громкость голоса, медленный темп речи, стабильные характеристики голоса, равномерная интонация, длинные паузы в речи. Реак-

ции рациональности с наибольшей вероятностью вызывают следующие виды тактического воздействия: враждебная роль, эмпатийное слушание, выжидание.

К реакциям эмоциональности отнесены: свободные движения, громкий голос, быстрый темп речи, нестабильные (изменчивые) характеристики голоса, неравномерные интонации. Реакции эмоциональности с наибольшей вероятностью вызывают следующие виды тактического воздействия: демонстрация стремления к кооперации, пересказ показаний, повторный вопрос, вопрос о событиях до преступления, вопрос о постпреступных событиях, вопрос о событиях, не связанных с преступлением, вопрос о допрашиваемом.

Таблица 4

Эмпирическое исследование дуальной пары свойств «Рациональность – Эмоциональность»

	1.3	3.1	6.2.4	6.2.5	6.2.6	6.3.2	6.4.1	6.4.2	6.4.3	6.4.4	6.5.1	-
Рациональность (-)	5	1	35	30	45	13	9	15	9	8	24	4
	71%	33%	33%	88%	32%	29%	31%	28%	32%	31%	32%	100%
Эмоциональность (+)	2	2	71	4	97	32	20	39	19	18	52	0
	29%	67%	67%	12%	68%	71%	69%	72%	68%	69%	68%	0%

Примечание. 1.3 – враждебная роль; 3.1 – кооперация; 6.2.4 – высказывание; 6.2.5 – эмпатийное слушание; 6.2.6 – пересказ; 6.4.1 – вопрос о хронологии до преступления; 6.4.2 – вопрос о хронологии во время преступления; 6.4.3 – вопрос о хронологии после преступления; 6.4.4 – вопрос, не связанный с преступлением; 6.5.1 – вопрос о допрашиваемом.

Рациональность следует стимулировать для оказания помощи в припоминании забытого. Эффективным в данном случае будет соблюдение хронологической последовательности в вопросах. Эмоциональность следует стимулировать для определения личностно значимых ценностей допрашиваемого. Также эмоциональность способствует получению информации об аспектах, избегаемых допрашиваемым намеренно или бессознательно.

Пятая пара личностных характеристик «Экспрессивность – Практичность». К реакциям экспрессивности отнесены: свободные движения, жестикуляция открытой ладонью, жестикуляция подвижной кистью руки, жестикуляция кулаком, хаотичные движения при жестикуляции, высокая вокальность речи, высокая громкость голоса, быстрый темп речи, нестабильные характеристики голоса, неравномерная интонация, полный ответ, частичный ответ, пространственный ответ, ответ не по теме, бессвязный ответ, развернутый ответ, составной ответ, стратегия содействия, инициирование взаимодействия, заинтересованность в обсуждении.

Реакции экспрессивности с наибольшей вероятностью вызывают следующие виды тактического воздействия: враждебная роль, ровная динамика тактического воздействия, эмпатийное слушание, выжидание.

К реакциям практичности отнесены: нейтральная поза, указательный жест, синхронная жестикуляция, низкая громкость голоса, средняя громкость голоса, медленный темп речи, средний темп речи, стабильные характеристики голоса, равномерная интонация, частичный ответ, встречный вопрос, отказ от ответа, заявление о неосведомленности, односложный ответ, пассивность, безразличие, пренебрежение. Реакции практичности с наибольшей вероятностью вызывают следующие виды тактического воздействия: нейтральное воздействие, стратегия кооперации, стратегия доминирования, ослабляющее воздействие, риторический вопрос, дополнительный вопрос, вопрос о постпреступных событиях, вопрос о допрашиваемом, вопрос о переживаниях, низкая громкость голоса, пространственная реплика.

Таблица 5

Эмпирическое исследование дуальной пары свойств «Экспрессивность – Практичность»

	1.3	2.2	3.1	3.2.1	5.2.1	5.2.3	6.2.2	
Экспрессивность (-)	6	0	1	0	4	4	1	
	67%	0%	25%	0%	67%	29%	25%	
Практичность (+)	3	2	3	4	2	10	3	
	33%	100%	75%	100%	33%	71%	75%	
	6.2.5	6.3.5	6.4.3	6.5.1	6.5.5	13.1	17.3	-
Экспрессивность (-)	38	12	11	28	2	0	0	7
	90%	29%	33%	33%	22%	0%	0%	88%
Практичность (+)	4	29	22	58	7	4	2	1
	10%	71%	67%	67%	78%	100%	100%	13%

Примечание. 1.3 – враждебная роль; 2.2 – нейтральное воздействие; 3.1 – кооперация; 3.2.1 – доминирование в коммуникации; 5.2.1 – ровное воздействие; 5.2.3 – ослабляющее воздействие; 6.2.2 – риторический вопрос; 6.2.5 – эмпатийное слушание; 6.3.5 – дополнительный вопрос; 6.4.3 – вопрос о хронологии после преступления; 6.5.1 – вопрос о допрашиваемом; 6.5.5 – вопрос о переживаниях; 13.1 – низкая громкость голоса; 17.3 – пространственная реплика

Экспрессивность следует стимулировать для преодоления формального отношения допрашиваемого к участию в допросе. Также экспрессивность способствует получению информации о самом допрашиваемом в случаях, когда тот стремится не раскрывать подробности личной жизни. Практичность следует стимулировать для демонстрации приверженности допрашиваемого к социально одобряемым убеждениям допрашивающего. Практичность обеспечивает формирование установок на правильность текущей формы поведения.

Таким образом, поведение допрашиваемого, связанное с дачей правдивых показаний, имеющих значение для расследования уголовного дела, поддается коррекции со стороны допрашивающего. В пределах

диапазона свойств личности направленное тактическое воздействие способствует оптимизации психологического состояния допрашиваемого.

Использование представленной психодиагностической методики будет способствовать реализации структурного подхода в организации процесса производства допроса при построении коммуникации с допрашивающим.

Собранная эмпирика позволяет прогнозировать величину тактического риска при выборе линии поведения допрашивающим. Представленные обобщенные данные будут служить ориентиром на первоначальном этапе допроса. В дальнейшем наблюдение за закономерностями проявлений реакций в поведении допрашиваемого позволят скорректировать тактическое воздействие под индивидуальные особенности его личности.

Список источников

1. Хелл П., Зиглер Д. Теории личности. 3-е изд. СПб. : Питер, 2008. 607 с.
2. Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды. М. : Смысл, 2002. 462 с.
3. Cattell R.B. Description and measurement of personality. Oxford: England : World Book Company, 1946. 602 с.
4. Cattell H., Mead A. The sixteen personality factor questionnaire (16pf). London : SAGE, 2008.
5. Goldberg L.R. A broad-bandwidth, public domain, personality inventory measuring the lower-level facets of several five-factor models // Personality Psychology in Europe. 1999. № 7. Р. 7–28.
6. Прохоров А.О., Валиуллина М.Е., Габдреева Г.Ш., Гарифуллина М.М., Менделевич В.Д. Психология состояний : учеб. пособие / под ред. А.О. Прохорова. М. : Когито-Центр, 2011. 624 с.
7. Леонова А.Б. Психодиагностика функциональных состояний человека. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. 200 с.
8. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Психология. Словарь. М. : Политиздат, 1990. 494 с.
9. Еникеев М.И. Общая и социальная психология. М. : НОРМА-ИНФРА, 1999. 624 с.
10. Ахмедшин Р.Л. Некоторые психологические аспекты проведения обыска // Вестник Томского государственного университета 2011. № 348. С. 82–85.
11. Бутовская М.Л. Агрессия и мирное сосуществование: универсальные механизмы контроля социальной напряженности у человека. М. : Научный мир, 2006. 275 с.

References

1. Kh'ell, P. & Zigler, D. (2008) Teorii lichnosti. 3-e izd. St. Petersburg: Piter, 607 s.
2. Olport, G. (2002) Stanovlenie lichnosti: Izbrannye trudy. M.: Smysl, 462 s.
3. Cattell, R.B. (1946) Description and measurement of personality. Oxford: England: World Book Company, 602 s.
4. Cattell, H. & Mead, A. (2008) The sixteen personality factor questionnaire (16pf). London: SAGE.
5. Goldberg, L.R. (1999) A broad-bandwidth, public domain, personality inventory measuring the lower-level facets of several five-factor models // Personality Psychology in Europe. No. 7. pp. 7–28.
6. Prokhorov, A.O. et al. (2011) Psikhologiya sostoyaniy: Uchebnoe posobie / M.: Kogito-Tsentr, 624 s.
7. Leonova, A.B. (1984) Psikhodiagnostika funktsional'nykh sostoyaniy cheloveka. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 200 s.
8. Petrovskiy, A.V. & Yaroshevskiy, M.G. (1990) Psikhologiya. Slovar'. M.: Politizdat, 494 s.
9. Enikeev, M.I. (1999) Obschaya i sotsial'naya psikhologiya. M.: NORMA-INFRA, 624 s.
10. Akhmedshin, R.L. (2011) Nekotorye psikhologicheskie aspekty provedeniya obyiska // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta No. 348. pp. 82–85.
11. Butovskaya, M.L. (2006) Agressiya i mirnoe sosushchestvovanie: universal'nye mekhanizmy kontrolya sotsial'noy napryazhennosti u cheloveka. M.: Nauchnyy mir, 275 s.

Информация об авторе:

Скоревич А.С. – независимый исследователь (Томск, Россия). E-mail: skorevich.a.s@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.S. Skorevich, independent researcher (Tomsk, Russian Federation). E-mail: skorevich.a.s@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.05.2024;
одобрена после рецензирования 17.05.2024; принята к публикации 30.06.2024.*

*The article was submitted 01.05.2024;
approved after reviewing 17.05.2024; accepted for publication 30.06.2024.*

Научная статья
УДК 347.5
doi: 10.17223/15617793/503/28

Нематериальные блага в правовом механизме компенсации морального вреда

Сергей Константинович Соломин¹, Наталья Геннадьевна Соломина²

^{1,2} Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

^{1,2} Кузбасский институт ФСИН России, Новокузнецк, Россия

¹ sksolomin@mail.ru

² ngsolomina@mail.ru

Аннотация. Дается оценка законодательному подходу к определению объема понятия нематериального блага, а также судебной практике, сформировавшейся на таком подходе, с целью определения пределов применения требования компенсации морального вреда. Критически оценивается возможность распространения норм о компенсации морального вреда на случаи, которые непосредственно не связаны с действиями, направленными на нарушение личных неимущественных прав граждан.

Ключевые слова: нематериальное благо, личное неимущественное право, компенсация морального вреда, нравственные страдания, физические страдания, гражданско-правовая защита

Для цитирования: Соломин С.К., Соломина Н.Г. Нематериальные блага в правовом механизме компенсации морального вреда // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 503. С. 265–273. doi: 10.17223/15617793/503/28

Original article
doi: 10.17223/15617793/503/28

Intangible goods in the legal mechanism of compensation for moral harm

Sergey K. Solomin¹, Natalia G. Solomina²

^{1,2} University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

^{1,2} Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russian Federation

¹ sksolomin@mail.ru

² ngsolomina@mail.ru

Abstract. The article assesses the legislative approach to the definition of the scope of the concept of an intangible good, as well as judicial practice formed within this approach for the purpose of determining the limits of application of the claim for compensation for moral harm. The authors subjected to critical analysis the individual approaches of the supreme judicial bodies of the Russian Federation to the application of the rules on compensation for moral harm. The study is based on the application of general scientific (analysis, synthesis, abstracted) and special research (formal and legal, legal modelling) methods. Based on the legislative model of the “non-exhaustive list of intangible goods”, the authors turn to the basics of the national doctrine on the civil and legal protection of intangible goods, formulating a number of fundamental legal axioms, unfortunately, ignored by the legislator at the stage of formation of norms of positive law and, respectively, not taken into account by the law enforcer in resolving disputes, protection of personal non-property rights of citizens. Thus, determining the relationship of an intangible good to a personal non-property right, the authors derive the basic legal axiom, according to which civil protection should be carried out exclusively in relation to the violated personal right, not the personal (intangible) good of a citizen. The analysis of a number of key positions of the highest judicial bodies on the application of norms on compensation for moral harm made it possible to conclude that these positions either do not comply with the law (objectives of legal regulation) or contradict the substance of the relationship. The authors give a critical assessment of judicial practice that extends the institution of compensation for moral harm via cases in which the moral and physical sufferings of a citizen are not at all in a direct cause-and-effect relationship with the committed offense or appear simultaneously with the occurrence of property damage. The authors infer that the state has created a legal basis for the monetization of any intangible good, and the judicial practice has brought the process of such monetization to the extreme; the idea of social justice simply disappeared. The authors proved that, as a result of the monetization of an intangible good, the function was modified, which the mechanism for moral harm was supposed to perform: the protective function gave way to the function of a sanction for some groups (violators of personal non-property right) and the function of enrichment for others (victims). As a result of the study, the authors came to the key conclusion that the claim for compensation of moral harm can be used as a protective means only in addition to other (main), exclusively non-property methods of protection, which made it possible to determine the limits of the application of the claim for compensation for moral harm.

Keywords: intangible good, personal non-property right, compensation for moral harm, moral suffering, physical suffering, civil protection

For citation: Solomin, S.K. & Solomina, N.G. (2024) Intangible goods in the legal mechanism of compensation for moral harm. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 503. pp. 265–273. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/503/28

Отсутствие в п. 1 ст. 150 ГК РФ исчерпывающего перечня нематериальных благ поспособствовало не только моделированию непоименованных в законе нематериальных благ, но и созданию достаточно обширного перечня личных неимущественных прав. К сожалению, ни законодатель, ни правоприменитель никак не объясняют связь личного неимущественного права с нематериальным благом. Между тем установить такую связь несложно, если учитывать, что речь идет об объектах гражданских прав: то или иное личное неимущественное право возникает по поводу соответствующего нематериального (личного¹) блага. При этом само по себе нематериальное благо отдельно от того личного права, которое возникает по поводу него, не поддается восприятию с точки зрения гражданского права, поскольку у такого блага нет и не может быть правового режима. В цивилистической доктрине о правовом режиме ведут речь только в отношении тех объектов гражданских прав, которые связаны с конкретным поведением участников гражданского оборота [2. С. 172] (т.е. выступают предметом определенного действия), что не применимо к нематериальным благам как идеальным объектам, лишенным экономического содержания (т.е. неспособных к стоимостной оценке) [3. С. 412]. Последние закон полностью вывел из гражданского оборота, наделив их признаками неотчуждаемости и непередаваемости. В отношении нематериальных благ нельзя совершить и любые другие действия (отличные от отчуждения и передачи иным способом), которые, например, может совершать собственник вещи при реализации правомочия пользования, поскольку каждое в отдельности личное благо есть проявление социальной сущности человека, личности «как носителя индивидуальных черт, способностей и стремлений» [4. С. 222].

Однако если существует обладатель нематериального блага, значит, существуют и лица, которые противостоят ему. Иными словами, речь идет о совокупности абсолютных правоотношений, содержание которых раскрывается через личное неимущественное право обладателя нематериального блага и противостоящей этому праву обязанности неопределенного круга лиц, сводящейся к воздержанию от посягательства на соответствующее нематериальное благо. Указанная правовая связь выполняет исключительно охранительную функцию, обеспечивающую возможность защиты обладателя личного блага от любого нарушения, принадлежащего ему личного неимущественного права, которое неразрывно связано с ним.

Таким образом, гражданско-правовая защита осуществляется исключительно в отношении нарушенного личного права, а не личного блага². В то же время о таком нарушении следует говорить применительно к каждому случаю посягательства на то или иное нема-

териальное благо. Изложенное в первую очередь оглашает недостатки гл. 8 ГК РФ, начиная с ее названия (из которого буквально следует, что гражданско-правовая защита осуществляется в отношении нематериальных благ) и заканчивая рядом положений этой главы, не учитывающих существенные отличия между понятиями «нематериальное благо» и «личное неимущественное право» (см.: абз. 1 п. 2 ст. 150 ГК РФ и ч. 1 ст. 151 ГК РФ). Так, в частности, когда речь идет об использовании такого способа защиты гражданских прав, как компенсация морального вреда (ч. 1 ст. 151 ГК РФ), законодатель не делает акцента на различиях сравниваемых понятий: главное, чтобы имело место действие, которое с точки зрения направленности либо нарушает личное неимущественное право, либо посягает на нематериальное благо. На самом же деле речь должна идти о действии, нарушающем личное неимущественное право гражданина в результате посягательства на принадлежащее ему нематериальное благо. Именно в таком контексте должны использоваться понятия «нематериальное благо» и «личное неимущественное право», что, к сожалению, не учитывается и правоприменителем. Свидетельство тому – руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, содержащиеся в постановлении от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» (далее – Постановление № 33), в которых правоприменитель, не замечая различий между обозначенными понятиями, оформляет примерный перечень и нематериальных благ, и личных неимущественных прав единым списком (абз. 3 п. 1 Постановления № 33).

Указанный недостаток, свидетельствующий об отсутствии в доктрине какой-либо определенности в отношении содержания сравниваемых понятий, усиленный форматом неисчерпывающего перечня нематериальных благ, привел к тому, что правоприменитель (п. 2 Постановления № 33) допускает возникновение права на компенсацию морального вреда в отношении любого действия, нарушающего личное неимущественное право потерпевшего или посягающего на принадлежащее ему нематериальное благо, независимо от того, содержится ли в законе прямое указание на возможность такой компенсации.

В итоге, с одной стороны, мы имеем неисчерпывающий перечень нематериальных благ, а значит, и неисчерпывающий перечень личных неимущественных прав, а с другой – среди охранительных требований, направленных на защиту нарушенного личного неимущественного права, имеем одно требование, носящее имущественный характер, – требование компенсации морального вреда. Такое положение вещей может привести к неблагоприятным последствиям. Дело в том, что стрессовые ситуации сопровождают человека на протяжении всей его жизни. Их

количество зависит от психоэмоционального состояния человека. Соответственно, при наступлении определенной стрессовой ситуации «пострадавшему» остается лишь найти виновного, к которому он предъявит требование о компенсации морального вреда. И, учитывая изложенную выше позицию правоприменителя, сделать это будет несложно, поскольку суды (как показывает практика последних лет) стали усматривать право на компенсацию морального вреда даже при совершении таких действий, которые не находятся в прямой причинно-следственной связи с возникшими нравственными страданиями. Так, в одном из дел суд усмотрел нравственные и физические страдания у лиц (близких и родственников), задействованных в осуществлении ухода за ребенком, которому был причинен вред источником повышенной опасности – эксплуатацией маневренного тепловоза, принадлежащего ОАО «РЖД». Правоприменитель связал данные страдания с фактом нарушения права на родственные и семейные связи [7].

Чтобы признать такое умозаключение суда достоверным, необходимо установить действие, в результате которого было нарушено личное право истца, а также уяснить суть нарушенного права, которое суд определил как «право на родственные и семейные связи».

Как установил суд, моральный вред, причиненный истцам, непосредственно связан с утратой здоровья малолетним ребенком. А далее суд констатировал: именно потребность в постоянном уходе за ребенком нарушает психологическое благополучие членов семьи; теперь у них отсутствует возможность лично продолжать активную общественную жизнь; возникла необходимость нести постоянную ответственность за состояние близкого человека.

Сомнений не вызывает лишь одно – утрата здоровья малолетнего ребенка (как имущественный вред) непосредственно связана с посягательством на его здоровье (нематериальное благо) и, как следствие, нарушением целого комплекса личных прав ребенка (в частности, права на достойную жизнь, права на образование, права на труд, права на ведение активной жизни, права на общение со сверстниками). При этом и имущественный, и моральный вред стали результатом одного и того же действия – действия источника повышенной опасности.

В качестве источника страданий близких и родственников судом было определено ни какое-либо виновное действие, а необходимость постоянного ухода за травмированным ребенком. Именно необходимость такого ухода внесла коррективы в их жизнь, которая теперь не укладывается в представления о достойной жизни, поскольку истцы не могут лично продолжать активную общественную жизнь, а их уровень ответственности «благодаря» состоянию ребенка значительно повысился. Видимо, все это суд и подвел под нарушение психологического благополучия членов семьи, испытывающих нравственные и физические страдания. Чего мы не наблюдаем в изложенном?

Во-первых, здесь нет виновного действия причинителя морального вреда. В основе моральных страданий близких и родственников лежит причина («необходимость постоянного ухода за травмированным ребенком»), которая не вписывается в нормативную установку ч. 1 ст. 151 ГК РФ, согласно которой моральный вред должен быть причинен гражданину «действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага». Более того, потребность в уходе за травмированным ребенком вообще не относится к тому, что мы называем «действием». Во-вторых, здесь нет ничего, что могло бы затрагивать родственные и семейные связи: не изменение же жизненного уклада родных и близких суд относит к нарушению права на родственные и семейные связи?

Изложенное позволяет прийти к единственному выводу о том, что основание для возникновения права близких и родственников требовать компенсацию морального вреда в судебном порядке отсутствует. Тем не менее суд такое основание нашел, возложив обязанность компенсации морального вреда, причиненного указанным лицам, на владельца источника повышенной опасности. Иначе говоря, суд пренебрег установлением прямой причинно-следственной связи.

Вообще, в контексте причинения вреда здоровью несовершеннолетнему нравственные страдания близких и родственников должны быть связаны с их переживаниями за судьбу потерпевшего ребенка и его состоянием здоровья (а не с необходимостью ухода за ребенком). Эти страдания, не имея ничего общего с нарушением права на родственные и семейные связи, являются производными от физических и нравственных страданий такого ребенка. Другими словами, близкие и родственники испытывают страдания исключительно по причине того, что ежедневно наблюдают, как страдает их близкий человек, и этим страданиям закон не дает оценку, в том числе с точки зрения возможности их компенсации.

Приведенный пример выступает иллюстрацией того, что суд оформил некое личное неимущественное право («право на родственные и семейные связи») без привязки к подлежащему охране нематериальному благу, а это максимально обостряет проблему бесконтрольного оформления прежде всего перечня личных неимущественных прав. Для нас очевидно, что если бы правоприменитель при оценке обстоятельств дела, во-первых, определял действие, которым было нарушено личное неимущественное право, во-вторых, проводил связь между личным неимущественным правом и конкретным нематериальным благом, которое выступает объектом этого права, раскрывая их содержание, и, в-третьих, убеждался в том, что страдания истцов имеют непосредственную связь с нарушенным личным неимущественным правом, то число подлежащих удовлетворению требований компенсации морального вреда значительно бы уменьшилось.

В отечественной цивилистике существует проблема определения содержания и объема понятий «нематериальное благо» и «личное неимущественное

право». Скорее всего, это связано с тем, что понятие «нематериальное благо», с тем наполнением его объема, которое предложено законодателем в п. 1 ст. 150 ГК РФ, не является в чистом виде гражданско-правовой категорией, поскольку большинство нематериальных благ выступает некой проекцией конституционных прав и свобод человека и гражданина.

В свое время Е.А. Флейшиц в принципе отказалась от выведения понятия, которое могло бы быть аналогом современного понятия «нематериальное благо». Она говорила о необходимости формирования общей законодательной нормы, направленной на охрану личности как носителя индивидуальных черт, способностей и стремлений, которая подлежала бы развитию за счет нормативного установления об охране личных интересов граждан (а не нематериальных благ, как это имеет место в ГК РФ. – *Авт.*), которые в силу своей разнообразности не могут быть поименованы в законе, а в силу своей нетипичности «не могут отлиться в объект особых субъективных прав» [4. С. 222–224]. Связь между личным интересом и субъективным личным правом Е.А. Флейшиц усматривала в следующем: охрана личного права осуществляется от конкретных противоправных действий, направленных на объект данного права; объект же этого права совпадает с охраняемым этим правом личным интересом; таким образом, носителю субъективного личного права дается защита от неправомерного воздействия на объект права (личный интерес), что подразумевает защиту и самого личного права [4. С. 224–225]. В итоге Е.А. Флейшиц сосредоточилась именно на охране личных прав, которая должна представляться каждому гражданину, личный интерес которого нарушен чужим противоправным действием, посредством устранения нарушения с совершением в подлежащих случаях действий, обеспечивающих такое устранение [4. С. 234].

М.М. Агарков, выделяя личные блага (аналог современного понятия «нематериальные блага». – *Авт.*) и личные нематериальные права, также вел речь о защите последних как прав на блага, неотделимых от личности субъекта права [1. С. 107]. Правда, в отличие от Е.А. Флейшиц, он оставил в сфере гражданско-правовой защиты только те личные права, которые составляют содержание отношений, возникающих по поводу таких личных благ, как авторство, имя, честь, т.е. тех отношений, которые тесно переплетаются с имущественными отношениями, относящиеся к предмету гражданско-правового регулирования [1. С. 113]. Не исключая наличия иных личных благ (например, жизнь, здоровье, телесная неприкосновенность), М.М. Агарков заметил, что для их защиты достаточно правового инструментария, относящегося к административному и уголовному праву, а также той косвенной защиты, которая дается гражданским правом в институте возмещения вреда. В итоге он пришел к выводу о том, что «конструировать в гражданском праве особое субъективное право на жизнь, на здоровье, на телесную неприкосновенность является занятием бесплодным» [1. С. 111].

Действующее гражданское законодательство допускает защиту самого что ни есть широкого перечня личных нематериальных прав, объектом которых выступает такой же широкий перечень нематериальных благ. Логика вовлечения в сферу правовой защиты личных нематериальных прав заключается в наличии в гражданском праве весьма емкого охранительного инструментария, способного обеспечить прежде всего охрану тех нематериальных благ, которым такая охрана недоступна с точки зрения иных отраслей отечественной системы права. С позиции гражданского законодательства такой охранительный инструментарий сводится не только к тем способам защиты гражданских прав, которые направлены на пресечение и устранение нарушений, но и к тем, которые позволяют монетизировать нарушение. Последние (требования имущественного характера) представлены лишь одним требованием – требованием компенсации морального вреда, которое, став универсальным способом защиты, фактически обесценило применение всех остальных требований нематериального характера в тех случаях, когда потерпевшим является гражданин.

Так, гражданин, обладающий тем или иным нематериальным благом, на которое, как ему кажется, произошло посягательство со стороны третьих лиц, далеко не всегда заинтересован в применении охранительных требований нематериального характера, когда существует возможность денежной компенсации тех моральных страданий, которые он понес. Более того, в некоторых ситуациях (в частности, при посягательстве на здоровье гражданина) требование компенсации морального вреда в принципе соответствует единственно возможным способом защиты соответствующего личного нематериального права.

С целью предупредить масштабы будущих последствий, связанных с бесконтрольным расширением перечня нематериальных благ, а равно перечня личных нематериальных прав с опорой на п. 1 ст. 150 ГК РФ и п. 2 Постановления № 33, уже сегодня некоторые правоведы предлагают оформить закрытый перечень таких нематериальных благ, исключая тем самым возможность его расширения посредством судебного усмотрения [8. С. 25; 9. С. 49]. При этом наибольшую угрозу усматривают со стороны тех судебных усмотрений, которые вступают в противоречие как с существом отдельных отношений, составляющих предмет гражданско-правового регулирования, так и с нормами позитивного права. Речь идет о позиции правоприменителя относительно возможности компенсации морального вреда: (1) собственнику вещи в результате порчи этой вещи, если таковая обладает особой нематериальной ценностью для потерпевшего; (2) владельцу домашнего животного в результате его гибели; (3) собственнику имущества (потерпевшему) от преступления против собственности; (4) ребенку, который не успел родиться к моменту гибели его отца.

Напомним, что закон определяет случаи, которые могут служить причиной возникновения морального вреда (ч. 1 ст. 151 ГК РФ). Условно эти случаи можно разбить на две группы. К первой группе относятся дей-

ствия, которые непосредственно направлены на нарушение личных неимущественных прав гражданина в результате посягательства на принадлежащие ему нематериальные блага (в эту группу прежде всего входят все случаи посягательства на здоровье, честь, достоинство, деловую репутацию гражданина). Ко второй группе относятся случаи, когда право на компенсацию морального вреда в судебном порядке обусловлено наличием определенных обстоятельств, которые нельзя отнести к непосредственному посягательству на нематериальное благо гражданина. Речь, в частности, идет о случаях, когда нарушение личных неимущественных прав гражданина стало следствием (1) причинения ему имущественного вреда в результате бездействия³ (пассивного действия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов (ст. 1069 ГК РФ) и (2) нарушения принадлежащих ему имущественных прав (п. 2 ст. 1099 ГК РФ). В последнем случае речь идет о нарушении прав потребителя (ст. 15 закона «О защите прав потребителей»); разглашении информации ограниченного доступа (ч. 2 ст. 17 закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»); распространении ненадлежащей рекламы (ч. 2 ст. 38 закона «О рекламе»); невыполнении условий договора о реализации туристского продукта (абз. 6 ст. 6 закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»); нарушении трудовых прав работника (ст. 237 ТК РФ). Установление исключительного перечня случаев нарушения имущественных прав (т.е. тех, которые прямо предусмотрены законом), при наличии которых допускается предъявление требования о компенсации морального вреда, имеет важное правоприменительное значение: определение случаев компенсации морального вреда при нарушении имущественных прав лежит за пределами судебного усмотрения.

Возможно по причине того, что оговорка ч. 1 ст. 151 ГК РФ о том, что другие случаи возможности компенсации морального вреда (отличные от непосредственного нарушения личных неимущественных прав) должны быть прямо предусмотрены законом, показалась Верховному Суду РФ неоднозначной, он расширил ее содержание до пределов судебного усмотрения применительно к отдельным ситуациям. Так, согласно п. 4 Постановления № 33 моральный вред компенсируется на общих основаниях во всех случаях, когда действия (бездействие), направленные против имущественных прав гражданина, одновременно нарушают его личные неимущественные права или посягают на принадлежащие ему нематериальные блага, причиняя этим гражданину физические или нравственные страдания. В качестве примера правоприменитель приводит умышленную порчу одним лицом имущества другого лица, представляющего для последнего особую немущественную ценность (единственный экземпляр семейного фотоальбома, унаследованный предмет обихода и др.). Такой подход Верховного Суда РФ некоторыми правоведами поддерживается [10. С. 124], поскольку позволяет расширить сферу применения

гражданско-правовых норм о компенсации морального вреда, позволяет отказаться от формального применения императивных норм и выступает основой модернизации соответствующих компенсационных норм [11. С. 281]. На наш взгляд, такие суждения свидетельствуют о том, что содержащиеся в п. 4 Постановления № 33 разъяснения по своему содержанию далеки от того, что заявлено в преамбуле данного постановления: «В целях обеспечения единства практики применения судами норм о компенсации морального вреда...».

Разъяснения Верховного Суда РФ должны быть нацелены исключительно на случаи, когда формируется разрозненная (противоречивая) судебная практика по причине неясности содержания той или иной подлежащей применению нормы позитивного права, а равно наличия пробелов в урегулировании соответствующих отношений. Между тем разъяснение, содержащееся в п. 4 Постановления № 33, по своему содержанию не является примером толкования нормы позитивного права; оно устанавливает новое правило, вытесняющее действие нормы ч. 1 ст. 151 ГК РФ. Причем в нем содержатся смысловые конструкции, которые не известны отечественному гражданскому праву – «действия (бездействие), направленные *против* имущественных прав гражданина» (курсив наш. – *Авт.*). Дело в том, что в действующем законодательстве вообще не используется смысловая связка «действия *против* имущественных прав», а соответственно, данное выражение само страдает неопределенностью и требует соответствующих пояснений. Однако если же сконцентрироваться на примере, которым правоприменитель иллюстрирует свой вывод (а именно, на умышленной порче имущества), то становится понятно, что речь идет о случаях причинения вреда имуществу гражданина, в результате виновного действия причинителя вреда, когда вина приобретает форму умысла.

Нам неизвестно, это ли имел в виду Верховный Суд РФ, вводя новое основание возникновения права на компенсацию морального вреда (а именно «действия (бездействие), направленные против имущественных прав гражданина»), однако вряд ли это расширит сферу применения норм о компенсации морального вреда. По замыслу правоприменителя такого рода умышленные действия не должны охватываться преступлениями против собственности (последние оформлены в качестве самостоятельного основания возникновения права на компенсацию морального вреда – п. 5 Постановления № 33). Это значит, под такие действия подпадают лишь те случаи умышленного причинения вреда имуществу, в которых отсутствует признак значительности ущерба (ч. 1 ст. 167 УК РФ), т.е. причиненный вред не превышает пяти тысяч рублей.

Если допустить, что такое основание возникновения права на компенсацию морального вреда все же возможно (напомним, что в настоящее время такое основание законом не предусмотрено, а значит п. 4 Постановления № 33 не подлежит применению как не основанный на законе. – *Авт.*), то возникает как минимум два вопроса. Первый – о нарушении какого

личного неимущественного права, а равно о посягательстве на какое нематериальное благо идет речь? И второй – какие нравственные и, главное, какие физические страдания должен испытывать гражданин?

Для ответа на эти вопросы правоприменитель дает лишь один ориентир – имущество, подвергшееся порче, должно представлять для потерпевшего «большую неимущественную ценность». Кто-то скажет: «Для меня любая вещь, подаренная близким человеком, коллегой, руководителем организации (и т.д.), бесценна». И будет по-своему прав. Если же воспользоваться приведенными правоприменителем примерами (порча единственного экземпляра семейного фотоальбома или порча унаследованного предмета обихода), то можно лишь пофантазировать на тему тех нематериальных благ, которые могут быть затронуты подобными правонарушениями, поскольку в примерном перечне нематериальных благ и личных неимущественных прав, предложенных в абз. 3 п. 1 Постановления № 33, ничего подходящего нет. Например, это может быть нематериальное благо под названием «семейное (культурное) наследие» или «память поколений», которое выступает объектом субъективного права под названием «право созерцать изображение близких и родственников» (если речь идет о семейном фотоальбоме) или «право ощущать присутствие предков» (если речь идет о предметах обихода, перешедших по наследству). По такой схеме можно смоделировать самый что ни на есть широкий перечень как нематериальных благ, так и личных неимущественных прав. А учитывая, что Верховный Суд РФ запретил присуждать потерпевшим незначительные денежные суммы (абз. 3 п. 30 Постановления № 33), последние охотнее станут заявлять требования компенсации морального вреда, ведь у них появилась возможность при незначительном размере причиненного имущественного вреда (менее пяти тысяч рублей) получить денежную компенсацию, которая не может быть незначительной. Им лишь надо будет доказать нравственные и физические страдания – бессонница и головная боль; депрессия и ощущение боли во всем теле и т.п. Выходит, что разъяснение п. 4 Постановления № 33, хотя и не обеспечило значительное расширение сферы применения норм о компенсации морального вреда, зато точно обеспечило рост исковых требований.

А вот содержание п. 5 Постановления № 33 существенно расширяет границы применения норм о компенсации морального вреда: любой потерпевший от преступления против собственности (по содержанию гл. 21 УК РФ таких преступлений около двух десятков) вправе предъявить требование о компенсации морального вреда. Потерпевшему необходимо указать на то, что соответствующим преступлением было нарушено личное неимущественное право посягательством на нематериальное благо, и сослаться на наличие нравственных и физических страданий. При этом потерпевшей стороне не требуется даже конкретизировать, какое личное право было нарушено и о посягательстве на какое личное благо идет речь. Более того, ему даже не требуется доказывать наличие

нравственных и физических страданий. Логика Верховного Суда РФ при наличии преступлений против собственности проста: если есть преступление, значит должно быть и нарушенное личное право, что, в свою очередь, означает наличие морального вреда, факт причинения которого «не нуждается в доказывании» (п. 17 Постановления № 33).

Судебной практикой предложено еще одно основание компенсации морального вреда, вступающее (как и все вышеобозначенные примеры расширения сферы применения норм о компенсации морального вреда) в прямое противоречие с законом. Речь идет о гибели домашнего животного. Так, в 2022 г. Верховным Судом РФ была подтверждена возможность компенсации морального вреда владельцу погибшей собаки [12]. При этом особый акцент был сделан на том, что любое животное отличается от прочего имущества: в отношении животного законом установлен запрет на жестокое обращение, противоречащее принципам гуманности; такой запрет (содержащийся в уголовном и гражданском законодательстве) направлен не на охрану имущества как такового, а на охрану отношений нравственности. В итоге Верховный Суд РФ пришел к выводу о том, что «...гибель животных может причинять их владельцу... нравственные страдания, в частности в силу эмоциональной привязанности, психологической зависимости, потребности в общении по отношению к конкретному животному, что не исключает возложение на причинителя вреда обязанности компенсировать... моральный вред».

Чтостораживает в изложенном? Настораживает то, что нормы, направленные на защиту животных от жестокого обращения, в том числе со стороны владельца этого животного, интерпретируются как нормы, подтверждающие эмоциональную связь, возникающую между человеком (в первую очередь владельцем животного) и животным. Создается впечатление, что суд признает наличие определенного общественного отношения, участниками которого выступает владелец собаки и непосредственно сама собака. Однако такое в принципе невозможно в силу того, что собака (при всех ее качествах одушевленной вещи) не может стать субъектом права. Она остается вещью, а значит и все вопросы имущественного возмещения должны решаться через призму причинения вреда имуществу гражданина, а не нарушения личных прав гражданина.

Что объединяет все представленные выше основания компенсации морального вреда?

Верховный Суд РФ сделал значительный уклон в сторону расширения действия института компенсации морального вреда за счет случаев, при которых нравственные и физические страдания гражданина либо не находятся в прямой причинно-следственной связи с совершенным правонарушением (речь идет о возмещении морального вреда близким и родственникам пострадавшего ребенка), либо проявляются одновременно с возникновением имущественного вреда. И уже неважно, что такой подход вытесняет действие норм позитивного права, содержащих четкие ориентиры определения оснований возникновения права на компенсацию морального вреда в судебном порядке. Глав-

ное, что он вписывается в общую концепцию неисчерпывающего перечня нематериальных благ п. 1 ст. 150 ГК РФ, а, соответственно, обязанность компенсации морального вреда возникает при каждом случае посягательства на любое нематериальное благо из этого «неисчерпывающего» перечня. А что касается наличия нравственных и физических страданий, то таковые в одних случаях предполагаются (п. 15 Постановления № 33), а в других – не нуждаются в доказывании (пункты 16 и 17 Постановления № 33).

Такова логика Верховного Суда РФ, которая позволяет прийти лишь к одному выводу: механизм компенсации морального вреда утратил свое социальное назначение; суд, обременяя правонарушителя выплатой денежной компенсации, уже не руководствуется идеей социальной справедливости в гражданском обществе; сегодня компенсация позволяет либо возместить причиненный имущественный вред (когда потерпевшую сторону не устраивает присужденная судом сумма возмещения), либо в принципе получить хоть какую-то сумму денежного возмещения (когда другого основания для его получения нет). Данный тезис подтверждается позицией Конституционного Суда РФ, который усмотрел наличие нравственных и физических страданий у лица, которое в принципе не могло их испытать. Речь идет о ребенке, который в момент смерти своего отца еще не родился. Аргументы Конституционного Суда РФ сводятся к следующему [13].

(1) Согласно п. 1 ст. 1116 ГК РФ к наследованию могут призываться граждане, зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства, соответственно, положение п. 2 ст. 17 ГК РФ (определяющее момент возникновения правоспособности гражданина) «не предрешает, какие именно субъективные права возникают на основе правоспособности», а, соответственно, «правоспособность остается открытой для наполнения ее всеми предусмотренными законом элементами». Другими словами, некоторые права возникают у еще неродившегося человека.

(2) «Действующее правовое регулирование не предполагает безусловного отказа в компенсации морального вреда лицу, которому физические или нравственные страдания причинены в результате утраты близкого человека, в том числе, когда к моменту его смерти или наступления обстоятельств, приведших к ней, член семьи потерпевшего (его ребенок) еще не родился». Иначе говоря, физические и нравственные страдания могут быть причинены в том числе и неродившемуся ребенку.

(3) В отношении неродившегося ребенка не требуется доказывать причинение ему нравственных и физических страданий, поскольку «обстоятельства дела могут свидетельствовать о причинении гражданину физических или нравственных страданий действиями, которые явным образом нарушают его личные неимущественные права либо посягают на принадлежащие ему нематериальные блага».

Несмотря на то, что данная позиция некоторыми правоведами (без какой-либо дополнительной аргументации) воспринята позитивно [14. С. 27], она не

выдерживает никакой критики ни с точки зрения закона, ни с точки зрения учения о правоспособности.

Во-первых, Конституционный Суд РФ неверно толкует норму п. 1 ст. 1116 ГК РФ. Эта норма не выбивается из контекста нормы п. 2 ст. 17 ГК РФ, а ее формулировка полностью соответствует формуле, определяющей момент возникновения правоспособности, а также положением ст. 18 ГК РФ об объеме правоспособности гражданина. Иначе говоря, право наследования выступает элементом правоспособности гражданина без каких-либо оговорок. Призывание к наследованию ребенка, родившегося живым после открытия наследства, не означает, что к наследованию призывается неродившийся ребенок. Это положение уже давно вошло в отечественную цивилистическую доктрину в качестве непреложной истины. Об этом писал в середине прошлого столетия С.Н. Братусь, отмечая, что закон охраняет долю в наследстве зачатого, но еще неродившегося ко времени открытия наследства наследника только как будущего, возможного субъекта [15. С. 51]. На этом стоял и В.И. Серебровский, акцентируя внимание на том, что признание права наследования за лицами, зачатыми при жизни наследодателя, но родившимися живыми после его смерти, не означает, что ребенок в утробе матери уже является субъектом права наследования; только родившийся живым ребенок становится наследником и притом с обратной силой ко времени открытия наследства [16. С. 57]. От себя заметим, что положения п. 1 ст. 1116 ГК РФ следует воспринимать исключительно во взаимосвязи с нормами о принятии наследства, затрагивающими вопрос раздела наследства (ст. 1166 ГК РФ).

Во-вторых, неродившийся ребенок в принципе не может перенести ни нравственные, ни физические страдания. Верховный Суд РФ весьма корректно определил, в чем могут проявляться такие страдания (п. 14 Постановления № 33): нравственные страдания – в чувстве страха, унижения, беспомощности, стыда, в переживаниях, связанных с утратой родственников; физические страдания, как правило, связаны с физической болью. Ничего подобного неродившийся ребенок испытывать не может. Нарушенное личное неимущественное право и страдания человека связаны между собой как причина и следствие. Соответственно, при отсутствии первого (нарушенного личного права) суд не может приступить к оценке второго (страданий). А в нашем случае никакого нарушенного права нет лишь по той причине, что нет обладателя этого права – правосубъектного лица. И здесь неуместно (как это делает, к сожалению, Конституционный Суд РФ [13]) проводить параллель с положением п. 1 ст. 1088 ГК РФ, где предусматривается право ребенка, родившегося после смерти его отца, на возмещение вреда, связанного с потерей кормильца. В данной норме речь идет о праве, которое принадлежит субъекту права – родившемуся ребенку.

Личными неимущественными права (как, впрочем, и любыми другими) может обладать лишь субъект права и таковым, если вести речь о физическом лице, он становится с момента рождения. Эта установка не

знает исключений, а потому является правовой аксиомой, которой нельзя пренебрегать.

Проблемы, которые сегодня так или иначе связаны с неисчерпывающим перечнем нематериальных благ и путаницей (на уровне норм позитивного права) в разрешении вопроса о соотношении нематериальных благ и личных неимущественных прав граждан, скорее всего, связаны с попыткой законодателя придать конституционным правам и свободам человека и гражданина наиболее четкие очертания в контексте реализации положения ч. 1 ст. 17 Конституции РФ о том, что такие права и свободы признаются и гарантируются в Российской Федерации. К сожалению, данную попытку следует признать неудачной. Нормативная установка о том, что любое нематериальное благо подлежит защите (п. 2 ст. 150 ГК РФ), в том числе посредством применения защитного инструментария имущественного характера (требования компенсации морального вреда – ст. 151 ГК РФ), создала основу для монетизации любого нематериального блага как поименованного, так и непоименованного в законе. И уже на этой основе судебная практика довела процесс монетизации нематериального блага до пределов, за которыми идея социальной справедливости попросту растворилась. Произошла модификация функции, которую должен был выполнять механизм компенсации морального вреда: защитная функция уступила место функции санкции для одних (нарушителей личного

неимущественного права) и функции обогащения для других (потерпевших). На наш взгляд, это недопустимо. Наступление такого рода дефектов в охранительной сфере нематериальных благ пытались предупредить еще советские правоведы. Так, в частности, Е.А. Флейшиц писала: «Имущественное возмещение неимущественного вреда, которое по существу представляет собой перевод на деньги таких благ, как жизнь, здоровье, честь, творческие достижения человека, несовместимо с основными воззрениями советского социалистического общества, с его высоким уважением к личности человека» [17. С. 349].

Полагаем, что требование о компенсации морального вреда не может использоваться в качестве единственного (основного) способа защиты личных неимущественных прав гражданина в результате посягательства на принадлежащие ему нематериальные блага. Такое требование может использоваться как охранительное средство лишь в дополнение к иным (основным) способам защиты, носящим исключительно неимущественный характер. Используя данную формулу применения требования компенсации морального вреда, нетрудно определить и пределы его применения с точки зрения тех личных прав граждан, для защиты которых оно может использоваться. В качестве таких пределов, на наш взгляд, могут являться лишь личные права граждан, объектами которых выступают честь, достоинство и деловая репутация гражданина.

Примечания

¹ Представляется, что термин «личное благо» в большей степени соответствует существу тех ценностей, которые в действующем гражданском законодательстве обозначаются термином «нематериальные блага». Дело в том, что и результаты интеллектуальной деятельности по своей сути являются нематериальными благами, поскольку представляют собой идеальные объекты. Термин «личное благо» для обозначения жизни, здоровья, личной неприкосновенности и многого того, что наш гражданский закон относит к числу нематериальных благ, активно использовал, в частности, М.М. Агарков [1. С. 110].

² Данный подход последовательно проводился в учебной литературе на протяжении многих десятилетий (см., напр.: [5. С. 191–194; 6. С. 168–195]).

³ Отнесение данного случая ко второй группе обусловлено тем, что общая модель компенсации морального вреда основана на том, что посягательство на нематериальное благо выражается в совершении активного действия.

Список источников

1. Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. Т. 1: Социальная ценность частного права и отдельных институтов общей части гражданского права. М. : Статут, 2012. 428 с.
2. Иоффе О.С. Советское гражданское право : курс лекций: Общая часть. Право собственности. Общие учение об обязательствах. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. 511 с.
3. Гражданское право : учебник : в 3 т. / под ред. А.П. Сергеева. М. : РГ-Пресс, 2010. Т. 1. 1008 с.
4. Флейшиц Е.А. Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. М. : Статут, 2015. Т. 1. 512 с.
5. Советское гражданское право : учебник. Т. 1 / отв. ред. В.П. Грибанов, С.М. Корнеев. М. : Юрид. лит., 1979. 550 с.
6. Гражданское право : учебник. Ч. 1 / под ред. Т.И. Илларионовой, Б.М. Гонгалов, В.А. Плетнева. М. : Норма; ИНФРА-М, 1998. 464 с.
7. Определение СК по гражданским делам ВС РФ от 08.07.2019 № 56-КГПР19-7 // Верховный Суд Российской Федерации. URL: https://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=1792116 (дата обращения: 26.03.2024).
8. Гончарова В.А. Актуальные проблемы компенсации морального вреда лицам, потерпевшим от преступлений, в контексте учения о гражданско-правовой ответственности // Тенденции развития законодательства о деликтных обязательствах (Медведевские чтения 2023) : сб. материалов междунар. науч.-практ. конфер. памяти М.Ф. Медведева. Волгоград, 2023. С. 23–25.
9. Гончарова В.А. Компенсация морального вреда потерпевшим от преступлений в контексте противоречий высших судов // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76, № 8 (201). С. 42–51.
10. Рябинин Н.А., Филипсон К.Ю. Вопросы компенсации морального вреда (по материалам постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации) // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2023. № 2 (60). С. 124–129.
11. Губаева А.К., Ли Чж., Кратенко М. В. Базовый дискурс деликтного права в контексте разъяснений Верховного Суда РФ о компенсации морального вреда // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. Вып. 2 (60). С. 257–284.
12. Определение СК по гражданским делам ВС РФ от 21.06.2022 № 15-КГ22-1-К1 // Верховный Суд Российской Федерации. URL: https://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=2135224 (дата обращения: 26.03.2024).

13. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.03.2023 № 7-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 17 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.В. Григорьевой» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303070001> (дата обращения: 26.03.2024).
14. Ломакин Д.В. Научные взгляды С.М. Корнеева на проблему компенсации морального вреда в свете развития цивилистической доктрины и гражданского законодательства // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2023. № 3. С. 15–32.
15. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М.: Госюриздат, 1950. 367 с.
16. Серебровский В.И. Избранные труды по наследственному и страховому праву. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2003. 558 с.
17. Флейшиц Е.А. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. М.: Статут, 2015. Т. 2. 720 с.

References

1. Agarkov, M.M. (2012) Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: v 2 t. T. 1: Sotsial'naya tsennost' chastnogo prava i otdel'nykh institutov obshchey chasti grazhdanskogo prava. M.: Statut, 428 s.
2. Ioffe, O.S. (1958) Sovetskoe grazhdanskoe pravo: Kurs lektsiy: Obshchaya chast'. Pravo sobstvennosti. Obshchee uchenie ob obyazatel'stvakh. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 511 s.
3. Sergeev, A.P. (ed.) (2010) Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 3 t. / M.: RG-Press, T. 1. 1008 s.
4. Fleyshits, E.A. (2015) Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: v 2 t. M.: Statut, T. 1. 512 s.
5. Griбанov, V.P. & Korneev, S.M. (eds) (1979) Sovetskoe grazhdanskoe pravo: Uchebnik. T. 1 / M.: Yuridicheskaya literatura, 550 s.
6. Illarionova, T.I., Gongalo, B.M. & Pletnev, V.A. (eds) (1998) Grazhdanskoe pravo: uchebnik. Ch. 1 / M.: Norma; INFRA-M, 464 s.
7. Opredelenie SK po grazhdanskim delam VS RF ot 08.07.2019 No. 56-KGPR19-7 // Verkhovnyy Sud Rossiyskoy Federatsii. [Online] Available from: https://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=1792116 (data obrashcheniya: 26.03.2024).
8. Goncharova, V.A. (2023) Aktual'nye problemy kompensatsii moral'nogo vreda litsam, poterpевшим ot prestupleniy, v kontekste ucheniya o grazhdansko-pravovoy otvetstvennosti // Tendentsii razvitiya zakonodatel'stva o deliktnykh obyazatel'stvakh (Medvedevskie chteniya 2023): Sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konfer. pamyati M.F. Medvedeva. Volgograd, pp. 23–25.
9. Goncharova, V.A. (2023) Kompensatsiya moral'nogo vreda poterpевшим ot prestupleniy v kontekste protivorechiy vysshikh sudov // Lex Russica (Russkiy zakon). T. 76, No. 8(201). pp. 42–51.
10. Ryabinin, N.A. & Filipson, K.Yu. (2023) Voprosy kompensatsii moral'nogo vreda (po materialam postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii) // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. No. 2 (60). pp. 124–129.
11. Gubaeva, A.K., Li, Chzh. & Kratenko, M.V. (2023) Bazovyy diskurs deliktного prava v kontekste raz'yasneniy Verkhovnogo Suda RF o kompensatsii moral'nogo vreda // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. Vyp. 2 (60). С. 257–284.
12. Opredelenie SK po grazhdanskim delam VS RF ot 21.06.2022 No. 15-KG22-1-K1 // Verkhovnyy Sud Rossiyskoy Federatsii. [Online] Available from: https://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=2135224 (data obrashcheniya: 26.03.2024).
13. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 02.03.2023 No. 7-П "Po delu o proverke konstitutsionnosti punkta 2 stat'i 17 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhaloboy grazhdanki M.V. Grigor'evoy" // Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii. [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303070001> (data obrashcheniya: 26.03.2024).
14. Lomakin, D.V. (2023) Nauchnye vzglyady S.M. Korneeva na problemu kompensatsii moral'nogo vreda v svete razvitiya tsivilisticheskoy doktriny i grazhdanskogo zakonodatel'stva // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo. No. 3. pp. 15–32.
15. Bratus', S.N. (1950) Sub'ekty grazhdanskogo prava. M.: Gosyurizdat, 367 s.
16. Serebrowskiy, V.I. (2003) Izbrannye trudy po nasledstvennomu i strakhovomu pravu. Izd. 2-e, ispr. M.: Statut, 558 s.
17. Fleyshits, E.A. (2015) Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: v 2 t. M.: Statut, T. 2. 720 s.

Информация об авторах:

Соломин С.К. – д-р юрид. наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия); профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России (Новокузнецк, Россия). E-mail: sksolomin@mail.ru

Соломина Н.Г. – д-р юрид. наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия); профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России (Новокузнецк, Россия). E-mail: ngsolomina@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.K. Solomin, Dr. Sci. (Law), professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation); professor, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: sksolomin@mail.ru

N.G. Solomina, Dr. Sci. (Law), professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation); professor, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: ngsolomina@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.03.2024;
одобрена после рецензирования 31.05.2024; принята к публикации 30.06.2024.*

*The article was submitted 28.03.2024;
approved after reviewing 31.05.2024; accepted for publication 30.06.2024.*